ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ФАНТАСТИКИ

АЛЬФРЕД БЕСТЕР

ТИГР! ТИГР!

Тигр! Тигр! (сборник)
Альфред Бестер

Аннотация
Альфред Бестер. Тигр! Тигр!
Человек разрушенный
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
Тигр! Тигр!
Пролог

Часть первая
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Часть вторая
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Звездная вспышка
Феномен исчезновения
Адам без Евы
Звездочка светлая, звездочка ранняя
От автора
Мои каникулы
Аттракцион
Одди и Ид

5 271 009
Путевой дневник
Убийственный Фаренгейт
Выбор
Упрямец
О времени и Третьей авеню

Аннотация

Яркие, энергичные, полные отсылок и скрытого смысла романы и рассказы самого «Мастера пиротехники» — Альфреда Бестера. Писателя, совершившего стилистический прорыв из «Золотого века» в «Новую волну» и ставшего предтечей «киберпанка».

«Человек разрушенный» — мир XXIV века без убийств, утопия с телепатической полицией. Бен Рейх, эгоистичный магнат, становится на путь преступления.

«Тигр! Тигр!» — Гулливер Фойл, жертва гражданской войны между Землей и Внешними Планетами, одержим и готов ради мести на все!

«Звездная вспышка» — сборник лучших рассказов, ставших каноном для всех современных фантастов.

Тексты публикуются в полных расширенных переводах.

Альфред Бестер
Тигр! Тигр!

© К. Сташевски, перевод на русский язык, 2019
© В. Баканов, перевод на русский язык, 2019
© В. Гольдич, И. Оганесова, перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2019

Человек разрушенный

Посвящается Хорасу Голду

В бесконечной Вселенной не существует ничего нового, ничего неповторимого. Что кажется исключительным быстротечному уму человека, то представляется неизбежным на взгляд бескрайней зеницы Господней. Странный жизненный миг, необычайное происшествие, поразительное сочетание обстоятельств, возможностей и взаимоотношений — все это снова и снова воспроизводится на планете у солнца, чья галактика совершает один оборот за двести миллионов лет и совершила их уже девять[1].

Беспредельно множество цивилизаций и миров, существовавших и существующих. Все они тешили себя тщеславным заблуждением, будто во времени и пространстве не было и нет других подобных. Бесчисленно количество людей, подверженных такой же мании величия. Они воображают себя единственными, неповторимы-

[1] Примечания: 1

Корректнее здесь говорить о том, что Солнце со своими планетами совершает оборот вокруг центра Галактики — но за несколько больший срок, от 225 до 250 млн лет. Кроме того, общий возраст Галактики оценивается в 54 таких оборота, а не 9.

ми, незаменимыми. Их будет еще множество… множество плюс бесконечность.

1

Взрыв! Сотрясение! Двери подвала настежь. И вот, глубоко внутри: горы денег, легкая добыча, только хватай. Но чу! Кто это в подвале? О, боже! Человек Без Лица! Смотрит. Зловеще. Безмолвный. Жуткий. Бежать… бежать…

Бежать, или я пропущу пневмопоезд на Париж, упущу эту роскошную цыпочку — лицо как цветок, фигура сама страсть. Если пуститься бежать, время останется. Ну, если у врат уже не поджидает кто-нибудь из Гильдии. Иисусе! Человек Без Лица. Смотрит. Зловеще. Безмолвный. Не ори. Перестань орать…

Но я не ору. Я пою на сцене из искрящегося мрамора, налетает музыка, пылают огни. А в амфитеатре никого. Огромная яма, полная теней… пустая, не считая единственного зрителя. Безмолвный. Смотрит. Зловеще. Человек Без Лица.

А на этот раз прозвучал крик.

Бен Рейх проснулся.

Он неподвижно лежал на гидротерапевтической кровати. Сердце колотилось, глаза фоку-

сировались на случайных предметах, оббегая комнату; он изображал спокойствие, которого не чувствовал. Стены из зеленого нефрита; фарфоровый ночник в виде китайца, который может кивать головой до бесконечности, стоит его коснуться; мультичасы, отображавшие время трех планет и шести спутников; наконец, сама кровать, кристаллический бассейн, наполненный газированным глицерином при температуре 99.9 по Фаренгейту[2].

Дверь неслышно отворилась, из сумрака возник Джонас: тень в темно-красной пижаме, с лошадиной физиономией и манерами гробовщика.

— Опять? — спросил Рейх.

— Да, мистер Рейх.

— Громко?

— Очень громко, сэр. Испуганно.

— Язык прикуси, — рявкнул Рейх. — Я никогда ничего не пугаюсь.

— Да, сэр.

— Проваливай.

— Как скажете, сэр. Спокойной ночи, сэр.

Джонас отступил на шаг и закрыл дверь.

---

[2] Примечания: 2
Около 37.7 по Цельсию.

— Джонас! — крикнул Рейх.

Дворецкий возник снова.

— Прости, Джонас.

— О, все в порядке, сэр.

— Нет, — чарующе улыбнулся ему Рейх. — Я к тебе отношусь, словно ты мой родственник. Я недостаточно хорошо тебе оплачиваю такое привилегированное отношение.

— О нет, сэр.

— В следующий раз, как рявкну на тебя, огрызайся. С какой стати мне одному веселиться?

— Но, мистер Рейх…

— Сделай так, как я сказал, и получишь прибавку к окладу.

Улыбка сверкнула опять.

— Это все, Джонас. Благодарю.

— Не за что, сэр.

Дворецкий ретировался.

Рейх поднялся с постели и растер себя полотенцем перед зеркалом гардеробной, практикуя улыбку.

— Заводи себе врагов сознательно, — пробормотал он, — а не по воле случая.

Он взглянул на свое отражение: тяжелые плечи, узкие бока, длинные мускулистые ноги… изящная посадка головы, широкие глаза, точеный нос,

маленький чувственный рот, губы искривлены от недовольства.

— Ну почему? Я бы не поменялся внешностью с дьяволом, а положением — с Богом. Зачем кричать? — проговорил он.

Он натянул халат и бросил взгляд на часы, не осознавая, что охватывает взором панораму времен Солнечной системы с легкостью, которая бы поставила в тупик его предков. На циферблатах значилось:

2301 год					
ВЕНЕРА		ЗЕМЛЯ		МАРС	
22-й ср-солн.		15 февраля		35 дуодекабря	
Полдень + 09		02:05 по Гринвичу		22:20 по Б. Сирту	
ЛУНА	ИО	ГАНИМЕД	КАЛЛИСТО	ТИТАН	ТРИТОН
2:3	1:1	6:8 (затм.)	13:12	15:3 (прох.)	4:9

Ночь, полдень, лето, зима... Рейх не задумываясь оттарабанил бы время суток и года на любом меридиане любого небесного тела Солнечной

системы. Здесь, в Нью-Йорке, после ночи горьких снов наступало столь же горькое утро. Придется выкроить несколько минут для визита к эсперу-психиатру, работавшему на него. Крики должны прекратиться.

— Э: Эспер, — пробормотал он. — Эспер, экстрасенс… Телепаты, чтецы мыслей, мозговые соглядатаи. Легко надеяться, что врач-телепат положит конец крикам. Легко надеяться, что эспер с докторской степенью по медицине стоит своих денег, что он сможет заглянуть тебе в башку и прекратить вопли. Гребаные чтецы мыслей, величайший, дескать, прорыв с той поры, как эволюция породила Homo sapiens. Э: Эволюция. Ублюдки! Э — это Эксплуатация!

Он рванул на себя дверь, содрогаясь от ярости.

— Но я не боюсь! — завопил он. — Я никогда не пугаюсь.

Он двинулся по коридору, нервно клацая подошвами сандалий по серебристому полу: клак-тат-клак-тат-клак-тат-клак-тат. Он был равнодушен ко сну прислуги и не подозревал, что это костяное клацанье в ранний час пробудило двенадцать человек, наполнив их сердца ненавистью и страхом. Дернув за ручку двери комнаты психоаналитика, он ввалился внутрь и бухнулся

на ку— шетку.

Карсон Брин, эспер-2, доктор медицины, уже проснулся и ожидал его. Штатный психоаналитик Рейха спал так, как спит чуткая сиделка: все время настороже, но так, что пробудить его могла лишь насущная потребность пациента. Одного вопля Брину хватило. Доктор сидел рядом с кушеткой в элегантном расшитом халате (ему платили двадцать тысяч кредитов в год), весь внимание (работодатель человек щедрый, но придирчивый).

— Начнем же, мистер Рейх.

— Снова этот Человек Без Лица, — проворчал Рейх.

— Кошмары?

— Слышь, ты, кровосос, хватит отлынивать, загляни в меня и увидишь!.. Нет, прости, сущее мальчишество… Да, снова кошмары. Я пытался ограбить банк. Потом пытался успеть на поезд. Потом кто-то пел. Наверное, я сам. Я пытаюсь как можно лучше все представить. Вряд ли что-то упускаю… — Длинная пауза. Наконец Рейх не выдержал: — Ну как? Что-нибудь нащупал?

— Вы настаиваете, мистер Рейх, что не в состоянии опознать Человека Без Лица. Так ли это?

— А как бы я?.. Я его ни разу не видел. Я знаю

только, что…

— А я полагаю, что вы это можете. Вы просто не хотите.

— Слышь, ты! — взорвался Рейх в припадке пристыженной ярости. — Я тебе двадцать тыщ плачу. Если ты ни на что не способен, кроме подобного маразма, я…

— Вы действительно имели в виду то, что сейчас сказали, мистер Рейх, или это просто следствие общего вашего тревожного состояния?

— Я не тревожусь! — вскричал Рейх. — Я не боюсь. Я никогда…

Он осекся, почувствовав себя идиотом: чуткий разум телепата без труда проникает под завесу оборонительных речей.

— Ты все равно ошибаешься, — кисло протянул он. — Не знаю я, кто это. Человек Без Лица, и все.

— Мистер Рейх, вы отвергаете ключевые аспекты. Вы должны заставить себя их увидеть. Испытаем метод свободных ассоциаций. Пожалуйста, без слов. Просто думайте. Грабеж…

Драгоценности… часы… алмазы… акции… облигации… суверенные обязательства… подделка… наличка… драгоценные слитки… курт…

— Ну-ка, ну-ка, что это было?

Просто оговорка. Мысленная. Имел в виду ко-

рунды… неограненные драгоценные камни.

— Это не оговорка. Это важная поправка или, точнее сказать, модификация. Продолжим. Пневмопоезд…

Длинный… вагон… купе… последний… кондиционер… Чушь какая-то.

— Это не чушь, мистер Рейх. Это игра слов с эротическим оттенком. Подставьте *наследный* вместо *последний* и поймете, о чем я. Пожалуйста, продолжайте.

— Ишь, какие вы сообразительные, щупачи. Посмотрим. Пневмопоезд… *поезд… подземка… сжатый воздух… сверхзвук… Мы транспортируем вас в транспортные средства… слоган компании… Какой компании? Как она называется-то, блин? Не помню. Откуда вообще это вылезло?*

— Из подсознания, мистер Рейх. Еще одна попытка, и вы начнете понимать. Амфитеатр.

Кресла… оркестровая яма… балкон… ложи… стойла… конюшни… марсианские лошади… марсианские пампасы…

— Вот оно, мистер Рейх. Марс. За последние шесть месяцев вам приснилось девяносто семь кошмаров с Человеком Без Лица. Он стал вашим постоянным врагом, раздражителем, подстрекателем кошмаров, у которых наличествуют три

общих элемента. Финансы, транспорт и Марс. Снова и снова… Человек Без Лица, финансы, транспорт и Марс.

— Мне это ни о чем не говорит.

— А должно, мистер Рейх. Вы наверняка можете опознать эту жуткую фигуру. Иначе зачем вы пытаетесь скрыться от нее, отвергая вид ее лица?

— Я ничего не отвергаю.

— И вот дополнительные ключи: измененное слово *курт* и забытое название компании, чей слоган звучит как: «*Мы транспортируем вас в транспортные средства*».

— Я же тебе говорю, я не в курсе, кто это. — Рейх вскочил с кушетки. — Никакого толку от твоих ключей. Не могу я его опознать.

— Человек Без Лица страшит вас не потому, что он безлик. Вы знаете, кто он. Вы его боитесь и ненавидите, но вы знаете, кто он.

— Ты у нас щупач. Ты мне скажи.

— Есть предел моих способностей, мистер Рейх. Глубже в ваш разум я проникнуть без содействия не могу.

— Что ты имеешь в виду — без содействия? Ты лучший врач-эспер, которого можно нанять. Я…

— Вы так не думаете, мистер Рейх, и не имеете в виду то, что говорите. Вы осознанно наняли

эспера второго класса — как раз с тем, чтобы обезопасить себя в подобной чрезвычайной ситуации. Теперь вы поплатились за свою осторожность. Если хотите, чтобы крики прекратились, проконсультируйтесь с кем-нибудь первоклассным… например, Огастесом Тэйтом, Гартом или Сэмюэлем @кинсом.

— Я подумаю, — пробормотал Рейх и развернулся к выходу.

Когда он открывал дверь, Брин окликнул его:

— Между прочим, *Мы транспортируем вас в транспортные средства* — слоган картеля д'Куртнэ. Есть ли здесь связь с искажением *курт* вместо *корунд*? Поразмыслите.

Человек Без Лица!

Не колеблясь, Рейх опустил калитку на мысленном пути от своего разума к уму Брина и заспешил вниз по коридору к своей спальне. Его охватила дикая ненависть.

Он прав. Это д'Куртнэ заставляет меня орать. Не потому, что я его боюсь. Я себя боюсь. Я все время знал. Знал в глубине души. Я знал, что рано или поздно, встав лицом к лицу с этим, буду вынужден прикончить ублюдка д'Куртнэ. У него нет лица, потому что это лицо убийства.

Одетый с иголочки и в прескверном настро-

ении, Рейх вылетел из своих апартаментов и спустился на улицу, где его подхватил джампер «Монарха» и слитным грациозным скачком вознес на вершину исполинской башни, вмещавшей сотни этажей и тысячи сотрудников нью-йоркского офиса «Монарха». Башня «Монарха» представляла собой центральную нервную систему немыслимо огромной корпорации, пирамиды транспорта, коммуникаций, тяжелой промышленности, производства, маркетинга, исследований, опытных разработок, импорта. «Монарх Ютилитис & Рисорсес, Инкорпорейтед» покупала и продавала, выменивала и дарила, творила и разрушала. Сплетение дочерних компаний и субсидируемых организаций холдинга было так сложно, что эспер-аудитор второго класса разруливал лабиринтоподобные финансовые потоки весь рабочий день напролет.

Рейх вошел в офис. По пятам за ним следовали старшая секретарша, эспер-3, и ее помощницы с грузом утренней документации.

— Оставьте здесь и катитесь, — рявкнул он.

Те сгрузили бумаги и кристаллы памяти на стол и убрались — поспешно, однако без недовольства. Они привыкли к его вспышкам гнева. Рейх устроился за столом, все еще дрожа от гнева, но

чувство это уже переходило в жажду кровавого возмездия д'Куртнэ.

Наконец он пробормотал:

— Ладно, дам мерзавцу еще один шанс.

Он отпер стол, выдвинул сейфовый ящик и извлек шифровальный справочник, предназначенный для глав компаний с четверным рейтингом А-1 по Ллойду. Большая часть необходимой информации содержалась в середине томика.

QQBA	ПАРТНЕРСТВО
RRCB	ОБЕ НАШИХ
SSDC	ОБЕ ВАШИХ
TTED	СЛИЯНИЕ
UUFE	ИНТЕРЕСЫ
VVGF	ИНФОРМАЦИЯ
WWHG	ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПРИНЯТО
XXJH	ОБЩЕИЗВЕСТНО
YYJI	ПРЕДЛАГАЮ
ZZXJ	КОНФИДЕНЦИАЛЬНО
AALK	В РАВНЫХ ДОЛЯХ
BBML	КОНТРАКТ

Заложив нужное место в шифровальном справочнике, Рейх включил видеофон и сказал оператору внутренней связи на экране:

— Кодовый отдел дай.

Экран ярко осветился, и на нем появилась картинка комнаты, наполненной сигаретным дымом, книгами и катушками ленты. Бледный человек в выцветшей рубашке глянул на экран и тут же оживился:

— Слушаю, мистер Рейх.

— Утро доброе, Хэссоп. Да, судя по всему, тебе нужен отпуск. — *Заводи себе врагов сознательно.* — Отправляйся-ка на недельку в Космолэнд. За счет «Монарха».

— Спасибо, мистер Рейх. Большое вам спасибо.

— Следующее послание конфиденциально. Крэю д'Куртнэ. Диктую… — Рейх сверился с шифросправочником. — YYJI TTED RRCB UUFE AALK QQBA. И чтоб ответ быстрей ракеты доставили. Ясно?

— Ясно, мистер Рейх. Быстрей ракеты.

Рейх отключился, запустил руку в кучу бумаг и кристаллов на столе, выудил наудачу один кристалл и бросил в проигрыватель. Голос старшей секретарши сказал:

— «Монарх»: общее падение 2,1134 %. Картель

д'Куртнэ: общий прирост 2,1130 %…

— Черт побери! — простонал Рейх. — Из моего кармана прямо к нему.

Он выключил проигрыватель и поднялся, снедаемый нетерпением. Ответа, не исключено, придется ждать долгие часы. Вся его жизнь зависела сейчас от этого ответа д'Куртнэ. Он покинул офис и начал слоняться по этажам и отделам башни «Монарха», изображая безжалостно дотошного ревизора, каким часто становился для своих сотрудников. Эспер-секретарша, не привлекая внимания, сопровождала его, подобно натасканной собаке.

Натасканной суке, подумал Рейх, а вслух сказал:

— Извини. Ты это прощупала?

— Ничего страшного, мистер Рейх. Я вас понимаю.

— Серьезно? Ой, не думаю. Гребаный д'Куртнэ!

В рекрутерском градосекторе тестировали, проверяли и сканировали привычную массу претендентов… клерки, рабочие, специалисты, менеджеры среднего звена, топовые эксперты. Предварительная оценка выполнялась при помощи стандартных тестов и интервью, но старший эспер-рекрутер «Монарха» никогда не бывал ею

доволен: вот и сейчас, когда появился Рейх, он мерил шагами кабинет в ледяной ярости. Секретарша Рейха телепатически предупредила его о визите, но рекрутера это не проняло.

— На финальное личное собеседование с претендентом у меня есть десять минут, — отрывисто пояснял он ассистентке. — Шесть человек в час, сорок восемь в день. Я трачу время зря, если процент первичных отказов падает ниже тридцати пяти; следовательно, ты тратишь зря время «Монарха». Меня «Монарх» не затем нанял, чтобы отсеивать явно не подходящих кандидатов. Это твоя работа. Выполняй ее. — Он развернулся к Рейху и с педантичным видом кивнул: — Доброе утро, мистер Рейх.

— Доброе. Проблемы?

— Ничего такого, что нельзя было бы уладить, как только ваши люди поймут, что экстрасенсорика — не чудо, а ремесло с почасовой оплатой. Каково ваше решение по Блонну, мистер Рейх?

Секретарша: *Он еще не читал вашего отчета.*

Смею заметить, барышня, что мои таланты пропадают втуне, если не используются с максимальной эффективностью. Доклад по Блонну уже три дня как представлен мистеру Рейху.

— Кто такой этот Блонн, черт побери? — спро-

сил Рейх.

— Для начала, мистер Рейх, позвольте ввести вас в курс дела. В Эспер-Гильдии примерно сто тысяч (100 000) эсперов третьего класса. Эспер-3 способен считывать сознательный уровень разума — понять, о чем субъект думает в данный момент. Третий класс — низший для телепатов. Большая часть сотрудников службы безопасности «Монарха» — третьеклассные. У нас более пятисот…

Он это знает. Это все знают. Ближе к делу!

Если вы не против, я предпочел бы продвигаться к цели удобным мне маршрутом.

— Далее, в Гильдии насчитывается примерно десять тысяч эсперов второго класса, — ледяным тоном продолжал старший рекрутер. — Таких экспертов, как я сам: они способны проникать на подсознательный уровень разума. Большинство эсперов второго класса — профессионалы: врачи, адвокаты, инженеры, преподаватели, экономисты, архитекторы и так далее.

— И вы обходитесь мне в целое состояние, — проворчал Рейх.

— Почему бы и нет? Наши услуги уникальны. «Монарх» это понимает. В «Монархе» трудоустроены более сотни второклассных.

Вы перейдете когда-нибудь к делу или нет?

— И наконец, в Гильдии насчитывается менее тысячи эсперов первого класса. Первоклассные эсперы способны проникать ниже сознательных и подсознательных уровней… в бессознательное, на нижние ярусы разума. К первозданным базовым желаниям и так далее. Эти специалисты, естественно, оплачиваются по высшему разряду. Они заняты в сфере образования, специальных отраслях медицины… такие аналитики, как Тэйт, Гарт, @кинс, Мозель… криминалисты вроде Линкольна Пауэлла из психотического отдела полиции… политологи, дипломаты, доверенные советники правительства и так далее. Пока что «Монарху» еще не удавалось нанять ни одного первоклассного.

— И? — буркнул Рейх.

— Такой шанс выпал, мистер Рейх, и думаю, что Блонн может им соблазниться. Коротко говоря…

Ну надо же.

— Коротко говоря, мистер Рейх, «Монарх» нанимает так много эсперов, что я предлагаю учредить специальное рекрутерское подразделение по работе с эсперами во главе с первоклассным эспером вроде Блонна, которое будет заниматься исключительно собеседованиями с телепатами.

Он размышляет, почему вы сами не справляетесь.

— Я уже предоставил вам обоснование моей неспособности справиться с этой работой, мистер Рейх. Я эспер второго класса. Я могу быстро и эффективно протелепатировать обычных кандидатов, но с другими эсперами так же быстро и эффективно уже не справлюсь. Все эсперы пользуются мыслеблоками различной эффективности, смотря по рейтингу. У меня уйдет больше часа, чтобы как следует просканировать эспера-3, и более трех часов на эспера-2. А мыслеблок эспера-1 мне скорее всего так и не удастся пробить. Для такой работы необходим эспер-1 вроде Блонна. Это чрезвычайно дорогое удовольствие, не спорю, но мы должны спешить.

— А к чему такая спешка? — спросил Рейх.

Бога ради, не рассказывайте! Это не диверсия. Новость на него подействует, словно красная тряпка на быка. Он и так накручен.

Это моя работа, мадам.

И Рейху:

— Дело в том, сэр, что мы нанимаем не лучших эсперов. Картель д'Куртнэ снимает сливки. Снова и снова, стесненные в инструментах работы, мы проигрываем д'Куртнэ: нам подбрасывают в

качестве приманки посредственных кандидатов, а картель д'Куртнэ тем временем спокойно забирает лучших.

— Будь ты проклят! — завизжал Рейх. — Будь проклят, д'Куртнэ! Ну ладно. Уладь это дело. И прикажи своему Блонну, чтобы начинал контроперацию против д'Куртнэ. Сам тоже лясы не точи.

Рейх вылетел из рекрутерского градосектора и отправился к продажникам. Его ждали аналогичные неприятные известия. «Монарх Ютилитис & Рисорсес» проигрывала картелю д'Куртнэ решающее сражение. В каждом градосекторе одно и то же: у рекламщиков, инженеров, научников, пиарщиков. Следовало примириться с поражением. Рейх понимал, что загнан в угол.

Возвратясь к себе в офис, он пять минут гневно мерил помещение шагами.

— Без толку, — пробормотал он. — Знаю, придется его убить. Он не примет предложения о слиянии. С какой бы радости? Он меня прижучил и знает это. Придется его убить, и мне будет нужна помощь. Помощь щупача.

Он включил видеофон и сказал оператору:

— Зону отдыха мне.

На экране возник блистающий зал, отделан-

ный хромированным металлом и эмалью, с игровыми столиками и разливочным автоматом за барной стойкой. Он походил на зону отдыха и использовался в этом качестве, а еще — как штаб-квартира могущественного шпионского подразделения «Монарха». Директор, бородатый ученый по фамилии Уэст, вскинул глаза от доски с шахматной задачей и поднялся.

— Доброе утро, мистер Рейх.

Рейха насторожило это формальное *мистер*. Он ответил:

— Доброе утро, мистер Уэст. Обычная проверка. Отцовские чувства и всякое такое, вы знаете. Как там наши развлекаются?

— Умеренно, мистер Рейх. Но, сэр, я вынужден пожаловаться вам на чрезмерное увлечение азартными играми.

Уэст продолжал чопорную болтовню, пока парочка ничего не подозревающих служащих «Монарха» не допила свои коктейли и не отбыла. Потом он расслабился и осел в кресло.

— Все чисто, Бен. Выкладывай.

— Эллери, а Хэссоп уже взломал конфиденциальный код?

Щупач покачал головой.

— А пытался?

Уэст с улыбкой покивал.

— Где д'Куртнэ?

— На борту *Астры*, направляется к Терре.

— Тебе известны его планы? Где он остановится?

— Нет. Хочешь, я проверю?

— Не знаю. Зависит от того…

— От чего? — с любопытством поглядел на него Уэст. — Бен, я жалею, что телепатический мотив не передается по телефону. Хотел бы я знать, о чем ты думаешь.

Рейх мрачно усмехнулся:

— Благословен будь телефон. Хоть какая-то защита от вас, чтецов мыслей. Эллери, какого ты мнения о преступлениях?

— Мое мнение типично.

— Для всех?

— Для Гильдии. Гильдии это не понравится, Бен.

— Ну а что такого в Эспер-Гильдии? Ты знаешь меру денег и успеха. Почему бы тебе с ними не порвать? Почему ты позволяешь Гильдии думать за тебя?

— Ты не понимаешь. Мы рождаемся в Гильдии. Мы живем в Гильдии. Мы умираем в Гильдии. У нас есть право избирать руководство Гильдии,

и на этом все. Гильдия управляет нашей профессиональной жизнью. Учит нас, присваивает ранги, устанавливает моральные стандарты, следит, чтобы мы их придерживались. И, подобно врачебным профсоюзам, защищает нас, защищая обычных людей. У нас свой аналог клятвы Гиппократа. Так называемый Обет Эспера. Да смилостивится Господь над любым его нарушителем… а я полагаю, что именно к такому нарушению ты меня подталкиваешь.

— Возможно, и так, — напряженным тоном отвечал Рейх. — А может, я намекаю, что о таком нарушении стоит подумать. Намекаю на деньги… сумму большую, чем любой щупач второго класса за всю жизнь заработает.

— Забудь, Бен. Меня это не интересует.

— Ладно, представь, что нарушил клятву. Что произойдет?

— Меня подвергнут остракизму.

— И всё? А что в этом ужасного? У тебя в кармане целое состояние. Умные щупачи уже рвали связи с Гильдией, их подвергали остракизму. Ну и что? Эллери, бери голову в руки.

Уэст сухо усмехнулся:

— Бен, тебе этого не понять.

— А ты сделай так, чтоб я понял.

— Ты упомянул изгнанных щупачей… вроде Джерри Черча? Не очень-то они умны оказались. — Уэст некоторое время размышлял. — Представь себе вот что. Когда хирургия еще пребывала в зачаточной стадии, существовали инвалиды-глухонемые.

— Неспособные ни говорить, ни слышать?

— Да. Они общались на языке жестов. И это означало, что ни с кем, кроме других таких же глухонемых, общаться не могли. Ты понял? Жить в общине таких же, как ты, или не жить вообще. Если с друзьями поговорить не получается, человек с ума сходит.

— Ну и?

— Некоторые прибегали к рэкету. Собирали дань с более успешных глухонемых. Если бы жертва отказалась платить, ее подвергли бы остракизму. Жертва не отказывалась никогда. Выбор простой: платишь или живешь в одиночестве, сходя с ума.

— Ты хочешь сказать, что вы, щупачи, вроде тех глухонемых?

— О нет, Бен. Глухонемые — это вы, нормалы. Если кто-то из нас вынужден жить среди вас один, он сходит с ума. Поэтому оставь меня в покое. Если ты задумал что-нибудь скверное, я

ничего не хочу об этом знать.

С этими словами Уэст отключился. Рейх взревел от ярости, схватил золотое пресс-папье и швырнул в кристаллический экран. Не успели еще упасть все осколки, а он уже вылетел в коридор и кинулся к выходу из здания. Секретарша-щупачка знала, куда он направляется. Щупач-водитель знал, куда он поедет. Рейх вернулся домой, где его встретила щупачка-экономка, предложила ранний ланч и настроила меню на невысказанные пожелания Рейха. Немного уняв ярость, Рейх побрел в кабинет и подошел к сейфу, светящемуся в углу.

Сейф представлял собой обычный стеллаж для документов, имевший форму пчелиной соты и рассогласованный на один цикл с определенным колебательным сигналом. Стоило фазе сейфа и сигнала совпасть, и стеллаж озарялся ярким пульсирующим сиянием. Сейф можно было открыть лишь узором пор на левом указательном пальце Рейха, который не поддавался копированию.

Рейх вложил кончик пальца в центр сияния. Свет померк, появился стеллаж в форме пчелиной соты. Удерживая палец, он извлек из сейфа небольшую черную записную книжку и большой красный конверт. Убрал указательный палец, и

сейф снова рассогласовало.

Рейх начал листать страницы записной книжки.

АВАНТЮРИСТЫ… **АНАРХИСТЫ**… **АФЕРИСТЫ**… **ВЗЯТОЧНИКИ (ДОКАЗ.)**… **ВЗЯТОЧНИКИ (ПОТЕНЦ.)**… Среди **ВЗЯТОЧНИКОВ (ПОТЕНЦ.)** значились пятьдесят семь влиятельных персон, в том числе Огастес Тэйт, доктор медицины, эспер-1. Рейх удовлетворенно покивал.

Он вскрыл красный конверт и занялся его содержимым. В конверте оказались пять листов бумаги, убористо исписанных от руки столетия назад. Послание от основателя «Монарх Ютилитис», предка Рейхсклана. Четыре страницы были озаглавлены ПЛАН A, ПЛАН B, ПЛАН C, ПЛАН D соответственно. Пятый лист начинался словом ПРЕДИСЛОВИЕ. Рейх медленно разбирал древний паутинно-тонкий курсивный почерк.

Тем, кто наследует мне: мерилом интеллекта является отказ обсуждать очевидности. Если уж вы вскрыли это послание, значит, мы понимаем друг друга. Я приготовил четыре общих плана убийств, которые могут вам пригодиться. Я завещаю их вам в числе прочего имущества Рейха. Это черновые варианты. Детали вам надлежит восполнить самим, сообразуясь с требованиями времени, окружения и необходимости. Но будьте осторожны: суть убийства не меняется никогда. В каждую эпоху это конфликт убийцы с обществом, где жертва играет роль призовой добычи. Основы конфликта с обществом также неизменны. Будьте смелы, наглы, уверены в себе — и преуспеете. Против этих качеств у общества защиты нет.

Джеффри Рейх

Рейх полистал планы, преисполняясь восторгом перед талантами первопредка, которому хватило мудрости подготовиться к любой экстренной ситуации. Планы выглядели старомодно, однако распаляли воображение; у Рейха зарож-

дались идеи, которые он обдумывал, отбрасывал и тут же менял на новые. Одна фраза привлекла его внимание:

> Если считаешь себя прирожденным убийцей, избегай слишком тщательного планирования. Полагайся прежде всего на инстинкты. Интеллект может подвести, но инстинкт убийцы непобедим.

— Инстинкт убийцы, — выдохнул Рейх. — Клянусь Богом, у меня он есть.

Телефон пискнул и автоматически включился. Несколько быстрых щелчков, и из записывающего устройства поползла лента. Рейх подлетел к столу и изучил ее. Сообщение оказалось коротким и убийственным.

КОДОВЫЙ ОТДЕЛ — РЕЙХУ. ОТВЕТ WWHG.

WWHG. ПРЕДЛОЖЕНИЕ ОТКЛОНЕНО.

— Отклонено! ОТКЛОНЕНО! Я так и знал! — взревел Рейх. — Ну ладно, д'Куртнэ. Не хочешь слияния? А как тебе понравится убийство?

2

Час работы Огастеса Тэйта, доктора медицины, эспера-1, обходился в тысячу кредитов… не такая уж и высокая ставка, учитывая, что пациенту редко требовалось больше часа финансово опустошительного внимания врача, но достаточная, чтобы зарабатывать восемь тысяч в день, более двух миллионов в год. Немногим было известно, какую долю этого дохода изымает Эспер-Гильдия на воспитание новых телепатов и продвижение евгенического плана, призванного наделить экстрасенсорным восприятием всех людей мира.

Огастес Тэйт эту цифру знал, и 95 % ему сильно досаждали. Поэтому он был активистом Лиги Эспер-Патриотов, праворадикальной политической фракции в Эспер-Гильдии, посвятившей себя защите автократии и доходов эсперов высшего ранга. Эта активность послужила Бену Рейху поводом поместить Тэйта в рубрику ВЗЯТОЧНИКИ (ПОТЕНЦ.). Рейх проследовал в изысканно обставленный кабинет Тэйта и смерил взглядом маленькую фигуру доктора — некоторую непропорциональность ее аккуратно маскировали усилия портных.

— Прощупайте-ка меня, — проворчал Рейх, садясь, — и побыстрее.

Он сосредоточенно уставился на Тэйта, а элегантный коротышка-щупач стал метать на него сверкающие взгляды в ответ, перемежая их быстрыми комментариями:

— Вы Бен Рейх из «Монарха». Компания стоит десять миллиардов кредитов. Вы полагаете, я должен был о вас слышать. Я наслышан. У вас схватка не на жизнь, а на смерть, с картелем д'Куртнэ. Правильно? Д'Куртнэ ваш лютый враг. Правильно? Вы предложили слияние сегодня утром. Кодовое сообщение: YYJI TTED RRCB UUFE AALK QQBA. Предложение отклонено. Правильно? В отчаянии вы решились на…

Тэйт резко умолк.

— Вперед, — подбодрил его Рейх.

— Убийство Крэя д'Куртнэ как первый шаг к перехвату власти над его картелем. Вам нужна моя помощь… Мистер Рейх, это неслыханно! Если продолжите думать о подобном, придется вас сдать. Вы знаете законы.

— Тэйт, не глупите. Вы поможете мне обойти законы.

— Нет, мистер Рейх. Я не в том положении, чтобы вам помогать.

— И это говорите вы? Эспер первого класса? Думаете, я вам поверю? Поверю, что вы бессильны перехитрить любого противника или группу их, да что там, весь мир?..

Тэйт улыбнулся.

— Подсластили приманку? — произнес он. — Типичная уловка…

— Прощупайте меня, — прервал его Рейх. — Это сэкономит время. Прочтите, что у меня на уме. Ваш дар. Мои ресурсы. Неотразимая комбинация. Боже! Миру повезло, что я намерен ограничиться единственным убийством. Вместе мы бы всю Вселенную раком поставили.

— Нет, — решительно отозвался Тэйт. — Не бывать этому. Придется вас сдать властям, мистер Рейх.

— Погодите. Хотите узнать, что я вам предложу? Прочтите меня на более глубоком уровне. Сколько я готов вам заплатить? Какова верхняя граница?

Тэйт смежил веки. Кукольное личико болезненно напряглось. Глаза распахнулись в изумлении.

— Да вы, верно, шутите, — воскликнул он.

— Ничуть, — проворчал Рейх. — И более того, вы же знаете, что я искренен, не так ли?

Тэйт медленно кивнул.

— И вы сами понимаете, что возможностей объединенной компании — «Монарха» плюс д'Куртнэ — достаточно для этого.

— Я почти готов вам поверить…

— Вы можете мне доверять. Я финансирую вашу Лигу Эспер-Патриотов уже пять лет. Если прощупаете меня как следует, поймете, зачем я это делаю. Я ненавижу гребаную Эспер-Гильдию не меньше вашего. Этика Гильдии вредит бизнесу… мешает делать деньги. Ваша Лига — именно та организация, которой по силам однажды разрушить Эспер-Гильдию.

— Я все понял, — резко отозвался Тэйт.

— Если «Монарх» и картель д'Куртнэ окажутся у меня в кармане, я буду способен на большее, чем простая помощь вашей фракции в усилиях расколоть Гильдию. Я могу сделать вас пожизненным президентом новой Эспер-Гильдии. Без всяких условий. Вам одному такое не по силам, но с моей помощью — да.

Тэйт закрыл глаза.

— Успешной попытки убийства по предварительному замыслу не случалось уже семьдесят девять лет, — пробормотал он. — Появление эсперов сделало невозможными планы убийства. Если даже эсперам не удавалось предотвратить

убийство, то затем они обязательно находили виновника.

— Показания эсперов в суде не принимаются.

— Это правда, но стоит эсперу обнаружить вину, и он всегда разберется, как подкрепить ее объективными доказательствами. Линкольн Пауэлл, префект психотического отдела полиции, смертельно опасен. — Тэйт открыл глаза. — Хотите забыть об этом разговоре?

— Нет, — проворчал Рейх. — Сперва давайте подумаем вместе. Почему планы убийства проваливались? По миру рыщут патрули чтецов мыслей. Кто в силах остановить чтеца мыслей? Другой такой же чтец. Но еще ни одному убийце не приходила идея нанять высококлассного щупача, чтобы тот прикрыл его интерференцией мыслей, или если и приходила, то не удавалось договориться об этом. Я договорился.

— Неужели?

— Я намерен развязать войну, — продолжил Рейх. — Ввязаться в одну серьезную драку с обществом. Давайте рассмотрим проблему с тактической и стратегической позиций. Моя трудность такова же, как у любой армии. Смелости, дерзости, уверенности в себе — недостаточно. Армии требуется разведка. Войну выигрывают с

разведданными. Вы мне нужны в роли военного разведчика.

— Это так.

— Сражаться буду я. Вы обеспечите меня разведданными. Мне нужно узнать, где будет находиться д'Куртнэ, где я могу нанести удар и в какой момент. Я совершу убийство сам, но вы сперва должны будете подсказать, в какой момент и в каком месте это лучше сделать.

— Понял.

— Для начала придется… пробиться сквозь окружающую д'Куртнэ оборонительную сеть. Это потребует от вас предварительной разведки. Вы должны будете проверить нормалов, выявить щупачей, предупредить меня и заблокировать чтение мыслей в случае, если я не смогу увернуться от них. Мне нужно будет отступить после совершения убийства, используя другую сеть нормалов и щупачей. Вы станете помогать мне в арьергарде. Вам придется остаться на сцене после убийства. Вы выясните, кого подозревает полиция и почему. Если я буду знать, что подозревают меня, то смогу отвести от себя ищеек. Если узнаю, что подозревают кого-то другого, то смогу при необходимости воспользоваться этим. Я могу вступить в эту войну, и я ее выиграю, располагая

вашими услугами разведчика. Правда ли это? Прощупайте меня.

Тэйт долго молчал и наконец ответил:

— Это правда. Мы можем этого добиться.

— Вы так поступите?

Тэйт помедлил, потом кивнул решительно:

— Да. Я так поступлю.

Рейх глубоко вздохнул:

— Отлично. Вот мой план. Я полагаю, что убийство удастся организовать при помощи старой игры под названием «Сардинки». Она даст мне шанс добраться до д'Куртнэ, и я придумал, как убить его. Я знаю, как застрелить его из старинного огнестрельного оружия без пуль.

— Постойте, — внезапно перебил его Тэйт. — Как вы вообще намерены держать эти планы в секрете от случайных щупачей? Я в состоянии прикрывать вас только до тех пор, пока мы вместе. Я же не могу все время проводить при вас.

— Можно разработать временный мозгоблок. На Мелоди-Лэйн есть сочинители песен, которых я могу склонить к содействию.

— Возможно, это и сработает, — сказал Тэйт, прощупав его. — Но мне не дает покоя одна мысль. Представьте себе, что д'Куртнэ тоже под защитой. Что тогда? Вы ввяжетесь в перестрелку

с его охранниками?

— Нет. Надеюсь, в этом не будет необходимости. Есть физиолог, Джордан, он недавно разработал ослепляющие нокаут-капсулы для «Монарха». Мы намеревались применять их при подавлении забастовок. Я использую их против охраны д'Куртнэ.

— Ясно.

— Вы все время будете меня прикрывать… рекогносцировка, разведка и так далее, но сперва я должен выяснить вот что. Когда д'Куртнэ появляется в городе, он обычно гостит у Марии Бомон.

— У Позолоченной Мумии?

— Вот-вот. Я хочу, чтобы вы узнали, намерен ли д'Куртнэ остановиться у нее и на сей раз. Успех всей затеи зависит от этого.

— Без труда. Я могу выяснить для вас, куда направляется и что планирует д'Куртнэ. Сегодня вечером у Линкольна Пауэлла вечеринка, и личный доктор д'Куртнэ наверняка там будет. Он на этой неделе с рабочей поездкой на Терре. Через него и начну проверку.

— А вы не боитесь Пауэлла?

Тэйт презрительно усмехнулся:

— Если бы боялся, мистер Рейх, разве доверял бы себе в сделке с вами? Не обманывайтесь. Я вам

не Джерри Черч.

— Черч!

— Угу. Не притворяйтесь удивленным. Черч, эспер-2. Его из Гильдии десять лет назад исключили за небольшое дельце, которое он с вами провернул.

— Блин. Вы это у меня в мозгах выудили, э?

— В мозгах и в истории.

— Ну, на сей раз история не повторится. Вы круче и умнее Черча. Вам что-нибудь особенное нужно для вечеринки у Пауэлла? Эскорт? Одежда? Украшения? Деньги? Просто запросите это у «Монарха».

— Ничего. Но я очень благодарен вам.

— Преступник, но щедрая душа — таков уж я, — улыбнулся Рейх, поднимаясь. Руки он Тэйту не пожал.

— Мистер Рейх? — вдруг окликнул его Тэйт.

Рейх обернулся на пороге.

— Крики не прекратятся. Человек Без Лица — это не символ убийства.

Что? О, боже! Кошмары не прекратятся? Ах ты, щупачонок хренов. Как ты узнал? Как ты…

— Не дурите. Вы что, думали эспера-1 обвести вокруг пальца?

Кто кого дурит, ублюдок? Что ты знаешь о

моих кошмарах?

— Я вам не скажу, мистер Рейх. Я сомневаюсь, что это кто-либо может понять, кроме эспера-1, а вы, само собой, после наших сегодняшних переговоров ни к кому из них не рискнете пойти.

О, боже! Ты вообще мне поможешь или как?

— Нет, мистер Рейх, — злорадно усмехнулся Тэйт. — Это мое маленькое тайное оружие. Мы будем в равных долях. Баланс сил, сами понимаете. Взаимозависимость рождает доверие друг другу. Преступник, но щупач… таков уж я.

Подобно всем эсперам высшего класса, Линкольн Пауэлл, доктор наук, эспер-1, жил в особняке. Не демонстративной роскоши ради, а из соображений приватности. Мыслесигналы были недостаточно интенсивны, чтобы проходить сквозь кирпичную кладку, но пластиковые стены рядовой квартиры их не блокировали. Жизнь в обычном многоэтажном доме погрузила бы эспера в ад неприкрытых эмоций.

Префект полиции Пауэлл мог позволить себе небольшой известняковый дом с мезонином на Гудзон-Рэмп, с видом на Норт-Ривер. В доме было всего четыре комнаты; на верхнем этаже — спальня и кабинет, на нижнем — кухня и гостиная. Слуг Пауэлл не держал. Как и многие эсперы

высшего уровня, он нуждался в постоянном одиночестве. Обходился своими силами. Он стоял на кухне, проверяя приготовленные для вечеринки освежающие напитки, и невпопад насвистывал унылый мотивчик.

Пауэллу было под сорок: высокий, худощавый, немного нескладный, медлительный в движениях. Широкий рот, казалось, постоянно готов был растянуться в улыбке, но сейчас мимика его граничила с горьким разочарованием. Он бичевал себя за излишества и фанфаронство своего злонравного двойника. Эспер по природе своей чувствителен к эмоциям, личность его всегда контактирует с окружением. Проблемой Пауэлла было гипертрофированное чувство юмора, порождавшее неизменно преувеличенную реакцию. Его терзали приступы переменчивого настроения, которые он окрестил нападками Бесчестного Эйба. Стоило задать Линкольну Пауэллу невинный вопрос, и мог ни с того ни с сего проявиться Бесчестный Эйб. Пылкая фантазия тотчас рождала диковинную байку и выдавала ее в свет с неподкупной искренностью. Пауэлл, что бы ни делал, не мог подавить в себе этого бахвала.

Вот и не далее как сегодня комиссар полиции Краббе, разбирая рутинное дело о шантаже, допу-

стил оговорку в чьем-то имени, вдохновившую Пауэлла на драматический рассказ о весьма правдоподобном преступлении, смелом полуночном рейде и героизме воображаемого лейтенанта Копеника. Теперь Пауэлл узнал, что комиссар намерен представить лейтенанта Копеника к медали.

— Бесчестный Эйб, как ты меня достал, — горько пробормотал Пауэлл.

Позвонили в дверь. Пауэлл бросил взгляд на часы в некотором удивлении (рано было еще собираться гостям) и послал телепатическому сенсору замка сигнал открыться в до-диез. Замок отреагировал на мысленный рисунок, подобно вибрирующему камертону, и дверь дома отворилась.

Немедленно пришел знакомый сенсорный мотив: снег / мята / тюльпаны / тафта.

Мэри Нойес. Явилась помочь холостяку с подготовкой к вечеринке? **КАКОЕ СЧАСТЬЕ!**

Я надеялась, что нужна тебе, Линк.

Какому же хозяину вечеринки не нужна хозяюшка. Мэри, что мне с канапе-то делать? S.O.S.

Как раз придумала новый рецепт. Я приготовлю. Поджарь чатни с…

С?

Это секрет, милый.

Она скользнула на кухню: небольшого роста, но в мыслях своих высокая, грациозно покачивается при ходьбе, внешне темненькая, мысленно бела, как снег. Почти монахиня в белом, несмотря на темную одежду. Разум и есть реальность. Ты суть то, что ты о себе думаешь.

Хотел бы я передумать, дорогая. Перегруппироваться душевно!

Изменить (целую тебя такой, какая ты есть) своей Мэри?

Если бы (ты никогда на полном серьезе этого не делаешь, Линк) я мог. Как я устал каждый раз пробовать твой мятный вкус.

В следующий раз добавлю бренди со льдом. Вуаля! Коктейль «Стингер-Мэри».

Так и сделай. И еще СНЕГ.

Зачем снег вычеркивать? Я люблю снег.

Но я люблю тебя.

— И я люблю тебя, Мэри.

— Спасибо, Линк.

Но он произнес это вслух. Как всегда. Никогда — мысленно. Она быстро отвернулась. Вскипевшие в ней слезы обожгли его.

Опять, Мэри?

Не то чтобы опять. Всегда. Всегда. Глубинные

уровни ее разума вскричали: *Я люблю тебя, Линкольн. Люблю тебя. Образ моего отца: символ безопасности: тепла: прикрывающей страсти: не отвергай меня каждый раз… каждый раз… всегда…*

— Мэри, послушай…

Не надо вслух. Пожалуйста, Линк. Не словами. Я не вынесла бы, встань между нами слова.

Ты моя подруга, Мэри. Всегда. В час разочарований. В час восторга.

Но не в час любви.

Нет, милая. Нельзя, чтоб тебя это так задевало. Не в час любви.

Господи прости, у меня любви на нас двоих хватит.

Господи прости нас, Мэри, но что хватает одному, не хватит на двоих.

Линк, ты обязан жениться на эсперке до сорока. Гильдия настаивает на этом. И ты знаешь.

Знаю.

Тогда пусть дружба скажет сама за себя. Женись на мне, Линкольн. Дай мне год, я не прошу о большем. Один годик любви к тебе. Я не стану за тебя цепляться, я тебя потом отпущу. Не вызову у тебя ненависти к себе. Милый, ну разве я о многом прошу? Я так мало прошу…

В дверь позвонили. Пауэлл беспомощно посмотрел на Мэри.

— Гости, — пробормотал он и послал телепатическому сенсору замка сигнал открыться в до-диез. Но тут же Мэри блокировала его сигналом закрыться на пятую долю выше. Гармоники перемешались, дверь осталась заперта.

Сперва ответь мне, Линкольн.

Я не могу дать тебе такого ответа, Мэри, какой тебе нужен.

В дверь позвонили снова.

Он решительно взял ее за плечи, прижал к себе и заглянул в глаза.

Ты эспер-2. Прочти меня так глубоко, как тебе по силам. Что у меня на уме? Что у меня в сердце? Каков ответ?

Он снял все блоки. Ревущие стремительные бездны его сознания теплым пугающим потоком объяли ее… пугающим, но притягательным и желанным… но…

— Снег. Мята. Тюльпаны. Тафта, — устало проговорила она. *Идите, мистер Пауэлл, к вам гости. Я канапе приготовлю. Больше я ни на что не годна.*

Он поцеловал ее один раз, повернулся в сторону гостиной и открыл дверь дома. Внутрь фонтаном брызнуло сияние, а следом ввалились гости. На-

чиналась эспер-вечеринка.

Честно, Канапе? Почему Эллери, Спасибо очень вкусно. Да, Я Мэри, они не Тэйт, не Я думаю врач Мы что вы Канапе? д'Куртнэ привели еще Я Галена будете полагаю, с работать что он собой на «Монарх» явится помочь ему отметить, в скором в он будущем, город уже вот только сдал так как скоро. экзамен, и Гильдия Если — по слухам — присвоила вам почти ему интересно, уже 2-й Пауэлл, то наша команда класс. готова объявить вас методики кандидатом шпионажа на пост «Монарха» президента Канапе? неэтичными. Гильдии.

Да, с удовольствием.

Большое Канапе? спасибо, Мэри.

@кинс! Червил! Тэйт! Имейте совесть! Вы гляньте, что за узор

Телепатическая болтовня прекратилась. Гости мгновение обдумывали ее, потом разразились смехом.

Ой, вспомнились мне деньки в детском саду. Пожалейте своего доброго хозяина, люди. Если так и дальше пойдет, у меня заплетык доязыкается. Уберитесь немного за собой, пожалуйста. Не прошу даже сделать мне красиво.

Линк, ты просто задай мотив.

А что у вас есть?

Корзиночное плетение? Математические кривые? Музыка? Архитектурный дизайн?

Любой. Любой, лишь бы вы мне мозги не парили.

Корзиночное плетение? Математические кривые? Музыка? Архитектурный дизайн?

Любой. Любой, лишь бы вы мне мозги не парили.

Извините, Линкольн.	*Не праздничное*	*Хватает*
Тэйт	*настроение было,*	*среди*
но	*подумали, что Алан*	*эсперов*
я	*Сивер*	*мужчин*

Не то чтобы преза хоть раз выбирали среди холостых

вправе	*нас еще появится*	*это может*
говорить с вами	*но*	*нарушить*

Нет, ну откровенно, Ал такой человек, что весь

о	*не*	*драгоценный*
делах	*посылали*	*евгенический*
д'Куртнэ	*ему телепатемы, план Гильдии*	
если он	*и сам прибудет еще*	*по графику*

Очередной взрыв смеха: это Мэри Нойес оставила висячим *еще*. В дверь снова позвонили, и появился солярный адвокат по финансовым делам, эспер-2, со своей подругой. Девушка оказалась скромной, на диво привлекательной внешне. В компании ее не знали. Мысленный

рисунок отражал наивность и неглубокую восприимчивость. Явная третьеклассница.

Привет всем, привет всем. Примите мои чистосердечные извинения за такую задержку. Лепестки цветущих апельсинов и обручальные кольца — вот тому причины! По пути к вам я сделал предложение.

— Боюсь, что я согласна, — с улыбкой ответила девушка.

Не словами, обрушился на нее адвокат. *Это тебе не тусовка третьеклассников. Я же тебя просил не говорить вслух.*

— Я забыла, — опять вырвалось у нее; комнату окатило потоком ее стыда и испуга. Пауэлл сделал шаг вперед и взял девушку за дрожащую руку.

Не обращайте внимания, он недавно во втором классе, такой сноб! Я Линкольн Пауэлл, хозяин этого дома. Копы зовут меня Шерлок. Если жених вас поколачивать будет, горько пожалеет, уж я-то позабочусь. Пойдемте, познакомлю вас с новыми друзьями-фриками… Он провел ее через комнату. *Вот это Гас Тэйт, первоклассный шарлатан от медицины. Рядом — Сэм и Салли @кинсы. Сэм по сути такой же. Она второклассница, с детьми возится. Они только с Венеры. Заглянули сюда в поездке…*

— К-ка… *Я хотела сказать, как ваши дела?*

Толстяк, сидящий на полу, это Уолли Червил, архитектор-2. Блондинка у него на (колено) 2 — Джун, его женушка. Джун редактор-2. Их сын Гален с Эллери Уэстом болтает. Галли у нас бакалавр, инженер-3…

Юный Гален Червил возмутился и начал было объяснять, что ему недавно присвоили второй класс, и вообще он больше года уже не пользуется устной речью. Пауэлл заткнул его и на недоступном девушке уровне дал понять, почему допустил осознанную ошибку.

— А, — сказал Гален. — Да, сестренка-третьеклассница, я ваш собрат по несчастью. Рад вас видеть. Эти великие щупачи меня малость пугают.

— Ой, не знаю… Я тоже сначала напугалась, но теперь не боюсь.

А это хозяйка вечера, Мэри Нойес.

Привет. Канапе?

Спасибо. Выглядят чудесно, миссис Пауэлл.

Поиграем? — быстро влез Пауэлл. — *Ребусы?*

Снаружи, в тени известняковой арки, к выходящей в сад двери дома прижимался Джерри Черч и всей душой внимал им. Он замерз. Недвижимый, молчаливый, истощенный. Он ненавидел их, пре-

зирал, завидовал им, алкал их общества. Эспер-2, Черч страшно изголодался по своим. Причиной его голода был беспощадный остракизм.

Сквозь тонкую панель кленового дерева просачивался множественный телепатический мотив вечеринки: вечно изменчивое и счастливое сплетение мыслей. А Черч, эспер-2, уже десять лет существовал на скуднейшей диете из слов и страшно изголодался по сородичам — по миру эсперов, которого лишился.

Я упомянул д'Куртнэ по той причине, что мне, возможно, подвернулся похожий случай.

Это Огастес Тэйт подлизывается к @кинсам.

В самом деле? Как интересно. Хотел бы сравнить записи. К слову, я на Терре главным образом потому, что д'Куртнэ тоже сюда летит. Жаль, что д'Куртнэ не… будет доступен.

@кинс явно не хочет раскрываться перед Тэйтом, который, по впечатлению, что-то затеял. А может, и нет, подумал Черч. Во всяком случае, картина блокировки и контрблокировки была изящна, словно у фехтующих сложными электронными шпагами дуэлянтов.

Смотри-ка мне, щупач, сдается, ты слишком суров к этой бедняжке.

— Вы только послушайте, — пробормотал

Черч. — Пауэлл, клоп ненасытный, выкинул меня из Гильдии, а теперь адвокату проповедует, задрав нос.

Бедняжке? Пауэлл, ты, верно, хотел сказать — тупице. Боже! Ну и неумеха.

У нее только третий класс. Так нечестно.

У меня от нее башку ломит.

Тебе не кажется, что так… нечестно? Жениться на девушке, о которой сам такого мнения?

Пауэлл, хватит романтика из себя корчить. Мы обязаны жениться на эсперках. Эта, по крайней мере, красотка.

В гостиной затеяли шарады. Девчонка, которую звали Нойес, увлеченно камуфлировала образ словами старого стихотворения[3]:

[3] Примечания: 3
Мэтью Арнольд, Берег Дувра.

На море шторма нынче нет. Прилив высок, луна меж побережий хозяйка.

Гляди там ночь свежий И лишь долгой черты

ночь и ветер за окном. у пенистой

бухте. безмолвной они стоят высоки, Черны, блеснули. Англии Утесы Погас. свет.

Через пролив — на берегу французском меркнет

Это еще что, черт побери? Один глаз в бокале? То есть? А-а. Не в бокале. В кружке. Один в кружке. Ein. Stein. Эйнштейн. Легкая шарада.

Эллери, какого ты мнения о Пауэлле?

Это Червил, с его притворной улыбочкой, величественно, как понтифик, несет жирное брюхо.

Как о потенциальном президенте Гильдии?

Да.

Он чертовски эффективен. Романтик, но при этом эффективный человек. Он представлялся бы идеальным кандидатом, будь он женат.

Он способен любить. Он просто не может себе подходящую девушку найти.

Да это у вас, первоклассных щупачей, у всех такое. Слава богу, я не первоклассный.

На кухне звякнуло, разбиваясь, стекло. Вернулся Проповедник Пауэлл, наставляющий в чем-то Гаса Тэйта, плюгавого бездаря.

Да ну, Гас, не переживай за бокал. Я был вынужден его уронить, чтобы прикрыть тебя. От тебя так и разит тревогой. Полыхаешь ею, как новая звезда.

Пауэлл, ну ты и хитрец.

А ты — нет. Что у тебя за дела с Беном Рейхом?

Коротышка тут же насторожился, его мысленная броня стремительно упрочнилась.

Бен Рейх? А при чем здесь он?

Это ты мне ответь, Гас. Ты весь вечер только про него и думаешь. Я поневоле и прочел.

Это не я, Пауэлл. Ты, наверно, кого-то другого прощупал.

Образ ржущей лошади.

Пауэлл, ну клянусь…

Гас, ты стакнулся с Рейхом?

Нет. Но чувствовалось, как опускаются мыслеблоки.

Гас, позволь старому знакомому дать тебе совет. Рейх тебя до добра не доведет. Ты с ним осторожней будь. Помнишь Джерри Черча? Рейх разрушил его жизнь. Не позволь, чтоб и с тобой такое случилось.

Тэйт поплелся обратно в гостиную. Пауэлл остался на кухне и начал спокойными, неторопливыми движениями подметать осколки бокала. Черч лежал неподвижно, растянувшись на пороге у задней двери и подавляя кипящую в сердце ненависть. Юнец Червилов выделывался перед подружкой адвоката, напевая мысленную серенаду любви и тут же визуально пародируя ее. Студенческие приколы. Жены ожесточенно спорили о чем-то, переплетая синусоиды мыслей, а @кинс и Уэст перемежали разговор заманчиво сложным рисунком сенсорных образов, обострявшим голод Черча.

Джерри, выпьешь что-нибудь?

Дверь, ведущая в сад, распахнулась. Против света обрисовался силуэт Пауэлла с пенной кружкой в руке. Слабое звездное сияние озаряло его лицо. Глубоко посаженные глаза смотрели сочувственно и понятливо. Черч, ошеломившись, поднялся и нерешительно принял предложенный напиток.

Не сболтни об этом Гильдии, Джерри. Мне

тяжко придется, если прознают, что нарушил табу. Я всегда нарушаю правила… Бедняга Джерри, мы должны что-нибудь для тебя сделать. Десять лет — слишком долгий срок.

Внезапно Черч выплеснул содержимое кружки в лицо Пауэллу, развернулся и удрал.

3

В понедельник, в девять часов утра, кукольное лицо Тэйта возникло на экране видеофона Рейха.

— Эта линия безопасна? — отрывисто спросил он.

Вместо ответа Рейх просто указал на гарантийную печать.

— Ну ладно, — сказал Тэйт. — Думаю, что справился с порученной вами работой. Я прошлым вечером прощупывал @кинса. Но, прежде чем изложить результаты, предупреждаю, что при глубоком прощупывании первоклассного эспера всегда сохраняется риск ошибки. @кинс очень умело прикрывался.

— Понятно.

— Крэй д'Куртнэ прибывает с Марса на *Астре* в среду утром. Он сразу отправится в городской дом Марии Бомон. Он будет ее тайным и эксклюзивным гостем всего одну ночь. Не дольше.

— Одну ночь, — прошептал Рейх. — А потом? Его планы?

— Не знаю. Вероятно, д'Куртнэ задумал какую-то решительную…

— Атаку на меня! — проскрежетал Рейх.

— Возможно. Если верить @кинсу, д'Куртнэ страдает от жестокого психического разлада, и его мотив адаптации пошатнулся. Инстинкт жизни и инстинкт смерти разбалансированы. Он стремительно регрессирует к эмоциональному банкротству…

— Черт побери, от этого зависит вся моя жизнь! — рявкнул Рейх. — Говорите человеческим языком.

— Это несложно. В каждом человеке сбалансированы два противоборствующих импульса… Инстинкт жизни и инстинкт смерти. У обоих идентичная цель — достижение нирваны. Инстинкт жизни: стремиться к нирване вопреки любым препятствиям. Инстинкт смерти: добиваться нирваны путем самоуничтожения. Обычно эти инстинкты слиты воедино в адаптированном к жизни индивидууме. Под психическим напряжением они разъединяются. С д'Куртнэ происходит именно это.

— Ну да, боже мой! И он нацелился на меня!

— @кинс увидится с д'Куртнэ утром четверга и попробует отговорить от замыслов, какими б те ни были. @кинс очень переживает за него и решительно намерен остановить. Он специально

прилетел с Венеры, чтобы перехватить д'Куртнэ.

— Ему не придется останавливать д'Куртнэ. Я сам это сделаю. Ему не нужно меня прикрывать. Я сам себя прикрою. Это самооборона, Тэйт… не убийство, а самооборона! Вы отлично поработали. Мне больше ничего не требуется.

— О Рейх, вам потребуется еще очень многое. Среди прочего — запас времени. Сегодня понедельник. Вы должны подготовиться к среде.

— Я буду готов, — проворчал Рейх, — и вам лучше тоже подготовиться.

— Мы не можем позволить себе неудачи, Рейх. Если вдруг все же… впереди Разрушение. Вы это осознаете?

— Разрушение для нас обоих. Я это понимаю. — Голос Рейха дрогнул. — Да, Тэйт, вы в этом увязли вместе со мной, и я пройду путь до конца… если потребуется, до Разрушения.

Он занимался планами весь понедельник — дерзко, уверенно, смело. Черновые записи делал с легкостью художника, набрасывающего контур рисунка карандашом перед тем, как повторить его в смелых мазках; но финальные мазки отложил. В среду придется положиться на инстинкт убийцы. Он отложил план и уснул в ночь с понедельника на вторник… И проснулся с криком,

потому что снова увидел Человека Без Лица.

Во вторник Рейх покинул башню «Монарха» раньше обычного, после полудня, и спустился в магазин аудиокниг «Сенчури-аудио» на Шеридан-Плейс. Магазин специализировался на пьезокристаллических записях — крошечных драгоценностях в элегантной оправе. Последний писк моды — оперные броши для милой дамы. (*Музыка всегда при ней.*) Имелись в «Сенчури» и стеллажи с устаревшими печатными книгами.

— Мне нужен какой-нибудь особый подарок для подруги, которой я пренебрегал, — заявил Рейх продавцу.

Его тут же забросали предложениями.

— Недостаточно оригинально, — посетовал Рейх. — Почему бы вам, люди, не нанять наконец щупача? Куда легче с клиентами управляться станет. Не настолько ж вы старомодны и вычурны?

Он начал слоняться по магазину с беспокойными клерками на хвосте. Как следует заморочив им голову, но еще до того, как встревоженный менеджер послал бы за продавцом-щупачом, Рейх остановился перед книжными стеллажами.

— А что это такое? — изобразил он удивление.

— Старинные книги, мистер Рейх. — Продавцы охотно взялись объяснять теоретические и прак-

тические аспекты архаичной визуальной книги, пока Рейх неторопливо обыскивал стеллажи, пробираясь к намеченному потрепанному коричневому томику. Он хорошо помнил эту книгу. Он пролистал ее пять лет назад и сделал пометку в черной записной книжке. Старый Джеффри Рейх был не единственным предусмотрительным человеком среди Рейхов.

— Интересно. Да, очень интересно. А вот это что? — Рейх снял с полки коричневый томик. — *Развлечения для вечеринки*. Что значит эта дата? Правда? Неужели в ту пору уже устраивали вечеринки?

Продавцы заверили его, что древние были во многих отношениях потрясающе современны.

— Посмотрим, что тут, — хмыкнул Рейх. — *Бридж медового месяца… Прусский вист… Почтовое отделение… Сардинки…* Что же это может быть? Страница 96. Давайте глянем.

Рейх перелистывал страницы, пока не добрался до напечатанного жирным шрифтом заголовка:

РАЗЛИЧНЫЕ ЭКСТРАВАГАНТНЫЕ ИГРЫ ДЛЯ ВЕЧЕРИНОК.

— Вы только взгляните, — рассмеялся он в притворном удивлении. И указал на хорошо

запомнившийся ему абзац.

> САРДИНКИ
>
> Один игрок водит. В доме гасят весь свет, и ведущий где-нибудь прячется. Спустя несколько минут игроки порознь отправляются его искать. Первый нашедший не сообщает об этом остальным, но прячется вместе с ведущим. Постепенно каждый игрок находит «сардинок» и присоединяется, пока все не спрячутся в одном месте, а последний — проигравший — не останется блуждать один во тьме.

— Это я возьму, — сказал Рейх. — Именно это мне и нужно было.

Тем вечером он истратил три часа, методично обезображивая страницы томика. Он разогревал их, протравливал кислотой, пятнал, резал ножницами, уродуя инструкции ко всем забавам, и каждая пропалина, каждый порез, каждый разрыв казались ему ударом, нанесенным по извивающемуся в корчах телу д'Куртнэ. Покончив с опосредованными убийствами, он убедился, что все инструкции стали неудобочитаемыми. Все,

кроме «Сардинок».

Рейх упаковал книгу и послал ее оценщику Грэму через пневмопочту. Сверток с шумом устремился в путь и возвратился часом позже с официальной оценкой и печатью от Грэма. Увечий, понесенных книгой по вине Рейха, тот не заметил.

Рейх сменил обертку на подарочную, приложив к ней, как было принято, оценку, и послал тем же способом в дом Марии Бомон. Через двадцать минут пришел ответ.

Дарагой! Дарагой! Дарагой! Я уж думала, ты савсем позобыл (да уж, похоже, записку писала сама Мария) *старую прилестницу. Как восхитительно. Приходи в Бомон-Хаус сегодня вечером. У нас вечеринка. Поиграем в игры из твоего чюдесного подарка.*

Приложением к письму в почтовой капсуле пришел портрет Марии в звездочке из синтетического рубина. Естественно, портрет ню.

Рейх ответил: *Какая жалость. Не сегодня. У меня один из миллионов пропал.*

Она ответила: *Тогда в среду, умнинький мой. Я тебе один из своих дам.*

Он отозвался: *Рад буду принять подарок. Приведу гостя. Целую тебя всю.*

После этого он пошел в постель.
И закричал на Человека Без Лица.

Утром среды Рейх наведался в наукоград «Монарха» (отцовские чувства и всякое такое, вы знаете) и провел познавательный час в обществе талантливой молодежи. Он обсудил их проекты и блистательное будущее, какое сулила им вера в «Монарх». Рассказал старый пошлый анекдот про девственника-первопроходца, который совершает экстренную посадку на летающий в открытом космосе гроб, а труп ему и говорит: *Да я просто туристка!* Талантливая молодежь подобострастно посмеивалась и немного презирала босса.

В такой вот неформальной обстановке Рейх улучил минутку проскользнуть в лабораторию с ограниченным доступом и похитил оттуда одну нокаут-капсулу. Последние представляли собой медные кубики, вполовину меньше запальных капсюлей и вдвое смертоносней. Если такой кубик разбить, он исторгал ослепительное голубое пламя, и вспышка временно ионизировала родопсин — зрительный пурпур сетчатки глаз, — ослепляя жертву и лишая ее всякого представления о времени и пространстве.

После полудня среды Рейх спустился на Мелоди-Лэйн, в сердце театрального квартала, и

посетил контору «Психосонгс Инкорпорейтед». Тут заправляла умненькая девушка, сочинявшая великолепные куплеты для рекламного отдела и штрейкбрехерские кличи разрушающей силы для отдела пропаганды (в прошлом году «Монарху» потребовались все ресурсы, чтобы подавить выступления протестующих рабочих). Звали барышню Даффи Уиг&. В глазах Рейха она была воплощением современной карьеристки — девственницы-соблазнительницы.

— И как ты, Даффи? — спросил он, вежливо чмокнув ее. Даффи была красива и фигуриста, словно график динамики продаж, но чуть моложе, чем ему нравилось.

— А вы, мистер Рейх? — Она смерила его странным взглядом. — Однажды найму какого-нибудь эспера, специалиста по одиноким сердцам, чтобы истолковал для меня ваш поцелуй. Мне по-прежнему кажется, что спрашиваете вы не о бизнесе.

— Нет.

— Вот негодяй.

— Даффи, мужчина должен блюсти честь смолоду. Целуешь девушек без разбору — в богачах не задержишься.

— Вы же меня целуете.

— Только потому, что ты совсем как та девушка

с кредитки.

— Пип, — сказала она.

— Поп, — сказал он.

— Бим, — сказала она.

— Бам, — сказал он.

— Прибила бы на месте того, кто это сочинил, — сказала Даффи мрачно. — Ладно, красавчик, что у вас за печаль?

— Азартные игры, — ответил Рейх. — Эллери Уэст, заведующий моим клубом для персонала, жалуется на азартные игры в «Монархе». Говорит, народ к ним слишком пристрастился. Если честно, мне без разницы.

— Должник побоится просить повышения.

— Вы умны не по годам, юная леди.

— Значит, тебе что-нибудь против азартных игр?

— Что-нибудь в этом роде. Прилипчивое, но не слишком очевидное. Не типичный пропагандистский мотив, а, так сказать, с замедленным высвобождением. Я бы хотел добиться более-менее бессознательного психокондиционирования.

Даффи кивала, делая быстрые пометки.

— И пускай эту песенку будет приятно послушать. Бог знает, сколько народу передо мной пройдет, напевая, насвистывая и мурлыча ее

себе под нос.

— Ах ты ж негодник. Все мои куплеты приятно послушать.

— По первому разу.

— За это с тебя еще тысяча.

Рейх рассмеялся.

— Если уж мы о монотонности говорим… — продолжил он без паузы.

— Мы не говорили.

— Какая была самая прилипчивая из твоих работ?

— Прилипчивая?

— Ты понимаешь. Вроде тех рекламных куплетов, которые так и лезут в башку.

— А, это. Мы их называем пепси.

— Почему?

— Не в курсе. Говорят, первым придумал их сочинять какой-то Пепси, еще несколько веков назад. Я на это не ведусь. Я однажды такой сочинила… — Даффи поморщилась. — Мне до сих пор вспоминать противно. У тебя на месяц в голове застрянет. Меня год донимало.

— Преувеличиваешь.

— Репутацией клянусь, мистер Рейх. Песенка называлась *Тень, сэр, сказал Тензор*. Я ее сочинила для провального шоу про безумного математика.

Мне заказали как можно более раздражающий мотивчик. Они свое получили. Зрителей он так бесил, что пришлось прикрыть передачу. Целое состояние потеряли.

— Хочу послушать.

— Я не могу с тобой так обойтись.

— Давай-давай, Даффи. Мне неподдельно интересно.

— Пожалеешь.

— Не верю.

— Ну ладно, свинтус, — сказала девушка и подтянула к себе клавиатуру. — Это тебе за тот неискренний поцелуй.

Пальцы и ладонь Даффи грациозно заскользили по панели. Комнату наполнила абсолютно монотонная, невероятно банальная и незабываемая мелодия. Квинтэссенция всех когда-либо слышанных Рейхом мелодических клише. Какую мелодию ни пытайся припомнить, а все они с неизбежностью сводились к *Тень, сэр, сказал Тензор*. Потом Даффи запела:

Восемь, сэр; семь, сэр;
Шесть, сэр; пять, сэр;
Четыре, сэр; три, сэр;
Два, сэр; раз!

Тень, сэр, сказал Тензор,
Тень, сэр, сказал Тензор.
Натяженье, предвкушенье,
Треволненье — просто класс!

— Боже мой! — воскликнул Рейх.

— Я над этим мотивчиком как следует потрудилась. — Даффи продолжала играть. — Заметили этот такт после слова *раз*? Это полукаденция. Потом еще один, после *класс*. Концовка песни сама становится полукаденцией, так что оборвать ее просто не получается. Такт словно гонит вас по кругу: Натяженье, предвкушенье, треволненье — просто класс! Рифф. Натяженье, предвкушенье, треволненье — просто класс! Рифф. Натяженье, пред…

— Ах ты чертовка! — Рейх вскочил, прижимая ладони к ушам. — Ты меня заколдовала. Сколько это продлится?

— Не дольше месяца.

— Натяженье, предвкушенье, тревол… Я конченый человек. Как спастись?

— Легко, — ответила Даффи. — Просто кончи в меня. — Она снова прижалась к нему и запечатлела пылкий поцелуй юности. — Дурачок, — шептала она. — Олух. Балбес. Недотепа.

Когда, наконец, потащишь меня, как дурочку, в переулочек? Ластами шевели. Или не такой ты и башковитый, как мне кажется?

— Я еще башковитей, — ответил он и вышел.

Как Рейх и планировал, песенка крепко засела у него в голове и продолжала эхом отдаваться в сознании, пока он шел по улице. *Тень, сэр, сказал Тензор. Тень, сэр, сказал Тензор. Натяженье, предвкушенье, треволненье — просто класс! Рифф.* Превосходный мыслеблок, если ты не эспер. Да и щупачу сквозь такое не пробиться. *Натяженье, предвкушенье, треволненье — просто класс!*

— Я еще башковитей, — пробормотал Рейх и задал своему джамперу курс на ломбард Джерри Черча в Верхнем Уэст-Сайде.

Натяженье, предвкушенье, треволненье — просто класс!

Что бы ни утверждали конкуренты, а древнейшая профессия — скупка. Самое старое из всех человеческих занятий: ссужать деньги под залог движимого имущества. Из глубин прошлого в бескрайние дали будущего тянется оно неизменным, как сама ссудная касса. Спуститься в погребок Джерри Черча, полный нанесенного течениями времени хлама, было все равно что посетить музей вечности. Да и сам искоса глядевший Черч,

с лицом морщинистым, темным и словно бы в синяках от внутренних терзаний, казался вневременным воплощением агента-скупщика.

Черч выдвинулся из теней и встал вплотную к Рейху; косо падавший через стойку солнечный луч резко озарял его фигуру. Он не начал разговора. Он явно не узнал Рейха. Протолкавшись мимо человека, десять лет как ставшего ему смертельным врагом, скупщик утвердился за конторкой и проговорил:

— Чем могу служить?

— Привет, Джерри.

Не глядя на него, Черч протянул руку через конторку. Рейх попытался ее пожать, но руку отдернули.

— Не-ет. — Черч издал фырканье, родственное истерическому хихиканью. — Спасибо, но мне не это нужно. Просто отдай мне то, что пришел заложить.

Маленький щупач подстроил ему мелкую противную ловушку, и он в нее попался. Наплевать.

— Джерри, у меня ничего нет заложить.

— Ты так обеднел? О, как низко ты пал. Но этого и следовало ожидать, не правда ли? Все спотыкаются. Все спотыкаются.

Черч покосился на него, пробуя прощупать. Ну,

пускай попытается. *Натяженье, предвкушенье, треволненье — просто класс!* Пусть попробует пробиться через звенящий в голове прилипчивый мотивчик.

— Всем нам случается споткнуться, — сказал Черч. — Всем нам.

— Я с этим считаюсь, Джерри. Я еще не споткнулся. Мне повезло.

— А вот мне не так повезло, — процедил щупач. — Я встретил тебя.

— Джерри, — терпеливо проговорил Рейх. — Это не я навлек на тебя несчастье. Это твое собственное несчастье тому виной. Не…

— Будь ты проклят, ублюдок, — произнес Черч зловеще-спокойным тоном. — Гребаная тварь. Чтоб тебе заживо сгнить. Убирайся отсюда. Не хочу с тобой знаться. Не хочу ничего от тебя! Понял?

— Как, и даже моих денег не хочешь? — Рейх выудил из кармана десять сверкающих соверенов и положил на конторку. Ход был продуманный. В отличие от кредитов, соверены пользовались спросом в преступном мире. *Натяженье, предвкушенье, треволненье — просто класс!*

— И меньше всего — твоих денег. Хочу, чтоб у тебя сердце разорвалось. Хочу, чтоб твоя кровь

расплескалась по тротуару. Хочу, чтоб черви тебе глаза повыели, пока в твоей башке еще теплится жизнь… Но твоих денег мне не надо.

— Тогда чего же ты хочешь, Джерри?

— Я уже сказал! — взвизгнул щупач. — Я уже сказал! Проклятый ублюдок…

— Чего ты хочешь, Джерри? — холодно повторил Рейх, не сводя взгляда с морщинистого скупщика. *Натяженье, предвкушенье, треволненье — просто класс!* Он все еще в состоянии контролировать Черча. И не важно, что Черч был раньше второклассным. Контроль — не функция щупачества. Залог контроля — в складе личности. *Восемь, сэр; семь, сэр; шесть, сэр; пять, сэр…* Он всегда умел… Он всегда сумеет взять Черча в оборот.

— А ты чего хочешь? — кисло отозвался Черч.

Рейх хмыкнул:

— Ты у нас щупач. Ты мне скажи.

— Не знаю, — пробормотал Черч, помолчав. — Не могу прочесть. Эта долбаная музычка все забивает.

— Тогда придется тебе рассказать. Мне нужна пушка.

— Что?

— П-У-Ш-К-А. Пистолет. Древнее оружие. Стреля-

ет пульками после контролируемой детонации.

— Ничего такого у меня нет.

— Есть, Джерри. Об этом мне обмолвился некоторое время назад Кено Киззард. Он видел у тебя эту штуку. Стальная, складная. Очень интересная.

— Зачем она тебе?

— Прочти меня, Джерри, и узнаешь. Мне нечего скрывать. Моя цель вполне невинна.

Черч скорчил гримасу, потом с отвращением сдался.

— Не стоит напрягаться, — пробормотал он и пошаркал в полумрак. Где-то далеко лязгнули металлические ящички. Черч возвратился, держа компактный брусок из потускневшей стали, и положил его на конторку рядом с деньгами. Потом нажал кнопку, и металлический брусок вдруг ожил, превратившись в комбинированный стальной кастет, револьвер и стилет. Пистолет-нож конца двадцатого века, квинтэссенция убийства.

— Зачем тебе эта вещь? — снова спросил Черч.

— Надеешься вытянуть из меня что-нибудь на предмет шантажа? — усмехнулся Рейх. — Прости, но нет. Это подарок.

— Опасный подарок. — Отверженный щупач

искоса поглядел на него и злобно рассмеялся. — Ты задумал еще кого-нибудь погубить?

— Вовсе нет, Джерри. Это подарок для моего друга. Для доктора Огастеса Тэйта.

— Тэйта! — уставился на него Черч.

— Ты его знаешь? Он собиратель антиквариата.

— Я его знаю. Я его знаю. — Черч начал хрипло фыркать, словно астматик. — Но кажется, что теперь я узнаю его получше. И начинаю его жалеть. — Он перестал смеяться и пронзил Рейха испытующим взглядом. — Разумеется. Отличный презент для Гаса. Идеальный презент для Гаса. Потому что он заряжен.

— Да? Заряжен?

— О да. Он заряжен. Пять чудесных патронов. — Черч снова фыркнул. — Подарок для Гаса. — Он коснулся устройства. Сбоку выскочил цилиндрик, в котором имелось пять гнезд с пятью бронзовыми пульками. Черч перевел взгляд с патронов на Рейха. — Пять змеиных зубов для Гаса в подарок.

— Я же тебе сказал, что моя цель невинна, — резко ответил Рейх. — Придется вырвать эти зубы.

Черч удивленно посмотрел на него, потом отошел по проходу между полками и вернулся с

парой небольших инструментов. Быстро вынув все пули из патронов, он вставил холостые обратно, защелкнул барабан и положил оружие на стойку рядом с деньгами.

— Теперь все безопасно, — сказал он жизнерадостным тоном. — Малышу Гасу ничего не грозит. — Он выжидательно покосился на Рейха. Рейх протянул к нему руки. Одной подвинул к Черчу деньги. Другой потянул к себе оружие. В этот момент Черч снова переменился. Безумная веселость слетела с него. Он цапнул запястья Рейха пальцами, словно стальными когтями, и напряженно подался к нему.

— Нет, Бен, — произнес он, впервые называя Рейха по имени. — На такую цену я не согласен. И ты это знаешь. Пускай у тебя в голове и крутится дурацкая песенка, но я знаю, что ты знаешь.

— Хорошо, Джерри, — ровным голосом отозвался Рейх, не ослабляя хватки на рукояти оружия. — Назови свою цену. Сколько ты хочешь?

— Я хочу восстановления в правах, — сказал щупач. — Я хочу вернуться в Гильдию. Я хочу снова стать живым. Такова цена.

— Ну что ж я могу сделать? Я не щупач. Я не принадлежу к Гильдии.

— Бен, ты не беспомощен. Ты всегда находишь пути и средства. Ты можешь повлиять на Гильдию. Ты можешь сделать так, чтобы меня восстановили.

— Невозможно.

— Ты можешь их подкупить, оклеветать, шантажировать… очаровать, соблазнить, покорить. Ты это можешь, Бен. Ты можешь для меня это сделать. Помоги мне, Бен. Я же тебе однажды помог.

— Я с лихвой расплатился с тобой за ту помощь.

— А я? Чем расплатился я? — взвизгнул щупач. — Я своей жизнью заплатил!

— Ты поплатился за собственную глупость.

— Бен, да бога ради, ну помоги же мне. Помоги или убей. Я уже мертвец. У меня просто духу не хватает покончить с собой.

Рейх помолчал и вдруг ответил грубо:

— Джерри, мне кажется, самоубийство для тебя — наилучший выход.

Щупач отпрянул, словно в него ткнули чем-то раскаленным. Остекленевшие глаза уставились на Рейха с измученного лица.

— А теперь назови свою цену, — сказал Рейх.

Черч тщательно примерился, плюнул на деньги и перевел на Рейха полный испепеляющей

ненависти взор.

— Бесплатно, — сказал он, развернулся и исчез в тенях подвала.

4

Нью-йоркский вокзал Пенсильвания, пока его не разрушили по причинам, затянутым дымкой неопределенности конца двадцатого века[4], являл собою, о чем миллионы путешественников даже не догадывались, зримую связь времен. Внутренняя отделка гигантского терминала воспроизводила величественные термы Каракаллы в древнем Риме. Как и многолюдный особняк Марии Бомон, которую тысячи самых что ни на есть интимных врагов прозвали Позолоченной Мумией.

Пока Бен Рейх спускался по восточному эскалатору — в сопровождении доктора Тэйта и с орудием убийства в кармане, — чувства его откликались на окружающее в ритме стаккато. Гости на нижнем этаже… Блеск форменных одежд, платьев, фосфоресценция плоти, колышутся светильники на тонких ножках, источая пастельные лучи… *Тень, сэр, сказал Тензор…*

---

[4] Примечания: 4

Имеется в виду, конечно, не современный подземный, а старый вокзал Пенсильвания, который и в нашем варианте реальности действительно был снесен — в 1966 г. На его месте теперь расположен спортивный комплекс Мэдисон-Сквер-Гарден.

Звуки: голоса, музыка, официальные объявления, эхо… *Натяженье, предвкушенье, треволненье — просто класс!* Чудесное попурри плоти и духов, еды и вина, вычурной роскоши… *Натяженье, предвкушенье…*

Роскошная позолота смертельной ловушки… И даже не так: Господь свидетель, подобного уже семьдесят лет никто не проворачивал… Забытое искусство… вроде флеботомии, хирургии, алхимии… Я верну им смерть. Не поспешное, безрассудное убийство в припадке психоза или в драке, а нормальное, целенаправленное, распланированное, хладнокровное…

— Бога ради! — прошептал Тэйт. — Осторожней, человече. От вас так и пышет убийством.

Восемь, сэр; семь, сэр…

— Так-то лучше. Вот один из ее щупачей-секретарей. Он сканирует гостей, чтобы выявить незваных. Продолжайте напевать про себя.

Тонкий и стройный юноша, словно порыв ветра, золотистая стрижка, фиолетовая блуза, серебряные кюлоты:

— Доктор Тэйт! Мистер Рейх! Просто нет слов. Да, правда! Ни единого слова на язык не приходит. Входите же, входите!

Шесть, сэр; пять, сэр…

К нему устремилась Мария Бомон: руки нараспашку, глаза навыкате, обнаженный бюст напоказ… пневматическая хирургия[5] преобразила ее в гротескное подобие бенгальской статуэтки: накачанные бедра, накачанные щиколотки, накачанные позолоченные груди. Рейху она представлялась галеонной фигурой на носу корабля порнографов… прославленная Позолоченная Мумия.

— Бен, голубчик мой! — Она заключила его в усиленные пневматикой объятия, прижимаясь так, чтобы его рука вдавилась в ее ребра. — Как чудесно, как чудесно.

— И слишком пластмассово, Мария, — пробормотал он ей на ухо.

— Ты отыскал свой потерявшийся миллион?

— Вот буквально только что, дорогая, он оказался у меня в руках.

— Осторожней, смелый воздыхатель. Эта божественная вечеринка записывается в мельчайших деталях.

Рейх посмотрел через ее плечо на Тэйта. Тэйт

---

[5] Примечания: 5

Здесь и далее Бестер использует термин пневматический в эротическом контексте пластической хирургии, а не только для обозначения поездов скоростного транспорта или систем пересылки почты; эту коннотацию, насколько можно судить, он позаимствовал у Олдоса Хаксли («*О дивный новый мир*»).

успокаивающе покачал головой.

— Иди же, пообщайся со всеми, кто стоит внимания, — сказала Мария, взяв его под локоть. — У нас целая вечность впереди друг для друга.

Свет под крестчатыми сводами снова изменился, сдвинувшись по спектру. Костюмы сменили цвет. Кожа, ранее блиставшая розовым перламутром, теперь стала зловеще люминесцировать.

Тэйт с левого фланга Рейха подал условный сигнал:

Опасность! Опасность! Опасность!

Натяженье, предвкушенье, треволненье — просто класс! Рифф. Натяженье, предвкушенье, треволненье — просто класс!..

Мария представляла другого своего любимчика неопределенного пола — летящий, золотистая стрижка, блуза оттенка фуксии, кюлоты цвета берлинской лазури.

— Бен, это Ларри Ферар, другой мой секретарь по связям с общественностью. Ларри не терпится с тобой познакомиться.

Четыре, сэр; три, сэр…

— Мистер Рейх! Я в смятении. Ни единого слова на язык не приходит, вот те раз.

Два, сэр; раз!

Юноша довольствовался ответной усмешкой

Рейха и исчез. Тэйт, продолжавший конвоировать их, успокоительно кивнул Рейху. И снова переменилось освещение под потолком. Фрагменты костюмов на телах гостей истаяли; Рейх, которого мода на ультрафиолетово-прозрачные вставки не прельстила, в безопасном непрозрачном одеянии презрительно наблюдал, как рыщут взгляды кругом, доискиваясь, сравнивая, восхищаясь, вожделея.

Тэйт просигналил:

Опасность! Опасность! Опасность!

Тень, сэр, сказал Тензор…

Рядом с Марией возник секретарь.

— Мадам, — пролепетал он, — у нас небольшое contretemps[6].

— А именно?

— Тут мальчишка Червилов. Гален Червил.

Лицо Тэйта напряглось.

— А что в нем особенного? — окинула взглядом толпу Мария.

— Он слева от фонтана, видите? Это самозванец, мадам. Я его прощупал. Он явился без приглашения. Он в колледже учится. Побился об заклад, что проникнет к вам на вечеринку «зайцем».

---

[6] Примечания: 6

Непредвиденное осложнение (*франц.*).

Намерен похитить ваше изображение в качестве доказательства.

— Мое изображение! — Мария разглядывала юного Червила и окошки в его одежде. — А какого он мнения обо мне?

— Гм, мадам, его крайне сложно прощупывать. Однако мне кажется, что он не ограничится попыткой похитить только ваше изображение.

— Правда? — удовлетворенно хмыкнула Мария.

— Правда, мадам. Вышвырнуть его?

— Нет. — Мария еще раз посмотрела на мускулистого молодого человека, потом отвернулась. — Он получит свое доказательство.

— И ему даже воровать его не придется, — заметил Рейх.

— Ревнючка! Ревнючка! — пискнула она. — Пойдем перекусим.

Рейх на миг отошел в сторонку, увидев настойчивый жест Тэйта.

— Рейх, придется все отменить.

— Какого черта?

— Тут же малец Червилов.

— А что в нем такого?

— Он второклассный.

— Блин!

— Он талантлив не по годам. Вундеркинд. Я его встретил в прошлое воскресенье у Пауэлла. Мария Бомон никогда не приглашает к себе эсперов. Меня пропустили только потому, что я сопровождаю вас. Я исходил именно из этого.

— И надо ж было этому щупачонку проникнуть на вечеринку. Блин!

— Рейх, закругляйтесь.

— Может, получится обойти его стороной?

— Рейх, я в состоянии прикрыть вас от секретарей по связям с общественностью. Они всего лишь третьеклассники. Но я не гарантирую, что управлюсь и с ними, и со второклассником, пускай и пацаном. Он молод. Не исключено, слишком взволнован, чтобы прощупывать как следует. Однако я ничего не гарантирую.

— Я не оставлю затеи, — вскипел Рейх. — Я не могу! Никогда больше мне не представится такого шанса. Если бы даже мог, не вышел бы из игры. А я не могу. Нюхом чую, д'Куртнэ здесь. Я…

— Рейх, вам ни за что не…

— Не спорь со мной! Я все преодолею. — Рейх презрительно глянул в тревожное лицо Тэйта. — Вижу, ты ищешь предлога соскочить, э? Не прокатит. Мы тут повязаны. Мы пройдем этот путь вдвоем до конца, до Разрушения, если не

повезет.

Он усилием воли превратил свою гримасу в застывшую улыбку и вернулся к хозяйке вечера, заняв место за одним из столов. На таких приемах у пар все еще было в обычае угощать друг друга, но, порожденная восточной учтивостью и гостеприимством, эта традиция деградировала до эротической игры. Кусочки пищи предлагали, одновременно касаясь языком пальцев, а иногда губами. Вино переливали из уст в уста. Сладостями угощали еще более интимно.

Рейх, крайне раздраженный, с нетерпением дожидался сигнала Тэйта. В разведывательные обязанности эспера входил поиск места в доме, где скрывается д'Куртнэ. Рейх наблюдал, как маленький щупач перемещается от стола к столу, пробует, зондирует, выискивает; в конце концов Тэйт вернулся, отрицательно покачав головой, и показал на Марию Бомон. Очевидно, Мария — единственный источник информации, но она так возбуждена, что прощупать ее нелегко. Очередная преграда из бесконечного ряда, и ее надлежало обойти, повинуясь инстинкту убийцы. Рейх поднялся и пошел к фонтану. Тэйт заступил ему дорогу.

— Рейх, вы что делаете?

— А разве не очевидно? Я собираюсь отвлечь ее от пацана Червила.

— Как?

— Непонятно, что ли?

— Рейх, ради всего святого, не приближайтесь к мальчишке.

— Убирайся. — От Рейха к щупачу метнулась волна яростной решимости, вынудившая того отскочить. Он сжался в страхе, и Рейх с трудом взял себя в руки.

— Я понимаю, это рискованно, однако не настолько опасно, как тебе кажется. Во-первых, он молод да зелен. Во-вторых, он тут нелегально и напуган. В-третьих, он наверняка еще не достиг полного умения, раз эти пидорковатые секретутки его так быстро нащупали.

— Вы освоили какой-нибудь прием сознательного контроля? Владеете двоемыслием?[7]

— У меня в голове завязло помимо этой приставучей песенки достаточно неприятных тем, чтобы двоемыслие стало развлечением. А теперь кыш. Оставайся здесь и следи за Марией Бомон.

Червил в одиночестве сидел у фонтана и ел,

---

[7] Примечания: 7

Термин отсылает к «*1984*» Джорджа Оруэлла и переведен сообразно русской традиции издания этой книги.

неуклюже делая вид, будто он тут в своей тарелке.

— Пип, — сказал Рейх.

— Поп, — сказал Червил.

— Бим, — сказал Рейх.

— Бам, — сказал Червил.

Закончив с этим новомодным вступлением к разговору, Рейх присел рядом.

— Я Бен Рейх.

— Я Галли Червил, то есть… Гален. Я… э-э… — Юношу явно впечатлила персона собеседника.

Натяженье, предвкушенье, треволненье…

— Чертова песенка, — проворчал Рейх, — пару дней назад впервые услышал, до сих пор в башке крутится. Червил, тут такое дело: Мария знает, что вы проникли на вечеринку «зайцем».

— О нет!

Рейх кивнул. *Натяженье, предвкушенье…*

— Мне пуститься в бегство?

— Без картинки?

— Вы и об этом знаете? Наверное, в доме щупач.

— Двое. Секретари по связям с общественностью. Ловят таких, как вы.

— Что же мне делать без картинки, мистер Рейх? Я побился об заклад на пятьдесят креди-

тов. Вы знаете силу пари. Вы сам игрок… тьфу, финансист.

— Рады, что я не щупач, э? Пустое. Я не обиделся. Видите вон ту арку? Ступайте прямо под нее и направо. Там будет кабинет. Стены его все в портретах Марии в синтетических камнях. Плевое дело. Она ни за что не хватится одного случайного.

Мальчишка вскочил, рассыпав еду.

— Спасибо вам, мистер Рейх. Как-нибудь постараюсь отблагодарить.

— Например?

— Вы удивитесь. Так получилось, что я… — Он осекся и покраснел. — В общем, узнаете, сэр. Еще раз спасибо. — Он запетлял в толпе, направляясь к указанному кабинету.

Четыре, сэр; три, сэр; два, сэр; раз!

Рейх вернулся к хозяйке.

— Ах ты негодник, — сказала та. — Ты кого там кормил? Я ей глаза выцарапаю.

— Мальчишку Червила, — ответил Рейх. — Он спрашивал, где хранятся твои изображения.

— Бен! Ты же ему не сказал?

— Сказал, конечно, — ухмыльнулся Рейх. — Он как раз двинул за одним из них. А потом уйдет. Ты же знаешь, я ревнив.

Мария вскочила с кушетки и уплыла в направлении кабинета.

— Бам, — молвил Рейх.

К одиннадцати часам ритуал угощения так разгорячил компанию, что гости мечтали только о том, чтобы уединиться в темноте. Мария Бомон никогда не обманывала ожиданий, и Рейх надеялся, что эта вечеринка не составит исключения. Она наверняка сыграет в «Сардинки». Он понял, что так будет, когда вернулся Тэйт с донесением о точном местопребывании схоронившегося д'Куртнэ.

— Не понимаю, как вам удалось пройти незамеченным, — прошептал Тэйт. — От вас на всех телепатических волнах просто несет жаждой убийства. Он здесь. Один. Слуг нет. При нем только два охранника от Марии. @кинс был прав. Он тяжело болен…

— Плевать. Я принесу ему облегчение. Где он?

— Идите под западную арку и направо. Вверх по лестнице. Через крытый мостик и направо. Картинная галерея. Дверь между «Соблазнением Лукреции» и «Похищением сабинянок».

— Типичненько-то как.

— Откройте дверь. Поднимитесь по лестничному пролету на следующий этаж. В прихожей

охрана. За нею, внутри, сам д'Куртнэ. Это старый номер для новобрачных, пристроенный дедом Марии.

— О! Я использую это место по назначению. Я обручу его со смертью! А сам обведу всех вокруг пальца, крошка Гас. Даже не надейся, что мне это не удастся.

Позолоченная Мумия призвала собравшихся к вниманию. Румяная, потная, облитая розовым сиянием, Мария поднялась на подиум меж двух фонтанов и захлопала в ладоши. Потные руки смыкались, и хлопки эхом ревели в ушах Рейха. Смерть! Смерть! Смерть!

— Мои дорогие! Мои дорогие! Мои дорогие! — взывала она. — Мы так славно развлечемся нынче вечером. Мы сами друг друга развлечем.

По толпе гостей прокатился сдавленный ропот. Пьяный голос откликнулся:

— Да я просто туристка!

Заглушая смешки, Мария продолжала:

— Вы не будете разочарованы, потаскушки. Мы сыграем в чудесную старинную игру, и играть мы станем… в темноте.

Компания весело загалдела. Потолочное освещение потускнело и выключилось. Но подиум остался залит светом, и в этом свете Мария доста-

ла потрепанную книжку. Подарок Рейха.

Натяженье…

Мария медленно перелистывала страницы, моргая от усилий разобрать незнакомый шрифт.

Предвкушенье…

— Эта игра, — возгласила Мария, — называется «Сардинки». Разве не прелесть?

Она заглотила наживку. Она на крючке. Через три минуты я стану невидим.

Рейх ощупал карманы. Пушка. Ионизатор родопсина.

Натяженье, предвкушенье, треволненье — просто класс!

— Один игрок, — читала Мария, — водит. Это, видать, буду я. В доме гасят весь свет, и ведущий где-нибудь прячется.

Пока Мария с трудом разбирала инструкцию, огромный зал погружался в непроглядную тьму, если не считать единственного розового луча света, нацеленного на сцену.

— …Постепенно каждый игрок находит «сардинок» и присоединяется, пока все не спрячутся в одном месте, а последний — проигравший — не останется блуждать один во тьме. — Мария захлопнула томик. — И, мои дорогие, проигравшему останется горько сожалеть, потому как

мы эту прелестную старую игру чудесненько подновим. — Последний луч света начал таять. Мария сбросила платье и продемонстрировала ошеломительно прекрасное нагое тело, чудо пневматической хирургии.

— Вот как мы станем играть в «Сардинки»! — возгласила она.

Свет погас окончательно. Прозвучал рев — смесь возбужденного смеха, аплодисментов, затем шороха множества одежд по коже. Иногда что-то рвалось, звучали сдавленные восклицания и новые смешки.

Рейх наконец сделался невидим. У него было в распоряжении полчаса, чтобы проникнуть на верхний ярус, найти и убить д'Куртнэ, а потом вернуться к играющим. Тэйт обещал, что на время атаки отвлечет щупачей-секретарей. Он был в безопасности. План превосходен, если не считать присутствия мальчишки Червила. Придется рискнуть.

Он пересек главный зал и ввинтился в толпу тел у западной арки. Протолкался, проследовал в музыкальный салон, повернул направо, начал пробираться к лестнице. У подножия пришлось перебраться через барьер, образованный телами; руки, будто щупальца осьминога, тянулись к

нему. Он взобрался по лестнице — семнадцать уходящих в вечность ступенек. Двинулся по мостику с низкой крышей, отделанному велюром изнутри. Внезапно его кто-то схватил. Женщина. Она прижалась к нему.

— Привет, сардинка, — прошептала она ему на ухо. И почувствовала кожей, что он одет.

— Ну ты даешь! — воскликнула она. Наткнулась на твердую пушку в нагрудном кармане. — Что это?

Он отпихнул ее руку.

— Не теряйся, сардинка, — хихикнула женщина. — Вылезай из жестянки.

Он увильнул от нее и расшиб нос, забредя в тупик перехода. Вернулся, пошел направо, открыл дверь и оказался в сводчатой галерее длиною более пятидесяти футов[8]. Здесь тоже не было света, однако люминесцентные картины под ультрафиолетовыми светильниками наполняли галерею нездоровым блеском. Галерея пустовала.

Между разгневанной Лукрецией и ордой сабинянок нашлась дверца из полированной бронзы. Рейх остановился перед ней, вынул из заднего кармана небольшой ионизатор родопсина и

---

[8] Примечания: 8
Более 15 м.

примерил медный кубик между большим и указательным пальцами. Руки его тряслись, как в лихорадке. Ярость и ненависть пылали внутри, жажда убийства посылала мысленному оку образы д'Куртнэ в агонии — снова и снова.

— Господи! — взмолился он. — Он первый начал. Он мне в глотку вцепился. Я просто сражаюсь за жизнь.

Он возносил молитвы фанатично, троекратно, девятикратно.

— Не оставь меня, милый Христос! Ныне, и присно, и во веки веков. Не оставь меня! Не оставь меня! Не оставь меня!

Дрожь пальцев унялась. Он задержал в них родопсиновую капсулу, потом рванул на себя бронзовую дверцу и пронесся через девять ступеней в прихожую. Щелкнул пальцами по медному кубику с такой силой, словно пытался монетку на луну запулить. Родопсиновая капсула влетела в прихожую. Рейх отвернулся.

Полыхнуло холодно-пурпурное пламя. Рейх ринулся по ступенькам, как тигр. Два охранника Бомон-Хауса сидели на скамье, где их застала вспышка. Лица их обвисли, зрение отключилось, ощущение времени пропало.

Если кто-нибудь сейчас войдет и обнаружит

охрану в таком состоянии, пока он не закончил работу, ему одна дорога — к Разрушению. Если охранники очухаются прежде, чем он закончит работу, ему одна дорога — к Разрушению. Как ни крути, а ему предстояло финальное испытание на Разрушение. Отринув остатки здравого смысла, Рейх открыл богато инкрустированную дверь и вошел в номер.

5

Рейх оказался в сферическом помещении, походившем на сердцевину исполинской орхидеи. Стены закруглялись, словно орхидейные лепестки, пол был как золотистая чашечка цветка, а столы, стулья и кушетки имели орхидейно-золотистый цвет. Но комната была старая. Лепестки выцвели и облупились, между золотистыми плитками древнего пола виднелись щели. На кушетке лежал старик, иссушенный, вялый, подобный увядшему сорняку. Это был д'Куртнэ, и он вытянулся неподвижно, словно труп.

Рейх гневно хлопнул дверью.

— Ты же еще не мертв, старый ублюдок! — воскликнул он. — Ты не мог так просто взять и сдохнуть!

Немощный старец пришел в себя, уставился на него, потом, сделав болезненное усилие, поднялся с кушетки. Лицо его искривилось в улыбке.

— Ты еще жив! — обрадовался Рейх.

Д'Куртнэ двинулся к Рейху, улыбаясь и простирая руки, точно приветствуя вернувшегося блудного сына.

Рейх снова встревожился.

— Ты что, глухой? — завопил он.

Старик покачал головой.

— Ты говоришь по-английски, — кричал Рейх, — ты меня слышишь. Ты понимаешь меня. Я Рейх. Бен Рейх, из «Монарха».

Д'Куртнэ кивнул, не переставая улыбаться. Губы его беззвучно шевелились. На глазах вдруг блеснули слезы.

— Да что с тобой такое, черт подери? Я Бен Рейх! Бен Рейх! Ты знаешь, кто я такой? Отвечай!

Д'Куртнэ покачал головой и прокашлялся. Губы снова зашевелились. Послышался слабый звук, подобный скрежету ржавой задвижки; потом слова, тихие, как падение пылинок:

— Бен… Дорогой мой Бен… Так долго ждал. Теперь… Не могу говорить. Горло… Не могу говорить.

И он снова попытался обнять Рейха.

— Гр-р-р! — зарычал Рейх. — Не трогай меня, идиот ты придурочный! — Рейх ощетинился и стал кружить около д'Куртнэ, как хищник. Жажда убийства бурлила в его крови.

Губы д'Куртнэ изобразили слова:

— Дорогой Бен…

— Ты знаешь, почему я тут. Что ты затеял? Хочешь меня обольстить, а? — Рейх расхохо-

тался. — Старый гомик. Думаешь, я размякну от твоих приставаний? — Рука его метнулась вперед. Старик, получив оплеуху, отлетел и упал в орхидейное кресло, похожее на разверстую рану.

— Слушай меня. — Рейх надвинулся на д'Куртнэ и перешел на бессвязный крик: — Я много лет мечтал воздать тебе по заслугам. А ты хочешь меня иудиным поцелуем ограбить? Подставляют ли убийцы другую щеку? Если так, обнимемся же, собрат мой убийца. Облобызаем смерть! Научим ее любви. Божественной любви, крови, стыду и… Нет. Стоп. Я…

Он осекся и затряс головой, как бык, стремясь сбросить узды исступления.

— Бен, — в ужасе зашептал д'Куртнэ. — Послушай, Бен…

— Ты мне десять лет поперек горла стоишь. Для нас обоих места достаточно. Для д'Куртнэ и «Монарха». В нашем распоряжении все пространство и время, но тебе нужно было пустить мне кровь, а? Вырвать мне сердце. Кишки мои намотать на грязные свои руки. Человек Без Лица!

Д'Куртнэ озадаченно качал головой.

— Нет, Бен… Нет.

— Не смей звать меня Бен. Я тебе не друг. На прошлой неделе я дал тебе еще один шанс выйти из

ситуации с достоинством. Я, Бен Рейх. Я запросил мира. Я умолял тебя о пощаде. О слиянии. Я перед тобой ползал на коленях, как девка. Видел бы это мой отец, так он бы мне в лицо плюнул. Рейхи всегда дрались насмерть, а я их так опозорил. Но ведь я запросил мира, не так ли? Э? Разве не так? — Рейх яростно затряс д'Куртнэ. — Отвечай.

Лицо д'Куртнэ побелело, он ошеломленно воззрился на Рейха. Наконец старик прошептал:

— Да. Ты попросил… Я согласился.

— Ты… что?

— Я согласился. Я ждал этого много лет. Согласился.

— Согласился?!

Д'Куртнэ кивнул. Его губы прошептали по буквам:

— WWHG.

— Что? WWHG? И ты типа согласился?

Старик снова кивнул.

Рейх покатился со смеху:

— Ты, старикашка, даже врать не умеешь толком. Это ведь отказ. Отрицалово. Отвержение. Война.

— Нет, Бен… Нет.

Рейх склонился к нему и рывком поднял д'Куртнэ на ноги. Старик ослабел и весил мало, но под

его тяжестью рука Рейха налилась огнем, а прикосновение старой кожи опалило пальцы.

— Значит, война? Насмерть?

Д'Куртнэ покачал головой и попытался жестами что-то ответить.

— Никакого слияния. Никакого перемирия. Смерть. Таков твой выбор?

— Бен… Нет.

— Ты сдаешься?

— Да, — прошептал д'Куртнэ. — Да, Бен. Да.

— Лжец. Ты даже врать не умеешь толком, старикашка. — Рейх рассмеялся. — Но ты опасен, я это вижу. Защитная мимикрия. Вон какой фокус придумал. Изображаешь идиота, и все ведутся на твою удочку. Но не я. Ни за что.

— Я тебе не… враг, Бен.

— Нет! — выплюнул Рейх. — Ты мне не враг, потому что ты мертвец. Ты умер в тот миг, как я вошел в этот орхидейный гроб. Человек Без Лица! Ты слышишь мой крик в последний раз? С тобой покончено навеки!

Рейх выхватил пистолет из нагрудного кармана. Коснулся кнопки, и пушка раскрылась красным стальным цветком. Из горла д'Куртнэ вырвался слабый стон при виде оружия. Старик в ужасе отшатнулся. Рейх схватил его и крепко

сжал. Д'Куртнэ задергался в руках Рейха, умоляюще глядя на того слезящимися, остекленевшими глазами. Рейх перехватил д'Куртнэ за тощую шею и стал выкручивать голову на себя. Нужно было выстрелить в открытый рот, чтобы трюк сработал.

В это мгновение раскрылся один из лепестков орхидеи, и в комнату ворвалась полуодетая девушка. Рейх изумленно вскинулся и увидел за ее спиной коридор, в дальнем конце — приоткрытую дверь спальни; на девушке был лишь наспех наброшенный матовый шелковый халатик, желтые волосы развеваются, темные глаза распахнуты в тревожном изумлении… Ослепительная вспышка диковатой красоты.

— Папа! — завопила она. — О, боже мой, папа!

Она устремилась к д'Куртнэ. Рейх дернулся в сторону, не выпуская старика. Девушка замерла, попятилась, потом рванулась влево, обходя Рейха и не переставая кричать. Рейх крутанулся и яростно резанул воздух стилетом. Она увернулась, но движение это отогнало ее к кушетке. Рейх сунул кончик стилета старику между зубов и силком открыл тому рот.

— Нет! — завизжала она. — Нет! Ради всего святого, папа!

Она выбралась из-за кушетки и снова устремилась к отцу. Рейх просунул ствол оружия в рот д'Куртнэ и спустил курок. Последовал приглушенный выстрел, из затылка д'Куртнэ вылетел кровавый сгусток. Рейх отпустил тело, позволив ему упасть, и прыгнул на девушку. Он поймал ее, но та продолжала кричать и отбиваться.

Они закричали вместе. Жуткие спазмы скрутили Рейха, вынудив отпустить девушку. Та пала на колени и поползла к трупу. Застонав, вытащила оставшийся меж челюстей покойника пистолет. Затем скорчилась над вздрагивающим телом — безмолвная, с остановившимся взором на восковом лице.

Рейх глотнул воздух и с усилием стукнул костяшками пальцев друг о друга так, что стало больно. Рев в ушах улегся, он снова ринулся к девушке, пытаясь собраться с мыслями и на ходу меняя планы. Он и не подумал, что здесь может оказаться свидетель. О дочери никто не упоминал. Проклятый Тэйт! Придется убить девушку. И…

Она снова развернулась и бросила полный ужаса взгляд через плечо. И опять ослепительная вспышка: желтые волосы, темные глаза, темные брови, дикарская краса. Она вскочила, ускользнув

от его еще непослушных рук, и побежала к инкрустированной двери. Распахнула и вырвалась в прихожую. Пока дверь медленно закрывалась, Рейх успел краем глаза заметить все еще недвижимых, обмякших на скамье охранников и девушку — та молча неслась вниз по лестнице, неся в руках пистолет… неся Разрушение.

Рейх пришел в себя. Кровь, перед тем словно сбитая в комки, снова запульсировала в его венах. В три прыжка он достиг двери, выбежал наружу и устремился в картинную галерею вниз по ступеням. Там было пусто, но дверь, ведущая на крытый мостик, еще закрывалась. И тишина. Тревоги не подняли. Сколько еще у него времени, прежде чем она переполошит своими воплями весь дом?

Он пронесся по галерее и ворвался на крытый мостик. Там царила непроглядная тьма. Он побрел вперед, достиг новой лестницы, ведущей в музыкальный салон, и там снова перевел дух. Все еще тихо. Нет сигналов тревоги.

Он спустился по лестнице. Темнота и тишина ужасали. Почему она не кричит? А где она вообще? Рейх пересек салон в направлении западной арки и по шелесту фонтанов понял, что стоит на краю главного зала. Где девчонка? В темноте и

безмолвии — где она может оказаться? А пушка! О, боже! Треклятая пушка…

Его тронули за руку. Рейх тревожно дернулся. Тэйт прошептал:

— Я тут рядом стоял. У вас ушло ровно…

— Ах ты сучонок! — взорвался Рейх. — Там была его дочь. Ты почему не…

— Тихо, — скомандовал Тэйт. — Дайте я прощупаю.

Спустя пятнадцать секунд обжигающего молчания он начал трястись. И простонал полным страха голосом:

— О, боже. О, боже мой…

Его ужас послужил катализатором; к Рейху вернулось самообладание. Он снова стал мыслить связно.

— Заткнись, — прорычал он. — Это еще не Разрушение.

— Рейх, тебе придется и ее убить. И ты…

— Заткнись. Сначала найди ее. Прочеши дом. Ты знаешь от меня ее мотив. Нашарь его. Я буду у фонтана. И в темпе!

Он отшвырнул Тэйта и побрел, спотыкаясь, к фонтану. Перегнувшись через яшмовый край, омыл пылающее лицо. Как выяснилось, бургундским. Рейх вытерся, не обращая внимания на

глухую возню с другой стороны. Вероятно, там кто-то неведомый или неведомые тоже в ванне из вина.

Он стал быстро размышлять. Нужно найти и убить девчонку. Если пушка еще будет при ней, когда Тэйт ее обнаружит, можно использовать оружие. А если нет? Тогда что? Задушить ее? Нет. Фонтан. Под шелковым халатиком на ней ничего нет. Его можно сорвать. Ее найдут утонувшей в фонтане… примут за какую-нибудь гостью, слишком долго купавшуюся в вине. Но нужно действовать быстро… быстро… быстро. Прежде чем окончится долбаная игра в «Сардинки». Где Тэйт? Где эта девка?

Тэйт вернулся, спотыкаясь во тьме и тяжело дыша.

— Ну?

— Она скрылась.

— Ты не так долго отсутствовал, чтобы прочесать дом. Если думаешь меня провести…

— С какой стати? Мы с тобой тут повязаны. Говорю тебе, ее мотива нигде в доме не чувствуется. Она сбежала.

— А кто-нибудь заметил ее исчезновение?

— Нет.

— О, господи! Сбежала!

— Нам лучше тоже сделать ноги.

— Да, но сбежать мы не можем. Как только выберемся отсюда, у нас будет в распоряжении вся ночь, чтобы отыскать ее, но нельзя уйти так, словно ничего не произошло. Где Позолоченная Мумия?

— В проекционном зале.

— Передачу смотрит?

— Нет. Они там все еще в «Сардинки» играют. Набились, как сельди в бочку. Мы почти последние тут по дому бродим.

— Одни во тьме, да? Ну хорошо.

Он сгреб Тэйта за трясущийся локоть и поволок в сторону проекционного зала. На ходу он жалобно выкрикивал:

— Эй… А где все? Мария! Ма-ри-я-а-а! Где все?

Тэйт истерически всхлипнул. Рейх грубо встряхнул его:

— Войди в роль! Мы через пять минут отсюда выберемся. Потом начинай беспокоиться.

— Но если мы тут застрянем, то девчонку разыскать не получится. Мы…

— Мы не застрянем. Прописные истины, Гас: дерзость, отвага, уверенность в себе. — Рейх толкнул дверь проекционного зала. Там было темно, однако чувствовался жар множества тел. — Эй! —

позвал он. — А где все? Я один.

Ответа не было.

— Мария? Я один в темноте.

Зароптали, потом разразились смехом.

— Мой дорогой, дорогой, дорогой! — отозвалась Мария. — Ты все самое интересное пропустил, мой дорогой.

— Мария, ты где? Я пришел пожелать тебе спокойной ночи.

— Ой, только не говори, что уходишь…

— Извини, дорогая. Уже поздно. Мне завтра кое-кого взять в оборот надо. А ты где, Мария?

— Поднимайся на сцену, дорогой.

Рейх прошел между кресел, нашарил ступени и поднялся на сцену. Почувствовал спиной холодный периметр проекционного шара.

— Порядок! — сказал чей-то голос. — Попалась рыбка. Свет!

Белый свет излился из шара и ослепил Рейха. Гости, рассевшиеся в креслах вокруг сцены, сперва разразились смехом, потом разочарованно зашикали.

— Бен, ах ты обманщик! — возмутилась Мария. — Ты одет. Так нечестно. Мы тут всех остальных застукали в чем мама родила.

— Как-нибудь в другой раз, милая Мария. —

Рейх простер руку и начал исполнять грациозный прощальный поклон. — Мое почтение, мадам. Благодарю за… — И осекся в изумлении. На блестящем белом манжете его костюма яростно запылало красное пятно.

В ошеломленной тишине Рейх видел, как появляется второе, потом третье красное пятно. Он отдернул руку, и красная капля упала на сцену перед ним; за нею последовал медленный, неумолимый поток блестящих алых капель.

— Кровь! — завизжала Мария. — Это кровь! Там кто-то наверху истекает кровью. Бен, ради бога… ты не можешь меня сейчас оставить. Свет! Свет! Свет зажгите!

6

В половине первого ночи чрезвычайный полицейский патруль прибыл в Бомон-Хаус по сигналу из окружного участка. *GZ. Бомон. YLP-R*, что в переводе на человеческий язык означало: *Противозаконное действие или уклонение в Бомон-Хаус, Парк-Саут, 9.*

Без двадцати час ночи явился капитан участка на Парк, получив сообщение от патрульных: *Преступление, возм. ААА.*

В час ночи к Бомон-Хаусу прибыл Линкольн Пауэлл, отреагировав на звонок переполошившегося помощника инспектора:

— Пауэлл, говорю вам, это ААА. Чтоб мне провалиться. Из меня и дух вон, честно признаюсь. Не знаю, страшиться этого или благодарить судьбу, но одно знаю: никому из нас с таким не справиться.

— Почему?

— А вы сами посмотрите, Пауэлл. Убийство есть аномалия. Лишь носитель искаженного телепатического мотива может причинить смерть посредством насилия. Правильно?

— Да.

— Именно поэтому уже больше семидесяти лет не случалось успешного ААА. Нельзя просто так взять и выйти на улицу с искаженными телепатемами, замышляя убийство, и остаться незамеченным. Шансов на это примерно столько же, сколько остаться в толпе неузнанным человеку с тремя головами. Вы, щупачи, обязательно выловите такого еще прежде, чем он возьмется за дело.

— Мы пытаемся… если вступаем с ними в контакт.

— А щупачьих фильтров нынче столько расплодилось, что у обычного человека практически нет шансов избежать контакта с вами. Нужно жить отшельником, чтобы это получилось. Каким образом отшельник мог бы совершить убийство?

— А и вправду, как?

— Убийство это, несомненно, было тщательно спланировано… и тем не менее никто не заметил убийцу. Не доложил о нем. Даже личные секретари-щупачи Марии Бомон. Значит, отмечать было попросту нечего. Убийца, очевидно, демонстрировал безобидный телепатический мотив — но при этом оставался достаточно ненормален, чтобы совершить преступление. Не понимаю, как разрешить такой парадокс.

— Ясно. Какие у нас перспективы?

— В этом деле чертовски много неувязок, их и нужно прояснить первым делом. Во-первых, мы не знаем, как был убит д'Куртнэ. Во-вторых, исчезла его дочь. В-третьих, кто-то вычеркнул из жизни охранников д'Куртнэ целый час, и мы не понимаем, как. В-четвертых…

— Хватит. Я выезжаю немедленно.

Большой зал Бомон-Хауса был залит режущим белым светом. Повсюду кишели полицейские в форме. Суетливо, как жуки, бегали лабораторные техники-криминалисты в белых халатах. В центр зала согнали гостей вечеринки (одетых), и они топтались там, подобно стаду перепуганных бычков на бойне.

Пауэлл, высокий и худощавый, в черном смокинге с белой манишкой, спускался по восточному эскалатору навстречу волне враждебности. Он быстро отреагировал, потянувшись к разуму Джаксона Бека, полицейского инспектора, эспера-2:

Как тут дела, Джакс?

Как сажа бела.

Переключившись на неформальный полицейский жаргон перепутанных образов, инвертированных смыслов и личных символов, Бек

продолжил:

Тут щупачи. Внимательней…

За микросекунду он ввел Пауэлла в курс дел.

Ясно. Хреново. А зачем вы их туда согнали? Что-нибудь инсценируете?

Ага. Сыграем в хорошего и плохого полицейских.

А это необходимо?

Эта толпа прогнила изнутри. Они избалованы. Коррумпированы. Они ни за что не пойдут на добровольное сотрудничество. Придется прибегнуть к какому-нибудь трюку, чтобы вытянуть из них хоть что-то; а в нашем случае такое попросту неизбежно. Я буду плохим полицейским, а ты хорошим.

Правильно. Отлично. Начинай запись.

На полпути вниз Пауэлл остановился. Усмешка сбежала с его губ. Дружелюбие испарилось из глубоко посаженных темных глаз. На его лице возникло выражение шокированного возмущения.

— Бек! — отрывисто бросил он. Голос его разорвал гулкую тишину зала. Тишина была полной. Все глаза повернулись к нему.

Инспектор Бек обернулся к Пауэллу и с вызовом ответил:

— Здесь, сэр.

— Это вы тут главный, Бек?

— Я, сэр.

— Так-то вы себе представляете нормальное расследование? Согнать невиновных людей в кучу, словно скот?

— Они не то чтобы невиновные, — огрызнулся Бек. — Тут человека убили.

— Бек, в этом доме все невиновны, пока не будет установлена истина, и обращаться с ними надлежит как можно вежливее.

— Чего-о? — фыркнул Бек. — С этой лживой шайкой? Как можно вежливее? С этими гнилодушными и порочными великосветскими гиенами?

— Как вы смеете?! Извинитесь немедленно.

Бек глубоко вздохнул и сердито сжал кулаки.

— Инспектор Бек, вы меня слышите? Немедленно извинитесь перед присутствующими.

Бек зыркнул на Пауэлла, но обернулся к наблюдавшим за ними гостям.

— Извините, — буркнул он.

— И предупреждаю вас, Бек, — бросил Пауэлл, — если что-нибудь в этом роде повторится, я вас разжалую. Отправитесь обратно в сточную канаву, откуда выкарабкались. А теперь прова-

ливайте, чтоб духу вашего тут не было.

Пауэлл спустился в зал и улыбкой приветствовал собравшихся. Внезапно с ним случилась новая резкая перемена. Нечто неуловимое в его манере наводило теперь гостей на мысль о том, что в глубине души он таков же, как они. Даже в произношении проскальзывали модные вольности.

— Леди и джентльмены, конечно, я вас всех знаю понаслышке. Сам я не столь известен, поэтому позвольте отрекомендоваться: Линкольн Пауэлл, префект психотического отдела полиции. Префект. Психотического отдела. Старинные термины, гм? Не будем ими себя отягчать. — Он двинулся к Марии Бомон, протягивая руку. — Дорогая мадам Мария, сколь волнующее завершение возымел изысканный вечер, устроенный вами. Я вам всем завидую. Вы войдете в историю.

Среди гостей прокатился довольный шепоток. Нависшая над толпой мрачная настороженность понемногу рассеивалась. Мария рассеянно взяла протянутую руку Пауэлла, на автомате начиная прихорашиваться.

— Мадам… — Он смутил и порадовал ее, с отеческой теплотой запечатлев поцелуй на ее лбу. — Я

понимаю, вам нелегко пришлось. Ох уж эти мужланы в форме.

— Милый префект… — Она словно стала маленькой девочкой, льнущей к его руке. — Я так перепугалась.

— Есть ли здесь тихая комната, где все мы могли бы расслабиться и посидеть, дожидаясь завершения тягостной процедуры?

— Да. Кабинет, дорогой префект Пауэлл. — Мария так вошла в роль, что начала пришептывать.

Пауэлл отвел руку за спину и щелкнул пальцами. Появившемуся капитану он сказал:

— Отведите мадам и ее гостей в кабинет. Никаких караульных. Леди и джентльмены хотели бы почувствовать себя свободно.

— Мистер Пауэлл… сэр… — Капитан прокашлялся. — Насчет гостей. Один из них прибыл после того, как было получено извещение о преступлении. Это присяжный поверенный, мистер ¼мэйн.

Пауэлл отыскал в толпе Джо ¼мэйна, присяжного поверенного и эспера-2, и послал телепатическое приветствие.

Джо?

Привет.

Какими судьбами в этом притоне?

По делам. Меня вызвал мой кли (Бен Рейх) ент.

О, эта акула? Интересно. Подожди здесь вместе с Рейхом. Мы проведем рекогносцировку.

Неплохо у вас с Беком это вышло.

Блин. Ты нас раскусил?

Все крайне правдоподобно. Но я-то вас обоих знаю. Добрейший Бек в роли злого полицейского — все как по учебнику.

Бек, с угрюмым видом удалившийся было в угол зала, вмешался: *Не выдай нас, Джо.*

Ты сдурел? По реакции ¼мэйна казалось, будто его попросили не смешивать с грязью самые священные идеалы Эспер-Гильдии. От него пошла такая волна возмущения, что Бек ухмыльнулся.

Все это случилось в течение секунды, пока Пауэлл снова запечатлевал невинный поцелуй на лбу Марии и вежливо освобождался от ее дрожащих объятий.

— Леди и джентльмены, увидимся снова уже в кабинете.

Толпа гостей, понукаемая капитаном, двинулась туда. Оживленная болтовня возобновилась. Похоже, они начинали принимать происходящее за увлекательную новую забаву. И вдруг среди смеха и отвлеченного гомона Пауэлл ощутил

железные прутья жесткого телепатического блока. Он узнал их и позволил себе выказать изумление.

Гас! Гас Тэйт!

О, привет, Пауэлл.

Ты тут? Притаился и вынюхиваешь?

Гас? — встрепенулся Бек. — *Где? Я его не замечал.*

От кого ты, блин, прячешься?

Хаотический отклик: гнев, смущение, стыд, страх потерять репутацию, самоуничижение, стыд…

Гас, расслабься. Тебя зациклило. Еще один маленький скандал твоей репутации ничуть не повредит. Наоборот, человеческих черт прибавит. Оставайся здесь, поможешь нам. Хорошо, когда можно положиться на другого первоклассного. Чует мое сердце, с этим ААА мы как следует намучаемся.

Когда зал почти опустел, Пауэлл окинул взглядом троих оставшихся. Джо ¼мэйн был крупный, плотный, грузный, с сияющей лысиной и дружелюбным лицом грубоватых черт. Малыш Тэйт, как всегда, дергался и нервничал… нет, даже сильней обычного.

А еще тут был знаменитый Бен Рейх. Пауэлл

впервые встречался с ним. Высокий, широкоплечий, целеустремленный, он источал колоссальное обаяние и властность. В его мощи было дружелюбие, траченное, однако, привычкой подавлять. Ясные глаза Рейха смотрели проницательно, но рот казался слишком чувственным и странно напоминал шрам. Человек магнетического обаяния, но глубоко внутри ощущается гнильца.

Пауэлл улыбнулся Рейху. Рейх ответил такой же улыбкой. Они, не сговариваясь, пожали друг другу руки.

— Вы всех обезоруживаете таким образом, Рейх?

— Секрет моего успеха, — усмехнулся Рейх. Он понял Пауэлла с полуслова. Общение спорилось.

— Ну, не позвольте другим гостям понять, что вы меня очаровали. Заподозрят подставу.

— Полноте. Вы, Пауэлл, ими вертите, как хотите. Они себя почувствуют так, словно каждый в сговоре с вами.

Оба снова улыбнулись друг другу. Между ними возникло неожиданное притяжение. Опасное. Пауэлл попытался от него избавиться, развернувшись к ¼мэйну:

— Что дальше, Джо?

Насчет прощупывания, Линк…

— Объясняйтесь так, чтобы и Рейх мог понять, — приказал Пауэлл. — Мы ни от кого не таимся.

— Рейх попросил меня представлять здесь его интересы. Никаких телепатем, Линк. Всё на объективном уровне. Я здесь просто как наблюдатель. Я намерен присутствовать на всех следственных мероприятиях.

— Джо, вы не можете отказаться от прощупывания. У вас нет на это законных оснований. Мы вправе вытащить все, что сможем…

— Только с согласия прощупываемого субъекта. Я здесь затем, чтобы сообщить вам, получите ли вы такое согласие.

Пауэлл посмотрел на Рейха:

— Что произошло?

— Вы разве не знаете?

— Я предпочел бы услышать вашу версию.

Джо ¼мэйн бросил:

— Почему именно версию Рейха?

— Мне интересно, отчего это он так озаботился происходящим, что вызвал адвоката. Он замешан в случившемся?

— Я много в чем замешан, — усмехнулся Рейх. — Нельзя управлять «Монархом», не накопив при

этом секретов, подлежащих защите.

— Но убийство не входит в число этих тайн?

Так-так, полегче, Линк!

Перестань мне палки в колеса ставить, Джо. Я просто немного прощупываю этого парня, потому что он мне понравился.

Не буду против, если проявишь свою приязнь к нему в какое-нибудь иное время, а мое не занимай.

— Джо не хочет, чтоб я проникался к вам симпатией, — улыбнулся Рейху Пауэлл. — Жаль, что вы послали за адвокатом. Это настраивает меня на подозрительный лад.

— Профессиональная болезнь? — рассмеялся Рейх.

— Нет. — Внезапно инициативу перехватил Бесчестный Эйб и продолжил как ни в чем не бывало: — Не поверите, но профессиональная болезнь многих сыщиков — однобокость. Праворукость или леворукость. Многие страдают от непредсказуемых переключений однобокости. Так, я от рождения левша и был им до тех пор, пока в деле Парсонс…

Пауэлл усилием воли подавил приступ вранья, отошел на пару шагов от заинтересовавшихся слушателей и глубоко вздохнул. Когда вернулся,

Бесчестного Эйба уже и след простыл.

— Я вам как-нибудь в другой раз расскажу, — проговорил он. — Теперь лучше вы мне расскажите, что случилось, когда Мария и гости заметили капающую вам на рукав кровь.

Рейх покосился на кровавые пятна у себя на манжете.

— Она закричала, что в доме убийство, и мы все рванули вверх по лестнице в орхидейный номер.

— А как вы нашли дорогу в темноте?

— Было светло. Мария крикнула, чтобы зажгли свет.

— То есть при свете у вас не возникло трудностей с поиском номера?

Рейх мрачно усмехнулся.

— Я не искал его. Его местонахождение было секретным. Марии пришлось показать нам дорогу.

— Там была охрана? Их вырубили или что-то в этом роде?

— Да. Они были на вид словно мертвые.

— Будто окаменели, да? Не могли и пальцем пошевелить?

— Почем я знаю?

— А и правда, почем вам знать? — пытливо

взглянул Пауэлл на Рейха. — А что с д'Куртнэ?

— Он тоже был на вид как мертвый. Блин, да он и был мертв.

— И что, все там столпились и глазели на труп?

— Кто-то стал обыскивать номер. Искали его дочь.

— Да, Барбару д'Куртнэ. Я думал, что никто не знает о визите д'Куртнэ и его дочери. Почему же ее стали искать?

— Не знаю. Мария нам сказала, мы пошли искать.

— Вы удивились ее исчезновению?

— Мы уже ничему не удивлялись.

— Есть идеи, куда она могла податься?

— Мария сказала, она, наверное, убила старика и сбежала.

— Вы считаете эту версию правдоподобной?

— Не знаю. Там дым коромыслом стоял. Если девчонка была в таком состоянии, что сбежала из дома, ничего никому не сказав, и пошла голая бродить по улицам, то могла и папочкин скальп с собой прихватить.

— Вы разрешите мне прощупать вас насчет этого происшествия? Фон и детали, пожалуйста.

— Я полагаюсь на своего адвоката.

— Ответ отрицательный, — заявил ¼мэйн. — Конституционное право гражданина — отказаться от эспер-сканирования, не подвергая себя никаким подозрениям. Рейх отказывается.

— Ох-хо, — вздохнул Пауэлл и пожал плечами. — Ну ладно, начнем расследование.

Они развернулись и пошли в кабинет. Бек в дальнем углу зала перешел на полицейский жаргон:

Линк, ты почему позволил Рейху себя вокруг пальца обвести?

А что, я позволил?

Ну да, конечно. Эта акула и не таких, как ты, съедала.

Лучше поищи рецепты блюд из акульего мяса, Джакс. Эта акула готова к Разрушению.

Что-о?

Ты что, не уловил его обмолвки, когда он мне старательно лапшу на уши вешал? Рейх не знает, где дочка. Никто не знает. Он ее не видел. Ее не видел никто. Логично предположить, что после убийства она сбежала из дома. Любой бы предположил на его месте. Но откуда ему известно, что она голая?

На миг повисло ошеломленное безмолвие, а затем, когда Пауэлл проходил под северной аркой,

направляясь в кабинет, его догнала широкополосная вспышка искреннего восхищения.

Я преклоняюсь, Линк. Я преклоняюсь перед мастером.

«Кабинет» Бомон-Хауса был спроектирован по образцу турецкой бани. Пол выложен мозаикой из яшмы, шпинели и андезина. Стены в промежутках между золотыми сетчатыми перегородками инкрустированы сверкающими синтетическими камнями: рубинами, изумрудами, гранатами, хризолитами, аметистами, топазами, и в каждом имелся какой-нибудь портрет хозяйки дома. По кабинету были разбросаны бархатные коврики, десятки кресел и диванов.

Пауэлл вошел в комнату и проследовал прямо к ее центру, оставив позади Рейха, Тэйта и ¼мэйна. Гомон разговоров утих, Мария Бомон томно привстала.

Пауэлл жестом попросил ее сесть обратно. Огляделся, внимательно оценивая коллективную психологию собравшихся сибаритов и прикидывая оптимальную тактику. Выдержал долгую паузу и начал.

— Закон, — произнес он, — чертовски усложняет понятие смерти. Люди тысячами мрут каждый день, но лишь оттого, что кому-то достало энер-

гии и решительности, чтобы подсобить старому д'Куртнэ расстаться с жизнью, этот человек по закону становится врагом общества. Мне это кажется идиотизмом, но вы меня лучше не цитируйте.

Он помолчал и закурил сигарету.

— Вы все, конечно, знаете, что я щупач. Вероятно, кое-кого из вас это обстоятельство насторожило. Вы, думается, представляете меня монстром, читающим чужие мысли, вскрывающим вашу психическую сантехнику. Ну… если б я это и мог, Джо ¼мэйн меня бы остановил. И, честно говоря, если б я это мог, то не стоял бы перед вами. Я восседал бы на престоле Вселенной, практически неотличимый от Господа Бога. А никто из вас пока не отметил моего с ним сходства…

По толпе прокатились смешки. Пауэлл чарующе улыбнулся и продолжил:

— Нет, массовое чтение мыслей — трюк, который щупачу не по силам. Даже индивида прощупать, и то нелегко. Что уж говорить о десятках перекрывающихся телепатических рисунков. А в группе уникальных, обладающих неповторимой личностной силой индивидов вроде вас, тут собранных, мы совершенно бессильны.

— И он-то еще меня подначивал, что это *я* лю-

дей обезоруживаю, — проворчал Рейх.

— Сегодня, — продолжал Пауэлл, — вы играли в игру под названием «Сардинки». Жаль, что меня не пригласили, мадам. Надеюсь, что в следующий раз вы не забудете это сделать…

— Непременно! — воскликнула Мария. — Непременно, дорогой префект…

— В ходе этой игры старый д'Куртнэ был убит. Мы практически уверены, что предумышленно. Мы будем знать наверняка, как только криминалисты закончат разбираться. Но предположим пока, что и в самом деле здесь имело место ААА-преступление. Это позволит нам сыграть в еще одну игру… игру под названием «Убийство».

В комнате настороженно зашептались. Пауэлл продолжал объяснять прежним спокойным тоном, аккуратно преобразуя самое страшное преступление последних семидесяти лет в несущественную шалость.

— Игра в убийство, — говорил он, — выглядит так. Представим, что здесь кто-нибудь убит. Один игрок, назовем его детективом, должен выяснить личность убийцы. Он задает вопросы другим игрокам, подозреваемым. Каждый обязан отвечать правдиво, за исключением убийцы, которому разрешается лгать. Детектив сравнивает их по-

казания, решает, кто из них лжет, и изобличает убийцу. Думаю, вам эта игра понравится.

— С чего бы это? — спросил кто-то.

Другой голос выкрикнул:

— Да я просто туристка!

Новые смешки.

— Расследование убийства, — с улыбкой продолжал Пауэлл, — основано на анализе трех аспектов преступления. Первый: мотив. Второй: метод. Третий: обстоятельства. Наши криминалисты плотно работают с двумя последними. Первым мы можем заняться в игровой форме. И если преуспеем, то сможем разрешить две другие задачи, над которыми сейчас трудится криминалистическая лаборатория. Вам известно, что они не смогли пока установить способ убийства д'Куртнэ? Вы знаете, что дочь д'Куртнэ исчезла? Она покинула дом, пока вы играли в «Сардинки». Вы знаете, что телохранителей д'Куртнэ загадочным образом нейтрализовали? Да-да. Кто-то выкрал у них из жизни целый час. Всем нам интересны ответы на эти вопросы.

Зачарованные, затаившие дыхание, они вплотную приблизились к ловушке. Следовало с бесконечной осторожностью захлопнуть за ними дверцу.

— Смерть, исчезновение, кража личного времени… все это мы сможем объяснить, как только станет понятен мотив. Я буду детективом. Вы — подозреваемыми. Вы расскажете мне правду… вы все, конечно, кроме убийцы. Мы и ожидаем, что он солжет. Но мы заманим его в ловушку и увенчаем эту вечеринку триумфом, если только вы позволите мне провести телепатическое обследование каждого из вас.

— Ой! — тревожно вскрикнула Мария.

— Постойте, мадам. Позвольте мне объяснить. Я лишь хочу вашего разрешения. Мне не будет нужды прощупывать вас. Потому что, сами понимаете, если все невиновные дадут такое разрешение, а один откажется, то он и будет убийцей. У него у одного будет резон прикрываться от сканирования.

— Он может это провернуть? — шепнул Рейх ¼мэйну.

¼мэйн кивнул.

— Просто вообразите себе на миг эту картину, — Пауэлл разыгрывал перед ними драму, превратив кабинет в театральные подмостки. — Я задаю формальный вопрос: согласны ли вы на телепатическое обследование? И начинаю обходить комнату… — Он начал медленно обходить

кабинет, кланяясь каждому из гостей по очереди. — И мне отвечают: да… да… конечно… почему нет?.. разумеется… да… да… А потом — драматическая пауза. — Пауэлл замер перед Рейхом, грозно выпрямился. — Вы, сэр, повторяю я, даете мне разрешение прощупать вас?

Все наблюдали за ним, как завороженные. Даже Рейх словно к полу примерз под перстом указующим и взором обличающим.

— Он медлит. Кровь бросается ему в лицо, затем отливает, и кожа становится мертвенно-белой. Вы слышите вымученный ответ: нет!

Префект развернулся и обвел присутствующих широким жестом:

— И в сей захватывающий миг мы понимаем, что изобличили убийцу!

Он едва не убедил их. Едва. Восхитительное новое интригующее переживание; неожиданно раскрылись бы прозрачные для ультрафиолета окошки, но вели бы они не к плоти, а в душу… Однако в душах гостей Марии таились адюльтеры… клятвопреступления… измены… сам черт ногу в них сломит. Внезапный приступ стыда объял их.

— Нет! — вскрикнула Мария.

Гости вскочили и закричали, поддержав ее:

— Нет! Нет! Нет!

Достойная попытка, Линк, но нет. Тебе из этих гиен ни за что мотив не выцарапать.

Пауэлл хранил обаяние даже перед лицом провала.

— Извините, леди и джентльмены. Мне действительно не в чем вас винить. Лишь дураки доверяют полиции. — Он вздохнул. — Один из моих помощников зарегистрирует устные показания тех, кто пожелает дать показания. Мистер ¼мэйн окажет юридическую помощь тем, кто будет нуждаться в ней.

Он грустно покосился на ¼мэйна.

А мне не окажет.

Линк, не стоит на меня так давить. Это первое ААА более чем за семьдесят лет. Моя карьера на кону. Я рискую потерять все.

И моя карьера на кону, Джо. Если мой отдел не расколет это дело, я рискую слететь с поста.

Каждый щупач за себя. Мои наилучшие помышления, Линк.

— Ой, все, — сказал Пауэлл. Он подмигнул Рейху и вразвалочку побрел прочь.

Криминалисты закончили возиться в орхидейном номере для новобрачных. Де Сантис, резкий, взвинченный, обескураженный, вручил Пауэллу отчеты и прокомментировал изможденно:

— Ну и дельце!

Пауэлл опустил глаза на труп д'Куртнэ.

— Самоубийство? — ехидно бросил он. Он всегда язвил де Сантису, который только в такой манере и умел общаться.

— Ха! Ни единого шанса. Оружия нет.

— А что его убило?

— Не знаем.

— Все еще не знаете? У вас три часа было!

— Не знаем, — разъяренно огрызнулся де Сантис. — Потому и говорю: ну и дельце!

— Да блин, у него ж такая дырища в башке, что через нее ракета пролетит.

— Да, да, да, конечно. Входное отверстие над язычком. Выходное ниже брегмы. Смерть наступила мгновенно. Но что же проделало такую рану? Как ему разворотили череп? Вперед. Выдвигайте свои предположения.

— Высокоэнергетический луч?

— Ожога не осталось.

— Кристаллизатор?

— Обморожения нет.

— Жидкая нитровзрывчатка?

— Нет следов аммиака.

— Кислота?

— Слишком обширные повреждения. Кислот-

ные брызги в принципе способны прожечь такую рану, но затылок не продырявят.

— Колющее оружие?

— Вроде ножа или кортика?

— Вроде того.

— Невозможно. Вы себе хоть представляете, с каким усилием нужно было ударить?.. Нереально.

— Гм… Не могу больше никаких видов проникающего оружия припомнить. Хотя стоп. Как насчет огнестрела?

— То есть?

— Древний вид оружия. Стреляет патронами с начинкой из взрывчатого вещества. Вонючая и шумная штука.

— Нет, это не прокатит.

— Почему?

— Почему?! — передразнил де Сантис. — Потому что пуля не найдена. В ране ее нет. В комнате нет. Нигде нет.

— Чертовщина какая…

— Согласен.

— Вы хоть к чему-нибудь пришли? Что-нибудь обнаружили?

— Да. Незадолго до смерти он ел сладости. Во рту найден фрагмент желатиновой оболочки…

самой обычной.

— И?

— В номере нет сладостей.

— Наверное, он их все и съел.

— В желудке нет сладостей. В любом случае он бы не мог их проглотить.

— Почему это?

— У него был психогенный рак. Тяжелая форма. Он говорить не мог, не то что сласти жевать.

— Чертовщина. Дьявольщина. Нужно найти оружие… чем бы оно ни было.

Пауэлл перелистал стопку отчетов с места преступления, поглядел на коченеющее тело, насвистывая искаженный мотивчик. Ему вспомнилась прослушанная некогда аудиокнига об эспере, который умел считывать мысли трупа… идея сродни старой байке о том, как фото убийцы получили с сетчатки глаза мертвеца. Хотелось бы ему такое уметь.

— Ну ладно, — вздохнул он наконец. — С мотивом преступления мы покамест облажались, с методом тоже. Остается надеяться, что обстоятельства прояснятся, иначе нам Рейха никак не прищучить.

— Рейха? Бена Рейха? А он тут при чем?

— Да меня больше Гас Тэйт волнует, — пробор-

мотал Пауэлл. — Если он в этом замешан… А? Рейх? О, де Сантис, он и есть убийца. Я заговорил зубы Джо ¼мэйну внизу, в кабинете Марии Бомон, разыграл сцену, и Рейх подставился. На всякий случай прощупал его. Конечно, это не для протокола, но я выяснил достаточно, чтобы увериться: Рейх наш клиент.

— Господи Иисусе! — ужаснулся де Сантис.

— Но до обвинительного приговора еще далеко. Путь к Разрушению долог, брат мой. Долог, долог.

Пауэлл в задумчивости, покинув общество старшего криминалиста, побродил по прихожей и стал спускаться в картинную галерею, где устроили временный штаб полиции.

— Вдобавок, — пробормотал он, — мне нравится этот парень.

В картинной галерее рядом с орхидейным номером обустроили временный штаб. Пауэлл и Бек встретились там для совещания. Оно прошло в молниеносном темпе, присущем телепатическим беседам, и заняло тридцать секунд.

Так, ну что, Джакс, Рейх — кандидат на Разрушение. Он дал маху в том разговоре, и потом я его просто на всякий случай в кабинете Мариш прощупал. Бен наш клиент.

А охрана?

Угу.

Так-таки ничего!

А орать Позолоченная Мумия умеет.
Но мы знаем: это был Рейх.

Линк, ты этого нипочем не докажешь.

Никаких шансов. Они потеряли целый час жизни. Де Сантис говорит, их родопсин сетчатки был уничтожен. Зрительный пурпур... то, чем видит глаз. Охранникам кажется, будто они все время были начеку, на посту. Ничего не происходило, пока не ворвалась толпа и Мария не начала на них орать, что заснули на посту, хотя они божатся, что не смыкали глаз.

Ты знаешь, что это Рейх. Никто больше.

Он проник туда, пока гости играли в «Сардинки». Разрушил каким-то образом зрительный пурпур охранников и украл у них час жизни. Поднялся в орхидейный номер и убил д'Куртнэ. Девчонка в этом как-то замешана, потому и сбежала.

Каким же?

Как он убил д'Куртнэ? И последний вопрос: зачем он убил д'Куртнэ?

Я не знаю. Я пока не знаю никаких ответов... еще не знаю.

Нет, так тебе Разрушения не добиться.

Это я понимаю.

Тебе придется показать Мотив, Метод и Обстоятельства: объективные. А у тебя ничего, кроме щупаческого знания, что это Рейх убил д'Куртнэ.

Угу.

Угу.

Не мог слишком глубоко копать, за мной наблюдал Джо ¼мэйн.

Да наверняка и не получится раскопать, Джо слишком осторожен.

Чертовщина! Дьявольщина! Джаксон, нам нужна девушка.

Барбара д'Куртнэ?

Да, она — ключ ко всему. Если расскажет, что видела и почему сбежала, в суде нам этого хватит. Соберите все, что мы сумели найти, и подшейте результаты к делу. Без девушки все равно не продвинуться. Отпустите всех. Без девушки от них толку никакого. Придется ее ненавидеть, воссоздать путь Рейха... посмотрим, какие косвенные улики всплывут, но...

Согласен.

Начинаю втихаря

Но если не найдем чертову девку, нам это не поможет.

В такие времена, мистер Бек, я тоже ненавижу женщин. Христа ради, ну с какой стати все пытаются без меня меня женить?

Образ ржущей лошади.

Сар (вырезано цензурой) -каустическая отповедь.

Сар (вырезано цензурой) -донический ответ.

(вырезано цензурой)}

Оставив за собой последнее слово, Пауэлл встал и покинул картинную галерею. Пересек крытый

мостик, спустился в музыкальный салон и прошел в главный зал. Там он застал увлеченных беседой Рейха, ¼мэйна и Тэйта — те стояли рядом у фонтана. И снова встревожился, подумав о страшившей его проблеме Тэйта. Если маленький щупач действительно стакнулся с Рейхом, как заподозрил Пауэлл на вечеринке неделей раньше, то, не исключено, и в убийстве он замешан. Эспер первого класса, один из столпов Гильдии — соучастник убийства? Немыслимо. И, если это действительно так, практически недоказуемо. Еще никому не удавалось прощупать первоклассного эспера без его согласия. А если Тэйт (невероятно, невозможно, шансы один к ста) сотрудничает с Рейхом, то и сам Рейх может оказаться неуязвим.

Пауэлл принял решение провести последнюю пропагандистскую атаку, а уж затем возвращаться к рутинной полицейской работе, и повернул к группе у фонтана. Он поймал их взгляды и быстро приказал щупачам: *Джо, Гас, оставьте нас. Я хочу кое-что сказать Рейху наедине. Вам лучше не подслушивать. Я не стану его прощупывать или записывать его слова. Даю клятву.*

¼мэйн и Тэйт кивнули, пошептались с Рейхом и тихо ушли. Рейх с интересом поглядел им вслед

и перевел взгляд на Пауэлла.

— Это вы их спугнули? — требовательно осведомился он.

— Я их предостерег. Садитесь, Рейх.

Они сели на край бассейна, глядя друг на друга с неприкрытой симпатией.

— Нет, — сказал Пауэлл после паузы, — я не прощупываю вас.

— Я и не думал, что станете. Но в кабинете Марии вы это сделали, не так ли?

— Вы почувствовали?

— Нет. Догадался. На вашем месте я бы так поступил.

— Никому из нас не получается особо доверять, гм?

— Пфф! — пренебрежительно отмахнулся Рейх. — Мы с вами не в пансионе для благородных девиц. Мы играем по-крупному, оба. Лишь трусы, слабаки и горемычные неудачники цепляются за правила честной игры.

— А как насчет этики и чести?

— Мы несем в себе свою честь, но руководствуемся собственным моральным кодексом… а не правилами, которые невесть какой перепуганный маленький человек сочинял для других таких же. У каждого свои честь и этика, и покуда

он им верен, кто бросит в него камень? Чужая этика вам может прийтись не по вкусу, но разве это повод обвинять другого в аморальности?

Пауэлл грустно покачал головой.

— Рейх, внутри у вас будто два человека уживаются. Один хороший, другой прогнил насквозь. Будь вы просто убийцей, это еще не так плохо. Но половинка ваша от мерзавца, другая же — от святого, и это худо.

— Я понял, что дела плохи, когда вы мне подмигнули, — с усмешкой заметил Рейх. — Вы хитры, Пауэлл. Вы меня неподдельно пугаете. Не получается определить, с какой стороны придет ваш удар и когда.

— Тогда, ради бога, перестаньте уворачиваться, и покончим со всем этим, — сказал Пауэлл, с жаром повысив голос. Глаза его вспыхнули. Снова появилась в нем так устрашившая Рейха настойчивость убеждения. — Бен, я вас повергну; я отволоку мерзавца и убийцу на виселицу потому, что восторгаюсь святым. Для вас это — начало конца. Сами знаете. Почему бы вам не облегчить свою участь?

Рейх поколебался, прикидывая, не капитулировать ли. Но он овладел собой и отразил атаку:

— И сдаться в главной битве моей жизни? Нет

уж. Нет, Линк, миллион лет старайтесь, а кашу до конца не расхлебаете.

Пауэлл гневно передернул плечами. Оба поднялись. Инстинктивно потянулись друг к другу для четырехстороннего финального рукопожатия.

— Я потерял великого партнера в вашем лице, — произнес Рейх.

— Вы потеряли великого человека в своем собственном лице, Бен.

— Итак, враги?

— Итак, враги.

Так началось Разрушение.

7

Полицейский префект города, где обитают семнадцать с половиной миллионов человек, не имеет права на сидячую работу. У него не бывает папок, заметок, планов, досье и катушек канители. Зато у него в распоряжении троица эспер-секретарей с эйдетической памятью, которая держит себе на уме мельчайшие детали его дел. Они сопровождают его по отделу, как ходячий справочник в трех томах. Вместе со своим летучим отрядом (их прозвали Истома, Сплюх и Дрема[9]) Пауэлл носился по Сентр-стрит, готовясь к предстоящему сражению.

Комиссару Краббе он еще раз обрисовал суть дела.

— Комиссар, нам следует установить мотив, метод и обстоятельства. Пока что мы примерно выяснили обстоятельства, но и только-то. Вы знаете Старика Моза, ему строжайшую доказательную базу подавай.

— Какого старика? — удивленно воззрился на

---

[9] Примечания: 9

Wynken, Blynken, Nod — персонажи широко известной детской песенки американского поэта XIX в. Юджина Филда.

него Краббе.

— Старика Моза, — усмехнулся Пауэлл. — Мы так прозвали Мозаичный Мультиплексный Следственный Компьютер. Не величать же его каждый раз полным именем, в самом деле? Мы бы языки себе сломали.

— Ах да, — фыркнул Краббе, — этот возвеличенный калькулятор…

— Да, сэр. Теперь я готов перейти в наступление на Бена Рейха и «Монарх» с тем, чтобы собрать эту базу для Старика Моза. Но прежде я поставлю вам прямой вопрос. Вы тоже хотите ее получить?

Краббе, который презирал и ненавидел всех эсперов, стал багровым и привстал из кресла черного дерева за столом из черного дерева в кабинете, отделанном черным деревом и серебром.

— Пауэлл, что это означает, черт подери?

— Не ищите в моих словах глубинного подтекста, сэр. Я всего лишь уточняю, не связаны ли вы каким-то образом в этом деле с Рейхом и «Монархом». Не выставит ли вас расследование в невыгодном свете? Возможно ли, чтобы Рейх явился к вам и потребовал спустить дело на тормозах?

— Да вы что! Конечно, нет.

Сэр, — просигналил Истома Пауэллу, — *4 декаб-*

ря прошлого года комиссар Краббе обсуждал с вами дело «Монолита». Выдержка из беседы:

> **ПАУЭЛЛ**. *Комиссар, в этом деле имеется деликатная финансовая особенность. «Монарх», не исключено, может заявить отвод.*
>
> **КРАББЕ**. *Рейх дал мне слово, что не станет, а на Бена Рейха я всегда могу положиться. Он поддержал мою кандидатуру еще в пору выборов на пост окружного прокурора.*
>
> *Конец цитаты.*

Спасибо, Ист. А я как раз думал, нет ли чего компрометирующего на Краббе. Пауэлл сменил тактику и негодующе зыркнул на Краббе.

— Вы что мне лапшу на уши вешаете? Не помните, кто вам помог в окружные прокуроры пролезть? Разве не Рейх вас тогда поддержал?

— Он самый.

— И что, прикажете мне поверить, что он с вами после того никак не был связан?

— Пауэлл, да провалиться… Именно так. Он в тот раз поддержал меня. Но больше мы с ним дел не имели.

— В таком случае разрешите рассматривать

Рейха как главного подозреваемого по делу об этом убийстве.

— А почему вы настаиваете, что убийца именно Рейх? Ерунда какая. У вас ведь улик никаких нет. Лишь собственные заявления.

Пауэлл продолжал сверлить взглядом Краббе.

— Он его не убивал. Бен Рейх никого не станет убивать. Он честный человек, и…

— Разрешите рассматривать Рейха как главного подозреваемого?

— Ну ладно, Пауэлл, валяйте.

Но со всемерными предосторожностями. Отметьте, ребятки: комиссар до усрачки боится Рейха. Отметьте и вот что: я тоже боюсь.

Подчиненным Пауэлл сказал:

— Смотрите. Вам всем известно, что за хладнокровное чудовище наш Старик Моз. Вечно алчет фактов, фактов, улик, неопровержимых доказательств. Придется попотеть, чтобы выстроить доказательную базу, которая удовлетворила бы чертов механизм. Для этого мы прибегнем в деле Рейха к тактике Недотепы и Ловкача. Вам известен этот метод. По каждому следу пускаем двоих оперативников: неумелого и ловкого. Недотепа не узнает, что Ловкач тоже на работе. И субъект этого не узнает тоже. Стряхнув с хвоста нашего

Недотепу, он будет воображать, что все чисто, и тем самым облегчит задачу Ловкачу. Так мы прищучим Рейха.

— Принято к исполнению, — ответил Бек.

— Все отделы обойдите. Отберите сотню копов, низкоранговых. Обрядите всех в штатское и прикомандируйте к делу Рейха. Ступайте к криминалистам и затребуйте у них весь арсенал тупорылых роботов-ищеек, какой у них за последние десять лет скопился. Все гаджеты пустите в работу по делу Рейха. Они и станут нашим коллективным Недотепой: длиннющим хвостом, который Рейх, безусловно, стряхнет, но придется ему для этого потрудиться.

— Какие именно задачи вас интересуют? — спросил Бек.

— Почему они играли именно в «Сардинки»? Кто предложил игру? Секретари Бомон отмечают, что Рейха не удавалось детально прощупать из-за крутившейся у него в мозгу песенки. Какой? Кто ее сочинил? Где Рейх ее подцепил? Лаборатория сообщает, что охрану д'Куртнэ вырубили каким-то ионизатором зрительного пурпура. Проверьте все исследования в этой области. Чем был убит д'Куртнэ? Проведите тщательное разбирательство по видам оружия. Проследите

историю взаимоотношений Рейха с д'Куртнэ. Нам известно, что они стали конкурентами в бизнесе. Но были ли смертельными врагами? Имело ли убийство финансовую подоплеку? Насколько вероятно убийство в панике? Что именно и в каком размере мог заполучить Рейх после смерти д'Куртнэ?

— Господи! — воскликнул Бек. — И все это Недотепам? Линк, мы с ног собьемся и прошляпим.

— Возможно. Но не думаю. Рейх удачлив. У него на счету много побед, подпитывающих гордыню. Полагаю, он купится. И будет воображать, что каждый раз обвел нас вокруг пальца. Пускай. Пиарщики нас затерзают. Журналюги раздерут на части. Нам потребуется выдержать лицо. Станем возмущаться. Ныть. Делать гневные заявления для прессы. Изображать тупиц, запутавшихся в собственных силках… а когда Рейх себе жирок на этих маленьких победах нагуляет…

— Мы его возьмем и слопаем, — усмехнулся Бек. — А что делать с девчонкой?

— Она будет исключением из режима Недотепы. Мы с ней темнить не станем. Мне нужно, чтобы в течение часа ее описание и фоторобот разослали всем полицейским округа. И пускай описание завершается обещанием, что обна-

руживший девчонку коп будет автоматически повышен на пять чинов.

Сэр, возразил Сплюх, *уставом запрещается повышать более чем на три чина сразу.*

— Плевать мне на устав, — огрызнулся Пауэлл. — Повышение на пять чинов тому, кто найдет Барбару д'Куртнэ. Мне эта девчонка нужна во что бы то ни стало.

В башне «Монарха» Бен Рейх смел со стола все пьезокристаллы в руки перепуганных секретарш.

— Выметайтесь отсюда и забирайте с собой все это дерьмо, — прорычал он. — С офисной работкой и без меня управитесь. Ясно? Не беспокоить меня больше по пустякам.

— Мистер Рейх, но мы так поняли, что вы планируете поглощение картеля д'Куртнэ после смерти Крэя д'Куртнэ. Если это вас…

— Именно это я и планирую, и как раз поэтому требую меня не беспокоить. Валите. Кыш!

Он отогнал всполошенных секретарш к двери, вытолкал наружу, захлопнул дверь и заперся. Подошел к видеофону, набрал BD-12232 и принялся нетерпеливо ожидать. После непростительно долгой паузы на экране из фонового хлама ссудной кассы выплыло изображение Джерри Черча.

— Ты? — ощерился Черч и потянулся было прервать звонок.

— Я. По делу. Тебя все еще интересует восстановление в правах?

Черч уставился на него.

— А что такое?

— Ты запросил сделки. Я согласен. Я немедленно начинаю работу над твоим восстановлением. И я могу это сделать, Джерри. Лига Эспер-Патриотов у меня в кармане. Однако я потребую от тебя многого взамен.

— Бен, ради бога… Все, что хочешь. Просто попроси.

— Именно это.

— Всё?

— И вся. Неограниченную преданность. Тебе известна моя цена. Ты продаешься с потрохами?

— Я продаюсь, Бен. Да.

— И Кено Киззард мне тоже нужен.

— Бен, его нельзя привлекать. Он небезопасен. С Киззардом связываться — себе дороже.

— Договорись о встрече. На том же месте. В то же время. Как обычно, Джерри. Но в этот раз конец будет счастливый.

Когда Линкольн Пауэлл вошел в приемную Института Эспер-Гильдии, там уже выстроилась

обычная очередь. Сотни людей всех возрастов, полов и социальных слоев, все в надежде, что магический талант поможет исполнить заветные мечты, все в неведении о тяжком грузе ответственности, какой накладывает эта способность. Наивные мечтания соискателей всегда вызывали у Пауэлла усмешку.

Научусь читать мысли и сколочу состояние на бирже… (Устав Гильдии воспрещал щупачам игры на бирже или тотализаторе.) *Научусь читать мысли и узнаю ответы на все экзаменационные вопросы…* (Этот мальчишка не знает, что экзаменационные комиссии специально пользуются услугами эспер-прокторов как раз на такой случай щупачьего жульничества.) *Научусь читать мысли и узнаю, что окружающие на самом деле про меня думают… Научусь читать мысли и узнаю, какая девчонка не прочь… Научусь читать мысли и заживу как король!*

За столом усталая ресепшионистка передавала на широчайшей телепатической волне: *Если слышите меня, пожалуйста, пройдите в дверь слева, с табличкой ТОЛЬКО ДЛЯ СОТРУДНИКОВ. Если слышите меня, пожалуйста, пройдите в дверь слева, с табличкой ТОЛЬКО ДЛЯ СОТРУДНИКОВ…*

Одновременно она объясняла самоуверенной

молодой тусовщице с чековой книжкой наготове:

— Нет, мадам, Гильдия не проводит никакой специальной подготовки и инструктажа, и ваше предложение бессмысленно. Пожалуйста, уходите, мадам. Мы ничем не можем вам помочь.

Глухая к базовому тесту Гильдии женщина сердито отвернулась, и на ее место встал школьник.

Если слышите меня, пожалуйста, пройдите в дверь слева…

Вдруг из очереди нерешительно выдвинулся молодой негр, покосился на ресепшионистку и направился к двери с табличкой ТОЛЬКО ДЛЯ СОТРУДНИКОВ. Открыл ее и вошел. У Пауэлла захватило дух. Латентные эсперы — редкие пташки. Ему повезло при этом оказаться.

Кивнув ресепшионистке, он последовал за латентным в дверь. Двое сотрудников Гильдии энергично пожимали смущенному визитеру руки и хлопали по спине. Пауэлл на миг присоединился к ним для поздравлений. В Гильдии любой день, когда удавалось выявить нового эспера, становился счастливым.

Пауэлл направился в ректорат. Миновал подготовительную группу, где тридцать детей и десять взрослых мешали мысли и устную речь

— перепуганно, без всякого мотива. Инструктор терпеливо транслировал:

Думайте, класс. Думайте. В словах нет нужды. Думайте. Не забывайте подавлять речевой рефлекс. Повторяйте за мной первое правило…

И класс заголосил вслух:

— Устранить речевой рефлекс…

Пауэлл поморщился и пошел дальше. На стене напротив входа к приготовишкам висела золотая доска с выгравированными священными словами Обета Эспера:

> Всяк, кто пожелает обучить меня этому Искусству, станет мне словно бы родителем. Я буду делиться с ним тем, что имею, и откликнусь на все его просьбы в нужде. К его отпрыскам стану я относиться, словно к родным братьям, обучу их этому Искусству посредством инструкций, лекций и иными возможными способами; также и всех прочих стану я обучать этому Искусству. Свои суждения и деяния направлю я ко благу всего человечества, а не для вреда ему или на дело неправое. Не причиню я мыслью своей смерти никому, если даже меня о том попросят.

> В чей бы разум ни довелось мне проникнуть, я сделаю это для блага человека, воздерживаясь от коррупции и неправедных поступков. Чьи мысли ни довелось бы мне услышать или узреть в разуме людском, я буду хранить молчание о том, что разглашать не след, и относиться к ним стану, словно к самым священным секретам.

В лекционном зале третьеклассные старательно переплетали простыми мотивами обсуждение текущих событий. К ним прибился один развитый не по годам второклассный, мальчишка двенадцати лет, который украшал занудную дискуссию затейливыми зигзагами и на каждый зубец насаживал сказанное вслух слово так, что те рифмовались и складывались в едкие реплики по поводу выступающих. Мал, да удал, чего греха таить.

Достигнув ректората, Пауэлл обнаружил там дым коромыслом. Все двери были распахнуты, клерки и секретарши носились сломя голову. Старик Цун Сай, президент, дородный китаец с бритой головой и добродушными чертами лица, стоял в центре кабинета. Он был в ярости. В такой

ярости, что кричал, и сам факт его устной речи шокировал подчиненных.

— Мне нет дела до того, как эти негодяи себя величают! — орал Цун Сай. — Это шайка эгоистичных мразотных реакционеров. О чистоте расы надумали спорить, а? Об аристократии? Я с ними поговорю, да-да! Я им уши прочищу! Мисс Принн! Мисс При-и-и-и-ннн!

Мисс Принн юркнула в кабинет Цуна, ужаснувшись перспективе устной диктовки.

— Составьте письмо этим мерзавцам. В Лигу Эспер-Патриотов. Джентльмены… *Утро доброе, Пауэлл. Целую вечность не виделись… Как там Бесчестный Эйб?* Организованная вашей кликой кампания — за снижение подоходного налога Гильдии, расходов на программы образования эсперов и повсеместную пропаганду эспер-тренировок среди людей — проникнута изменническим и фашистским душком. Абзац…

Цун перевел дух посреди своей диатрибы и заговорщицки подмигнул Пауэллу.

Ну как, отыскали уже щупачку своей мечты?

Еще нет, сэр.

— Пауэлл, заклинаю вас, женитесь поскорее! — возопил Цун. — Не хочу я на этом посту до скончания века ошиваться. Абзац, мисс Принн.

Вы жалуетесь на обременительные налоги, толкуете о том, как бы сохранить аристократию эсперов, утверждаете, будто среднестатистический человек непригоден к эспер-обучению… *С чем пожаловали, Пауэлл?*

Хочу пустить слух, сэр.

Так не беспокойте меня попусту. Поговорите с моей девочкой-2.

— Абзац, мисс Принн. Почему бы не высказаться в открытую? Вы, паразиты, стремитесь сосредоточить эсперские таланты в руках эксклюзивного класса, чтобы затем поработить мир и вытягивать из него кровь! Вы, пиявки…

Пауэлл тактично притворил дверь и развернулся к второклассной секретарше Цуна. Та дрожала в углу, как осиновый лист.

Вам правда так страшно?

Образ подмигивающего глаза.

Образ трясущегося вопросительного знака.

Когда папаша Цун раскочегарится, мы все время делаем вид, что умираем со страху. Ему так легче. Ненавидит, если ему дают понять, что воспринимают его как Санта-Клауса.

Ну, я тоже сегодня Санта-Клаус. Вот подарок из моего мешка.

Пауэлл опустил на стол секретарши офици-

альное описание внешности и составленный полицией фоторобот Барбары д'Куртнэ.

Какая красотка! — воскликнула девушка.

Раззвоните о ней всем и каждому, срочно. Награда не заставит себя долго ждать. Пустите слух, что щупач, который разыщет для меня Барбару д'Куртнэ, получит от Гильдии год налоговых каникул.

Ничего себе! — ошеломленно выпрямилась секретарша. — *Вы это можете?*

Думаю, моего авторитета в Совете хватит, чтобы продавить такое.

У нас все забегают, как угорелые кошки.

Пускай побегают. Я хочу, чтобы все щупачи за ней бегали. Мне никаких подарков на Рождество не нужно, кроме этой девчонки.

В обеденный перерыв, один на весь рабочий день, казино Киззарда убирали и вычищали. Натирали столы для игры в рулетку и чет-нечет, полировали стол для игры с тремя костями, пока столы для нью-йоркского крепса и крепса с банком уже сверкали белым и зеленым. Игральные кости в хрустальных шарах блестели, словно кубики рафинада. На конторке кассира выстроились соблазнительными столбиками соверены, стандартные монеты игроков и уголовников. Бен

Рейх сидел за бильярдным столом в компании Джерри Черча и слепого крупье Кено Киззарда. Киззард был огромный, жирный до рыхлости, пламенно-рыжебородый, мертвенно-бледнокожий, и такими же мертвыми казались его зловещие белые глаза[10].

— Ты сам уже знаешь свою цену, — говорил Рейх Черчу. — И, Джерри, я тебя предупреждаю. Если не хочешь неприятностей, не пытайся меня прощупывать. Во мне яд. Сунешься мне в башку — нарвешься прямиком на Разрушение. Подумай.

— Господи, — недовольно пробормотал Киззард, — все так скверно? Рейх, я не банкую с Разрушением.

— А кто бы стал? Но какова же твоя цена, Кено?

— Хороший вопрос. — Киззард потянулся за спину и уверенными движениями стянул с конторки столбик соверенов. Пересыпал каскадом из одной руки в другую. — Итак, какова же моя цена? Слушаю.

— Назови любую, какая в голову придет, Кено.

— За какие услуги?

— Не важно. Я покупаю неограниченный ассор-

---

[10] Примечания: 10

Образ слепого альбиноса позже снова появляется у Бестера в «Моя цель — звезды», но там это девушка (*Оливия Престейн*).

тимент услуг и плачу за все. А ты мне говоришь, сколько с меня причитается для… гарантийной поддержки.

— Это будет стоить дорого.

— У меня денег много.

— Что, сотня кусков завалялась в кармане?

— Сто тысяч? Вот и славненько. Цену узнали.

— Да чтоб мне… — Черч аж подскочил и уставился на Рейха. — Сто тысяч?

— Джерри, подумай как следует, — фыркнул Рейх. — Что выбираешь? Деньги или восстановление в правах?

— Я почти… Нет. Я еще не спятил. Выбираю восстановление в правах.

— Тогда слюни утри. — Рейх обернулся к Киззарду. — Итак, сто тысяч.

— В соверенах?

— В чем же еще? Хочешь аванс или сначала работу выполнишь?

— Да полноте, Рейх, — возмутился Киззард.

— Не юли, — бросил Рейх. — Я тебя знаю, Кено. Ты уверен, что сумеешь выяснить, чего я хочу, а потом продашь меня тому, кто заплатит больше. Я же не хочу, чтобы ты на это отвлекался. Поэтому и позволил тебе назвать цену по своему усмотрению.

— Угу, Рейх, проскочила у меня такая идейка, — медленно протянул Киззард. Усмехнулся, и молочно-белые глаза скрылись в складках кожи. — И до сих пор еще крутится.

— Тогда я назову тебе другого покупателя. Это человек по имени Линкольн Пауэлл. Правда, я не уверен, чем он предпочтет расплатиться.

— Не важно, чем. Ничего мне от него не надо, — сплюнул Киззард.

— Кено, других покупателей на аукционе не будет. Только я и Пауэлл. Я сделал предложение. Я все еще жду твоего ответа.

— Договорились, — ответил Киззард.

— Хорошо, — сказал Рейх, — тогда слушай. Первое. Мне нужна девчонка. Ее зовут Барбара д'Куртнэ.

— А, то убийство? — Киззард угрюмо кивнул. — Я так и думал.

— Возражения есть?

Киззард пересыпал звонкие золотые монеты из одной руки в другую и помотал головой.

— Мне нужна девчонка. Она драпанула из Бомон-Хауса прошлой ночью — и никто не знает, куда делась. Кено, она мне нужна. Она мне нужна прежде, чем до нее доберется полиция.

Киззард кивнул.

— Ей примерно двадцать пять. Рост примерно пять футов пять дюймов[11]. Весит около ста двадцати фунтов[12]. Полные груди. Тонкая талия. Длинные ноги…

Толстые губы сложились в алчную усмешку. Мертвые белые глаза блеснули.

— Желтые волосы. Темные глаза. Лицо в форме сердца. Полные губы, профиль почти орлиный… Характерное лицо. Такое раз увидишь, потом не забудешь. Словно электризует.

— Одежда?

— Когда я в последний раз ее видел, она была в одном шелковом халатике на голое тело. Матово-белом, светлом… как покрытое изморозью стекло. Босая. Без чулок. Без шляпки. Без украшений. Она была сама не своя… в таком помешательстве, что вылетела на улицу и исчезла. И она мне нужна. — Что-то заставило Рейха добавить: — В целости и сохранности. Ты понял?

— Такой товар — и без утруски, Рейх? Помилуй. — Киззард облизал толстые губы. — Никаких шансов. У *нее* никаких шансов.

— За это я и плачу тебе сто кусков. Если быстро

---

[11] Примечания: 11
Около 165 см.

[12] Примечания: 12
Около 54 кг.

нападешь на ее след, шансы вернуть товар без утруски велики.

— Наверняка придется все наши помойки обшарить.

— Тогда вперед. Проверь все притоны, бордели, подпольные казино и разливайки в городе. Пусти слух. За мной не пропадет. Но без лишней суеты. Мне нужна девчонка, и только. Понял?

Киззард кивнул, продолжая позвякивать золотом:

— Понял.

Рейх вдруг резко подался через стол и рубанул по толстым ручищам Киззарда ребром ладони. Соверены подлетели в воздух и раскатились в четыре угла.

— И даже не думай меня одурачить, — проскрежетал Рейх голосом, в котором была смерть. — Мне нужна девчонка.

8

Семь дней борьбы. Неделя действия и противодействия, атаки и обороны — но все это на поверхности, пока в глубине взбудораженных вод Пауэлл с Огастесом Тэйтом нарезали круги, словно безмолвные акулы, и ожидали начала подлинной войны.

Переодетый в штатское патрульный офицер посчитал, что лучше атаковать внезапно. Он подстерег Марию Бомон во время театрального антракта и завопил на виду у ее перепуганных подруг:

— Это сговор! Вы стакнулись с убийцей, уж я-то знаю. Вы помогли осуществить убийство. Вот почему вы затеяли игру в «Сардинки». Вперед, выкладывайте все как на духу!

Позолоченная Мумия взвизгнула и убежала. Недотепа устремился ей вслед, в пылу погони не подозревая, как глубоко и старательно его прощупывают.

> *Тэйт — Рейху*: Коп говорил правду. В его отделе Марию считают пособницей убийцы.

Рейх — Тэйту: Хорошо. Бросим ее волкам на съедение. Копы могут ее забирать, если хотят.

Как следствие, мадам Бомон осталась совсем без защиты. Всем возможным укрытиям она предпочла брокерский дом — источник богатства семьи Бомон. Патрульный офицер обнаружил ее там спустя три часа и препроводил в офис местного кредитного надзора для безжалостного допроса. Он не знал, что Линкольн Пауэлл совсем рядом и переговаривается с супервайзером.

Пауэлл — подчиненным: Она почерпнула эту игру из старинной книги, подаренной Рейхом. Вероятно, книга куплена в «Сенчури», там такими штуками торгуют. Сообщите агентам. Запрашивал ли Рейх эту книгу специально? Проверьте оценщика Грэма. Как так получилось, что единственной уцелевшей в книге стала инструкция к «Сардинкам»? Старик Моз все это потребует. Кстати, где же та девчонка?

Офицер дорожной полиции, переодетый в штатское, решил очаровать птицу удачи и пой-

мать ее за хвост. Он явился в магазин аудиокниг «Сенчури» и, манерно растягивая слова, объяснил менеджеру и продавцам:

— Я, видите ли, разыскиваю старинные книги об играх… Что-нибудь вроде той, какую у вас спрашивал на прошлой неделе мой добрый приятель Бен Рейх.

> *Тэйт — Рейху:* Я прощупываю обстановку. Они намерены заняться той книгой, которую ты послал Марии.
>
> *Рейх — Тэйту:* Пускай. Там все шитокрыто. А я пока сконцентрируюсь на поисках той девчонки.

Менеджер и продавцы так старательно и пространно отвечали на расспросы светского льва Недотепы, что многие клиенты, потеряв надежду дождаться своей очереди, покинули магазин. Остался лишь один, тихо сидевший в углу: он, видимо, так увлекся прослушиванием кристаллозаписей, что не заметил, как им пренебрегают. Присутствующие не знали, что Джаксону Беку медведь на ухо наступил.

> *Пауэлл — подчиненным:* Рейх, судя по всему, случайно обнаружил книгу, когда

искал подарок для Марии Бомон. Сообщите агентам. Где же та девчонка?

На совещании в агентстве, занимавшемся концептами джамперов «Монарха» (*единственный* семейный аэромобиль на рынке!), Рейх подкинул новую рекламную идею.

— Тут вот какая штука, — сказал Рейх. — Людям свойственно очеловечивать продукцию, которой они пользуются. Приписывать человеческие черты. Давать имена, словно домашним любимцам, и относиться соответственно. Если человек проникнется симпатией к джамперу, то с большей вероятностью его купит. Эффективность его не колышет. Он влюбится в свой джампер, и все.

— Есть, мистер Рейх. Учтем.

— Следует очеловечить наши джамперы, — продолжал Рейх. — К примеру, почему бы не подыскать девушку, которая могла бы олицетворять джамперы «Монарха». Покупатель не джампер будет выбирать, а девушку. И, покупая девушку, одновременно покупать джампер.

— Отлично! — возопил руководитель агентства. — Ваша идея поистине всесистемного размаха, мистер Рейх. Нам до вас как до луны!

— Немедленно разверните кампанию поиска

девушки — олицетворения джамперов «Монарха». Всех продажников на это дело отрядите. Пускай прочешут город. Девушке, на мой взгляд, должно быть около двадцати пяти. Рост где-то пять и пять, вес фунтов сто двадцать. Фигурка сочная. Отменно сексапильная.

— Есть, мистер Рейх. Учтем.

— И пускай она будет темноглазой блондинкой. С полными губами и красивым носом. Я вот тут набросал, как примерно ее себе представляю. Ознакомьтесь, скопируйте и размножьте. Кто найдет именно такую девушку, какая мне нужна, получит повышение.

> *Тэйт — Рейху*: Я прощупываю полицаев. Они намерены заслать в «Монарх» своего агента, чтоб он распутал твои связи с оценщиком Грэмом.
>
> *Рейх — Тэйту*: Пускай. Там все шитокрыто, а Грэма в городе нет, он на шопинге. Моих связей с Грэмом! Да ну, Пауэлл не такой дурак. Вдруг я его переоценил?

Офицер группы захвата, переодетый в штатское, конторских денег не считал и верил в могущество пластической хирургии. Обзаведясь свежим лицом с монголоидными чертами, он на-

нялся в бухгалтерский градосектор «Монарха» и предпринял попытку распутать финансовые нити, соединявшие Рейха с его оценщиком Грэмом. Ему и не пришло в голову, что за его действиями наблюдает старший эспер-рекрутер, докладывает начальству, а начальство тихо ржет.

> *Пауэлл — подчиненным:* Наш простофиля ищет следы взяток в бухгалтерской отчетности «Монарха». Это должно снизить оценку нашей компетентности со стороны Рейха на пятьдесят процентов и сделать Рейха на пятьдесят процентов уязвимей. Сообщите агентам. И где же та девчонка?

На редакционном совещании в «Ауэр», единственной круглосуточной газете мира, выпускающей двадцать четыре номера ежесуточно, Рейх возвестил о новой благотворительной инициативе «Монарха».

— Мы назовем проект «Приют», — говорил он. — Мы предложим помощь, убежище и комфорт миллионам горожан в нелегкие часы. Если у вас неправосудно отняли имущество, довели до банкротства, запугали, обмишулили… если вы чего-то боитесь и не знаете, куда податься… если

вы в отчаянии… Приходите в «Приют».

— Потрясающая идея, — сказал выпускающий редактор, — но и расходы баснословные. Зачем вам это?

— Для пиара, — огрызнулся Рейх. — И чтоб это появилось в следующем же выпуске. В темпе!

Рейх вышел из редакции, спустился на улицу и отыскал телефонную будку. Вызвал свою зону отдыха и, тщательно выбирая слова, отдал инструкции Эллери Уэсту:

— Я хочу, чтобы в каждом пункте «Приюта» в этом городе сидел специальный человек и отсылал мне полное описание каждого просителя с фотографией. Немедленно, Эллери. Как только обратятся.

— Бен, я не задаю никаких вопросов, но, честно говоря, сожалею, что не получится тебя сейчас прощупать.

— Ты что-то подозреваешь? — ощерился Рейх.

— Да нет. Мне просто любопытно.

— Не позволь, чтобы это любопытство тебя погубило.

Когда Рейх вышел из будки, к нему тут же устремился какой-то нескладный, но энергичный субъект.

— О, мистер Рейх! Как мне повезло с вами столк-

нуться. Я только что узнал о проекте «Приют». Мною движет, поверьте, простой человеческий интерес к учредителю этой великолепной благотворит…

Повезло столкнуться, черта с два! Субъект этот был не кто иной, как знаменитый репортер-щупач «Индастриал Критикс». Наверное, выследил его и…

Тень, сэр, сказал Тензор. Тень, сэр, сказал Тензор. Натяженье, предвкушенье, треволненье — просто класс!

— Без комментариев, — промямлил Рейх.

Восемь, сэр; семь, сэр; шесть, сэр; пять, сэр…

— Было ли в вашем детстве некое происшествие, побудившее вас к осознанию настоятельной потребности общества в…

Четыре, сэр; три, сэр; два, сэр; раз…

— Вы сами попадали когда-нибудь в ситуацию, когда вам некуда было деться? Вы боялись погибнуть или стать жертвой убийства? Вы…

Тень, сэр, сказал Тензор. Тень, сэр, сказал Тензор. Натяженье, предвкушенье, треволненье — просто класс!

Рейх нырнул в общественный джампер и смылся.

Тэйт — Рейху: Копы-то на полном серьезе занялись Грэмом. Всех криминалистов подрядили на это дело. Бог его знает, на какой ложный след напал Пауэлл, но ведет он все дальше от тебя. Думаю, можно немного ослабить меры предосторожности.

Рейх — Тэйту: Пока девчонку не разыщу — ничего не ослаблять.

По следам Маркуса Грэма, не оставившего адреса для переписки, шкандыбали полдюжины устаревших робоищеек из закромов криминалистической лаборатории. Их сопровождали в разных концах Солнечной системы такие же горемычные разработчики. Маркус Грэм меж тем явился на Каллисто, где на аукционе редких примитивных книг его подстерег Пауэлл. Торги в головокружительном темпе вел щупач-аукционист, а сами книги были прежде частью библиотеки поместья Дрейков, которое Бен Рейх унаследовал от матери. На рынке они всплыли совершенно неожиданно.

Пауэлл провел беседу с Грэмом в вестибюле аукционного дома, рядом с кристаллическим иллюминатором, смотревшим на арктическую

тундру Ганимеда и полосатую красновато-коричневую глыбу Юпитера в черном небе. Потом купил обратный билет до Земли на «фортнайтер», и красотка стюардесса разожгла вдохновенные порывы Бесчестного Эйба, который не замедлил оконфузиться. Пауэлл вернулся в свою штаб-квартиру не в лучшем настроении, а Дрема, Истома и Сплюх обменялись многозначительными кивками, подмигиваниями и зевками.

Пауэлл — подчиненным: Глухо. Не понимаю, зачем Рейх вообще озаботился отвлечь Грэма на Ганимед.

Бек — Пауэллу: А что там с книгой игр?

Пауэлл — Беку: Рейх купил ее, послал оценщику и упаковал в подарочную обертку. Она была в таком плохом состоянии, что Марии только и оставалось выбрать единственную уцелевшую инструкцию — к «Сардинкам». Старика Моза мы этим не проймем, ордер на Рейха он не даст. Я-то знаю, как у железяки мозги устроены. Блин! Где же та девчонка?

Три низкоквалифицированных оперативника по очереди подкатили к Даффи Уиг& и с позором отвалили переодеваться обратно в полицейскую

форму. Когда Пауэлл наконец добрался до нее, Даффи была на балу в «4000». Мисс Уиг& нашла его очаровательным собеседником.

> *Пауэлл — подчиненным:* Я говорил с Эллери Уэстом из «Монарха», и он подтверждает рассказ мисс Уиг&. Уэст жаловался, что сотрудники злоупотребляют азартными играми, и Рейх заказал блокирующую психопесню. Кажется, тот мыслеблок он подцепил вполне случайно. А что там насчет штуковины, которой Рейх вырубил охрану? И что насчет девчонки?

В атмосфере язвительной критики и под громкие смешки комиссар Краббе дал эксклюзивное интервью, заявив, что полицейские криминалисты разработали новую методику исследования, которая позволит закончить дело д'Куртнэ за двадцать четыре часа. Для этого предполагается проанализировать зрительный пурпур глаз трупа и выявить запечатленный образ убийцы. Полиция приглашала к сотрудничеству исследователей, работающих с родопсином.

Не желая лишний раз светить Уилсона Джордана, физиолога, разработавшего в «Монархе» ионизатор родопсина, Рейх позвонил Кено Киз-

зарду и обсудил способ выманить Джордана с планеты.

— У меня поместье на Каллисто, — сказал Рейх. — Я откажусь от прав владения и позволю суду распилить его. И подстрою все так, чтобы Джордану выпал удачный расклад.

— А я должен рассказать Джордану об этом? — брюзгливо спросил Киззард.

— Кено, нельзя же так в лоб. Следы оставлять не будем. Позвонишь Джордану, раздразнишь его аппетит, остальное он сам сделает.

По итогам этой беседы неизвестный субъект связался по телефону с Уилсоном Джорданом и скучающим брюзгливым голосом осведомился, не желает ли доктор Джордан продать свою долю в поместье Дрейков на Каллисто по сходной цене. Брюзгливый голос абонента пробудил подозрения доктора Джордана, в жизни не слыхавшего ни про какое поместье Дрейков, и он на всякий случай вызвал своего юриста. Его проинформировали, что он с недавних пор сделался наиболее вероятным наследником недвижимости стоимостью около полумиллиона кредитов. Спустя час ошеломленный физиолог уже мчался на ракете к Каллисто.

Пауэлл — подчиненным: Одного выманили. Джордан наверняка и есть наш интерес в родопсиновом деле. Он единственный спец по физиологии зрения, который скрылся из виду после интервью с Краббе. Передайте Беку, чтобы сел ему на хвост и все уладил на Каллисто. А что там с девчонкой?

Тем временем скрытно развертывалась часть операции, предназначенная для Ловкача. Пока Мария Бомон отвлекала внимание Рейха визгливыми метаниями, талантливого молодого юриста «Монарха» искусно выманили на Марс и втихомолку задержали там по обоснованному, хоть и старомодному, обвинению в оскорблении общественной морали. На работу вместо молодого юриста вышел его поразительно правдоподобный двойник.

Тэйт — Рейху: Проверь юротдел. Не могу прощупать, что там, но дело пахнет жареным. Опасность.

Под предлогом общей квалификационной проверки Рейх вызвал эксперта-кадровика, эспера-1, и обнаружил подмену. Потом связался с Кено

Киззардом. Слепой крупье подыскал жалобщика, внезапно обвинившего талантливого молодого юриста в злоупотреблении служебным положением. Так, безболезненно и вполне законно, была прервана карьера двойника в «Монархе».

> *Пауэлл — подчиненным:* Вот черт! Нас провели. Рейх закрывает у нас перед носом все двери… Недотепа и Ловкач, выясните, кто у него занят рутинным сбором инфы, и найдите, наконец, ту девчонку.

Пока офицер группы захвата сновал по башне «Монарха» под прикрытием свеженького лица монголоида, ученый, пострадавший при взрыве в лаборатории, якобы отпросился из больницы на неделю раньше срока и изъявил желание вернуться к работе. Был он еще весь перебинтован, но горел служебным энтузиазмом. О, старый добрый дух «Монарха»!

> *Тэйт — Рейху*: Я наконец раскусил их. Пауэлл не дурак, он ведет расследование на двух уровнях сразу. Не смотри на то, что заметно с поверхности, зри в корень. Я что-то прощупываю в больнице, проверь ее.

Рейх проверил. Проверка отняла три дня, потом состоялся очередной разговор с Кено Киззардом. Из лаборатории «Монарха» оперативно похитили платины на пятьдесят тысяч кредитов, уничтожив по ходу затеи помещение с ограниченным доступом. Недавно вернувшийся к работе ученый был задержан. Самозванца изобличили, обвинили в том, что он дал наводку грабителям, и передали полиции.

> *Пауэлл — подчиненным:* И это значит, что нам в жизни не доказать происхождение родопсинового ионизатора из лабораторий самого же Рейха. Господи, как ему удается ускользать из всех наших ловушек? Можно ли вообще что-нибудь сделать? Куда запропастилась та девчонка?

Пока Рейх потешался над нелепой погоней робоищеек за Маркусом Грэмом, его топ-менеджеры принимали эспера-2, фискального инспектора континентального уровня, который явился для давно назревавшей проверки бухгалтерской отчетности «Монарх Ютилитис & Рисорсес». Команду инспектора недавно пополнила щупачка-копирайтер, готовившая начальнику доклады.

Выполняла она и особые задания… в основном от полиции.

> *Тэйт — Рейху*: Не нравятся мне эти помощники инспектора. На самотек дело пускать не стоит.

Рейх мрачно ухмыльнулся и велел передать инспектору открытую бухгалтерию. После этого он отослал старшего криптографа Хэссопа в обещанный отпуск — в Космолэнд. Хэссоп любезно согласился прихватить с собой в числе прочих фотопричиндалов маленькую кассету проявленной пленки. На ней содержалась потайная бухгалтерия «Монарха», и при любой попытке взломать контейнер пленка была бы уничтожена термитным зарядом. Единственная запасная копия хранилась дома у Рейха, в его неуязвимом сейфе.

> *Пауэлл — подчиненным:* Пожалуй, это и все. За Хэссопом пустить двойной хвост, Недотепу и Ловкача. Наверняка при нем какая-нибудь важнейшая улика, но Рейх позаботился под благовидным предлогом удалить его. Блин, нас оставили с носом. Я это говорю, Старик Моз так скажет, и вы

сами это понимаете. Христа ради, ну где эта проклятая девчонка?

Подобно кровеносной системе из анатомического атласа, где красным отмечены артерии, а синим — вены, раскинулись по городу сети информаторов криминала и властей предержащих. По описанию из штаб-квартиры Гильдии приметы девушки пересказывали инструкторы и студенты, их семьи, друзья, друзья друзей, случайные знакомые и незнакомые — деловые партнеры. По описанию из казино Киззарда приметы девушки пересказывали крупье и игроки, жулики на доверии, крутые рэкетиры, мелкие воришки, вымогатели, карманники, шлюхи и, наконец, мелкие сошки, не совсем честные люди и не такие уж законченные преступники.

Утром пятницы Фред Дил, эспер-3, проснулся, встал, принял ванну, позавтракал и отправился на свою обычную работу. Он служил начальником охраны нижнего этажа Марсианского банка на Мэйден-Лэйн. Покупая новый проездной на пневматичку, он поболтал с дежурной справочного киоска, эсперкой-3, которая передала Фреду приметы Барбары д'Куртнэ. Фред принял телепатический образ и запомнил его. В уме Фреда

картинку обрамляли символы кредита.

Утром пятницы Снима Аша разбудила его квартиросдатчица, Чука Фруд, и с воплем потребовала арендную плату.

— Бога ради, Чука, — промямлил Сним. — Ты разве мало заколачиваешь с той желтоволосой психопаткой, какую намедни подцепила? И с привидениями в подвале на золотую жилу наткнулась, блин. Чего тебе еще?

Чука Фруд обратила внимание Снима, что: а) желтоволосая девушка не психопатка, а настоящий талантливый медиум, б) она (Чука) не занимается рэкетом, а предсказывает судьбу, без обмана, в) если он (Сним) не выплатит шестинедельный долг за квартиру и харчи, она (Чука) без труда предскажет его собственное будущее. Снима выставят на улицу.

Сним встал и, поскольку был одет, тут же спустился в город перехватить несколько кредитов. Было еще рано отправляться в казино Киззарда и пытаться что-нибудь выклянчить у более состоятельных посетителей. Сним попытался проехать «зайцем» в центр на пневматичке, но щупач-контролер засек его и выставил из вагона. Путь до ломбарда Джерри Черча был неблизкий, но у Снима там лежало карманное пианино, золотое

с перламутровыми клавишами, и Сним надеялся раскрутить Черча еще на соверен в счет залога.

Черч отсутствовал, а от клерка Сним ничего не добился. Они немного поболтали. Сним поведал клерку жалобную историю о том, как чертова квартиросдатчица ежедневно на хиромантской афере с призраками деньгу зашибает, а над ним хоть бы сжалилась. Клерк не раскошелился даже на чашку кофе. Сним ушел.

Когда Джерри Черч, весь день мотавшийся по городу в отчаянных поисках Барбары д'Куртнэ, заглянул в ломбард передохнуть, ему доложили о приходе Снима и разговоре. То, чего клерк не рассказал сам, Черч прощупал. Чуть не свалился в обморок, но добрел до телефона и позвонил Рейху. Рейха найти не смогли. Черч глубоко вздохнул и набрал Кено Киззарда.

Между тем Сним был близок к отчаянию. Оно-то и навело его на шальную мысль испытать удачу у касс какого-нибудь банка. Сним поплелся по центру к Мэйден-Лэйн и стал разглядывать банки этой приятной эспланады вокруг Бомб-Инлет. Человек недалекий, Сним допустил ошибку, избрав полем решающего сражения Марсианский банк. Банк выглядел неказисто и провинциально. Сним не догадывался, что лишь богатые и

эффективные учреждения могут себе позволить неказистый вид.

Сним вошел в банк, пересек толпу на нижнем этаже, направляясь к ряду конторок напротив касс, и позаимствовал оттуда пачку бланков и ручку. Когда Сним покидал банк, Фред Дил разок глянул на него и небрежно показал своим подручным:

— Видели поганца? — Сним испарился через парадный вход. — Собирается трюк с пересчетом провернуть.

— Задержать его, Фред?

— А какой смысл? Он кого-нибудь еще попытается околпачить. Пока не лезьте. Как деньги стырит, так и возьмем с поличным. Пускай посидит немного. В Кингстоне мест полно.

Сним, не подозревая об этом, слонялся рядом с банком и внимательно наблюдал за тем, что происходило у касс. Какой-то представительный господин снимал деньги в кассе Z. Кассир передавал ему толстые пачки бумажных банкнот. Вот и рыбка на крючок идет. Сним поспешно скинул куртку, закатал рукава и заткнул ручку за ухо.

Когда рыбка выплыла из банка, пересчитывая деньги, Сним пристроился за ней, подскочил к представительному мужчине и постучал его по

плечу.

— Извините, сэр, — начал он бойко, — я из кассы Z. Боюсь, наш работник допустил ошибку и обсчитал вас. Не согласитесь ли вернуться для пересчета? — Сним, помахивая пачкой бланков, грациозно вымел из-под плавника рыбки деньги и повернулся ко входу в банк.

— Пожалуйста, сюда, сэр, — приветливо пригласил он. — Вам еще сотня кредитов полагается.

Удивленный клиент последовал за ним. Сним порскнул через зал, смешался с толпой и направился к боковому выходу. Он рассчитывал смыться, пока рыбка еще на крючке. В этот момент, однако, грубая лапища сгребла Снима за ворот, крутанула, и он оказался лицом к лицу с банковским охранником. В голове Снима пронеслись хаотически спутанные мысли: драка, бегство, взятка, мольбы, Кингстонский госпиталь, Чука-сука и ее желтоволосая девушка, говорящая с духами, карманное пианино и его прежний владелец. Потом он скис и расплакался.

Щупач-охранник отшвырнул его к другому секьюрити в форме и крикнул:

— Задержите его, ребята. Ну, я теперь богач!

— А что, Фред, за этого поганца награда положена?

— Не за него. За то, что у него в башке. Пойду звонить в Гильдию.

Почти одновременно, под вечер пятницы, Бен Рейх и Линкольн Пауэлл получили одинаковые сообщения: девушку, отвечающую описанию Барбары д'Куртнэ, можно найти у предсказательницы Чуки Фруд по адресу Бастион-Уэст-Сайд, 99.

9

Бастион-Уэст-Сайд, последний оплот времен Осады Нью-Йорка, поначалу задумывался как военный мемориал. Десять истерзанных войной акров следовало поддерживать в неизменном виде — горьким напоминанием о безумстве, породившем последнюю войну. Однако последняя война, как обычно, оказалась предпоследней, а полуразваленные здания и выжженные переулки Бастион-Уэст-Сайда понемногу освоили сквоттеры.

Дом номер 99 представлял собой выпотрошенную керамическую фабрику. В ходе войны череда взрывов расплавила и расплескала тысячи предметов из синтетической керамики дикарски красочным радужным подобием лунного кратера. Размашистые выплески фиолетового, пурпурно-красного, темно-зеленого, ярко-желтого и охряного цветов запечатлелись на каменных стенах. Длинные потоки оранжевого, алого и величественно-пурпурного оттенков обрушились через окна и двери на улицы внизу, раскрасив окружающие развалины словно грубыми мазками исполинской кисти. Впоследствии здесь

возник Радужный Дом Чуки Фруд.

Верхние этажи залатали и перекроили в виде многоквартирного крольчатника, такого сложного и запутанного, что лишь сама Чука знала полную схему, да и то порою путалась. Беглец мог перемещаться между клетушками, уходя от погони этаж за этажом, и без труда выскользнуть даже из плотного поискового невода. Необычайная сложность планировки служила Чуке надежным источником ежегодного дохода.

Нижние этажи Чука отвела под знаменитый бордель, где за внушительную сумму нетерпеливым клиентам помогали утолить жажду наслаждений, а для особо капризных изобретали новые виды грехов. Но самое прибыльное предприятие Чуки Фруд размещалось в подвальном этаже.

Снаряды давнишней войны, преобразившие дом в радужный кратер, смешали керамику, металлы, стекла и пластмассы старинного завода, а переплавленный конгломерат их стек до самого нижнего этажа, постепенно затвердев блистающим покрытием кристаллической текстуры и фосфоресцирующих оттенков, странно гулким и будто бы неустойчивым при ходьбе.

Подвальное представление стоило опасностей

пути в Бастион-Уэст-Сайд. Пробираешься по извилистым улицам, пока не достигнешь зубчатой оранжевой полосы, указывающей вход в Радужный Дом Чуки. У дверей тебя встречает унылый швейцар в официальном костюме XX века и спрашивает:

— Бордель или предсказание, сэр?

Если ответить, что лучше предсказание, тебя направят к потайной двери, похожей на вход в гробницу, чтобы содрать гигантскую сумму и вручить фосфорную свечу. Держа ее в поднятой руке, спускаешься по крутой каменной лестнице. В самом низу лестница делает резкий поворот, и внезапно открывается широкий длинный подвал с арочными сводами, на полу которого, по впечатлению, разлилось озеро гулкого огня.

Поверхность этого озера, когда на нее ступаешь, гладкая и стеклянистая. Под нею мерцают и вспыхивают пастельные разводы, подобные северному сиянию. При каждом шаге кристаллическая масса отзывается мягкими аккордами, и те долго перекатываются в воздухе, словно отзвуки бронзовых колокольчиков. Если сесть неподвижно, пол все равно будет гудеть, откликаясь на вибрации далеких улиц.

На каменных скамьях вдоль стен подвала сидят

другие любознатцы, которым не терпится узнать будущее, все с фосфорными свечами. Оглядев их, безмолвных и восхищенных, внезапно понимаешь, как от пола передается им странное сияние вроде ауры или нимба на иконе, какие божественные звуки издает пол при каждом движении их тел. Свечи напоминают звезды морозной ночью.

Присоединяясь к гулкому жгучему молчанию, сидишь тихо, пока не вступает высокий звон серебряного колокола, повторяясь снова и снова. Резонирует весь этаж, и удивительная взаимосвязь света и звука заставляет пол воспылать восхитительными яркими красками. Затем, в каскаде пламенной музыки, появляется Чука Фруд, чтобы занять место в центре пола.

— И тут, разумеется, сказочке конец, — сказал себе Линкольн Пауэлл.

Он посмотрел в некрасивое грубое лицо Чуки: толстый нос, маленькие глазки, бесформенный, словно покореженный рот. Северные сияния озаряли ее черты и фигуру в облегающей мантии, но не маскировали того факта, что вопреки амбициозности, изобретательности и алчности Чука напрочь лишена эмпатии и таланта ясновидицы.

— Может, она хоть актриса неплохая? — задумчиво пробормотал Пауэлл.

Чука остановилась в центре подвала и стала очень похожа на вульгарную Медузу. Потом воздела руки в том, что у нее сходило за иератический всеохватный жест.

— Нет, и актриса так себе, — заключил Пауэлл.

— Я прибыла сюда, — заскрипела Чука, — дабы помочь вам заглянуть в недра ваших сердец. Вглядитесь в сердца свои, вы, те, кто стремится… — Чука помедлила и заговорила опять: — Кто стремится отомстить человеку с Марса по имени Зерлен… Кто стремится завоевать любовь красноглазки с Каллисто… Кому нужно все состояние богатого старого парижского дядюшки до последнего кредита… Кому…

Вот те раз! Бабка-то щупачка!

Чука оцепенела с открытым ртом.

Ты принимаешь мои мысли, не так ли, Чука Фруд?

Телепатический ответ был разрозненный, полный страха. Ясное дело, Чука Фруд никогда не тренировала свою природную способность.

Кт… Чт… Кто ты? Что ты?

Старательно, точно общаясь с неопытным третьеклассным, Пауэлл передал:

Имя: Линкольн Пауэлл. Профессия: префект полиции. Цель: допросить девушку по имени Барбара д'Куртнэ. Она, по слухам, участвует в твоем шоу.

Пауэлл переслал мысленный портрет девушки.

Чука попыталась заблокироваться, и выглядело это жалко.

Убирай… Убирайся. Вали отсюда. Проваливай… Убирайся…

Почему ты не пришла в Гильдию? Почему не контактируешь со своими?

Вали. Убирайся, щупач! Проваливай.

Ты тоже щупачка. Почему бы тебе не пройти у нас обучение? Что у тебя за жизнь? Ритуалы мумбо-юмбо, честное слово… Шаришь по мозгам недоумков и изображаешь из себя ясновидицу. Чука, для тебя есть нормальная работа.

Деньги?

Пауэлл подавил волну раздражения, поднявшуюся внутри. Злился он, конечно, не на Чуку, а на слепую эволюцию, наделившую человека таким могуществом, но не позаботившуюся очистить его от наследственных дефектов, которые мешают по справедливости применять талант.

Чука, мы это позже обсудим. Где девчонка?

Нет девчонки. Никакой тут нет девчонки.

Не дури, Чука. Давай-ка вместе клиентов прощупаем. Вон тот старый козел, одержимый красноглазкой… Пауэлл аккуратно просканировал его. *Он тут завсегдатай. Он ждет появления Барбары д'Куртнэ. Ты одеваешь ее в платье с блестками. Ты выводишь ее на полчаса. Ему нравится, как она выглядит. Она впадает в некий транс под музыку. Платье с длинным разрезом, и ему это нравится. Она…*

Он псих. Никогда…

А вот женщина, с которой так обошелся тот Зерлен. Она часто видела девчонку. Она верит ей. Она ее ждет. Чука, где девчонка?

Нету!

Ясно. Наверху. А где именно наверху, Чука? Не пытайся блок поставить, я глубоко прощупываю. Эспера-1 тебе не… Ага. Четвертая комната слева за угловым поворотом. Ну и запутанный же у тебя лабиринт там, наверху, Чука. Давай еще раз для надежности…

Беспомощная, смертельно перепуганная Чука вдруг завыла:

— Вали отсюда, гребаный коп! Вали отсюда, слышь?

— Вы меня извините, пожалуйста, — сказал

Пауэлл. — Мне пора.

Он встал и покинул подвал.

Весь телепатический допрос занял секунду, в течение которой Рейх переместился с восемнадцатой на двадцатую ступеньку лестницы, ведущей в радужный подвал Чуки Фруд. Рейх услышал яростный визг Чуки и ответ Пауэлла. Он мигом развернулся и взлетел по лестнице.

Пробегая мимо швейцара, он сунул тому в руку соверен и прошипел:

— Меня тут не было. Понял?

— Тут у нас никогда никого не бывает, мистер Рейх.

Он быстро прочесал бордель. *Тень, сэр, сказал Тензор. Тень, сэр, сказал Тензор. Натяженье, предвкушенье, треволненье — просто класс!*

Растолкав девушек, наперебой пристававших к нему, Рейх влетел в телефонную будку, заперся и набрал номер BD-12232.

На экране возникло тревожное лицо Черча.

— Да, Бен?

— Мы влипли. Тут Пауэлл.

— О, боже!

— Куда, блин, делся Киззард?

— А его там нет?

— Не могу найти.

— Но я думал, он внизу, в подвале. Я…

— В подвале Пауэлл прощупывал Чуку. Бьюсь об заклад, Киззарда там нет. Где он?

— Не знаю, Бен. Он пошел вниз со своей женой и…

— Джерри, слушай сюда. Пауэллу, наверное, донесли про девчонку. У меня от силы пять минут форы. И это вообще-то работа для Киззарда, нет? А его в подвале не было. Его нет и в борделе. Где…

— Наверху, значит, в крольчатнике.

— Представь, я и сам пришел к такому же выводу. Есть ли быстрый способ подняться туда? Обогнать Пауэлла?

— Если Пауэлл прощупал Чуку, то он и обходной маршрут нашарил.

— Блин, да знаю я. А вдруг нет? Может, он на девушке сосредоточился. Придется рискнуть.

— За главной лестницей есть мраморный барельеф. Поверни голову женщины вправо. Тела разделятся, откроется дверь вертикальной пневматички.

— Понял.

Рейх повесил трубку, вышел из будки и метнулся к главной лестнице. Повернул за мраморные ступени, отыскал барельеф, яростно крутанул голову женщины и проследил, как расходятся

тела. Возникла стальная дверь. В притолоку была вделана панель с кнопками. Рейх нажал кнопку ВЕРХ, рванул дверь на себя и ступил в шахту. Тут же ему снизу в подошвы ударила стальная плита и под шипение сжатого воздуха вознесла на восемь этажей к самому верху. Магнитный фиксатор удерживал плиту, пока Рейх открывал дверь и выходил из лифта.

Он очутился в коридоре, изгибавшемся под углом около тридцати градусов, с небольшим уклоном влево. Пол был выстелен брезентом. Потолок с регулярными промежутками усеивали мигающие радоновые шарики. В стенах виднелись многочисленные двери без номеров.

— Киззард! — заорал Рейх.

Ответа не было.

— Кено Киззард!

И вновь никакого ответа.

Рейх пробежал половину коридора, после чего наудачу дернул какую-то дверь. Она открывалась в узкую комнатку, практически полностью занятую овальной кроватью. Рейх перекатился через противоположный край и упал. Подполз по пеноматрасу к двери на другой стороне комнаты, толкнул ее и вывалился наружу. Он оказался на лестничной площадке. Ступени вели вниз,

в круглое фойе с несколькими дверьми. Рейх ссыпался по лестнице и, тяжело дыша, замер в кольце дверей.

— Киззард! — снова вскричал он. — Кено Киззард!

В ответ что-то промямлили. Рейх крутанулся на пятках, подбежал к двери и распахнул ее. Женщина с полностью красными глазами — явный результат пластической операции — стояла сразу за дверью, и Рейх врезался в нее. Женщина разразилась безумным хохотом, вскинула кулаки и стала колотить его по лицу. Ослепленный и озадаченный, Рейх попятился от мускулистой красноглазки, потянулся к двери, но, видимо, не туда полез, потому что, когда дернул за ручку и продолжил отступление, то очутился не в круглом фойе, а где-то еще. Ноги увязли в трехдюймовом слое плотного, как стеганое одеяло, пластика. Он полетел кувырком, захлопнув при падении дверь, и так приложился головой о край изразцовой печки, что у него потемнело в глазах. Когда же зрение прояснилось, перед Рейхом возникла гневная физиономия Чуки Фруд.

— Ты какого хрена у меня в спальне делаешь? — заорала Чука.

Рейх вскочил.

— Где она? — рявкнул он.

— Бен Рейх, тебе бы лучше убираться отсюда.

— Я тебя спросил, где она? Барбара д'Куртнэ. Где она?

— Магда! — завизжала Чука, повернув голову.

В комнату вошла красноглазая женщина, продолжая смеяться, но в руке у нее был нейронный парализатор, и ствол, нацеленный ему в голову, ни разу не дрогнул.

— Убирайся отсюда, — повторила Чука.

— Чука, мне нужна девчонка. Мне нужно добраться до нее раньше Пауэлла. Где она?

— Магда, выкинь его отсюда! — заорала Чука.

Рейх ребром ладони ударил вошедшую по глазам. Та рухнула, выронив пушку, и задергалась в углу, не переставая смеяться. Рейх не обращал на нее внимания. Подняв парализатор, он приставил его к виску Чуки.

— Где девчонка?

— Пошел ты…

Рейх передвинул регулятор на первое деление. Нервную систему Чуки опалил низкочастотный индуцированный ток. Гадалка напряглась и задрожала. Кожа заблестела от внезапно выступившего пота, но Чука продолжала мотать головой. Рейх перевел регулятор на второе де-

ление. Чуку выгнуло и затрясло такой дрожью, что казалось, будто кости переломятся. Глаза уставились в пространство. Из горла понеслись звериные стоны. Рейх продержал ее в таком состоянии пять секунд, потом выключил пушку.

— Третья остановка — смерть, — проскрежетал он. — С большой буквы С. И, Чука, я не шучу. Мне, если что, дорога одна — к Разрушению. Если я не доберусь до девчонки. Где она?

Чуку практически парализовало.

— За… дверью, — прохрипела она. — Четвертая комната… Налево… За поворотом.

Рейх отпустил ее, пробежал через спальню и дверь, вылетел на винтовую лестницу, взобрался по ней, заложил крутой поворот, пересчитал двери и остановился перед четвертой слева. Мгновение прислушивался: ни звука изнутри. Рванув на себя дверь, он вошел. В комнате имелись пустая койка, столик, пустой шкаф и единственный стул.

— Господи! — взвыл он. — Меня провели!

Он подошел к постели: не смята. Шкафом тоже вроде бы никто не пользовался. Повернувшись покинуть комнату, он передумал и рванул за средний ящик столика. Ящик открылся. Там лежали матово-белый, словно в изморози, ха-

латик и предмет из нержавеющей стали вроде зловещего цветка. Это было орудие убийства, пистолет-нож.

— Боже, — выдохнул Рейх. — Боже мой.

Он поднял оружие и осмотрел его. В барабане все еще торчали холостые патроны. А гильза от выстрела, пробившего затылок Крэю д'Куртнэ, застряла, прижатая ударником.

— Разрушение откладывается, — прошептал Рейх. — Богом клянусь, до Разрушения еще далеко!

Он сложил пистолет-нож и спрятал в карман. В тот же миг раздался далекий смех… брюзгливый смех. Это смеялся Киззард.

Рейх быстро выглянул на лестницу, потом двинулся на смех — к двери с плюшевой обивкой, на бронзовом косяке, в глубокой нише. Переведя парализатор на деление с большой С, Рейх прошел в нее. Зашипел сжатый воздух, и дверь затворилась. Он оказался в круглой комнатенке, стены и потолок которой были обиты черным, как полночь, бархатом. Прозрачный кристаллический пол открывал беспрепятственный обзор будуара этажом ниже. Чука была вуайеристкой.

В будуаре нашелся Киззард: он сидел в глубоком кресле, глядя стеклянистыми слепыми глазами

перед собой, и держал на коленях дочь д'Куртнэ — в роскошном платье с блестками и длинным разрезом. Девушка не двигалась. Ее желтые волосы были уложены в гладкую прическу, глубокие темные глаза мирно смотрели в никуда, пока Киззард грубо лапал ее.

— Как она выглядит? — четко услышал Рейх брюзгливый голос Киззарда. — Как она себя чувствует?

Слепой обращался к невысокой, потасканного вида женщине, которая стояла у противоположной стены будуара с выражением немыслимой муки на лице. Это была жена Киззарда.

— Как она выглядит? — повторил слепец.

— Она не знает, что происходит, — ответила женщина.

— Она знает, — вскричал Киззард. — Она не в такой глубокой отключке. Не говори, что не знает. О, боже, мне бы сейчас нормальные глаза!

— Я твои глаза, Кено, — ответила женщина.

— Тогда посмотри вместо меня. Расскажи мне!

Рейх с проклятием поднял парализатор, нацелив его Киззарду в голову. Оружие это убивает через кристаллический пол. Через что угодно. Оно убьет и сейчас.

Тут в будуаре появился Пауэлл.

Женщина сразу заметила его и издала душераздирающий вопль:

— Беги, Кено! Беги!

Отклеившись от стены, она ринулась к Пауэллу с явным намерением выцарапать ему глаза скрюченными пальцами. Потом оступилась и упала, при этом, видимо, ударившись и потеряв сознание, так как осталась лежать неподвижно. Киззард поднялся из кресла, продолжая держать на руках девушку и глядя перед собой слепыми глазами, и тут Рейх пришел к неприятному выводу, что падение женщины случайностью не было: у Киззарда вдруг отказали ноги, и он рухнул, выпустив упавшую обратно в кресло девушку.

Не приходилось сомневаться, что это с ними сделал Пауэлл каким-нибудь телепатическим приемом. Впервые за время их войны Рейх испытал страх перед Пауэллом… физиологический страх. Он снова вскинул парализатор, на сей раз прицелившись в голову Пауэллу. Щупач подошел к креслу.

— Добрый вечер, мисс д'Куртнэ, — произнес Пауэлл.

— До свидания, мистер Пауэлл, — пробормотал Рейх и попытался навести трясущийся ствол пушки в своих руках на голову Пауэлла.

— Все ли с вами хорошо, мисс д'Куртнэ? — продолжил Пауэлл. Девушка не ответила, он склонился к ней и уставился в спокойное пустое лицо. Тронул за руку и повторил:

— Все ли с вами хорошо, мисс д'Куртнэ? Мисс д'Куртнэ! Вам нужна помощь?

При слове *помощь* девушку, точно пружиной, подбросило в кресле, и она замерла, прислушиваясь. Потом выбросила перед собой ноги и вскочила. Пробежав по прямой мимо Пауэлла, резко остановилась и потянулась вперед, точно ища дверную ручку. Повернула воображаемую ручку, толкнула воображаемую дверь и ринулась вперед: желтые волосы развеваются, темные глаза распахнуты в тревожном изумлении… Ослепительная вспышка диковатой красоты.

— Папа! — завопила она. — О, боже мой, папа!

Она побежала вперед, резко замерла, попятилась, начала кого-то обходить, рванулась влево, побежала по кругу, дико вопя и неподвижно глядя в пустоту.

— Нет! — завизжала она. — Нет! Ради всего святого, папа!

Она снова забегала по комнате, остановилась, начала бороться с удерживавшими ее незримыми руками. Брыкалась, кричала, продолжая

неподвижно смотреть перед собой, потом напряглась и прижала руки к ушам, словно закрывая их от громкого звука. Пала на колени и поползла по полу, застонав от боли. Остановилась, ухватила что-то на полу и осталась стоять в такой позе, на коленях. Лицо снова наполнилось спокойствием — безмятежностью неживой куклы.

С тошнотворной ясностью Рейх осознал, чем только что занималась девчонка.

Она воссоздавала картину смерти отца. Она воссоздала ее для Пауэлла. И если тот ее прощупывал…

Пауэлл подошел к девушке и поднял ее с пола. Она двигалась грациозно, словно танцовщица, и безмятежно, как лунатичка. Щупач обхватил ее за талию и увлек к двери. Рейх следовал за ними, целясь из парализатора и выбирая оптимальный момент. Он был невидим для них. Его враги, ничего не подозревая, шли прямо внизу — легкие мишени для смертоносного луча. Он без труда мог уложить их обоих, а себя обезопасить. Пауэлл открыл дверь, потом внезапно развернул девушку, прижал к себе и поднял голову. Рейх затаил дыхание.

— Вперед! — вскричал Пауэлл. — Мы здесь! Легкие мишени. Одним выстрелом нас обоих!

Давай, стреляй!

Его остроскулое лицо исказилось от ярости. Тяжелые черные брови нахмурились над темными глазами. Добрых полминуты он стоял и глядел снизу вверх на невидимого Рейха: подстрекал, ненавидел, бросал вызов. Наконец Рейх опустил глаза и отвернулся от человека, который видеть его не мог.

Тогда Пауэлл вывел безмятежную девушку наружу и тихо притворил за собой дверь, и Рейх понял, что шанс на спасение просочился у него между пальцев. Он был на полпути к Разрушению.

10

Представьте себе камеру с объективом, неисправным до такой степени, что устройство способно выдавать единственный кадр, снова и снова — кадр, на котором сломалось. Представьте себе кристаллозапись, болезненно искаженную так, что она способна воспроизводить лишь один фрагмент музыки, снова и снова — незабываемую, ужасающую фразу.

— Она в состоянии истерической навязчивости, — объяснял Пауэллу и Мэри Нойес в гостиной дома Пауэлла доктор Джимс из Кингстонского госпиталя. — Она реагирует на ключевое слово *помощь* и заново переживает одно и то же травматическое воспоминание…

— Гибель отца, — подсказал Пауэлл.

— Да? Понятно. В остальное время… кататония.

— Это неизлечимо? — спросила Мэри Нойес.

Молодой доктор Джимс посмотрел на нее с удивлением и возмущением. Он был одним из самых талантливых молодых специалистов Кингстонского госпиталя и отдавался работе фанатично, хотя даром эспера не обладал.

— В наш день и век? Ничто не является полно-

стью неизлечимым, за исключением, мисс Нойес, разве что физической смерти. Да и то, в Кингстоне ведутся исследования по этой тематике. С симптоматической точки зрения смерть — не что иное, как…

— Не сейчас, доктор, — взмолился Пауэлл. — Пожалуйста, хватит на сегодня лекций. У нас работы полно. Скажите, девушка мне пригодится?

— В каком смысле?

— Я хочу ее прощупать.

Джимс поразмыслил:

— Ну а отчего бы и нет. Я применил лечение, основанное на методике Dйja Iprouvй. Вам это не должно создать преград.

— Методике Dйja Iprouvй? — переспросила Мэри.

— Великолепная новинка, — взволнованно объяснил Джимс. — Ее разработал Гарт… один из ваших щупачей. Пациент впадает в кататоническое состояние, желая ускользнуть от реальности. Это форма побега. Сознание не в состоянии смириться с конфликтом между реальностью и бессознательными уровнями. Пациент жалеет, что вообще родился на свет. Пытается вернуться к эмбриональной стадии. Вы следите за моей мыслью?

— Пока что да, — кивнула Мэри.

— Отлично. Dйja Iprouvй — это старинный термин психиатров XIX века. Буквально переводится как *нечто испытанное, нечто пережитое*. Многие пациенты так отчаянно стремятся к чему-либо, что им кажется, будто они желаемого уже достигли, хотя в действительности ничего подобного не происходило. Понимаете?

— Погодите, — медленно произнесла Мэри. — Вы хотите сказать, я…

— Давайте наглядно, — жизнерадостно перебил ее Джимс. — Вообразим, что вас одолевает нестерпимое желание… ну, например, выйти замуж за мистера Пауэлла и родить ему детей. Представили?

Мэри покраснела и сдавленным голосом откликнулась:

— Да.

Пауэллу на миг захотелось отвесить оплеуху этому юному неуклюжему нормалу-доброхоту.

— Ну что ж, — продолжал в блаженном неведении Джимс, — если ваше психическое равновесие пошатнется, вам вполне может показаться, что вы действительно вышли замуж за Пауэлла и стали матерью его детей. Это и будет Dйja Iprouvй. Для больного мы создаем такое состояние, Dй-

ja Iprouvй, искусственно. Мы высвобождаем его стремление к кататоническому бегству. Мы реализуем подспудные желания. Мы отделяем сознательный ум от нижних уровней, посылаем его обратно в утробу и позволяем притвориться, что рождение и жизнь начинаются заново. Понимаете?

— Да. — Мэри вымученно улыбнулась, сумев овладеть собой.

— На поверхностном уровне… сознательного ума… пациент в ускоренном темпе проходит через все стадии развития. Младенчество, детство, юность, зрелость.

— Вы хотите сказать, что Барбара д'Куртнэ собирается снова стать ребенком… и ее нужно будет учить говорить… ходить…

— Да-да-да. Это займет недели три. К моменту, когда она снова станет собой, ей уже легче будет принять факт побега от себя. Она перерастет его, говоря образно. Как я уже пояснил, изменения затронут лишь сознательный уровень. Ниже мы не полезем. Если хотите, прощупывайте ее. Однако имеется трудность: там, внизу, она скорее всего очень напугана. У нее все чувства в смятении. Вам тяжело будет вытянуть из нее желаемое. Но, впрочем, это ваша профессия. Вы знаете, как

действовать.

Джимс внезапно поднялся.

— Мне пора возвращаться к работе. — Он направился к входной двери. — Рад был пригодиться. Всегда приятно со щупачами сотрудничать. Не понимаю, отчего люди с недавних пор так враждебно к вам настроены…

С этими словами он вышел.

Гм. Интересная реплика на прощание.

Что он хотел сказать, Линк?

Наш старый добрый друг Бен Рейх спонсирует антиэсперскую кампанию. Ну, ты представляешь… распускает слухи, что щупачи сбились в кланы, что им нельзя доверять, что они не патриоты, участвуют в межпланетном заговоре, едят людских младенцев-нормалов и так далее.

Брр! И он вдобавок спонсирует Лигу Патриотов. Отвратительный и опасный тип.

Опасный, но не отвратительный, Мэри. В нем есть обаяние. И от этого он становится вдвойне опасен. Люди склонны полагать, что злодеи всегда выглядят по-злодейски. Что ж, возможно, нам повезет остановить Рейха, пока не стало слишком поздно. Мэри, отведи Барбару вниз.

Мэри отвела девушку вниз по лестнице и усадила на низкий подиум. Барбара сидела спокойно,

неподвижно, как скульптура. Мэри нарядила ее в голубой спортивный комбинезон, зачесала светлые волосы назад и собрала в хвост синей лентой. Барбара, чистенькая и опрятная, напоминала прекрасную восковую куклу.

Прекрасна снаружи, искалечена внутри. Мерзавец Рейх!

А что с ним, кстати?

Я тебе говорил. В трущобах у Чуки Фруд я так озверел, что как следует приложил гнусного слизняка Киззарда с женой. И когда нащупал Рейха наверху, то бросил ему вызов. Я…

Что ты сделал с Киззардом?

Базовый нейрошок. Заходи как-нибудь к нам, криминалисты тебе покажут. Это новинка. Если сдашь экзамены на первоклассную, мы тебя научим. Вроде парализатора, но психогенной природы.

Смертелен?

Ты забыла Обет? Конечно, нет.

И ты просканировал Рейха сквозь пол? Как?

Телепатическое отражение. Звук в ту вуайерскую комнату не электроникой передавался, а по открытым звуководам. Рейх не учел этого. Он передавал вниз по звуководу, и, клянусь, найди он в себе силы выстрелить, я бы его так приложил

базовым, что дело вошло бы в учебники по криминалистике.

Почему же он не выстрелил?

Не знаю, Мэри. Не знаю. У него были все поводы нас убить. Он считал себя в безопасности… Он не знал про базовый, хотя падение Киззарда его насторожило. Но он не смог.

Побоялся?

Рейх не трус. Он не боялся. Просто не смог. Не знаю, почему. Не исключаю, что в следующий раз мне так не повезет. Поэтому я и забрал Барбару д'Куртнэ к себе домой. Тут она будет в безопасности.

В Кингстонском госпитале она тоже будет в безопасности.

Но там недостаточно спокойно для работы, которую я наметил.

?

В ее истерическом сознании заблокирована полная картина убийства. Мне нужно ее вытащить… кусочек за кусочком. Сложу их воедино — доберусь до Рейха.

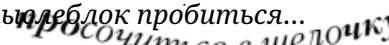
Мэри встала.

Мэри Нойес покидает сцену.

Сядь, щупачка! Как думаешь, отчего я тебя позвал? Ты останешься здесь, с девчонкой. Ее нельзя

одну оставлять. Если хочешь, оставайся с ней на ночь в моей спальне. Я в кабинете посплю.

Линк, не шуми. Ты меня не проведешь. Ты пристыжен. Посмотрим, сумею ли я через твой мыслеблок пробиться…



…

Послушай…

Не стану, мистер Пауэлл. — Мэри расхохоталась. *Ах вот оно что. Я тебе нужна в качестве компаньонки. Викторианское словечко, надо же. Линк, ну ты даешь. Ты в положительном смысле атавистичен.*

Клевета. Меня считают прогрессивным в самых что ни на есть пижонских кругах.

А что это за образ? Ага. Рыцари Круглого стола. Сэр Галахад Пауэлл. И что-то еще, глубже. Я… Она вдруг перестала смеяться и побледнела.

Что ты раскопала?

Забудь.

Да полно тебе, Мэри.

Забудь, Линк. И не прощупывай меня. Если сам не осознаешь, то лучше из чужих рук не вырывать. Особенно из моих.

Он мгновение с интересом оглядывал ее, потом пожал плечами.

Хорошо, Мэри. Тогда лучше приступим к ра-

боте.

Барбаре д'Куртнэ он сказал:

— Помощь, Барбара.

Она тут же подскочила с подиума, на котором сидела, и обратилась в слух, а он принялся аккуратно ее зондировать… Ощущения постельного белья… Далекий зов… *Чей это голос, Барбара?*

Глубоко в подсознании она откликнулась:

— Кто здесь?

Друг, Барбара.

— Никого здесь нет. Никого. Я одна.

И она была одна, неслась по коридору к двери, открывала, врывалась в орхидейный номер, чтобы увидеть…

Кого, Барбара?

— Человека. Двоих мужчин.

Кто они?

— Уходи. Пожалуйста, уходи. Я не люблю голоса. Там голос кричит. Крик стоит у меня в ушах…

И она кричала, повинуясь инстинкту, в ужасе пятилась от сумрачной фигуры, которая встала между Барбарой и ее отцом, потянулась к девушке. Развернувшись, Барбара начала бегать кругами…

Что делает твой отец, Барбара?

— Он… Нет. Тебе здесь не место. Нас только

трое. Отец и я… и…

Сумрачная фигура схватила ее. Вспышкой промелькнуло лицо. Ничего больше.

Посмотри еще раз, Барбара. Изящная посадка головы, широкие глаза, точеный нос, маленький чувственный рот, похожий на шрам. Это он? Посмотри на этот образ. Это он?

— Да. Да. Да.

И не осталось ничего.

И она снова опустилась на колени, спокойная, безжизненная, словно кукла.

Пауэлл вытер пот с лица и снова усадил девушку на подиум. Его вымотало даже сильнее, чем Барбару д'Куртнэ. Ей помогала истерика, смягчившая эмоциональный удар. Он же был беззащитен. Он переживал ее ужас, ее панику, ее муки и был при этом наг и беззащитен.

Мэри, это сделал Бен Рейх. Ты тоже приняла?

Линк, я не продержалась так долго. Пришлось вернуться под прикрытие.

Это был Рейх. Так и есть. Единственный вопрос: чем, бога ради, он убил ее отца? Какое оружие применил? Почему старик д'Куртнэ не сопротивлялся? Нужно попытаться снова. Ненавижу с ней так поступать…

А я ненавижу, когда ты сам с собой так обхо-

дишься.

Я вынужден.

Он набрал полную грудь воздуху и произнес:

— Помощь, Барбара.

И снова она подскочила, обратившись в слух. Он быстро просочился в нее.

Аккуратнее, дорогая. Не спеши. У нас полно времени.

— Это снова ты?

Помнишь меня, Барбара?

— Нет. Нет. Не знаю тебя. Проваливай.

Но я часть тебя, Барбара. Мы вместе бежим по тому коридору. Видишь? Мы вместе открываем дверь. Так намного легче. Вместе. Мы друг другу помогаем.

— Мы?

О да, Барбара, я и ты.

— Но почему ты мне сейчас не поможешь?

А чем я могу помочь, Барбара?

— Мой отец! Помоги мне его остановить. Останови. Останови. Помоги мне закричать. Помоги! Помоги, молю!

Она снова опустилась на колени, успокоенная, безжизненная, словно кукла. Пауэлл почувствовал, как его поднимают под мышки, и осознал — что-то не в порядке, он ведь сам не должен был

стоять на коленях. Тело на полу постепенно растаяло; орхидейный номер исчез, осталась Мэри Нойес, пытающаяся его поднять на ноги.

— На этот раз ты первый, — мрачно сказала Мэри.

Он покачал головой и попытался просканировать Барбару д'Куртнэ. При этой попытке он упал на пол.

Хватит, сэр Галахад. Остынь. Мэри подняла девушку с пола и провела ее к подиуму. Затем вернулась к Пауэллу. *Готов к моей помощи или считаешь это недостойным парня?*

Слово, которое ты ищешь, — мужество. Не трать время, пытаясь помочь мне. Мне нужен твой ум. У нас проблема.

Что ты прощупал?

Д'Куртнэ хотел, чтобы его убили.

Ка-ак?!

Да. Он хотел умереть. Судя по всему, он вполне мог совершить самоубийство в присутствии Рейха. Воспоминания Барбары спутаны. Нужно распутать узел. Придется посетить лечащего врача д'Куртнэ.

А, Сэма @кинса. Они с Салли на прошлой неделе улетели обратно к Венере.

Тогда придется к ним слетать. Я успеваю на

десятичасовую ракету? Позвони в Айдлуайлд[13].

Час работы Сэма @кинса, доктора медицины, эспера-1, обходился в тысячу кредитов. Публике было известно, что Сэм получает два миллиона кредитов в год, и неизвестно, как он фактически гробит себя благотворительностью. @кинс, один из самых пылких сторонников долгосрочной образовательной программы Гильдии, возглавлял Экосоциальную Клику. Ее члены полагали, что способность к телепатии не врожденная, а скорей латентная для всех живущих, и ее можно развить подходящими тренировками.

Вследствие этого в доме Сэма, стоявшем на вершине столовой горы в ослепительной пустыне близ Венусбурга, было не протолкнуться от взыскующих благотворительности. Он приглашал всех малоимущих являться к нему со своими проблемами, а пока разбирал эти случаи, параллельно пытался осторожно пробудить в пациентах телепатический талант. Ход рассуждений Сэма был прост. Если телепатия сродни развитию не задействованных ранее мышц, то, вполне возможно, большинство людей не проявляют такой способности лишь потому, что им

---

[13] Примечания: 13
В наше время этот аэропорт носит имя Джона Ф. Кеннеди.

лень или нет условий ее тренировать. Однако в критической ситуации лень непозволительна, а Сэм тут как тут с предложением помощи и тренировок. Сэм выявлял примерно 2 % латентных эсперов, то есть меньше, чем в среднем обнаруживалось на собеседованиях в Институте Эспер-Гильдии. Сэма это не смущало.

Пауэлл обнаружил его на прогулке по саду камней в доме посреди пустыни; Сэм фанатично истреблял пустынные цветы, полагая, что пропалывает сорняки, и одновременно вел разговор с двумя десятками депрессивных пациентов, которые слонялись за ним повсюду, словно щенята. Вечные облака Венеры лучились ослепительным сиянием. Лысая голова Сэма в этом свете отливала насыщенно-розовым. Он фыркал и покрикивал — на растения и пациентов.

— Блин! Только не говорите, что это «светящаяся бородавка». Сорняк это. Я что, сорняк не узнаю, если увижу его? Бернард, дайте мне тяпку, пожалуйста.

Коротышка в черном подал доктору тяпку и заметил:

— Меня зовут Вальтер, доктор @кинс.

— В этом-то и проблема, — пробурчал @кинс, выдирая упругий красный клубень. Тот отбра-

сывал по сторонам призматические вспышки всевозможных оттенков и жалобно пищал. Был это, следовательно, не сорняк и не «светящаяся бородавка», а удивительный дар природы — венерианский вербейник.

@кинс с неодобрением оглядел его, слушая, как попискивают, сдуваясь, воздушные пузыри. Потом зыркнул на коротышку:

— Семантическое бегство, Бернард! Вы привязываете себя к метке, а не объекту. Вы пытаетесь скрыться от реальности. От чего вы бежите, Бернард?

— Я надеялся, что об этом мне расскажете вы, доктор @кинс, — отвечал Вальтер.

Пауэлл тихо стоял в сторонке, наслаждаясь сценой, словно сошедшей с иллюстраций к старым Библиям. Сэм, раздражительный мессия, гневается на скромных своих апостолов. Их окружали блистающие кварцевые кристаллы сада камней, испещренные сухими пятнами ползучих растений Венеры. Небо над головой ослепительно сияло; впереди, насколько хватало глаз, протянулись красные, пурпурные и фиолетовые пустоши планеты.

@кинс гаркнул на Вальтера-Бернарда:

— Вы мне напоминаете нашу рыжиху. Кстати,

где эта мнимая куртизанка?

Красивая рыжеволосая девушка пробралась к ним через толпу и жеманно ответила:

— Я здесь, доктор @кинс.

— Вы перышки топорщить не торопитесь, это просто условная метка для вас. — @кинс нахмурился и продолжил телепатически: *Вы наслаждаетесь собой из-за своей женственности, не так ли? Это вам жизнь заменяет. Сущая фантазия. Я женщина, говорите вы себе, и мужчинам я желанна. Достаточно знать, что тысячи мужчин пожелали бы обладать мною, если б я им позволила. Это делает меня настоящей, говорите вы. Чушь! Сбежать от себя не удастся. Секс не выдумка. И жизнь не выдумка. Не возводите девственность в апофеоз.*

@кинс нетерпеливо ожидал ответа, но девушка лишь жеманилась и заигрывала.

Слышал ли вообще хоть кто-то из вас, — взорвался доктор наконец, — *что я сказал ей?*

Я слышал, господин учитель.

Линкольн Пауэлл! Не может быть! Что ты тут делаешь? Ты откуда выполз?

С Терры, Сэм. Я к тебе за консультацией и ненадолго. Улечу следующим же рейсом.

Не мог по межпланетной позвонить, что ли?

Сэм, это сложное дело. Лучше наедине, как щупач со щупачом. Это касается убийства д'Куртнэ.

А. О. Ага. Ясно. Через минутку приду. Иди разыщи себе что-нибудь выпить. @кинс издал телепатический вопль: *САЛЛИ! ГОСТИ!*

В стайке пациентов @кинса кто-то дернулся, и Сэм восторженно обернулся к этому человеку:

— Вы слышали, не так ли?

— Нет, сэр. Я ничего не слышал.

— Да нет же, слышали. Вы приняли широкополосную телепатему.

— Нет, доктор @кинс.

— Тогда почему вы подпрыгнули?

— Меня какая-то букашка укусила.

— Нет! — взревел @кинс. — В моем саду нет букашек. Вы услышали мой крик, адресованный жене. — И он перешел на жуткий телепатический вой: *ВЫ МЕНЯ СЛЫШИТЕ, НЕ ГОВОРИТЕ, БУДТО НЕ СЛЫШИТЕ. РАЗВЕ НЕ ХОТИТЕ, ЧТОБ Я ВАМ ПОМОГ? ОТВЕЧАЙТЕ. ВПЕРЕД. ОТВЕЧАЙТЕ МНЕ!*

Пауэлл обнаружил Салли @кинс в прохладной просторной гостиной. Дом был открыт небу. На Венере никогда не дождит, а пластикового купола хватало, чтобы защищать дом от жары

семисотчасового венерианского дня[14]. А когда настанет смертоносная морозная семисотчасовая ночь, @кинсы просто упакуют пожитки и возвратятся в обогреваемую городскую квартиру в Венусбурге. На Венере все живут по тридцатидневным циклам.

Сэм влетел в гостиную и жадно высосал целую кварту[15] ледяной воды.

Десять кредитов в унитаз уйдет, если по ценам черного рынка, — бросил он Пауэллу. — *Ты в курсе, что у нас на Венере водой барыжат? А полиция, черт ее раздери, сидит сложа руки… О, прости, Линк. Понимаю, ты за это не в ответе. Так что там с д'Куртнэ?*

Пауэлл изложил свою проблему. Навязчивое истерическое состояние Барбары д'Куртнэ, вызванное гибелью отца, допускает две интерпретации. Либо сам Рейх убил д'Куртнэ, либо Рейх всего лишь присутствовал при самоубийстве д'Куртнэ. Старик Моз потребует выяснить это.

---

[14] Примечания: 14

Все приведенные здесь сведения о Венере, конечно, не соответствуют действительности. Например, продолжительность венерианского дня, по современным данным, несколько более 2800 земных часов, и по инсоляции под плотнейшим слоем облаков он мало отличен от местной ночи, а чрезвычайно агрессивные условия на поверхности планеты полностью исключают существование человека.

[15] Примечания: 15

Около 950 мл.

Понятно. Ответ положительный. Д'Куртнэ и вправду помышлял о самоубийстве.

О самоубийстве? Но почему?

Он был сломлен. Мотив адаптации отказывал. Он регрессировал в состояние крайнего эмоционального истощения и балансировал на грани самодеструкции. Вот почему я кинулся на Терру — помешать ему.

Гм. Сэм, это тяжелый удар. Значит, ты допускаешь, что он сам вышиб себе мозги?

Что? Вышиб себе мозги?

Да. Смотри. Мы не знаем, какое это было оружие…

Погоди. Теперь я могу ответить определенно. Если д'Куртнэ умер такой смертью, то он совершенно точно не самоубийца.

Почему?

Потому что его зациклило на яде. Он намеревался отравиться наркотиками. Ты знаешь суицидников, Линк, стоит им зациклиться на определенном способе, как они его уже не меняют. Д'Куртнэ явно убили.

Сэм, мы, кажется, меняемся местами. Расскажи, почему д'Куртнэ замышлял отравиться?

Шутишь, что ли? Если б я знал ответ, он бы об этом не помышлял. Пауэлл, меня все случивше-

еся и так не радует. Стараниями Рейха дело не выгорело. Я мог бы спасти д'Куртнэ. Я бы…

Есть у тебя какие-то предположения о причинах, по которым пошатнулся мотив адаптации д'Куртнэ?

Да. Он пытался предпринять решительные меры, чтобы избавиться от мучительного подспудного чувства вины.

Какой вины?

За ребенка.

Барбару? Но как? Почему?

Не знаю. Он сражался с иррациональными символами отверженности… дезертирства… стыда… позора… трусости. Мы собирались над этим поработать. Это все, что мне известно.

Не мог ли Рейх догадаться об этом и построить свой план?.. Старик Моз непременно найдет тут повод для придирки, когда мы представим дело.

Не мог ли Рейх… Нет. Невозможно. Ему бы потребовались услуги эксперта.

Сэм, спокойней. Ты что-то скрываешь. Если бы я мог добраться до…

Вперед. Я весь нараспашку.

Не пытайся мне помочь. Ты все только запутываешь. Полегче… ассоциации с празднествами…

вечеринкой… разговором на… моей вечеринке? В прошлом месяце. Гас Тэйт сам отличный спец, но ему-де понадобилась помощь в деле похожего пациента. Так он сказал. А если Тэйту нужна помощь, то скорее всего в ней нуждается Бен Рейх.

Пауэлл пришел в такое возбуждение, что произнес вслух:

— Вот же чертов щупач!

— Э?

— Гас Тэйт присутствовал на вечеринке у Бомон в ночь убийства д'Куртнэ. Он пришел вместе с Рейхом, но я продолжал надеяться, что…

Линк, я не могу поверить!

— Я тоже не мог, но придется. Малыш Гас Тэйт и есть эксперт Рейха. Малыш Гас ему все как на блюдечке выложил. Он тебя развел и поделился твоей информацией с убийцей. Старый добрый Гас. Интересно, какова нынче цена Обета Эспера?

— Какова нынче цена Разрушения? — запальчиво откликнулся @кинс.

Откуда-то из дома пришла мысль от Салли @кинс:

Линк, тебя к телефону.

— Блин! Только Мэри знает, что я тут. Хоть бы ничего с той девчонкой д'Куртнэ не стряслось…

Пауэлл кинулся к установленному в алькове холла видеофону. Еще издалека он увидел на экране лицо Бека. Лейтенант тоже увидел начальника и энергично помахал ему. Пауэлл еще не приблизился на расстояние слышимости, а Бек уже начал говорить:

— …мне ваш номер. Как хорошо, босс, что я вас застал. У нас двадцать шесть часов в запасе.

— Так-так, погоди. Давай все сначала по порядку, Джакс.

— Тот родопсинщик, которым вы интересовались, Уилсон Джордан, прилетел с Каллисто. Теперь он стараниями Бена Рейха человек состоятельный. Я связался с ним. Он на Земле всего на двадцать шесть часов, уладит свои дела и вернется на Каллисто, чтобы жить там в нежданно свалившемся с неба чудесном поместье до конца дней своих. Если вам что-нибудь от него нужно, лучше побыстрее возвращайтесь.

— Джордан будет говорить?

— А стал бы я звонить вам по межпланетке, босс? Нет, конечно. Он пьян от богатства и вдобавок признателен Рейху, который, цитата, «бескорыстно отступился от своей доли в знак благодарности доктору Джордану и во имя справедливости». Если хотите что-нибудь из него

выбить, лучше возвращайтесь на Терру и выбивайте сами.

— А вот, — проговорил Пауэлл, — наша лаборатория Гильдии, доктор Джордан.

Джордан впечатлился. Весь верхний этаж здания Гильдии был отведен под научные исследования. Он имел круглую форму и за малым не достигал тысячефутового диаметра, а купол из двойного слоя кварца с контролируемой прозрачностью позволял создавать любые условия освещенности, от полной темноты до слепящего света, в том числе монохроматического с точностью настройки 0.1 ангстрем. Стоял полдень, и солнечный свет слегка модулировался так, чтобы столы и скамьи, кристаллы и серебристую аппаратуру, а также техников в халатах озаряло приятное персиковое сияние.

— Пройдемся по комплексу? — предложил Пауэлл.

— У меня не так много времени, мистер Пауэлл, но… — неуверенно начал Джордан.

— Конечно, конечно. Но не будете ли вы так любезны уделить нам, к примеру, час? Мы крайне нуждаемся в вашей консультации.

— Если это как-то связано с делом д'Куртнэ… — начал Джордан.

— Кого? А, да. Убийство. А почему вы о нем вспомнили?

— За мной ваши ищейки гонялись, — мрачно ответил Джордан.

— Но, доктор Джордан, мы всего лишь заинтересованы в ваших советах как ученого, а не в показаниях по делу об убийстве. Ученый и убийство — вещи несовместные. Нет-нет.

Джордан слегка расслабился:

— И правда. Одного взгляда на эту лабораторию достаточно, чтобы убедиться.

— Пройдемся? — Пауэлл взял Джордана за локоть и передал по всей лаборатории: *Щупачи, внимание! Готовится розыгрыш.*

Не прерывая работы, техники ответили громким телепатическим улюлюканьем. Сквозь град ехидных образов пробился выкрик трусоватого остряка: *А кто украл погоду, Пауэлл?* Это, видимо, относилось к туманному эпизоду красочной карьеры Бесчестного Эйба. В чем состоял сам эпизод, прощупать никому не удавалось, но было замечено, что Пауэлл при его упоминании неизменно краснеет. Так и сейчас. Лабораторию заполнило молчаливое хихиканье.

Нет, щупачи, это серьезно. Успех дела зависит от того, сумеем ли мы его кое на что развести.

Смешки мигом прекратились.

Это доктор Уилсон Джордан, — возвестил Пауэлл. — *Он специализируется по физиологии зрения и обладает определенной информацией, которую я бы хотел получить от него по доброй воле. Пусть исполнится родительских чувств. Придумайте какие-нибудь туманные задачи по физиологии зрения и взмолитесь о помощи. Разговорите его.*

Они потянулись к доктору поодиночке, парами и стайками. Рыжеволосый исследователь, который действительно работал над проектом транзистора, способного записывать телепатические импульсы, наскоро придумал историю о том, что оптическая передача мыслей-де провоцирует астигматизм аппаратуры, и скромно попросил консультации. Пара красоток, уткнувшаяся в тупик проблемы дальней телепатической связи, потребовала от доктора Джордана разъяснить, почему зрительные образы всегда передаются в мыслях с цветовым искажением (на самом деле нет). Японцы, занятые изучением экстрасенсорного узла телепатической восприимчивости, настаивали, что телепатический узел связан со зрительным нервом (они ближе двух миллиметров друг к дружке нигде не подходят), и, учтиво

пришепетывая, соблазняли доктора Джордана весьма правдоподобными результатами опытов.

В час пополудни Пауэлл заметил:

— Прошу прощения, доктор, но отведенный вами час истекает, а у вас, как вы заявляли, важные…

— Все в порядке, все в полном порядке, — отмахнулся Джордан. — Теперь, дорогой доктор, если испытать оптическую передачу…

В час тридцать пополудни Пауэлл снова напомнил:

— Уже час тридцать. Доктор Джордан, ваша ракета в пять. Я, правда, считаю, что…

— Полно времени, полно времени. Женщины и ракеты, сами понимаете, взаимозаменяемы. Дорогой сэр, тонкость в том, что ваше исследование, сколь ни превосходное, страдает от одного существенного изъяна. Вы не пробовали окрашивать узел живого организма витальным красителем, например гистологическим красным Эрлиха или кристаллическим фиолетовым. Я предложил бы…

В два часа из буфета принесли закуску, не помешавшую пиршеству умов.

В два тридцать доктор Джордан, восторженный и пылающий румянцем, заявил, что мысль о

богатой жизни на Каллисто ему, честно говоря, претит. Там нет ученых. Не с кем поговорить. Ничего подобного этому потрясающему семинару там не предвидится.

В три он признался Пауэллу, при каких обстоятельствах получил поместье. Похоже, сначала им владел Крэй д'Куртнэ, а старый Рейх (отец Бена) каким-то способом умыкнул его у д'Куртнэ и записал на жену. После ее смерти поместье досталось сыну. Даже ворюга Бен Рейх, наверное, усовестился этого и предоставил решение вопроса суду, а там, слово за слово, выплыла доля Уилсона Джордана.

— И, конечно же, это далеко не единственный грешок на его совести, — продолжил Джордан. — Чего я только не нагляделся, работая с ним! Ну, впрочем, финансисты все подонки, вы не согласны?

— Не думаю, что к Бену Рейху применимо такое определение, — с подчеркнутым благородством отозвался Пауэлл. — Я им скорее восхищен.

— Конечно, конечно, — поспешно согласился Джордан, — совесть у него, как ни крути, есть. И это восхитительно, потому что мне бы не хотелось дать ему повод подумать обо мне как о…

— Само собой, — заговорщицки усмехнулся

Пауэлл Джордану. — Как ученые, мы можем порицать, но как люди светские, вынуждены хвалить.

— Ну хоть вы меня понимаете, — крепко потряс его руку Джордан.

В четыре часа доктор Джордан сообщил коленопреклоненным японцам, что он с радостью поделится подробностями своей самой секретной работы по физиологии зрительного пурпура с юными исследователями и передаст эстафету следующему поколению. На глаза ему навернулась слеза, а голос охрип от сентиментального восторга, пока он двадцать минут напролет старательно описывал принцип работы ионизатора родопсина, который сам и разработал для «Монарха».

В пять вечера ученые Гильдии эскортировали доктора Джордана к трапу ракеты, улетающей на Каллисто. Каюту доктора завалили цветами и подарками. В ушах у Джордана звенели бурные благодарности и пожелания удачи, и, когда ракета стартовала к четвертой луне Юпитера, доктор пребывал в приятном сознании, что он, сильно продвинув науку, вместе с тем никак не изменил доверию своего благородного и щедрого патрона, мистера Бенджамина Рейха.

Барбара энергично ползала на четвереньках по

гостиной. Ее только что накормили, и лицо было перемазано желтком.

— Хаджаджаджаджаджа, — сказала она. — Хаджа.

Мэри! Быстрей сюда! Она говорит!

Не может быть! — прибежала с кухни Мэри. — *А что сказала?*

Назвала меня папой.

— Хаджа, — проговорила Барбара. — Хаджаджаджахаджаджа.

Презрение Мэри обожгло его. *Ничего такого она не говорит. Она лопочет: хаджа.* Мэри вернулась на кухню.

Она хотела сказать — папа. Она ж еще маленькая и не виновата, что ей тяжело выговаривать звуки.

Пауэлл опустился на колени рядом с Барбарой:

— Скажи *папа,* девочка. Скажи. *Папа? Папа? Скажи: папа.*

— Хаджа, — отозвалась Барбара и самозабвенно стала пускать слюни.

Пауэлл сдался. Он погрузился мимо сознательных уровней в подсознание.

Привет, Барбара.

— Опять ты?

Помнишь меня?

— Не знаю.

Конечно, помнишь. Я тот, кто без спросу лазит в твой личный маленький дурдом тут, внизу. Мы вместе пытаемся навести порядок.

— И нас только двое?

Только двое. Ты знаешь, кто ты такая? Тебе не хочется узнать, почему ты погребена тут, внизу, в одиночестве?

— Не знаю. Расскажи мне.

Ну что ж, милый младенчик. Когда-то ты уже пребывала в похожем состоянии… просто существуя. Потом ты родилась. У тебя были отец и мать. Ты выросла в красотку с темными глазами, светлыми волосами и грациозной фигуркой. Ты отправилась на Землю с Марса, сопровождая отца, и вы…

— Нет. Никого нет, кроме тебя. Только мы двое, во мраке.

Существовал твой отец, Барбара.

— Никого не существовало. Никого больше не существует.

Прости, милая. Мне вправду жаль, но придется нам пройти через эту агонию снова. Я должен кое-что посмотреть.

— Нет. Нет… пожалуйста. Мы двое одни, и все. Пожалуйста, милый призрак…

И мы останемся только вдвоем, Барбара. Пожалуйста, держись рядом со мной. Твой отец в соседней комнате… орхидейном номере… внезапно мы кое-что слышим… Пауэлл глубоко вздохнул и крикнул:

— Помощь, Барбара. Помощь!

И они подскочили, замерев и напряженно прислушиваясь. Ощущение постельного белья. Холодный пол под ногами на бегу, бесконечный коридор, потом наконец врываемся через дверь в орхидейный номер, кричим, шарахаемся от Бена Рейха, застав его врасплох, но Рейх подносит какой-то предмет ко рту отца. Какой? Зафиксируй образ. Сфотографируй. Иисусе, этот жуткий приглушенный взрыв! Затылок проломлен, и любимая, почитаемая, обожествляемая фигура неестественно корчится, падает; сердца разрываются, стонем, ползем по полу, чтобы вырвать зловещий стальной цветок из восковых…

Линк, брось! Бога ради!

Пауэлл обнаружил, что Мэри Нойес рывком поднимает его на ноги. От ее негодования, казалось, искрился воздух.

Тебя, что ли, и на минуту нельзя одного оставить? Идиот!

Мэри, а разве я давно тут на коленях стою?

По крайней мере полчаса. Я вошла и увидела вас двоих в такой позе…

Я нашел то, за чем спускался. Это была пушка, Мэри, старинное огнестрельное оружие. Четкий образ. Посмотри…

Гм. Это огнестрел?

Да.

А откуда Рейх его достал? Из музея?

Не думаю. Попробую рискнуть и одним выстрелом двух зайцев убить. Я к телефону.

Пауэлл метнулся к телефону и набрал BD-12232. На экране мигом возникло перекошенное лицо Черча.

— Привет, Джерри.

— Добрый день… Пауэлл. — Очень осторожен.

— Гас Тэйт покупал у тебя пушку, Джерри?

— Пушку?

— Огнестрельное оружие в стиле XX века, использованное для убийства д'Куртнэ.

— Нет!

— Да-да. Джерри, мне кажется, Гас Тэйт и есть наш убийца. Я размышлял, не у тебя ли было куплено оружие. Я бы хотел показать тебе образ и проверить. — Пауэлл помедлил и добавил вежливо, однако настойчиво: — Джерри, этим ты мне очень поможешь, и я буду тебе крайне признате-

лен. Крайне. Подожди, я приеду. Через полчаса.

Пауэлл повесил трубку. Посмотрел на Мэри. Образ подмигивающего глаза.

Малышу Гасу должно хватить времени примчаться к Черчу в ломбард.

Почему Гас? Я считала, это Бен Рейх… — Она уловила схему, в общих чертах составленную Пауэллом дома у @кинсов. — *Ага, поняла. Ловушка для Тэйта и Черча сразу. Черч продал пушку Рейху.*

Возможно. Я рискую, закладываясь на это. Но он владелец ломбарда, а ломбард — почти что музей.

И Тэйт помогал Рейху воспользоваться пушкой для убийства д'Куртнэ? Не верю.

Это почти наверняка так, Мэри.

Значит, ты хочешь их столкнуть.

И повернуть их двоих против Рейха. На объективном уровне расследования ничего не выгорело. Придется теперь орудовать чисто щупаческими методами или признать провал.

Но если ты не сумеешь повернуть их двоих против Рейха? Что, если они вызовут Рейха на помощь?

Не сумеют. Мы выманили Рейха из города. Я так напугал Кено Киззарда, что тот кинулся

наутек, спасая свою шкуру, а Рейх за ним следом, замести следы и по возможности придушить.

А ты прирожденный мошенник, Линк. Держу пари, это именно ты украл погоду.

— Нет, — ответил он. — Это Бесчестный Эйб сделал.

Он покраснел, чмокнул Мэри, чмокнул Барбару д'Куртнэ, покраснел того пуще и, сконфузившись, покинул дом.

11

Ломбард был погружен во мрак. Лишь над конторкой лампочку окружала сфера мягкого света. Трое собеседников то наклонялись, то отклонялись в пылу разговора, их лица и жестикулирующие руки резко проявлялись и исчезали, формируя пулеметную последовательность затмений.

— Нет, — резко произнес Пауэлл, — я сюда пришел не затем, чтобы прощупывать кого-либо. Я предпочел бы поговорить вслух. Вам, щупачам, подобный подход может показаться оскорбительным, я же нахожу адресованные вам слова знаком доверия. Я не могу разговаривать и прощупывать одновременно.

— Ой ли? — отозвался Тэйт. Личико гнома появилось на свету. — Пауэлл, вы имеете репутацию мастера своего дела.

— Не начинайте. Просто проверьте меня. То, что я хочу получить от вас обоих, мне требуется на условиях объективности. Я расследую убийство. Щупачьи повадки меня тут до добра не доведут.

— Пауэлл, чего тебе надо? — влез Черч.

— Ты продал пушку Гасу Тэйту.

— Ничего подобного, — оскорбился Тэйт.

— Тогда что вы здесь делаете?

— Вы полагаете, что я вам с рук спущу подобное возмутительное обвинение, да?

— Черч позвал вас, потому что он продал пушку вам и понимает, как ее использовали затем.

Появилось лицо Черча.

— Щупач, я не продавал пушки, и я не понимаю, как ее использовали. Вот мои объективные показания. Съел?

— Съем, — усмехнулся Пауэлл. — Я знаю, что ты не продавал пушки Гасу. Ты ее продал Бену Рейху.

Лицо Тэйта снова проступило на свету.

— В таком случае почему вы…

— Почему? — Пауэлл посмотрел Тэйту прямо в глаза. — Гас, мне нужно было тебя зазвать сюда на разговор. Погоди минутку, я с Джерри закончу.

Он развернулся к Черчу:

— Джерри, у тебя была пушка. У тебя такие штуки попадаются. Рейх сюда за ней и явился. Куда бы еще? Вы вместе уже провернули одно дельце. Я не забыл той хаотической коррекции рынка…

— Будь ты проклят! — заорал Черч.

— И эта коррекция скорректировала твой статус в Гильдии, — продолжил Пауэлл, — ты рискнул

всем ради Рейха и все потерял… а он всего-то попросил тебя прощупать четырех функционеров фондовой биржи. Он миллион заработал на той коррекции… и для этого ему всего-то потребовалось, что уломать туповатого щупача оказать ему услугу.

— Он заплатил за эту услугу! — вскричал Черч.

— А теперь я не прошу от тебя ничего, — тихо ответил Пауэлл, — кроме той пушки.

— Ты предлагаешь деньги?

— Джерри, ты ведь не можешь во мне так ошибаться… Я тебя вышвырнул из Гильдии потому, что я такой-сякой, чистоплюй, Проповедник Пауэлл, да? Готов был бы я сделать тебе эдакое сомнительное предложение?

— Тогда чем ты расплатишься за пушку?

— Ничем, Джерри. Тебе придется довериться мне, чтобы я мог поступить по справедливости. Но я ничего не обещаю.

— А мне уже пообещали, — проворчал Черч.

— Кто? Надо полагать, Бен Рейх. Он мастак обещания давать. Вот, правда, выполнять их не всегда торопится. Ты лучше подумай как следует. Перед тобой выбор: довериться мне или Бену Рейху. Ну, что там с этой пушкой?

Лицо Черча ушло из-под лампы, и спустя мгно-

вение он заговорил из темноты:

— Я не продавал пушки, щупач, и не знаю, как она была использована. Вот мои объективные показания для суда.

— Благодарю, Джерри, — усмехнулся Пауэлл, пожал плечами и снова повернулся к Тэйту: — А тебе, Гас, я хочу задать всего один вопрос. Мы не станем сейчас касаться того обстоятельства, что ты стакнулся с Беном Рейхом… что ты прощупал Сэма @кинса насчет д'Куртнэ и просчитал, в какие сроки следует действовать… Мы опускаем пока то обстоятельство, что ты явился на вечеринку к Бомон вместе с Рейхом, что ты блокировал его там от прощупывания и продолжаешь это делать…

Пауэлл, минуточку!..

— Гас, да не паникуй ты. Я всего лишь хочу знать, правильно ли догадался о природе взятки Рейха. Он не мог бы подкупить тебя деньгами, ты слишком хорошо зарабатываешь. Он не мог бы подкупить тебя повышением в ранге, ты один из столпов Гильдии. Он, вероятно, подкупил тебя обещанием власти, не так ли? Я прав?

Тэйт истерически прощупывал его, и холодное спокойствие у Пауэлла на уме, восприятие падения Тэйта как самоочевидного факта, поразило

маленького щупача, подобно серии электрошоков, слишком внезапной, чтобы перестроиться. Он транслировал свою панику Черчу. Все это Пауэлл просчитал загодя, готовясь к одному ключевому моменту, который еще не наступил.

— Рейх мог предложить тебе власть в своем мире, — задумчиво продолжал Пауэлл, — но это маловероятно. Он бы не поделился ничем из того, что имеет, а ты не сумел бы использовать. Значит, он предложил тебе власть над миром эсперов. Каким образом? Ну, он финансирует Лигу Эспер-Патриотов. Мне кажется, он предложил тебе пробиться к власти через Лигу… Совершить переворот, гм? Стать диктатором Гильдии? Ты наверняка член Лиги.

Пауэлл, послушай…

— Таково мое предположение, Гас, — голос Пауэлла ожесточился, — и сдается мне, что я сумею его подтвердить. Вы что, вообразили, что мы вам с Рейхом позволим раздавить Гильдию с такой легкостью?

Ты ничего не докажешь. Ты…

— Не докажу? А что я должен доказывать?

Чего стоит твое слово против моего, а? Я…

— Ты дурачок. Разве ты не видел судов над щупачами? Мы проводим их не так, как обычные

процессы, где обе стороны клянутся говорить правду, а жюри затем должно выяснить, кто из них лжет. Нет, малыш Гас, тебя усадят перед комиссией, которая состоит из одних только первоклассных. Ты тоже первоклассный эспер, Гас. Вероятно, тебе удастся заблокировать двоих… Возможно, и троих… Но не всех. Я тебе говорю, Гас, ты можешь считать себя мертвецом.

Пауэлл, погоди! Минутку! — Кукольное лицо задергалось от ужаса. — *Гильдия учитывает чистосердечные признания. Она ставит их выше фактов. Я тебе сейчас все выложу как на духу. Все. Со мной какое-то отклонение случилось. Но теперь я в порядке. Расскажи об этом в Гильдии. Как поведешься с гребаным психопатом типа Рейха, такого наберешься в его мотиве… Начинаешь себя с ним идентифицировать. Но я сумел выпутаться. Расскажи об этом в Гильдии. Вот все, что тебе нужно знать… Он явился ко мне по поводу мучивших его кошмаров, о Человеке Без Лица. Он…*

Он был твоим пациентом?

Да. Так он заманил меня в ловушку. Вынудил сотрудничать с ним! Но теперь я чист. Расскажи им, что я буду сотрудничать с Гильдией. Я виноват. Я все расскажу. Черч свидетель…

— Черта с два буду я свидетелем, — возмутился Черч. — Ты нытик и слюнтяй. После всего того, что Бен Рейх обещал…

— Заткнись. Ты решил, я стану рисковать пожизненным изгнанием? Как ты? Ты такой же псих, потому и доверился Рейху. Я-то не такой. Я не настолько безумен.

— Ах ты, нытик желторотый. Думаешь, тебе так просто удастся выйти сухим из воды? Думаешь, тебе…

— Мне начхать! — завизжал Тэйт. — Я не собираюсь на себе испытывать лекарство для Рейха. Я его заложу раньше. Я пойду в суд как свидетель и выложу все, что мне известно, чтобы помочь Пауэллу. Линк, расскажешь это в Гильдии. Расскажешь им, что…

— Ты ничего не сделаешь, — отрезал Пауэлл.

— Почему?

— Гильдия тебя воспитала. Ты все еще член Гильдии. С каких это пор щупачи доносят на пациентов?

— Но тебе же именно против Рейха показания и нужны, разве нет?

— Конечно, однако от тебя я их не приму. Я не позволю щупачу опозорить нас всех, заложив пациента перед судом.

— Если ты его не прищучишь, можешь слететь со своего поста.

— А и пусть. Я хочу распутать дело, мне нужен Рейх… но не любой ценой. На простой орбите легко курс держать, а попробуй сохрани верность Обету, когда двигатель шкворчит. Кому знать, как не тебе. У тебя духу не хватило, и посмотри, в кого ты превратился…

— Но, Пауэлл, я хочу тебе помочь!

— Ты не сможешь мне помочь. Не ценой преступления против морали.

— Но я был его пособником! — завопил Тэйт. — А ты меня отпускаешь. Разве это не преступление против морали?

— Вы только посмотрите, как он рвется навстречу Разрушению! — рассмеялся Пауэлл. — Нет, Гас. Мы тебя прищучим, когда доберемся до Рейха. Но через твое посредство я до него добираться не хочу. Я все сделаю так, чтобы не презреть Обет.

Он повернулся и ушел во мрак. Приближаясь к двери, он выжидал, поведется ли Черч. Он задумал и разыграл всю сцену ради этого решающего момента… но пока рыбка не спешила на крючок.

Когда Пауэлл открывал дверь, наполняя помещение холодным серебристым уличным светом, Черч внезапно окликнул его:

— Минутку.

Пауэлл остановился, силуэт его очертился на фоне дверного проема.

— Да?

— Ты что это вменяешь Тэйту?

— Обет, Джерри. Тебе следовало бы его помнить.

— Позволь, я тебя прощупаю.

— Пожалуйста. Я весь нараспашку.

Пауэлл снял большую часть блоков. Чего Черчу открывать не следовало, то он аккуратно затемнил и замаскировал косвенными ассоциациями и калейдоскопическими мысленными рисунками, но Черч, конечно, даже ничего не заподозрит.

— Не знаю, — произнес Черч наконец. — Не могу собраться с мыслями.

— Отчего же, Джерри? Я тебя не прощупываю.

— Ты, Рейх, пушка, все это. Господь свидетель, Пауэлл, ты и вправду чистоплюй-Проповедник, но мне кажется, что разумно будет довериться тебе.

— Это приятно, Джерри. Но я предупреждал тебя, что обещать ничего не могу.

— Может, ты не из тех, кто обещания дает. Может, корень моих бед в том, что я вечно слушал тех, кто обещания дает, а не тех…

В это мгновение неусыпный телепатический радар Пауэлла уловил смерть на улице снаружи. Он развернулся и захлопнул дверь.

Убирайтесь с пола, быстро. Он сделал три шага обратно к источнику света и влез на конторку. *Джерри, Гас, быстрее. Лезьте наверх, как я. Спешите, глупцы!*

Ломбард затрясся противной дрожью, которая быстро перешла в устрашающую вибрацию. Пауэлл пнул ногой лампочку и потушил ее.

Прыгайте к потолочной люстре и цепляйтесь за нее. Это вибратор. Быстро!

Черч судорожно вздохнул и прыгнул во тьму. Пауэлл схватил Тэйта за трясущуюся руку.

Ты не достанешь, Гас? Вытяни руки, я тебя подброшу.

Он подбросил Тэйта к потолку и подскочил сам, уцепившись за стальные паучьи лапы люстры. Трое повисли в пространстве, вне досягаемости смертоносной вибрации, которая поглотила помещение… вибрации, возбуждавшей колебания распада во всем, что соприкасалось с полом. Стекло, сталь, камень, пластик… все протяжно скрежетало и разлеталось на куски. Было слышно, как скрипит пол и отзывается громоподобным рокотом потолок. Тэйт издал стон.

Держись, Гас. Это один из киллеров Киззарда. Безбашенная шайка. Я от них уже однажды чудом ушел.

Тэйт отключился. Пауэлл чувствовал, как теряют контакт с реальностью синапсы его мозга. Он послал зов на нижние уровни сознания Тэйта: *Держись. Держись. Держись. ВИСИ. ВИСИ. ВИСИ.* Разрушение всколыхнулось в подсознании маленького щупача, и в этот миг Пауэлл понял, что даже заложенные Гильдией предустановки бессильны спасти Тэйта. Стремление к гибели взяло верх, Тэйт расслабил руки и обрушился на пол. Вибрация прекратилась мгновением позже, но Пауэлл успел услышать протяжный, мутный всплеск распадающейся плоти. Черч тоже услышал его и заскулил.

Тихо, Джерри! Еще нельзя. Держись.

Ты… ты слышал его? ТЫ СЛЫШАЛ ЕГО?

Слышал. Мы еще не в безопасности. Виси!

Дверь ломбарда приоткрылась. Внутрь искательно скользнул острый, как бритва, луч фонаря. Луч выхватил из мрака красновато-серую широкую лужу останков — плоти, крови и костей, задержался секунды на три и погас. Дверь затворилась.

— Порядок, Джерри. Они снова подумали, что я

погиб. Теперь можешь начинать истерику.

— Пауэлл, я не могу спуститься. Я не могу наступить на…

— Я не виню тебя за это. — Пауэлл, придерживаясь одной рукой, ухватил другой Черча и раскачал его в направлении конторки. Черч улетел в пустоту, обрушился на конторку и затрясся. Пауэлл последовал за ним и сам с трудом подавил приступ тошноты.

Ты что-то говорил про киллеров Киззарда?

Ага. У него под началом целый отряд психопатов. Мы их регулярно вылавливаем и посылаем в Кингстон, а Киззард набирает новых. Приманивает дофамином.

Но какое им дело до тебя? Я…

Джерри, возьми голову в руки. Их послал Бен. Бен начинает паниковать.

Бен? Бен Рейх? Но они ж ко мне в ломбард полезли. Тут мог оказаться и я.

И ты оказался. Какая, к черту, разница?

Рейх бы не убил меня. Он…

Разве?

Образ улыбающегося кота.

Черч глубоко вздохнул и внезапно взорвался:

— Сукин сын! Гребаный сукин сын!

— Джерри, успокойся. Рейх сражается за свою

жизнь. Не стоит ожидать от него чрезмерной щепетильности.

— Ну, я тоже сражаюсь, а этот ублюдок захотел решить мою судьбу за меня. Пауэлл, приготовься. Я раскрываюсь. Я тебе все выкладываю.

После страшной гибели Тэйта, закончив разбираться с показаниями Черча и возвратясь из полицейского управления, Пауэлл рад был увидеть в своем доме светловолосую озорницу. Барбара д'Куртнэ держала в правой руке черный мелок, а в левой — красный. Она энергично царапала ими по стенам, высунув язык и щуря темные глаза от усердия.

— Бэб! — воскликнул он шокированно. — Ты что делаешь?

— Рифоваю кайтинки, — прошепелявила она, — кляфные кайтинки для папы.

— Спасибо, солнышко, — сказал он. — Приятно это услышать. А теперь иди сюда, посиди с папой.

— Не, — ответила она, продолжая малевать.

— Ты моя девочка?

— Ага.

— А разве моя девочка бывает непослушной?

Барбара обдумала это возражение.

— Не, — ответила она, положила мелки в фу-

тляр, опустилась на кушетку рядом с Пауэллом и взяла его руки своими, выпачканными в мелу.

— Барбара, ну правда, — пробормотал Пауэлл, — меня начинает беспокоить, что ты шепелявишь. Может, тебе скобки на зубы поставить?

Он не вполне шутил. Тяжело было постоянно напоминать себе, что рядом с ним в действительности взрослая. Он заглянул в темные глубокие глаза. Те блестели, как пустой хрустальный бокал в ожидании, когда его наполнят вином.

Он медленно прозондировал пустующие уровни сознания, опустился в турбулентную зону подсознания, затянутую грозными тучами, словно обширная темная туманность. За тучами блеснул слабый свет, изолированный, какой-то подростковый, уже успевший полюбиться. Но сейчас, проложив себе путь вниз, он отметил, что слабый просверк этот трансформировался в бледную спикулу звезды, запылавшей с жарким ревом, будто новая.

Привет, Барбара. Ты, кажется…

Ответом стала вспышка страсти такой силы, что Пауэлл поспешно сдал назад.

— Мэри, иди сюда! — позвал он. — Быстрее!

С кухни выглянула Мэри Нойес.

— У тебя снова проблемы?

— Еще нет. Но вскоре вероятны. Наша пациентка идет на поправку.

— Не заметила никаких отличий.

— Ступай к ней внутрь вместе со мной. Она установила контакт со своим Ид. Глубоко на нижнем уровне. Мне чуть мозги не выжгло.

— И кто ж ей нужен сейчас? Компаньонка, чтобы охраняла сладкие секреты девичьего сердца?

— Шутишь, что ли? Это мне нужна охрана. Иди сюда. Возьми меня за руку.

— Ты держишь ее руки обеими своими.

— Всего лишь фигура речи. — Пауэлл неуверенно покосился на спокойное личико куклы перед собой, на холодные расслабленные руки, которые заключил в свои. — Пойдем.

Он снова пустился в странствие по темным коридорам, ведущим глубоко вниз, в печь, пылавшую у девушки внутри… внутри у каждого человека… резервуар психической энергии, безвременный, безрассудный, безжалостный, охваченный ненасытным стремлением к удовлетворению страстей. Он чувствовал, как следом за ним на ментальных цыпочках крадется Мэри Нойес. Остановился он на безопасном расстоянии.

Привет, Барбара.

— Проваливай!

Это же я, призрак.

Ненависть хлестнула его.

Ты помнишь меня?

Ненависть унялась, сменилась турбулентностью, из которой взметнулась волна горячего желания.

Линк, ты бы убирался оттуда поскорее. Если тебя затянет в хаос боли и наслаждения, ты пропадешь с концами.

Мне нужно кое-что отыскать.

Ты ничего там не отыщешь, кроме беспримесной любви и беспримесной смерти.

Я хочу выяснить, какие у нее сложились отношения с отцом. Я должен понять, почему он испытывал такую вину перед ней.

Ну ладно, а я пошла.

Печь снова задымилась. Мэри убежала.

Пауэлл потоптался на краю ямы, зондируя, исследуя, стараясь прочувствовать. Так может электрик аккуратно касаться кончиков оголившейся проводки, определяя, какой из проводов обесточен. Мимо промелькнул пылающий сгусток энергии. Он зацепил его — мало не показалось; Пауэлл отступил, прячась под покров инстинктивного самосохранения. Расслабился,

позволяя себе втянуться в спиральный вихрь ассоциаций, приступил к сортировке, но в энергетическом хаосе трудно было придерживаться избранной системы отсчета.

Вот подпитывающие котел соматические импульсы: клеточные реакции, исчисляющиеся миллиардами, вопли органики, приглушенное гудение мышечных тонов; сенсорные токи второго уровня, кровеносная система, неспокойный супергетеродин кровяного pH… все это кружило и пенилось в неустойчивом равновесном мотиве девичьей психики. Нескончаемый перестук синапсов вливался в более сложные скрипучие ритмы. В изменчивых промежутках были плотно закодированы образы, полуоформленные символы, частично проявленные отсылки… ионизированные ядра мысли. Пауэлл уловил фрагмент взрывоподобного хлоПка, проследил его до буквы П… до сенсорной ассоциации с утратой, затем, по закороченной цепочке, до младенческого сосательно-грудного рефлекса… инфантильных воспоминаний о… матери? Нет. О кормилице. А эти, в свою очередь, обросли, точно коростой, родительскими ассоциациями… отрицательными. Минус мать… Пауэлл насилу увернулся от пламенной вспышки инфантиль-

ного гнева и отвержения, синдрома сироты. Возвратясь к П, поискал связанные с ним образы… Па… Папа… Отец.

Внезапно он очутился лицом к лицу… сам с собой.

Он уставился на образ и дрогнул, с трудом сохраняя ясность мысли и рассудок. Потом насилу выбрался.

Что ты, черт побери, такое?

Образ лучезарно улыбнулся и пропал.

П… Па… Папа… Отец. Пыл любви и преданности, ассоциированный с… Он снова оказался лицом к лицу со своим двойником. На сей раз тот был наг и могуч, черты его окутывала аура любви и желания. Образ протянул руки.

Брысь. Ты приводишь меня в замешательство.

Образ пропал.

Вот блин! Девчонка, что ли, влюбилась в меня?

— Привет, призрак.

А вот как она представляет себя саму: жалкая карикатура, белесые патлы вместо волос, темные глаза как чернильные пятна, прекрасная фигура перепахана неуклюжими углами и плоскостями… Образ померк, и на него вдруг ринулся, вытесняя собой все остальное, Пауэлл, Могучий и Нежный Родитель, сеющий разрушение на

своем пути. Он не отступил, как в прошлый раз, но ухватился за видение. Затылка у фигуры не было, вместо него виднелось лицо д'Куртнэ. Он проследовал за двуликим, как Янус, образом по раскаленному каналу двойников, пар, дублей, родственных… Рейху? Невоз… Да, Бен Рейх и карикатурная Барбара были здесь, сочлененные на манер сиамских близнецов, брат и сестра, сросшиеся выше поясниц, ноги их брыкались и вертелись по отдельности в море непроглядной сложности внизу. Б, сросшийся с Б. Б и Б. Барбара и Бен. Сводные родичи по крови. Сводные…

Линк!

Далекий крик непонятно в какой стороне.

Линкольн.

Это, безусловно, не к спеху. Потрясающий образ Рейха должен означать…

Линкольн Пауэлл! Иди сюда немедленно, дурень!

Мэри?

Не могу тебя вытащить.

Я через несколько минут вернусь.

Линк, это уже третья моя попытка тебя обнаружить. Если не вылезешь сейчас, ты пропал.

Третья?

За три часа. Линк, пожалуйста… Пока у меня

остаются силы.

Он позволил себе подумать о возвращении на поверхность. Он не нашел, в какой стороне поверхность. Безвременный, беспространственный хаос ярился кругом. Возник образ Барбары д'Куртнэ, на сей раз карикатурно обольстительный.

— Привет, призрак.

Линкольн, ради всего святого!

На миг подступила паника, он заметался без оглядки, но щупаческий опыт тут же взял свое, и техника отступления заработала в автоматическом режиме. Один за другим начали опускаться на место блоки, и за каждым барьером было немного светлее. На полпути вверх он ощутил присутствие Мэри. Она оставалась с ним, пока он снова не очнулся у себя в гостиной. Он сидел рядом с озорницей, держа ее руки в своих. Он разорвал рукопожатие с такой поспешностью, словно ладони Барбары были раскалены докрасна.

Мэри, я наткнулся на совершенно удивительную ассоциацию с Беном Рейхом. Какая-то связь…

Мэри приготовила пропитанное ледяной водой полотенце, которым и хлестнула его по лицу. Он осознал, что трясется.

Единственная трудность в том, что… собрать воедино информацию из фрагментов Ид — все

равно что провести количественный анализ сердцевины солнца…

Она снова хлестнула его полотенцем.

Работаешь не с цельными молекулами, а с ионизированными частицами… — Он увернулся от полотенца и воззрился на Барбару. — *Мэри, готов поклясться, бедная девочка в меня влюблена.*

Образ насмешливо скосившей клюв горлицы.

Я серьезно. Я раз за разом встречал там, внизу, самого себя. Я…

А как насчет тебя?

Меня?

— Как тебе кажется, почему ты отказался помещать ее в Кингстонский госпиталь? — проговорила она вслух. — Как тебе кажется, почему ты ее после этого регулярно, дважды в день, прощупываешь? Почему тебе компаньонка понадобилась? Я тебе скажу, Пауэлл, почему.

— И?

— Ты в нее влюбился. Ты влюбился в нее, как только обнаружил ее у Чуки Фруд.

— Мэри, да ты что!

Она хлестнула его красочной картинкой: он сам и Барбара д'Куртнэ, фрагмент, выуженный Мэри из его сознания несколько дней назад… фрагмент, который тогда заставил ее побледнеть от ревно-

сти и гнева. Пауэлл знал, что он подлинный.

Мэри, дорогая…

— Не смей так говорить. Оставь меня в покое. Ты в нее втюрился, а она не щупачка. Хуже того, она невменяема. В какой мере ты ее любишь? На десятую долю? Какую часть ее ты любишь? Ее лицо? Ее подсознание? А как насчет остальных девяноста процентов? Будешь ли ты ее любить и дальше, когда она придет в себя? Будь ты проклят! Жаль, что я не оставила тебя гнить в недрах ее разума!

Она отвернулась и разрыдалась.

Мэри, ради всего, что…

— Заткнись, — всхлипнула она. — Черт побери, просто заткнись! Я… Тебе сообщение пришло. Из управления. Тебя просят как можно скорей лететь в Космолэнд. Там Бен Рейх, и они потеряли его след. Ты им нужен. Ты всем нужен. Какое право я имею жаловаться?

12

Пауэлл уже много лет не бывал в Космолэнде. Полицейский челнок забрал его с борта роскошного корабля «*Холиди Куин*», и пока аппарат снижался, Пауэлл разглядывал через иллюминатор панораму Космолэнда, напоминавшую расшитое золотыми и серебряными нитками пэтчворковое одеяло. Он улыбался, как всегда поступал при виде космической игровой площадки: ему каждый раз представлялась одна и та же картина. Видение исследователей из далекой галактики, странных существ, серьезных и дотошных, которые случайно натыкаются на Космолэнд и отправляются его исследовать. Всякий раз он пытался вообразить, каковы будут выводы экспедиции, и воображение отказывало.

— Это уж работенка для Бесчестного Эйба, — пробормотал он.

Космолэнд возник несколько поколений назад, и тогда это была плоская непримечательная астероидная глыба диаметром в полмили. Некий полоумный энтузиаст здорового образа жизни возвел над нею прозрачную аэрогелевую полусферу, установил атмосферный генератор и

основал колонию. С той поры Космолэнд разросся на сотни миль, приняв вид столешницы неправильной формы. Каждый новый предприниматель просто добавлял к ней милю-другую территории, возводил собственную прозрачную полусферу и приступал к намеченным делам. Инженеры заявляли, что более экономичным и эффективным было бы придать Космолэнду сферическую форму, но их никто уже не слушал. К общему столу прирастали все новые и новые места.

Челнок заложил вираж, и косые лучи Солнца выгодно осветили Космолэнд, так что Пауэлл увидел блистающие на темно-синем фоне космоса полусферы; их были сотни, они теснились друг к другу, словно мыльные пузыри на шахматной доске. Исходная колония, основанная фанатом здорового образа жизни, располагалась в центре современного Космолэнда и продолжала работу. Имелись также отели, увеселительные парки, лечебные курорты, дома призрения и даже кладбище. На стороне стола, обращенной к Юпитеру, раскинулась огромная пятидесятимильная полусфера Космолэнд-Заповедника, где посетителям предлагалось намного большее разнообразие естественной истории и погодных условий, чем

на любой планете.

— Выкладывайте, — сказал Пауэлл.

Сержант полиции, явственно нервничая, промямлил:

— Все по инструкциям. Недотепа по следу Хэссопа, Ловкач за ним. Недотепу спалила девушка Рейха…

— Ага, с ним была девушка?

— Да. Бедовая такая красотка, зовут Даффи Уиг&.

— Черт побери! — Пауэлл аж подскочил в кресле, и сержант уставился на него. — Я ж ее сам допрашивал. Я готов поклясться, что… — Он осекся. — Похоже, я сел в лужу. Мотайте на ус. Когда имеешь дело с красоткой… — Он покачал головой.

— Ну, как я уже сказал, — продолжал сержант, — она спалила Недотепу, и стоило Ловкачу появиться на сцене, как нелегкая приносит в Космолэнд Рейха.

— То бишь?

— Он на частной яхте был. У них произошла авария в космосе, серьезная. Один человек погиб. Трое, включая Рейха, ранены. Нос яхты просто смяло. Столкновение с метеоритом или каким-то космическим мусором, не иначе. Рейха забирают

в больницу, чтобы мы успели прикинуть положение дел. И только мы отвлеклись, как Рейх сбегает. Хэссоп тоже как в воду канул. Я хватаю щупача-переводчика и иду искать, расспрашивая всех подряд на четырех языках. Без толку.

— А багаж Хэссопа?

— Тоже исчезает.

— Черт побери! Нужно выцепить Хэссопа и его багаж. Это наш Мотив. Хэссоп старший криптограф «Монарха», он нам нужен, чтобы выяснить содержание последнего сообщения, которое Рейх отправил д'Куртнэ, и ответа на него.

— В понедельник перед убийством?

— Ага. Судя по всему, причиной убийства стала именно эта последовательность запросов и ответов. А у Хэссопа при себе вполне может оказаться потайная бухгалтерия Рейха. Наверняка ее анализ позволит выяснить, почему у Рейха возник такой острый мотив убить д'Куртнэ.

— Например?

— Ходят слухи, что д'Куртнэ припер Рейха и «Монарх» к стенке.

— Метод и Обстоятельства у вас в порядке?

— И да, и нет. Я расколол Джерри Черча и все выяснил, но это деликатная тема. Мы можем показать, что у Рейха была возможность. Это

сработает, если сработают две другие составляющие. Мы можем показать, что у него имелся подходящий метод. Это сработает, если сработают две другие. И с Мотивом то же самое. Три шеста в вигваме, смекаете? Каждый подпирает два остальных, и без него им не устоять. Так полагает Старик Моз. И поэтому нам нужен Хэссоп.

— Клянусь, они не покидали Космолэнда. Это мы еще можем гарантировать.

— Не вешайте нос оттого, что Рейх вас перехитрил. Он многих оставил с носом. Меня в том числе.

Сержант мрачно покачал головой.

— Я… Я сразу начну прощупывать Космолэнд в поисках Рейха и Хэссопа, — сказал Пауэлл, когда челнок снижался к воздушному шлюзу, — но сперва мне нужно кое-что проверить. Покажите мне труп.

— Какой труп?

— Тело погибшего при аварии яхты Рейха.

В полицейском морге, на воздушной подушке в состоянии стазис-заморозки, лежало изувеченное тело человека с мертвенно-белой кожей и огненно-рыжей бородой.

— Угу, — проворчал Пауэлл, — это Кено Киззард.

— Вы его знаете?

— Он был гангстером. Работал на Рейха и оказался слишком для него опасен, чтобы сохранить полезность. То, что вы приняли за аварию, на самом деле маскировка убийства.

— Не может быть! — вспыхнул коп. — Тех двоих тоже как следует помяло. Да блин, самого Рейха… ну ладно, он мог притворяться, но яхта… и те двое…

— Ну, пострадали они, пострадала яхта. Что с того? Киззард умолк навеки, и Рейху так гораздо спокойнее. Рейх о нем позаботился. Нам этого никогда не доказать, но и не придется, если первыми доберемся до Хэссопа. Показаний Хэссопа хватит, чтобы отправить нашего общего дружка Рейха на Разрушение.

Пауэлл, облачась в модный обтягивающий костюм из распылителя (последним писком моды в Космолэнде была нарисованная одежда), пустился в стремительное турне по мыльным пузырям. Отель «Виктория», отель «Спортсмен», «Волшебная страна», «Родной дом на чужбине», «Ваш самоновейший Нью-Трепачбург», «Марсианин» (шикарнейшее местечко), «Венусберг» (крайне задрипанное) и десятки других. Пауэлл заводил разговоры с незнакомцами, описывал приметы

своих старых добрых друзей на полудюжине языков, осторожно прощупывал собеседников, чтобы удостовериться в адекватности восприятия ими образов Рейха и Хэссопа, а те отвечали. Ответы были неизменно отрицательны. Всегда.

Со щупачами было проще… а в Космолэнде щупачей хватало, по работе и на отдыхе. Но и от них поступали одни лишь отрицательные ответы.

Праздник Возрождения в «Солярном Реймсе»… сотни коленопреклоненных прихожан в наркотическом экстазе приветствуют песнями Утро Середины Лета. Ответ отрицательный. Парусная регата «Марса на чужбине»… катамараны и шлюпы несутся по воде, подлетая длинными скачками, словно подброшенные кем-то голыши. Ответ отрицательный. Курорт для любителей пластической хирургии… сотни перебинтованных тел и лиц. Ответ отрицательный. Состязания по нуль-поло. Ответ отрицательный. Горячие серные источники, белые серные источники, черные серные источники, бессерные источники… Ответы неизменно отрицательные.

Пауэлл, разочарованный и подавленный, свернул на Закатное кладбище. Погост напоминал английские сады: дорожки окаймлены флагами, повсюду дубы, ясени, вязы, между ними неболь-

шие ярко-зеленые газоны. Приглушенная музыка в исполнении костюмированных струнных робоквартетов пиликала из стратегически размещенных павильонов. Пауэлл не сдержал улыбки.

В центре кладбища стояла весьма правдоподобная копия собора Парижской Богоматери. На ней виднелась любовно выполненная мемориальная табличка: *Старая добрая шотландская часовенка*. Сладкоречивый голос завывал из пасти горгульи на башне:

— **В НАШЕЙ СТАРОЙ ДОБРОЙ ШОТЛАНДСКОЙ ЧАСОВЕНКЕ ВЫ УВИДИТЕ БОЖЕСТВЕННУЮ ДРАМУ, МАСТЕРСКИ РАЗЫГРЫВАЕМУЮ РОБОТАМИ. МОИСЕЙ НА ГОРЕ СИНАЙ, РАСПЯТИЕ ХРИСТА, МАГОМЕТ И ЕГО ГОРА, ЛАО ЦЗЫ И ЛУНА, ОТКРОВЕНИЕ МЭРИ БЭЙКЕР ЭДДИ, ВОЗНЕСЕНИЕ ПРОСВЕТЛЕННОГО БУДДЫ, ЯВЛЕНИЕ ЕДИНСТВЕННОГО И НЕПОВТОРИМОГО ГАЛАКТИЧЕСКОГО БОЖЕСТВА**... — Пауза, потом чуть более деловито: — **ВВИДУ САКРАЛЬНОЙ ПРИРОДЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ВХОД ТОЛЬКО ПО БИЛЕТАМ, БИЛЕТЫ МОЖНО ПРИОБРЕСТИ У БЕЙЛИФА.** — Пауза. Новый голос, уязвленный и умоляющий: — **ВНИМАНИЮ ВСЕХ БОГОМОЛЬЦЕВ. ВНИМАНИЮ ВСЕХ БОГОМОЛЬЦЕВ. НЕ ГОВОРИТЕ ГРОМКО И**

НЕ СМЕЙТЕСЬ… ПОЖАЛУЙСТА! — Щелчок, после чего новая горгулья начала вещать на другом языке. Пауэлл покатился со смеху.

— Ну как вам не стыдно, — проговорила девушка позади.

Пауэлл, не оборачиваясь, ответил:

— Простите. Просили ведь не говорить громко и не смеяться, в самом деле. Но разве не кажется вам, что это уморительнейшее[16].

Тут он уловил знакомые психические мотивы и резко обернулся. Лицом к лицу с ним стояла Даффи Уиг&.

— Вот это да! — сказал он. — Даффи!

Ее сердитая гримаска сменилась озадаченным выражением, затем уступила место быстрой улыбке.

— Мистер Пауэлл! — воскликнула Даффи. — Сыщик-бойскаут. Вы мне танец должны, помните?

— А также извинение, — ответил Пауэлл.

— Как мило. Я их заждалась. А за что извинять-

---

[16] Примечания: 16

Здесь, видимо, высмеивается дорогое частное парковое кладбище Форест-Лаун в Глендейле, штат Калифорния, популярное среди голливудских знаменитостей, разделенное на множество тематических секторов с масштабными копиями и слепками произведений классического европейского искусства; за подчеркнутую жизнерадостность дизайна ландшафтов и гробниц, скорее уместную в парке развлечений, его иногда с издевкой называют «Диснейлэндом смерти» (*Deathneyland*).

ся будете?

— За то, что недооценивал вас.

— Я привыкла. — Даффи взяла Пауэлла за руку и повела по тропинке. — Расскажите, благодаря чему восторжествовала справедливость? Вы увидели меня в новом свете, и?..

— Я осознал, что из всех подручных Бена Рейха вы самая умная.

— Я действительно умная. И я выполнила для Бена кое-какую работу… но ваш комплимент, кажется, с печальными полутонами. Обойдемся без недомолвок.

— Мы сели Хэссопу на хвост.

— Пожалуйста, немного четче акцент на минорный ритм.

— А вы, Даффи, помогли этот хвост сбросить. Мои поздравления.

— Ага! Хэссоп был вашей игрушечной лошадкой. В детстве несчастный случай лишил его предмета гордости, и вы заменили хвост искусственным, который…

— Даффи, хватит дурачиться. Мы так ничего не добьемся.

— Раскачайте же ударные, вундеркинд-бойскаут. — Ее задорное личико повернулось к нему с выражением одновременно серьезным и озада-

ченным. — О чем вообще речь?

— Придется по буквам объяснять. Мы сели Хэссопу на хвост. Хвост в данном контексте означает соглядатая, шпиона, тайного агента, приставленного следить за субъектом и наблюдать…

— Я уяснила. А кто такой Хэссоп?

— Это человек, который работает на Бена Рейха. Его старший криптограф.

— И как я помешала вашему шпиону?

— Следуя инструкциям, полученным от Бена Рейха, вы очаровали его, вскружили ему голову, отвлекли от исполнения служебного долга, удерживали за фортепиано весь день напролет…

— Минуточку! — бросила Даффи. — Я его знаю. Попадался такой сморчок. Давайте начистоту: это был фараон?[17]

— Даффи, я…

— Я первая спросила.

— Да, он был копом.

— И выслеживал этого Хэссопа?

— Да.

— Хэссоп… Белобрысый такой? Волосы будто пыльные, глаза голубые и тоже словно пыльные?

---

[17] Примечания: 17

Фараон — жаргонизм, означающий полицейского (*прим. ред.*).

Пауэлл кивнул.

— Подонок, — прошептала Даффи. — Мерзавец! — Она яростно повернулась к Пауэллу. — А вы решили, что я у него девчонка на побегушках для грязной работы, так? Щупач называется, тоже мне! Пауэлл, слушайте внимательно, как это было. Рейх попросил меня об услуге. Сказал, этот парень работает над интересным музыкальным психокодом. Попросил меня его проверить. Откуда ж я знала, что он ваш засланец? Откуда я знала, что ваш засланец маскируется под музыканта?

Пауэлл вытаращился на нее:

— Вы что, утверждаете, будто Рейх вас использовал втемную?

— А как же иначе? — вспыхнула Даффи. — Вперед. Прощупывайте меня. Если б Рейх не был сейчас в Заповеднике, вы прощупали бы заодно...

— Не отвлекайтесь! — бросил Пауэлл, проник за барьер ее сознания и следующие десять секунд четко и подробно исследовал девушку. Потом развернулся и бросился бежать.

— Эй! — вскричала Даффи. — И каков вердикт суда?

— Вам причитается медаль за отвагу, — бросил Пауэлл через плечо. — Я ее вам лично приколю,

как только доберусь до того малого и спасу ему жизнь.

— Не нужен мне тот малый. Мне нужны вы.

— В этом ваша главная трудность, Даффи. Вам все подряд нужны.

— Кто-о-о-о?

— Все-э-э-э-э.

— НЕ ГОВОРИТЕ ГРОМКО И НЕ СМЕЙТЕСЬ... ПОЖАЛУЙСТА!

Пауэлл отыскал своего знакомого сержанта в театре «Космолэнд-Глобус», где великолепная эспер-актриса будоражила тысячи зрительских сердец; трудно было судить, в какой мере она обязана этой реакцией своему актерскому мастерству, а в какой — чуткому отклику на телепатемы аудитории. Коп, нечувствительный к ее чарам, уныло прочесывал театр, вглядываясь в лица зрителей. Пауэлл взял его за локоть и вывел наружу.

— Он в Заповеднике, — сообщил Пауэлл. — Забрал туда Хэссопа. И багаж Хэссопа. Алиби идеальное. Он-де совсем разбит аварией и хочет отдохнуть. Компания ему не помешает. У него перед нами восемь часов форы.

— Заповедник? — переспросил сержант. — Ну и ну. Двадцать пять сотен квадратных миль

животных, запутанной географии и погоды на любой вкус, столько всего, что за три жизни не увидишь.

— Какова вероятность, что Хэссоп может не выйти оттуда живым, если он еще жив?

— Я бы за его шкуру и гроша ломаного не дал, если честно.

— Если мы хотим вытащить Хэссопа, мне срочно нужны гелиолет и поисковый отряд.

— Гм. В Заповеднике не разрешается пользоваться транспортом.

— Это ЧП, а Старику Мозу позарез нужен Хэссоп!

— О, вот пускай ваша долбаная машина сама разбирается с советом директоров Космолэнда. Через три-четыре недели авось и получите специальное разрешение.

— К тому моменту Хэссоп уже в земле сгниет. Как насчет радара или сонара? Поищем его телепатемы…

— Гм. В Заповеднике не разрешается пользоваться никаким оборудованием, кроме камер.

— Да что ж у вас за правила такие в этом растреклятом Заповеднике?

— Стопроцентная гарантия естественных природных условий для тех, у кого шило в заднице

торчит. Качество на риск покупателя. Опасность только придает перчинку. Понимаете? Противостояние стихиям. Противостояние диким зверям. Поживете первобытной жизнью, вернетесь обновленным и свежим. Так в рекламе говорится по крайней мере.

— А что они там вообще делают? Добывают огонь трением?

— Именно. В поход отправляются на своих двоих. Припасов столько, сколько получится на своем горбу унести. Разрешается взять один портативный защитный экран, чтобы вас мишки не сожрали. Если понадобился огонь — добывайте сами. Если вздумаете поохотиться — сами себе оружие мастерите. Если порыбачить приспичило — сами удочку делаете. И так далее. Человек против природы. А на случай, если природа победит, туристы дают расписку с отказом от претензий.

— Тогда как нам искать Хэссопа?

— Даем расписку с отказом от претензий — и вперед.

— Вдвоем? Двадцать пять сотен квадратных миль? А скольких еще можно подрядить на это дело у вас в участке?

— Ну, может, человек десять.

— Получается по двести пятьдесят квадратных

миль на брата. Не прокатит.

— А если попробуете все же уговорить совет директоров… Нет. Если бы даже и получилось, их только собирать на заседание целую неделю. Постойте-ка! Вы не могли бы устроить телепатическое совещание? Послать им срочные сообщения или что-то в этом роде? Как у вас, у щупачей, с этим вообще заведено?

— Мы вас, нормалов, только прощупываем, а передача возможна исключительно между щупачами, и… Хэй! Ха! У меня идея.

— Какая?

— Человек может быть приравнен к автоматическому устройству?

— Нет.

— К достижениям цивилизации?

— В последнее время — точно нет.

— Тогда я сейчас быстренько кое с кем договорюсь, и мы начнем сканировать Заповедник радаром на свой манер.

Вследствие этих переговоров внезапная тяга к природе обуяла известного адвоката прямо во время щекотливых обсуждений нового контракта в одном из роскошных конференц-залов Космолэнда. Аналогичный зов предков заслышали секретарша популярного автора, юрисконсульт

по семейному праву, рекрутер Гостиничной Ассоциации, промышленный дизайнер, председатель Всесоюзного Комитета Жалобщиков, суперинтендант-кибернетик Титана, министр политической психологии, два члена кабинета, пять парламентских деятелей и десятки других эсперов, оказавшихся в Космолэнде по работе и на отдыхе.

Они длинной вереницей потянулись к воротам Заповедника, объединенные праздничным настроением и снаряженные чем Бог послал. Те, кого вызывали в первую очередь, переоделись для турпохода. Остальным повезло меньше, и ошеломленная охрана, только и успевавшая регистрировать посетителей да проверять багаж на запрещенные предметы, наблюдала, как в Заповедник прошествовал безумец при полном дипломатическом параде и с рюкзаком за плечами. Но сколь ни внезапна была тяга к природе, а все посетители позаботились захватить детальные карты Заповедника, разделенные на секторы.

Проследовав за ворота, туристы рассредоточились и быстрым шагом принялись прочесывать миниатюрный континент с его разнообразием географических и погодных условий. В телепати-

ческом диапазоне воздух аж гудел от постоянных сообщений и комментариев, проносившихся по линиям связи живого радара, центральным элементом которого стал Пауэлл.

Эй. Так нечестно, прямо передо мной гора.

Тут снег идет. Колотун жуткий, метель, брр…

Болота и (ой!) москиты во всем моем секторе.

Стоп! Впереди группа, Линк. Сектор 21.

Перешли образ.

Вот…

Увы, не то.

Впереди группа, Линк. Сектор 9.

Перешлите-ка образ.

Есть…

Нет. Не то.

Впереди группа, Линк. Сектор 17.

Перешли образ.

Эй! Там же медведь, блин!

Не удирай! Предложи ему переговоры!

Впереди группа, Линк. Сектор 12.

Образ…

Лови…

Не то.

А-А-А-А-А-А-апчхи!

Метель?

Нет. Я попала под ливень.

Впереди группа, Линк. Сектор 41.

Образ давай.

Лови.

Не они.

А как правильно лазать по пальмам?

Носом вверх.

А мне вверх не надо. Мне вниз.

Но как же вы туда залезли, ваша честь?

Не знаю. Мне лось помог.

Впереди группа, Линк. Сектор 37.

Образ перешлите.

Лови.

Не то.

Впереди группа, Линк. Сектор 60.

Давайте.

Лови картинку…

Мимо.

А сколько нам еще тут шастать?

У них фора по меньшей мере восемь часов была.

Нет, щупачи. Поправка. У них фора была восемь часов в самом начале, но это не значит, что нас разделяет восемь часов пути.

Линк, а нельзя по-человечески?

Рейх необязательно двигался прямым маршрутом. Возможно, он закладывал круги, подыскивая

укромное местечко поближе ко входу.

Укромное? Для чего?

Для убийства.

Извините, а как уговорить эту большую кошку, чтоб она меня не съела?

Используйте свои таланты политического психолога.

Включите защитный экран, господин министр.

Впереди группа, Линк. Сектор 1.

Перешлите образ, господин суперинтендант.

Вот.

Не задерживайтесь, сэр. Это Рейх с Хэссопом.

ЧТО?!!!!

Не шумите. Не спугните их. Просто проходите мимо. Когда отдалитесь, поворачивайте к сектору 2. Все остальные, возвращайтесь к воротам и по своим делам. Вы мне очень помогли. Дальше я справлюсь сам.

Линк, а мы тоже поохотиться хотим…

Нет. Тут ювелирная работенка. Не хочу, чтобы Рейх заподозрил, что Хэссопа похищаю я. Все должно выглядеть натурально, логично и неотразимо. Грамотная подстава.

А вы прирожденный мошенник.

А кто украл погоду, Пауэлл?

Щупачей догнала жаркая вспышка смущения.

Интересующая Пауэлла квадратная миля Заповедника отличалась влажным климатом, ее покрывали болота и разросшиеся джунгли. С приходом тьмы Пауэлл начал медленно подбираться к мерцающему вдали походному костру, который Рейх развел на расчищенном участке близ озерца. Водоем кишел гиппопотамами, крокодилами и водяными вомбатами. На земле и деревьях было не протолкнуться от различных зверей. Мини-джунгли служили блистательным примером успеха экологов Заповедника, сумевших скомпоновать и сбалансировать тончайшую экосистему. Отдал дань уважения их работе и Рейх, включив защитный барьер на полную.

Пауэлл слышал, как пищат москиты, ударяясь о внешнюю сторону экрана, как щелкают о незримую стену более крупные насекомые. Он не рискнул включать собственный экран, поскольку силовые барьеры чуть слышно гудят при работе, а слух у Рейха был тонкий. Он по-пластунски двигался вперед и прощупывал.

Хэссоп держался расслабленно, его слегка пьянила нежданная дружба могущественного босса, хотя память о кассете с пленкой, заключавшей жизнь и смерть Бена Рейха, немного отравляла

спокойствие. Рейх трудился в поте лица, сооружая самодельный, но мощный лук, и размышлял, как лучше подстроить несчастный случай с Хэссопом. Лук и связка стрел с закаленными на огне кончиками рядом — вот что съело восьмичасовую фору Рейха перед Пауэллом. Но убить человека на охоте не получится, не отправившись сначала на охоту.

Пауэлл привстал на колени и осторожно пополз дальше, прислушиваясь к телепатемам Рейха. Внезапно в сознании Рейха щелкнул сигнал тревоги, и Пауэлл снова замер. Рейх вскочил, вскинув лук, подхватил бесперую стрелу и уставился во мрак.

— Что там, Бен? — прошептал Хэссоп.

— Не знаю. Что-то есть.

— Блин. Но ведь барьер включен?

— Я все время про него забываю.

Рейх сел обратно и поворошил костер. Он не забывал о барьере, но дремлющий инстинкт убийцы смутно и в то же время настойчиво предостерегал его. Пауэлл только диву давался, как изворотливы механизмы выживания человеческого мозга. Он снова прощупал Рейха. Рейх автоматически, как всегда в кризисные моменты, прикрылся психоблоковой песенкой: *Тень, сэр,*

сказал Тензор. Тень, сэр, сказал Тензор. Натяженье, предвкушенье, треволненье — просто класс! Ниже бушевал водоворот, нарастала решимость убить как можно быстрее… убить жестоко… уничтожить свидетеля, а потом позаботиться об уликах…

Рейх потянулся к луку, старательно избегая смотреть на Хэссопа, но мыслями полностью сосредоточившись на трепещущем сердце мишени. Пауэлл решил, что ждать больше нет смысла, и ринулся вперед. Не успел он и десяти футов пробежать, как в мозгу Рейха опять сработал сигнал тревоги, и рослый силач у костра снова порывисто вскочил. На сей раз Рейх выхватил из костра горящую ветку и запустил ее во тьму, откуда приближался Пауэлл. Он принял решение и осуществил его так быстро, что Пауэлл не успел бы отреагировать. Пауэлла наверняка бы подсветило, но Рейх забыл про барьер. Защитный экран остановил ветку в полете, и та упала на землю.

— Боже! — вскричал Рейх и крутанулся на месте.

— Что там, Бен? — спросил Хэссоп.

Вместо ответа Рейх оттянул тетиву так, что древко стрелы коснулось мочки его уха, и прицелился в Хэссопа. Тот вскочил.

— Бен, осторожней, не попади в меня!

Рейх спустил стрелу. Хэссоп неожиданно завалился в сторону.

— Бен, ты чего?

Вдруг Хэссоп догадался о его намерениях, издал приглушенный крик и побежал прочь от костра, а Рейх тем временем зарядил вторую стрелу. С разбегу врезавшись в экран, Хэссоп отлетел назад и пошатнулся. Стрела пролетела мимо его плеча, столкнулась с невидимой стеной и раскололась на части.

— Бен! — взвизгнул он.

— Не уйдешь, сукин сын! — прохрипел Рейх и потянулся за новой стрелой.

Пауэлл прыгнул вперед и коснулся края барьера. Пробиться внутрь было невозможно. По другую сторону стены Хэссоп метался в панике, а Рейх выцеливал его из лука, готовясь спустить смертоносную стрелу. Хэссоп опять врезался в экран, упал, пополз по земле, снова поднялся, метнулся в сторону, как загнанная крыса. Рейх продолжал выцеливать его.

— Господи, — пробормотал Пауэлл, отступил во тьму и стал напряженно размышлять. Вопли Хэссопа переполошили джунгли, вокруг поднялся звериный рев и топот. Он просканировал окруже-

ние в телепатическом диапазоне, прислушался, коснулся, прочувствовал. Кругом не было ничего, кроме слепого страха, слепой ярости, слепого инстинкта. Гиппопотамы, с мокрыми и липкими от ила шкурами… крокодилы, безмолвные, гневные, голодные… водяные вомбаты, свирепые, словно носороги, и вдвое крупней их… За четверть мили долетали приглушенные расстоянием телепатемы слона, вапити, больших кошачьих…

— Была не была, — сказал себе Пауэлл. — Лучше попытаться. Нужно свалить барьер. Другого способа нет.

Он установил блоки верхнего уровня, замаскировав все, кроме эмоциональной широкополосной передачи, и начал сигналить: *ужас, ужас, страх, ужас*… Он посылал самые что ни на есть примитивные импульсы: *ужас, ужас, страх, ужас… СТРАХ — БЕЖАТЬ — УЖАС — СТРАХ — БЕЖАТЬ — УЖАС —* ***БЕЖАТЬ***!

Все птицы на всех ветвях джунглей проснулись и подняли оглушительный галдеж. Им вторили обезьяны, в приступах паники раскачивая тысячи ветвей. Нестройный залп чавкающих хлопков донесся от озера — это стадо гиппопотамов, охваченное слепым ужасом, выбиралось с мелководья. Джунгли сотряс оглушительный

трубный слоновий рев, и под ногами их задрожала земля. Рейх услышал все это и замер как вкопанный, забыв про Хэссопа, который все еще бегал от стены к стене между барьерами, вопя и всхлипывая.

Первыми, ослепленные паникой, достигли барьера гиппопотамы. За ними последовали водяные вомбаты и крокодилы. Дальше явились слоны. Потом — вапити, зебры, антилопы гну… могучие стада, от топота которых дрожала земля. За всю историю Заповедника не случалось здесь такой массовой паники. Разработчики защитного экрана тоже не предусмотрели столь мощной и скоординированной атаки. Барьер Рейха не выдержал и отключился, зазвенев, словно разбитое стекло.

Гиппопотамы затоптали костер, разбросали угли и затушили их. Пауэлл рванулся вперед во мраке, схватил за руку Хэссопа и потащил обезумевшего от ужаса криптографа по расчищенному участку туда, где были сложены вещи. Удар чьего-то копыта послал Пауэлла катиться кубарем, но руки Хэссопа он не выпустил, и вскоре они отыскали драгоценную кассету. В кромешной тьме Пауэлл чувствовал телепатемы паникующих стад и наскоро сортировал живот-

ных по ним. Спрятавшись за толстым стволом бакаутового дерева, он перевел дух и затолкал кассету поглубже в карман. Хэссоп все еще хныкал. Пауэлл чувствовал и Рейха, в сотне футов от себя: тот стоял, прижимаясь к стволу цинхоны, и сжимал негнущимися руками лук и стрелы. Он был напуган, разъярен, смущен… но ему ничто не грозило. А Пауэлл хотел сохранить Рейха в целости, для Разрушения.

Пауэлл отцепил собственный генератор защитного экрана и запустил через поляну туда, где Рейх наверняка обнаружит потом его среди раскиданных углей. Потом повернулся и пошел к выходу из Заповедника вместе с криптографом, который выбился из сил, онемел и сопротивления не оказывал.

13

Дело Рейха было готово для передачи окружному прокурору. Пауэлл надеялся, что оно готово и для передачи на суд хладнокровного циничного монстра, признающего лишь факты и доказательства: Старика Моза.

Пауэлл с подчиненными собрались в кабинете Моза. В центре комнаты стоял круглый стол, на котором была размещена прозрачная модель ключевых помещений Бомон-Хауса, а населяли ее миниатюрные андроиды — модели dramatis personæ[18]. Моделисты криминалистической лаборатории превзошли себя и наделили ведущих игроков настоящими чертами характера. Миниатюрные Рейх, Тэйт, Бомон и другие двигались совсем как оригиналы. Рядом со столом громоздились кипы документов, подготовленных отделом Пауэлла для презентации машине.

Сам Старик Моз занимал всю окружность стены гигантского кабинета. Многочисленные глаза его холодно мерцали и подмигивали. Многочисленные носители памяти жужжали и гудели. Его рот

---

[18] Примечания: 18
Действующие лица (*лат.*).

имел форму конического динамика, чуть приоткрытого, словно бы в изумлении от людской глупости. Его руки — рычаги мультифлексной печатной машины — застыли над рулоном ленты, готовые отстучать бесстрастное логическое заключение. Моз был не кто иной, как Мозаичный Мультиплексный Следственный Компьютер в офисе окружного прокурора, и его устрашающие решения направляли подготовку, презентацию и осуществление любого полицейского дела.

— Пока не станем беспокоить Моза, — сказал Пауэлл окружному прокурору, — а посмотрим для начала на модели и сравним с примерной хронологией преступления. У вас график есть. Просто сличайте, пока куклы будут двигаться. Если увидите что-то пропущенное нами, сделайте пометку, дополним.

Он кивнул де Сантису, вспыльчивому завлабу, и тот раздраженно спросил:

— Один к одному?

— Слишком быстро. Один к двум. Замедлить вдвое.

— Андроиды в таком темпе выглядят нереалистично, — вспылил де Сантис. — Их не смогут оценить по достоинству. Мы как проклятые вкалывали две недели, а теперь вы…

— Не важно. Мы потом их по достоинству оценим.

Де Сантис помедлил, обдумывая возможность мятежа, но коснулся кнопки. Модель тут же осветилась, и куклы пришли в движение. Акустики сымитировали фон безупречно: едва слышные звуки музыки, смеха и болтовни. В главном зале Бомон-Хауса пневматическая модель Марии Бомон медленно поднималась на подиум, держа в руках миниатюрную книгу.

— Время по внутренней хронологии 11.09 вечера, — пояснил Пауэлл сотрудникам прокуратуры. — Следите за показаниями часов над моделью. Они синхронизируются с замедленным воспроизведением.

В почтительном молчании прокурорские наблюдали за происходящим и делали заметки, пока андроиды воспроизводили события трагической вечеринки у Бомон. Мария Бомон снова зачитала правила игры в «Сардинки» с подиума в главном зале Бомон-Хауса. Свет потускнел и погас. Бен Рейх медленно проложил себе путь по главному залу в музыкальный салон, повернул направо, взобрался по лестнице в картинную галерею, проник через бронзовые двери в прихожую орхидейного номера, ослепил и парализовал

приставленную Бомон охрану и вошел внутрь. И снова встретился Рейх лицом к лицу с д'Куртнэ, подошел вплотную, извлек из кармана устрашающий пистолет-нож и лезвием раскрыл д'Куртнэ рот, пока ослабевший старик, не сопротивляясь, повис на его руках. И снова распахнулась дверь орхидейного номера, впуская Барбару д'Куртнэ в матовом, словно изморозью покрытом, ночном халатике, и снова они с Рейхом стали кружить по номеру, пока Рейх внезапно не вышиб д'Куртнэ мозги выстрелом в рот.

— Я это из девчонки д'Куртнэ вытащил, — пробормотал Пауэлл. — Прощупал ее. Это подлинные картины.

Барбара д'Куртнэ подползла к телу своего отца, схватила пушку и внезапно метнулась прочь из орхидейного номера, а Рейх следом за ней. Он гонялся за ней по темному дому, но потерял, когда Барбара выскочила через парадные двери на улицу. Рейх встретился с Тэйтом, они двинулись в проекционный зал, притворяясь, что заигрались в «Сардинки». Драма окончилась, когда вереница гостей потянулась к орхидейному номеру, куколки ворвались туда и столпились вокруг крошечного трупа, а потом застыли в гротескной диорамке.

Последовало долгое молчание; прокурорские осмысливали увиденное.

— Хорошо, — проговорил Пауэлл, — так это было, а теперь скормим данные Мозу и посмотрим, что он скажет. Сначала — обстоятельства. Не станете же спорить, что игра в «Сардинки» создала Рейху идеальные обстоятельства?..

— А откуда Рейх знал, что там затеют игру именно в «Сардинки»? — пробормотал окружной прокурор.

— Рейх купил книжку и послал ее Марии Бомон. Он подстроил игру в «Сардинки».

— Но как он мог быть уверен, что играть будут именно в «Сардинки»?

— Он знал, что Мария — любительница игр. А «Сардинки» — единственная игра в книжке, инструкция к которой осталась удобочитаема.

— Не зна-а-аю… — почесал в затылке окружной прокурор.

— Моз вас убедит. Скормите ему эти данные. Не вредно.

Дверь кабинета распахнулась, комиссар Краббе промаршировал в нее, будто на параде.

— Мистер Пауэлл, префект… — официальным тоном возгласил Краббе.

— Комиссар?

— От моего внимания, сэр, не ускользнуло, что вы пытаетесь ввести этот механический мозг в заблуждение, обвинив моего доброго друга Бена Рейха в гнусном и вероломном преступлении — убийстве Крэя д'Куртнэ. Мистер Пауэлл, ваши намерения гротескны. Бен Рейх один из самых уважаемых и выдающихся наших граждан. Более того, сэр, я никогда не одобрял применения механического мозга. Избиратели доверили вам ваш пост, чтобы вы работали своей головой, а не пресмыкались…

Пауэлл кивнул Беку, который начал скармливать перфокарты Мозу через ухо.

— Вы абсолютно правы, комиссар. Теперь про метод. Первый вопрос: как Рейх вырубил охранников? Де Сантис, ваш выход.

— И более того, джентльмены… — продолжал Краббе.

— Ионизатором родопсина, — отрезал де Сантис. Он перебросил Пауэллу пластиковый шарик. Тот продемонстрировал его собравшимся. — Человек по фамилии Джордан создал эту штуку для частной полиции Рейха. Мы выяснили эмпирическую формулу и готовы предъявить ее компьютеру вместе с синтезированным образцом. Не хочет ли кто-нибудь испытать его

действие на себе?

Окружной прокурор с сомнением посмотрел на него.

— Не вижу в этом смысла. Моз в состоянии сам сделать выводы.

— Кроме всего вышесказанного, джентльмены… — подводил итоги Краббе.

— Ой, да бросьте, — сказал де Сантис с неприятной жизнерадостностью, — вы не поверите, пока сами не увидите. Это не больно. Вы просто будете выведены из строя на шесть или семь…

Пластиковая капсула в пальцах Пауэлла треснула. Вспышка ослепительного синего пламени метнулась Краббе под нос. Комиссар умолк на полуслове и свалился, как мешок. Пауэлл в ужасе огляделся.

— Силы небесные! — возопил он. — Что *я* наделал? Эта капсула просто взяла и растаяла у меня в пальцах. — Он перевел взгляд на де Сантиса и произнес осуждающим тоном: — Де Сантис, вы сделали оболочку недостаточно плотной. Поглядите только, что вы натворили с комиссаром Краббе.

— Что *я* натворил?!

— Скормите данные Мозу, — произнес окружной прокурор, едва сдерживаясь. — Такие он

явно примет.

Безжизненного комиссара поудобнее уложили в глубоком кресле.

— Перейдем к методу убийства, — продолжил Пауэлл. — Пожалуйста, смотрите внимательно, джентльмены. Рука быстрее глаза. — Он продемонстрировал револьвер из полицейского музея. Изъял патроны из барабана, потом вытащил одну пулю. — Вот что проделал Рейх, чтобы убедить Джерри Черча продать ему пушку, перед совершением убийства. Он притворился, что обезвредил оружие. Сфабриковал алиби.

— Сфабриковал?! Но оружие *безвредно*. Это что, и есть улика, добытая вами у Черча?

— Да. Посмотрите протокол.

— Тогда нет смысла вообще беспокоить Моза с нашим делом. — Окружной прокурор презрительно бросил бумаги на стол. — Мы ничего не добьемся.

— Добьемся.

— Как может убить патрон, в котором нет пули? В вашем протоколе ничего не сказано о том, как Рейх сумел перезарядить патроны.

— Он перезарядил их.

— Он не делал этого, — выплюнул де Сантис. — В ране и в номере не было пули. Ничего

не нашлось.

— Мы нашли все, что требовалось. Как только я понял, что искать.

— Там ничего не было! — прокричал де Сантис.

— Но ведь вы сами и наткнулись на это, де Сантис. Помните? Частичку желатиновой оболочки, которую вы обнаружили во рту у д'Куртнэ. А в желудке следов сладкого не было.

Де Сантис полыхал гневом, Пауэлл усмехался. Он взял пипетку и наполнил глазурную капсулу водой. Зарядил ее в патрон и защелкнул револьвер. Поднял пушку, прицелился в небольшую деревянную подставку на краю стола с моделями и выстрелил. Раздался приглушенный взрыв, и подставка разлетелась на кусочки.

— Клянусь… Это какой-то фокус! — воскликнул окружной прокурор. — В патроне было что-то еще, кроме воды.

Он исследовал обломки.

— Нет. Можно убить унцией воды вместо пороха. Выстрелить с достаточной силой, чтобы вышибло затылок, если стреляешь, приставив ствол к нёбу. Вот почему Рейх вынужден был добираться до рта д'Куртнэ. Вот почему де Сантис обнаружил фрагмент желатиновой оболочки, а

больше ничего не нашел. Пуля растворилась.

— Передайте это Мозу, — севшим голосом проговорил окружной прокурор. — Боже, Пауэлл, я начинаю надеяться, что дело выгорит.

— Отлично. Займемся теперь мотивом. Мы нашли тайную бухгалтерию Рейха, и наши аудиторы проанализировали ее. Выяснилось, что д'Куртнэ припер Рейха к стенке. Рейх решил, что, если не можешь победить, нужно присоединиться, и отправил д'Куртнэ предложение о слиянии концернов. Ему ответили отказом. Он убил д'Куртнэ. Ясно?

— Ясно. Но ясно ли Старику Мозу? Скормите ему это, и посмотрим, что он выдаст.

Они зарядили последнюю перфокарту, дождались, пока компьютер прогреется, и запустили программу. Глаза Моза начали медитативно моргать, утроба едва слышно заурчала, носители памяти застучали и зашуршали. Пауэлл и остальные в нарастающем нетерпении ожидали вердикта. Внезапно Моз икнул. Негромко звякнуло: *динь-динь-динь-динь-динь*... Руки Моза начали печатать на девственно-чистой ленте:

С РАЗРЕШЕНИЯ СУДА, ОТВЕТИЛ МОЗ, И СОГЛАСНО ХОДАТАЙСТВУ.

ОБВИНЯЕМЫЕ НЕ ПРИЗНАЮТ ВИНУ, НО И НЕ ОСПАРИВАЮТ РЕШЕНИЯ СУДА, ОТВОДА НЕ ЗАЯВЛЕНО. ЮРИДИЧЕСКАЯ ОСНОВА: СМ., В ЧАСТНОСТИ, ВЕДУЩИЙ ПРЕЦЕДЕНТ
(ХЭЙ ПРОТИВ КОХО) И РЕШЕНИЕ СУДА ПО ДЕЛУ ШЕЛЛИ. ЕДИНООБРАЗНЫЕ ПРАВИЛА РАЗБИРАТЕЛЬСТВА.

— Какого?.. — недоуменно посмотрел на Бека Пауэлл.

— Дурачится, — объяснил Бек.

— Нашел время, блин!

— Случается с ним такое. Попробуем снова.

Они снова зарядили в компьютер перфокарты, добрых пять минут слушали гудение разогревающейся электроники, потом запустили программу. И снова замигали глаза, заурчала утроба, зашуршали воспоминания, а Пауэлл с двумя высокопоставленными юристами стали напряженно выжидать. Месяц тяжелой работы потребовался, чтобы подготовить это дело к вердикту. Наконец застучали рычаги.

РЕЗЮМЕ #921088, РАЗДЕЛ С-1. МОТИВ, ОТВЕТИЛ МОЗ. ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ МОТИВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ НЕДОСТАТОЧНО

ПОДТВЕРЖДЕН.
СР. ДЕЛО ШТАТА КАЛИФОРНИЯ ПРОТИВ ХЭНРЭХЭНА, РЕШЕНИЕ ВЕРХОВНОГО СУДА 19-ГО СОЗЫВА #1202 И ДРУГИЕ ВЕДУЩИЕ ПРЕЦЕДЕНТЫ.

— Эмоциональный мотив? — проворчал Пауэлл. — Да Моз совсем тронулся, что ли? Тут же корыстный мотив. А ну проверьте раздел С-1, Бек.

Бек проверил.

— Ошибок нет.

— Попытайтесь снова.

Они в третий раз проделали ту же процедуру, и наконец Моз ответил по делу:

РЕЗЮМЕ #921088, РАЗДЕЛ С-1. МОТИВ. КОРЫСТНЫЙ. МОТИВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ НЕДОСТАТОЧНО ПОДТВЕРЖДЕН. СР. ДЕЛО ШТАТА КАЛИФОРНИЯ ПРОТИВ РОЙЯЛА, РЕШЕНИЕ ВЕРХОВНОГО СУДА 388-ГО СОЗЫВА #1197.

— Вы уверены, что раздел С-1 перфорирован правильно? — спросил Пауэлл.

— Мы сделали все, что в наших силах, — откликнулся Бек.

— Простите, — сказал Пауэлл остальным, — нам с Беком нужно кое-что прощупать. Вы не против, надеюсь? — И он отвернулся к Беку: *Раскройся, Джакс, в твоем последнем ответе мне послышалась какая-то неуверенность. Давай-ка я…*

Линк, я, честно говоря, не вижу, чем…

Если б ты видел, то и неуверенности б не испытывал, а откровенно лгал бы. Давай-ка я… А! А, конечно. Ну я идиот. Тебе не в чем себя винить, это криптографы тормозят.

Пауэлл продолжил вслух, обращаясь к собравшимся:

— Бек упустил из виду одну маленькую деталь собранных доказательств. Криптографы все еще работают с Хэссопом, пытаясь взломать личный шифр Рейха. Пока им удалось выяснить лишь, что Рейх предлагал слияние, а ему ответили отказом. Мы не получили точных текстов предложения и отказа. Поэтому Моз осторожничает. Вот зверюга!

— Если вы не взломали код, откуда вам стало известно, что предложение делалось, но было встречено отказом? — спросил окружной прокурор.

— Я это от самого Рейха узнал, через Гаса Тэйта. Тэйт мне передал эту информацию в числе по-

следних предсмертных мыслей. Бек, а давайте вот как сделаем. Добавьте это допущение на карту. Представим, что наша догадка о предложенном слиянии верна (а она должна быть верна). Какого в этом случае мнения о деле останется Моз?

Бек вручную перфорировал полоску, приклеил ее к основной задаче и снова скормил Мозу. Мозаичный Мультиплексный Компьютер уже основательно разогрелся, и ответ последовал всего через тридцать секунд.

> РЕЗЮМЕ #921088. С ДОПУСКОМ НОВОГО ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ
> ВЕРОЯТНАЯ ДОКАЗУЕМОСТЬ ОБВИНЕНИЯ 97.0099 %.

Спутники Пауэлла заулыбались и расслабились. Пауэлл оторвал ленту, выползшую из печатного устройства, и широким жестом преподнес ее окружному прокурору.

— Вот ваше дело, мистер окружной прокурор. Подшито и представлено.

— Клянусь Богом, — протянул окружной прокурор, — девяносто семь процентов! Иисусе, за все время, что я на посту, ни разу девяноста не набегало. Семидесяти радовался. А тут — девяносто семь процентов… И против самого Бена Рейха!

Иисусе! — Он в жадном предвкушении триумфа оглядел сотрудников. — Мы с вами войдем в историю, ребята!

Дверь кабинета распахнулась, и вбежали двое потных мужчин, потрясая какими-то исписанными листками.

— А вот и шифр подоспел, — сказал Пауэлл. — Взломали?

— Мы его взломали, — ответили те, — и ваше дело раздолбали заодно, Пауэлл. Вам крышка.

— Как? О чем вы говорите, блин?

— Рейх вышиб мозги д'Куртнэ за то, что д'Куртнэ якобы ответил отказом на предложение о слиянии, да? У него был большой и толстый корыстный мотив убить д'Куртнэ, да? А вот и хренушки.

— О, боже! — застонал Бек.

— Рейх передал YYJI TTED RRCB UUFE AALK QQBA в адрес д'Куртнэ. Это означает: ПРЕДЛАГАЮ РАВНОПРАВНОЕ СЛИЯНИЕ НАШИХ АКТИВОВ.

— Блин, да я об этом все время и твержу. А д'Куртнэ ответил: WWHG. Это отказ. Так объяснял Рейх Тэйту. А Тэйт мне рассказал.

— Д'Куртнэ ответил WWHG. Это значит ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПРИНЯТО.

— Чушь!

— В том-то и дело, что не чушь. WWHG. ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПРИНЯТО. Рейху именно такой ответ и нужен был. Именно такой ответ, после которого Рейху пылинки с д'Куртнэ сдувать полагалось. Вы ни один суд Солнечной системы не убедите, что у Рейха имелся мотив убить д'Куртнэ. Ваше дело развалилось.

Пауэлл полминуты стоял совершенно неподвижно, сжав кулаки, лицо его подергивалось. Внезапно он повернулся к модели, потянулся к фигуре андроида, изображавшей Рейха, и скрутил ей шею. Подошел к Мозу, вырвал из машины перфоленты с данными, скомкал и запустил через кабинет. Проследовал к возлежащему в кресле Краббе и что есть силы саданул по ножке кресла ногой. Присутствующие ошеломленно наблюдали, как кресло вместе с комиссаром переворачивается и падает на пол.

— Сукин сын! Вечно в этом гребаном кресле торчит! — срывающимся голосом выкрикнул Пауэлл и вихрем вылетел из кабинета.

14

Взрыв! Сотрясение! Двери камеры настежь. Снаружи долгожданная свобода, окутанная мраком, полет в неведомое… Но чу! Кто это снаружи тюремного блока? О, боже! Иисусе! Человек Без Лица! Смотрит. Зловеще. Безмолвный. Жуткий. Бежать… бежать… Улететь прочь! Улететь!

Улететь в космос. Как уютно в этом серебристом челноке, летящем в неведомые дали… Дверь люка! Открывается. Но это же невозможно. Там никого нет, некому ее открыть так медленно, зловеще… О, боже! Человек Без Лица. Смотрит. Зловеще. Безмолвный…

Но я невиновен, ваша честь. Невиновен. Вам ни за что не доказать моей вины, а я не прекращу обжаловать приговор, пускай даже от стука вашего молотка закладывает уши, и… о, господи! На скамье. В парике и мантии. Человек Без Лица. Смотрит. Зловеще. Квинтэссенция воздаяния…

Стук молотка судьи стал стуком костяшек пальцев по двери каюты. Голос стюарда звал его:

— Мы над Нью-Йорком, мистер Рейх. Час до высадки. Над Нью-Йорком, мистер Рейх.

Костяшки пальцев продолжали барабанить по двери.

К Рейху вернулся дар речи.

— Ладно, — прошелестел он. — Я вас слышу.

Стюард ушел. Рейх вылез из жидкой постели и обнаружил, что его ноги не держат. Он вцепился в стену и с проклятьем выпрямился. Кошмар все еще не отпускал его; он направился в ванную, побрился, принял душ, попарился, постоял десять минут под воздушным потоком. Его по-прежнему качало. Пройдя в массажный альков, он набрал: «*Ионизированная соль*». Тотчас два фунта увлажненной ароматной соли распылило по его коже. Массажные щетки уже готовы были приняться за дело, как вдруг Рейх решил, что неплохо бы выпить кофе. Он вышел из алькова, чтобы вызвать стюарда.

Тут же прозвучал глухой взрыв, и Рейха швырнуло навзничь. Спину порезало разлетающимися частицами соли. Он поднялся, нырнул в ванную, сгреб дорожную сумку, затравленно озираясь, словно преследуемый зверь. Машинальными движениями открыл сумку и сунулся в нее за обоймой разрывных капсул, которые всегда носил при себе. Обоймы в сумке не было.

Рейх взял себя в руки. Он ощутил покалывание

соли в свежих порезах и струйки крови на спине. Он понял, что перестал дрожать. Он вернулся в ванную, выключил массажные щетки и обследовал развалины алькова. Ночью кто-то вытащил у него из сумки разрывные кубики и зарядил их под массажные щетки. Пустая обойма валялась под альковом. Его спасло чудо… но от кого?

Он осмотрел дверь каюты. Замок открывали, по всей видимости, мастера своего дела: не осталось никаких следов. Кто? Зачем?

— Сукины дети! — прорычал Рейх. Собрав нервы в кучу, он вернулся в ванную, смыл соль и кровь, обрызгал спину коагулянтом. Затем оделся, выпил кофе и спустился на досмотровую палубу, где выдержал яростную схватку с таможенниками-щупачами (*Натяженье, предвкушенье, треволненье — просто класс!*) и перебрался, наконец, в челнок «Монарха», ожидавший его, чтобы доставить обратно в город.

С борта челнока он вызвал башню «Монарха». На экране появилось лицо секретарши.

— Про Хэссопа что-нибудь слыхать? — осведомился Рейх.

— Нет, мистер Рейх. Ничего с момента вашего звонка из Космолэнда.

— А ну вызови зону отдыха.

На экране возник узор заставки в форме рыбьей чешуи, потом показался хромированный бар «Монарха». Уэст, бородач ученого вида, аккуратно подшивал листы распечаток в пластиковые папки. Подняв глаза, он улыбнулся:

— Привет, Бен.

— Эллери, ты чего такой веселый, а? — зарычал Рейх. — Куда, ядри его мать, пропал Хэссоп? Я думал, ты уже…

— Бен, это больше не мое дело.

— О чем ты?

Уэст указал на папки:

— Я сдаю дела. Там история моей работы на «Монарх Ютилитис & Рисорсес», для нужд вашего архива. Моя карьера здесь завершается сегодня в девять часов утра.

— Что?!

— Бен, ну я же предупреждал тебя. Гильдия только что вынесла постановление, после которого мне продолжать работу в «Монархе» не получится. Корпоративный шпионаж признан несовместимым с этикой эспера занятием.

— Эллери, послушай, ты не можешь просто взять и уволиться! Я на крючке, ты мне очень нужен. Кто-то пытался убить меня на корабле этим утром, подбросил мину-ловушку. Я чудом

спасся. Нужно выяснить, кто это был. Мне нужен щупач.

— Извини, Бен.

— Тебе необязательно работать на «Монарх». Оформим тебе частный контракт со мной. Такой же, как у Брина.

— Брина? У того психоаналитика, эспера-2?

— Да. Моего психоаналитика.

— Он больше не твой.

— Что?!

Уэст кивнул:

— Постановление вышло сегодня. Эксклюзивные контракты запрещаются. Частная практика эсперов ограничивается. Мы обязаны служить человечеству как можно полнее. Брина ты потеряешь.

— Это все Пауэлл! — завизжал Рейх. — Грязный щупач… любыми приемами пытается меня в угол загнать. Он меня хочет посадить по делу д'Куртнэ, мерзавец! Он…

— Бен, не трать сил. Пауэлл не имеет к этому никакого касательства. Давай расстанемся друзьями, а? Мы всегда поддерживали уважительные отношения. Что скажешь?

— Катись к черту! — заорал Рейх и отбил вызов. Пилоту челнока он бросил тем же тоном: — До-

мой!

Рейх влетел в свой пентхаус, и сердца прислуги снова наполнились ненавистью и ужасом. Он швырнул дворецкому дорожную сумку и двинулся прямиком в комнаты Брина. Там было пусто. Лаконичная записка на столе излагала факты, уже сообщенные Уэстом. Рейх пошел к себе, направился к видеофону и набрал Гаса Тэйта. На экране возникла надпись:

НОМЕР АБОНЕНТА ОТКЛЮЧЕН НА НЕОПРЕДЕЛЕННЫЙ СРОК

Рейх уставился на нее, отбил вызов и позвонил снова, на сей раз Джерри Черчу. На экране возникла надпись:

НОМЕР АБОНЕНТА ОТКЛЮЧЕН НА НЕОПРЕДЕЛЕННЫЙ СРОК

Рейх отключил видеофон, некоторое время в неуверенности мерил шагами апартаменты, потом направился к мерцавшему в углу сейфу. Привел сейф в нужную фазу: показался стеллаж для документов, имевший форму пчелиной соты. Рейх полез за маленьким красным конвертом в верхней левой ячейке. Коснувшись конверта,

он услышал легкий щелчок, мигом пригнулся и кинулся в сторону, закрыв лицо руками.

Полыхнул ослепительный свет, следом прозвучал мощный взрыв. Что-то больно стукнуло Рейха в левый бок, послав кувырком через весь кабинет, да так, что он впечатался в стену. Его осыпало градом обломков. Он в яростном изумлении привстал, содрал с себя разорванную на левом боку одежду, обследовал рану. Порез был глубокий, болело так, что он заподозрил перелом по крайней мере одного ребра.

Он заслышал бегущих по коридору слуг и заревел:

— Не входите! Слышите меня, ублюдки? Не входите! Никому не входить!

Он с трудом разгреб кучу обломков и начал копаться в том, что осталось от сейфа. Он нашел нейронный парализатор, который отобрал у красноглазой охранницы Чуки Фруд. Нашел зловещий стальной цветок пистолета-ножа, которым убил д'Куртнэ. В барабане еще оставались четыре неизрасходованных патрона, заряженных водой и запаянных в желатиновую оболочку. Он переоделся, сунул оружие в карман, выудил из стола новую обойму разрывных капсул и выскочил из комнаты, не обращая внимания на

обескураженных слуг.

Рейх яростно чертыхался на всем пути вниз, от пентхауса к подземному гаражу, а там вложил свой личный ключ в слот для вызова джампера и стал дожидаться появления маленькой машины. Когда джампер выкатился из секции хранения с ключом в дверце, мимо проходил другой жилец дома, и даже на расстоянии было заметно, что он с любопытством глазеет. Рейх повернул ключ и потянул дверцу на себя. Раздалось тихое: *рррррришшш*... С таким звуком вырывается газ из баллона. Рейх кинулся на пол. Топливный бак джампера взорвался. По прихоти случая машина не загорелась, но обдала его гейзером из жидкого топлива и осколков скрученного металла. Рейх пополз по полу к выходу, достиг пандуса, ведущего наружу, и кинулся наутек.

Окровавленный, истерзанный, провонявший креозотным топливом, он вылетел на улицу и стал озираться в поисках общественного джампера. Автоматических не нашлось, но повезло, проголосовав, тормознуть машину с живым водителем.

— Куда? — спросил тот.

Рейх очумело осмотрел свою окровавленную, запятнанную машинным маслом одежду.

— К Чуке Фруд! — истерически прохрипел он.

Такси перенесло его на Бастион-Уэст, 99.

Рейх прорвался сквозь заслоны в виде протестующего привратника, негодующего рецепциониста и высокооплачиваемого chargé d'affaires[19] Чуки Фруд. Личный кабинет гадалки был оформлен в викторианском стиле, с лампами из витражного стекла, чрезмерно пухлыми софами и столом-бюро с выдвижной крышкой. За столом Чука восседала в грязной блузе, с мрачным выражением лица, которое сменилось тревогой при виде парализатора в руках Рейха.

— Рейх, ради бога! — воскликнула она.

— Я вернулся, Чука, — прохрипел он. — Прежде чем начинать игру, пустим пробный шар. Я уже разок обработал тебя этим парализатором. Я охотно готов повторить. Ты меня порядком завела, Чука.

Чука вскочила из-за стола и завопила:

— Магда!

Рейх схватил ее за руку и швырнул через кабинет. Чука врезалась в кушетку и растянулась поперек нее. Влетела красноглазая телохранительница. Рейх, ожидавший ее появления, с ходу

---

[19] Примечания: 19
Поверенный в делах (*франц.*).

рубанул ладонью по затылку и добавил пяткой по спине, так что та рухнула и, слабо царапаясь, задергалась у его ног. Рейх игнорировал ее.

— Давай-ка выкладывай все начистоту, — зарычал он, обращаясь к Чуке. — Зачем тебе мины-ловушки?

— О чем ты говоришь? — взвизгнула Чука.

— О чем хочу, о том, черт побери, и говорю. Ты ж у нас ясновидящая, вот и прочти мою кровь, сука! Я нынче трижды чудом избежал гибели. Как думаешь, долго еще мне будет так везти?

— Рейх, приди в себя! Я не могу…

— Чука, я говорю о смерти, с большой буквы С. Я пришел сюда, и из-за меня ты потеряла девчонку д'Куртнэ. Я разделал под орех тебя и твою подружку. Ты психанула и стала подбрасывать мне мины-ловушки. Так?

Чука яростно затрясла головой.

— Пока что я насчитал три. Одна на корабле, когда я возвращался из Космолэнда. Вторая в моем кабинете. Третья в моем джампере. Сколько их еще, Чука?

— Это не я сделала, Рейх. Помоги мне. Я…

— Это некому было сделать, кроме тебя, Чука. Кто еще, кроме тебя, станет якшаться с разной шпаной, уголовников нанимать? Все следы ведут

к тебе, так что я лучше время сэкономлю. — Он снял парализатор с предохранителя. — У меня нет времени сюсюкать с тупоголовой ненавистницей и ее восставшими из гробов подружками.

— Бога ради, окстись! — завизжала Чука. — Да на кой ты мне сдался? Ты тут у меня пошумел. Ты Магду обидел. Ты такой не первый. И не последний, блин. Раскинь мозгами, придурок!

— Я раскинул. Если не ты, кто это может быть?

— Кено Киззард. Он тоже уголовников нанимает. Я слышала, вы с ним…

— Киззард не в счет. Киззард подох. Кто еще?

— Черч.

— У Черча кишка тонка. Хотел бы отомстить, сделал бы это десять лет назад. Кто еще?

— Почем мне знать? У тебя сотни смертельных врагов.

— По моим подсчетам, тысячи, но кто из них способен забраться ко мне в сейф? Кто мог настроить фазовую комбинацию так, чтобы…

— Может, никто вовсе и не взламывал твоего сейфа. Что, если тебе залезли в башку и прочитали кодовую комбинацию? Что, если…

— Прощупали!

— Угу, прощупали. Может, ты Черча недооцениваешь. Или еще какого-нибудь щупача, который

тебя в гробу видел.

— Боже… — прошептал Рейх. — Боже мой… Да, конечно.

— Черч?

— Нет. Пауэлл.

— Коп?

— Коп. Пауэлл. Да-да. Непогрешимый Линкольн Пауэлл. Да! — Из Рейха потоком хлынули слова: — Да, Пауэлл! Сукин сын перешел к грязным приемам, потому что я его вокруг носа обвел. Дело разваливается. У него не осталось ничего в запасе, кроме мин-ловушек.

— Рейх, ты с ума сходишь.

— Правда, что ли? А как ты объяснишь, что именно сегодня он приказал Эллери Уэсту и Брину покинуть меня? Он знает, что без щупача у меня никакой защиты от этих мин-ловушек. Это Пауэлл!

— Но он же коп, Рейх? Он же коп!

— Конечно, коп! — вскричал Рейх. — А почему бы и нет? Идеальное прикрытие. Кто станет подозревать его? Умно. Я бы и сам так сделал. Ну хорошо же… Теперь моя очередь мины-ловушки подбрасывать.

Он оттолкнул ногой красноглазую охранницу, подошел к Чуке, взял ее за шкирку и выдернул

из-за стола.

— Звони Пауэллу.

— Чего?

— Звони Пауэллу! — заорал он. — Линкольну Пауэллу. Позвони ему домой. Скажи, чтобы приехал прямо сюда.

— Рейх, нет…

Он встряхнул ее.

— Послушай, дура ты набитая. Бастион-Уэстом владеет картель д'Куртнэ. Теперь старик д'Куртнэ умер, картель заполучу я, и тогда Бастион будет принадлежать мне. Твой дом будет моим. Ты у меня в кармане, Чука. Хочешь сохранить работу? Звони Пауэллу!

Она уставилась в его налитое кровью лицо, вяло пытаясь прощупать, и постепенно пришла к осознанию, что он говорит искренне.

— Но, Рейх, мне же нечем его приманить.

— Погоди, погоди. — Рейх поразмыслил, выхватил из кармана пистолет-нож и сунул Чуке. — Покажешь ему это. Скажи, что девчонка д'Куртнэ потеряла это здесь.

— А что это?

— Пушка, из которой убили д'Куртнэ.

— Да как же это?.. Рейх!

Рейх рассмеялся.

— А ему все равно никакой пользы с нее не будет. Когда он ее заполучит, я его уже минами-ловушками обложу. Звони. Покажи пушку. Замани его сюда.

Он подтолкнул Чуку к видеофону, последовал за ней и встал так, чтобы не попадать в поле обзора экрана. Потом красноречиво взвесил на руке парализатор. Чука покорилась и набрала номер Пауэлла. На экране появилась Мэри Нойес, выслушала Чуку и позвала Пауэлла. Появился сам префект; его остроскулое лицо еще заострилось, под темными глазами залегли глубокие тени.

— Я… Я тут кой-чего нашла, подумала, вам пригодится, мистер Пауэлл, — начала Чука, запинаясь. — Я только щас нашла. Та девчонка, которую вы от меня забрали, оставила какую-то хреновину.

— Какую, Чука?

— Пушку, из которой убили ее отца.

— Не может быть! — Лицо Пауэлла просияло. — Покажи.

Чука продемонстрировала пистолет-нож.

— Клянусь небесами, это он и есть! — воскликнул Пауэлл. — Неужели мне наконец-то повезет? Чука, никуда не уходи. Я прилечу первым же джампером.

Экран потемнел. Рейх заскрежетал зубами и ощутил на языке кровь. Развернувшись, он понесся прочь из Радужного Дома, на площадь, где обнаружил свободный роботжампер. Сунул в слот монету в полкредитки, открыл дверцу и завел машину. С протяжным шипением джампер взмыл вверх, ударился о карниз тридцатого этажа и едва не перевернулся. Рейх смутно осознавал, что в таком состоянии, как сейчас, ему лучше не управлять джампером и не расставлять мины-ловушки.

Не думай, — сказал он себе. — *Не планируй ничего. Положись на инстинкты. Ты убийца. Прирожденный убийца. Просто улучи момент и убей!*

Рейх боролся с собой и панелью управления на всем пути до Гудзон-Рэмп, боролся с джампером, заходя на посадку под бурными переменчивыми ветрами Норт-ривер. Затем инстинкт убийцы подсказал ему разбить машину в саду за домом Пауэлла. Он не понял, зачем. Открывая покореженную дверцу, он услышал механический голос:

— Внимание. Вы несете ответственность за повреждения этого летательного аппарата. Пожалуйста, оставьте свои имя и адрес. Если мы

будем вынуждены преследовать вас, вы оплатите также расходы, связанные с розысками. Заранее благодарим.

— Я собираюсь причинить куда более существенные повреждения, — проворчал Рейх. — Всегда пожалуйста.

Он пробрался под густо разросшимся кустом форзиции и стал ждать с парализатором наготове. Потом он сообразил, зачем разбил машину. Девушка, ответившая на вызов в доме Пауэлла, выбежала наружу и помчалась через сад к джамперу. Рейх выжидал. Больше из дома никто не вышел. Девушка одна. Он вылез из кустов, и девушка развернулась прежде, чем могла бы его услышать. Щупачка. Он перевел регулятор на первую отметку. Девушка напряглась и задрожала всем телом… беспомощным.

Когда он намеревался было перевести регулятор к большой С, инстинкт убийцы велел ему обождать. Вдруг явилась идея мины-ловушки для Пауэлла. Убить девушку в доме. Начинить труп разрывными капсулами и оставить как приманку для Пауэлла. По темному лицу девушки градом катился пот, челюсти подергивались. Рейх взял ее за руку и повел через сад к дому. Она шла, словно огородное пугало, переступая

негнущимися ногами.

Рейх провел ее через кухню в гостиную. Там нашел длинный плетеный диванчик в современном стиле и пихнул на него девушку. Она сопротивлялась всем, чем могла, кроме своего тела. Рейх яростно ухмыльнулся, наклонился над ней и запечатлел на губах жадный поцелуй.

— Мои наилучшие пожелания Пауэллу, — сказал он и отступил на шаг, подняв парализатор.

Потом опустил его.

За ним кто-то наблюдал.

Он развернулся, стараясь не подавать виду, и быстрым взглядом окинул гостиную. Там никого не было. Он обернулся назад к девушке и спросил:

— Снова телепатические выкрутасы, щупачка?

И еще раз вскинул парализатор. И снова опустил его.

За ним кто-то наблюдал.

На этот раз Рейх взялся обыскивать гостиную основательно, посмотрел за креслами, в шкафах. Никого. Он обыскал кухню и ванную. Никого. Вернулся в гостиную к Мэри Нойес. Потом вспомнил про верхний этаж дома. Подошел к лестнице, начал подниматься и остановился на середине пролета, словно громом пораженный.

За ним *действительно* наблюдали.

Она стояла наверху: стояла на коленях, выглядывая между балясин, как ребенок. Она и была одета, как ребенок — в маленький узкий спортивный комбинезон, а волосы зачесала назад и собрала в хвост лентой. Она наблюдала за ним озорно и лукаво, как подросток. Барбара д'Куртнэ.

— Привет, — сказала она.

Рейха стало неудержимо трясти.

— Я Баба, — сказала она.

Рейх вяло поманил ее к себе.

Она тут же поднялась и стала спускаться по лестнице, аккуратно придерживаясь за перила.

— Мне не дают вниз ходить, — сказала она. — Вы папин друг?

Рейх судорожно вздохнул.

— Я… — прохрипел он. — Я…

— Папе нужно было уехать, — продолжала лепетать она, — но он совсем скоро вернется. Он мне сказал. Если буду послушная, он мне подарок привезет. Я стараюсь, но это так тяжело… А вы послушный?

— Твой отец? В-в-вернется? Твой отец?

Она кивнула.

— А вы в игры с тетей Мэри играете? Вы ее

поцеловали, я видела. Папа меня целует. Мне нравится. А тете Мэри понравилось?

Она доверительно взяла его за руку.

— Когда вырасту, выйду за папу и всегда буду его слушаться. Буду послушная девочка. У вас есть девочка?

Рейх притянул Барбару к себе и уставился ей в лицо.

— Ты что затеяла? — хрипло спросил он. — Ты думаешь, я поведусь? Что ты рассказала Пауэллу?

— Это папа, — сказала она. — Я его спрашиваю, почему у него фамилия не такая, как моя, и он делается такой странный. А как вас зовут?

— Я тебя спрашиваю! — заорал Рейх. — Что ты ему рассказала? Кого ты одурачить думаешь? Отвечай!

Она с сомнением поглядела на него и расплакалась, начала вырываться, но он держал крепко.

— Уходи! — всхлипнула она. — Отпусти меня!

— Нет, ты сначала ответишь мне!

— Отпусти меня!

Он отволок ее с лестницы к диванчику, на котором продолжала сидеть парализованная Мэри Нойес. Швырнул девушку рядом с ней и снова отступил, вскинув парализатор. Внезапно

Барбара подскочила и обратилась в слух. С лица ее стерлось детское лукавство, ему на смену пришли страдание и напряженность. Она выбросила ноги вперед, соскочила с диванчика, побежала, резко остановилась и сделала вид, что открывает дверь. Ринулась вперед: желтые волосы развеваются, темные глаза распахнуты в тревожном изумлении… Ослепительная вспышка диковатой красоты.

— Папа! — завопила она. — О, боже мой, папа!

Сердце Рейха сжалось. Девушка побежала к нему. Он шагнул вперед, чтобы перехватить ее. Она остановилась неподалеку, попятилась, метнулась влево, пробежала полкруга, дико крича и глядя неподвижными глазами в пространство.

— Нет! — завизжала она. — Нет! Ради всего святого, папа!

Рейх крутанулся на месте и ухватил девушку. Он поймал ее, но она брыкалась и кричала. Рейх тоже закричал. Девушка внезапно напряглась, оцепенела, прижала руки к ушам. Рейха перенесло обратно в орхидейный номер. Он снова слышал взрыв и видел, как вылетают через затылок д'Куртнэ брызги крови и мозга. Он содрогался в спазмах, как гальванизированная лягушка, и вынужденно отпускал девушку. Она падала на

колени и ползла по полу. Он смотрел, как девушка склоняется над трупом.

Рейх стал лихорадочно хватать ртом воздух и стучать костяшками пальцев друг о друга так, что стало больно. Рев в ушах улегся, он снова ринулся к девушке, пытаясь собраться с мыслями и на ходу меняя планы. Он и не подумал, что здесь может оказаться свидетель. Проклятый Пауэлл! Придется убить девушку. Получится ли выйти сухим из воды после двойного убийства?.. Нет. Это не убийство. Это мины-ловушки. Проклятый Гас Тэйт. Стоп. Он же не в Бомон-Хаусе. Он был в… в…

— Гудзон-Рэмп, 33, — произнес Пауэлл с порога.

Рейх вздрогнул, машинально пригнулся и перебросил парализатор под левый локоть, как его учили киллеры Киззарда.

Пауэлл сделал шаг в сторону.

— Не стоит, — бросил он.

— Сукин ты сын, — прорычал Рейх. Он завертелся юлой, выцеливая Пауэлла, который все время предугадывал его действия и отступал с линии огня. — Гребаный щупач! Мерзкий, гнусный сукин…

Пауэлл сделал обманный рывок влево, тут же развернулся, сблизился с Рейхом и нанес ему

резкий удар в локтевой нервный узел. Парализатор упал на пол. Рейх кинулся в клинч, слепо размахивая кулаками, царапаясь, бодаясь и осыпая Пауэлла истерической руганью. Пауэлл ответил тремя молниеносными ударами по шее у основания черепа, в солнечное сплетение и промежность. Результатом стала полная блокировка позвоночного столба. Рейх рухнул, из носа у него потекла кровь, тело скрутили рвотные спазмы.

— А ты думал, ты один умеешь драться по-уличному, братишка? — промурлыкал Пауэлл. Потом отошел к Барбаре д'Куртнэ, которая все еще стояла на коленях, и поднял ее с пола.

— Барбара, с тобой все в порядке? — спросил он.

— Привет, пап. Мне плохой сон снился.

— Знаю, детка. Мне пришлось его тебе навеять. Я поставил опыт на этом великовозрастном придурке.

— Поцелуй меня.

Он поцеловал ее в лоб.

— Ты быстро растешь, — сказал он с улыбкой. — Ты вчера только и умела, что лопотать.

— Я расту, потому что ты обещался меня дождаться.

— Я обещаю, Барбара. А теперь не могла бы ты

подняться сама наверх… или тебя перенести, как вчера?

— Я сама могу.

— Вот и славно, детка. Возвращайся к себе в комнату.

Она пошла к лестнице, аккуратно взялась за перила и преодолела все ступеньки. На последней обернулась, бросила взгляд на Рейха и высунула язык. И исчезла.

Пауэлл пересек комнату, направляясь к Мэри Нойес, вытащил кляп, который ей вставил Рейх, проверил пульс и уложил поудобней на диванчике.

— Первая отсечка, э? — пробормотал он в сторону Рейха. — Больно, но через час придет в себя.

Он вернулся к Рейху и остановился, глядя на него сверху вниз. Его осунувшееся лицо потемнело от гнева.

— Стоило бы отплатить тебе той же монетой, но что толку? Ничему это тебя не научит. Несчастный ты ублюдок… хоть кол на голове теши.

— Убей меня! — простонал Рейх. — Убей меня, или, Богом клянусь, я тебя убью, если только дашь подняться!

Пауэлл поднял парализатор и покосился на Рейха:

— Попробуй немного пошевелить мышцами. Такие блокировки дольше нескольких секунд не тянутся… — Он сел, положив на колени парализатор. — Ты сглупил. Я и пяти минут не провел в дороге, как понял, что это подстава. Конечно, Чуку подговорил ты.

— Сам такой! — крикнул Рейх. — Этика, высокопарные речи, гребаные…

— Она сказала, что из той пушки убили д'Куртнэ, — невозмутимо продолжал Пауэлл, — и это действительно так, но ведь никто не знал, как именно убили д'Куртнэ… кроме тебя и меня. Я развернулся и полетел обратно. Я едва не опоздал. Едва. Попытайся встать. Не может же тебе быть настолько худо.

Рейх не без труда поднялся, с присвистом дыша сквозь сжатые зубы. Внезапно он сунул руку в карман и выхватил оттуда обойму с разрывными капсулами. Пауэлл качнулся вместе со стулом и пнул Рейха пяткой в грудь. Обойма вылетела у того из руки. Рейх упал на диванчик и обмяк.

— Когда ж вы, люди, докумекаете, что щупача застать врасплох невозможно? — проговорил Пауэлл. Он подошел к обойме и поднял ее. — А ты сегодня вооружился до зубов, э? Ты себя ведешь так, как если б настроился подороже продать

свою жизнь, а не как свободный человек. Заметь, я говорю *свободный*, а не *невиновный*.

— И как долго еще я буду свободен? — бросил Рейх сквозь зубы. — О невиновности речь не шла. Но о свободе?

— До конца дней твоих. У меня было готово идеальное обвинение против тебя. Каждая улика выверена. Я все проверил еще раз, когда прощупывал сейчас вас с Барбарой. У меня все улики были на своих местах, кроме одной-единственной, и вот эта недостающая развалила все дело: пуфф — и в глубокий космос. Ты свободный человек, Рейх. Мы закрыли дело против тебя.

Рейх уставился на него:

— Закрыли дело?

— Ага. Мы не смогли его доказать. Я сел в лужу. Разоружайся, Рейх. Возвращайся к своим делам. Никто тебя не потревожит.

— Ты врешь! Опять какие-то трюки. Знаю я вас, щупачей…

— Нет. Я сейчас объясню. Я все про тебя знаю… знаю, чем ты подкупил Гаса Тэйта… что ты пообещал Джерри Черчу… где ты нашел инструкцию к игре в «Сардинки»… что ты делал с родопсиновыми капсулами Уилсона Джордана… как ты притворно обезвредил патроны, чтобы обеспе-

чить себе алиби, и снова зарядил каплей воды, сделав смертоносными… До этого момента все шло идеально. Метод и Обстоятельства. А вот с Мотивом нам не повезло. Суд требует объективного мотива преступления, а у меня его нет. Ты свободен.

— Врешь!

— Конечно, я мог бы тебе предъявить за вторжение в мой дом и покушение на убийство… но это как-то несерьезно. Все равно что из детской пукалки стрелять, промахнувшись перед тем из пушки. А ты, впрочем, наверняка бы и от этого обвинения отвертелся. У меня ведь нет свидетелей, кроме щупачки да больной девушки. Я…

— Ты врешь, — прорычал Рейх. — Ты лицемер. Лживый щупач. Предлагаешь мне в это поверить? Предлагаешь и дальше слушать, как ты несешь всякую чушь? У тебя никаких козырей не было, Пауэлл, никаких! Я тебя обвел вокруг пальца по всем пунктам. Поэтому ты начал подбрасывать мне мины-ловушки. Поэтому ты… — Рейх резко осекся и стукнул себя по лбу. — А это, наверно, и есть самая главная, и я на ней подорвался. Ну я идиот… Какой же я…

— Заткнись, — бросил Пауэлл. — Когда ты так разъярен, тебя прощупать невозможно. Что там

ты про мины-ловушки нес? Подумай как следует.

Рейх рассмеялся каркающим смехом:

— Можно подумать, ты не знаешь… Моя каюта на лайнере… Мой сейф взломали… Мой джампер…

Почти на целую минуту Пауэлл полностью сфокусировался на Рейхе, прощупывал его, впитывал, переваривал воспринятое. Потом от его лица отхлынула кровь, а дыхание стало прерывистым.

— Боже мой! — воскликнул он. — Боже мой!

Он вскочил и стал мерить шагами гостиную, глядя в никуда.

— Вот оно… Это все объясняет… А старик Моз-то был прав. Эмоциональный мотив, и мы-то думали, будто он дурачится… А тот образ сиамских близнецов в подсознании Барбары… И вина, которой мучился д'Куртнэ… Ничего странного, что Рейх не сумел убить нас у Чуки Фруд… Но… но убийство больше и не имеет значения. Все коренится глубже. Намного глубже. И это опасно… опасней всего, что я мог себе представить.

Он остановился, повернулся к Рейху и пылающим взглядом посмотрел на него.

— Если б я мог тебя убить, — вскричал он, — я

бы тебе сам голову открутил, своими собственными руками. Я бы разорвал тебя на куски и подвесил останки на галактической виселице, и вся Вселенная меня бы за такое благодарила. Ты хоть понимаешь, насколько ты опасен? Знает ли чума, как она смертоносна? Сознает ли смерть свои действия?

Рейх непонимающе таращился на Пауэлла. Префект досадливо мотнул головой.

— И чего я к тебе пристал? — пробормотал он. — Ты не понимаешь, о чем я говорю. Ты в жизни не поймешь.

Он отошел к буфету, нашел там две ампулы с бренди и вылил содержимое Рейху в рот. Рейх попытался выплюнуть, но Пауэлл прижал его челюсти.

— Глотай, — бросил он. — Хочу, чтоб ты пришел в себя и выслушал меня. Бутилена хочешь? Тириновой кислоты? Или без наркотиков обойдешься?

Рейх поперхнулся бренди и стал сердито отплевываться. Пауэлл встряхнул его.

— Приди в себя, — сказал он. — Я тебе покажу половину разгадки. Попытайся ее осмыслить. Дело против тебя закрыто. Оно закрыто из-за этих мин-ловушек. Если б я про них знал, я бы и

дела открывать не стал. Я презрел бы свое кондиционирование и убил бы тебя. Попытайся это осмыслить, Рейх…

Рейх перестал плеваться.

— Я не смог подыскать мотива для совершенного тобой убийства. В этом и был мой просчет. Когда ты предложил д'Куртнэ слияние, он согласился. Он ответил WWHG. Это согласие. У тебя не было никаких поводов убивать его. Рассуждая объективно, тебе следовало бы приложить все усилия, чтоб он остался в живых.

Рейх побелел. Голова его пьяно закачалась из стороны в сторону.

— Нет. Нет. WWHG. Предложение отклонено. Отказ. Отказ.

— Согласие.

— Нет. Ублюдок отказался. Он…

— Он согласился. Узнав о согласии д'Куртнэ с твоим предложением, я понял, что пропал. Я понял, что до суда дело довести не получится. Но я не пытался подбрасывать тебе мины-ловушки. Я не взламывал твой сейф. Я не закладывал разрывные капсулы. Я не тот, кто на тебя покушается. Он пытается тебя убить потому, что знает: я тебе не опасен. Разрушение тебе не грозит. А этот человек всегда знал то, что мне стало понятно

только сейчас: что ты смертельный враг всего нашего будущего.

Рейх попытался заговорить. Он приподнялся с кушетки, слабо замахал руками. Наконец вымолвил:

— Кто он? Кто? Кто?

— Твой старый враг, Рейх… И тебе от него не скрыться. Никогда. Тебе никогда не убежать от него… нигде не спрятаться… и я молю Бога, чтоб ты никогда не нашел от него спасения.

— Кто он, Пауэлл? КТО ЭТО?

— Человек Без Лица.

Рейх испустил нутряной крик боли, повернулся и, шатаясь, побрел к выходу.

15

Натяженье, предвкушенье, треволненье — просто класс!

Натяженье, предвкушенье, треволненье — просто класс!

Натяженье, предвкушенье, треволненье — просто класс!

Натяженье, предвкушенье, треволненье — просто класс!

— Заткнись! — взвизгнул Рейх.

Восемь, сэр;

Семь, сэр;

Шесть, сэр;

Пять, сэр;

— Бога ради, заткнись!

Четыре, сэр;

Три, сэр;

Два, сэр;

Раз!

— Нужно взять голову в руки. Почему ты не

берешь голову в руки? Что с тобой случилось? Раскинь мозгами!

Натяженье, предвкушенье…

— Он лгал. Ты знаешь, он лгал. Твое изначальное мнение было верным. Гигантская мина-ловушка. WWHG. Предложение отклонено. Но почему он лгал? Как ему это помогло бы?

… треволненье — просто класс!

— Человек Без Лица. Брин мог рассказать. Гас Тэйт мог рассказать. Думай!

Натяженье…

— Человека Без Лица не существует. Это всего лишь сон. Кошмарный сон!

Предвкушенье…

— Но мины-ловушки? Что скажешь про мины-ловушки, а? Он меня с поличным застукал в своем доме. Почему он не захлопнул ловушку? Он заявил, что я свободен. Что он замышляет? Раскинь мозгами!

Треволненье…

Его тронули за плечо.

— Мистер Рейх?

— Э?

— Мистер Рейх?

— А? Кто это?

Рейх сумел сфокусировать взгляд и обнаружил,

что находится под проливным дождем. Он лежал на боку, подогнув колени, сложив руки, утонув щекой в грязи. Он промок до нитки и дрожал от холода. Он был на эспланаде Бомб-Инлет. Кругом печально шелестели мокрые ветки. Над ним кто-то склонился.

— Ты кто?

— Гален Червил, мистер Рейх.

— Кто?

— Гален Червил, сэр. Вы меня должны помнить с вечеринки у Марии Бомон. Могу ли я отплатить вам услугой за услугу, мистер Рейх?

— Не смей меня прощупывать! — завизжал Рейх.

— Я не буду, мистер Рейх. Мы обычно не… — Молодой человек осекся. — Я не знал, что вам известно о моих способностях. Но вы лучше поднимитесь, сэр.

Он взял Рейха за руку и подтянул к себе. Рейх застонал и отдернулся. Молодой Червил обхватил его за плечи и поднял на ноги, заглянув в перекошенное страхом лицо.

— Мистер Рейх, что с вами? Вас ограбили?

— А? Нет… нет…

— Несчастный случай, сэр?

— Нет. Нет. Я… Боже. — Рейх вдруг не выдержал

и взорвался: — Катись отсюда!

— Как вам будет угодно, сэр. Я полагал, вам нужна помощь, и захотел отблагодарить, но…

— Постой, — прервал его Рейх. — Не уходи.

Он ухватился за ствол дерева, привалился к нему, тяжело задышал, потом наконец распрямился и зыркнул на Червила налитыми кровью глазами.

— Что ты там говорил? Услуга за услугу?

— Разумеется, мистер Рейх.

— Никаких вопросов не задаешь? Никому не расскажешь потом?

— Разумеется, мистер Рейх.

— Червил, у меня проблемы. Убийцы. Меня кто-то пытается убить, и я хочу выяснить, кто. Ты мне поможешь? Ты прощупаешь кое-кого для меня?

— Мне представляется, что вам может помочь полиция.

— Полиция? — истерически расхохотался Рейх, но тут же гримаса боли перекосила его лицо: дало о себе знать сломанное ребро. — Червил, да я ведь как раз копа и хочу прощупать с твоей помощью. Большую шишку. Комиссара полиции. Ты понимаешь? — Он отклеился от дерева и, шатаясь, двинулся на Червила. — Я хочу наведаться к своему другу — комиссару и задать ему

несколько вопросов. Я хочу, чтобы ты при этом присутствовал и сказал мне правду. Ты можешь прийти со мной в офис Краббе и прощупать его? Ты для меня это сделаешь? Ты просто сделай это и забудь, хорошо? Ты это сделаешь?

— Да… Да, мистер Рейх.

— Что я слышу? Щупач держит свое слово! Вы это видели? Тогда шевели ластами. Время не ждет.

Рейх неуклюже заковылял по эспланаде прочь. Червил последовал за ним, ошеломленный яростной решимостью другого, гнавшей Рейха сквозь боль, сквозь лихорадку, сквозь агонию — в полицейское управление. Рейх, как разъяренный зверь, один за другим пробивал заслоны дежурных и клерков и, наконец, весь перепачканный грязью, окровавленный, ввалился в изысканный кабинет комиссара Краббе из посеребренного черного дерева.

— Боже, Рейх! — ошеломился Краббе. — Это же вы? Это вы, Бен Рейх?

— Садитесь, Червил, — скомандовал Рейх и повернулся к Краббе. — Это я. Введу вас в курс дела. Краббе, я наполовину труп. Красное — кровь. Остальное — грязь. Славный у меня выдался денек… замечательный денек, да уж, и я хочу вы-

яснить, где в это время, черт побери, ошивалась полиция? Где ваш чертов всемогущий префект Пауэлл? Где ваш…

— Наполовину труп? Бен, что вы такое говорите?

— Я вам объясняю, что на меня за сегодняшний день уже трижды покушались. Этот парень… — Рейх ткнул пальцем в Червила. — Этот парень только что обнаружил меня на Инлет-Эспланаде, скорее мертвого, чем живого. Да посмотрите на меня, бога ради. Просто посмотрите!

— Покушались?! — Краббе энергично стукнул кулаком по столу. — Конечно! Пауэлл идиот. Не надо было вообще его слушать. Убийца д'Куртнэ теперь охотится за вами.

Рейх за его спиной сделал энергичный жест Червилу.

— Я говорил Пауэллу, что вы невиновны. Он меня не слушал, — сказал Краббе. — Даже когда этот чертов калькулятор окружного прокурора заявил, что вы невиновны, и тогда он все равно не стал слушать.

— Машина признала меня невиновным?

— Конечно. Вы ни в чем не обвиняетесь. Вы никогда ни в чем не обвинялись. И священный Билль о правах гарантирует вам такое же право

на защиту от покушений на вашу жизнь, как и любому другому добропорядочному законопослушному гражданину. Я сейчас же разберусь с этим. — Краббе устремился к двери. — И думаю, что хватит с меня идиотских россказней Пауэлла. Не уходите, Бен. Мне нужно обсудить с вами поддержку моей кандидатуры на выборы в Солярный Сенат.

Дверь распахнулась и захлопнулась. Окружающий мир то уплывал, то приближался, приходилось усилием удерживать его в фокусе. Перед Рейхом маячили трое Червилов.

— Ну? — пробормотал он. — Что там?

— Он говорил правду, мистер Рейх.

— Про меня? Про Пауэлла?

— Ну… — Червил выдержал рассудительную паузу, подбирая слова.

— Вперед, ублюдок, — зарычал Рейх. — Думаешь, у меня нервы железные?

— Про вас он говорил чистую правду, — быстро ответил Червил. — Прокурорский компьютер отверг все попытки обвинить вас по делу об убийстве д'Куртнэ. Мистера Пауэлла заставили отказаться от расследования и… в общем, его карьера более или менее окончена.

— Правда, что ли?! — Рейх заковылял к парню

и ухватил его за плечи. — Правда, Червил? Я оправдан? Я могу возвращаться к своему бизнесу? Никто меня не побеспокоит больше?

— Дело против вас развалилось, мистер Рейх. Вы можете возвращаться к своему бизнесу. Никто больше вас не побеспокоит.

Рейх разразился торжествующим хохотом. Боль в его изломанном, израненном теле заставила смех перемешаться со стонами, а на глаза навернулись слезы. Он собрал все силы, протиснулся мимо Червила и покинул кабинет комиссара. Он ковылял по коридорам полицейского управления, весь в грязи и крови, смеялся и стонал, подволакивал ноги, но была в его позе и толика прежней надменности, хотя в эти моменты он и на человека-то не слишком походил, а скорей на неандертальца. Для полноты картины недоставало разве что оленьей туши на плечах или торжественно влекомого позади пещерного медведя.

— Я дополню эту картину головой Пауэлла, — сказал он себе. — Я набью из нее чучело и повешу на стену. Я дополню эту картину картелем д'Куртнэ в своих карманах. О Боже, дай мне только время, и я для полноты картины всю галактику в рамочку вставлю!

Он вывалился наружу через стальные двери полицейского управления и некоторое время стоял на вершине парадной лестницы, глядя на омытые дождем улицы… на развлекательный центр по другую сторону площади, кварталы которого сияли под общим прозрачным куполом… на магазины верхних пешеходных аллей, где уже начиналась оживленная вечерняя торговля… на далекие кубические офисные башни двухсотэтажной высоты… на кружевную сеть скайвеев, что связывала их воедино… на мерцающие фары джамперов, что, как зловещая красноглазая саранча на поле, сновали вверх-вниз в темноте…

— Все вы принадлежите мне! — завопил он, подняв руки, чтобы объять ими Вселенную. — Все вы принадлежите мне! Тела, страсти и души!

И тут он углядел высокую зловещую фигуру, знакомую фигуру, что, переходя площадь, украдкой следила за ним через плечо. Рожденная из черных теней, она поблескивала драгоценными камнями дождевых капель… зловещая, молчаливая, ужасная… Человек Без Лица.

Раздался сдавленный крик. Железные нервы не выдержали. Как срубленное молнией дерево, Рейх грянулся оземь.

Без одной минуты девять вечера десять из пят-

надцати членов Совета Эспер-Гильдии собрались в кабинете президента Цуна. Они собрались по делу чрезвычайной важности. В девять часов одну минуту решение по этому делу было принято, и заседание закрылось. Вот что произошло за сто двадцать эсперсекунд:

Стук председательского молотка
Циферблат часов
Часовая стрелка на 9
Минутная стрелка на 59
Секундная на 60

СРОЧНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Тема:

Запрос Линкольна Пауэлла о Чрезвычайном Массовом Катексисе с использованием его самого как проводника капитализируемой энергии.

(Всеобщее оцепенение)

Цун: Пауэлл, ну ты же не серьезно? Как ты можешь такое предлагать? Какова побудительная причина столь экстраординарной и опасной меры?

Пауэлл: Тревожное развитие ситуации в деле д'Куртнэ, которое я хотел бы пред-

ставить вам.

(Изучение материалов)

Пауэлл: Всем вам известно, что Рейх — наш опаснейший враг. Он поддерживает клеветническую антиэсперскую кампанию. Если не положить ей конец, нас ждет обычная участь преследуемого меньшинства.

@кинс: И это правда.

Пауэлл: Он также спонсирует Лигу Эспер-Патриотов. Если не положить конец ее деятельности, нас, вполне вероятно, ждет гражданская война, после чего мы навеки погрузимся в трясину междоусобных конфликтов.

Франьон: И это тоже правда.

Пауэлл: Но дополнительная информация, полученная мной, заслуживает всеобщего внимания. Рейх вот-вот станет фокальной точкой галактического масштаба… критическим связующим звеном между реализованным прошлым и вероятным будущим. Он на грани мощ-

ной реорганизации.

Дорог каждый миг. Если Рейх переориентируется прежде, чем я до него доберусь, он обретет иммунитет к нашей реальности, станет неуязвим для нашей атаки и превратится в смертельного врага здравого смысла и реальности в галактическом масштабе.

(Всеобщая тревога)

@кинс: Пауэлл, ты наверняка преувеличиваешь.

Пауэлл: Да? Ну-ка исследуйте положение вещей вместе со мной. Посмотрите, какую позицию занимает Рейх во времени и пространстве. Разве не станут его убеждения убеждениями всего мира? Разве не сольется его реальность с реальностью мира? Разве может он, обладая столь исключительным сочетанием могущества, энергии и интеллекта, не привести нас к полной гибели?

(Признание его правоты)

Цун: Это так. Тем не менее разрешать

Чрезвычайный Массовый Катексис мне бы не хотелось. Ты наверняка помнишь, что ЧМК во всех предыдущих случаях оканчивался гибелью человека — проводника энергии. Пауэлл, ты слишком ценен, чтобы принести тебя в жертву.

Пауэлл: Вы обязаны разрешить мне рискнуть.

Рейх один из тех редких типов, чьи действия заставляют содрогнуться Вселенную… он, в сущности, еще ребенок, но практически созрел. И вся реальность — эсперы, нормалы, жизнь, Земля, Солнечная система, сама Вселенная — боязливо притихла, ожидая его пробуждения. Нельзя позволить ему проснуться для неправильной реальности. Я ставлю вопрос на голосование.

Франьон: Ты требуешь смертного приговора себе.

Пауэлл: Либо погибну я, либо в конечном счете умрет все, что нам известно. Я ставлю вопрос на голосование.

@кинс: Позволим Рейху проснуться,

если он так хочет. У нас достаточно времени, мы предупреждены. Мы ему в другой раз засаду устроим.

Пауэлл: Голосование! Я требую голосования!

(Разрешение получено)

Заседание объявлено закрытым
Циферблат часов
Часовая стрелка на 9
Минутная стрелка на 01
Секундная на Разрушении

Через час Пауэлл прибыл домой. Он составил завещание, оплатил счета, подписал нужные документы и все устроил. В Гильдии царило отчаяние. В доме тоже воцарилось отчаяние: Мэри Нойес не замедлила прочесть его мысли, стоило ему появиться на пороге.

Линк…

Тихо. Так было надо.

Но…

Остается вероятность, что я не погибну. Ах да… Вот еще что. Криминалисты просят разрешить аутопсию моего мозга после смерти… в случае моей смерти. Я подписал все бумаги,

но хочу, чтобы ты им помогла, если возникнут проблемы. Они хотели бы получить тело прежде, чем наступит окоченение. Если тело окажется недоступным, они готовы довольствоваться головой. Присмотришь, ладно?

Линк!

Извини. А теперь тебе лучше упаковать вещи и забрать малышку в Кингстон. Тут небезопасно.

Она больше не малышка. Она…

Мэри развернулась и взбежала по лестнице, оставляя по себе знакомый сенсорный мотив: снег / мята / тюльпаны / тафта… смешанный с ужасом и слезами. Пауэлл вздохнул, но улыбнулся, завидев наверху грациозную девочку-подростка, которая стала спускаться к нему с показной небрежностью. Она облачилась в платье и хранила выражение отрепетированного изумления. На полпути вниз она остановилась, позволяя ему оценить и позу, и платье.

— О! Это же мистер Пауэлл!

— Именно он. Доброе утро, Барбара.

— С чем пожаловали этим утром к нашему уютному очагу? — Она преодолела оставшиеся ступеньки, постукивая кончиками пальцев по перилам, и споткнулась на последней. — Ой! — взвизгнула она.

Пауэлл подхватил ее.

— Пам, — сказал он.

— Бим.

— Бам.

Она подняла на него взгляд:

— Стойте, пожалуйста, здесь, и не двигайтесь. Я снова спущусь по этой лестнице и даю клятву, что буду на сей раз безукоризненна.

— Спорим, что нет?

Она развернулась, взбежала обратно и снова встала в позу на верхней ступени лестницы.

— Дорогой мистер Пауэлл, какой ветреной девчонкой вы меня, должно быть, мните! — Она приступила к торжественному спуску. — Вам придется перерассмотреть свое мнение. Я больше не девчонка, какой была еще вчера. Я стала на целые эпохи старше. Отныне считайте меня взрослой.

Она успешно преодолела последнюю ступеньку и взглянула на Пауэлла:

— Перерассмотреть? Я правильно сказала?

— Предпочтительнее просто *пересмотреть*, дорогая.

— Я так и подумала, что вторая приставка лишняя. — Она вдруг рассмеялась, толкнула его в кресло, а сама плюхнулась на колени. Пауэлл

застонал.

— Барбара, полегче. Ты стала на целые эпохи старше и на много фунтов тяжелее.

— Послушай, — сказала она, — а с чего это я себе в голову вбила, что… ты… мой отец?

— А что, я тебе в отцы не гожусь?

— Нет, ты скажи честно. Совсем-совсем честно.

— Конечно.

— Ты себя чувствуешь так, словно ты мне отец? Потому что я себя не чувствую так, словно я тебе дочь.

— Да? А как ты себя чувствуешь?

— Я первая спросила, ты первый отвечаешь.

— Я отношусь к тебе так, как мог бы относиться любящий и почтительный сын.

— Нет. Отвечай серьезно.

— Я дал обет испытывать исключительно сыновние чувства ко всем женщинам, покуда Вулкан не будет возвращен на заслуженное место в Содружестве Планет.

Она сердито разрумянилась и встала с его колен.

— Я же просила тебя, отвечай серьезно. Мне совет нужен. Но если ты…

— Прости, Барбара. Так что у тебя?

Она опустилась рядом с ним на колени и взяла

его за руку.

— Я вся какая-то перемешанная насчет тебя. — Она заглянула в его глаза с тревожной прямотой юности. — Ну, ты понимаешь.

После паузы он кивнул:

— Да. Я понимаю.

— И ты весь перемешанный насчет меня. Я знаю.

— Да, Барбара. Это так. Я весь перемешанный.

— А это неправильно?

Пауэлл встал с кресла и начал уныло мерить шагами гостиную.

— Нет, Барбара, это не то чтобы неправильно. Не… вовремя.

— Я хочу, чтоб ты мне объяснил.

— Объяснил?.. Да, лучше объяснить. Я… Вот что, Барбара. Мы двое на самом деле — четыре разных человека. Ты двойная, я двойной.

— Как так?

— Ты болела, дорогая. Пришлось тебя, говоря образно, превратить назад в ребенка и позволить снова вырасти. Вот почему ты двойная. Ты внутри взрослая Барбара, а снаружи девочка.

— А ты?

— Я состою из двух взрослых людей. Один из них — я… Пауэлл. Другой — член руководящего

Совета Эспер-Гильдии.

— А что это такое?

— Нет смысла объяснять. Это часть меня, которая погружает меня в смешанные чувства… Господи, а может, это еще и моя ребяческая часть. Не знаю.

Она честно поразмыслила над услышанным и медленно произнесла:

— Я не чувствую к тебе того, что должна чувствовать дочь… а какая часть меня в этом виновата?

— Не знаю, Барбара.

— Ты знаешь. Почему ты не хочешь сказать? — Она подошла к нему и обвила руками его шею… взрослая женщина, а ведет себя как ребенок. — Если это неправильно, почему не скажешь прямо? Если я тебя люблю…

— Так, ну вот не надо про любовь!

— Но мы же о ней и говорим, нет? Разве нет? Я люблю тебя, ты любишь меня. Разве не так?

Ну всё, — в отчаянии подумал Пауэлл, — *приехали. И что теперь делать? Признать правду?*

Да! — Это была Мэри, она спускалась по лестнице с саквояжем в руке. — *Признать правду.*

Она не щупачка.

Забудь. Она женщина, и она тебя любит. А ты любишь ее. Пожалуйста, Линк, дай себе шанс.

Какой еще шанс? На интрижку — при условии, что я выберусь живым из этой истории с Рейхом? Больше не на что рассчитывать, кроме интрижки. Ты знаешь, Гильдия не разрешает нам сочетаться браком с нормалами.

Ей этого хватит. Она с благодарностью согласится и на такое. Можешь мне поверить, я знаю.

А если я не выберусь живым? У нее не останется ничего… Ничего, кроме воспоминаний о призрачной любви.

— Нет, Барбара, — сказал он, — вовсе нет.

— Да, — настаивала она. — Да!

— Нет. Это девчонка в тебе говорит. Девчонка, которая воображает, что влюбилась в меня. А не женщина.

— Она вырастет в женщину.

— И забудет про меня.

— Ты сделаешь так, чтобы она запомнила.

— Зачем, Барбара?

— Потому что ты чувствуешь то же самое. Я знаю.

Пауэлл рассмеялся:

— Ох, дитя, дитя, дитя! Ну с какой стати ты вообразила, будто я в тебя тоже влюблен? Это не так. Я никогда и не был.

— Ты меня любишь!

— Барбара, глаза открой. Посмотри на меня. Посмотри на Мэри. Ты стала на целые эпохи старше, говоришь? Разве не ясно? Разве я должен объяснять очевидное?

Бога ради, Линк, уволь!

Прости, Мэри, пришлось тебя использовать.

Я уже прощаться собиралась… Похоже, навсегда… Но разве нужно и дальше меня терзать? Разве ты недостаточно круто со мной обошелся?

Тс-с-с-с. Полегче, милая…

Барбара уставилась на Мэри, потом перевела взгляд на Пауэлла. Она медленно качала головой.

— Врешь.

— Думаешь? Посмотри на меня.

Он положил руки ей на плечи и заглянул в лицо. На помощь пришел Бесчестный Эйб. Лицо его стало вежливым, терпеливым, удивленным, отеческим.

— Посмотри на меня, Барбара.

— Нет! — вскричала она. — Твое лицо врет. Ты… Ненавижу! Я… — Она разрыдалась и, всхлипывая, проговорила: — Уходи. Почему ты не уходишь?

— Уходим мы, Барбара, — сказала Мэри. Она выступила вперед, взяла девушку за руку и увлек-

ла к двери.

Мэри, вас ждет джампер.

А я жду тебя, Линк. Я буду ждать. И Червилы, и @кинсы, и Джорданы, и… и… и… и… и… и…

Я знаю. Я знаю. Я вас всех люблю. Целую. XXXXXX. ***Да хранит вас Бог.***

Образы четырехлепесткового клевера, кроличьих лап, подков…

Хамский ответный образ Пауэлла, вылезающего из нечистот с ног до головы усыпанный бриллиантами.

Слабый смех.

Прощание.

Он стоял в дверях, насвистывая унылый мотивчик невпопад, и смотрел, как джампер исчезает в голубовато-стальном небе — уносится на север, в сторону Кингстонского госпиталя. Он был истощен. Немного гордился своим самопожертвованием. Крайне стыдился этого самодовольства. Испытывал отчетливую меланхолию. Может, закинуться щепоткой никотината калия и раздухарить себя? Какой с этого всего прок? В огромном сволочном городе семнадцать с половиной миллионов душ, и хоть бы одна согласилась взять на себя его груз. Посмотрите только…

Прибыл первый импульс. Тонкая струйка

латентной энергии. Отчетливо ощутив ее, он покосился на часы. Десять двадцать. Так быстро? Так скоро? Отлично. Нужно подготовиться.

Он обернулся, прошел в дом и взбежал по лестнице в гардеробную. Импульсы застучали… как первые капли дождя перед бурей. Психика затрепетала, завибрировала, когда он потянулся к ручейкам латентной энергии и вобрал их в себя. Он оделся так, чтобы не бояться никакой непогоды, и…

И что? Стук капель перешел в морось, омыл его, наполнил сознание лихорадочным ознобом… последний сменился изнурительными эмоциональными вспышками… и… Ах да, питательные капсулы. Он ухватился за эту мысль. Питательные, питательные. Питательные! Он кубарем скатился по лестнице в кухню, нашел пластиковую бутылочку, откупорил ее и заглотил дюжину капсул.

Теперь энергия прибывала бурными потоками. От всех эсперов города стекались к нему ручьи латентной энергии; сливаясь в бурную реку, неспокойное море Массового Катексиса, направлялись они к Пауэллу, настраивались на Пауэлла. Он снял все блоки и впитал все потоки. Нервная система перешла в супергетеродинный режим,

безмолвно завизжала, и все стремительнее, с нарастающим невыносимым стоном начала раскручиваться турбина его разума.

Он вывалился из дома и стал блуждать по улицам, слепой, глухой, бесчувственный, погруженный в кипящую массу латентной энергии… словно парусник, захваченный тайфуном, в попытке использовать энергию ветра для спасительного рывка к безопасной гавани… Гавани на букву Б. Пауэлл сражался с устрашающим вихрем, пытаясь капитализировать латентную энергию, катектировать ее и направить к Разрушению Рейха, пока еще не поздно, не поздно, не поздно, не поздно, не поздно…

16

УНИЧТОЖИТЬ ЛАБИРИНТ.

РАЗРУШИТЬ ТУПИК.

УДАЛИТЬ ГОЛОВОЛОМКУ.

(*x2* φ *Y3d*! Пространство/*d*! Время)

РАСЧЛЕНИТЬ.

(ОПЕРАЦИИ,
ВЫРАЖЕНИЯ, МНОЖИТЕЛИ, ДРОБИ, СТЕПЕНИ,
ЭКСПОНЕНТЫ, КОРНИ, ТОЖДЕСТВА, УРАВНЕНИЯ, ПРОГРЕССИИ, ВАРИАЦИИ, ПЕРЕСТАНОВКИ, ДЕТЕРМИНАНТЫ И РЕШЕНИЯ)

СТЕРЕТЬ.

(ЭЛЕКТРОН, ПРОТОН, НЕЙТРОН, МЕЗОН И ФОТОН)

УДАЛИТЬ.

(КЭЙЛИ, ХЭНСОНА, ЛИЛИЕНТАЛЯ, ШАНЮТА, ЛЭНГЛИ, РАЙТ, ТЕРНБУЛЛА И С&ЕРСОНА)

ИСКОРЕНИТЬ.

(ТУМАННОСТИ, СКОПЛЕНИЯ, ПОТОКИ, ДВОЙНЫЕ, ГИГАНТЫ, ЗВЕЗДЫ ГЛАВНОЙ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ

И БЕЛЫЕ КАРЛИКИ)
РАССЕЯТЬ.
(РЫБ,
АМФИБИЙ, ПТИЦ, МЛЕКОПИТАЮЩИХ И ЧЕЛОВЕКА)
ОТМЕНИТЬ.
УНИЧТОЖИТЬ.
УДАЛИТЬ.
РАСЧЛЕНИТЬ.
СТЕРЕТЬ ВСЕ УРАВНЕНИЯ.
БЕСКОНЕЧНОСТЬ РАВНЯЕТСЯ НУЛЮ.
НЕ СУЩЕСТВУЕТ НИ…

— чего не существует? — вскричал Рейх. — Не существует чего?

Он рванулся вверх, сражаясь с постельным бельем и сдерживавшими его руками.

— Не существует — чего?

— Кошмаров, — сказала Даффи Уиг&, — больше не существует.

— Ты кто?

— Это же я. Даффи.

Рейх открыл глаза.

Он лежал в затейливо декорированной постели, в затейливо украшенной спальне, на старомодной простыне под старомодным одеялом. Даффи

Уиг&, вся свеженькая и накрахмаленная, упиралась руками в его плечи, пытаясь снова уложить его на подушки.

— Я сплю, — произнес Рейх. — Мне надо проснуться.

— Какую прелесть я от тебя слышу. Ложись, и сон будет продолжаться.

Рейх откинулся на подушки.

— А ведь я не спал, — сказал он мрачно. — Я впервые в своей жизни полностью просыпался. Я слышал… Не понимаю, что я слышал. Про бесконечность и ноль. Важные штуки. Про реальность. Потом я заснул и оказался здесь.

— Поправка, — улыбнулась Даффи. — Просто ради точности. Ты не заснул, а проснулся.

— Я сплю! — вскричал Рейх. Он сел в постели. — Есть у тебя чем закинуться? Чем угодно… опиум, конопля, сомнар, лефеты… Мне нужно проснуться, Даффи. Мне пора обратно в реальность.

Даффи склонилась над ним и крепко поцеловала в губы.

— А как тебе такое? Достаточно реально?

— Ты не понимаешь. Все это были иллюзии… галлюцинации… всё. Мне нужно перестроиться, переориентироваться, реорганизоваться… Пока еще не поздно, Даффи. Пока не поздно, не поздно,

не поздно, не поздно…

Даффи всплеснула руками.

— Вылечили, тоже мне! — воскликнула она. — Сперва чертов доктор напугал тебя до обморока. Потом поклялся, что с тобой все будет в порядке… а теперь посмотреть только на тебя. Ты совсем рехнулся! — Она встала на колени и затрясла пальцем у Рейха перед носом. — Еще одно слово в этом духе, и я звоню в Кингстон.

— Кто? Что?

— В Кингстон. В госпиталь. Туда таких, как ты, отправляют.

— Нет. Кто бишь, ты сказала, напугал меня до обморока?

— Доктор. Знакомый.

— На площади перед полицейским управлением?

— Так точно.

— Ты уверена?

— Я с ним вместе была, тебя искала. Твой дворецкий мне сказал про взрыв, и я забеспокоилась. Мы еле успели прийти тебе на помощь.

— Ты видела его лицо?

— Видела ли я его лицо? Да я его поцеловала.

— На что оно было похоже?

— Лицо как лицо. Два глаза. Две губы. Два уха.

Один нос. Три подбородка. Послушай, Бен, если ты вздумал опять завести шарманку про явь и сон, про реальность и бесконечность… это тебе не реклама, ну честно.

— Ты меня сюда привезла?

— Конечно. А как бы я упустила такую возможность? Единственный шанс затащить тебя в мою постель.

Рейх усмехнулся. Потом расслабился и проговорил:

— А теперь, Даффи, можешь меня поцеловать.

— Мистер Рейх, вас уже целовали. Или это было, когда вы еще бодрствовали?

— Забудь. Это были кошмары. Просто кошмары. — Рейх разразился смехом. — Почему, блин, меня вообще волнуют кошмары? У меня весь мир в кармане. И сны этого мира тоже. Даффи, что ты там говорила однажды — хочешь, чтоб я тебя потащил, как дурочку, в переулочек?

— Это детская прихоть, не более. Я рассчитывала проникнуть в высшее общество.

— Если хочешь, Даффи, будет тебе твой переулочек. Я его вымощу золотом… драгоценными камнями… Хочешь переулочек отсюда до Марса? Получишь. Хочешь всю Солнечную систему у себя в переулочке? Так и будет. Господи! Да я всю

Галактику туда запихаю, если тебе так хочется. — Он потыкал себя отставленным большим пальцем в грудь. — Хочешь увидеть Бога? Это я и есть. Вперед. Смотри.

— Милый мой, как ты скромен в похмельный час!

— Похмельный? Ну да, я пьян, не без того… — Рейх выпростал ноги из постели и, слегка покачиваясь, поднялся. Даффи мигом подскочила поддержать его, он был вынужден обхватить ее рукой за талию. — А почему, спрашивается, я не могу быть пьян? Я завалил д'Куртнэ. Я завалил Пауэлла. Мне сорок. Еще лет шестьдесят впереди — и весь этот чертов мир принадлежит мне. Да, Даффи… весь этот чертов мир!

Он начал прохаживаться по комнате вместе с Даффи. Это было все равно что совершить прогулку по ее возбужденному эротическими фантазиями сознанию. Щупач, оформлявший спальню, идеально обыграл в декоре психику Даффи.

— Даффи, как тебе идея основать вместе со мной династию?

— Я не очень сведуща в основании династий.

— Ты можешь начать с Бена Рейха. Сперва выйди за него замуж. Потом…

— Достаточно. Когда начинаем?

— Потом родишь детей. Мальчиков. Десятки…

— Девочек. И всего трех.

— И ты увидишь, как Бен Рейх завладеет картелем д'Куртнэ, как сольет его с «Монархом». Увидишь, как повергнет он врагов своих… вот как! — Рейх размашистым движением пнул ножку округлого туалетного столика. Тот опрокинулся, и пара дюжин хрустальных флакончиков разбилась о пол.

— После того как «Монарх» и картель д'Куртнэ станут «Рейх Инкорпорейтед», ты увидишь, как я слопаю всех остальных… мелочовку… клопов. Кейс и Умбрель на Венере. Слопал! — Рейх стукнул кулаком по стоявшему в сторонке столику в форме торса и сломал его. — «Юнайтед Транзэкшен» на Марсе. Раздавил и слопал! — Он сокрушил стул тонкой работы. — «CGI-Комбайн» на Ганимеде, Каллисто и Ио… «Титан Кемикэл & Атомикс»… Потом блохи поменьше: злопыхатели, хейтеры, Гильдия Щупачей, моралисты, патриоты… Слопал! Слопал! Слопал!

Он принялся наотмашь колотить ладонью по мраморной обнаженной фигурке, пока та не свалилась с пьедестала и не раскололась.

— Успокойся, чудак, — прильнула к нему

Даффи. — Чего такую прекрасную энергию зря тратишь? Подубась меня немножко.

Он схватил ее и начал трясти, пока девушка не запищала.

— Будут в мире сладкие кусочки… как ты, Даффи, а будут другие, что развоняются до самых высоких небес… но я их все слопаю. — Он расхохотался и крепко прижал ее к себе. — Не знаю, чем конкретно занимается Бог, но знаю, чем хотел бы заняться сам. Мы все это разрушим, Даффи, до основания, а затем переделаем так, как нам будет угодно… Ты и я, и наша династия.

Он отнес ее к окну, сорвал шторы и пинком высадил оконный переплет — брызнули осколки стекла. На город спустилась бархатная тьма. Лишь по улицам и скайвеям блестели огоньки, да временами загорались на черном небосклоне алые глазки случайного джампера. Дождь перестал, в небе повисла бледная тонкая луна. Ночной ветер, слабо шелестя, рассеял приторный аромат разлитой парфюмерии.

— Эй, вы там! — заревел Рейх. — Вы слышите меня?! Все вы… кто спит и видит сны. Отныне мои сны станут вашими снами! Отныне…

Он вдруг замолчал. Расслабив хватку, выпустил Даффи и позволил ей соскользнуть на пол рядом.

Ухватился руками за края окна и высунулся наружу, в ночь, насколько смог. Выкрутил шею, глядя вверх. Когда голова Рейха просунулась обратно в комнату, на лице его возникло озадаченное выражение.

— Звезды, — пробормотал он. — Где звезды?

— Какие такие звезды? — спросила Даффи.

— Звезды, — повторил Рейх. Он опасливо ткнул рукой в небо. — Звезды. Их нет.

Даффи с интересом взглянула на него:

— Чего нет?

— Звезд! — завопил Рейх. — В небо глянь. Звезды исчезли. Созвездия исчезли! Большая Медведица… Малая Медведица… Кассиопея… Дракон… Пегас… Все исчезло! Ничего не осталось, кроме луны! Гляди!

— Все как всегда, — ответила Даффи.

— Да нет же, нет! Куда пропали звезды?

— Какие такие звезды?

— Не помню имен… Полярная и… Вега… и… Блин, да почем мне их имена знать? Я не астроном. Что с нами случилось? Что со звездами случилось?

— Что такое звезды? — спросила Даффи.

Рейх яростно затряс ее.

— Солнца… Бурлящие и пылающие светом. Их

тысячи. Миллиарды… сияют сквозь ночь. Что с тобой такое, черт побери? Ты разве не понимаешь? В космосе случилась катастрофа, исчезли звезды!

Даффи покачала головой. Лицо ее перекосилось от испуга:

— Бен, я не понимаю, о чем ты говоришь. Я не понимаю, о чем ты говоришь.

Он отшвырнул девушку, развернулся и побежал в ванную. Заперся. Торопливо принял душ и оделся, пока Даффи колотила по двери и умоляла открыть. Наконец она оставила эти попытки, и спустя несколько секунд он услышал, как Даффи, понизив голос, говорит с кем-то в Кингстонском госпитале.

— Пускай для начала расскажет им про звезды, — пробормотал Рейх, борясь с ужасом и гневом. Закончив одеваться, он вернулся в спальню.

Даффи поспешно оборвала разговор и повернулась к нему.

— Бен, — начала она.

— Подожди меня здесь, — прорычал он. — Я пойду выясню, в чем дело.

— Что ты хочешь выяснить?

— Про звезды! — завопил он. — Из царства небесного исчезли звезды!

Он вихрем вылетел из квартиры и ссыпался на улицу. Остановясь на пустом тротуаре, помедлил и снова посмотрел вверх. Там была Луна. И еще там была красная светящаяся точка. Марс. И другая… Юпитер. А больше ничего. Чернота. Чернота. Чернота… Она висела у него над головой: загадочная, непроглядная, ужасающая. Она давила на него: почему-то представлялось, как она сейчас размажет, задушит, лишит жизни.

Он пустился бежать, не переставая поглядывать вверх. Повернув за угол, он врезался в какую-то женщину и сбил ее с ног. Помог подняться.

— Ублюдок, смотри, куда прешь! — завизжала та, оправляя одежду. Потом добавила масляным голоском: — Хочешь развеяться, пилот?

Рейх схватил ее за плечо и ткнул вверх:

— Посмотри. Звезды пропали. Ты не заметила? Звезды пропали.

— Что пропало?

— Звезды. Ты не видишь? Они пропали.

— Не понимаю, что ты такое городишь, пилот. Брось. Пошли перепихнемся?

Он вырвался из ее когтей и убежал. На полпути вниз по улице он заметил нишу с публичным видеофоном. Он вошел туда и набрал номер справочной службы. Экран осветился, голос робота

спросил:

— Вопрос?

— Что случилось со звездами? — спросил Рейх. — Когда это случилось? Это уже наверняка заметили. Каково объяснение?

Последовал щелчок, затем, после паузы, новый щелчок.

— Пожалуйста, повторите слово более разборчиво.

— Звезда! — заорал Рейх. — З-В-Е-З-Д-А. Звезда!

Щелчок, пауза, щелчок.

— Глагол или имя существительное?

— Существительное, ядри вашу мать!

Щелчок, пауза, щелчок.

— По вашему запросу информации не обнаружено, — возвестил металлический голос.

Рейх чертыхнулся, но овладел собой:

— Какая тут ближайшая к городу обсерватория?

— Пожалуйста, укажите город.

— Этот город. Нью-Йорк.

Щелчок, пауза, щелчок.

— Лунная обсерватория в Кротон-Парке расположена в тридцати милях к северу. Вы можете добраться туда рейсовым джампером, координата Север-227. Лунная обсерватория учреждена в

две тысячи…

Рейх в сердцах отключил видеофон.

— По этому запросу информации не обнаружено! Боже! Спятили они все, что ли?

Он заметался по улицам в поисках рейсового джампера. Мимо пролетала машина с водителем, и Рейх просигналил ему. Джампер спикировал подобрать его.

— Север-227, — бросил он, поднимаясь в кабину. — Тридцать миль. Лунная обсерватория.

— Дороговато выйдет, — сказал водитель.

— Я все оплачу. Пулей!

Машина ринулась вперед. Рейх сдерживался минут пять, потом осторожно заговорил:

— Заметили, что в небе?

— А что там, мистер?

— Звезды исчезли.

Водитель издал вежливый смешок.

— Это не шутка, — сказал Рейх. — Звезды исчезли.

— Если это не шутка, объясните, — сказал водитель. — Что такое звезды, черт побери?

На языке у Рейха завертелась колкая отповедь, но, прежде чем он успел ее выдать, шофер высадил его рядом с обсерваторией, у самого купола.

— Подождите меня, — бросил он и устремился

по лужайке к маленькому каменному порталу.

Главная дверь была приоткрыта. Он вошел в обсерваторию, где негромко поскрипывал поворотный механизм купола и тикали лабораторные часы. Если не считать слабого свечения циферблата, помещение было погружено во мрак. Работал двенадцатидюймовый рефракторный телескоп. Он видел за прибором наблюдателя — смутно очерченная фигура согнулась над окуляром.

Рейх, нервный и напряженный, направился к нему через зал, вздрагивая при собственных громких шагах. Воздух тянул холодком.

— Послушайте, — начал Рейх негромко. — Извините, что беспокою вас, но уж *вы-то* наверняка заметили. Звезды — ваш бизнес. Вы ведь заметили, правда? Звезды. Они исчезли. Они все исчезли. Что произошло? Почему никто не поднял тревоги? Почему все притворяются? Боже всемогущий, звезды! Мы все время принимали их как данность. А теперь их не стало. Что произошло? Куда подевались звезды?

Наблюдатель медленно выпрямился и повернулся к Рейху.

— Звезд не существует, — произнес он.

Это был Человек Без Лица.

Рейх закричал, развернулся и убежал. Он вылетел за дверь, ссыпался по ступенькам и побежал через лужайку к ожидавшему его джамперу. Он ударился о кристаллическое стекло кабины с такой силой, что отдача швырнула его на колени.

Шофер помог ему подняться.

— Все в порядке, Мак?

— Не знаю, — простонал Рейх. — Хотел бы я знать…

— Это, конеш, не мое дело, — сказал водитель, — но я так думаю, вам надо к щупачу. Вы как псих, чесслово.

— Говорю про звезды?

— Угу.

Рейх сграбастал его.

— Я Бен Рейх, — сказал он. — Я Бен Рейх из «Монарха».

— Ага, Мак. Я узнал вас.

— Отлично. Ты же понимаешь, как щедро я могу отблагодарить тебя за услугу? Деньги… новая работа… все, чего пожелаешь…

— Мак, вы ничем не сможете мне помочь. Меня уже в Кингстоне зашили.

— Еще лучше. Значит, ты честный человек. Ради Бога или всего, что тебе дорого, ты мне поможешь?

— Не вопрос, Мак.

— Войди в то здание. Посмотри на человека за телескопом. Посмотри на него внимательно. Потом возвращайся и опиши мне его.

Водитель отбыл, а через пять минут вернулся.

— Ну?

— Мак, он самый обычный парень. Шестьдесят годков с чем-то. Лысый. Морщины на физиономии глубокие, чо греха таить. У него торчат уши и, как говорится, безвольный подбородок, вот. Ну, вы знаете. Типа обвисает.

— Никто… вот он кто, — прошептал Рейх. — Никто.

— А?

— Про звезды, — сказал Рейх. — Ты никогда не слышал про звезды? Ты никогда не видел звезд? Ты не понимаешь, о чем я говорю?

— Не-а.

— О Господи… — простонал Рейх. — О Боже всемогущий.

— Мак, не сходите с орбиты. — Водитель что было сил хлопнул его по спине. — Я вам вот что скажу. Меня в Кингстоне много чему научили. И вот какую штуку сказали… Ну, короче, иногда шарики за ролики заходят. Новый заскок, да? Но вам кажется, будто вы с ним уродились. Как… ну…

не знаю, скажем, втемяшится вам, будто у людей всегда было по одному глазу, а потом внезапно стало по два.

Рейх уставился на него.

— Короче, бегаете как ошпаренный и вопите: Господи, откуда у всех разом по два глаза повылазило? А вам говорят: да ну, у всех всегда так и было по два глаза. А вы отвечаете: блин, да нет же, я четко помню, что по одному. И вы честно в это верите. Такие заскоки из башки тяжело выдрать. — Шофер снова похлопал его по спине. — Мак, сдается мне, у вас ровно такой же одноглазый заскок.

— Один глаз, — пробормотал Рейх. — Два, раз. Натяженье, предвкушенье, треволненье — просто класс!

— А?

— Не знаю. Не знаю. У меня выдался тяжелый месяц. Может… Может, ты прав. Но я…

— Хотите в Кингстон?

— Не-ет!

— Так и будете тут торчать и ныть про свои звезды?

Рейх внезапно заорал:

— Да срать я хотел на эти звезды!

Страх сменила жгучая ярость. Адреналин зато-

пил его нервную систему приливом решимости и отваги. Он прыгнул в кабину.

— Я завоевал мир. Да, у меня пара шариков за ролики заехала, ну и пусть!

— Вы дело говорите, Мак. Куда летим?

— В королевский дворец.

— Который из них?

Рейх рассмеялся.

— В «Монарх», — сказал он. Он продолжал хохотать всю дорогу в рассветных сумерках навстречу возносящейся к небесам башне «Монарха». Но в этом хохоте слышались истерические нотки.

Компания работала круглосуточно, и ночная смена главного офиса в момент появления Рейха сонливо дотягивала последние часы начавшейся в полночь восьмичасовой смены. Последний месяц он редко здесь появлялся, но славился привычкой к неожиданным визитам, и сотрудники быстро переключились в боевой режим. За Рейхом в кабинет потянулись секретарши и их помощницы, навьюченные документами по срочным делам.

— Все это может подождать, — бросил он. — Созвать общее совещание, немедленно. Всех глав департаментов и инспекторов организаций ко мне. Я сделаю важное заявление.

Воцарившаяся кругом суета подбодрила его и помогла сфокусировать мысли. Он снова почувствовал себя достаточно живым, достаточно реальным. Ведь это и была единственная реальность… суета, гомон, перезвон сигналов, приглушенные команды, быстро наполняющий помещение поток людей с настороженно-внимательными лицами. Все это — как знамение будущего, когда сигналы вызова зазвучат на планетах и спутниках, а инспектора планет начнут стягиваться к его рабочему столу с настороженно-внимательными лицами.

— Как всем вам, без сомнения, известно, — начал Рейх, медленно прохаживаясь по кабинету и пронизывая быстрым взглядом обращенные к нему лица, — мы, «Монарх», схватились не на жизнь, а на смерть с картелем д'Куртнэ. Крэй д'Куртнэ был убит некоторое время назад, и затруднения, порожденные этим происшествием, удалось уладить лишь сейчас. Вас, полагаю, порадует новость, что дорога перед нами теперь свободна. Мы готовы приступить к действиям по плану АА, то есть поглощению картеля д'Куртнэ.

Он сделал паузу, ожидая восторженных шепотков в аудитории. Никакой реакции не последовало.

— Возможно, — продолжал он, — не все из вас в полной мере осознают масштаб и значение предстоящей работы. Я сформулирую задание иначе… так, чтобы вы поняли наверняка. Инспектора городов станут инспекторами континентов. Континентальные — спутниковыми. Те, кто сейчас надзирает за спутниками, будут повышены до управляющих планетами. Отныне «Монарх» господствует в Солнечной системе. Отныне все мы должны мыслить системно. Отныне…

Рейх замолчал, озадаченно глядя в непонимающие лица кругом. Он начал озираться, пока не выцепил взглядом старшую секретаршу.

— В чем дело, черт побери? — рявкнул он. — Что, какие-нибудь новости ускользнули от моего внимания? Дурные вести?

— Н-нет, мистер Рейх.

— Тогда что же вас гложет? Мы все ведь именно этого и ждали. Что вам не нравится?

Старшая секретарша, запинаясь, начала объяснять:

— Мы… Я… Э-э… М-м… Простите, сэр, но я не п-понимаю, о ч-чем в-вы г-говорите.

— Я говорю о картеле д'Куртнэ.

— Я… Я никогда не слышала о такой организации, мистер Рейх, сэр. Я… Мы… — Старшая

секретарша заозиралась в поисках поддержки.

Рейх ошеломленно наблюдал, как все клерки дружно мотают головами.

— Д'Куртнэ на Марсе! — вскричал Рейх.

— Где, сэр?

— Марс! Марс! М-А-Р-С! Одна из десяти планет. Четвертая от Солнца. — Снова подступил ужас. Рейх завопил, захлебываясь словами: — Меркурий, Венера, Земля, Марс, Юпитер, Сатурн, Марс! Марс! Марс! Сто сорок один миллион миль от Солнца, Марс!

И снова присутствующие стали мотать головами. В кабинете поднялся шорох. Все как один, они едва заметно отстранились от Рейха. Он метнулся к секретаршам и вырвал у них стопки деловой корреспонденции.

— У вас же сотня заметок про картель д'Куртнэ на Марсе тут должна быть. Наверняка должна! О, господи, мы последние десять лет только тем и заняты, что с д'Куртнэ грыземся. Мы… — Он вцепился в бумаги и стал перебирать их, потом принялся расшвыривать во все стороны, пока в офисе не поднялась настоящая бумажная метель. Но ни одного упоминания д'Куртнэ или Марса не нашел. Отсутствовали также и любые сведения о Венере, Юпитере, Луне и внешних спутниках.

— У меня в столе заметки! — завизжал Рейх. — Их сотни! Ах вы мерзкие лжецы, вы только посмотрите, что у меня в столе…

Он ринулся к столу и дернул ящики на себя. Прозвучал оглушительный взрыв. Стол развалился на куски. Обломки и щепки древесины фруктовых деревьев посыпались на присутствующих, оцарапав их, а Рейха швырнуло к окну и приложило столешницей, точно хлопком великанской ладони.

— Человек Без Лица! — вскричал Рейх. — Боже всемогущий! — Яростно тряхнув головой, он вернулся к тому, что в одержимости своей полагал теперь важнейшим: — Где записи? Я вам покажу записи… Д'Куртнэ, Марс и все остальное. И ему покажу, да… Человеку Без Лица покажу… Пошли!

Он вылетел из кабинета и рванул в архивы. Он переворачивал стеллажи, расшвыривал бумаги, пьезокристаллы, древние записи на магнитной проволоке, микропленки, молекулярные накопители. Но ни одного упоминания д'Куртнэ или Марса не нашел. Отсутствовали также и любые сведения о Венере, Юпитере, Меркурии, астероидах и спутниках.

Кабинет меж тем и вправду наполнился шумом и гамом, перезвоном сигналов и приглушенными

командами. В кабинете дым стоял коромыслом. Трое плечистых парней из зоны отдыха рысью прибежали в архив, понукаемые окровавленной секретаршей.

— Вы обязаны! — блажила та. — Вы обязаны! Я беру на себя ответственность!

— Полегче, полегче, полегче, мистер Рейх, — приговаривали трое с шипящим присвистом: так успокаивают конюхи норовистого жеребца. — Полегче… полегче… полегче…

— Не приближайтесь ко мне, сукины дети.

— Полегче, сэр. Полегче. Все в порядке, сэр.

Они рассредоточились в стратегической формации и перешли в наступление. Шум и гам в кабинете нарастали, звякали сигналы, далекие голоса переговаривались:

— Кто его врач? Вызовите врача. Вызовите же Кингстон, кто-нибудь. В полицию позвонили? Нет, пожалуй, не стоит. Такой скандал поднимется… Свяжитесь с юристами, ну же! Больница уже открылась?

Рейх прерывисто дышал сквозь зубы. Опрокинув пару стеллажей на пути плечистых ребят, он пригнул голову и, как разъяренный бык, ринулся напролом. Ему удалось прорваться через кабинет в коридор и к шахте пневмолифта. Дверь раскры-

лась; он набрал *Наукоград, 57*. Вошел в шахту, и его подкинуло в наукоград. Вышел. Он находился на лабораторном ярусе. Тут господствовала тьма. Наверно, клерки решили, что он спустился на улицу; если так, время еще есть. Продолжая тяжело дышать, он рысцой пробежал в библиотеку, включил свет и шмыгнул в альков, к терминалу информационной системы. Над столиком имелась пластина матового кристалла, изогнутая на манер чертежной доски. Рядом — панель управления со сложным набором клавиш.

Рейх устроился поудобнее и нажал кнопку ГОТОВНОСТЬ. Пластина осветилась изнутри, и голос автомата из динамика над головой сказал:

— Тема?

Рейх нажал кнопку НАУКА.

— Раздел?

Рейх нажал кнопку АСТРОНОМИЯ.

— Вопрос?

— Вселенная.

Щелчок, пауза, щелчок.

— Термин *Вселенная* в общефизическом смысле относится ко всей существующей материи.

— Что подразумевается под всей существующей материей?

Щелчок, пауза, щелчок.

— Скопления материи различной величины, размерами от самого маленького атома до крупнейших скоплений материи, известных астрономам.

— Каково крупнейшее скопление материи, известное астрономам? — Рейх нажал кнопку ДИАГРАММА.

Щелчок, пауза, щелчок.

— Солнце.

На кристаллической пластине возникло ослепительное изображение Солнца в ускоренной съемке.

— А как насчет других? Например, звезд?

Щелчок, пауза, щелчок.

— Звезд не существует.

— Планет?

Щелчок, пауза, щелчок.

— Существует Земля.

Появилось изображение вращающегося земного шара.

— А другие планеты? Марс? Юпитер? Сатурн?

Щелчок, пауза, щелчок.

— Других планет не существует.

— А Луна?

Щелчок, пауза, щелчок.

— Луны не существует.

Рейх испустил долгий дрожащий вздох.

— Попробуем снова. Вернемся к Солнцу.

На кристаллическом экране снова возникло Солнце.

— Солнце — крупнейшее скопление материи, известное астрономам, — начал механический голос. Внезапно он умолк. Щелчок, пауза, щелчок. Изображение Солнца стало меркнуть. Голос заговорил опять: — Солнца не существует.

Модель исчезла, но остаточное изображение продолжало взирать на Рейха с экрана… мрачное, безмолвное, ужасное… Человек Без Лица.

Рейх завыл. Он вскочил, опрокинув стул, потом нагнулся, поднял его и обрушил на жуткое изображение. Развернувшись, он побрел из библиотеки в лабораторию, а оттуда в коридор. У вертикальной пневмошахты набрал *Улица*. Дверь отворилась, он вывалился в шахту и улетел на пятьдесят семь этажей ниже, в главный зал наукограда «Монарха».

Там сотрудники торопились по своим рабочим местам. Расталкивая толпу, Рейх ловил на себе обескураженные взгляды: его лицо было изрезано и кровоточило. Потом он засек дюжину охранников «Монарха» в униформе, которые брали его в кольцо, и пустился бежать. В отчаянии, прибавив

скорости, он таки опередил их, просочился через «вертушку» на выходе и оказался на улице. И тут же замер, словно врезался в стену из раскаленного добела железа. Солнца не было.

Горели уличные фонари; поблескивали огоньками скайвеи; глазки джамперов сновали вверх-вниз; сверкали витрины магазинов… а над головой не было ничего. Ничего, кроме глубокой, черной, бездонной бесконечности.

— Солнце! — завизжал Рейх. — Солнце!

Он стал тыкать пальцем вверх. Офисный люд с подозрением сторонился его и поспешал по своим делам. Никто не поднимал головы.

— Солнце! Где Солнце? Придурки, вы что, не понимаете? Исчезло Солнце!

Рейх принялся хватать их за руки и, потрясая кулаками, указывать на небо. Потом через «вертушку» протиснулся первый охранник, и Рейх кинулся наутек.

Он пробежал по тротуару до поворота, резко свернул направо и одним махом пронесся через ярко освещенный, полный людей пассаж. За галереей был вход в вертикальную пневмошахту, ведущую на скайвей. Рейх прыгнул туда. Когда дверь смыкалась за ним, он краем глаза уловил преследователей меньше чем в двадцати ярдах.

Потом его подбросило на семьдесят этажей, и вынырнул он уже на скайвее.

Рядом, на платформе, отходившей от фасада башни «Монарха», разместился небольшой пункт проката мобилей, соединенный дорожкой со скайвеем. Рейх влетел туда, сунул кредитки дежурному и прыгнул в кабину. Нажал кнопку старта. Машинка пришла в движение. У подножия дорожки нажал кнопку поворота налево. Машинка повернула налево и продолжила движение. Никакого иного контроля над ней он не имел: влево-вправо, старт-стоп. Остальным занималась автоматика. Более того, машинки были строго привязаны к скайвеям в своих перемещениях, так что ему оставалось только наматывать круги над городом час за часом, изображая белку в колесе.

Мобильчик не требовал внимания. Рейх ехал и по очереди поглядывал то назад, за плечо, то вверх, в небо. Солнца не было. А люди спешили по своим делам, словно Солнца никогда и не существовало. Он содрогнулся. Неужели это очередной глюк, как с теми одноглазниками? Тут машинка дернулась и застыла; он застрял на середине скайвея, на полдороге между башней «Монарха» и исполинским зданием «Визифон &

Визиграф».

Рейх забарабанил по рычагам управления. Ничего не произошло. Он выскочил из машинки и поднял крышку заднего капота, чтобы проверить, не испортилось ли реле. Потом заметил далеко вниз по скайвею бегущих к нему охранников и сообразил, в чем дело. Мобильчики питались беспроводным электричеством. Добравшись до прокатного пункта, преследователи отключили передатчик и кинулись догонять его. Рейх бросил машинку и устремился к зданию «Ви & Ви».

Скайвейная трасса была проложена прямо сквозь небоскреб и окаймлена магазинами, ресторанами, театрами — и да, здесь имелось туристическое агентство! Верный выход. Купить билет, прыгнуть в одноместную капсулу и дождаться, пока его переместят на любую из доступных ВПП. Ему ведь всего-то и нужно, что немного времени… перестроиться… взглянуть на все новыми глазами… а в Париже у него есть дом. Он пересек островок безопасности посередине трассы и, уворачиваясь от пролетающих машин, вбежал в офис турагентства.

Помещение напоминало банк в миниатюре. Короткая стойка. Зарешеченное окно, прикрытое от грабителей прочным пластиком. Рейх пошел

к окну, роясь в карманах за деньгами. Припечатал ладонью кредитки к стойке и толкнул под решетку окошка.

— Билет до Парижа, — сказал он. — Сдачу оставьте себе. Где проход к капсулам? Живей, человече! Живей!

— Париж? — ответили ему. — Парижа не существует.

Рейх посмотрел на кассира через дымчатый пластик и увидел… мрачного, безмолвного, грозного… Человека Без Лица. Он дважды крутанулся на месте, чувствуя, как колотится сердце в груди и бухает кровь в голове, обнаружил дверь и вылетел наружу. Он слепо метнулся через скайвей, сделал слабую паническую попытку увернуться от налетающей машины и низринулся во тьму, которая, надвинувшись, окутала его со всех сторон…

УНИЧТОЖИТЬ.
РАЗРУШИТЬ.
УДАЛИТЬ.
РАСЧЛЕНИТЬ.
(МИНЕРАЛОГИЮ, ПЕТРОЛОГИЮ, ГЕОЛОГИЮ, ФИЗИЧЕСКУЮ ГЕОГРАФИЮ)
РАЗМЕТАТЬ.

(МЕТЕОРОЛОГИЮ, ГИДРОЛОГИЮ, СЕЙСМОЛОГИЮ)
СТЕРЕТЬ.
(*x2 ⌀ Y3d*! Пространство/*d*! Время)
ИСКОРЕНИТЬ.
ТЕМОЙ СТАНЕТ…
— …станет что?
ТЕМОЙ СТАНЕТ…

— …станет что? Что? ЧТО?

Ему прикрыли ладонью рот. Рейх открыл глаза. Он находился в тесной комнатке с кафельными стенами, очевидно, в медпункте при полицейском участке. Он лежал на белом столике. Вокруг собрались охранники, трое полицейских в форме и еще какие-то незнакомцы. Все что-то старательно царапали в блокнотах, шептались, озабоченно суетились.

Незнакомец отнял руку от губ Рейха и склонился над ним.

— Все в порядке, — успокаивающе произнес он. — Полегче. Я доктор…

— Вы щупач?

— Кто?

— Вы щупач? Мне нужен щупач. Мне нужно, чтобы кто-нибудь мне в голову залез и подтвер-

дил, что я прав. О, господи! Мне нужно понять, прав ли я. Цена не вопрос. Я…

— Чего ему надо? — спросил полицейский.

— Не знаю. Щупача просит. — Доктор отвернулся от Рейха. — Что вы имеете в виду? Просто объясните нам. Кто такой щупач?

— Эспер! Чтец мыслей. Это…

Доктор улыбнулся:

— Он шутит. Бодрячком держится. Многие пациенты так поступают. Притворяются хладнокровными после несчастных случаев. Юмор как у висельника, так мы это называем.

— Послушайте, — в отчаянии проговорил Рейх, — поднимите меня, я вам должен кое-что сказать…

Ему помогли подняться.

Он сказал, обращаясь к полицейским:

— Меня зовут Бен Рейх. Бен Рейх из «Монарха». Вы меня знаете. Я хочу признаться. Я хочу признаться конкретному человеку: Линкольну Пауэллу, префекту полиции. Отвезите меня к Пауэллу.

— Кто такой Пауэлл?

— И в чем вы хотите признаться?

— В убийстве д'Куртнэ. В прошлом месяце я совершил убийство Крэя д'Куртнэ. Это произошло

на вечеринке, в доме Марии Бомон… Скажите Пауэллу, что я убил д'Куртнэ.

Полицейские озадаченно переглянулись. Один из них неспешно поплелся в угол и снял трубку старомодного телефона:

— Капитан? У меня тут тип… Назвался Беном Рейхом из «Монарха». Хочет сделать признание какому-то префекту по фамилии Пауэлл. Заявляет, что сорвал вечеринку какого-то Крэя д'Куртнэ в прошлом месяце. — После паузы полицейский обратился к Рейху: — Как это пишется?

— Д'Куртнэ! С буквы Д, потом апостроф, потом с большой буквы К, У-Р-Т-Н-Э.

Полицейский продиктовал фамилию по буквам и стал ждать. Еще одна пауза. Он хмыкнул и повесил трубку.

— Псих какой-то, — заключил он и сунул блокнот в карман.

— Послушайте меня… — начал Рейх.

— С ним все в порядке? — спросил полицейский у врача, не глядя на Рейха.

— Небольшое сотрясение, а так все в порядке.

— Послушайте! — взмолился Рейх.

Полицейский беззлобно поднял его за шиворот и наподдал пинка в сторону двери участка.

— Так, парень, хватит шуточек. Выметайся,

живо!

— Вы должны меня выслушать. Я…

— Нет, это ты меня послушай, парниша. В полиции нет никакого Линкольна Пауэлла. Нет никаких записей об убийстве д'Куртнэ. И не вешай нам лапшу на уши, ладно? Выметайся, живо!

С этими словами он вышвырнул Рейха на улицу.

Тротуар был весь какой-то странный, покореженный. Рейх споткнулся, но удержался на ногах и остался стоять в растерянности. Слова не шли на язык. Стало темнее… на целую вечность темнее. Горели считаные фонари. Скайвеи поглотила тьма. Джамперы исчезли. Горизонт зиял дырами.

— Мне плохо, — простонал Рейх. — Мне плохо. Мне нужна помощь…

Он поплелся по искореженным улицам, прижимая к животу руки.

— Джампер? — закричал он. — Джампер? Есть в этом Богом проклятом городе хоть кто-нибудь? Где все? Джампер!

Ничего.

— Мне плохо… плохо. Мне нужно домой. Я болен… — Он снова перешел на крик. — Есть тут

кто-нибудь? Вы меня слышите? Мне плохо. Мне нужна помощь… На помощь!.. Помощь!

Ничего.

Он опять застонал, потом принялся хихикать — тонким, отчаянным смешком, потом запищал:

— Восемь, сэр… Пять, сэр… Раз, сэр… Тень, сэр, сказал Тензор… Натяженье… ‘вкушенье… ‘волненье — просто класс…

Жалобно позвал:

— Где все? Мария! Свет зажги! Мария-а-а-а! Кончай эту идиотскую игру в «Сардинки»!

Он споткнулся.

— Выходите, — позвал Рейх. — Бога ради, выходите, хватит прятаться! Я один.

Ответа не последовало.

Он принялся искать Парк-Саут, 9, дом Бомон, место смерти д’Куртнэ… выглядывать Марию Бомон, визгливую декадентку, чье появление бы сейчас несказанно обрадовало.

Ничего.

Черная тундра. Черное небо. Непривычная пустошь.

Ничего.

Рейх издал крик… резкий, нечленораздельный вопль ярости и ужаса.

Ответа не было. Даже эха не было.

— Ради бога! — разрыдался он. — Где всё? Верните назад! Ничего тут нет, кроме пространства…

На бескрайней пустоши возникла фигура, стала надвигаться, зловещая, знакомая, гигантская… Фигура, сотканная из черных теней, наблюдала, безмолвствовала, угрожала. Человек Без Лица. Рейх мог только смотреть на него, парализованный, прикованный к месту.

И фигура нарушила молчание:

— Пространства не существует. Ничего нет.

В ушах Рейха прозвучал крик, и крик этот был его голосом, а затем удар молота, бывший стуком его пульса. Он мчался по извилистой незнакомой тропинке, безжизненной, беспространственной, бежал, надеясь успеть, пока еще не поздно, не поздно, не поздно… пока еще есть время, время, время…

Он врезался в фигуру, сотканную из черных теней. Фигура была безлика. Фигура сказала:

— Времени не существует. Ничего нет.

Рейх попятился. Он развернулся. Упал. Пополз, слабо дрыгая конечностями, через вечную пустоту. Он кричал:

— Пауэлл! Даффи! Киззард! Тэйт! Господи Иисусе! Где все? Где всё? Бога ради…

И он оказался лицом к лицу с Человеком Без

Лица, который сказал:

— Бога не существует. Ничего нет.

Путей для бегства не осталось. Лишь отрицательная бесконечность, Рейх и Человек Без Лица. Зафиксированный, вмороженный в эту матрицу и беспомощный, Рейх наконец поднял глаза и посмотрел прямо в лицо своего смертельного врага… существа, от которого бессилен был убежать… посмотрел на ужас кошмаров своих… на разрушителя самого бытия своего…

Это был…

Он сам.

Д'Куртнэ.

Оба.

Два лица сливались воедино. Бен д'Куртнэ. Крэй Рейх. Д'Куртнэ-Рейх. Д'Р.

Он не способен был издать ни звука. Он не способен был пошевелить ни членом. Не осталось ни времени, ни пространства, ни материи. Не осталось ничего, кроме умирающей мысли.

Отец?

Сын.

Ты — это я?

Мы суть мы.

Отец и сын?

Да.

Не понимаю… Что произошло?

Ты проиграл игру, Бен.

Игру в «Сардинки»?

Космическую игру.

Я же выиграл. Я захапал весь мир. Я…

И, следовательно, потерял. Мы потеряли.

Что мы потеряли?

Шанс остаться в живых.

Я не понимаю. Я не могу понять.

Моя часть нас обоих понимает, Бен. Ты тоже бы понял, не изгони ты меня.

Чем же я тебя изгнал?

Всем, что было в тебе злого, гнилого, порочного, искаженного.

И ты смеешь так говорить? Ты… предатель, покушавшийся на меня?

Бен, это не со зла. Нужно было тебя уничтожить, прежде чем ты уничтожил бы нас обоих. Это ради выживания. Нужно было помочь тебе потерять мир и победить в игре, Бен.

Какой такой игре? Что это за космическая игра?

Головоломка… лабиринт… вся Вселенная была загадкой, которую нам полагалось разгадать. Галактики, звезды, Солнце, планеты… мир, каким мы его знали. Мы и были одной-единственной под-

линной реальностью. Все остальное — потешный театр… куклы, марионетки, декорации… притворные страсти. Это была имитация, которую нам полагалось разгадать.

Я завоевал ее. Я заполучил ее.

И ты не сумел ее разгадать. Мы уже не узнаем, какова разгадка, но это точно не воровство, не ужас или ненависть, не убийство или изнасилование. Ты потерпел неудачу, и теперь все это будет уничтожено и расчленено…

А с нами что станет?

Мы тоже будем уничтожены. Я пытался тебя предостеречь. Я пытался тебя остановить. Но мы провалили испытание.

Но почему? Почему? Кто мы суть? Что мы суть?

Кто знает. Почем знать семени, кем или чем оно является, если оно не сумело найти плодородную почву и прорасти? Разве так важно, кто мы суть, что мы суть? Мы провалились. Наше испытание завершено. С нами покончено.

Нет!

Вероятно, Бен, если бы мы разгадали головоломку, она бы осталась реальной. Теперь-то уж всё. Реальность стала нереализованной возможностью, а ты наконец пробудился… и не нашел

ничего.

Мы вернемся! Мы попытаемся опять!

Возврата нет. Все кончено.

Мы найдем путь. Должен остаться путь…

Пути не существует. Все кончено.

И действительно, все было кончено.

Теперь… Разрушение.

17

Их двоих обнаружили следующим утром, близ оконечности острова, в садах, выходящих на старый Гарлемский канал. Оба блуждали всю ночь, по тротуарам и скайвеям, не сознавая происходящего вокруг, но их неотвратимо влекло друг к другу, словно две намагниченных иглы на поверхности затянутого ряской пруда.

Пауэлл восседал, скрестив ноги, на влажном дерне, лицо его осунулось и выглядело безжизненным, дыхание почти не прослушивалось, пульс был редкий. Он железной хваткой сжимал Рейха. Рейх же свернулся в позе эмбриона.

Пауэлла поспешно перевезли в его дом на Гудзон-Рэмп, где им занялись специалисты Гильдии. Трудясь над пациентом, они не переставали поздравлять друг друга с первым в истории Эспер-Гильдии успешным завершением Чрезвычайного Массового Катексиса. С Рейхом спешить нужды не возникло. Соблюдая протокольные формальности, его безжизненное тело транспортировали в Кингстонский госпиталь и стали готовить к Разрушению. После этого семь дней не происходило никаких перемен.

На восьмой день Пауэлл пришел в себя, принял ванну, переоделся, успешно выдержал сражение с медсестрами, присматривавшими за ним, и покинул дом. Он задержался ненадолго у «Сюкре и Си», откуда вышел с объемистым загадочным пакетом, и направился в полицейское управление, чтобы лично отчитаться комиссару Краббе. Поднимаясь по лестнице, он заглянул в кабинет Бека.

Приветик, Джакс.

Приветству (и проклина) ю тебя, Линк.

Проклинаешь? За что?

Я поставил пятьдесят кредитов, что тебя продержат в постели до следующей среды.

Ты проспорил. Моз поддержал мотив по делу д'Куртнэ?

Поддержал руками и ногами. Суд продлился всего час. Рейх сейчас подвергается Разрушению.

Хорошо. Тогда я лучше поднимусь наверх и объясню Краббе все по пунктам.

А что это у тебя под мышкой?

Подарок.

Это мне?

Не сегодня. Но я о тебе помню.

Пауэлл поднялся в кабинет Краббе, отделанный черным деревом и серебром, постучал, услышал

величественное:

— Входите!

Он вошел. Краббе держался с ним вежливо, но напряженно. Дело д'Куртнэ никак не способствовало улучшению их с Пауэллом мнения друг о друге, а финальный эпизод лишь подчеркнул это.

— Дело выдалось на диво сложным, сэр, — начал Пауэлл издалека. — Никто в нем как следует разобраться не сумел, и винить за это некого. Понимаете ли, комиссар, даже сам Рейх не понимал истинных причин убийства д'Куртнэ. И только прокурорский компьютер уловил суть дела, а мы-то решили, что он дурачится.

— Как, эта машина? Поняла, в чем дело?

— Да, сэр. Когда мы в первый раз прогоняли через нее окончательный набор данных, компьютер пожаловался, что эмоциональный мотив преступления недостаточно документирован. Мы же предполагали, что мотив корыстный. И сам Рейх тоже. Естественно, мы решили, что компьютер выделывается, как это с ним бывает, и настояли, чтобы тот провел расчет, исходя из корыстного мотива. Мы ошибались…

— А та долбаная машина, значит, была права?

— Да, комиссар. Именно так. Рейх сам себя

убедил, что убивает д'Куртнэ по корыстным соображениям. Психологический камуфляж истинного эмоционального мотива. Конечно, он не выдержал столкновения с действительностью. Он предложил слияние компаний. Д'Куртнэ ответил согласием. А Рейх подсознательно заставил себя неверно истолковать сообщение. Вынужден был. Он вынужден был поверить, будто убивает ради денег.

— Почему?

— Потому что не мог набраться смелости, чтобы признать реальный мотив.

— И какой же?

— Д'Куртнэ был его отцом.

— Что?! — вытаращился на него Краббе. — Своего отца? Свою плоть и кровь?

— Да, сэр. Все улики были на виду, но мы не могли правильно истолковать их… потому что сам Рейх не мог. Взять хотя бы то поместье на Каллисто, которым Рейх воспользовался, желая выманить с планеты доктора Джордана. Рейх унаследовал его от матери, которая получила имение от д'Куртнэ. Мы полагали, что отец Рейха каким-то образом отобрал его у д'Куртнэ и записал на жену. Мы ошибались. Д'Куртнэ подарил его матери Рейха, потому что они были тогда

любовниками. Подарок матери его ребенка. Рейх и родился там. Джаксон Бек все это выяснил без труда, как только мы поняли, куда нужно смотреть.

Краббе разинул рот, потом закрыл его.

— И другие улики, их было полно. Например, стремление д'Куртнэ к самоубийству, проистекающее из ощущения вины за то, что он бросил своего ребенка. Он *действительно* его бросил — своего сына. Это чувство раздирало его изнутри. А взять ментальный образ Барбары д'Куртнэ, переплетенной в позе сиамских близнецов с Беном Рейхом; она каким-то образом догадывалась, что они с Рейхом брат и сестра. Рейх не сумел себя принудить к убийству Барбары в доме Чуки Фруд. Он тоже это чувствовал, догадывался в глубине души. Он желал уничтожить ненавистную ему фигуру, отца, который его отверг; но заставить себя причинить вред сестре не смог.

— И когда ж вы все это раскопали?

— После закрытия дела, сэр. Когда Рейх атаковал меня, обвинив в том, что я подбрасываю ему мины-ловушки.

— Он утверждал, что это делаете вы. Он… Но если это не ваша работа, Пауэлл, то чья?

— Самого Рейха, сэр.

— Рейха?!

— Да, сэр. Он убил своего отца. Он дал выход своей ненависти. Но его суперэго… его совесть… не позволила столь ужасному злодеянию остаться безнаказанным. Поскольку было похоже, что полиция покарать его не сумеет, совесть взялась за дело. В этом и заключался смысл ночных кошмаров Рейха… с Человеком Без Лица.

— С Человеком Без Лица?

— Да, комиссар. Это символ подлинных взаимоотношений Рейха и д'Куртнэ. У фигуры не было лица, поскольку Рейх не позволял себе признать истину… признать в д'Куртнэ своего отца. Фигура появилась в его снах, когда он принял принципиальное решение убить отца. И не покидала. Сначала она символизировала страх наказания за преступление, задуманное им. Потом сама стала этим наказанием.

— Мины-ловушки?

— Именно. Его совесть должна была покарать его. Но Рейх ни за что не признался бы себе, что убил д'Куртнэ из ненависти к отцу, покинувшему и отвергнувшему сына. Поэтому кара состоялась на подсознательном уровне. Рейх сам расставлял эти ловушки на себя, не ведая, что творит… во сне, как лунатик… днем, впадая в недолгие состояния

фуги… ненадолго отключаясь от осознаваемой действительности. Психический механизм способен на потрясающие трюки.

— Но если сам Рейх не понимал этого… как вы это раскопали, Пауэлл?

— В том-то и заключалась трудность, сэр. Мы не могли этого уловить, прощупывая его. Он был враждебно настроен, а подобные расследования требуют полного содействия субъекта, да и занимают в лучшем случае несколько месяцев. К тому же, сумей Рейх оправиться от серии полученных им ударов, он мог бы перестроиться, сориентироваться, взглянуть на все новыми глазами и стать нечувствителен к нашему воздействию. Это также представляло угрозу, поскольку он находился в позиции, откуда мог бы дестабилизировать всю Солнечную систему. Он из тех редких ниспровергателей основ, каким под силу собственными навязчивыми идеями перевернуть общество и необратимо приковать его к определенным психотическим комплексам.

Краббе кивнул.

— Он почти преуспел. Такие люди рождаются время от времени… связующие звенья между прошлым и будущим. Если им позволяют созреть, а звену — закалиться… мир оказывается в канда-

лах ужасного будущего.

— Так что же вы совершили?

— Мы прибегли к Чрезвычайному Массовому Катексису, сэр. Это сложно объяснить, но я попытаюсь, как смогу. У каждого человека психика состоит из двух уровней: уровня латентной энергии и уровня капитализируемой энергии. Латентная — это резерв… естественный неприкосновенный запас разума. Капитализируемая — это та часть латентной энергии, которую можно активировать и поставить себе на службу. Большинство используют лишь малую долю своей латентной энергии.

— Понимаю.

— Когда Эспер-Гильдия прибегает к Чрезвычайному Массовому Катексису, каждый эспер, образно выражаясь, раскрывает свою душу и переливает латентную энергию в общий котел. А один-единственный эспер берет на себя роль оператора, проводника латентной энергии. Он капитализирует ее и приступает к работе. Он способен достичь поразительных результатов… если ему под силу контролировать ее. Это сложная и опасная процедура. Все равно что полететь на Луну, засунув себе динамитные шашки в… э-э, верхом на динамитных шашках…

Краббе вдруг хихикнул.

— Жаль, что я не щупач, — сказал он. — Я бы сейчас с удовольствием приобщился к истинному образу из вашего сознания.

— Вы уже приобщились, сэр, — улыбнулся Пауэлл в ответ. Между ними впервые установилась своеобразная симпатия.

— Было необходимо, — продолжил Пауэлл, — столкнуть Рейха с Человеком Без Лица. Мы должны были заставить его увидеть истину прежде, чем сами бы до нее добрались. Используя резервуар латентной энергии, я соорудил для Рейха распространенную невротическую концепцию… Я убедил его, что он один в мире реален, а все остальное — иллюзия.

— Но я не… А это настолько распространено?

— Да, сэр. Это один из наиболее обычных защитных механизмов психики. Когда жизнь невмоготу, люди часто стараются найти утешение в идее, что это все не настоящее… все понарошку. Гигантский розыгрыш. Рейх уже носил в себе зародыш этой слабости. Я всего лишь простимулировал его, и Рейх сам нанес себе поражение. Жизнь ему становилась невмоготу. Я заставил его поверить, будто Вселенная — просто афера… пазл, головоломка. И разъял ее, отлущивая слой

за слоем. Принудил поверить, будто испытание завершается. Разломал пазл на фрагменты. И оставил Рейха наедине с Человеком Без Лица. Он посмотрел тому в лицо и увидел в нем себя и своего отца… и так мы выяснили всё.

Пауэлл подобрал принесенный с собой пакет и собрался уходить. Краббе выскочил из-за стола и, дружески придерживая за плечо, проводил к двери.

— Вы проделали феноменальную работу, Пауэлл. Поистине феноменальную. Я не могу передать… Как это, наверное, замечательно — быть эспером.

— Замечательно и ужасно, сэр.

— Вы наверняка очень счастливы.

— Счастлив ли я? — Пауэлл остановился у двери и посмотрел на Краббе. — А были бы вы, комиссар, счастливы прожить всю жизнь в дурдоме?

— В дурдоме?

— Мы там живем… Мы все. В психушке. И нет из нее выхода… некуда бежать. Скажите спасибо, что вы не щупач, сэр. Скажите спасибо, что вам доступна лишь наружность людская. Скажите спасибо, что не видите страстей, ненависти, ревности, злых помыслов, психических недугов… Скажите спасибо, что вам редко доводится наблю-

дать ужасающую внутреннюю природу человека. Мир был бы чудесным местечком, имейся у всех способности эсперов, чтобы изменить себя сообразно этим талантам… А пока это не так, советую благодарить собственную слепоту.

Он покинул полицейское управление, взял напрокат джампер и полетел на север, в сторону Кингстонского госпиталя. Он сидел в кабине с пакетом на коленях, насвистывал невпопад мотивчик и смотрел на прекрасную долину Гудзона под собой. Один раз он усмехнулся и пробормотал вслух:

— Надо же! В кои-то веки я разоткровенничался с Краббе. Но я обязан был укрепить наши отношения. Теперь он станет сочувствовать щупачам… и будет настроен дружелюбней.

Появился Кингстонский госпиталь… акр за акром величественной панорамы. Солярии, бассейны, лужайки, спортивные площадки, общежития, клиники… все постройки выполнены в изысканном неоклассическом стиле. Когда джампер начал снижаться, Пауэлл увидел фигуры пациентов и санитаров… все загорелые, оживленные, смеются и играют. Он задумался о решительных мерах, которые Совет Губернаторов был вынужден принять, чтобы Кингстонский

госпиталь не превратили во второй Космолэнд. Слишком много мнимых больных развелось среди сливок общества.

Пауэлл отметился в пункте приема посетителей, нашел Барбару д'Куртнэ и устремился к ней. Он чувствовал слабость, но ему хотелось прыгать и носиться, перескакивать заборы и соревноваться в беге. Он проснулся после семидневного беспамятства, и первое, о чем ему захотелось спросить, был вопрос, предназначенный Барбаре. Он испытывал колоссальное возбуждение.

Они увидели друг друга одновременно. Их разделяла широкая лужайка, окаймленная каменными террасами и великолепными клумбами. Она побежала ему навстречу, замахала рукой. Он тоже побежал к ней. Но стоило им сблизиться, как обоих охватило смущение. Они замерли в нескольких футах друг от друга, не осмеливаясь переглянуться.

— Привет.

— Привет, Барбара.

— Я… Может, пройдем в тенечек, а?

Они повернули к террасной стене. Пауэлл глянул на девушку искоса. Она снова стала собой… но такой он еще никогда ее не видел. Аспект озорницы, который Пауэлл считал временным

проявлением терапии по способу Dйja Iprouvй, сохранялся. Она выглядела пленительно-озорной, жизнерадостной, чарующей. И в то же время взрослой. Такой он ее не знал.

— Меня выписывают сегодня вечером, — сказала Барбара.

— Знаю.

— Я страшно благодарна за все, что вы…

— Пожалуйста, не надо.

— За все, что вы для меня сделали, — упрямо продолжала Барбара. Они опустились на каменную скамью. Барбара посмотрела на него очень серьезным взглядом. — Я хочу вам сказать, что я *очень* благодарна.

— Ну пожалуйста, Барбара. Ты меня пугаешь.

— Правда?

— Я близко знал тебя, э-э… девочкой. А теперь…

— Теперь я выросла обратно.

— Да.

— Вам нужно узнать меня получше. — Она обольстительно улыбнулась. — Ну что ж… Встретимся завтра за чаем в пять?

— В пять?..

— В неформальной обстановке. Официального костюма не требуется.

— Послушай, — сказал Пауэлл безнадежно. — Я тебе не раз помогал костюмчик надевать. И причесывал, и зубы чистил.

Барбара пренебрежительно отмахнулась.

— Твои манеры за столом были ужасны. Ты любила рыбу, но терпеть не могла ягнятину. Ты меня в глаз вилкой ткнула.

— Это было целую вечность назад, мистер Пауэлл.

— Это было две недели назад, мисс д'Куртнэ.

Она величественно поднялась.

— Право же, мистер Пауэлл, мне кажется, лучше прекратить беседу. Если вы столь склонны к хронографическим инсинуациям… — Она замолчала и взглянула на него. На лице Барбары снова возникло озорное выражение.

— Хронографическим, правильно? — подначила она.

Он уронил пакет и заключил ее в объятия.

— Мистер Пауэлл, мистер Пауэлл, мистер Пауэлл… — шептала она. — Привет, мистер Пауэлл.

— Боже мой, Барбара… Барби, дорогая… На минутку мне показалось, что ты говоришь серьезно.

— Я же должна была с тобой поквитаться.

— Ты никогда не упускала такой возможности.

— А ты всегда был придирчивым папочкой. — Она откинулась назад и посмотрела на него. — Но кто ты в действительности такой? Кто мы оба в действительности такие? Хватит ли нам времени это выяснить?

— Времени?

— Прежде чем… Прощупай меня. У меня нет слов.

— Нет, дорогая. Ты обязана это высказать.

— Мэри Нойес мне рассказала. Всё.

— Да?

Барбара кивнула.

— Но мне начхать. Начхать. Она была права. Я на все согласна. Пускай ты и не сможешь на мне жениться…

Он расхохотался. Внутри все забурлило от радостного возбуждения.

— Тебе не придется себя ограничивать, — пообещал он. — Садись. Я хочу задать тебе один вопрос.

Она села. Села ему на колени.

— Вернемся к событиям той ночи, — начал он.

— В Бомон-Хаусе?

Он кивнул.

— Нелегко об этом говорить.

— Это и минуты не отнимет. Представь… Ты

лежишь в постели. Спишь. Внезапно просыпаешься и бежишь в орхидейный номер. Остальное ты помнишь.

— Помню.

— Вопрос такой. Что за крик тебя разбудил?

— Ты знаешь.

— Я знаю, но хочу, чтобы ты мне ответила. Проговори это вслух.

— Тебе не кажется, что ты… снова введешь меня в истерическое состояние?

— Нет. Просто скажи это вслух.

После долгого молчания она приглушенным голосом ответила:

— На помощь, Барбара.

Он снова кивнул:

— Кто это кричал?

— Ну ты же… — Она осеклась.

— Это не мог быть Бен Рейх. Он бы не стал звать на помощь. Он не нуждался в чужом присутствии. Кто же это был?

— Мой… Мой отец.

— Но, Барбара, он же не мог говорить. У него горло было… поражено раком. Он и слова вымолвить не мог.

— Я его слышала.

— Ты его прощупала.

Она уставилась на него, потом покачала головой.

— Я не…

— Ты его прощупала, — повторил Пауэлл ласково. — Ты латентный эспер. Твой отец издал телепатический вопль. Не будь я таким идиотом, зацикленным на Рейхе, я бы давно это понял. Ты бессознательно прощупывала нас с Мэри все время, пока жила в моем доме.

Она не понимала.

Ты меня любишь? — выпалил мысленно Пауэлл.

— Конечно, я тебя люблю, — пробормотала она, — но мне кажется, ты выдаешь желаемое за…

— Кто это спросил?

— О чем спросил?

— О том, любишь ли ты меня.

— Ну ты же… — Она осеклась, потом заговорила снова: — Ты сказал… Т-ты…

— Я не говорил. Теперь-то понимаешь? Вот почему нам не нужно ни в чем себя ограничивать.

Когда прошло, по ощущениям, несколько секунд, а на деле — полчаса, их встревожил и заставил оторваться друг от друга гулкий удар на террасе над головами. Они озадаченно посмот-

рели вверх.

На каменной стене возникло нагое создание. Оно дергалось, кричало и визжало. Оно перевалилось через край и обрушилось на цветники, после чего осталось лежать на газоне, вопя и суча конечностями, словно через его нервную систему пропускали ток высокого напряжения. Это был Бен Рейх, неузнаваемый, полуРазрушенный.

Пауэлл быстро развернул Барбару к себе, не позволяя ей взглянуть на Рейха. Заключив ее подбородок в свои ладони, он проговорил:

— Ты все еще моя послушная девочка?

Она кивнула.

— Не хочу, чтобы ты это видела. Опасности нет, но тебе лучше на такое не смотреть. Ты согласна сейчас убежать к себе в беседку и подождать меня там? Ты послушная девочка, правда? Отлично. Беги!

Она схватила его за руку, быстро приложила к губам и не оглядываясь устремилась прочь через лужайку. Пауэлл проследил, как она убегает, потом развернулся и изучил представшего перед ним Рейха.

Когда в Кингстонском госпитале разрушают человека, уничтожается вся его психика. Последовательность осмотических инъекций

начинает работу от высших слоев кортикальных синапсов к низшим, постепенно отключаются все нейронные цепи, стираются все воспоминания, уничтожается до последней частички психическая структура, формировавшаяся с момента рождения. И по мере стирания ее каждая частичка отдает свою долю энергии, преобразуя тело в бурлящий водоворот диссоциации.

Однако не в этом главная боль, не в этом главный ужас Разрушения. Ужас заключается в том, что потери сознания не происходит ни на одном этапе; по мере стирания души разум продолжает сознавать, как медленно пятится к гибели, пока в последнее мгновение не исчезает сам в преддверии перерождения. Разум без конца прощается со всем, что было ему ведомо, и скорбит на собственных бесконечных поминках. В мигающих, подергивающихся глазах Бена Рейха Пауэлл увидел сознание… боль… трагическое отчаяние.

— Да, блин, как ему удалось забраться так далеко вниз? Нам его привязать, что ли?

Над террасой появилась голова доктора Джимса.

— А, это вы, Пауэлл. Это ваш приятель. Помните его?

— Чрезвычайно живо.

Джимс сказал кому-то через плечо:

— А ну спускайся на лужайку и подбери его. Я за ним сам буду присматривать.

Он повернулся к Пауэллу:

— Он сильный парень. Мы возлагаем на него большие надежды.

Рейх дернулся и завизжал.

— Как идет лечение?

— Превосходно. У него такой большой запас энергии, что проблем не предвидится никаких. Мы его даже подгоняем. Вероятно, через год уже будет готов к перерождению.

— Я жду его. Такие, как Рейх, нам нужны. Было бы печально лишиться его.

— В смысле лишиться? С какой бы стати? Думаете, что с такой небольшой высоты?..

— Нет, я о другом говорю. Триста-четыреста лет назад копы обычно ловили таких, как Рейх, лишь с целью предания смерти. Это называлось смертной казнью.

— Да вы шутите.

— Честное скаутское.

— Но это же чушь. Если у человека хватило талантов и наглости переть против общества, он, несомненно, одарен выше среднего. Его нельзя упускать. Зачем его выбрасывать на помойку?

Достаточно исправить и улучшить. Общество, где практикуются подобные наказания, останется с одними овцами.

— Трудно судить. Может, в те времена им и нужны были одни только овцы.

Санитары рысью пронеслись по лужайке и подняли Рейха. Тот брыкался и вопил. Его скрутили с легкостью и аккуратностью дзюдоистов, одновременно проверяя, нет ли переломов и растяжений. Затем, успокоенные, санитары повлекли Рейха прочь.

— Минуточку, — позвал Пауэлл. Он отвернулся к каменной скамье, поднял с нее таинственный пакет и развернул его. Внутри оказалась одна из самых роскошных конфетных коробок, какие только продавались у «Сюкре и Си». Пауэлл подошел к Человеку Разрушенному и передал ему коробку.

— Бен, это подарок для тебя. Возьми.

Существо посмотрело на Пауэлла, потом на коробку. Наконец вытянуло перед собой неуклюжие руки и приняло подарок.

— И чего я с ним нянчусь, — пробормотал Пауэлл. — И чего мы все с этим гребаным миром нянчимся? Разве ж оно того стоит…

И тут из клубящегося в Рейхе хаоса вырвалось

стремительное: *Пауэлл-щупач-Пауэлл-друг-Пауэлл-друг…*

Это было так нежданно, так негаданно, так искренне благодарно, что Пауэлла захлестнула волна теплоты, и на глаза навернулись слезы. Он попытался улыбнуться, потом отвернулся и пошел по лужайке в сторону беседки и Барбары.

Слушайте, — восклицал он экзальтированно. *— Слушайте, вы, нормалы! Вы должны научиться. Вы должны понять. Вы должны разрушить барьеры. Вы должны сорвать вуали. Мы зрим истину, недоступную вам… Она такова: в человеке нет ничего, кроме любви и веры, отваги и благородства, щедрости и жертвенности. Все остальное суть барьеры, воздвигнутые вашею же слепотой. Однажды все мы встанем разум к разуму, плечо к плечу…*

В бесконечной Вселенной не существует ничего нового, ничего неповторимого. Что кажется исключительным быстротечному уму человека, то представляется неизбежным на взгляд бескрайней зеницы Господней. Странный жизненный миг, необычайное происшествие, поразительное сочетание обстоятельств, возможностей и взаимоотношений — все это снова и снова воспроизводится на планете у солнца, чья галактика

совершает один оборот за двести миллионов лет и совершила их уже девять. В мире была радость. Радость придет вновь.

Тигр! Тигр!

Трумену Талли

Тигр, тигр, жгучий страх,
Ты горишь в ночных лесах.
Чей бессмертный взор, любя,
Создал страшного тебя?[20]

[20] Примечания: 20
Уильям Блейк. «Тигр» (*перевод К. Бальмонта*)

Пролог

То был Золотой Век, время накала страстей и приключений, бурной жизни и трудной смерти, но никто этого не замечал. То была пора разбоя и воровства, культуры и порока, но никто этого не признавал. То было столетие крайностей и извращений, но никто его не любил.

Все пригодные миры Солнечной системы были заселены. Три планеты, восемь спутников, одиннадцать миллиардов людей сплелись в единый клубок самого захватывающего периода в истории. И все же умы томились по иным временам, как всегда, как везде.

Солнечная система бурлила жизнью: сражалась, пожирала все на своем пути, схватывала новые науки прежде, чем познавались старые, рвалась к звездам, в глубокий космос. И все же…

— Где новые границы? — причитали романтики.

А новая граница человеческого ума открылась на заре XXIV века при трагическом происшествии в лаборатории на Каллисто.

Один исследователь по имени Джанте поджег свой стол и себя самого (случайно) и возопил о

помощи, естественно, подумав об огнетушителе. И оказался рядом с ним — в семидесяти футах от лаборатории.

Джанте тщательно расспросили относительно целей и способов его семидесятифутового путешествия. Телепортация — перемещение в пространстве усилием воли, давняя теоретическая концепция. Сотни ничем не подкрепленных утверждений, что такое случалось раньше. И вот впервые это произошло на глазах у профессиональных наблюдателей.

Ученые набросились на Эффект Джанте яростно и безжалостно. Церемониться с таким потрясающим явлением? Да и сам Джанте горел желанием обессмертить свое имя. Он написал завещание и распрощался с друзьями. Джанте знал, что идет на смерть, потому что коллеги намеревались убить его.

Двенадцать психологов, парапсихологов и нейрометристов собрались в качестве наблюдателей. Экспериментаторы поместили Джанте в прочнейший стеклянный сосуд. Открыли клапан, пуская воду в сосуд, затем на глазах Джанте сорвали запорный кран. Невозможно разбить стенки и выбраться наружу; невозможно остановить поток воды.

Теория предполагала: если угроза смерти заставила Джанте телепортироваться в первый раз, ему надо устроить неминуемую гибель во второй. Вода быстро наполняла сосуд. Ученые записывали свои наблюдения. Джанте начал захлебываться.

А затем оказался снаружи, судорожно втягивая в себя воздух и спазматически кашляя. Он снова телепортировался.

Его расспрашивали и исследовали, просвечивали рентгеновскими лучами и производили сложнейшие анализы. В обстановке секретности стали набирать добровольцев-самоубийц. Примитивная стадия — другой шпоры, кроме смерти, не знали.

Добровольцев тщательно обучали. Сам Джанте читал им лекции, что и как — по его мнению — он делал. Потом их убивали: сжигали, топили, вешали. Изобретали новые формы медленной и наблюдаемой смерти.

Восемьдесят процентов испытуемых погибло. Многое можно было бы рассказать об их муках и агонии, но этому нет места в нашей истории, достаточно лишь подчеркнуть жестокость того времени. Восемьдесят процентов испытуемых погибло, однако двадцать все-таки джантировало

(имя сразу превратилось в глагол).

— Верните то героическое время, — молили романтики, — когда ради захватывающего приключения человек мог пожертвовать жизнью!

Знания накапливались быстро. В первом десятилетии XXIV века были установлены принципы джантации и открыта первая школа — лично Чарлзом Фортом Джанте, в то время пятидесятисемилетним, обессмертившим свое имя и стыдящимся признаться, что он больше никогда не осмеливался джантировать. Но примитивные дни миновали, исчезла необходимость угрожать человеку смертью. Люди постигли, как распознавать, подчинять и использовать еще один резерв неисчерпаемого мозга.

Так как же именно телепортируется человек? Одно из наименее убедительных объяснений дал в интервью Спенсер Томпсон, представитель Школы Джанте.

> Томпсон: Джантирование подобно зрению; оно является естественной способностью каждого человека, однако проявляется лишь вследствие тренировок и опыта.
>
> Корреспондент: По-вашему, без практи-

ки мы не в состоянии видеть?

Томпсон: Вы либо неженаты, либо бездетны… скорее всего, и то и другое.

(*Смех*).

Корреспондент: Я не понимаю.

Томпсон: Зато меня поймет всякий, кто наблюдал, как учится видеть младенец.

Корреспондент: Но что такое телепортация?

Томпсон: Перемещение из одной точки пространства в другую с помощью исключительно силы разума.

Корреспондент: То есть мы можем… *продумать* себя, скажем, из Нью-Йорка в Чикаго?

Томпсон: Именно.

Корреспондент: Мы попадем в пункт назначения голыми?

Томпсон: Если голыми стартуем.

(*Смех*).

Корреспондент: Я имел в виду, наша одежда тоже телепортируется?

Томпсон: Когда человек телепортируется, с ним телепортируется одежда, которую он носит, и те вещи, которые он в состоянии держать в руках. Мне жаль

вас разочаровывать, но телепортируется даже женская одежда.

(*Смех*).

Корреспондент: Как же это происходит?

Томпсон: А как мы думаем?

Корреспондент: С помощью мозга.

Томпсон: А как думает мозг? Каков процесс мышления? Как мы запоминаем, оцениваем, приходим к выводам? Как работают клетки головного мозга?

Корреспондент: Не знаю. Никто не знает.

Томпсон: Точно так же никто не знает, как мы телепортируемся, — и все же мы на это способны, как способны мыслить. Слышали о Декарте? Он сказал: Cogito ergo sum: я мыслю, следовательно, я существую. Мы говорим: Cogito ergo jaunte: я мыслю, следовательно, я джантирую.

Если вы остались не удовлетворены объяснением Томпсона, ознакомьтесь с докладом о механизме джантирования, подготовленным для Королевского научного общества сэром Джоном Кельвином.

«Нами установлено, что телепортационная способность связана с тельцами Ниссля, или тигроидным веществом, в клетках нейронов. Выявить наличие тигроидного вещества легче всего методом Ниссля, используя 3,75 г метиленовой синьки и 1,75 г венецианского мыла, растворенных в 1000 кубических сантиметров воды. Если тигроидное вещество не проявляется, джантация невозможна. Таким образом, джантация является тигроидной функцией». (*Аплодисменты*).

Джантировать способен всякий — если он в состоянии видеть, помнить, собирать свою волю. Надо только отчетливо представить то место, куда собираешься себя телепортировать, и сконцентрировать латентную энергию мозга в единый импульс. Кроме всего, необходимо иметь веру — веру, которую Чарлз Форт Джанте безвозвратно утратил. Малейшее сомнение блокирует способность телепортации.

Свойственные человеку недостатки неизбежно ограничивают джантацию. Некоторые могли блестяще представить себе место назначения, однако не обладали энергией, чтобы туда попасть.

Другие в избытке имели энергию, но не видели, если можно так выразиться, куда джантировать. И последнее ограничение накладывало расстояние, ибо никто никогда не джантировал более чем на тысячу миль.

Вскоре стала обычной следующая анкета:

Рисунок капилляров
для верификации
по сетчатке глаза

ИМЯ (заглавными буквами)

....
последнее среднее первое

МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА (официальное)

....
континент страна округ

ДЖАНТ-КЛАСС (официальный рейтинг;
отметить только один пункт)

M (1000 миль)..... L (50 миль) .....
D (500 миль) ..... X (10 миль) .....
C (100 миль) ..... V (5 миль) .....

Автотранспортная инспекция взяла на себя новые обязанности: рьяно тестировала и классифицировала джант-способности заявителей, а

Американская автомобильная ассоциация изменила аббревиатуру на АДА.

Несмотря на все усилия, ни один человек не джантировал в космос, хотя множество специалистов и идиотов пытались это сделать. Гельмут Грант месяц запоминал координаты джант-площадки на Луне, представляя себе каждую милю двухсотсорокатысячемильной траектории от Таймс-сквер до Кеплер-Сити. Грант джантировал и бесследно исчез. Бесследно исчезли Энрико Дандридж, религиозный фанатик из Лос-Анджелеса, ищущий Рай, Яков Мария Френдлих, парапсихолог, вздумавший джантировать в метаизмерение, Скандальный Коган, профессиональный искатель популярности, и сотни других — лунатиков, самоубийц, любителей рекламы и сумасшедших. Космос был закрыт для телепортации.

Однако через три поколения вся Солнечная система свободно джантировала. Происходили перемены более грандиозные, чем скачок от гужевого транспорта до бензинового четыре столетия назад. На трех планетах и восьми спутниках рушились социальные, правовые и экономические структуры — в муках рождая новые законы и обычаи, востребованные всеобщим джантированием.

Вспыхивали земельные бунты, когда мигрирующая чернь покидала трущобы, чтобы селиться в лесах и полях, уничтожая дичь и домашний скот. Произошла революция на транспорте, произошла революция в домостроительстве. Для предотвращения незаконного джантирования использовались лабиринты и маскирующие устройства. Банкротство следовало за банкротством — разваливалась доджантная промышленность.

Свирепствовали эпидемии: бродяги разносили заразу по беззащитным районам. Малярия, элефантиаз и лихорадка пришли на север, в Гренландию. В Англии после трехсотлетнего отсутствия появилось бешенство. Японский жук, цитрусовый червец, каштановая моль и скрипун трехзубый добрались до самых далеких уголков мира. Из какой-то забытой дыры на Борнео выползла и распространилась проказа.

Волна преступности захлестнула планеты и спутники, когда «дно» всколыхнули новые возможности, открытые джантацией. Началось возвращение к худшему викторианскому ханжеству — общество боролось с сексуальными и моральными угрозами джантации с помощью запретов и табу. Безжалостная война разразилась между Внутренними Планетами — Венерой, Зем-

лей и Марсом — и Внешними Спутниками, война, порожденная экономическим и политическим бременем телепортации.

До наступления эпохи джантирования сложился хрупкий экономический баланс между тремя внутренними планетами (и Луной) и семью внешними мирами: Ио, Европа, Ганимед и Каллисто (спутники Юпитера), Рея и Титан (спутники Сатурна) и Лассел (спутник Нептуна). Объединенные Внешние Спутники обеспечивали сырьем промышленность Внутренних Планет и рынок сбыта для их товаров. Джантирование буквально за десятилетие уничтожило этот баланс.

Внешние Спутники, дерзкие молодые миры в процессе становления, приобретали до семидесяти процентов транспортных услуг ВП. Джантирование с этим покончило. Они приобретали девяносто процентов услуг связи. Джантирование покончило и с этим. Как следствие, спрос на сырье ВС резко сократился. Торговый оборот упал, и экономическая война переросла в боевые действия. Компании ВП, пытаясь защитить себя от конкуренции, прекратили поставки Внешним Спутникам добывающего оборудования. ВС конфисковали работающие на их территории предприятия, разорвали патентные соглашения,

отказались от лицензионных выплат… И началась война.

Солнечную систему уродливо перекосило. Настало время чудовищ, выродков и гротеска. Традиционалисты и романтики, его ненавидящие, не понимали потенциального величия XXIV века. Они были слепы к бесстрастному факту эволюции: прогресс рождается в столкновении крайностей, в слиянии несовместимого. Привычный мир разлетелся, как карточный домик, и дрожал на грани взрыва, который изменит человека и сделает его хозяином Вселенной.

На фоне этого бурлящего столетия и началась история мести Гулливера Фойла.

Часть первая
Глава 1

Сто семьдесят дней он умирал… и все еще не был мертв. Он дрался за жизнь с яростью загнанного в ловушку зверя. В минуты просветления его примитивный мозг вырывался из бреда и принимал боль гниющего тела. Тогда он поднимал немое лицо к Вечности и бормотал:

— Что там, эй? Помоги, Целитель. Помоги, и все.

Богохульство давалось ему легко, ругань была его языком всю жизнь. Он родился в сточной канаве двадцать четвертого века, воспитывался «дном» и говорил на уличном жаргоне. Он цеплялся за жизнь и молился, сквернословя; но иногда его заблудший мозг прыгал на тридцать лет назад и вспоминал колыбельную песенку:

Гулли Фойл меня зовут,
Если это имеет значение.
В глубоком космосе я живу,
И смерть — мое назначение.

Гулливер Фойл, помощник механика 3-го

класса, тридцатилетний, тупой и грубый, сто семьдесят дней дрейфовал в космосе. Гулливер Фойл — смазчик, уборщик, грузчик, слишком легкомысленный, чтобы почувствовать горе, слишком сонный, чтобы изведать радость, слишком пустой для дружбы, слишком ленивый для любви. Летаргические контуры его характера видны из архива Торгового Флота:

> Фойл Гулливер — АС-128/127:006
> Образование
> *никакого*
> Навыки
> *никаких*
> Достоинства
> *никаких*
> Рекомендации
> *никаких*
> *Краткая характеристика: Физически сильный. Интеллектуальный потенциал подавлен отсутствием целей. Типичный Средний Человек. Возможно, что некое потрясение способно пробудить интеллект, однако психологическая служба не в состоянии подобрать ключ. Не рекомендуется для дальнейшего продвижения.*

Фойл застыл в мертвой точке. Тридцать лет он плыл по жизни, как некое бронированное чудовище, неповоротливое и безразличное… Гулли Фойл, типичный Средний Человек. Но теперь он дрейфовал в космосе, и ключ к его пробуждению был уже в замке. Вот-вот он повернется и откроет дверь в катастрофу.

Разбитый космический корабль «Номад» замер на полпути между Марсом и Юпитером. Неведомая катастрофа превратила огромное сооружение — сто футов длиной, сто футов шириной — в скелет, за который цеплялись остатки кают, трюмов, палуб и переборок. Безмолвный сгусток света и тьмы — одна сторона разбитого корпуса поблескивала под лучами далекого Солнца, другую заливал холодный свет звезд. Поломанное и погнутое оборудование, обломки машин и аппаратуры зависли внутри непроходимыми джунглями, постепенно сближаясь друг с другом под действием взаимного притяжения.

Гулливер Фойл, АС-128/127:006, единственный, кто остался в живых, занимал инструментальный шкаф на главной палубе — четыре фута в ширину, четыре фута в глубину и девять футов в высоту. Никаких других герметических помещений не сохранилось. Шкаф имел размеры

большого гроба. Шестью столетиями ранее самой изощренной пыткой считалось поместить человека в подобную клетку на несколько недель. И все же Фойл существовал в этой погруженной во тьму клетке пять месяцев, двадцать дней и четыре часа.

— Кто ты?
— Гулли Фойл меня зовут.
— Где ты?
— В глубоком космосе я живу.
— Куда ты направляешься?
— Смерть — мое назначение.

На сто семьдесят первый день борьбы за существование Фойл ответил на эти вопросы и очнулся. Сердце судорожно колотилось, горло пылало. Он схватился в темноте за резервуар с воздухом, деливший с ним гроб. Резервуар был пуст. Требовалось немедленно заменить его. Итак, день начнется с еще одной схватки со смертью, что Фойл воспринял с немой покорностью.

Он пошарил на полках своего шкафа и нащупал рваный скафандр. Другого на борту «Номада» не было. Фойл заклеил дыру, но никак не мог зарядить или заменить пустые кислородные баллоны на спине. Воздуха в скафандре хватало на пять минут…

Фойл открыл дверь и ступил в черную стужу космоса. Вырвавшийся с ним влажный воздух превратился в крошечное снежное облако и поплыл по исковерканному коридору главной палубы. Фойл налег на пустой резервуар и вытолкнул его из камеры. Минута прошла.

Фойл повернулся в сторону грузового отсека. Его движения были обманчиво медлительны. Он отталкивался от пола, стен, обходил скопления хлама… Влетел в люк. Прошло две минуты. Как на всех космических кораблях, воздушные резервуары «Номада» располагались вдоль длинного киля, опутанные сетью труб. Еще минута на отсоединение. Фойл не знал, какой резервуар выбрал. Пуст он или полон, выяснится только в камере. Раз в неделю он играл в космический покер.

В ушах зашумело, воздух в скафандре быстро становился негодным для дыхания. Фойл толкнул массивный цилиндр к люку и кинулся за ним. Прошло четыре минуты. Он провел резервуар по коридору главной палубы и открыл камеру. Захлопнул герметическую дверь, нащупал на полке молоток, трижды ударил по промерзшему цилиндру, чтобы ослабить клапан, и с мрачной безысходностью повернул ручку. Из последних сил он распахнул шлем, чтобы не задохнуться в

скафандре, пока камера наполняется воздухом… если в резервуаре есть воздух. И потерял сознание — как много раз до того — возможно, навсегда.

— Кто ты?

— Гулли Фойл.

— Где ты?

— В космосе.

— Куда направляешься?

Фойл пришел в себя. Он был жив.

Он не тратил время на благодарственные молитвы, а продолжал бороться за жизнь. Обшарил в темноте полки, где держал пищу, — там оказалась всего пара пакетов. Так как он все равно в скафандре, можно еще раз выйти в космос и пополнить запасы.

Он снова выплыл на мороз и свет. Извиваясь, вновь прошел главную палубу — не более чем крытый коридор в космосе. Наполовину сорванный люк висел на одной петле — дверь в никуда, в чернильную пустоту и ледяные искрящиеся звезды.

Минуя люк, он случайно увидел свое отражение в полированном металле… Гулли Фойл, высокое черное создание, бородатое, покрытое коркой засохшей крови и грязи, изможденное, с большими терпеливыми глазами… Потревожен-

ный хлам тянулся за ним, как хвост кометы.

На обратном пути, побросав пищевые пакеты, концентраты и кусок льда из взорвавшегося водяного бака в большой медный котел, Фойл остановился и вновь взглянул на себя… И в недоумении застыл. Он смотрел на звезды, ставшие за пять месяцев старыми знакомыми. Среди них объявился самозванец. А потом Фойл понял, что смотрит на тормозящий космический корабль.

— Нет, — пробормотал он. — Нет.

Он постоянно страдал от галлюцинаций. Он повернулся и поплыл назад в свой гроб. А затем взглянул опять — все еще тормозящий космический корабль.

Фойл поделился мыслями с Вечностью.

— Уже шесть месяцев, — произнес он на уличном арго. — Нет? Ты слушай меня, ты. Иду на спор. Смотрю еще — если корабль, я твой. Но если нет… скафандр прочь, и с концами. Кишки наружу. Играем честно, и все тут.

Он посмотрел в третий раз. И в третий раз увидел тормозящий космический корабль.

Это знак. Он поверил: спасен. Фойл встрепенулся и бросился, как мог, к контрольной рубке, но у лестницы взял себя в руки — оставшегося воздуха хватит на минуту. Он кинул на приближающий-

ся корабль молящий взгляд, затем рванулся в инструментальный шкаф и заполнил скафандр.

Фойл поднялся на капитанский мостик. На пульте управления нажал кнопку «Световой сигнал». Две томительные секунды он мучился. Потом его ослепили яркие вспышки, три тройных взрыва, девять молитв о помощи. Он нажал на кнопку еще дважды, и еще дважды вспыхивали огни, и радиоактивные вещества в аварийных сигналах заполняли космос воем, который примет любой приемник, на любой волне.

Космический корабль выключил двигатели.

Его заметили! Его спасут!

Фойл переродился. Фойл возликовал. Он нырнул в свой шкаф и открыл скафандр; из глаз потекли слезы. Он стал собирать имущество: часы без циферблата, которые он исправно заводил для того, чтобы слышать их тиканье; яйцерезку, на нитях которой наигрывал незамысловатые мелодии; разводной ключ с деревянной ручкой, которую сжимал порой в моменты тоскливого одиночества… Он уронил их от возбуждения, зашарил по полу в темноте, а потом дико захохотал над собой.

Фойл закрыл скафандр, помчался обратно на капитанский мостик и нажал кнопку «Свет». Из

кормы «Номада» ударил яркий белый луч.

— Иди, — хрипло молил Фойл. — Торопись, друг. Иди, иди ко мне.

Полупризрачной грозной торпедой в конус света скользнул корабль, медленно приближаясь. У Фойла на миг сжалось сердце: так осторожно маневрировал незнакомец, что его можно было принять за крейсер Внешних Спутников. Затем проплыла знаменитая красно-синяя эмблема, торговый знак могущественного клана Престейна, Престейна с Земли, всесильного, милостивого, щедрого. «Номад» тоже принадлежал Престейну. Фойл понял: к нему нисходит ангел с небес.

— Милый, — истово бормотал Фойл, — ангел, унеси меня домой.

Корабль поравнялся с Фойлом. Его иллюминаторы горели теплым дружеским светом; отчетливо были видны название и регистрационный номер на корпусе: «Ворга-Т 1339».

В одну секунду корабль поравнялся, в другую — прошел дальше, в третью — исчез.

Друг отверг его, ангел покинул. Фойл прекратил пританцовывать и бормотать и замер. Его лицо застыло. Он прыгнул к пульту и замолотил по кнопкам. Аварийные, посадочные, взлетные сигналы засверкали безумным соцветием красок… а

«Ворга-Т» удалялся беззвучно и неумолимо, вновь набирая скорость.

Так в течение пяти секунд Фойл родился, жил и умер. После тридцати лет существования и шести месяцев пытки Гулли Фойл, типичный Средний Человек, исчез. Ключ повернулся в замке его души и открыл дверь. То, что появилось, перечеркнуло Среднего Человека навсегда.

— Ты прошел мимо, — с холодной яростью проговорил он. — Ты бросил меня гнить, как паршивого пса. Ты бросил меня подыхать, Ворга… Ворга-Т 1339. Нет. Не уйдешь, нет. Я выйду. Я найду тебя, Ворга. Я убью тебя, Ворга. Я отплачу тебе, ты, Ворга. Сгною. Убью, убью. Я убью тебя насмерть, Ворга.

Кипящая кислота ненависти опалила плоть, завладела душой, выела скотское долготерпение и безразличие, сделавшее из него ничтожество, и возбудила цепь реакций, которые превратят Гулли Фойла в адскую машину. Он был одержим.

— Ворга, я убью тебя насмерть.

Фойл сделал то, на что не способно ничтожество, — освободился.

Два дня в пятиминутных вылазках прочесывал он обломки корабля. Потом хитроумным способом укрепил на плечах резервуар с воздухом

и импровизированным шлангом соединил его со шлемом. Фойл извивался по коридорам, как муравей, что тащит соломинку, но обрел свободу передвижений.

Он думал. Он научился пользоваться немногими уцелевшими навигационными приборами, до дыр зачитав паспорта и руководства, разбросанные по контрольной рубке. За десять лет космической службы ему и в голову не приходила такая мысль, несмотря на обещанные продвижение и деньги, однако теперь его ждал «Ворга».

«Номад» дрейфовал по эклиптической орбите, в трехстах миллионах миль от Солнца. Перед ним расстилались созвездия Персея, Андромеды и Рыбы. Прямо впереди завис пыльный оранжевый диск Юпитера, ясно видимый невооруженным глазом.

Юпитер не был, не мог быть обитаем. Подобно прочим планетам за поясом астероидов, Юпитер был колоссальным замерзшим шаром метана и аммиака, но четыре самых больших его спутника захлебывались городами и людьми — теперь воюющими с Внутренними Планетами. Фойл станет военнопленным, но спасет жизнь, чтобы свести счеты с «Воргой-Т 1339».

Он осмотрел ходовой отсек «Номада». В баках

еще сохранилось топливо, и один из четырех хвостовых двигателей был работоспособен. Фойл восстановил систему подачи топлива в камеру сгорания. Баки находились на солнечной стороне корпуса, и температура держалась выше точки замерзания. Но в невесомости топливо не пойдет по трубам.

Фойл перерыл судовую библиотеку и узнал кое-что о гравитации. Если заставить корабль вращаться, центробежная сила погонит топливо в камеру сгорания уцелевшего двигателя. Если воспламенить топливо в камере сгорания уцелевшего двигателя, несбалансированный импульс придаст «Номаду» вращательный момент.

Но воспламенить топливо, пока корабль не вращается, нельзя, как нельзя и раскрутить корабль, не воспламенив сперва топлива.

Фойл нашел выход из тупика; его вдохновил «Ворга». Он открыл дренаж и терпеливо наполнил камеру вручную. Залил насос. Теперь, если воспламенить горючее, оно создаст достаточный импульс, чтобы сыграла свою роль центробежная сила.

Он попробовал спички.

Спички не горят в вакууме.

Попробовал сталь и кремень.

Искры не поджигают при абсолютном нуле космоса.

Подумал о нитях накала.

На борту «Номада» не было электричества, чтобы накалить эти нити.

Фойл перерыл книги и справочники. Часто теряя сознание и находясь на грани полного изнеможения, он думал и действовал. «Ворга» пробудил его гений.

Фойл принес лед из взорвавшихся резервуаров, растопил его и ввел воду в камеру сгорания двигателя. Вода и топливо не смешиваемы, вода покрыла топливо тонким слоем.

В химической лаборатории Фойл отыскал серебристую проволочку из чистого натрия и просунул ее через открытый краник топливопровода. Коснувшись воды, натрий жарко вспыхнул, от тепла занялось горючее. Кормовая дюза выплюнула пламя, с беззвучной вибрацией сотрясая корабль.

Несбалансированный импульс придал «Номаду» вращательное движение, появился слабый вес, и центробежная сила продолжала гнать топливо в камеру сгорания.

Фойл не тратил время на восторг. Он покинул ходовой отсек и поспешил в контрольную рубку,

чтобы бросить последний, решающий взгляд. Сейчас будет ясно, обречен ли корабль на вечное бессмысленное кувыркание в глубинах космоса или лег на курс к Юпитеру и спасению.

Резервуар с воздухом превратился в почти непосильную тяжесть. Резкий толчок ускорения швырнул всю массу плавающих обломков назад, на вышедшего на капитанский мостик Фойла. Его подмяло, понесло, покатило по длинному пустому коридору и швырнуло в переборку. Фойл лежал, пригвожденный полутонной груза, беспомощный, едва живой, — но пылающий жаждой мести.

— *Кто ты?*

— *Откуда ты?*

— *Где ты сейчас?*

— *Куда направляешься?*

Глава 2

Между Марсом и Юпитером широко раскинулся пояс астероидов. Из тысяч известных и неизвестных, именованных и безымянных, остановимся на одном — крошечной планетке, собранной ее обитателями из естественного камня и обломков кораблекрушений.

Они были дикарями, ее обитатели, единственными дикарями XXIV века — потомки участников научной экспедиции, затерянной и полоненной в поясе астероидов двести лет назад. Ко времени, когда их нашли, они построили свою жизнь и свою культуру и предпочли остаться в космосе, собирая хлам и практикуя варварские обряды, выглядевшие карикатурами на научные методы, которые применяли их предки. Они называли себя Ученым Людом.

Космический корабль «Номад» падал, кувыркаясь, в бездну. Он проходил в миле от астероида и был схвачен Ученым Людом с целью присоединения к своей планете. Они нашли Фойла.

Раз он очнулся, когда его торжественно несли на носилках по естественным и искусственным проходам внутри астероида, сооруженного из камней и металлических обшивок. На некоторых из них еще не стерлись имена, давно забытые историей космоплавания: «Королева; Земля», «Пустынник; Марс», «Три кольца; Сатурн». Проходы вели в залы, хранилища, кладовые и дома, все из подобранных кораблей, вцементированных в астероид.

Фойла пронесли через древнее ганимедское суденышко, лассельский ледокол, тяжелый крейсер

с Каллисто, старый транспортник со стеклянными баками, еще заполненными дымчатым ракетным топливом… Рой собранных за два столетия останков: арсеналы, библиотеки, музеи одежды, склады механизмов, инструментов, еды, химикалиев и суррогатов.

Толпа вокруг носилок победно ревела.

— Достат Кол!

Женские голоса восторженно завыли:

Бромистый аммоний — 1,5 г
Бромистый калий — 3 г
Бромистый натрий — 2 г
Лимонная кислота — Достат. кол.

— Достат Кол! — орал Ученый Люд. — Достат Кол!

Фойл потерял сознание.

Он вновь очнулся. Его извлекли из скафандра в оранжерее, занимавшей огромный старый рудовоз. Одна стена была полностью застеклена: круглые иллюминаторы, квадратные иллюминаторы, алмазные, гексагональные — любой формы и материала. Казалось, что стену сотворил безумный ткач из лоскутков стекла и света.

Сверкало далекое Солнце, воздух был горяч и

влажен. Фойл обвел помещение затуманенным взглядом. На него скалилась дьявольская рожа. Щеки, подбородок, нос и веки были чудовищно размалеваны наподобие дикарской маски. На лбу виднелась татуировка: ДЖ♂ЗЕФ. Букву «о» в «Дж♂зефе» перечеркивала крошечная стрела, превращая ее в символ Марса, который используют ученые для обозначения мужского пола.

— Мы — Ученый Люд, — сказал Дж♂зеф. — Я — Дж♂зеф; это мои братья.

Фойл вглядывался в обступившую носилки толпу; на всех лицах вытатуированы дьявольские маски, все лбы заклеймены именами.

— Сколько тебя носило? — спросил Дж♂зеф.

— Ворга, — прохрипел Фойл.

— Ты первый, кто явился сюда живым за последние пятьдесят лет. Ты могучий человек. Прибытие сильнейших — доктрина святого Дарвина. В высшей степени научно.

— Достат Кол! — взревела толпа.

Дж♂зеф схватил Фойла за локоть, подобно врачу, щупающему пульс. Его судорожно искривленный рот торжественно сосчитал до девяноста восьми.

— Твой пульс. Девяносто восемь и шесть, — объявил Дж♂зеф, извлекая термометр и благоговейно

выставляя его напоказ. — В высшей степени научно.

— Достат Кол! — подхватил хор.

Дж♂зеф протянул колбу Эрленмейера, подписанную «кошачье легкое, мл., гематоксилин и эозин».

— Витаминку? — предложил он.

Когда Фойл не ответил, Дж♂зеф вытряхнул большую таблетку из колбы, сунул ее в чашу курительной трубки и зажег. Он затянулся один раз и махнул рукой. Перед Фойлом возникли три девушки с чудовищно разукрашенными лицами. Их лбы пересекали имена: «ДЖ♀АН», «М♀ЙРА», «П♀ЛЛИ». В основании «О» каждого имени был крошечный крест.

— Выбирай! — велел Дж♂зеф. — Ученый Люд следует Естественному Отбору. Будь научным в своем выборе. Будь генетичным.

Фойл в очередной раз потерял сознание. Его рука упала с носилок и коснулась М♀йры.

— Достат Кол!

Он пришел в себя в круглом зале и увидел груду ржавого оборудования: центрифугу, операционный стол, поломанный рентгеновский аппарат, автоклавы, покореженные хирургические инструменты.

Фойла, бредящего и что-то бессвязно выкрикивающего, привязали к операционному столу. Его накормили. Его вымыли и побрили. Двое мужчин раскрутили вручную древнюю центрифугу. Она ритмично лязгала, напоминая бой военного барабана. Собравшиеся, притопывая, затянули песню.

Включили старый автоклав. Тот закипел и забурлил, выплевывая шипящий пар. Потом включили рентгеновский аппарат. Ослепительные молнии короткого замыкания с треском раскололи наполненный горячим паром зал.

Из обжигающего тумана вынырнула трехметровая фигура и замаячила перед столом. Это был Дж♂зеф на ходулях — в хирургической шапочке, маске и халате. Халат был расшит алыми и черными нитями, изображающими анатомию тела — аляповатая иллюстрация к учебнику хирургии.

— Нарекаю тебя Н♂мадом! — провозгласил он.

Рев стал оглушительным. Дж♂зеф перевернул над телом Фойла ржавую канистру, запахло эфиром. Фойл утратил последние крохи сознания, и все поглотила тьма. Снова и снова медленно надвигался «Ворга-Т 1339», обжигая плоть, испепеляя кровь, и Фойл беззвучно кричал.

Он смутно осознавал, как его мыли и кормили, плясали вокруг него и пели. Через некоторое время Фойл очнулся окончательно. Стояла тишина. Он лежал в постели. Та девушка — М♀йра — лежала рядом с ним.

— Ты… кто? — прохрипел Фойл.

— Твоя жена, Н♂мад.

— Что?

— Твоя жена. Ты выбрал меня, Н♂мад. Мы гаметы.

— Что?

— Научно спарены, — объяснила М♀йра. Она задрала рукав ночной рубашки и с гордостью продемонстрировала четыре уродливых шрама. — Вот, меня привили: что-то старое, что-то новое, что-то взаймы, что-то голубое.

Фойл с трудом встал на ноги.

— Где мы?

— Дома.

— В чьем доме?

— В твоем. Ты один из нас, Н♂мад. Ты должен жениться каждый месяц и зачать много детей. Это будет научно. Но я первая.

Фойл не слушал ее. Он находился в главной рубке маленькой ракеты постройки 2300-х годов… некогда личной яхты. Рубку переделали в

спальню. С телом астероида ракету соединяли переходы. В двух крошечных каютах выращивались растения, обеспечивающие свежий воздух. Моторный отсек был превращен в кухню. Ракетное топливо питало горелки на маленькой плите.

Фойл отсоединил топливопровод от плиты и вновь направил горючее в камеры сгорания. За ним хвостом ходила М♀йра, с любопытством наблюдая за его действиями.

— Что ты делаешь, Н♂мад?

— Нужно выбраться, — пробормотал Фойл. — Нужно назад. Дело с Воргой. Понимаешь? Нужно назад, и все.

М♀йра испуганно попятилась. Фойл увидел выражение ее глаз и прыгнул. Он был так слаб, что девушка легко увернулась, потом открыла рот и испустила пронзительный крик. В этот момент кабину наполнил грохот — Дж♂зеф и его братья колотили снаружи по корпусу, исполняя для новобрачных научный концерт.

Фойл загнал М♀йру в угол, сорвал ночную рубашку и связал свою нареченную, засунув ей в рот кляп. Она визжала изо всех сил, но научный концерт был громче.

Фойл наскоро подлатал моторный отсек: он стал уже специалистом. Потом схватил изви-

вающуюся девушку и выволок ее в шлюзовую камеру.

— Ухожу, — прокричал он на ухо М♀йре. — Взлет. Прямо из астероида. Может быть, сдохнете. Все разлетится. Нет больше воздуха. Нет больше астероида. Предупреди их. Скажи.

Он вышвырнул М♀йру, захлопнул и задраил люк, затем ударил по кнопке зажигания на пульте. Автоматически взревела взлетная сирена, зазвучавшая впервые за многие десятилетия. Фойл ждал, пока повысится температура в камере сгорания. Ждал и страдал. Ракета была вцементирована в астероид. Ее окружали камни и металл. Ее дюзы упирались в корпус другого корабля. Фойл не знал, что случится, когда заработают двигатели; его толкал на риск «Ворга».

Из кормы ударила первая порция раскаленных газов, раздался гулкий взрыв. Корпус задрожал, нагрелся, пронзительно заскрипела сталь. Затем ракета со скрежетом пошла вперед. Камень, стекло, железо разлетелись в разные стороны, и корабль вырвался в открытый космос.

Военный корабль ВП подобрал его возле Марса. После семи месяцев боевых действий патрули были начеку, но еще безрассудны. Когда с яхтой не удалось связаться и получить в ответ опо-

знавательные коды, ее должны были просто уничтожить. Однако яхта была маленькой, а экипаж крейсера жаждал призовых денег. Корабль ВП приблизился и взял ее на абордаж.

Как обезглавленный червяк, Фойл извивался в старой космической рухляди, окровавленный, загноившийся, гангренозный. Его поместили в лазарет патрульного крейсера и закрыли к нему доступ. Даже луженые желудки закоренелых космических бродяг не могли вынести это зрелище.

По пути к Земле Фойл обрел сознание и бормотал слова, начинающиеся на «В». Он знал, что спасен, что только время стоит между ним и мщением.

Санитар услышал его ликование и заглянул за перегородку. Санитар не мог сдержать любопытства.

— Ты слышишь меня? — прошептал он.

Фойл замычал. Санитар наклонился ниже.

— Что случилось? Кто это с тобой сделал?

— Что? — прохрипел Фойл.

— Ты не знаешь?

— Что? Что такое, ты?

— Подожди.

Санитар исчез, джантировав в подсобное помещение. И возник вновь через пять секунд. Фойл

шевельнулся. Его глаза пылали.

— Я вспоминаю… Не мог джантировать на «Номаде», нет. Забыл, как, и все. Забыл. Еще не помню. Я…

— Что?

— Что-то с головой, у меня.

— Да у тебя, считай, головы-то вообще не осталось.

— Не мог джантировать. Забыл, как. Все забыл. Я…

Он в ужасе отпрянул, когда санитар протянул изображение чудовищно изуродованного татуировкой лица. Африканской маски. Щеки, подбородок, нос, веки разрисованы тигриными полосами, на лбу надпись «Н♂МАД».

Фойл широко раскрыл глаза и страшно закричал. Изображение было зеркалом. Лицо — его собственным.

Глава 3

— Браво, мистер Харрис! Отлично. Р-В-О, джентльмены. Не забывайте. Расположение. Высота. Окружение. Это единственный способ запомнить джант-координаты. *Etre entre le marteau et l'enclume. Французский. Перевода не последует.*

Не джантируйте пока, мистер Питерс. Подождите своей очереди. Наберитесь терпения, все будете джантировать по классу С. Никто не видел мистера Фойла? Куда-то запропастился. Вечный путешественник. За ним не уследишь. *Смотрите, пересмешник! Как чудесно…* О боже, опять я думаю открыто… или я говорила, джентльмены?

— Половина наполовину, мэм.

— Право же, это нечестно. Односторонняя телепатия — ужасное неудобство. Поверьте, я вовсе не специально забрасываю вас своими мыслями.

— У вас приятные мысли, мэм.

— *Как это мило с вашей стороны, мистер Горгас.* Ну хорошо, класс. Возвращаемся в школу и начинаем сначала.

Робин Уэднесбери проводила практические занятия по джантации с «церебральным» классом — потеря памяти вследствие контузии, — и это доставляло ее подопечным не меньше радости, чем детишкам. Они повторяли правила джантации на перекрестках Нью-Йорка, хором выводя:

— Р-В-О, мадам. Расположение. Высота. Окружение.

Высокой привлекательной негритянке, умной и блестяще образованной, сильно мешал один недостаток: односторонняя телепатия. Она пе-

редавала свои мысли всему свету, но ничего не могла принимать. Однако, несмотря на взбалмошный характер и горячий темперамент, Робин Уэднесбери была методичным и внимательным инструктором джантации.

Класс пришел в школу, целиком занимавшую дом на 42-й улице, из Объединенного Военного Госпиталя. Они проследовали к необъятной джант-площадке на Таймс-сквер и старательно ее запомнили. Потом все джантировали в школу и обратно на Таймс-сквер. Затем так же гуськом прошли к Башне Колумба и запомнили ее координаты. Джантировали в школу через Таймс-сквер и вернулись тем же путем на Площадь Колумба.

Робин восстанавливала в памяти своих учеников, утративших способность к джантации, основные пункты, самые крупные общественные джант-площадки. Позже они будут запоминать новые и новые места. Ограниченные не только своими способностями, но и доходами. Ибо, чтобы запомнить место, надо побывать там и, стало быть, заплатить за дорогу. Круизы приобрели новое значение для сильных мира сего.

— Расположение. Высота. Окружение, — нараспев повторяла Робин Уэднесбери, и класс джантировал от Вашингтонских Высот до Гудзон-

ского моста полумильными шагами.

Маленький сержант-техник со стальным черепом внезапно сказал:

— Так ведь высоты нет, мэм. На земле, мы.

— *«Мы на земле», сержант Логан.* Простите. Наставления легко входят в привычку, а я сегодня никак не могу совладать со своими мыслями. Такие тревожные военные новости… Мы займемся Высотой, когда станем запоминать площадки на небоскребах, сержант Логан.

Техник обдумал сказанное, затем спросил:

— Выходит, мы слышим, когда вы думаете?

— Именно.

— Но вы нас не слышите?

— Нет. Односторонний телепат.

— А мы все вас слышим или только я, и все?

— *Зависит от ситуации, сержант Логан. Когда сосредоточена — только тот, для кого думаю; когда отвлекаюсь — то все и каждый… бедняги.* Простите. — Робин обернулась. — Не тушуйтесь, старшина Харрис, смелее. Колебания рождают сомнения, а сомнение означает конец джантации. Сосредоточьтесь — и вперед!

— Я порой побаиваюсь, мэм, — сказал человек с туго забинтованной головой. — А вдруг там уже есть кто-нибудь, и я прямо в него?

— Ну я же объясняла много раз. Каждая площадка рассчитана на нагрузку в часы пик. Вот почему личные джант-площадки такие маленькие, а площадка на Таймс-сквер в две сотни ярдов шириной. Вероятность столкновения там меньше, чем шансы попасть под машину на улице.

Забинтованный старшина нерешительно шагнул на чуть приподнятую площадку — круглую, залитую белым бетоном и разукрашенную ярким черно-белым узором для лучшего запоминания. В центре была подсвеченная табличка с названием и джант-координатами: широта, долгота и возвышение.

Пока старшина собирался с духом, площадка внезапно ожила потоком прибывающих и отбывающих людей. Фигуры на миг появлялись, оглядывались, ориентируя себя и устанавливая новые координаты, и исчезали. При каждом исчезновении раздавался слабый хлопок, когда воздух заполнял место, только что занятое телом.

— Внимание, класс, — предупредила Робин. — Пожалуйста, сойдите с площадки.

Рабочие в теплой одежде, еще осыпанной снегом, направлялись на юг к своим домам после смены в северных лесах. Белохалатники с моло-

козавода спешили в Сент-Луис. А из Гренландии, где уже был полдень, ринулись на обед в Нью-Йорк толпы «белых воротничков».

Наплыв кончился так же неожиданно, как и начался.

— Так, класс, продолжим, — сказала Робин. — О господи, ну где же мистер Фойл?! Вечно он пропадает!

— С таким лицом, как у него, нельзя его винить, мэм.

— Кошмарно выглядит, да, сержант Логан? Неужели нельзя вывести эти отметины?

— Они пытаются, мисс Робин, но ни один док не умеет. Называется «татуировка», и это вроде как забыто.

— А где же ему ее сделали?

— Бог знает, мисс Робин. Он у нас, потому что без памяти. Мозги напрочь отшибло. Может, оно и лучше, с таким лицом-то.

— Ужасно. Сержант Логан, не могла у меня случайно сорваться мысль и задеть чувства мистера Фойла?

Маленький человек со стальным черепом задумался.

— Нет, мэм, вряд ли. Вашим мыслям и мухи не обидеть. А у Фойла чего задевать. Тупое бревно,

он, Фойл.

— Мне нужно быть осторожнее, сержант Логан. Понимаете, вряд ли кому нравится знать, что о нем думает ближний. *А мои мысли порой понятны, и меня ненавидят. Я одинока. Я… Пожалуйста, не слушайте. Не могу справиться…* Ага, вот и вы, мистер Фойл! Где вы пропадали?

Фойл возник на джант-площадке и тихо ступил в сторону; плечи сгорблены, ужасное лицо опущено вниз.

— Практиковался, — пробормотал он.

Робин подавила отвращение и, подойдя к нему, ласково взяла за руку.

— Вам следует больше бывать с нами. Мы же друзья. Не уединяйтесь.

Фойл упорно не смотрел ей в глаза. Когда он угрюмо высвободил руку, Робин заметила, что вся его госпитальная одежда насквозь промокла.

— Он попал где-то под дождь. Но я слышала сводку погоды. Везде до Сент-Луиса сухо. Значит, он джантировал дальше. Как же так, ведь он не в состоянии… потерял память и способность к джантации. Он симулирует…

Фойл яростно рванулся к ней.

— Заткнись, ты! — Его кошмарное лицо судорожно исказилось.

— *Значит, вы симулируете.*

— Что еще тебе известно?

— *Что вы дурак. Прекратите истерику.*

— Они слышат тебя?

— *Не знаю. Пустите!* — Робин повернулась в сторону. — Хорошо, класс. На сегодня достаточно. Все назад в школу и на госпитальный автобус. Первым джантирует сержант Логан. Помните: Р-В-О. Расположение. Высота. Окружение…

— Чего тебе надо, ты? — прорычал Фойл. — Денег?

— *Тише. Успокойтесь.* Не надо колебаться, Харрис. Джантируйте.

— Я хочу потолковать с тобой.

— *Разумеется, нет.* Подождите своей очереди, мистер Питерс. Не спешите.

— Ты продашь меня в госпитале?

— *Конечно.*

— Я хочу потолковать с тобой.

— *Нет.*

— Я жду в твоей квартире.

— В моей квартире? — Робин была неподдельно испугана.

— Грин-Бей, Висконсин.

— *Это абсурд. Мне не о чем говорить…*

— Ой ли, мисс Робин? О семье, например.

Фойл ухмыльнулся, почувствовав ее ужас.

— Вы не знаете, где я живу, — дрожащим голосом проговорила она.

— Я только что сказал, или нет?

— В-вы не можете джантировать так далеко. Вы…

— Нет? — Маска скривилась в усмешке. — Сама говорила, что я симу… то слово. Это правда. У нас есть полчаса. Встречаемся там.

Робин Уэднесбери жила в большом доме, одиноко стоявшем на берегу залива. Казалось, волшебник выхватил его из центра города и перенес прямо в хвойный лес. Такие здания не были редкостью в джантирующем мире. С автономными источниками тепла и энергии, с джантацией, решающей проблему транспорта, одиночные и многоквартирные жилые дома строили в пустынях и лесах, в самых диких и забытых местах.

Квартира состояла из четырех комнат, тщательно изолированных, чтобы защитить соседей от непрошеных мыслей Робин, и была битком набита книгами, картинами, пластинками — спутниками эмоциональной и одинокой жизни несчастного человека.

Робин джантировала в гостиную на несколько секунд позже Фойла, ждавшего ее со свирепым

нетерпением.

— Теперь ты знаешь точно, — сразу начал он и яростно, до боли сжал ее запястье. — Но ты никому не скажешь обо мне, мисс Робин. Никому.

— Отпустите меня! — Робин ударила его по лицу. — *Чудовище! Скотина! Не смейте ко мне прикасаться!*

Пораженный на миг силой ее отвращения, Фойл шагнул назад.

— Итак, вы симулировали. Вы ничего не забыли… Но почему? Почему? Чего вы хотите?

Выражение одержимого коварства появилось на кошмарном лице.

— Я затаился в госпитале. Моя база, да? Я кое-что делаю, мисс Робин. Есть должок, обязан отплатить. Должен знать, где один корабль. Сгною. Ворга. Я убью тебя, Ворга. Я убью тебя насмерть!

Он прекратил кричать. В его глазах сверкало дикое торжество. Робин попятилась.

— Ради бога, о чем вы?

— «Ворга». «Ворга-Т 1339». Я нашел, я, пока вы там учились скакать по перекресткам. «Ворга» в Ванкувере. Собственность Престейна из Престейнов. Слыхали, мисс Робин? Престейн — самый большой человек на Земле, и все. Но он не остановит меня. Я убью «Воргу». И ты не

остановишь меня, мисс Робин. — Фойл качнулся к ней, вплотную придвинул лицо. — Потому что я прикрываю себя. Я прикрываю все слабые места. У меня есть кое-что на каждого, кто может стать на пути к «Ворге»… Включая тебя, мисс Робин.

— Нет.

— Да. Я узнал, где ты живешь. Там, в госпитале, знают. Я был здесь и прочитал твой дневник, мисс Робин. У тебя семья на Каллисто — мать и две сестры.

— Ради бога!

— А следовательно, ты пособник врага. Когда началась война, таким, как ты, дали месяц, чтобы убраться из Внутренних Планет домой. Оставшиеся по закону считаются шпионами. Ты у меня вот где, девочка. — Он сжал руку в кулак.

— Моя мать и сестры полтора года пытались покинуть Каллисто. Наше место на Земле. Мы…

— Вот здесь, девочка, — повторил Фойл. — Ты знаешь, как поступают со шпионами? Из них выколачивают сведения. Тебя выпотрошат. Разрежут на части, кусок за куском…

Робин закричала. Фойл исступленно сжал ее трясущиеся плечи.

— Ты у меня в руках, девочка, и все. Ты не можешь даже убежать, потому что стоит мне

сказать пару слов в Разведке, и где ты тогда? Никто меня не остановит — ни госпиталь, ни даже Святой Всемогущий Престейн из Престейнов.

— *Убирайся, ты, грязная, мерзкая… тварь! Убирайся!*

— Не нравится мое лицо, мисс Робин? И здесь ты ничего не сделаешь.

Внезапно Фойл схватил ее и бросил на диван.

— Ничего… — хрипло повторил он.

Преданный принципу показной расточительности, на котором основано все общество, Престейн из Престейнов держал в своем колоссальном особняке в Центральном Парке внутренние телефоны, кухонные лифты и другие экономящие труд приспособления, исчезнувшие за ненадобностью с появлением джантации. Многочисленные слуги покорно ходили из комнаты в комнату, открывая и закрывая двери и взбираясь по лестницам.

Престейн из Престейнов встал, оделся с помощью камердинера и парикмахера, спустился на лифте вниз и позавтракал, обслуживаемый дворецким, лакеем и официантами. Затем он покинул комнату для завтрака и прошел в кабинет. Когда средства связи отжили свой век, когда вместо того, чтобы звонить или слать телеграммы,

гораздо проще джантировать прямо на место и обсудить вопросы лично, — Престейн сохранил целый телефонный узел с личным оператором.

— Свяжите меня с Дагенхемом, — велел он.

«Курьеры Дагенхема, Инк.» была богатейшей и могущественной организацией дипломированных джантеров, выполняющей любые общественные или конфиденциальные поручения. Плата — 1 Кр за милю. Дагенхем гарантировал, что его курьер обойдет вокруг света за восемьдесят минут.

Через минуту после звонка на частной джант-площадке возле особняка Престейна появился курьер Дагенхема. Его провели через противоджантный лабиринт. Как всякий член организации Дагенхема, курьер был джантером М-класса, способным телепортироваться на тысячу миль за раз, знающим координаты десятков тысяч джант-площадок. Он был блестящим специалистом обмана и уловок, экспертом по лести и крючкотворству, вымуштрованным до едкой эффективности и язвительной прямоты, свойственных «Курьерам Дагенхема» и отражавших безжалостность их основателя.

— Престейн? — спросил курьер, не тратя время на церемонии.

— Я желаю нанять Дагенхема.

— К вашим услугам.

— Не вас. Лично Дагенхема.

— Мистер Дагенхем не оказывает услуг менее чем за 100 000 кредиток.

— Даю в пять раз больше.

— Гонорар или доля от прибыли?

— И то и другое. Четверть миллиона гонорара плюс четверть миллиона гарантированного минимума, если 10 процентов от прибыли будет меньше.

— Решено. Дело?

— ПирЕ.

— По буквам, пожалуйста.

— Вам название ничего не говорит?

— Нет.

— Отлично. Дагенхему скажет. П заглавное — И — Р — Е заглавное. Передайте Дагенхему: мы узнали, где ПирЕ. Его задача — достать ПирЕ, любой ценой… через человека по имени Фойл. Гулливер Фойл.

Курьер взял крошечную серебряную жемчужину-мемеограф, надиктовал инструкции Престейна и удалился без лишних слов.

Престейн повернулся к оператору.

— Соедините меня с Регисом Шеффилдом.

Через десять минут после звонка в нотариальную контору Регисa Шеффилда на частной джант-площадке возле особняка Престейна появился молодой клерк.

— Извините за промедление, — сказал он, пройдя через лабиринт и представ перед Престейном. — Мы получили ваш вызов в Чикаго, а у меня всего лишь класс Д.

— Ваш шеф ведет дело в Чикаго?

— В Чикаго, Нью-Йорке и Вашингтоне. Он весь день джантирует из суда в суд.

— Я желаю его нанять.

— Это большая честь, Престейн, но мистер Шеффилд крайне занят.

— Он не может быть слишком занят для ПирЕ.

— Простите, сэр, я не совсем…

— Нет, вы совсем; но Шеффилд поймет. Скажите ему просто: ПирЕ. И назовите сумму гонорара.

— А именно?

— Полмиллиона.

— Какого рода действия требуются от мистера Шеффилда?

— Необходимо подготовить все законные средства похищения человека и основания не выдавать его армии, военному флоту и полиции.

— Ясно. Имя человека?

— Гулливер Фойл.

Клерк повторил указания в мемеограф, кивнул и удалился. Престейн вышел из кабинета и по плюшевым ступеням спустился на половину дочери.

В домах верхушки женщины жили в комнатах без окон и дверей, в комнатах, открытых лишь для джантирования членов семьи. Так блюли мораль и охраняли целомудрие. Но Оливия Престейн была слепа, она не могла джантировать. В ее апартаменты вели двери, которые оберегали вассалы в клановых ливреях.

Оливия Престейн была великолепной альбиноской. Ее волосы были похожи на белый шелк, кожа — на белый атлас; ее ногти, ее губы, ее глаза были коралловыми. Она была изумительно красива. И слепа тоже изумительно, ибо видела только в инфракрасном свете, с семи с половиной тысяч ангстрем до миллиметровых волн. Она видела тепловые и радиоволны, электромагнитные поля.

Оливия Престейн вела Гран Леве — утренний прием в своей гостиной. Она восседала на парчовом троне под охраной дуэньи, управляя двором, непринужденно беседуя с десятками мужчин и женщин, заполнявших салон. Изысканная статуя

из мрамора и коралла, сверкающая незрячими глазами.

Гостиная представлялась ей пульсирующим клубком тепловых излучений — от горячих вспышек до прохладных теней. Она видела слепящие магнитные рисунки часов, огней и телефонов. Она видела и распознавала людей по характерным тепловым узорам их лиц и тел. Видела электромагнитный ореол вокруг каждой головы и пробивающееся сквозь тепловой фон тела сверкание вечно изменяющегося нервного и мышечного тонуса.

Престейн не обращал внимания на свиту артистов, музыкантов и хлыщей, но с удовольствием отметил присутствие именитостей. Здесь были Сирс-Робак, Жиллет, юный Сидней Кодак, который однажды станет Кодаком из Кодаков, Бьюик из Бьюиков и Р. Мэси XVI, глава могущественного клана Сакс-Гимбелей.

Престейн засвидетельствовал почтение дочери, покинул дом и в запряженной четверкой карете направился в свою деловую штаб-квартиру на Уолл-стрит, 99. Кучер и грум носили ливреи с красно-черно-синей эмблемой дома Престейнов. Черное «П» на ало-голубом фоне считалось одним из самых древних и благородных знаков в

социальном регистре и соперничало с «57» клана Хайнца и «РР» династии Роллс-Ройсов.

Нью-йоркские джантеры хорошо знали главу клана Престейнов. Седой, красивый, мужественный, безупречно одетый, с несколько старомодными манерами, Престейн из Престейнов являлся воплощением социальной элиты и стоял так высоко, что нанимал кучеров, грумов, конюхов и лошадей для исполнения функций, которые простые смертные осуществляли джантацией.

По мере подъема по социальной лестнице люди в те дни обозначали свое положение отказом от джантации. Многообещающий бизнесмен разъезжал в маленьком спортивном автомобиле. Видного деятеля возили на каком-нибудь древнем «Бентли», «Кадиллаке» или «Лагонде». Руководитель большой коммерческой группы седлал велосипед, его прямой наследник пользовался яхтой или самолетом. Престейн из Престейнов, глава клана Престейнов, владел каретами, машинами, яхтами, самолетами и поездами. Его позиция в обществе была столь высока, что он не джантировал сорок лет. И презирал выскочек и нуворишей, подобных Дагенхему и Шеффилду, которые все еще бесстыдно джантировали.

Престейн вошел в дом 99 по Уолл-стрит, в свою

святая святых, Храм Престейна, находящийся под охраной его знаменитой джант-стражи, все в клановых ливреях. Он шествовал подобно грозному вождю среди покорных рабов. Он был величественнее вождя, в чем на собственном горьком опыте убедился докучливый государственный чиновник, дожидавшийся аудиенции. Несчастный пробился сквозь толпу просителей навстречу Престейну, когда тот проходил по коридору.

— Мистер Престейн, я из Департамента внутренних сборов. Мне необходимо повидаться с вами…

Престейн смерил его ледяным взглядом.

— Существуют тысячи Престейнов, — надменно произнес он. — Ко всем обращаются «мистер». Но я — Престейн из Престейнов, глава дома и клана, первый в семье. И ко мне обращаются «Престейн». Не «мистер» Престейн, а Престейн.

Престейн кивнул, улыбнулся улыбкой василиска, сел за необъятный стол и знаком велел докладывать. Он презирал мемеографы и прочие механические устройства.

— Состояние предприятий Клана Престейн. Непривилегированные акции: от 201 ¼ до 201 ½. Средний курс по Нью-Йорку, Парижу, Цейлону…

Престейн раздраженно махнул рукой.

— Необходимо посвятить нового мистера Престо, Престейн.

Престейн сдержал нетерпение и прошел через утомительную процедуру приведения к присяге 497-го мистера Престо, которые в престейновской иерархии управляли магазинами розничной торговли. До недавних пор этот человек имел свои собственные лицо и тело. Теперь, после десяти лет осторожной проверки и тщательных испытаний, его причислили к лику Престо.

В результате шести месяцев хирургии и психообработки он стал совершенно неотличим от остальных 496 мистеров Престо и идеализированного портрета, висящего за троном Престейна… Добрый, честный человек, напоминающий Авраама Линкольна, человек, которого нужно любить, которому можно доверять. В каком бы уголке света вы что-либо ни покупали, вы оказывались в одном и том же магазине Престейна и имели дело с отечески заботливым мистером Престо. С ним соперничали — но не могли его превзойти — мистер Квик клана Кодаков и дядюшка Монти из «Монтгомери Уорд».

По завершении обряда Престейн резко поднялся, давая понять, что аудиенция окончена. В

кабинете остались лишь высшие чины иерархии. Престейн мерил комнату шагами, с трудом подавляя бурлящее нетерпение. Он никогда не ругался, но его выдержка наводила больший ужас, чем брань.

— Фойл, — сдавленно проговорил он. — Подонок. Шваль. И я — Престейн из Престейнов. Но этот человек стоит между мной и…

— Извините, Престейн. Сейчас одиннадцать часов по западному времени, восемь по атлантическому…

— И что?

— Я хочу напомнить, что в девять состоится церемония запуска. С ванкуверских стапелей сходит корабль, престейновская «Принцесса». Установление трехмерного контакта со стапелями займет некоторое время, так что нам лучше…

— Я буду присутствовать лично.

— Лично! — поперхнулся советник. — Но мы не можем за час долететь до Ванкувера, Престейн. Мы…

— Я джантирую! — рявкнул Престейн из Престейнов. Таково было его возбуждение.

Ошеломленный штат начал готовиться. По всем концам страны помчались гонцы, расчищая частные площадки. Престейна отвели к площад-

ке его нью-йоркской цитадели. Она представляла собой округлую платформу в закрытой наглухо комнате без окон. Маскировка и предосторожности были необходимы для предотвращения непрошеных визитеров, чтобы невозможно было узнать и запомнить джант-координаты. В тех же целях все дома и конторы имели запутанные лабиринты у дверей.

Для джантации нужно (среди прочих вещей) знать точно, где находишься и куда направляешься, иначе у вас нет шансов попасть куда-либо живым.

Нельзя джантировать из неопределенной точки — точно так же, как нельзя прибыть в неизвестный пункт. Подобно стрельбе из пистолета — надо знать, куда целиться и за какой конец держать оружие. Но единого взгляда через окно или дверь может быть достаточно для опытного человека, чтобы запомнить РВО-координаты.

Перешагивая по сто миль, Престейн пересек континент и прибыл к ванкуверским стапелям ровно в девять часов по атлантическому времени. Он покинул Нью-Йорк в одиннадцать и выиграл два часа. Такие вещи тоже были обычным явлением в джантирующем мире.

Почтительно выждав секунду, рядом появился

его штат. Квадратная миля неогороженного бетона (какая изгородь может остановить джантера?) выглядела белой скатертью, на которой концентрическими окружностями выложены черные монеты. Однако при внимательном рассмотрении монеты оказывались тридцатиметровыми провалами шахт, уходящих в глубь земли. Каждую такую пасть окружали здания, конторы, контрольные пункты, хранилища.

Это были взлетно-посадочные колодцы, сухие доки строительных стапелей. Космические корабли, как и морские суда, не рассчитаны самостоятельно противостоять оковам тяготения. Земная тяжесть расколет корабль, словно пустую скорлупу. Корабли строились в глубоких колодцах, на специальных подпорках, поддерживаемые антигравитационными экранами. Из таких же колодцев они взлетали, оседлав антигравитационный луч, и в них же садились.

Когда свита Престейна ступила на ванкуверские стапели, часть колодцев была занята. Из некоторых поднимались носы или корпуса кораблей, поддерживаемые антигравитационными экранами. В центре находились три транспорта класса «В»: «Вега», «Весталка» и «Ворга», частично вышедшие из шахт для регламентного

обслуживания. Вокруг них суетились рабочие, вспыхивали огни ремонтной сварки.

У бетонного здания с надписью «ВХОД» свита Престейна остановилась перед светящимся предупреждением: «Входя на территорию без разрешения, вы подвергаете свою жизнь опасности». Всем вручили значки посетителей, и даже Престейн из Престейнов покорно приколол его к костюму, зная, чем может закончиться вторжение без защитного значка. Свита двинулась дальше, пока не достигла шахты О-3, украшенной цветами Престейна. Рядом была сооружена небольшая трибуна.

Заиграл, засверкал медью оркестр. Одна нота обезумела и полезла все выше и громче, пока не перекрыла весь оркестр и изумленные восклицания. Только тогда Престейн понял, что это ревет сирена.

На территорию проник посторонний, человек без значка сотрудника или посетителя. Сквозь оглушающий рев еле доносились хлопки воздуха — джантирующая охрана занимала свои места по необъятному полю. Личная джант-стража Престейна быстро и тревожно сомкнулась вокруг него.

Над бетоном разнесся усиленный мощными

динамиками голос:

— На территории посторонний. На территории посторонний. Направляется к шахте Е-9.

— Кто-то ворвался! — вскричал советник.

— Я догадываюсь, — спокойно сказал Престейн.

— Видимо, он здесь чужой, раз не джантирует.

— Я догадываюсь и об этом.

— Посторонний приближается к шахте Д-5. Д-5. Внимание.

— О господи, что ему надо?! — воскликнул советник.

— Вам известны мои правила, сэр, — холодно отчеканил Престейн. — Ни один служащий не может всуе произносить Святое Имя. Вы забываетесь.

— Ц-5. Внимание. Посторонний приближается к шахте Ц-5.

Советник тронул Престейна за рукав.

— Он идет сюда, Престейн. Укройтесь.

— Нет.

— Престейн, на вас уже трижды покушались. Если…

— Как мне подняться наверх?

— Престейн!

— Помогите мне.

С помощью отчаянно протестующего советника Престейн взошел на трибуну — наблюдать силу клана в борьбе с опасностью. К центру событий с дальних концов стягивалась охрана.

— Посторонний двигается к Б-3.

Престейн посмотрел на шахту. Рядом с ней возникла фигура бегущего человека. Это был высокий мужчина в голубом больничном халате, с копной всклоченных черных волос и искаженным мертвенно-бледным лицом. Его одежда дымилась, нагретая защитным индуктивным полем; у шеи, локтей и коленей показались огни пламени.

— Внимание. Б-3. Внимание. Б-3. Охрана, завершить окружение.

Раздались крики и отдаленные выстрелы; на чужака бросилось с полдюжины рабочих в белом. Он раскидал их, как кегли, и рванулся к шахте, откуда торчал нос «Вороги». Его одежда пылала. Неожиданно нарушитель остановился, сунул руку в горящую куртку и вытащил черный предмет. Конвульсивным движением корчащегося в смертных муках зверя он зубами вырвал какую-то деталь и швырнул предмет в сторону «Ворги». В следующий миг его сбили с ног.

— Взрывчатка. Внимание. Всем укрыться.

Взрывчатка.

— Престейн! — взвыл советник.

Престейн стряхнул его и взглядом следил, как летит к «Ворге», кувыркаясь и блестя на солнце, черная бомба. На краю шахты ее подхватил антигравитационный луч и бросил наверх гигантским незримым пальцем. Все выше, выше… Потом ослепительно полыхнуло, и через мгновение титанический взрыв заложил уши.

Престейн спустился с трибуны, подошел к пульту и коснулся пусковой кнопки «Принцессы».

— Доставьте мне этого человека, если он жив, — бросил Престейн советнику. И нажал кнопку. — Нарекаю тебя… «Сила Престейна!» — ликующе крикнул он.

Глава 4

Звездный Зал Храма Престейна был обит металлическими панелями и украшен высокими зеркалами. В нем находились золотой орган и робот-органист от Тиффани, библиотека с библиотекаршей-андроидом на шаткой лесенке, письменный стол в стиле Людовика XV с секретаршей-андроидом за механическим пишущим устройством и американский бар с роботом-бар-

меном. Престейн предпочитал слуг-людей, но андроиды и роботы лучше хранили тайну.

— Садитесь, капитан Йовил, — вежливо предложил он. — Мистер Шеффилд, представляющий сейчас мои интересы. Молодой человек — его помощник.

— Банни — моя походная библиотека, — засмеялся Шеффилд.

Престейн дотронулся до кнопки. В Звездном Зале пробудилась механическая жизнь. Органист играл, библиотекарь разбирал книги, секретарша печатала, бармен изящно работал шейкером. Это было эффектное зрелище, и его действие, тщательно рассчитанное психологами, давало Престейну преимущество над посетителями.

— Вы говорили о человеке по имени Фойл, — подсказал Престейн.

Капитан Питер Йанг-Йовил из Центральной Разведки был прямым потомком мудреца Мэн-цзы и состоял в разведывательном тонге Вооруженных Сил Внутренних Планет. Вот уже двести лет ВСВП доверяли разведывательную работу китайцам, которые, имея за плечами пятитысячелетнюю историю упражнения в интригах, достигли удивительных высот. Член наводящего ужас Общества Бумажных Человечков, капитан

Йанг-Йовил был адептом тзеньцинских Хамелеонов, Мастером Суеверий и свободно владел Секретной Речью. Внешне китайца он не напоминал.

Сейчас капитан колебался, прекрасно осознавая действующее против него психологическое давление. Он изучил бесстрастное аскетичное лицо Престейна; упрямое агрессивное выражение Шеффилда; прилежную маску молодого человека по имени Банни, кроличьи черты которого выдавали восточное происхождение. Йанг-Йовилу было необходимо восстановить контроль над положением или хотя бы ответить на удар ударом.

Он начал с обходного маневра.

— Не связаны ли мы случайно родственными узами в пределах пятнадцати колен? — спросил он Банни на мандаринском диалекте. — Я принадлежу к дому ученого Мэн-цзы, прозванного варварами Менцием.

— Тогда мы кровные враги, — запинаясь, ответил Банни. — Мой великий предок, правитель Шантунга, был свергнут в 342 году до н. э. земляной свиньей Мэн-цзы.

— С любовью и благоговением я брею ваши кривые брови, — сказал Йанг-Йовил.

— Со смиренным почтением я подпалю ваши

обломанные зубы, — смеясь, ответил Банни.

— Господа, господа! — запротестовал Престейн.

— Мы возобновляем трехтысячелетнюю вражду, — объяснил Йанг-Йовил Престейну, раздраженному непонятным разговором и смехом. Капитан попробовал нанести прямой удар. — Когда вы закончите с Фойлом?

— С каким Фойлом? — вмешался Шеффилд.

— А какой у вас Фойл?

— С кланом Престейн связаны тринадцать человек, носящих это имя.

— Любопытное число. Вам известно, что я Мастер Суеверий? Когда-нибудь я открою вам тайну Зеркала-и-Слуха… Я имею в виду Фойла, связанного с утренним покушением на мистера Престейна.

— На Престейна, — поправил Престейн. — Я не «мистер». Я Престейн из Престейнов.

— На жизнь Престейна совершено три покушения, — отчеканил Шеффилд. — Вам следует быть более точным.

Капитан попробовал другой ход.

— Хотел бы я, чтобы наш мистер Престо был более точным.

— Ваш мистер Престо!.. — воскликнул Престейн.

— Разве вы не знали, что один из пятисот ваших Престо — наш агент? Странно. Мы были уверены, что вам все известно, и приняли соответствующие меры.

Престейн был потрясен. Йанг-Йовил положил ногу на ногу и доверительно произнес:

— Разведка часто страдает от чрезмерных ухищрений и предосторожностей.

— Это провокация! — не выдержал Престейн. — Никто из наших Престо не мог знать о Гулливере Фойле.

— Спасибо, — улыбнулся Йанг-Йовил. — Вот этот Фойл мне и нужен. Когда мы сможем его забрать?

Шеффилд бросил злой взгляд на Престейна и повернулся к Йанг-Йовилу.

— Кто это «мы»? — поинтересовался он.

— Центральная Разведка.

— Это гражданское дело, касающееся частных лиц, и пока и поскольку оно не связано с военным сырьем, кадровым персоналом, тактикой или стратегией, оно не входит в сферу вашей компетенции.

— Согласно 191-й поправке, — пробормотал Банни.

— «Номад» нес стратегическое сырье.

— «Номад» перевозил в Банк Марса платиновые слитки, — рявкнул Престейн. — Если деньги…

— Разговор веду я! — оборвал Шеффилд и резко повернулся к Йанг-Йовилу. — Назовите стратегическое сырье.

Прямой вызов ошеломил Йанг-Йовила. Свистопляска вокруг «Номада» возникла из-за наличия на борту двадцати фунтов ПирЕ, мирового запаса вещества, невосполнимого после гибели его создателя. Оба это знали, но Йовил полагал, что адвокат предпочтет не упоминать ПирЕ.

Он решил ответить на прямоту прямотой.

— Хорошо, джентльмены, я назову. «Номад» нес двадцать фунтов ПирЕ.

Престейн вскинулся; Шеффилд яростным взглядом осадил его.

— Что такое ПирЕ?

— По нашим данным…

— Полученным от мистера Престо?

— О, это ерунда, — засмеялся Йанг-Йовил и тут же перехватил инициативу. — По данным разведки, ПирЕ был разработан для Престейна, а его изобретатель исчез. Пирофор. Это все, что мы знаем точно. Но до нас доходят странные слухи, невероятные доклады от надежных агентов… Если хотя бы часть наших догадок верна, ПирЕ

может решить исход войны.

— Чепуха. Никакой военный материал не может иметь решающего значения.

— Нет? А антигравы 2022 года? А Универсальный Экран 2194? Любой стратегический материал имеет решающее значение, особенно если враг доберется до него первым.

— Сейчас такого шанса не существует.

— Благодарю вас за признание важности ПирЕ.

— Я ничего не признаю. Я все отрицаю.

— Центральная Разведка готова предложить вам обмен. Человек за человека. Изобретателя ПирЕ за Гулли Фойла.

— Он у вас? — потребовал Шеффилд. — В таком случае зачем вам Фойл?

— У нас труп! — вспыхнул Йанг-Йовил. — Полгода вооруженные силы Внешних Спутников держали изобретателя на Ласселе и выбивали информацию. Мы устроили рейд, который закончился почти поголовной смертью его участников — 79 % личного состава. И вывезли труп. Циничная шуточка в стиле ВС — после всех наших жертв позволить забрать тело. И мы до сих пор не знаем, сколько они из него вытянули.

Престейн резко выпрямился.

— Черт подери, — бушевал Йанг-Йовил, —

неужели вы не видите всей остроты положения, Шеффилд? Мы ходим по проволоке. Какого дьявола вы поддерживаете Престейна в этом грязном деле? Вы — лидер Либеральной партии… сверхпатриот. Главный политический враг Престейна. Продайте его, глупец, пока он не продал всех нас!

— Капитал Йовил, — ядовито вставил Престейн, — я не могу одобрить ваши выражения.

— Нам отчаянно нужен ПирЕ, — продолжал Йанг-Йовил. — Мы исследуем это вещество, научимся его синтезировать, применять в военных действиях… пока нас не опередили ВС. Но Престейн отказывается помогать. Почему? Потому что находится в оппозиции к правящей партии. Он не хочет никаких побед для либералов. Ради своей политики он предпочел бы наше поражение, потому что богачи вроде Престейна никогда не проигрывают. Придите в себя, Шеффилд! Вас нанял предатель. Подумайте, что вы собираетесь сделать!

В этот момент раздался стук, и в Звездный Зал вошел Саул Дагенхем. Было время, когда Дагенхем, чародей от науки, сверкал среди физиков звездой первой величины — колоссальной памятью, изумительной интуицией и мозгом

изощренней вычислительной машины шестого поколения. Однако произошла катастрофа. Ядерный взрыв не убил Дагенхема, но сделал его радиоактивным, «горячим», «Тифозной Мэри» XXIV века.

Правительство Внутренних Планет ежегодно выплачивало ему двадцать пять тысяч кредиток для обеспечения защитных мер. Дагенхем не мог общаться с человеком более пяти минут, не мог занимать никакое помещение, включая собственное, более тридцати минут в сутки. Изолированный от жизни и любви, он бросил свои исследования и создал колосс «Курьеры Инк.».

Когда бледный труп со свинцовой кожей появился в Звездном Зале, Йанг-Йовил понял неминуемость поражения. Он не мог соперничать одновременно с тремя такими людьми. Он встал.

— Переговоры закончены. Я беру ордер на арест Фойла. Что касается Разведки, переговоры окончены.

— Капитан Йовил уходит, — обратился Престейн к офицеру джант-стражи, приведшему Дагенхема. — Проводите его через лабиринт.

Йанг-Йовил отвесил короткий поклон, а когда офицер двинулся вперед, посмотрел прямо на

Престейна, иронично улыбнулся и исчез со слабым хлопком.

— Престейн! — воскликнул Банни. — Он джантировал! Координаты этой комнаты не тайна для него! Он…

— Очевидно, — ледяным тоном отрезал Престейн. — Офицер, сообщите начальнику стражи. Координаты Звездного Зала больше не секрет; даю сутки на их изменение. Теперь…

— Подождите, — сказал Дагенхем. — Надо заняться ордером.

И без извинения или объяснения он также исчез. Престейн поднял бровь.

— Еще один, — пробормотал он. — Но у этого, по крайней мере, хватило такта хранить свою информацию до конца.

Вновь появился Дагенхем.

— Не имеет смысла тратить время на лабиринт, — сказал он. — Я принял меры. Йовила задержат — два часа гарантировано, три часа вероятно, четыре возможно.

— Как? — поразился Банни.

Дагенхем холодно улыбнулся.

— Стандартная операция «Курьеров Дагенхема», ВФБК: веселье, фантазия, беспорядок, катастрофа… Нам нужны все четыре часа. Проклятье!

Я разладил ваших кукол, Престейн. — Роботы внезапно начали подергиваться, словно в припадке — жесткая радиация Дагенхема поразила их электронные мозги. — Мне пора.

— Что с Фойлом? — спросил Престейн.

— Пока ничего. — На лице Дагенхема снова появилась страшная улыбка. — Он действительно уникален. Я перепробовал все обычные методы и наркотики… Ничего. Снаружи — всего лишь заурядный космонавт… если забыть татуировку… но внутри — он из стали. Что-то завладело всеми его помыслами, всем существом, и не отпускает.

— Что же? — спросил Шеффилд.

— Планирую узнать.

— Как?

— Не спрашивайте — станете соучастником. Корабль наготове?

Престейн кивнул.

— Если нам удастся найти «Номад», но действовать придется быстро. Законники готовы, Шеффилд?

— Готовы. Надеюсь, что они не понадобятся.

— Я тоже надеюсь. Ждите инструкций. Фойл долго не выстоит.

— Где вы его держите?

Дагенхем покачал головой.

— Это помещение ненадежно.

Дагенхем джантировал Цинциннати — Нью-Орлеан — Монтеррей — Мехико и появился в психиатрическом крыле гигантского госпиталя Объединенных Земных Университетов. Крыло — едва ли подходящее название для целого города в маленькой стране госпиталя. Дагенхем возник на сорок третьем этаже терапевтического отделения, где в изолированном баке плавал без сознания Гулливер Фойл. Рядом стоял солидный бородатый мужчина в халате.

— Привет, Фриц.

— Привет, Саул.

— Хорошая картинка — главврач обхаживает для меня пациента.

— Мы у тебя в долгу, Саул.

— Хватит об этом, Фриц. Я не облучу твой госпиталь?

— Здесь свинцовые стены.

— Готов к работе?

— Хотел бы я знать, за чем ты охотишься.

— За информацией.

— И собираешься для этого превратить терапевтическое отделение в камеру пыток? Почему не использовать обычные наркотики?

— Все испробовано. Бесполезно. Он не обычный

человек.

— Это запрещено, ты же знаешь.

— Передумал? За четверть миллиона я могу продублировать твое оборудование.

— Нет. Саул. Мы всегда будем у тебя в долгу.

— Тогда начнем.

Они выкатили бак в коридор и далее — до комнаты площадью в сотню квадратных футов и с мягкой обивкой стен. Театр Кошмаров — один из малоизвестных терапевтических экспериментов — появился на свет в результате ранних попыток лечения шизофрении методом шока с целью заставить больного вернуться к реальности, превратив его воображаемый мир в пытку. Однако связанные с этим эмоциональные перегрузки пациента были признаны слишком жестокими.

Проекторы очистили от пыли и подготовили к работе. Фойла извлекли из бака, сделали ему стимулирующий укол и оставили на полу. Бак удалили. Свет выключили. Затем вошли в скрытое контрольное помещение и включили проекторы.

Каждый ребенок считает, будто его воображаемый мир уникален. Психиатрам же известно: радости и ужасы личных фантазий — общее наследство всего человечества. Терапевтическое

отделение Объединенного Госпиталя записало эмоции на тысячах километров пленки и создало всеобъемлющий сплав ужаса в Театре Кошмаров.

Фойл очнулся в холодном поту, так и не поняв, что вышел из забытья. Его сжимали в клещах, кидали в пропасть, жарили на костре. С него содрали кожу и кислотой выжигали внутренности. Он завыл. Он побежал — вязкое болото обхватило его ноги. И какофонию скрежета, визга, стонов, угроз, терзавшую его слух, перекрывал настойчивый голос:

— Где Номад, где Номад, где Номад, где Номад?

— Ворга, — хрипел Фойл. — Ворга.

Его защищало собственное сумасшествие. Его собственный кошмар создал иммунитет.

— Где Номад? Где ты оставил Номад? Что случилось с Номадом? Где Номад?

— Ворга! — кричал Фойл. — Ворга. Ворга. Ворга.

В контрольном помещении Дагенхем выругался. Главврач, управляющий проекторами, взглянул на часы.

— Минута сорок пять, Саул. Он может больше не выдержать.

— Его надо расколоть. Выжми все!

Фойла хоронили заживо, медленно, неумолимо,

безжалостно. Его засасывала глубина. Вонючая слизь обволакивала со всех сторон, отрезая от света и воздуха. Он мучительно долго задыхался, а вдали гремел голос:

— ГДЕ НОМАД? ГДЕ ТЫ ОСТАВИЛ НОМАД? ТЫ МОЖЕШЬ СПАСТИСЬ, ЕСЛИ НАЙДЕШЬ НОМАД. ГДЕ НОМАД?

Но Фойл был на борту «Номада» в своем гробу, без света и воздуха.

Он свернулся в зародышевый комок и приготовился спать. Он был доволен. Он выживет. Он найдет «Воргу».

— Толстокожая скотина! — выругался Дагенхем. — Кто-нибудь раньше выдерживал Театр Кошмаров, Фриц?

— Нет. Ты прав. Это поразительный человек, Саул.

— Мы должны из него вытянуть… Ну хорошо, к черту эту штуку. Попробуем Мегалан. Актеры готовы?

— Все готово.

— Начнем.

Мания величия может развиваться в шести направлениях; Мегалан являлся драматической попыткой диагностики конкретного течения мегаломании.

Фойл проснулся в громадной постели. Он находился в роскошной спальне, сплошь в парче и бархате. Фойл удивленно огляделся. Мягкий солнечный свет падал через решетчатые окна. В дальнем углу застыл лакей, поправляя сложенную одежду.

— Эй… — промычал Фойл.

Лакей повернулся.

— Доброе утро, мистер Формайл.

— Что?

— Прекрасное утро, сэр. Я приготовил вам бежевую саржу и легкие кожаные туфли.

— В чем дело, эй, ты?

— Я?.. — Лакей удивленно посмотрел на Фойла. — Вы чем-то недовольны, мистер Формайл?

— Как ты меня зовешь?

— По имени, сэр.

— Мое имя… Формайл? — Фойл приподнялся на локтях. — Нет, мое имя Фойл. Гулли Фойл. Так звать меня.

Лакей прикусил губу.

— Простите, сэр…

Он вышел, и через минуту в комнату вбежала прелестная девушка в белом.

Она села на край постели, взяла Фойла за руку и заглянула в глаза. Ее лицо выражало страдание.

— Милый, милый, милый, — прошептала она, — пожалуйста, не надо начинать все сначала. Доктор клянется, что ты пошел на поправку.

— Что начинать?

— Всю эту чепуху про Гулливера Фойла, будто бы ты простой…

— Я Гулли Фойл. Мое имя — Гулли Фойл.

— Любимый, нет. Это болезнь. Ты чересчур много работал.

— Гулли Фойл всю мою жизнь, я.

— Да, знаю, дорогой, тебе так кажется. На самом деле ты Джеффри Формайл. *Тот самый* Джеффри Формайл. Ты… О, к чему я это рассказываю? Одевайся, любовь моя. Тебя ждут внизу.

Фойл позволил лакею одеть себя и, как в тумане, спустился по лестнице.

Прелестная девушка, очевидно, обожавшая его, повсюду была с ним.

Они пересекли колоссальную студию, заставленную мольбертами и незаконченными картинами, миновали зал со шкафами, столами, посыльными и секретаршами и вошли в громадную лабораторию с высокими потолками, загроможденную стеклом и хромом. Колыхалось и шипело пламя горелок, бурлили и пенились разноцветные жидкости, пахло странными хи-

микалиями. По всему чувствовалось, что здесь проводятся необычные эксперименты.

— Что все это? — спросил Фойл.

Девушка усадила его в плюшевое кресло у необъятного стола, заваленного бумагами. На некоторых из них красовалась оставленная небрежным взмахом пера внушительная подпись: Джеффри Формайл.

— Все свихнулись, все… — забормотал Фойл.

Девушка остановила его.

— Вот доктор Реган. Он объяснит.

Импозантный джентльмен со спокойными уверенными манерами подошел к Фойлу, пощупал пульс, осмотрел глаза и удовлетворенно хмыкнул.

— Прекрасно, — сказал он. — Превосходно. Вы близки к полному выздоровлению, мистер Формайл. Можете уделить мне одну минуту?

Фойл кивнул.

— Вы ничего не помните. Случается — перетрудились, к чему скрывать — чрезмерно увлеклись спиртным и не выдержали нагрузок. Вы утратили связь с реальностью.

— Я…

— Вы убедили себя в собственном ничтожестве — инфантильная попытка уйти от ответствен-

ности. Вбили себе в голову, будто вы простой космонавт по имени Фойл. Гулливер Фойл, верно? Со странным номером…

— Гулли Фойл. АС 128/127.006. Но это я! Про…

— Это не вы. Вот вы. — Доктор Реган махнул рукой в сторону необычных помещений, виднеющихся через прозрачную перегородку. — Обрести настоящую память, всю эту великолепную реальность можно, лишь избавившись от фальшивой. — Доктор Реган подался вперед, гипнотически сверкнув стеклами очков. — Восстановите детально вашу старую память, и я уничтожу ее без следа. Где, по-вашему, вы оставили воображаемый корабль «Номад»? Как вам удалось спастись? Где ваш воображаемый «Номад»?

Фойл заколебался.

— Мне кажется, я оставил «Номад»… — Он замолчал. Из блестящих очков доктора Регана на него уставилось дьявольское лицо… кошмарная тигриная маска с выжженной надписью «НОМАД» через перекошенные брови. Фойл вскочил.

— Врете! — взревел он. — Здесь все обман! А то, что произошло со мной, произошло на самом деле! Это я, по-настоящему я!

В лабораторию вошел Саул Дагенхем.

— Ну хорошо, — сказал он. — Все свободны.

Кипучая жизнь в соседних комнатах прекратилась. Актеры исчезли быстро и тихо, не глядя в сторону Фойла.

Дагенхем обратил к Фойлу свою смертельную улыбку.

— Крепкий орешек, да?.. Ты воистину уникален. Меня зовут Саул Дагенхем. У нас есть пять минут для разговора. Выйдем в сад.

Сад Успокоения на крыше Терапевтического Здания был венцом лечебного планирования. Каждая перспектива, каждый цвет, каждый контур умиротворяли страсти, гасили раздражение, смягчали злость, убирали истерию, наводили меланхолию.

— Садись. — Дагенхем указал на скамейку рядом с кристально чистым бассейном. — Мне придется походить вокруг. Я облучен. Ты понимаешь, что это значит?

Фойл угрюмо мотнул головой. Дагенхем сорвал орхидею и обхватил ее ладонями.

— Следи за цветком. Увидишь. — Он прошел перед скамейкой и неожиданно остановился. — Ты прав, разумеется. Все, что с тобой произошло, произошло на самом деле. Вот только… что с тобой произошло?

— Проваливай, — прорычал Фойл.

— Знаешь, Фойл, я тобой восхищаюсь.

— Проваливай.

— По-своему, по-примитивному, у тебя есть характер и изобретательность. Ты кроманьонец, Фойл. Бомба, брошенная на верфи Престейна, была замечательна; ты разграбил чуть ли не весь Объединенный Госпиталь, добывая деньги и материалы. — Дагенхем стал считать по пальцам. — Обобрал слепую сиделку, очистил шкафчики, украл химикалии, украл приборы.

— Проваливай.

— Но откуда такая ненависть к Престейну? Зачем ты пытался взорвать его корабль? Чего ты хотел?

— Проваливай.

Дагенхем улыбнулся.

— Если мы собираемся беседовать, тебе придется выдумать что-нибудь новенькое. Твои ответы становятся однообразными. Что произошло с «Номадом»?

— Я не знаю никакого «Номада», ничего не знаю.

— Последнее сообщение с корабля пришло семь месяцев назад. Затем… spurlos versenkt, как в воду канул. Ты единственный, кто выжил? Что

ты делал все это время? Украшал лицо?

— Я не знаю никакого «Номада», ничего не знаю.

— Нет, Фойл, не пойдет. У тебя на лбу татуировка «Номад». Свежая татуировка. Гулливер Фойл, АС 128/127.006, помощник механика, находился на борту «Номада». И как будто одного этого недостаточно, чтобы разведку залихорадило, ты возвращаешься на частной яхте, считавшейся пропавшей более пятидесяти лет. Послушай, да ты просто напрашиваешься на неприятности! Знаешь, как в разведке выбивают ответы из людей?

Фойл выпрямился. Дагенхем кивнул, увидев, что его слова попали в цель.

— Подумай хорошенько. Нам нужна правда, Фойл. Я пытался выманить ее у тебя хитростью, признаю. Ничего не получилось, признаю. Теперь я предлагаю тебе честную сделку. Если пойдешь на нее, мы защитим тебя. Если нет, проведешь пять лет в застенках разведки — или в ее лабораториях.

Фойла испугали не пытки; он боялся потерять свободу. Нужна свобода, чтобы набрать денег и снова найти «Воргу»; чтобы убить «Воргу».

— Какую сделку? — спросил он.

— Скажи нам, что произошло с «Номадом» и где он сейчас?

— Зачем, ты?

— Зачем? Спасти груз, ты.

— Там нечего спасать. Чтоб за миллион миль да ради обломков?! Не крути, ты.

— Ну хорошо, — сдался Дагенхем. — «Номад» нес груз, о котором ты не подозревал, — платиновые слитки. Время от времени банкам приходится корректировать счета. Обычно они выравниваются благодаря торговому балансу, однако война нарушила торговлю, и Банк Марса потребовал, чтобы Престейн погасил задолженность в двадцать с чем-то миллионов кредиток. «Номад» вез платиновые слитки, в корабельном сейфе.

— Двадцать миллионов… — прошептал Фойл.

— Плюс-минус пара тысяч. Корабль был застрахован, то есть права на спасенный груз принадлежат «Бо'несс и Уиг», а они похлеще Престейна. Однако тебя ждало бы вознаграждение. Скажем… двадцать тысяч кредиток.

— Двадцать миллионов, — снова прошептал Фойл.

— Мы предполагаем, что с «Номадом» расправился крейсер Внешних Спутников. Тем не менее они не поднимались на борт и не грабили, иначе

тебя бы уже не было в живых. Значит, в сейфе капитана… Ты слушаешь?

Но Фойл не слушал. Перед его глазами стояли двадцать миллионов… не двадцать тысяч… двадцать миллионов в платиновых слитках, как сияющая дорога к «Ворге». Не надо больше никакого воровства; двадцать миллионов, чтобы разыскать и стереть с лица Земли «Воргу».

— Фойл!

Фойл очнулся и посмотрел на Дагенхема.

— Не знаю никакого «Номада», ничего не знаю.

— Я предлагаю щедрое вознаграждение. На двадцать тысяч космонавт может кутить, ни о чем не думая, целый год… Чего тебе еще?

— Ничего не знаю.

— Либо мы, либо разведка, Фойл.

— Больно вам надо, чтобы я попал им в лапы, иначе к чему разговоры? Но это все пустой треп. Я не знаю никакого «Номада», ничего не знаю.

— Ты!.. — Дагенхем пытался подавить бешенство. Он слишком много открыл этому хитрому примитивному созданию. — Да, мы не стремимся выдать тебя разведке. У нас есть свои собственные средства. — Его голос окреп. — Ты думаешь, что сможешь надуть нас. Ты думаешь, мы станем ждать, пока рак на горе свистнет. Ты думаешь

даже, что раньше нас доберешься до «Номада».

— Нет, — сказал Фойл.

— Так вот, слушай. На тебя заготовлено дело. Наш адвокат в Нью-Йорке только ждет звонка, чтобы обвинить тебя в саботаже, пиратстве в космосе, грабеже и убийстве. Если у тебя и раньше было знакомство с полицией, это означает лоботомию. Они вскроют твой череп и выжгут половину мозгов, и ты никогда не сможешь джантировать.

Дагенхем замолчал и пристально посмотрел на Фойла. Когда тот покачал головой, Дагенхем продолжил:

— Что ж, тебя присудят к десяти годам того, что в насмешку называют лечением. В нашу просвещенную эпоху преступников не наказывают; их лечат. Тебя бросят в камеру одного из подземных госпиталей, и там ты будешь гнить в темноте и одиночестве. Ты будешь гнить там, пока не решишь заговорить. Ты будешь гнить там вечно. Выбирай.

Ворга, я убью тебя насмерть.

— Я ничего не знаю о «Номаде». Ничего!

— Хорошо. — Дагенхем сплюнул. Внезапно он протянул сжатый в ладони цветок орхидеи. Цветок почернел и рассыпался. — Вот что с тобой

будет.

Глава 5

К югу от Сен-Жирона, возле франко-испанской границы, тянутся на километры под Пиренеями глубочайшие пещеры во Франции — Жофре Мартель. Это самый большой и самый страшный госпиталь на Земле. Ни один пациент не джантировал из его чернильной тьмы. Ни один пациент не мог узнать джант-координаты мрачных недр госпиталя.

Если не считать фронтальной лоботомии, есть всего три пути лишить человека возможности джантировать: удар по голове, расслабляющий наркотик и засекречивание джант-координат. Из этих трех наиболее практичным считался последний.

Камеры, отходящие от запутанных коридоров Жофре Мартель, были вырублены в скале. Они никогда не освещались. Коридоры тоже никогда не освещались. Лучи инфракрасных ламп пронизывали мрак подземелий. Охрана и обслуживающий персонал носили специальные очки. Для пациентов существовали лишь тьма да отдаленный шум подземных вод.

Для Фойла существовали лишь тьма, шум вод и однообразие госпитального режима. В восемь часов (или в любой другой час этой немой бездны) его будил звонок. Он вставал и получал завтрак, выплюнутый пневматической трубой. Завтрак надо было съесть немедленно, потому что чашки и тарелки через пятнадцать минут распадались. В восемь тридцать дверь камеры отворялась, и Фойл вместе с сотнями других слепо шаркал по извивавшимся коридорам к Санитарии.

Там, также в темноте, с ними обращались, как со скотом на бойне — быстро, холодно и эффективно. Их мыли, брили, дезинфицировали, им вкалывали лекарства, делали прививки. Старую бумажную одежду удаляли и сжигали и тут же выдавали новую. Затем пациентов так же безучастно гнали в камеры, автоматически вычищенные и обеззараженные во время их отсутствия. Все утро Фойл слушал в камере лечебные рекомендации, лекции, морали и этические наставления. Потом снова наступала закладывающая уши тишина, и ничто не нарушало ее, кроме отдаленного шума вод и едва слышных шагов надзирателей в коридоре.

Днем их занимали лечебным трудом. В каждой камере зажигался телевизионный экран, и паци-

ент погружал руки в открывавшееся отверстие. Он видел и чувствовал трехмерно переданные предметы и инструменты. Он кроил и штопал госпитальные робы, мастерил кухонную утварь и готовил пищу. На самом деле он ни до чего не дотрагивался, однако его движения передавались в мастерские и там управляли соответствующими механизмами. После одного короткого часа облегчения вновь наваливались мрак и тишина темницы.

Но временами… раз или два в неделю (или, может быть, раз или два в год) доносился приглушенный звук далекого взрыва. И Фойл отрывался от горнила ненависти, где закалялась его жажда мести. В Санитарии он шептал вопросы невидимым фигурам:

— Что за взрывы, там?

— Взрывы?

— Слышу их, как будто далеко, я.

— Это Чертовджант.

— Что?

— Чертовджант. Когда кто-то по горло сыт Жофре. Поперек глотки. Джантирует прямо к черту, он.

— Ах ты!..

— Вот так вот. Невесть откуда, невесть куда.

Чертовджант… вслепую… и мы слышим, их. Бум! Чертовджант.

Фойл был потрясен, но он мог понять. Тьма, тишина, одиночество вызывали отчаяние, ужас, сводили с ума. Монотонность была невыносима. Погребенные в застенках госпиталя Жофре Мартель пациенты страстно ждали утра ради возможности прошептать слово и услышать ответ. Но этих крох было мало, и наступало отчаяние, и вновь доносились звуки отдаленных взрывов. Порой несчастные люди набрасывались друг на друга, и в Санитарии вспыхивали жестокие драки. Их сразу пресекала охрана в очках ночного видения, а утром динамик читал наставления о добродетели многотерпения.

Фойл знал записи наизусть, каждое слово, каждый шорох и треск ленты. Он возненавидел эти голоса: всепонимающий баритон, бодрый тенор, доверительный бас. Он научился отрешаться, научился работать механически.

Однако перед бесконечными часами одиночества он был беспомощен. Одной ярости не хватало.

Фойл потерял счет дням. Он больше не перешептывался в Санитарии. Его сознание оторвалось от реальности и куда-то медленно и бездумно плы-

ло. Ему стало казаться, что он снова на «Номаде», опять дерется за жизнь. Потом и эта слабая связь с иллюзией оборвалась; он все глубже и глубже погружался в пучину кататонии. В лоно тишины, в лоно темноты, в лоно сна.

То были странные, быстротечные сны. Однажды ему явился голос ангела-спасителя. Ангела-женщины. Она тихонько напевала. Трижды он слышал слова: «О боже…», «Боже мой!..» и «О…»

Фойл падал в бездонную бездну и слушал.

— Есть выход, — сладко нашептывал в его уши ангел. Ее голос был мягким и нежным и в то же время горел безумием. Голос ангела гнева. — Есть выход.

И внезапно, с безрассудной логикой отчаяния, Фойл осознал: выход есть. Глупец, он не видел этого раньше.

— Да, — прохрипел он. — Есть выход.

Послышался сдавленный вздох.

— Кто это?

— Я, — сказал Фойл. — Это я, никто иной. Ты меня знаешь.

— Где ты?

— Здесь. Где всегда.

— Но здесь никого нет. Я одна.

— Спасибо, ты показала мне путь.

— Я слышу голос, — прошептал ангел гнева. — Это начало конца.

— Ты показала мне путь. Чертовджант.

— Чертовджант!.. Боже мой, неужели это правда? Ты говоришь на уличном арго… ты существуешь на самом деле… Кто ты?

— Гулли Фойл.

— Но ты не в моей камере. И даже не поблизости. Мужчин держат в северной части Жофре Мартель. Я — в «Юге-900». А ты?

— «Север-III».

— В четверти мили от меня. Как мы… О господи! Конечно! Это Линия Шепота. Я всегда думала — выдумки. А она существует…

— Что ж, пора, — пробормотал Фойл. — Чертовджант.

— Фойл, не смей! Послушай меня. Это чудо.

— Что чудо?

— Акустический феномен… такое случается в пещерах… Каприз передачи звука… Старожилы называют это Линией Шепота. Я никогда им не верила. Никто не верит, но это правда! Мы на разных концах Линии Шепота. Мы можем разговаривать. Мы можем строить планы. У нас есть надежда. Мы можем спастись.

Ее звали Джизбелла Маккуин. Она была вспыль-

чива, умна, образованна и независима. Жофре Мартель пять лет должен был лечить ее от бандитизма. Джизбелла поведала Фойлу о том, как она бросила вызов обществу.

— Ты не знаешь, что джантация принесла женщинам, Гулли. Она заперла нас. Отправила назад в сераль.

— Что такое сераль?

— Гарем. Место, где содержат женщин — хранят. Через тысячу лет развития цивилизации мы снова — собственность. Джантация так угрожала нашей добродетели, нашему достоинству, нашей чести, что нас заперли, как золотые слитки в сейф. Нам закрыты все дороги. Это страшный тупик, Гулли, и из него нет выхода. Остается только плюнуть на все и идти напролом.

— Зачем это тебе, Джиз?

— Свобода нужна мне как воздух, Гулли. Я хочу жить своей собственной жизнью, а общество заковало меня в кандалы и обрекло на смирение.

И она поведала ему все мрачные и трагические подробности своего бунта: Слабохарактерное Вымогательство, Водопадное мошенничество, Каскадный Шантаж, Новобрачное и Похоронное Ограбления и другие.

Фойл рассказал ей о «Номаде» и «Ворге»; от-

крыл свою ненависть и свои планы. Он не сказал Джизбелле о своем лице и о двадцати миллионах в платиновых слитках, скрытых в поясе астероидов.

— Что случилось с «Номадом»? — спросила Джизбелла. — Верно ли то, что говорил тот человек, Дагенхем? Его уничтожил крейсер Внешних Спутников?

— Мне не понять. Сказано — не помню.

— Очевидно, взрыв вызвал у тебя амнезию, а шесть месяцев одиночества и мук усугубили потерю памяти. На корабле не осталось ничего ценного?

— Нет.

— И Дагенхем ни о чем не упоминал?

— Нет, — солгал Фойл.

— Значит, у него была иная причина упрятать тебя в Жофре Мартель. Зачем-то ему нужен «Номад»... Но пытаться взорвать «Воргу» — это глупость. Только дикий зверь грызет захлопнувшийся капкан. Сталь не виновата.

— Не пойму, о чем ты. «Ворга» прошел мимо.

— Кару заслужил мозг, Гулли. Тот мозг, который устроил западню. Выясни, кто находился на борту «Ворги». Узнай, кто приказал уйти. И накажи его.

— Да-а. Как?

— Думай, Гулли. Голова, сообразившая, как сдвинуть «Номад» и как из него собрать адскую машинку, должна найти способ. Но никаких бомб — думай! Разыщи кого-нибудь из экипажа «Ворги». Он назовет остальных. Выследи их, узнай, кто отдал приказ. И покарай его. Но на это требуется время, Гулли… время и деньги; больше, чем у тебя есть.

— Вся жизнь, у меня.

Они часами переговаривались по Линии Шепота; голоса слабые, но звучавшие будто у самых ушей. Лишь в определенном месте каждой камеры можно было услышать собеседника, вот почему они не сразу обнаружили это чудо. Но теперь они наверстывали упущенное. И Джизбелла учила Фойла.

— Если нам когда-нибудь удастся выбраться из Жофре Мартель, мы будем вместе, а я не могу довериться безграмотному человеку.

— Кто безграмотный?

— Ты, — решительно заявила Джизбелла. — Мне приходится все время разговаривать на уличном арго.

— Я умею читать и писать.

— И все… то есть кроме голой силы — ты нуль.

— Говори толком, ты, — рассвирепел Фойл.

— Говорю толком, я. Что проку от самого лучшего резца, если он тупой? Надо заточить твой разум, Гулли. Надо дать тебе образование.

Он покорился. Он понял: она права. Надо знать гораздо больше — не только для того, чтобы выбраться, но и для поисков «Ворги». Джизбелла была дочерью архитектора и получила блестящее образование. Она муштровала Фойла, вбивая в него знания с циничным опытом пяти лет тюрьмы. Иногда он бунтовал против тяжелого труда. Тогда по Линии Шепота кипели яростные, но тихие споры; затем в конце концов Фойл просил прощения и вновь покорялся. А иногда Джизбелла уставала от наставлений, и они просто разговаривали и мечтали.

— Мне кажется, мы начинаем влюбляться друг в друга, Гулли.

— Мне тоже так кажется, Джиз.

— Я старая карга, Гулли. Мне сто пять лет. А ты как выглядишь?

— Кошмарно.

— То есть?

— Лицо.

— Это романтично. Один из тех загадочных шрамов, украшающих настоящих мужчин?

— Нет. Ты увидишь, когда встретимся, мы. Неправильно, да, Джиз? Просто: «когда мы встретимся».

— Молодец.

— Мы ведь встретимся однажды, Джиз?

— Скоро, я надеюсь, Гулли. — Далекий голос Джизбеллы окреп. — А теперь пора за работу. Нам надо готовиться.

За пять лет Джизбелла многое узнала о Жофре Мартель. Никто никогда не джантировал из подземного госпиталя, но десятилетиями из уст в уста передавались слухи и крупицы истины. Так, на основе этих сведений Джизбелла быстро опознала соединяющую их Линию Шепота. На их основе начала она обсуждать планы спасения.

— Это в наших силах, Гулли, не сомневайся. В системе охраны наверняка есть недостатки.

— Никто их раньше не находил.

— Никто раньше не действовал с партнером.

Фойл не волочился больше в Санитарию и обратно бесцельно. Во мраке он задавал шепотом продуманные вопросы. Он ощупывал стены, замечал двери, их фактуру, считал, слушал, изучал и докладывал. Фойл и Джизбелла создавали картину порядков и охраны Жофре Мартель.

Однажды утром по возвращении из Санитарии

его остановили на пороге камеры.

— Иди дальше, Фойл.

— Это «Север-3». Я знаю свое место.

— Двигай, говорят.

— Но… — Фойл пришел в ужас. — Меня переводят?

— К тебе посетитель.

Его довели до конца северного коридора, до пересечения с тремя остальными главными коридорами госпиталя. Там, на гигантском перекрестке, располагались административные помещения и мастерские. Фойла втолкнули в непроглядную темень комнаты и закрыли сзади дверь. Перед ним маячил слабо мерцающий силуэт, едва уловимый контур, не более чем призрачный намек, очертания тела и головы самой Смерти. Два бездонных провала на черепе — глазницы или инфракрасные очки.

— Доброе утро, — произнес Дагенхем.

— Вы?! — воскликнул Фойл.

— Я. У меня есть пять минут, не больше. Садитесь. Стул сзади вас.

Фойл нащупал стул и медленно опустился.

— Довольны? — поинтересовался Дагенхем.

— Что вам надо?

— Замечаю перемену, — сухо сказал Даген-

хем. — В нашу последнюю встречу вы ограничивались исключительно «убирайтесь к черту».

— Убирайтесь к черту, Дагенхем, если угодно.

— Ого, вы начали острить; и речь улучшилась… Вы изменились, — задумчиво проговорил Дагенхем. — Изменились чертовски быстро. Мне это не нравится. Что с вами случилось?

— Я посещал вечернюю школу.

— Вы десять месяцев посещали эту вечернюю школу.

— Десять месяцев! — изумленно повторил Фойл. — Неужели так долго?

— Десять месяцев во мраке и тишине. Десять месяцев полного одиночества. Вы должны быть сломлены.

— О, я сломлен, не беспокойтесь.

— Должны были просто взвыть… Я прав. Вы не обычный человек… Таким темпом это займет слишком долго… Мы не можем ждать. Я хочу сделать новое предложение. Десять процентов. Два миллиона.

— Два миллиона! — воскликнул Фойл. — Почему вы сразу не сказали?

— Я неправильно оценил ваш масштаб. По рукам?

— Почти.

— А что еще?

— Я выбираюсь из Жофре Мартель.

— Естественно.

— И кое-кто еще.

Дагенхем напрягся.

— Сделаем. Дальше.

— Открытый доступ к архивам Престейна.

— Это исключено. Вы с ума сошли? Будьте благоразумны.

— К его корабельным архивам.

— Зачем?

— Мне нужен список команды одного из кораблей.

— Так. — В голосе Дагенхема вновь зазвучало оживление. — Обещаю. Что-нибудь еще?

— Нет.

— Значит, договорились. — Дагенхем был доволен. Мерцающий контур поднялся со стула. — Приготовления для вашего друга мы начнем немедленно. Вас выпустим через шесть часов. Жаль, что мы потеряли столько времени. Фойл.

— Почему вы не подослали ко мне телепата?

— Телепата? О чем вы говорите? На всех Внутренних Планетах не наберется и десятка телепатов. Каждый их час расписан на десять лет вперед. Никто бы из них не согласился нарушить

расписание.

— Прошу прощения, Дагенхем. Я думал, вы плохо знаете свое дело.

— Вы меня обижаете.

— Теперь я вижу, что вы просто лжете.

— Вы мне льстите.

— За долю в двадцати миллионах можно нанять любого телепата.

— Правительство никогда…

— Не все они работают на правительство. Нет. Дело не в этом. Тут кроется что-то слишком важное.

Пятно света метнулось через комнату и схватило Фойла.

— Что вам еще известно?! Что вы скрываете? На кого работаете? — Руки Дагенхема тряслись. — Господи, какой я глупец! Конечно, вы не простой космонавт… Отвечайте: на кого вы работаете?

Фойл резко стряхнул руки Дагенхема.

— Ни на кого, — сказал он. — Ни на кого, кроме себя.

— Да? Включая друга в Жофре Мартель, которого вы так стремитесь спасти?.. Боже мой, вы чуть не одурачили меня, Фойл. Передайте капитану Йанг-Йовилу мои поздравления. Его люди лучше, чем я думал.

— Не знаю никакого Йанг-Йовила.

— Так вот, вы и ваш коллега здесь сгниете! Издохнете! Я переведу вас в самую страшную камеру. Я брошу вас на самое дно Жофре Мартель. Я… Охрана, сюда! Охра…

Фойл схватил Дагенхема за горло, повалил на пол и стал бить головой о каменную плитку. Дагенхем раз вскрикнул и затих. Фойл сорвал с его лица очки и надел их на себя. В мягком розовом свете вернулось зрение.

Фойл раздел Дагенхема и быстро, разрывая по шву, влез в его костюм. На столе лежала широкополая шляпа. Фойл надвинул ее на самый лоб.

Из комнаты вели две двери. Фойл подскочил к ближайшей и осторожно ее приоткрыл. Она выходила в северный коридор. Он закрыл ее, бросился к другой двери и вырвался в противоджантный лабиринт. И сразу потерял ориентацию. Он отчаянно заметался по переходам и вбежал снова в ту же комнату. Дагенхем силился подняться на колени.

Фойл повернулся и кинулся назад в лабиринт, распахнул первую попавшуюся дверь и оказался в просторной и ярко освещенной мастерской. На него ошеломленно уставились двое рабочих. Фойл схватил кувалду, прыгнул на них и двумя

ударами свалил. Донесся крик Дагенхема. Фойл затравленно огляделся, ворвался в следующую дверь и вновь потерялся в лабиринте. Заревела сирена. Фойл замахнулся кувалдой, пробил тонкий пластик перегородки и оказался в южном коридоре женской половины, освещенном инфракрасным светом.

Навстречу бежали две надзирательницы; Фойл страшным ударом повалил их. Перед ним тянулся бесконечный ряд камер, на каждой двери красным огнем горел номер. Фойл привстал на цыпочки и разбил инфракрасный фонарь над головой. Весь коридор погрузился во мрак… даже для оснащенных очками.

— Теперь мы на равных, — выдохнул Фойл и побежал дальше, на ощупь считая двери по пути к «Югу-900». Он налетел на охранницу, расправился с ней, обнаружил, что сбился со счета, пробежал еще, замер.

— Джиз! — взревел Фойл.

До него донесся ее голос. Он помчался вперед, уложил еще одну охранницу, нашел камеру Джизбеллы.

— Гулли, о Гулли, боже мой…

— Отойди, детка! Назад! — Он трижды яростно ударил молотом, и дверь поддалась. Фойл вва-

лился внутрь. — Джиз?.. — задыхаясь, выдавил он. — Проходил мимо. Дай, думаю, загляну.

— Гулли, ради…

— Да-а… Ничего себе встреча, а? Идем. Идем, девочка. — Он вытащил ее из камеры. — Назад через приемную пути нет. Я там не понравился. Где ваша Санитария?

— Гулли, ты сошел с ума!..

— Вся половина обесточена. Я разбил силовой кабель. У нас есть полшанса. Идем, девочка. Идем.

Он подтолкнул ее вперед, и она повела его по проходам к автоматическим стойлам женской Санитарии. Пока механические руки удаляли одежду, мыли, опрыскивали и дезинфицировали их, Фойл нащупал контрольное медицинское окошко и разбил его молотом.

— Лезь, Джиз.

Он протолкнул ее сквозь окошко и последовал за ней. Голые, намыленные, изрезанные, окровавленные, они искали дверь, через которую входили врачи. Вдруг Фойл поскользнулся и с грохотом упал.

— Не могу найти дверь, Джиз. Дверь. Я…

— Тсс!

— Но…

— Тихо, Гулли!

Мыльная рука нащупала и зажала его рот. Поблизости раздался топот ног — закоулки Санитарии вслепую обшаривали охранники. Инфракрасное освещение до сих пор не исправили.

— Окно могут не заметить, — прошептала Джиз.

Они скорчились на полу. Шаги прогромыхали мимо кабинок и затихли.

— Все в порядке, — выдохнула Джизбелла. — Однако в любую минуту включат прожектора. Идем, Гулли, живей!

— Дверь в клинику, Джиз… Я думал…

— Двери нет. Врачи спускаются по убирающейся винтовой лестнице. И это предусмотрено. Надо попытаться найти грузовой лифт. Хотя бог знает, что это нам даст… О, Гулли, ты идиот! Ты совершенный идиот!

Они полезли обратно через контрольное окошко и стали лихорадочно искать лифт, в котором увозили старую одежду и подавали новую. А механические руки в темноте снова мылили, опрыскивали и дезинфицировали их.

Внезапно надрывно взвыла сирена, заглушая все прочие звуки, и наступила полная тишина, удушающая, как мрак.

— Нас выслеживают геофоном, Гулли.

— Чем?

— Геофоном. Им можно уловить шепот за целую милю.

— Грузовой лифт… Грузовой лифт… — лихорадочно бормотал Фойл.

— Нам не найти.

— Тогда идем.

— Куда?

— Мы убегаем.

— Куда?

— Не знаю. Но я не собираюсь ждать, как баран. Идем. Физические упражнения тебе на пользу.

Он снова толкнул Джизбеллу вперед, и они побежали, задыхаясь, судорожно хватая ртом воздух и спотыкаясь, в черные глубины Жофре Мартель. Джизбелла дважды падала, и Фойл выбежал вперед, как антенну вытянув перед собой рукоятку молота и ею нащупывая проход. Потом они наткнулись на стену и поняли, что оказались в тупике. Пути вперед не было.

— Что теперь?

— Не знаю. Похоже, я больше ничего придумать не могу. Но и возвращаться нам нельзя. Я пристукнул Дагенхема. Мерзкий тип. Как этикетка на бутылке с ядом. Тебя не осенило, девочка?

— О Гулли… Гулли… — Джизбелла всхлипнула.

— Рассчитывал на тебя. «Никаких бомб», — говорила ты. Хотел бы я сейчас иметь бомбу. По крайней мере… Погоди-ка. — Он ощупал скользкую стену и почувствовал под пальцами цементные швы. — Внимание, Г. Фойл передает последние известия. Это не естественный пещерный свод, а сложенная из кирпича стена. Посмотри.

— Ну?

— Значит, проход здесь не кончается. Его просто заложили. Прочь!

Он отшвырнул Джизбеллу назад и яростно набросился на стену. Он бил ритмично и мощно, со всхлипом втягивая сквозь зубы воздух и пристанывая при каждом ударе.

— Они приближаются, — сказала Джизбелла. — Я слышу.

Начали сыпаться камни. Фойл удвоил усилия. Внезапно стена поддалась, и в лица им ударил поток ледяного воздуха.

— Пробил.

Он с яростью набросился на рваные края дыры, во все стороны полетела кирпичная крошка.

— Лезь.

Фойл бросил молот, схватил Джизбеллу и

поднял ее к отверстию на высоте груди. Она вскрикнула от боли, протискиваясь через острые камни. Фойл безжалостно толкал ее вперед, пока не прошли плечи, а затем и бедра. Он отпустил ее ноги, услышал, как она упала по ту сторону, и последовал за ней. Ее руки попытались смягчить его падение на груду камней и щебня. Беглецы оказались в ледяной черноте естественных пещер Жофре Мартель… — мили неисследованных проходов и гротов.

— Мы еще вырвемся, — прохрипел Фойл.

— Не знаю, есть ли отсюда выход, Гулли. — Джизбелла дрожала от холода. — Может быть, это тупик.

— Должен быть выход. Мы найдем его. Давай, девочка!

Они слепо двинулись вперед. Фойл сорвал бесполезные очки и швырнул их под ноги.

Они натыкались на стены, углы, низкие своды. Они падали на острые камни и катились вниз. Потом однажды их ноги разъехались, и оба тяжело упали на гладкий пол. Фойл ощупал его и притронулся языком.

— Лед, — пробормотал он. — Хорошо. Мы в ледяной пещере, Джиз. Подземный ледник.

Они с трудом поднялись и неуверенно пошли

по льду, тысячелетиями нараставшему в безднах Жофре Мартель. Они пробирались сквозь лес сталактитов и сталагмитов, поднимавшихся снизу и свисавших сверху; от каждого их шага с гулким уханьем падали, рассыпаясь, камни. Так они брели вперед — слепо, наугад, спотыкаясь, падая и снова вставая. Закладывающую уши тишину нарушали только судорожное дыхание и колотящиеся сердца, грохот булыжников, звон срывающихся капель и отдаленный шум подземной реки.

На краю каменного леса Фойл остановился, пошарил вокруг и дернул. Последовал чистый, почти металлический звон. Он взял руку Джизбеллы и вложил в нее тонкий и длинный конус сталагмита.

— Трость, — прохрипел Фойл. — Нащупывай дорогу, как слепые.

Он отломил еще один сталагмит, и они побрели вперед — постукивая, прислушиваясь, спотыкаясь в темноте. Закладывающую уши тишину нарушали только судорожное дыхание, звон срывающихся капель и отдаленный шум подземной реки.

— Не туда, девочка. — Фойл легонько подтолкнул ее в сторону. — Бери левее.

— Ты хоть немного представляешь себе, куда мы идем, Гулли?

— Вниз, Джиз. Только вниз.

— У тебя есть идея…

— Да. Сюрприз! Сюрприз! Голова вместо бомб.

— Голова вместо… — Джизбелла истерически рассмеялась. — Ты ворвался с молотом в руках — и это, по-твоему, голова вместо б-б-б…

Она не могла выговорить и подавилась всхлипываниями. Фойл схватил ее и яростно встряхнул.

— Заткнись, Джиз. Если нас выслеживают геофоном, тебя услышат с Марса.

— П-прости, Гулли. Прости. — Она глубоко вздохнула. — Почему вниз?

— Река. Она должна быть близко. Вероятно, это растаявшие воды ледника. Единственный надежный путь. Где-нибудь она выходит наружу. Мы поплывем.

— Гулли, ты сошел с ума!

— В чем дело, ты? Не умеешь плавать?

— Я умею плавать, но…

— Мы должны попытаться. Иди, Джиз. Вперед.

Шум реки приближался, но силы их стали иссякать. Джизбелла остановилась, хватая ртом воздух.

— Гулли, мне надо передохнуть.

— Слишком холодно. Иди вперед.

— Я не могу.

— Иди вперед. — Он нащупал ее локоть.

— Убери свои руки! — яростно закричала она.

Фойл изумленно отступил.

— Что с тобой? Девочка, успокойся. Я пропаду без тебя.

— Вот как? Я говорила тебе: надо готовиться… думать… а ты втянул нас в эту западню…

— Я сам был в западне. Дагенхем угрожал перевести меня в другую камеру. И больше уже не было бы Линии Шепота. Меня вынудили, Джиз… и мы ведь выбрались, правда?

— Выбрались?! Мы потерялись в Жофре Мартель! Ищем треклятую реку, чтобы утопиться. Ты кретин, Гулли, а я набитая дура, что позволила втянуть себя в эту авантюру. Будь ты проклят! Бежать. Спасаться. Молотить… Все, что ты знаешь. Бить. Ломать. Взрывать. Крушить. Уничтожать… Гулли!

Джизбелла вскрикнула. Покатились камни, и послышался тяжелый всплеск. Фойл бросился вперед, заорал: «Джиз!» и сорвался с обрыва.

Он упал в воду с оглушающим ударом. Ледяная река поглотила его и мгновенно закрутила.

Бешено заработав руками и ногами, Фойл почувствовал, как течение тащит его по скользким камням, захлебнулся и выплыл на поверхность. Он откашлялся и закричал. Джизбелла ответила слабым голосом, едва слышным в ревущем потоке. Бурное течение швырнуло его на холодное тело, цепляющееся за скалу.

— Джиз!

— Гулли! Боже мой! — Джизбелла зашлась кашлем.

Прижимаясь к стене, Фойл стал ощупывать своды. Вода с ревом уходила в туннель, и поток засасывал их за собой.

— Держись! — прохрипел Фойл. Он обследовал своды слева и справа — гладкие, скользкие; ухватиться было невозможно.

— Нам не выбраться. Придется плыть, — прокричал Фойл, стараясь перекрыть оглушающий шум воды.

— Там нечем дышать, Гулли. Не выплывешь.

— Ненадолго, Джиз. Наберем воздуха и нырнем.

— Туннель может тянуться дольше, чем нам хватит дыхания.

— Придется рискнуть.

— Я не смогу.

— Ты должна. Другого пути нет. Давай первая. Помогу в случае чего.

— В случае чего!.. — безумным голосом повторила Джизбелла и нырнула. Течение всосало ее в туннель. Фойл тоже мгновенно погрузился под воду. Яростный поток тянул вниз, швыряя на гладкие стены. Фойл плыл сразу за Джизбеллой, и ее молотящие ноги били его по голове и плечам.

Они неслись в туннеле, пока не запылали легкие. Затем внезапно раздался рев воды, их вынесло наверх, и они смогли дышать. Вместо заледеневших сводов появились изломанные скалы. Одной рукой Фойл ухватил ногу Джизбеллы, другой вцепился за выступавший камень.

— Надо выбираться! — прокричал он. — Слышишь этот рев? Водопад. Разорвет на части. Лезь, Джиз.

У нее не было сил, чтобы выбраться из воды. Он подкинул обмякшее тело наверх и вскарабкался сам. Они в изнеможении лежали на мокрых камнях, не в состоянии даже говорить. Наконец Фойл, шатаясь, поднялся.

— Нужно идти, — пробормотал он. — Вниз по реке. Готова?

Она не могла ответить, она не могла протестовать. Он приподнял ее, и они, еле держась

на ногах, побрели вперед, обходя разбросанные гигантские валуны. Они потеряли реку, заблудившись в каменном лабиринте.

— Все… — с отвращением выдавил Фойл. — Снова потерялись. На этот раз, похоже, окончательно. Что будем делать?

Джизбелла зарыдала. Это был не плач, а беспомощные, но яростные звуки. Фойл остановился и сел, потянув ее вниз за собой.

— Возможно, ты права, девочка, — устало произнес он. — Возможно, я кретин. Моя вина.

Она не ответила.

— Ну вот и все, на что способна голова… Хорошее образование ты мне дала. — Он поколебался. — Не попробовать ли нам вернуться в госпиталь?

— Мы не сможем.

— Вероятно. Просто упражнение на сообразительность… Устроим шум? Чтобы нас нашли по геофону?

— Они не услышат… Нас не успеют найти.

— Мы поднимем настоящий шум. Побьешь меня немного… Это доставит удовольствие нам обоим.

— Заткнись.

— Проклятье. Ну и вляпались. — Фойл откинулся назад, опустив голову на мягкую траву. — На

«Номаде» был хоть какой-то шанс. Я по крайней мере видел, куда надо попасть. Я мог… — Он неожиданно замолчал и судорожно подскочил. — Джиз!

— Не говори так много.

Он зарыл руки в почву и швырнул ей в лицо пригоршню мягкой пахучей земли.

— Вдохни! — захохотал он. — Попробуй! Это трава, Джиз. Земля и трава. Мы выбрались из Жофре Мартель.

— Что?!

— Снаружи ночь. Непроглядная ночь. Мы вышли из пещеры и не поняли этого. Мы вышли!

Они вскочили на ноги. Их окружала кромешная тьма, но они чувствовали дыхание ласкового ветра, и сладкий аромат растений коснулся их ноздрей. Издалека донесся собачий лай.

— Боже мой, Гулли… — недоверчиво прошептала Джизбелла. — Ты прав. Мы выбрались. Надо только ждать рассвета.

Она засмеялась. Она раскинула руки, обняла его и поцеловала. Они что-то лепетали возбужденно, перебивая друг друга; потом опустились на мягкую траву, обессиленные, но не способные забыться сном, нетерпеливые, горячие, на заре новой жизни.

— Здравствуй, Гулли, милый Гулли. Здравствуй, Гулли, после всего этого времени…

— Здравствуй, Джиз.

— Я же говорила, что мы встретимся однажды… Я говорила тебе, любимый. И вот настал этот день.

— Ночь.

— Пускай ночь. Но больше не будет одинокого перешептывания во тьме. Наша ночь кончилась, Гулли, милый.

Внезапно они осознали, что лежат рядом, обнаженные, касаясь друг друга. Джизбелла замолчала. Фойл схватил ее и яростно сжал, и она ответила с не меньшей страстью.

Когда рассвело, он увидел, что она прекрасна: высокая и стройная, с дымчатыми рыжими волосами и щедрым ртом.

Но когда рассвело, она увидела его лицо.

Глава 6

У доктора медицины Харли Бэйкера была маленькая практика в Вашингтоне, вполне законная и едва оплачивающая счета за дизельное топливо, которое он сжигал, еженедельно участвуя в тракторных гонках в Сахаре. Настоящий

доход приносила его Фабрика Уродов в Трентоне, куда он джантировал по понедельникам, средам и пятницам. Там, за огромную плату и без лишних вопросов, Бэйкер создавал чудовищ для бизнеса развлечений и творил новые лица для воротил преступного мира.

Похожий на повивальную бабку, Бэйкер сидел на прохладной веранде своего дома и дослушивал повествование Джиз Маккуин.

— По сравнению с побегом из Жофре Мартель все остальное казалось чепухой. Мы наткнулись на охотничий домик, выломали дверь и достали себе одежду. К тому же там было оружие… старое доброе оружие, стреляющее пулями. Мы продали его кое-каким местным и купили билеты к ближайшей известной нам джант-площадке.

— Именно?

— Биарриц.

— Переезжали ночью?

— Естественно.

— Лицо прикрывали?

— Пытались нанести грим. Ничего не получилось. Проклятая татуировка просвечивала. Тогда я купила темную кожу-суррогат и опрыскала его.

— Ну?

— Бесполезно, — раздраженно бросила Джиз. —

Лицо должно быть неподвижно, иначе суррогат трескается и отпадает. Фойл не в состоянии контролировать себя. Это был настоящий ад.

— Где он сейчас?

— С Сэмом Куаттом.

— Я думал, Сэм завязал.

— Да, — мрачно сказала Джиз. — Но он мне обязан. Выгуливает Фойла — путает следы.

— Любопытно… — пробормотал Бэйкер. — Никогда в жизни не видел татуировки. Полагал, что ее искусство умерло. Я бы хотел добавить его к моей коллекции. Ты знаешь, что я собираю курьезы, Джиз?

— Все знают о твоем зоопарке в Трентоне, Бэйкер. Это ужасно.

— В прошлом месяце я приобрел настоящий шедевр — интереснейший случай сиамских близнецов, — увлеченно начал Бэйкер.

— Не желаю слышать об этом, — резко оборвала Джиз. — И не заикайся о своем зверинце. Ты можешь очистить его лицо? Он говорит, что в Госпитале махнули рукой.

— У них нет моего опыта, дорогая. Гм-мм… Кажется, я что-то читал… где-то… Так, где же?.. Подожди. — Бэйкер поднялся и со слабым хлопком исчез. Джизбелла нервно мерила веранду

шагами, пока через двадцать минут он не появился вновь с потрепанной книгой в руке и с торжествующей улыбкой на лице. — Нашел! Ты воистину можешь восхищаться моей памятью.

— К черту твою память. Как с его лицом?

— Сделать можно. — Бэйкер перелистал хрупкие выцветшие страницы и задумался. — Да, это можно сделать. Индиготин, динатриевая соль индигодилсульфокислоты. Вероятно, придется синтезировать… — Бэйкер захлопнул книгу и уверенно кивнул. — Я могу это сделать. Жаль только портить такое уникальное лицо.

— Да забудь ты про свое хобби! — злобно вскричала Джизбелла. — Нас разыскивают, понимаешь?! Мы первые, кто удрал из Жофре Мартель. Ищейки не угомонятся, пока нас не схватят. Это вопрос престижа.

— Чего ты бесишься?

— Я не бешусь. Я объясняю.

— Он будет счастлив в зверинце, — убеждал Бэйкер. — Там его никто не найдет. Я помещу его рядом с девушкой-циклопом и…

— Зоопарк исключен. Абсолютно.

— Ну хорошо, дорогая… Но почему ты беспокоишься о Фойле? Пускай его схватывают. А ты отсидишься.

— Почему тебя беспокоит то, что я беспокоюсь о Фойле? Тебе предлагают работу. Я заплачу.

— Это дорого обойдется, милая. Я пытаюсь сэкономить твои деньги.

— Неправда.

— Значит, я просто любопытен.

— Тогда скажем, что я благодарна. Он помог мне, теперь я помогаю ему.

Бэйкер цинично улыбнулся.

— Так давай поможем ему по-настоящему — сделаем совершенно новое лицо.

— Нет.

— Я так и думал. Ты хочешь очистить его лицо, потому что оно тебя интересует.

— Будь ты проклят, Бэйкер, ты согласен или нет?

— Пять тысяч.

— Не чересчур?

— Тысяча, чтобы синтезировать кислоту. Три тысячи за операцию. И тысячу за…

— Твое любопытство?

— Нет, моя милая. — Он снова улыбнулся. — Тысяча за наркоз.

— Зачем наркоз?

Бэйкер приоткрыл древний текст.

— Процедура очень болезненная. Знаешь, как

делают татуировку? Берут иглу, макают в краску и вкалывают в кожу. Чтобы вывести краску, мне придется пройтись иглой по всему лицу, пора за порой, и вкалывать индиготин. Это больно.

Глаза Джизбеллы вспыхнули.

— Можно обойтись без наркоза?

— Я-то могу, дорогая, но Фойлу…

— К черту Фойла. Плачу четыре тысячи. Никакого наркоза, Бэйкер. Пусть страдает.

— Джиз! Ты не ведаешь, на что его обрекаешь!

— Знаю. Пусть мучается. — Джизбелла истерически засмеялась. — Пусть и он помучается из-за своего лица.

Бэйкеровская Фабрика Уродов занимала пятиэтажное здание, в котором раньше находился завод. Завод выпускал вагончики для метро, пока с метро не покончила джантация. Задние окна фабрики выходили на ракетное поле, и пациенты Бэйкера могли развлекаться, наблюдая за взлетающими и садящимися по антигравитационным лучам кораблями.

В подвальном этаже располагался бэйкеровский зоопарк анатомических аномалий, естественных выродков и чудовищ — купленных, одурманенных или похищенных. Бэйкер был страстно предан этим несчастным созданиям и

проводил с ними долгие часы, упиваясь уродством, как другие упиваются красотой искусства. На средних этажах размещались палаты для прооперированных пациентов, лаборатории, склады и кухни. И наверху — операционные.

В одной из последних — крошечной комнатке, обычно используемой для экспериментов на сетчатке глаза, — Бэйкер работал над лицом Фойла. Под ослепительно яркими лампами он склонился с маленьким стальным молотком, выискивая каждую пору с краской и вбивая туда иглу. Голову Фойла сжимали тиски, но тело было не привязано. И хотя его мышцы дергались, он ни разу не шевельнулся, вцепившись руками в край операционного стола.

— Самообладание, — выдавил Фойл сквозь зубы. — Ты хотела, чтобы я научился самообладанию, Джиз. Я учусь. — Он поморщился.

— Не двигайся, — приказал Бэйкер.

— Мне смешно.

— Все хорошо, сынок, — произнес Сэм Куатт, отвернувшись. Он искоса взглянул на яростное лицо Джизбеллы. — Что скажешь, Джиз?

— Пусть учится.

Бэйкер методично продолжал работать иглой и молоточком.

— Послушай, Сэм, — еле слышно пробормотал Фойл. — Джиз сказала мне, что у тебя есть свой корабль. Не зря ты работал, да?

— Да. Маленький четырехместный кораблик. Из тех, что зовут «Уик-энд на Сатурне».

— То есть?

— Уик-энд на Сатурне длится девяносто дней. Корабль обеспечивает жизнь четырех человек в течение девяноста дней.

— Как раз для меня, — невнятно проговорил Фойл. Он скорчился от боли, но тут же взял себя в руки. — Сэм, я хочу воспользоваться твоим кораблем.

— Зачем?

— Есть дело.

— Законное?

— Нет.

— Тогда это не для меня, сынок. Я завязал.

— Плачу пятьдесят тысяч. Хочешь заработать пятьдесят тысяч? И считай их целыми днями.

Безжалостно впивалась игла. Фойл корчился.

— У меня есть пятьдесят тысяч. В венском банке лежит в десять раз больше. — Куатт вытащил из кармана колечко с мерцающими радиоактивными ключами. — Вот ключ от сейфа. Вот ключ от моего дома в Йоханнесбурге — двадцать комнат,

двадцать акров земли. А вот ключ от корабля в Монтоке. Можешь не искушать меня, сынок. Я джантирую в Йобург и остаток дней своих буду жить тихо и мирно.

— Позволь мне взять корабль. Сиди в Йобурге и греби деньги.

— Когда будут деньги? И откуда?

— Когда вернусь.

— Хочешь получить корабль под честное слово и обещание заплатить?

— Даю гарантию.

Куатт хмыкнул.

— Какую еще гарантию?

— Всего-то — найти в астероидах… корабль «Номад».

— Что там ценного?

— Не знаю.

— Лжешь.

— Не знаю, — упрямо пробормотал Фойл. — Но там должно быть что-то ценное. Спроси Джиз.

— Послушай, — произнес Куатт, — давай я тебе кое-что объясню. Мы в завязке, так что можешь не юлить. Я знаю, что у тебя на уме. Нашел что-то вкусненькое и ни с кем не хочешь делиться. Поэтому и просишь об одолжении…

Фойл корчился под иглой, но, по-прежнему

одержимый, лишь выдавил:

— Не знаю. Спроси Джиз.

— Если хочешь получить честную сделку, сделай честное предложение! — зло сказал Куатт. — Ты осторожничаешь, как проклятый татуированный тигр, готовящийся к прыжку. Мы твои единственные друзья. Не юли!

С губ Фойла сорвался крик.

— Не шевелись, — бесстрастно сказал Бэйкер. — Когда у тебя дергается лицо, я не туда попадаю иглой.

Он поднял глаза и пристально посмотрел на Джизбеллу. Ее губы дрожали. Внезапно она открыла сумочку и достала две банкноты по пятьсот кредиток.

— Мы подождем снаружи.

В приемной она потеряла сознание. Куатт подтащил ее к креслу и разыскал сестру, которая привела ее в чувство нашатырем. Джиз так зарыдала, что Куатт испугался. Он отпустил сестру и ждал, не решаясь подойти, пока рыдания не стихли.

— Черт побери, что происходит?! — потребовал он. — Что значат эти деньги?

— Это кровавые деньги.

— За что?

— Не хочу говорить об этом.

— С тобой все в порядке?

— Нет.

— Могу я тебе помочь?

— Нет.

Наступило молчание. Потом Джизбелла произнесла усталым голосом:

— Ты согласен на предложение Гулли?

— Я? Нет. Пустой номер.

— На «Номаде» должно быть что-то ценное. Иначе Дагенхем не преследовал бы Гулли.

— Я все равно пас. А ты?

— Тоже. Не желаю больше иметь ничего общего с Гулли Фойлом.

Снова наступило молчание. Потом Куатт спросил:

— Значит, я возвращаюсь домой?

— Тебе несладко пришлось, да, Сэм?

— Я тысячу раз думал, что вот-вот сдохну, нянчась с этим тигром.

— Прости, Сэм.

— Я бросил тебя, когда ты попала в беду в Мемфисе.

— Это было только естественно.

— Мы всегда делаем то, что естественно, хотя иногда не следовало бы.

— Я знаю, Сэм. Знаю.

— А потом проводишь остаток дней, пытаясь отквитаться… Пожалуй, я счастлив, Джиз. Сегодня ночью я сумел отдать долг. Могу я теперь вернуться домой?

— Назад в Йобург, к спокойной жизни?

— Да.

— Не оставляй меня одну, Сэм. Я стыжусь себя.

— Почему?

— Жестокость к глупым животным.

— Что это значит?

— Не обращай внимания. Побудь со мной немного. Расскажи мне о счастливой жизни. Что такое счастье?

— Ну, — задумчиво произнес Куатт, — это иметь все, о чем мечтал в детстве. Если в пятьдесят у тебя есть все, о чем мечтал в пятнадцать, это счастье. А мечтал я…

И Куатт описывал символы, цели и разочарования своего детства, пока из операционной не вышел Бэйкер.

— Ну как? — нетерпеливо спросила Джизбелла.

— Все. С наркозом я мог работать быстрее. Сейчас его бинтуют.

— Он ослаб?

— Разумеется.

— Когда снимут бинты?

— Через пять-шесть дней.

— Лицо будет чистым?

— Я полагал, тебя не интересует его лицо, дорогая… Оно должно быть чистым. Не думаю, что я пропустил хоть пятнышко. Можешь восхищаться моим мастерством, Джизбелла… и моей проницательностью. Я собираюсь поддержать затею Фойла.

— Что?! — Куатт рассмеялся. — Ты так рискуешь, Бэйкер? Я считал тебя умнее.

— Не сомневайся. Под наркозом он заговорил… На борту «Номада» — двадцать миллионов в платиновых слитках.

— Двадцать миллионов!

Лицо Куатта побагровело. Он повернулся к Джизбелле, но та тоже была в ярости.

— Не смотри на меня, Сэм. Я не знала. Он и мне не сказал. Клялся, что понятия не имеет, почему Дагенхем его преследует… Я убью его. Я растерзаю его своими собственными руками и не оставлю ничего, кроме черной гнили. Он *будет* экспонатом твоего зверинца, Бэйкер! О господи, почему я сразу не позволила тебе…

Дверь операционной открылась, и две сестры

выкатили носилки, на которых, слегка подергиваясь, лежал Фойл. Голова его была одним сплошным кулем.

— Он в сознании? — спросил Куатт.

— Этим займусь я, — вспыхнула Джизбелла. — Я буду говорить с этим… Фойл!

Фойл слабо отозвался сквозь марлевую повязку. Когда Джизбелла в бешенстве втянула воздух, одна стена госпиталя вдруг исчезла, и оглушающий взрыв повалил их с ног. Здание зашаталось. В образовавшийся проем хлынули люди в форме.

— Рейд! — выдохнул Бэйкер. — Рейд!

— Боже всемогущий! — Куатт задрожал.

Солдаты заполнили здание, крича:

— Фойл! Фойл! Фойл!

Со слабым хлопком исчез Бэйкер. Бросив носилки, джантировал обслуживающий персонал. Фойл хныкал, немощно шевеля руками и ногами.

— Это рейд! — Куатт встряхнул Джизбеллу. — Беги, девонька, беги!

— Мы не можем оставить Фойла! — крикнула Джизбелла.

— Очнись, девонька! Беги!

— Мы не можем его бросить.

Джизбелла схватила носилки и помчалась с

ними по коридору. Куатт тяжело бежал рядом. Крики стали громче:

— Фойл! Фойл! Фойл!

— Оставь его, ради бога! — молил Куатт. — Пускай он достанется им.

— Нет.

— Ты знаешь, что это для нас?.. Лоботомия, Джиз!

— Мы не можем бросить его.

Они завернули за угол и врезались в толпу вопящих пациентов — людей-птиц с трепещущими крыльями, тащившихся подобно тюленям русалок, гермафродитов, гигантов, пигмеев, двухголовых близнецов, кентавров и мяукающих сфинксов. Все они в ужасе выли и цеплялись за Джизбеллу и Куатта.

— Снимай его с носилок! — закричала Джизбелла.

Куатт сдернул Фойла с носилок. Тот оказался на ногах и медленно повалился. Джизбелла и Куатт подхватили его за руки и втащили в палату, где Бэйкер содержал уродов с ускоренным чувством времени, подобно летучим мышам мечущихся по комнате и подобно летучим мышам испускающих пронзительные визги.

— Сэм, джантируй с ним.

— После того как он собирался надуть нас?

— Мы не можем бросить его, Сэм. Ты должен был бы уже понять. Джантируй с ним. Быстрее!

Джизбелла помогла Куатту взвалить Фойла на плечо. Воздух дрожал от душераздирающего визга уродцев. Двери палаты настежь распахнулись. Залязгали пневматические винтовки. Куатта швырнуло в стену, он охнул и выронил Фойла. На виске появился иссине-черный подтек.

— Убирайся отсюда, — прохрипел Куатт. — Со мной покончено.

— Сэм!

— Со мной покончено. Я не могу джантировать. Спасайся!

Превозмогая боль, Куатт выпрямился и с ревом бросился на хлынувших в палату солдат. Джизбелла схватила Фойла за руку и поволокла через заднюю дверь, через кладовую, через клинику, через приемную, вниз по древним ступеням — шатким, скрипучим, поднимающим клубы пыли. Она протащила Фойла через подвальный склад продовольствия, наткнулась на забитую деревянную дверь и вышибла ее. Они спустились по выщербленным ступенькам и очутились в старом угольном подвале. Взрывы и крики над головой звучали тише. Скатившись по спускному

желобу, Джизбелла и Фойл оказались у задней стены Фабрики Уродов. Перед ними расстилалось ракетное поле. Пока они переводили дыхание, Джизбелла проследила взглядом за садящимся по антигравитационному лучу грузовым кораблем. Его иллюминаторы сверкали, опознавательные огни перемигивались, как зловещая неоновая вывеска, выхватывая из тьмы заднюю стену госпиталя.

С крыши здания сорвалась фигура. То был отчаянный прыжок Сэма Куатта, надеющегося долететь до ближайшей шахты, где антигравитационный луч мог бы подхватить его и смягчить падение. Он рассчитал идеально и в семидесяти футах над землей пролетел над шахтой. Луч был выключен. Сэм упал на бетон и разбился.

Джизбелла сдавленно вскрикнула. Все еще машинально держа Фойла за руку, она подбежала к телу Куатта. Там она выпустила Фойла и нежно коснулась головы Сэма. Ее пальцы обагрились кровью. Фойл вцепился в свою повязку и проделал дыры перед глазами. Он что-то бормотал, прислушиваясь к рыданиям Джизбеллы и доносящимся крикам. Его руки слепо ощупали тело Куатта, потом он поднялся и потянул Джизбеллу.

— Надо идти, — прокаркал он. — Надо убирать-

ся. Нас заметили.

Джизбелла не шевельнулась. Фойл напряг силы и поднял ее на ноги.

— Таймс-сквер, — бормотал он. — Джантируй, Джиз! Таймс-сквер. Джантируй!

Вокруг них возникли фигуры в форме. Фойл дернул Джизбеллу за руку и джантировал на Таймс-сквер. Тысячи джантеров изумленно уставились на огромного человека с перебинтованной головой. Фойл до боли всматривался сквозь бинты. Джизбелла могла быть где угодно. Он закричал:

— Монток, Джиз! Монток!

Фойл джантировал с последней вспышкой энергии и молитвой. В лицо ударил холодный северный ветер, швырнув горсть колючих ледяных крошек. На площадке виднелась еще одна фигура. Фойл на неверных ногах заковылял через снег и ветер. Это была Джизбелла, замерзшая и оцепеневшая.

— Слава богу, — пробормотал Фойл. — Слава богу. Где Сэм держит свой «Уик-энд»? — Он встряхнул Джизбеллу. — Где Сэм держит свой «Уик-энд»?

— Сэм мертв.

— Где он держит свой корабль?

— Сэм отошел от дел. Теперь его не напугаешь.

— Где корабль, Джиз?

— Там, за маяком.

— Идем.

— Куда?

— К кораблю Сэма. — Фойл взмахнул рукой перед глазами Джизбеллы; связка мерцающих ключей лежала в его ладони. — Идем.

— Он дал тебе ключи?

— Я снял их с тела.

— Вампир! — Она засмеялась. — Лжец… Вот… Тигр… Вампир… Мразь… Стервятник… Гулли Фойл.

И все же она пошла вслед за ним через буран к маяку.

Трем акробатам в напудренных париках, четырем огненно-красным женщинам, обвитым питонами, младенцу с золотыми кудрями и циничным ртом и инвалиду с пустотелой стеклянной ногой, в которой плавала золотая рыбка, Саул Дагенхем сказал:

— Все, операция закончена. Отзовите остальных.

Статисты джантировали и исчезли. Регис Шеффилд протер глаза и спросил:

— Что значит это помешательство, Дагенхем?

— Юрист сбит с толку, не так ли? Это часть нашей операции ВФБК. Веселье, фантазия, беспорядок, катастрофа. — Дагенхем повернулся к Престейну и улыбнулся своей улыбкой мертвой головы. — Я могу вернуть вашу плату, если угодно, Престейн.

— Вы выходите из игры?

— Нет. Я получаю колоссальное удовольствие. Я готов работать бесплатно. Мне никогда не доводилось сталкиваться с человеком такого масштаба. Фойл уникален.

— То есть? — резко потребовал Шеффилд.

— Я устроил ему побег из Жофре Мартель. Он бежал, да, но не так, как я предполагал. Я пытался спасти его от лап полиции беспорядком и катастрофами; он ушел от полиции, но не так, как я рассчитывал… по-своему. Я пытался вырвать его из лап Разведки весельем и фантазией. Он ушел… и опять по-своему. Я хотел заманить его на корабль, чтобы он сделал бросок на «Номад». Он не поддался на уловку, но достал корабль. И сейчас летит.

— А вы следом.

— Разумеется. — В голосе Дагенхема появилось сомнение. — Но что он делал на Фабрике Бэйкера?

— Пластическая операция? — предположил Шеффилд. — Новое лицо?

— Не может быть. Бэйкер недурной хирург, но он не мог сделать пластическую операцию так быстро. Фойл был на ногах с забинтованной головой.

— Татуировка, — сказал Престейн.

Дагенхем кивнул, и улыбка сошла с его губ.

— Вот что меня беспокоит. Вы понимаете, Престейн, что если Бэйкер свел татуировку, мы не узнаем Фойла?

— Мой дорогой Дагенхем, лицо-то не изменилось.

— Мы никогда не видели его лица. Мы видели только маску.

— Я вообще не встречался с ним, — заметил Шеффилд. — На что похожа эта маска?

— На тигра. Я дважды беседовал с Фойлом и должен был бы запомнить его лицо наизусть — но не запомнил. Я знаю только татуировку.

— Нелепо, — резко бросил Шеффилд.

— Нет. Чтобы поверить, Фойла надо видеть. Однако это уже не имеет значения. Он приведет нас к «Номаду», к вашим сокровищам и ПирЕ, Престейн. Я почти жалею, что все кончено. Я говорил, что получаю огромное удовольствие. Он

воистину уникален.

Глава 7

«Уик-энд на Сатурне» — корабль на четверых. Для двоих он более чем просторен; но только не для Фойла и Джиз Маккуин. Фойл спал в рубке, Джиз держалась своей каюты.

На седьмой день Джизбелла заговорила с Фойлом во второй раз.

— Пора снимать повязку, Чудовище.

Фойл покинул камбуз, где угрюмо варил кофе, и вплыл за Джизбеллой в ванную. Джизбелла открыла капсулу с эфиром и начала промокать и снимать бинты напряженными ненавидящими руками. Медленно сходили слои прозрачного газового полотна. Фойл мучился в агонии подозрительности.

— Ты думаешь, у Бэйкера все получилось?

Молчание.

— Он ничего не мог пропустить?

Снимаются бинты.

— Болеть перестало два дня назад.

Молчание.

— Ради всего святого, Джиз! Между нами еще война?

Руки Джизбеллы замерли. Она с ненавистью смотрела на забинтованное лицо.

— Как ты думаешь?

— Я спрашиваю тебя.

— Да.

— Почему?

— Тебе не понять.

— Объясни.

— Заткнись.

— Если между нами война, зачем ты пошла со мной?

— За тем, что причитается Сэму и мне.

— Деньги?

— Заткнись.

— Это было не обязательно. Ты можешь мне доверять.

— Доверять? Тебе?

Джизбелла мрачно засмеялась, продолжая снимать повязку. Фойл грубо отмахнулся от ее рук.

— Я сам.

Она наотмашь ударила его по забинтованному лицу.

— Ты будешь делать то, что говорю тебе я. Спокойно, Чудовище!

Последний слой бинта упал с глаз Фойла. Огромные и темные, они пристально смотрели

на Джизбеллу. Веки были чистыми; переносица была чистой. Последний слой бинта сошел с подбородка. Подбородок был иссиня-черный. Фойл, жадно наблюдавший в зеркало, хрипло вздохнул.

— Он пропустил подбородок! Бэйкер…

— Заткнись, — бросила Джиз. — Это борода.

Лоб был чист. Щеки под глазами были чисты. Все остальное было покрыто черной семидневной щетиной.

— Побрейся, — приказала Джиз.

Фойл пустил воду, смочил лицо, втер мазь и смыл бороду. Затем подался к зеркалу и внимательно рассмотрел себя, не замечая, что его голова едва не касается головы Джиз, тоже наклонившейся вперед. От татуировки не осталось и следа. Оба вздохнули.

— Чистое, — прошептал Фойл. — Чистое. — Внезапно он еще ближе придвинул лицо к зеркалу и с удивлением изучил себя. Лицо показалось ему незнакомым. — Я изменился. Не помню, чтобы я так выглядел. Мне сделали пластическую операцию?

— Нет, — сказала Джизбелла. — Твоя душа изменила его. Ты видишь вампира; вампира, лжеца и обманщика.

— Ради бога! Прекрати! Оставь меня в покое!

— Вампир, — повторила Джизбелла, глядя в лицо Фойла широко раскрытыми горящими глазами. — Лжец. Обманщик.

Он схватил ее за плечи и пихнул в кают-компанию. Она поплыла по коридору, ударилась о поручень и закрутилась.

— Вампир! Лжец! Обманщик! Вампир! Зверь!

Фойл догнал ее. Снова схватил и яростно встряхнул. Огненно-красные волосы Джизбеллы разметались и всплыли русалочьими косами. Выражение отчаянной ненависти превратило ярость Фойла в страсть. Он обнял ее и зарыл свое новое лицо на ее груди.

— Лжец, — прошептала Джиз. — Животное…

— О Джиз…

— Свет, — выдохнула Джизбелла.

Фойл нащупал сзади выключатель, и «Уик-энд на Сатурне» продолжал полет к астероидам с темными иллюминаторами…

Они плавали в каюте, нежась, переговариваясь, ласково касаясь друг друга.

— Бедный Гулли, — шептала Джизбелла. — Бедный мой милый Гулли.

— Не бедный, — возразил он. — Богатый… скоро.

— Да, богатый и пустой. У тебя же ничего нет внутри, Гулли, милый… Ничего, кроме ненависти и жажды мести.

— Этого достаточно.

— Сейчас достаточно. А потом?

— Потом? Будет видно.

— Смотря что у тебя внутри, Гулли, смотря чем ты обладаешь.

— Нет, смотря от чего я смогу избавиться.

— Гулли… почему ты обманул меня в Жофре Мартель? Почему не сказал о сокровище на «Номаде»?

— Я не мог.

— Ты мне не доверял?

— Не то. Просто не мог. Что-то глубоко внутри… то, от чего мне необходимо избавиться.

— Снова контроль, а, Гулли? Ты одержим.

— Да, одержим. Я не могу обучиться самообладанию, Джиз. Хочу, но не могу.

— А ты пытаешься?

— Да. Видит бог, да. Но вдруг что-то происходит, и…

— И тогда ты срываешься. «Мерзкий, извращенный, отвратительный негодяй. Зверь. Хуже зверя».

— Что это?

— Один человек по имени Шекспир написал. Это ты, Гулли… когда теряешь контроль.

— Если бы я мог носить тебя в кармане, Джиз… предупреждать меня… колоть меня булавкой…

— Никто это за тебя не сделает, Гулли. Ты должен научиться сам.

Фойл помолчал, затем проговорил неуверенно:

— Джиз… насчет этих денег…

— К черту деньги.

— Могу я не делиться?

— Ох, Гулли…

— Нет… не то что я жадничаю. Если бы не «Ворга», я бы дал тебе все, что ты хочешь. Все! Я отдам тебе каждый цент, когда закончу. Но я боюсь, Джиз. «Ворга» — крепкий орешек… Престейн, и Дагенхем, и их адвокат, Шеффилд… Я должен экономить каждый грош, Джиз. Я боюсь, что если я дам тебе хоть одну кредитку, то именно ее мне не хватит на «Воргу». — Он замолчал. — Ну?

— Ты одержим, — устало произнесла она. — Ты совершенно одержим.

— Нет.

— Да, Гулли. Какая-то малая часть твоя занимается любовью, но остальное живет «Воргой».

В этот момент неожиданно и пронзительно зазвенел радар.

— Прибыли, — выдохнул Фойл; вновь напряженный, вновь одержимый. Он рванулся в контрольную рубку.

Фойл налетел на астероид с необузданной свирепостью вандала. Корабль резко затормозил, выплевывая пламя из носовых дюз, и лег на орбиту вокруг кучи хлама, вихрем проносясь мимо большого люка, из которого Дж♂зеф и его братья выходили на сбор космических обломков, мимо кратера, вырванного Фойлом из бока астероида во время отчаянного броска на Землю. Они прошли над окнами парника и увидели сотни запрокинутых лиц, мелких белых бликов, испещренных татуировкой.

— Значит, они спаслись, — пробормотал Фойл. — Они ушли в глубь астероида… пока ремонтируют остальное.

— Ты поможешь им, Гулли?

— Зачем?

— По твоей вине они чуть не погибли.

— Пускай проваливают к черту. У меня своих хлопот достаточно. Даже хорошо, не будут мешать.

Он сделал еще один круг над астероидом и подвел корабль к кратеру.

— Начнем отсюда. Надевай скафандр, Джиз.

Пойдем. Пойдем!

Он гнал ее, сжигаемый нетерпением; он гнал себя. Они залезли в скафандры, вышли из корабля и стали продираться сквозь дебри кратера в холодные внутренности астероида, извиваться и протискиваться в узкие извилистые ходы, словно пробуравленные гигантскими червями. Фойл включил микроволновый передатчик и обратился к Джиз:

— Осторожнее, не потеряйся. Держись ближе ко мне.

— Куда мы идем, Гулли?

— К «Номаду». Помню, что они вцементировали его в астероид. Не знаю где. Надо искать.

Их продвижение было бесшумным в безвоздушных проходах, но звук передавался по скалам и стальным каркасам. Однажды они остановились перевести дыхание у изъеденного корпуса древнего крейсера и, прислонившись к нему, почувствовали ритмичный стук.

Фойл улыбнулся.

— Дж♂зеф и Ученый Люд. Просят на пару слов. Уйдем от ответа. — Он дважды стукнул по корпусу. — А теперь личное послание моей жене. — Его лицо потемнело. Он яростно ударил по металлу и повернулся. — Идем.

Но сигналы преследовали их постоянно. Было очевидно, что наружная часть астероида брошена, племя оттянулось в центр. Неожиданно в проходе из покореженного алюминия открылся люк, блеснул свет, и в чудовищном старом скафандре появился Дж♂зеф. Он стоял с моляще воздетыми руками, шевеля дьявольским ртом, гримасничая дьявольским лицом.

Фойл, завороженно не отрывая глаз от старика, сделал шаг вперед, потом остановился, судорожно сжимая кулаки и беззвучно сглатывая. И Джизбелла, посмотрев на Фойла, в ужасе закричала, потому что старая татуировка выступила на его лице, кроваво-красная на мертвенно-бледной коже, уже алая, а не черная, настоящая тигриная маска.

— Гулли! Боже мой! Твое лицо!

Фойл не сводил глаз с Дж♂зефа. Тот делал молящие жесты, отчаянно размахивал руками, предлагая войти внутрь астероида, потом исчез. Только тогда Фойл повернулся к Джизбелле.

— Что? Что ты сказала?

Через прозрачный шлем скафандра она отчетливо видела его лицо. По мере того как утихала ярость, татуировка бледнела и наконец совсем пропала.

— Твое лицо, Гулли. Я знаю, что случилось с твоим лицом.

— О чем ты?

— Тебе хотелось иметь при себе контролера, Гулли? Так ты его получил. Твое лицо. Оно… — Джизбелла истерически засмеялась. — Теперь тебе придется научиться самоконтролю, Гулли. Ты никогда не сможешь дать волю эмоциям… чувствам… потому что…

Но Фойл смотрел мимо нее и внезапно с диким криком сорвался с места. Он резко остановился перед открытым люком и восторженно завопил, потрясая руками. Люк вел в инструментальный шкаф размером четыре на четыре на девять. В этом гробу Фойл жил на борту «Номада».

Корабль был практически не тронут. Фойл схватил Джизбеллу за руку и потащил по палубам. Наконец они добрались до каюты капитана. И там, разбросав обломки и сорвав обшивку, Фойл нашел массивный стальной сейф, тусклый и неприступный.

— У нас есть выбор, — пробормотал он. — Выдрать сейф из корпуса и отвезти на Землю или открыть здесь. Я за второе. Дагенхем мог лгать. Смотря какие инструменты держит Сэм на корабле. Пошли назад, Джиз.

Он так и не заметил ее молчания и отвлеченного вида, пока не перерыл весь корабль в поисках инструментов.

— Ничего! — в отчаянии воскликнул он. — На борту нет даже молотка или дрели. Абсолютно ничего, кроме открывалок!

Джизбелла молчала, не сводя глаз с его лица.

— Ты чего так на меня уставилась? — раздраженно спросил Фойл.

— Я зачарована, — медленно произнесла она.

— Чем?

— Я тебе кое-что покажу, Гулли.

— Что?

— Свое презрение.

Джизбелла трижды ударила его. Ошеломленный пощечинами, Фойл яростно сверкнул глазами. Джизбелла взяла зеркальце и поднесла к нему.

— Взгляни на себя, Гулли, — сказала она спокойно. — Посмотри на свое лицо.

Он посмотрел. Он увидел налившуюся кровью татуировку, пылавшую под кожей и превращавшую лицо в ало-белую тигриную маску. Его так заворожило ужасное зрелище, что ярость сразу же улеглась, и одновременно исчезла маска.

— Боже мой, — прошептал Фойл. — О боже

мой… Что это значит, Джиз? Бэйкер запорол работу?

— Не думаю. У тебя остались шрамы под кожей, Гулли… от татуировки и от операции. Иголочные шрамы. Они не видны обычно, но стоит тебе потерять самообладание, дать волю чувствам, как они наливаются кровью… когда тебя охватывает страх, бешенство, ярость… Ты понимаешь?

Он покачал головой, все еще изучая свое лицо, пораженно ощупывая его.

— Ты хотел носить меня в кармане, чтобы я колола тебя булавками, когда ты выходишь из себя… У тебя есть теперь кое-что лучше этого, Гулли, или хуже, бедный мой милый. У тебя есть твое лицо.

— Нет! — закричал он. — Нет!

— Тебе никогда нельзя терять контроль, Гулли. Ты никогда не сможешь слишком много пить, слишком яростно ненавидеть, слишком сильно любить… Ты должен держать себя в железных тисках.

— Нет! — отчаянно настаивал он. — Все можно изменить. Бэйкер сможет или кто-нибудь другой. Я не хочу отказываться от чувств из боязни, что превращусь в чудовище!

— Думаю, ничего нельзя сделать, Гулли.

— Пересадка кожи.

— Шрамы чересчур глубоки. Ты никогда не сможешь избавиться от своего клейма, Гулли. Тебе придется научиться жить с ним.

С внезапной вспышкой ярости Фойл отшвырнул зеркало, и кроваво-красная маска вновь зардела под кожей. Он бросился в тамбур и стал судорожно напяливать скафандр.

— Гулли! Куда ты? Что ты собираешься делать?

— Достать инструменты! — выкрикнул он. — Инструменты для проклятого сейфа.

— Где?

— В астероиде. У них там десятки складов, набитых инструментами с кораблей. Там должно быть все, что мне нужно. Не ходи со мной. Могут возникнуть осложнения. Как теперь мое личико? Дает о себе знать? О господи, ниспошли мне испытание!

Фойл надел скафандр, нашел ход в обитаемую зону и заколотил по двери. Он ждал, и снова колотил, и продолжал свой повелительный вызов, пока люк не открылся. Из него высунулись руки и втянули Фойла внутрь; люк захлопнулся.

Фойл моргнул и оскалился, глядя на Дж♂зефа и сгрудившихся невинных братьев с чудовищно разрисованными лицами. И понял: его лицо сей-

час ярко пылает, потому что Дж♂зеф неожиданно отпрянул, и кошмарный дьявольский рот по слогам прочитал «Н♂МАД».

Фойл пошел сквозь толпу, грубо расталкивая всех в стороны, и сокрушительно ударил Дж♂зефа кулаком. Он бродил по жилым коридорам, смутно припоминая их, пока наконец не нашел склад: полупещеру, полукамеру, где хранились инструменты.

Он рылся, отбрасывая ненужное, отбирая дрели, алмазные сверла, кислоты, толовые шашки, запалы. В медленно вращавшемся астероиде общий вес набранного не превышал ста фунтов. Он наспех перевязал все кабелем и вышел из склада.

Дж♂зеф и братия поджидали его и набросились, как блохи на волка.

Фойл жестоко бил их, расшвыривал и топтал — безжалостно, свирепо, упоенно. Скафандр защищал его от ударов. И он неумолимо шествовал по коридорам, ища люк, ведущий в пустоту.

В шлемофоне раздался голос Джизбеллы, слабый и тревожный.

— Гулли, слышишь меня? Это Джиз. Гулли, слушай.

— Ну?

— Две минуты назад появился чужой корабль. Он по другую сторону от астероида.

— Что?!

— Весь расписан желтым и черным, как шершень.

— Цвета Дагенхема!

— Значит, нас выследили.

— Как же иначе? Дагенхем, очевидно, следил за мной с тех пор, как мы вырвались из Жофре Мартель. Я просто болван, что не подумал об этом. Как он выследил меня, Джиз? Через тебя?

— Гулли!

— Не обращай внимания. Неудачная шутка. — Он глухо рассмеялся. — Надо спешить, Джиз. Надевай скафандр и беги на «Номад», к сейфу. Иди, девочка.

— Но…

— Все, они могут прослушивать нашу волну. Иди!

Фойл проложил себе путь через астероид, прорвался сквозь заслон у запертого люка, разбил его и вышел в пустоту внешних переходов. Ученый Люд временно отложил погоню, чтобы закрыть люк; однако они не собирались оставлять его в покое.

Джизбелла ждала у сейфа. Она сделала движе-

ние к рации, но Фойл приложил свой шлем к ее и прокричал:

— Никакого радио! Запеленгуют! Ты ведь слышишь меня?

Она кивнула.

— Хорошо. У нас есть, может быть, час, пока нас не найдет Дагенхем и его братия. Мы попали в дьявольский переплет. Надо пошевеливаться.

Она снова кивнула.

— Сейф вскрывать некогда… а потом еще перетаскивать слитки.

— Если они там.

— Дагенхем здесь, не так ли? Вот лучшее доказательство. Нам придется вырубить сейф и целиком перетащить его на «Уик-энд». Потом — вперед.

— Но…

— Слушай и делай, что я велю. Возвращайся на корабль и выброси все лишнее. Все, без чего можно обойтись… все запасы, кроме НЗ.

— Почему?

— Потому что я не знаю, сколько тонн в этом сейфе. Наша яхточка когда-нибудь вернется на Землю, и мы не можем позволить себе рисковать. Очисти корабль. Быстро! Иди, девочка, иди!

Фойл отбросил Джизбеллу в сторону и, больше

не взглянув в ее направлении, накинулся на сейф. Тот был встроен в корпус — массивный стальной шар четырех футов в диаметре, приваренный к каркасу «Номада» в двенадцати местах. И каждый стык Фойл поочередно атаковал кислотами, дрелью, термитом и хладагентом. Он следовал теории напряжения… нагреть, охладить и травить сталь до разрушения ее кристаллической решетки. Он брал металл на усталость.

Вернулась Джизбелла, и Фойл понял, что прошло сорок пять минут. Он весь взмок, руки дрожали, но массивный глобус сейфа все же отделился от корпуса, растопырив двенадцать вывороченных ребер. Фойл судорожно махнул Джиз; и хотя они вместе налегли на шар, им не удалось стронуть его с места. Когда они в изнеможении отвалились, черная тень закрыла на миг солнечный свет, льющийся через дыры в корпусе «Номада».

Фойл прижал шлем к Джизбелле.

— Дагенхем. Наверное, уже выпустил поисковую группу. Как только они поговорят с Дж♂зефом, нам каюк.

— Ох, Гулли…

— У нас есть шанс — если не сразу заметят «Уик-энд». Еще хотя бы пару витков, и мы успеем

перетащить сейф на борт…

— Как?

— Я не знаю, черт подери! Я не знаю. — Он яростно ударил кулаком по стене. — Конец.

— А не попробовать ли взрывом?

— Взрывом?.. Что — бомбы вместо мозгов? Ты ли это?

— Послушай. Взрыв вместо реактивного двигателя… он подтолкнет.

— Понял. А что потом? Одними взрывами не поможешь. Нет времени.

— А мы приведем корабль.

— Что?

— Взрывом выталкиваем сейф в космос. Затем подводим корабль, и пускай этот гроб падает в грузовой люк. Все равно что ловить шляпой шарик. Понимаешь?

— Господи… Джиз, годится! — Фойл прыгнул к инструментам и стал выбирать динамитные шашки и запалы. — Придется использовать радио. Один из нас останется с сейфом, другой поведет корабль.

— Ты лучше веди. А я буду направлять.

Он кивнул, уже прикрепляя взрывчатку.

— Вакуумные запалы, Джиз; рассчитаны на две минуты. По моей команде срывай колпачок и

убирайся подальше. Ясно?

— Ясно.

— Как только ловим сейф, сразу лезь за ним. Не зевай. Времени в обрез.

Фойл хлопнул ее по плечу и вернулся на «Уик-энд». И наружный, и внутренний люки он оставил открытыми; лишившись воздуха, корабль выглядел заброшенным и чужим.

Фойл сразу сел за пульт и включил радио.

— Начинаем, — пробормотал он. — Я иду.

«Уик-энд» поднялся легко и свободно, расталкивая хлам, как всплывающий кит. И тут же Фойл крикнул:

— Динамит, Джиз!

Вспышки не было; новый кратер открылся в астероиде, и распускающимся цветком брызнули в стороны обломки, сразу опередив лениво вращающийся тусклый шар.

— Спокойней. — Голос Джизбеллы звучал холодно и уверенно. — Ты подходишь слишком быстро. И, между прочим, нас накрыли.

Фойл затормозил, тревожно глядя вниз. Поверхность астероида облепил рой шершней. То была команда Дагенхема в желто-черных полосатых скафандрах. Они кружили вокруг одинокой белой фигурки.

— Не волнуйся. — Джиз говорила спокойно, но он слышал, как тяжело она дышит… — Еще немного… Сделай четверть оборота…

Фойл повиновался почти автоматически, продолжая наблюдать за борьбой внизу. Корма яхты закрыла сейф, но он все еще видел людей Дагенхема и Джизбеллу. Она включила ранцевый двигатель… крохотный язычок пламени вырвался из ее спины… она снова сумела увернуться.

Тут же вспыхнули огни людей Дагенхема. С десяток бросили преследование Джизбеллы и ринулись на «Уик-энд».

— Держись, Гулли. — Джизбелла судорожно втягивала воздух, но голос звучал уверенно. — Сейчас должен выйти корабль Дагенхема… Так, хорошо… Секунд через десять…

Шершни сомкнулись и поглотили маленький белый скафандр.

— Фойл! Ты слышишь меня, Фойл? — Голос Дагенхема сперва еле пробивался через шум, потом вдруг прозвучал в шлемофоне ясно и отчетливо. — Это Дагенхем говорит на вашей волне. Сдавайся, Фойл!

— Джиз! Джиз! Ты можешь вырваться?

— Так держать, Гулли… Ну идет! Точно в лунку!

Корабль содрогнулся, когда медленно кувыркающийся сейф влетел в главный люк. И в тот же миг белая фигурка выскочила из густого роя и, оставляя огненный хвост, преследуемая буквально по пятам, помчалась к яхте.

— Давай, Джиз! Давай!!! — взвыл Фойл. — Скорей, девочка, скорей!

Джизбелла скрылась из виду за кормой корабля, и Фойл приготовился к максимальному ускорению.

— Фойл! Ты ответишь мне? Говорит Дагенхем.

— Убирайся к черту, Дагенхем! — закричал Фойл. — Скажи мне, когда будешь на корабле, Джиз, и держись.

— Я не могу попасть, Гулли.

— Ну давай же, девочка!

— Я не могу попасть на корабль. Сейф закрыл проход. Нет никакой щели…

— Джиз!

— Говорю тебе, не могу!! — в отчаянии выкрикнула она.

Фойл дико озирался. Люди Дагенхема карабкались по корпусу «Уик-энда» с грозной сноровкой профессиональных пиратов. Над низким горизонтом астероида поднимался корабль Дагенхема. У Фойла закружилась голова.

— Фойл, тебе конец. Тебе и девушке. Но я предлагаю сделку…

— Гулли, помоги мне! Сделай что-нибудь, Гулли! Спаси!.. Я погибла!

— Ворга, — озверело выдавил Фойл. Он закрыл глаза и опустил руки на пульт. Взревели кормовые двигатели. «Уик-энд» содрогнулся и прыгнул вперед. Он оставил позади пиратов Дагенхема, Джизбеллу, угрозы, мольбы. Он безжалостно вдавил Фойла в кресло чудовищным ускорением, ускорением менее жестоким, менее коварным, менее предательским, чем обуявшая его ярость.

И на лице одержимого взошло кровавое клеймо.

Часть вторая

Я веду фантазий войско
Воевать моря и земли,
На шальном коне я скачу во сне,
«Меч пылающий подъемля.
Приглашение к турниру
Мне прислала королева:
До нее езды — три косых версты,
За Луной свернуть налево»[21].

Том из Бедлама

Глава 8

Война смертельным ядом пропитывала планеты. К концу года боевые действия ожесточились. Из романтических приключений и происходящих где-то в глубинах космоса стычек война превратилась в чудовищную бойню. Мировые войны остались в прошлом; началась первая Солнечная война.

Воюющие стороны медленно, но неумолимо

---

[21] Примечания: 21
Перевод Г. Кружкова

посылали людей и технику на уничтожение. Внешние Спутники объявили всеобщую мобилизацию; Внутренние планеты, естественно, последовали их примеру. На службу армии были поставлены торговля, промышленность, наука и ремесла. Начались запреты и преследования.

Коммерция повиновалась, потому что эта война (как и все войны) была лишь продолжением политики другими средствами. Но люди возмущались и протестовали; многие джантировали, спасаясь от призыва и принудительных работ. Бродили слухи о шпионах и диверсантах. Паникеры становились Информаторами и Линчевателями. Зловещие предчувствия завладели умами и парализовали жизнь… Конец года скрашивался лишь прибытием Четырехмильного цирка.

Так называли нелепую свиту Джеффри Формайла с Цереса, молодого повесы с одного из крупнейших астероидов. Формайл был невообразимо богат и невообразимо занятен. Его сопровождение представляло собой абсурдный гибрид передвижного цирка и бродячих комедиантов. Таким он явился в Грин-Бей, штат Висконсин.

Сперва ранним утром прибыл нотариус в высо-

ченном цилиндре, выискал большой луг у озера Мичиган и арендовал его за бешеную цену. За ним последовала орава землемеров, в двадцать минут наметившая лагерь. Заговорили о прибытии Четырехмильного цирка. Из Висконсина, Мичигана и Миннесоты стали собираться зеваки.

На луг джантировали двадцать рабочих, каждый с тюком-палаткой за спиной. Распоряжения, крики, проклятья, истошный вой сжатого воздуха сплелись в единый хор. Двадцать гигантских куполов рванулись вверх, сверкая быстро высыхающей на зимнем солнце радужной пленкой. Толпа наблюдателей одобрительно зашумела.

Над землей повис шестимоторный вертолет. Из его разверзнувшегося брюха полился водопад мебели. Джантировавшие повара, официанты, слуги и камердинеры обставили и украсили шатры. Задымили кухни, и дразнящие ароматы наполнили лагерь. Частная полиция Формайла уже находилась на посту, патрулируя окрестности и отгоняя праздношатающихся.

Затем — самолетами, машинами, автобусами, грузовиками и велосипедами — стала прибывать свита Формайла. Библиотекари и книги, лаборатории и ученые, философы, поэты и спортсмены.

Разбили площадку для фехтования, ринг для бокса, уложили маты для дзюдо. Свежевырытый пруд молниеносно заполнили водой из озера. Любопытная перебранка произошла между двумя мускулистыми атлетами — подогреть ли воду для плавания или заморозить для фигурного катания. Прибыли музыканты, актеры, жонглеры и акробаты. Стоял оглушительный гам. Компания механиков в мгновение ока соорудила заправочно-ремонтный пункт и со страшным ревом завела две дюжины дизельных тракторов — личную коллекцию Формайла. Последней появилась обычная лагерная публика: жены, дочери, любовницы, шлюхи, попрошайки, мошенники и жулики. Через пару часов гомон цирка был слышен за четыре мили — отсюда и его название.

Ровно в полдень, демонстрируя транспорт столь вопиюще несуразный и крикливый, что рассмеялся бы и закоренелый меланхолик, прибыл Формайл с Цереса. Гигантский гидроплан зажужжал с севера и опустился на поверхность озера. Из брюха гидроплана вышла десантная амфибия и поплыла к берегу. Ее борт откинулся, и на середину лагеря выехал большой старый автомобиль.

— Что теперь? Велосипед?

— Нет, самокат…

— Он вылетит на помеле…

Формайл превзошел самые дикие предположения. Над крышей автомобиля показалось жерло цирковой пушки. Раздался грохот; из клубов черного дыма вылетел Формайл с Цереса и упал в растянутую сеть у самых дверей своего шатра. Аплодисменты, которыми его приветствовали, были слышны за шесть миль. Формайл взобрался на плечи лакея и взмахом руки потребовал тишины.

— О господи! Оно собирается произносить речь!

— «Оно»? Вы имеете в виду «он»?

— Нет, оно. Это не может быть человеком.

— Друзья, римляне, соотечественники! — проникновенно воззвал Формайл. — Доверьте мне свои уши. Шекспир, 1564–1616. Проклятье! — Четыре белые голубки выпорхнули из рукава Формайла; он проводил их изумленным взглядом, затем продолжил: — Друзья, приветствия, bonjour, bon ton, bon vivant, bon… Что за черт?! — Карманы Формайла вспыхнули, из них с треском взлетели римские свечи. Он попытался погасить пламя, и отовсюду посыпались конфетти. — Друзья… Молчать! Я все-таки произнесу эту речь!

Тихо!.. Друзья!.. — Формайл ошарашенно замер. Его одежда задымилась и стала испаряться, открывая ярко-оранжевое трико. — Клейнман! — яростно взревел он. — Клейнман! Что с вашим чертовым гипнообучением?

Из шатра высунулась лохматая голова.

— Ви училь свой речь, Формайл?

— Будьте уверены. Я училь ее битых два часа. Не отрываясь от проклятого курса «Клейнман о престижитации».

— Нет, нет, нет! — закричал лохматый. — Сколько раз мне говорить?! Престижитация не есть красноречий! Престижитация есть магия! Dumbkopf!! Ви училь неправильный курс!

Оранжевое трико начало таять. Формайл рухнул с плеч дрожащего слуги и исчез в шатре. Ревела и бушевала толпа. Коптили и дымили кухни. Кипели страсти. Царил разгул обжорства и пьянства. Гремела музыка. Стоял кавардак. Жизнь неслась на полных парах. Водевиль продолжался.

В шатре Формайл переоделся, задумался, махнул рукой, переоделся, снова передумал, накинулся с тумаками на лакеев и на исковерканном французском потребовал портного. Не успев надеть новый костюм, вспомнил, что не принял

ванну, и велел вылить в пруд десять галлонов духов. Тут его осенило поэтическое вдохновение. Он вызвал придворного стихотворца.

— Запишите-ка, — приказал Формайл. — Le roi est mort, les… Погодите. Рифму на «блещет».

— Вещий, — предложил поэт. — Рукоплещет, трепещет…

— Мой опыт! Я забыл про мой опыт! — вскричал Формайл. — Доктор Кресчет! Доктор Кресчет!

Полураздетый, очертя голову он влетел в лабораторию и сбил с ног доктора Кресчета, придворного химика. Когда химик попытался подняться, оказалось, что его держат весьма болезненной удушающей хваткой.

— Нагучи! — воскликнул Формайл. — Эй, Нагучи! Я изобрел новый захват!

Формайл встал, поднял полузадушенного химика и джантировал с ним на маты. Инструктор дзюдо, маленький японец, посмотрел на захват и покачал головой.

— Нет, посалуйста, — вежливо просвистел он. — Фссс. Васэ давление на дыхательное горло не есть верно. Фсс. Я покасу вам, посалуйста. — Он схватил ошеломленного химика, крутанул его в воздухе и с треском припечатал к мату в позиции вечного самоудавления. — Вы смотрисе, посалуй-

ста, Формайл?

Но Формайл был уже в библиотеке — дубасил библиотекаря толстенной Das Sexual Leben Блоха, потому что у несчастного не оказалось трудов по производству вечных двигателей. Он кинулся в физическую лабораторию, где испортил дорогостоящий хронометр, чтобы поэкспериментировать с шестеренками; джантировал в оркестр, схватил там дирижерскую палочку и расстроил игру музыкантов; надел коньки и упал в парфюмированый пруд, откуда был вытащен изрыгающим проклятья по поводу отсутствия льда; затем выразил желание побыть в одиночестве.

— Я хочу пообщаться с собой, — заявил Формайл, щедро наделяя слуг оплеухами. Он захрапел, не успел еще последний из них доковылять до двери.

Храп прекратился, и Фойл встал.

— На сегодня им хватит. — Он вошел в гардеробную, остановился у зеркала, глубоко вздохнул и задержал дыхание, внимательно наблюдая за своим лицом. По истечении одной минуты оно оставалось чистым. Он продолжал сдерживать дыхание, жестко контролируя пульс и мышечный тонус, сохраняя железное спокойствие. Через

две минуты двадцать секунд на лице появилось кроваво-красное клеймо.

Фойл выпустил воздух. Тигриная маска исчезла.

— Лучше, — пробормотал он. — Гораздо лучше. Прав был старый факир — ответ в йоге. Контроль. Пульс, дыхание, желудок, мозг.

Он разделся и осмотрел свое тело. Фойл был в великолепной форме, но на коже от шеи до лодыжек до сих пор виднелась сеть тонких серебристых швов. Как будто кто-то вырезал на теле схему нервной системы. То были следы операции, и они еще не прошли.

Операция обошлась в двести тысяч кредиток — столько заплатил Фойл главному хирургу Марсианской диверсионно-десантной бригады, бригады коммандос, — и превратила его в несравнимую боевую машину. Каждый нервный центр был перестроен, в кости и мускулы вживили микроскопические транзисторы и трансформаторы. К незаметному выходу на спине он подсоединил батарею размером с блоху и включил ее. Во всем его теле начали пульсировать электрические токи.

«Скорее машина, чем человек», — подумал Фойл. Он сменил экстравагантное облачение

Формайла с Цереса на скромное черное платье и джантировал в одинокое здание среди висконсинских сосен, в квартиру Робин Уэднесбери. То была истинная причина прибытия Четырехмильного цирка в Грин-Бей.

Он джантировал, очутился во тьме и осознал, что падает. «О боже! — мелькнула мысль. — Ошибся?»

Он ударился о торчащий конец разбитой балки и свалился на полуразложившийся труп.

Фойл брезгливо отпрянул, сохраняя ледяное спокойствие, и нажал языком на верхний правый коренник. (Операция, превратившая его тело в электрический аппарат, расположила управление во рту.) Тотчас внешний слой клеток сетчатки был возбужден до испускания мягкого света. Он взглянул двумя бледными лучами на останки человека, поднял глаза вверх и увидел проваленный пол квартиры Робин Уэднесбери.

— Разграблено, — прошептал Фойл. — Здесь все разграблено. Что случилось?

Эпоха джантации сплавила бродяг, попрошаек, бездельников, весь сброд в новый класс. Они кочевали вслед за ночью, с востока на запад, всегда в темноте, всегда в поисках добычи, остатков бедствий, катастроф, в поисках падали. Как

стервятники набрасываются на мертвечину, как мухи облепляют гниющие трупы, так они наводняли сгоревшие дома или вскрытые взрывами магазины. Они называли себя джек-джантерами. Это были шакалы.

Фойл вскарабкался в коридор на этаж выше. Там располагались лагерем джек-джантеры. На вертеле жарилась туша теленка. Вокруг огня сидели с дюжину мужчин и три женщины — оборванные, грязные, страшные. Они переговаривались на кошмарном рифмованном сленге шакалов и сосали картофельное пиво из хрустальных бокалов.

Грозное рычание ярости и ужаса встретило появление Фойла, когда он, весь в черном, испуская из бездонных глаз бледные лучи света, спокойно прошел по квартире Робин Уэднесбери. Железное самообладание, вошедшее в привычку, придавало ему отрешенный вид.

«Если она мертва, — думал он, — мне конец. Без нее я пропал. Если она мертва…»

Квартира Робин, как и весь дом, была буквально выпотрошена. В полу гостиной зияла огромная рваная дыра. На постели в спальне возились женщина и двое мужчин. Женщина закричала. Мужчины взревели и бросились на Фойла. Он от-

ступил назад и нажал языком на верхние резцы. Нервные цепи взвыли, все чувства обострились, все реакции ускорились в пять раз.

В результате окружающий мир мгновенно застыл. Звук превратился в басовитое урчание, цвета сместились по спектру в красную сторону. Двое атакующих плыли с сонной медлительностью. Фойл расплылся в молниеносно двигающееся пятно, увернулся от застывших кулаков, обошел мужчин сзади и по одному швырнул их в дыру. Они медленно опускались вниз, разверзнутые рты испускали утробное рычание.

Фойл смерчем обернулся к сжавшейся на постели женщине.

— Здбтл? — взвыло расплывчатое пятно.

Женщина завизжала. Фойл снова нажал языком на верхние резцы, и окружающий мир резко ожил. Звук и цвет скачком вернулись на свои места; тела двух шакалов исчезли в дыре и с грохотом упали на пол этажом ниже.

— Здесь было тело? — мягко спросил Фойл. — Тело молодой негритянки?

Женщина была невменяема. Он схватил ее за волосы и встряхнул, а затем кинул в дыру. В это время из коридора появилась толпа с факелами и импровизированным оружием. Джек-джан-

теры не были профессиональными убийцами. Они всего лишь мучили беззащитные жертвы до смерти.

— Не досаждайте мне, — тихо предупредил Фойл, роясь в груде мебели и одежды в поисках ключа к судьбе Робин.

Толпа подвинулась ближе, подстрекаемая головорезом в норковом манто и воодушевляемая доносящимися снизу проклятьями. Предводитель швырнул в Фойла факел. Фойл снова ускорился, и джек-джантеры превратились в живые статуи. Фойл взял ножку стула и спокойно стал избивать едва двигающиеся фигуры, повалил бандита в норке и прижал его к полу. Потом нажал на верхние зубы. Мир ожил. Шакалы попадали, их предводитель заревел.

— Здесь было тело, — с окаменевшей улыбкой проговорил Фойл. — Тело негритянки. Высокой. Красивой.

Бандит корчился и извивался, пытаясь дотянуться до глаз Фойла.

— Я знаю, что вы обращаете на это внимание, — терпеливо продолжал Фойл. — Некоторым из вас мертвые девушки нравятся больше живых. Здесь было тело?

Не получив удовлетворительного ответа, он

схватил пылающий факел и поджег норковое манто. Потом поднялся и стал наблюдать с отрешенным интересом. Бандит с воем вскочил, споткнулся у края дыры и, охваченный пламенем, полетел в темноту.

— Так было тело? — проводив его взглядом, тихо спросил Фойл и покачал головой над ответом. — Не очень искусно, — пробормотал он. — Надо уметь извлекать информацию. Дагенхем мог бы кое-чему меня научить.

Фойл джантировал и появился в Грин-Бей, так явственно воняя палеными волосами и обугленной кожей, что ему пришлось зайти в местный магазин Престейна (камни, украшения, косметика, парфюмерия) за дезодорантом. Но местный мистер Престо, очевидно, лицезрел прибытие Четырехмильного цирка и узнал его. Мгновенно Фойл сбросил отрешенное спокойствие и превратился в эксцентричного Формайла с Цереса. Он паясничал и кривлялся, скакал и гримасничал, купил десятиунцевый флакон Euge № 5 по сто кредиток за унцию и опрокинул его на себя, к вящему удовольствию мистера Престо.

Старший клерк в Архиве ничего не знал и был упрям и несговорчив.

— Нет, сэр. Документы Архива не разрешается

просматривать без надлежащего ордера. Это Мое Последнее Слово.

Фойл посмотрел на него остро, но беззлобно. Астеничный тип, определил он, худой, немощный. Эгоист. Недалек. Педантичен, сух. Неподкупен — слишком сдержан и нетерпим. Но это брешь в его броне.

Через час в Архиве появились шесть лиц женского пола, щедро наделенных пороками. Через два часа, одурманенный и соблазненный плотью и дьяволом, клерк выдал нужную информацию. Жилой дом был открыт джек-джантерам взрывом газа пару недель назад. Все квартиранты переселены. Робин Уэднесбери находится на принудительном лечении в Госпитале Милосердия близ Железной горы.

— Принудительное лечение? — недоумевал Фойл. — Почему? Что она сделала?

Организация Рождественского Бардака в Четырехмильном цирке заняла тридцать минут. В нем принимали участие музыканты, певцы, актеры и толпа — все, кто знал координаты Железной горы. Ведомые своим главным фигляром, они джантировали с шумом, фейерверками, горячительным и дарами. Они прошествовали через город с безудержным весельем и плясками. Они

ворвались в Госпиталь Милосердия вслед за Санта-Клаусом, ревущим и скачущим с отрешенным спокойствием печального слона. Санта-Клаус перецеловал сестер, напоил сиделок, щедро одарил пациентов, забросал пол деньгами из большого мешка, висящего за спиной, и внезапно исчез, когда дикий разгул достиг таких высот, что прибыла полиция. Впоследствии обнаружилось, что исчезла также одна пациентка, несмотря на то, что была оглушена наркотиками и не могла джантировать. Собственно говоря, она покинула госпиталь в мешке Санта-Клауса.

Фойл джантировал вместе с ней на госпитальный двор и там, в укрытии сосновых крон под морозным небом помог ей выбраться из мешка. Она была одета в белое грубое больничное белье; она была прекрасна. Фойл, сбросивший свой шутовской наряд, смотрел на нее, не отрывая глаз.

Девушка была озадачена и встревожена, ее мысли метались, как языки раздуваемого ветром костра. *Боже мой! Что произошло? Кто это? Снова шакалы — и сейчас убьют? Музыка. Буйство. Почему в мешке? «Да, Вирджиния, Санта-Клаус существует». Adeste fideles. Что ему от меня надо? Кто он?*

— Я Формайл с Цереса, — сказал Фойл.

— Что? Кто? Формайл?.. Да, конечно, понимаю. *Шут. Паяц. Вульгарность. Непристойность. Слабоумие. Четырехмильный цирк.* О господи! Я опять не сдерживаюсь. Вы слышите меня?

— Я слышу вас, мисс Уэднесбери, — тихо проговорил Фойл.

— Зачем вы это сделали? Что вам нужно? Как…

— Я хочу, чтобы вы на меня посмотрели.

— *Бонжур, мадам. В мешок, мадам. Оп! Посмотрите на меня.* Я смотрю, — сказала Робин, пытаясь справиться с круговертью мыслей. Она вглядывалась в него и не узнавала. *Это лицо. Я видела такое множество ему подобных. Лица мужчин, о господи! Черты мужественности. На уме одна случка.*

— Мой брачный период позади, мисс Уэднесбери.

— Простите. Я просто напугана… Вы знаете меня?

— Я знаю вас.

— Мы встречались?

Она внимательно его изучала и не могла узнать. Глубоко внутри Фойл возликовал. Уж если эта женщина не вспомнила его, он в безопасности — при условии, что будет держать себя в руках.

— Мы никогда не встречались, — сказал он. —

Но я слышал о вас. Мне кое-что нужно. Вот почему мы здесь — для разговора. Если мое предложение вам не понравится, можете вернуться в госпиталь.

— Вам что-то надо? *Но у меня ничего нет… ничего, ничего. Ничего не осталось, кроме позора и… о господи, почему я выжила? Почему не сумела…*

— Вы пытались покончить с собой? — мягко перебил Фойл. — Так вот откуда взрыв газа… и принудительное лечение. Вы не пострадали во время взрыва?

— Так много людей погибло. Только не я. Должно быть, я невезучая. Мне не везло всю жизнь.

— Почему вы решились на самоубийство?

— Я устала. Я конченый человек. Я все потеряла. Мое имя в черных списках… за мной следят, мне не доверяют. Нет работы. Нет семьи. Нет… Почему решилась на самоубийство? О господи, что же еще?!

— Вы можете работать у меня.

— Я могу… что вы сказали?

— Я хочу взять вас на работу, мисс Уэднесбери.

Она истерически засмеялась.

— *Еще одна Шлюха Вавилонская…*

— У вас на уме порочные мысли, — упрекнул Фойл. — Я не ищу шлюх. Как правило, они ищут

меня.

— *Простите. Я помешалась на чудовище, которое меня уничтожило. Я…* Вы украли меня из госпиталя, чтобы предложить работу. Вы слышали обо мне. Значит, вам нужно что-то особенное.

— Обаяние.

— Что?

— Я хочу купить ваше обаяние, мисс Уэднесбери.

— Не понимаю.

— Ну как же, — терпеливо сказал Фойл. — Вам должно быть ясно. Я — паяц. Я — сама вульгарность, непристойность, слабоумие. С этим надо покончить. Я хочу нанять вас в качестве светского секретаря.

— Думаете, я вам поверю? Вы в состоянии нанять сотню секретарей, тысячу… с вашими деньгами. Хотите мне внушить, что вам подхожу только я? Что вам специально пришлось похитить меня?

Фойл кивнул.

— Верно, секретарей тысячи, но не все могут передавать мысли.

— При чем тут это?

— Вы будете вентрологом; я стану вашей куклой. Я не знаю жизни высшего общества, вы

— знаете. У них своя речь, свои шутки, свои манеры. Тот, кто хочет быть принятым в это общество, обязан говорить на их языке. Я не могу, вы — можете. Вы будете говорить за меня, моим ртом…

— Но вы могли бы научиться…

— Нет. Слишком долго. И обаянию не научиться. Я собираюсь купить ваше очарование, мисс Уэднесбери. Теперь о плате. Я предлагаю вам тысячу в месяц.

— Вы очень щедры, Формайл.

— Я удалю из вашего личного дела всякое упоминание о попытке самоубийства. Я гарантирую, что вас вычеркнут из черного списка. У вас будут деньги и чистое прошлое.

Губы Робин задрожали, и она заплакала. Она всхлипывала и дрожала. Фойл обнял ее за плечи и успокоил.

— Ну? — спросил он. — Вы согласны?

Она кивнула.

— Вы так добры. Это… Я отвыкла от доброты.

Донесся звук отдаленного взрыва. Фойл оцепенел.

— Боже! — воскликнул он в панике. — Чертовджант. Я…

— Нет, — возразила Робин. — Не знаю, что такое чертовджант, но это просто испытания на

полигоне…

Она взглянула на лицо Фойла и отпрянула. Потрясение от неожиданного взрыва и яркая цепочка ассоциаций лишили его самообладания. Под кожей выступили багровые рубцы татуировки. Робин закричала, не в силах отвести глаз.

Он прыгнул на нее и зажал рот.

— Что, проявилось? — прохрипел он, страшно оскалясь. — Потерял контроль. Показалось, что я опять в Жофре Мартель. Да, я Фойл. Чудовище, которое тебя уничтожило. Ты все равно узнала бы рано или поздно. Я Фойл, снова вернулся. Ты будешь слушать меня?

Она отчаянно замотала головой, пытаясь вырваться. Фойл хладнокровно ударил ее в подбородок. Робин обмякла. Фойл подхватил ее, завернул в пальто и стал ждать. Когда ее ресницы затрепетали, он заговорил вновь:

— Не шевелись, или будет тошнить. Я мог не рассчитать удар.

— *Чудовище… зверь…*

— Я мог сделать не так, — заговорил Фойл. — Я мог шантажировать тебя. Мне известно, что твоя мать и сестры на Каллисто. Это автоматически заносит тебя в черный список, ipso facto. Верно? Ipso facto. «Самим фактом». Латынь. Нельзя дове-

рять гипнообучению. Мне стоило лишь донести, и ты была бы не просто подозреваемой… — Он почувствовал ее дрожь. — Но я так не поступлю. Я скажу тебе правду, потому что хочу, чтобы ты стала другом. Твоя мать на Внутренних Планетах. На Внутренних Планетах, — повторил он. — Может быть, на Земле.

— Невредима? — прошептала Робин.

— Не знаю.

— Отпусти меня.

— Ты замерзнешь.

— Отпусти меня.

Он опустил ее на землю.

— Однажды ты меня уничтожил, — сдавленно произнесла Робин. — Теперь пытаешься снова?

— Нет. Ты будешь слушать? — Она кивнула. — Я был брошен в космосе. Я гнил шесть месяцев. Пролетал корабль, который мог бы спасти меня. Он прошел мимо. «Ворга-Т 1339». Это название тебе что-нибудь говорит?

— Нет.

— Джиз Маккуин — мой лучший друг, она мертва, — как-то посоветовала выяснить, почему меня оставили подыхать; тогда я узнаю, кто отдал этот приказ. И я начал покупать информацию о «Ворге». Любую информацию.

— При чем тут моя мать?

— Слушай. Эту информацию оказалось трудно раздобыть. Все документы «Ворги» исчезли из архивов. Я сумел установить три имени… три из команды в шестнадцать человек. Никто ничего не знал или не хотел говорить. И я нашел это. — Фойл протянул Робин серебряный медальон. — Он был заложен одним членом экипажа. Вот все, что я смог обнаружить.

Робин охнула и дрожащими пальцами взяла медальон. Внутри находилась ее фотография и фотография еще двух девушек. Когда медальон открылся, объемные фотографии прошептали:

— Маме с любовью от Робин… Маме с любовью от Холли… Маме с любовью от Венды…

— Медальон мамы… — со слезами на глазах проговорила Робин. — Это… Она… Ради бога, где она?!

— Не знаю, — твердо сказал Фойл. — Но догадываюсь. Я думаю, что твоя мать выбралась из этого концентрационного лагеря… так или иначе.

— И сестры тоже. Она бы никогда их не оставила.

— Может быть, и сестры. Полагаю, что беженцев с Каллисто заставляли платить — деньгами или драгоценностями, чтобы попасть на борт

«Ворги».

— Где они теперь?

— Не имею понятия. Возможно, брошены на Марсе или на Венере. Скорее всего, проданы в трудовой лагерь на Луне и поэтому не могут разыскать тебя. Я не знаю, где они; но «Ворга» знает.

— Ты лжешь? Обманываешь меня?

— Разве медальон — ложь?.. Я хочу выяснить, почему меня обрекли на смерть и по чьей вине. Человек, который отдал приказ, знает, где твоя семья. Он скажет тебе… перед тем, как я его убью. У него хватит времени. Он будет умирать медленно.

Робин как завороженная в ужасе смотрела на Фойла. Обуявшая его страсть вновь проявила кровавое клеймо. Он превратился в тигра, сжавшегося перед смертельным прыжком.

— Я не ограничен в средствах… неважно, откуда они. У меня есть три месяца. Я достаточно овладел математикой, чтобы рассчитать вероятность. Через три месяца поймут, что Формайл с Цереса — Гулли Фойл. Девяносто дней. От Нового года до Дня всех дураков. Ты со мной?

— С тобой? — с отвращением воскликнула Робин. — С тобой?

— Четырехмильный цирк — всего лишь камуфляж. Шут недостоин подозрений. Но все это время я учился, работал, готовился. Теперь мне нужна ты.

— Зачем?

— Я не знаю, куда может завести мой поиск… в высшее общество или в трущобы. Нужно быть готовым и к тому и к другому. С трущобами я справлюсь сам; я не забыл. Но для общества мне нужна ты. Поможешь мне найти «Воргу» и своих родных?

— Я ненавижу тебя, — яростно прошептала Робин. — Я презираю тебя. Ты испорчен, ты гадишь, крушишь, уничтожаешь все на своем пути. Когда-нибудь я отомщу тебе.

— Но с Нового года до апреля мы работаем вместе?

— Да. Мы работаем вместе.

Глава 9

В канун Нового года Джеффри Формайл с Цереса атаковал высшее общество. Сперва, за час до полуночи, он появился в Канберре, на балу у губернатора. Это было пышное зрелище, помпезное и сверкающее красками, ибо традиция

требовала, чтобы члены клана носили одежду, модную в год основания клана или патентования его торговой марки.

Так, мужчины клана Морзе (телефон и телеграф) носили сюртуки, а дамы — викторианские фижмы. Шкоды (порох и огнестрельное оружие) вели свои истоки с восемнадцатого века и щеголяли колготками и юбками на кринолине. Дерзкие Пенемюнде (ракеты и реакторы) ходили в смокингах начала XX столетия, а их женщины бесстыдно обнажали ноги, плечи и шеи.

Формайл с Цереса появился в вечернем туалете, очень современном и очень черном. Его сопровождала Робин в ослепительно белом платье. Туго схватывающий тонкую талию китовый ус подчеркивал стройность прямой спины и грациозную походку.

Черно-белый контраст немедленно приковал всеобщее внимание.

— Формайл? Паяц?

— Да. Четырехмильный цирк. У всех на языке.

— Тот самый?

— Не может быть. Он похож на человека.

Сливки общества окружили Формайла, любопытствующие, но настороженные.

— Начинается, — пробормотал Фойл.

— *Успокойся. Покажи им утонченные манеры.*

— Вы — тот самый ужасный Формайл из цирка?

— *Конечно. Улыбайся.*

— Да, мадам. Можете меня потрогать.

— Ох, да вы, кажется, горды? Вы гордитесь своим дурным вкусом?

— *Сегодня проблема вообще иметь вкус.*

— Сегодня проблема вообще иметь какой-нибудь вкус. Пожалуй, я удачлив.

— Удачливы, но непристойны.

— Непристоен, но не скучен.

— Ужасны, но очаровательны.

— Я «под влиянием», мадам.

— О боже! Вы пьяны? Я леди Шрапнель. Когда вы протрезвитесь?

— Я под *вашим* влиянием, леди Шрапнель.

— Ох, вы испорченный молодой человек! Чарльз! Чарльз! Иди сюда и спасай Формайла. Я гублю его.

— *Виктор из «Эр-Си-Эй».*

— Формайл? Рад. Сколько стоит ваш антураж?

— *Скажи правду*.

— Сорок тысяч, Виктор.

— Боже всемогущий! В неделю?

— В день.

— Зачем вы тратите такие деньги?

— *Правду!*

— Ради рекламы, Виктор.

— Ха! Вы серьезно?

— Я говорила тебе, что он испорчен, Чарльз.

— Чертовски приятно. Клаус! Послушай. Этот нахальный молодой человек тратит сорок тысяч в день; ради рекламы, если угодно.

— *Шкода из Шкода.*

— Добрый вечер, Формайл. Меня весьма интересует история вашего имени. Полагаю, вы потомок основателей компании «Церес, Инк.»?

— *Правду.*

— Нет. Я купил компанию и титул. Я выскочка.

— Отлично. Toujours audace!

— Честное слово, Формайл, вы откровенны!

— Я же говорил, что он нахален. Свежая струя. Выскочек хватает, молодой человек, но они не признаются в этом. Элизабет, познакомься с Формайлом с Цереса.

— Формайл! Мне до смерти хотелось вас видеть!

— *Леди Элизабет Ситроен.*

— Правда, что вы путешествуете с передвижным колледжем?

— С институтом, леди Элизабет.

— Но с какой стати, Формайл?

— О мадам, в наши дни трудно тратить деньги. Приходится выискивать самые глупые предлоги. Пора кому-нибудь придумать новое сумасбродство.

— Вам следует путешествовать с изобретателем.

— У меня он есть, да, Робин? Но он тратит время на вечный двигатель. Мне требуется настоящий мот. Какой из ваших кланов мог бы ссудить мне младшего сына?

— Стало быть, вам нужен вечный расточитель?

— Нет. Это постыдная трата денег. Весь смак экстравагантности в том, чтобы вести себя как дурак, чувствовать себя дураком и наслаждаться этим. Где изюминка вечного движения? Есть ли экстравагантность в энтропии? Миллионы на чепуху, но ни гроша на энтропию — вот мой девиз.

Все рассмеялись. Обступившая Формайла толпа росла. У них появилась новая игрушка.

Большие часы возвестили наступление Нового года, и собравшиеся приготовились джантировать вслед за полуночью вокруг света.

— Идем с нами на Яву, Формайл. Реггис Шеффилд устраивает восхитительный вечер. Мы

будем играть «Судья-трезвенник».

— В Гонконг, Формайл!

— В Токио, Формайл! В Гонконге дождь. Давайте в Токио и захватите свой цирк.

— Нет, благодарю вас. Я в Шанхай. Встретимся все через два часа. Готова, Робин?

— Не джантируй. Дурные манеры. Выйди. Медленно. Сейчас высший шик — в томности. Засвидетельствуй почтение губернатору… Уполномоченному… их дамам… Bien. Не забудь дать на чай прислуге… Не ему, идиот! Это вице-губернатор… Ну хорошо, экзамен выдержан. Тебя приняли. Что теперь?

— Теперь — то, зачем мы в Канберре.

— Разве не ради бала?

— Ради бала и человека по имени Форрест.

— Кто это?

— Бен Форрест, бывший член экипажа «Ворги». Есть три нити к тому, кто дал приказ бросить меня умирать. Три имени. В Риме — повар, Погги; в Шанхае — знахарь, Орель; и этот человек, Форрест. У нас два часа, чтобы расколоть его. Ты знаешь координаты Аусси?

— Я не желаю принимать участия в твоей мести. Я ищу семью.

Он посмотрел на нее так, что Робин вздрогнула

и сразу джантировала. Когда Фойл появился в Четырехмильном Цирке, она уже переодевалась в дорожное платье. Хотя Фойл заставил ее жить с ним в одном шатре по соображениям безопасности, он никогда больше не трогал ее. Робин поймала его взгляд и застыла.

Фойл покачал головой.

— Мой брачный сезон позади.

— *Как интересно. Ты отказался от насилия?*

— Одевайся, — отрезал он. — И передай, что я даю два часа на переезд лагеря в Шанхай.

В ноль тридцать Фойл и Робин прибыли в главный офис корпоративного города Оззи-Консервный, где их встретил сам мэр.

— С Новым годом! — пропел он и втолкнул их в вертолет. — Счастье!! Счастье!! Позвольте мне показать вам город. Сегодня у нас масса гостей. Вот наш ледяной дворец… слева бассейны… Большой купол — лыжный трамплин. Снег круглый год… Тропический сад под стеклянной крышей. Пальмы, попугаи, орхидеи, фрукты… Наш рынок… театр… своя телевизионная компания. Взгляните на футбольный стадион. Двое наших парней вошли в сборную. Да, сэр, у нас есть все. Абсолютно все. Вам не надо джантировать по свету в поисках развлечений. Наш город — маленькая Вселенная.

Самая счастливая маленькая Вселенная в мире.

— А город-то пустоват, как я погляжу, — заметил Фойл.

Мэр, нимало не смутившись, восторженно продолжал:

— Посмотрите на улицы! Видите, сколько велосипедов? Мотоциклов? Автомобилей? Транспорта класса «люкс» мы предоставляем на душу населения больше, чем любой другой город на Земле! Посмотрите на дома-особняки! Наши жители богаты и счастливы. Мы держим их богатыми и счастливыми.

— Держите?

— Что вы имеете в виду? Конечно, мы…

— Можете говорить правду. Мы не ищем работу. Вы их удерживаете?

— Не больше чем на полгода, — простонал мэр. — Это чудовищная проблема. Мы даем им все — и не в силах удержать на месте. Пожили, заскучали — и джантируют. Недонаселенность пагубно сказывается на производстве, оно упало на двенадцать процентов. Никакой стабильности кадров.

— Как и везде.

— Нужны законы… Форрест, говорите? Вот.

Мэр высадил их перед особняком в швейцар-

ском стиле и сразу улетел. Фойл и Робин ступили на крыльцо. Вдруг дверь перед ними вспыхнула красным, и мертвенно-белым огнем засияли на ней череп и кости. Раздался механический голос: «ПРЕДУПРЕЖДАЕМ: ЭТОТ ДОМ ЗАЩИЩЕН ОТ ВТОРЖЕНИЯ СИСТЕМОЙ ШВЕДСКОЙ КОМПАНИИ „ОБОРОНА“. ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ!»

— Что за черт? — пробормотал Фойл. — В канун Нового года? Дружелюбен, нечего сказать… Давай сзади.

Они обошли особняк, преследуемые световой и звуковой сигнализацией. Из ярко освещенного подвального окна донесся невнятный хор голосов:

— Господь мой пастырь…

— Христиане-подвальники! — воскликнул Фойл.

Они заглянули в окно. Около тридцати верующих разных исповеданий праздновали Новый год, справляя комбинированную и в высшей степени нелегальную службу. XXIV столетие хотя и не отменило Бога, но запретило организованную религию.

— Неудивительно, что дом превращен в крепость, — произнес Фойл. — С таким-то мерзким занятием… Посмотри, там и священник, и рав-

вин, а та штука сзади — распятие… Идем.

Задняя стена была сделана из толстого стекла, открывавшего пустую, тускло освещенную гостиную.

— Ложись, — приказал Фойл. — Я вхожу.

Робин легла ничком. Фойл ускорился и резким ударом разбил стекло. Где-то в самом низу частотного диапазона он услышал глухие разрывы. Это были выстрелы. Фойл упал на пол и прослушал весь диапазон звуковых волн до ультразвука, пока, наконец, не уловил гул механизма управления. Затем он проскользнул сквозь поток пуль, отключил питание и затормозился.

— Иди сюда, быстро!

Робин с опаской вошла в гостиную. Где-то забегали христиане-подвальники, страдальчески стеная.

— Жди здесь, — буркнул Фойл и вновь ускорился. Он молнией скользнул по дому, нашел христиан-подвальников, застывших в паническом беге, и, повернувшись к Робин, замедлился.

— Форреста среди них нет, — сообщил Фойл. — Возможно, он наверху.

Они помчались по лестнице и остановились перевести дыхание на площадке перед последним пролетом.

— Надо торопиться, — выдохнул Фойл. — Сейчас сюда могут джантировать…

Внезапно он замолчал. Из-за двери наверху донесся низкий протяжный звук. Фойл принюхался.

— Аналог! — воскликнул он. — Наверное, Форрест. Надеюсь только, что он не горилла.

Фойл прошел сквозь дверь, как тяжелый трактор, и оказался в просторной пустой комнате. С потолка свисал толстый канат. Между полом и потолком, переплетясь с канатом, висел голый мужчина. Он зашипел и поднялся выше.

— Питон, — пробормотал Фойл. — Это уже легче… Не подходи к нему. Может раздавить все твои кости.

— Форрест! С Новым годом, Форрест! Где ты?

— Идут, — прохрипел Фойл. — Надо джантировать с ним. Встретимся на берегу.

Он выхватил из кармана нож, перерезал канат, взвалил извивающегося полузверя на спину, джантировал и появился на берегу на секунду раньше Робин. Вокруг его шеи и плеч питоном обвивался голый мужчина, сдавливая его в ужасающем объятии. Кровавое клеймо вспыхнуло на лице Фойла.

— Синдбад-мореход, — выдавил он, — и старик,

усевшийся ему на плечи… Быстро, девочка! Правый карман. Второй снизу. Ампула…

Робин открыла карман, вытащила пакет микроампул и уколола извивающегося человека в шею. Тот обмяк. Фойл стряхнул его и поднялся с песка.

— Боже, — всхлипнул он, потирая горло, и глубоко вздохнул. — Контроль, — прошептал он, вновь принимая выражение отрешенного спокойствия. Багровая татуировка исчезла с его лица.

— Что это за ужас? — спросила Робин.

— Аналог. Лекарственный наркотик для психопатов. Запрещенный. Психу надо как-то дать себе выход; возврат к первобытному. Он отождествляется с каким-нибудь животным… с гориллой, гризли, волком… Принимает дозу и… Форрест, похоже, неравнодушен к змеям.

— Откуда ты все это знаешь?

— Говорил тебе — готовился… готовился к «Ворге». Это кое-что из того, что я узнал. Покажу тебе еще кое-что, если не трусишь. Как вывести его из Аналога.

Фойл открыл другой карман своего боевого костюма и начал работать над Форрестом. Робин сперва смотрела, потом в ужасе застонала, отвер-

нулась и отошла к самой кромке воды, где стояла, слепо глядя на прибой и звезды.

— Можешь вернуться.

Робин приблизилась к полууничтоженному существу, копошащемуся у ног Фойла и смотрящему на него тусклыми трезвыми глазами.

— Ты — Форрест?

— Кто вы?..

— Ты — Бен Форрест, бывший член экипажа престейновской «Ворги». Шестнадцатого сентября 2336 года ты находился на борту «Ворги».

Форрест всхлипнул и затряс головой.

— Шестнадцатого сентября возле пояса астероидов вы прошли мимо разбитого корабля. Мимо остатков «Номада». Он дал сигнал о помощи. Но вы ушли. Обрекли его на гибель. Почему «Ворга» прошла мимо?

Форрест страшно закричал.

— Кто приказал пройти мимо?

— Боже, нет! Нет! Нет!

— Из архивов пропали все документы. Кто-то наложил на них лапу раньше меня. Кто? Кто находился на борту «Ворги»? Кто был с тобой? Кто командовал?

— Нет! — надрывался Форрест. — Нет!!

Фойл сунул в лицо бьющемуся в истерике чело-

веку пачку банкнот.

— Я плачу за информацию. Пятьдесят тысяч. Аналог до конца дней твоих. Кто приказал бросить меня околевать? Кто?

Форрест вырвал деньги из рук Фойла, вскочил и побежал по берегу. Фойл нагнал его и повалил на песок, головой в воду.

— Кто командовал «Воргой»? Кто отдал приказ?

— Ты его утопишь! — закричала Робин.

— Пускай помучается, вода лучше, чем космос. Я мучился шесть месяцев… Кто отдал приказ?

Форрест пускал пузыри и захлебывался. Фойл за волосы приподнял его голову.

— Что ты?! Преданный? Сумасшедший? Напуганный? Такие, как ты, продаются с потрохами за пять тысяч. Я предлагаю пятьдесят. Пятьдесят тысяч за пару слов, ты, сукин сын, иначе сдохнешь медленно и болезненно!

На лице Фойла выступила татуировка. Он с силой вжал голову Форреста в воду и навалился на извивающееся тело. Робин пыталась оттащить Фойла.

— Ты убиваешь его!

Фойл повернул к Робин свое кошмарное лицо.

— Прочь руки, сволочь!.. Кто был с тобой на

борту, Форрест? Кто отдал приказ? Почему?

Форрест извернулся и приподнял голову.

— Нас было двенадцать, — хватая ртом воздух, прохрипел он. — Господи, спаси меня! Я, Кемп…

Он судорожно дернулся и обмяк. Фойл вытащил тело из воды.

— Ну, продолжай! Ты и кто? Кемп? Кто еще? Говори!

Ответа не было. Фойл склонился ниже.

— Мертв… — прорычал он.

— О господи! Господи!

— Одна нить к черту. И только когда раскололся. Что за невезение… — Фойл глубоко вздохнул и, как за щитом, укрылся за стеной безразличия. Татуировка исчезла с его лица. — В Шанхае почти полночь. Пора. Возможно, удача ждет нас с Сержем Орелем, помощником корабельного врача. Не смотри на меня так. Это всего лишь убийство. Вперед, крошка. Джантируй!

Робин охнула и ошеломленно уставилась куда-то за его спину. Фойл повернулся. На песке возникла пылающая фигура — высокий мужчина в охваченной огнем одежде, со страшно татуированным лицом. Это был он сам.

— Боже! — выдавил Фойл. Он шагнул в сторону своего горящего двойника, и видение сразу

исчезло.

Дрожа от потрясения, Фойл повернулся к Робин.

— Видела?

— Да.

— Что это было?

— Ты.

— Ради бога! Как это возможно? Как…

— Это был ты.

— Но… — Он запнулся, обессиленный и растерянный. — Галлюцинация?

— Не знаю.

— Боже всемогущий! Видеть себя… лицом к лицу… Одежда пылала… Что же это?

— Это был Гулли Фойл, — проговорила Робин, — горящий в аду.

— Ну хорошо, — свирепо прошипел Фойл. — Я в аду. Но это меня не остановит. Если мне суждено гореть в аду, «Ворга» будет гореть со мной. — Он резко сжал кулаки, вновь обретая силу и целеустремленность. — Меня не остановить, клянусь! На очереди Шанхай. Джантируй!

Глава 10

На Костюмированном Балу в Шанхае Формайл с Цереса взбудоражил публику, появившись в роли Смерти в дюреровской «Смерти и девушке». Его сопровождало ослепительное создание, закутанное в прозрачные вуали. Викторианское общество, душившее своих женщин паранджой и считавшее платья клана Пенемюнде верхом дерзости, было шокировано. Но когда Формайл открыл, что это не женщина, а великолепный андроид, мнение немедленно изменилось в его пользу. Общество пришло в восхищение от искусного обмана. Обнаженное тело, позорное у человека, — всего лишь бесполая диковинка у андроида.

Ровно в полночь Формайл пустил андроида с аукциона.

— Деньги идут на благотворительность, Формайл?

— Конечно, нет! Вам известен мой девиз: «Ни гроша на энтропию!»... Что я слышу? — сто кредиток за это дорогое и очаровательное создание? Всего лишь одна сотня, джентльмены? Сама красота и изумительная приспособляемость.

Две? Благодарю. Давайте, давайте! Кто больше? Замечательный плод местного гения Четырехмильного Цирка. Она ходит, она говорит, она приспосабливается. В нее заложена обязательная любовь к хозяину. Девять? Кто еще? Что, это все? Вы побиты? Вы сдаетесь? Продано, лорду Йельскому за девятьсот кредиток.

Шум, аплодисменты и недоуменные подсчеты:

— Боже, такой андроид должен стоить девяносто тысяч! Так тратить деньги…

— Будьте любезны, передайте деньги андроиду, лорд Йель. Она отреагирует соответственно… До встречи в Риме, леди и джентльмены! Ровно в полночь во дворце Борджиа. С Новым годом!

Формайл уже исчез, когда, к восторгу всех холостяков, лорд Йель обнаружил, что их обманули дважды. Андроид оказался живым человеческим существом; сама красота и изумительная приспособляемость. На девятьсот кредиток она отреагировала великолепно. Шутку долго еще смаковали в курительных салонах. Купленным на корню холостякам не терпелось поздравить Формайла.

А в это время Фойл и Уэднесбери, прочитав табличку «Джантируйте вдвое дальше или получите вдвое больше» на семи языках, ступили

во владения «д-ра Ореля, несравненного мастера увеличения возможностей мозга».

Стены приемной покрывали зловещие огненные карты, наглядно поясняющие, как д-р Орель припарками, бальзамами, магнитными полями и электролизом заставлял мозг удвоить дальность джантации или денежную наличность. Кроме того, он улучшал память жаропонижающими и слабительными, укреплял мораль тонизирующими примочками и снимал душевные страдания Целительным Зельем Ореля.

Фойл наугад открыл дверь, увидел длинную госпитальную палату и в отвращении скривился.

— Притон для Снежков. Кокаинщики. Мог бы догадаться, что он и этим не брезгует…

Притон предназначался для Болезников, самых безнадежных наркоманов. Они покоились в больничных койках, умеренно страдая от нарочно вызванных паракори, парагриппа, парамалярии, жадно наслаждаясь незаконными болезнями и вниманием сестер в ослепительно белых халатах.

— Взгляни на них, — презрительно бросил Фойл. — Отвратительно! Если есть что-то более мерзкое, чем наркорелигия, то только это.

— Добрый вечер, — раздалось сзади.

Фойл захлопнул дверь и повернулся. Перед ним стоял, поклонившись, доктор Сергей Орель, деловитый и аккуратный, в классической белой шапочке, халате и хирургической маске медицинского клана, к которому принадлежал лишь по мошенническому утверждению. Низенький, коренастый, кареглазый; о его русских корнях можно было судить только по имени — столетие джантации так перемешало народы мира, что национальные признаки практически исчезли.

— Не ожидал, что вы открыты в Новый год.

— Наш русский Новый год будет только через две недели. Сюда, пожалуйста, — указал доктор Орель и тут же с хлопком исчез. За указанной дверью открывался длинный лестничный пролет. Когда Фойл и Робин стали подниматься по ступеням, доктор Орель возник наверху. — Сюда, сюда, пожалуйста. О, момент!.. — Он исчез и возник снова сзади них. — Вы забыли закрыть дверь. — Он закрыл дверь и опять джантировал, на сей раз появившись на площадке. — Пожалуйста, проходите.

— Показуха, — пробормотал Фойл. — Джантируйте вдвое дальше… Так или иначе, он дьявольски проворен. Мне надо быть проворней.

Они вошли в смотровой кабинет в пентхаузе

под стеклянной крышей. Вдоль стен выстроилась внушительная, но устаревшая медицинская аппаратура: успокоительная лечебная ванна, фиксирующее кресло ддя проведения электрошоковой терапии шизофреникам, анализатор ЭКГ для выявления психических отклонений, древние оптические и электронные микроскопы.

Шарлатан ждал за столом. Он тут же джантировал к двери, закрыл ее, джантировал назад за стол, поклонился, указал на стулья, джантировал к Робин и любезно помог ей сесть, джантировал к окну и поправил шторы, джантировал к выключателю и включил свет и снова появился за столом.

— Всего лишь год назад, — улыбнулся Орель, — я вовсе не мог джантировать. Затем я открыл секрет — Целебное Промывание, которое…

Фойл коснулся языком пульта управления, вмонтированного в нервные окончания зуба, и ускорился. Он без спешки поднялся, ступил к застывшей фигуре, что-то утробно тянувшей, достал тяжелый кастет и со знанием дела ударил Ореля по лбу, вызывая сотрясения передних долей и повреждая центр джантации. Потом он привязал доктора к стулу. Все это заняло пять секунд и показалось Робин одним размытым

движением.

Фойл замедлился. Шарлатан дернулся и сверкнул глазами яростно и растерянно.

— Итак, вы — Орель, помощник врача на «Ворге», — тихо произнес Фойл. — Шестнадцатого сентября 2336 года вы находились на борту корабля.

Ярость и растерянность превратились в ужас.

— Шестнадцатого сентября рядом с поясом астероидов вы проходили мимо остатков «Номада». «Номад» попросил помощи, а вы ушли. Вы бросили его и обрекли на гибель. Почему?

Орель закатил глаза, но не ответил.

— Кто отдал приказ? Кто хотел, чтобы я сгнил заживо?

Орель невнятно замычал.

— Кто находился на борту «Ворги»? Кто еще был с тобой? Кто командовал?.. Я добьюсь ответа, не сомневайся. — Фойл чеканил с холодной свирепостью. — Деньгами или силой… Почему меня бросили на смерть? Кто приказал оставить меня издыхать?

Орель вскрикнул.

— Я не могу говорить о… Погодите, пока…

Он обмяк. Фойл осмотрел тело.

— Мертв, — пробормотал он. — И как раз, когда

начал говорить. Как Форрест.

— Убит.

— Нет. Я его пальцем не тронул. Самоубийство, — мрачно хохотнул Фойл.

— Ты сумасшедший…

— Нет, просто мне смешно. Я не убивал их; я вынудил их покончить с собой.

— Что за ерунда?

— Им поставили Блок Сочувствия. Слыхала о БС, милая? Его ставят всем секретным агентам. Возьми некую часть информации, разглашать которую нежелательно. Свяжи ее с симпатической нервной системой, контролирующей дыхание и сердцебиение. Когда субъект пытается раскрыть эту информацию, срабатывает блок — сердце и легкие останавливаются, человек умирает. Тайна сохранена. И агенту не надо думать о самоубийстве, чтобы избежать пыток, — все будет сделано за него.

— Этим людям?..

— Очевидно.

— Но почему?

— Откуда мне знать?.. Перевозка беженцев тут ни при чем. «Ворга», видимо, занимался куда более серьезными делами, иначе к чему такие меры предосторожности. Но вот задача.

Последняя нить — Погги в Риме. Анжело Погги, помощник шеф-повара. Как нам добыть из него информацию…

Фойл запнулся на полуслове. Перед ним стоял его образ — огненное лицо, пылающая одежда.

Фойл был парализован. Он судорожно вздохнул и выдавил дрожащим голосом:

— Кто ты? Что…

Образ исчез. Фойл провел языком по пересохшим губам и повернулся к Робин.

— Ты видела?.. — Ее выражение говорило само за себя. — Это… на самом деле?

Она показала на стол Ореля, возле которого стоял пылающий образ. Бумаги на столе воспламенились и ярко горели. Все еще перепуганный и ошеломленный, Фойл неуверенно попятился назад и провел рукой по лицу. Она оказалась влажной.

Робин бросилась к столу и попыталась сбить пламя. Фойл не шелохнулся.

— Я не могу погасить огонь! — наконец выдохнула она. — Надо убираться отсюда. Быстро!

Фойл кивнул с отсутствующим видом; потом, явно напрягая всю силу воли, взял себя в руки.

— В Рим, — хрипло каркнул он. — Джантируем в Рим. Этому должно быть какое-то объяснение.

Я найду его, клянусь всем на свете! А пока… Рим. Джантируй, девочка. Джантируй!

Со времен Средних веков Испанская лестница служила местом средоточия отбросов общества Рима. Поднимаясь широкой длинной эстакадой от Пиацца ди Испанья до садов виллы Борджиа, Испанская лестница кишела, кишит и будет кишеть пороком. Ступени заполняют сводники, попрошайки, шлюхи, извращенцы и воры. Наглые и высокомерные, они гордо выставляют себя напоказ и глумятся над случайно проходящими «порядочными».

Ядерные войны конца XX столетия уничтожили Испанскую лестницу. Она была отстроена и снова уничтожена во время Мирового Восстановления в XXI веке. Ее вновь отстроили и на этот раз защитили взрывоупорным кристаллическим куполом. Купол загородил вид, открывавшийся из дома, где почил великий Китс. Посетители больше не прильнут к узкому окошку, дабы прочувствовать картину, которую лицезрел умирающий поэт. Теперь виден был лишь дымчатый купол Испанской лестницы и сквозь него — искаженные тени Содома и Гоморры внизу.

Тысячелетиями Рим встречал Новый год всякого рода фейерверками: ракетами, торпедами,

стрельбой, шутихами, бутылками, банками… Римляне целыми месяцами сберегали старье и рухлядь, чтобы выбросить из окон, когда пробьет полночь. Какофония вспышек, рев голосов, треск огненной иллюминации, шум падающего на купол хлама оглушили Фойла и Робин Уэднесбери, улизнувших с карнавала во дворце Борджиа.

Они были еще в костюмах: Фойл — в черно-красном обтягивающем камзоле Цезаря Борджиа, Робин — в расшитом серебристом платье Лукреции Борджиа; лица скрывали нелепые вельветовые маски. Контраст между их старинными нарядами и современным тряпьем вокруг вызвал поток насмешек и присвистываний. Даже Лобо, постоянные завсегдатаи Испанской лестницы, неудачливые закоренелые преступники, у которых вырезали четверть мозга, временно вышли из мрачной апатии. Толпа вскипела вокруг спускающейся по ступеням пары.

— Погги, — спокойно повторял Фойл. — Анжело Погги?

Кошмарный урод придвинул свое лицо и сатанически захохотал.

— Погги? Анжело Погги? — бесстрастно спрашивал Фойл. — Мне сказали, что его можно найти ночью на Лестнице. Анжело Погги?

Чудовищная шлюха помянула его мать.

— Анжело Погги? Десять кредиток тому, кто его покажет.

Фойла мгновенно окружили протянутые руки — изуродованные, вонючие, жадные. Он покачал головой.

— Сперва показать.

Вокруг бурлил римский гнев.

— Погги? Анжело Погги?

После шести недель бездарной траты времени, после шести недель томительного ожидания капитан Питер Йанг-Йовил наконец услышал слова, которые надеялся услышать все это время. Шесть недель тягостного пребывания в шкуре некоего Анжело Погги, давно умершего помощника повара «Ворги». С самого начала это была авантюра, задуманная, когда до Разведки стали доходить сведения, что некто осторожно собирает данные о команде престейновской «Ворги» и не стесняется в средствах.

— Это выстрел наугад, — признал тогда капитан Йанг-Йовил. — Но Гулли Фойл, АС-128/127.006, все-таки совершил безумную попытку взорвать «Воргу». А двадцать фунтов ПирЕ стоят выстрела наугад.

Теперь он вперевалку поднимался по ступеням

навстречу человеку в старинном камзоле и маске. Гормональные инъекции помогли набрать лишних сорок фунтов веса, специальные диеты сделали темнее кожу. Его лицо, и прежде не напоминавшее об азиатском происхождении, с помощью небольших мышечных коррекций приняло резкие ястребиные черты американского индейца. Он пыхтя шел по лестнице — опустившийся повар с воровской наружностью, — протягивая Фойлу кипу замаранных конвертов.

— Грязные картинки, синьор? Христиане-подвальники — молятся, целуют крест? Очень мерзко, очень непристойно, синьор. Развлеките друзей, заинтересуйте дам…

— Нет. — Фойл небрежно отодвинул его рукой. — Я ищу Анжело Погги.

Йанг-Йовил подал незаметный сигнал; его люди на Лестнице стали снимать и записывать происходящий разговор, не прекращая сводничать и продаваться. Секретная Речь Разведывательной Службы вооруженных сил Внутренних Планет гремела вокруг Фойла и Робин градом перемигиваний, ужимок, гримас, жестов на древнем китайском языке век, бровей, пальцев и неуловимых телодвижений.

— Синьор? — прогнусавил Йанг-Йовил.

— Анжело Погги?

— Си, синьор. Я Анжело Погги.

— Помощник повара на «Ворге»? — Ожидая знакомое выражение смертельного ужаса, которое он наконец понял, Фойл схватил локоть Йанг-Йовила. — Да?

— Си, синьор, — безмятежно ответил Йанг-Йовил. — Чем могу заслужить вашу милость?

— Может быть, этот… — пробормотал Фойл Робин. — Он не испуган. Может быть, он знает, как обойти блок.

— Мне нужно, чтобы ты кое-что рассказал, Погги. Я хочу купить все, что тебе известно. Все. Называй цену.

— Но, синьор! Я человек немолодой и бывалый. Мой опыт нельзя купить целиком. Мне надо платить пункт за пунктом. Выбирайте, что вас интересует, а я буду называть цену. Что вам угодно?

— Ты находился на борту «Ворги» шестнадцатого сентября 2336 года?

— Цена ответа 10 кр.

Фойл мрачно усмехнулся и выложил деньги.

— Да, синьор.

— Шестнадцатого сентября возле пояса астероидов вы прошли мимо остатков «Номада».

«Номад» попросил помощи, а «Ворга» ушел. Кто отдал приказ?

— Ах, синьор!

— Кто отдал приказ и почему?

— Зачем вам это, синьор?

— Не твое дело. Называй цену и выкладывай.

— Перед ответом мне надо узнать причину вопроса, синьор. — Йанг-Йовил сально ухмыльнулся. — За свою осторожность я заплачу снижением цены. Почему вас так интересуют «Ворга» и «Номад» и это позорное предательство в космосе? Уж не вы ли, случаем, оказались там брошенным?

— Он не итальянец! Произношение идеальное, но совсем не те обороты. Ни один итальянец не станет так строить предложения.

Фойл застыл. Зоркие опытные глаза Йанг-Йовила, натренированные улавливать и распознавать малейшие детали, заметили перемену. Йанг-Йовил мгновенно понял, что где-то ошибся, и подал условный знак.

На Испанской лестнице вскипела ссора. Через секунду Фойл и Робин оказались в гуще разъяренной, вопящей, дерущейся толпы. Люди Йанг-Йовила были виртуозами обходного маневра, рассчитанного на предотвращение джантации и основанного на том, что между неожиданным

нападением и защитной реакцией неминуемо должно пройти время. Специалисты из Разведки гарантировали: в течение этого времени их молниеносные действия застанут любого атакуемого врасплох и лишат его возможности спастись.

В три пятых секунды Фойла отколотили, швырнули на колени, оглушили, бросили на ступени и распластали. Маску с лица сорвали, и он лежал, обнаженный и беззащитный, перед равнодушными глазами камер. Затем, впервые за всю историю существования этой процедуры, привычный ход событий был нарушен.

Появился человек, поправ ногами распростертое тело Фойла… гигантский человек с чудовищно татуированным лицом и дымящейся одеждой. Видение было таким ужасающим, что все застыли. Толпа на Лестнице взвыла:

— Горящий человек! Глядите! Горящий Человек!

— Но это Фойл… — прошептал Йанг-Йовил.

С четверть минуты видение молча стояло, пылая, дымясь, пепеля взглядом слепых глаз. Потом оно исчезло. Распростертый на ступенях человек тоже исчез. Он обернулся в размытое пятно действия, молнией заскользил среди толпы, отыскивая и уничтожая камеры, магнитофоны,

все регистрирующие устройства. Затем пятно метнулось к девушке в старинном платье, схватило ее и исчезло.

Испанская лестница вновь ожила — мучительно, тягостно, словно приходя в себя после кошмара. Ошеломленные разведчики собрались вокруг Йанг-Йовила.

— Господи, что это было, Йео?

— Я думаю, что это наш человек, Гулли Фойл. Та же татуировка на лице.

— А горящая одежда!.. Как ведьма на вертеле…

— Но если это огненное явление — Фойл, на кого мы тратили время?

— Не знаю. Нет ли у Бригады Коммандос разведывательной службы, о существовании которой они не удосужились сообщить?

— При чем тут Коммандос, Йео?

— Не видел, как наш «Ноги-в-руки» ускорился? Он уничтожил все снимки и записи.

— Не могу поверить собственным глазам.

— Это величайший секрет Коммандос. Они разбирают своих людей на винтики, перестраивают и перенастраивают их. Я свяжусь с марсианским штабом и узнаю, не ведут ли они параллельное расследование… Да, и еще: с той девушкой вовсе не обязательно было обходиться грубо… — Йанг-

Йовил на минуту замолчал, впервые не замечая многозначительных взглядов вокруг. — Надо выяснить, кто она, — добавил он мечтательно.

— Если она тоже перестроена, это действительно любопытно, Йео, — произнес бесстрастный мягкий голос. — Ромео и Коммандос.

Йанг-Йовил покраснел.

— Ну хорошо, — выпалил он. — Меня насквозь видно.

— Ты просто повторяешься, Йео. Все твои увлечения начинаются одинаково: «с той девушкой вовсе не обязательно было обходиться грубо…» А затем — Долли Квакер, Джин Вебстер, Гуин Роже, Марион…

— Пожалуйста, без имен! — перебил другой голос. — Разве Ромео все рассказывал о себе Джульетте?

— Завтра отправитесь чистить нужники, — сказал Йанг-Йовил. — Будь я проклят, если снесу такое непристойное ослушание… Нет, не завтра — как только мы закончим с этим делом. — Его ястребиное лицо помрачнело. — Боже, что за содом! Кто когда-нибудь сможет забыть Фойла, торчащего здесь, как пылающая головня? Но где он? Чего он хочет? Что все это значит?

Глава 11

Дворец Престейна в Центральном Парке сверкал яркими новогодними огнями. Очаровательные древние электрические лампы с остроконечными верхушками и изогнутыми нитями накаливания разливали желтый свет. По особому случаю был удален противоджантный лабиринт и распахнуты двери. Прихожую дома от непрошеных взглядов закрывал разукрашенный драгоценными каменьями экран, установленный сразу за дверями.

Зеваки гулом и криками встречали появление знаменитых и почти знаменитых представителей кланов и семей. Те прибывали на автомобилях, на носилках, в каретах — любым способом приличествующего передвижения. Престейн из Престейнов лично стоял у входа, серо-стальной, неотразимый, с улыбкой василиска на лице, и встречал общество у порога своего открытого дома. Едва одна знаменитость скрывалась за экраном, как другая, еще более прославленная, появлялась в еще более диковинном экипаже.

Кола приехали на грузовике. Семейство Эссо (шесть сыновей, три дочери) — в великолеп-

ном стеклянном грейхаундовском автобусе. Буквально по пятам явились Грейхаунды (в эдиссоновском электромобиле), что послужило предметом шуток и смеха. Но когда с мотовагонетки, заправленной бензином «эссо», слез Эдиссон из Уэстингхауза, завершив тем самым круг, смех на ступенях перешел в безудержный хохот.

Только гости приготовились войти в дом Престейна, как их внимание привлекла отдаленная суматоха. Грохот, лязг, стук пневматических поршней и неистовый металлический скрежет. Все это быстро приближалось. Толпа зевак расступилась. По дороге громыхал тяжелый грузовик. Шестеро мужчин скидывали с кузова деревянные балки. За грузовиком следовали двадцать рабочих, укладывающих балки ровными рядами. Престейн и его гости пораженно замерли.

По этим шпалам с оглушающим ревом ползла гигантская машина, оставляя за собой две полосы стальных рельсов. Рабочие с молотами и пневматическими ключами крепили рельсы к деревянным шпалам. Железнодорожное полотно подошло к дому Престейна широким полукругом и изогнулось в сторону. Ревущий механизм и рабочие исчезли в темноте.

— Боже всемогущий! — воскликнул Престейн.

Вдали раздался пронзительный гудок. Из тьмы на освещенный участок перед домом выехал человек на белом коне, размахивая красным флажком. За ним громко пыхтел паровоз с единственным вагоном. Состав остановился перед входом. Из вагона выскочил проводник и разложил лесенку. По ступеням спустилась элегантная пара — леди и джентльмен в вечерних туалетах.

— Я ненадолго, — бросил проводнику джентльмен. — Приезжайте за мной через час.

— Боже всемогущий! — снова воскликнул Престейн.

Поезд с лязгом и шипением тронулся. Пара подошла к дому.

— Добрый вечер, Престейн, — сказал джентльмен. — Мне крайне жаль, что лошадь потоптала ваши газоны, но по старым нью-йоркским правилам перед составом до сих пор требуется сигнальщик с красным флажком.

— Формайл! — вскричали гости.

— Формайл с Цереса! — взревела толпа.

Вечеру у Престейна был обеспечен успех.

В просторной парадной зале, обшитой бархатом и плюшем, Престейн с любопытством рассмотрел Формайла. Фойл невозмутимо выдержал

ироничный взгляд, улыбаясь и раскланиваясь с восторженными поклонниками, которых успел снискать от Канберры.

«Самообладание, — думал он. — Кровь, внутренности и мозг. Престейн пытал меня полтора часа после моего безумного нападения на „Воргу“. Узнает ли он меня?»

— Мне знакомо ваше лицо, Престейн, — сказал Формайл. — Мы не встречались?

— Не имел чести знать Формайла до сегодняшнего вечера, — сдержанно ответил Престейн.

Фойл научился читать по лицам, но жесткое красивое лицо Престейна было непроницаемо. Они стояли лицом к лицу — один небрежный и бесстрастный, другой — собранный и неприступный, — словно две бронзовые статуи, раскаленные добела и готовые вот-вот расплавиться.

— Я слышал, вы кичитесь тем, что вы — выскочка, Формайл.

— Да. По образу и подобию первого Престейна.

— Вот как?

— Вы, безусловно, помните — он гордился, что начало семейного состояния было заложено на черном рынке во время Третьей Мировой войны.

— Во время Второй, Формайл. Но лицемеры

из нашего клана его не признают. Его фамилия Пэйн.

— Не знал.

— А какова была ваша несчастная фамилия до того, как вы сменили ее на «Формайл»?

— Престейн.

— В самом деле? — Убийственная улыбка василиска обозначила попадание. — Вы претендуете на принадлежность к нашему клану?

— Я предъявлю свои права позже.

— Какой степени?

— Скажем… кровное родство.

— Любопытно. Я чувствую в вас определенную слабость к крови, Формайл.

— Безусловно, семейная черта, Престейн.

— Вам нравится быть циничным, — заметил Престейн не без цинизма. — Впрочем, вы говорите правду. У нас всегда была пагубная слабость к крови и деньгам. Это наш порок. Я признаю.

— А я разделяю его.

— Влечение к деньгам?

— Да. Самое страстное влечение.

— Без милосердия, без снисхождения, без лицемерия?

— Без милосердия, без снисхождения, без лицемерия.

— Формайл, вы мне по душе. Если бы вы не претендовали на родство с моим кланом, я бы вынужден был принять вас.

— Вы опоздали, Престейн. Я уже принял вас.

Престейн взял Фойла под руку.

— Хочу представить вас моей дочери, леди Оливии. Вы разрешите?

Они пересекли залу. В Фойле бурлило торжество. Он не знает. Он никогда не узнает. Затем пришло сомнение. Но я никогда не узнаю, если он когда-нибудь узнает. Это не человек — сталь. Вот кто мог бы поучить меня самообладанию.

Со всех сторон Фойла приветствовали знакомые.

— Вы дьявольски ловко провели всех в Шанхае.

— Чудесный карнавал в Риме, не правда ли? Слышали о появившемся на Испанской лестнице Горящем Человеке?

— Мы искали вас в Лондоне.

— У вас был божественный выход, — сказал Гарри Шервин-Вильямс. — Вы перещеголяли нас всех. По сравнению с вами мы выглядели, как распроклятые приготовишки.

— Не забывайтесь, Гарри, — холодно отчеканил Престейн. — В моем доме не принято выражать-

ся.

— Извините, Престейн. Где ваш цирк теперь, Формайл?

— Не знаю, — беззаботно ответил Фойл. — Одну секунду.

Вокруг мгновенно собралась толпа, улыбаясь в предвкушении очередной выходки. Фойл достал платиновые часы и со щелчком откинул крышку. На циферблате появилось лицо слуги.

— Эээ… как вас там… Где вы сейчас находитесь?

— Вы приказали нам обосноваться в Нью-Йорке, Формайл.

— Вот как? И?..

— Мы купили собор Святого Патрика, Формайл.

— А где это?

— На углу Пятой Авеню и бывшей Пятидесятой улицы. Мы разбили лагерь внутри.

— Благодарю. — Формайл захлопнул часы. — Мой адрес: Нью-Йорк, собор Святого Патрика… Одного не отнимешь у запрещенных религий — по крайней мере, строили такие храмы, в которых размещается цирк.

Оливия Престейн восседала на троне, окруженная поклонниками. Снежная Дева, Ледяная

Принцесса с коралловыми глазами и коралловыми губами, царственная, недосягаемая, прекрасная. Фойл посмотрел на нее раз и тут же в замешательстве опустил глаза перед ее слепым взглядом, который различал лишь электромагнитные волны и инфракрасный свет. Его сердце заколотилось.

«Не будь дураком! — яростно подумал он. — Держи себя в руках. Это может оказаться опасным…»

Его представили. К нему обратились — хрипловатым снисходительным голосом. Ему протянули руку — изящную и холодную. Но она как будто взорвалась в его руке. Фойла словно пронзило током.

«Что это? Она символ… Недоступная… Принцесса Мечты… Самообладание!»

Он боролся с собой так ожесточенно, что не заметил, как им пренебрегли, любезно и равнодушно. Он застыл, хватая ртом воздух, на миг потеряв дар речи.

— Что? Вы еще здесь, Формайл?

— Я не могу поверить, что вы уделили мне так мало внимания, леди Оливия.

— Ну едва ли. Боюсь, вы мешаете подойти моим друзьям.

— Я не привык к такому обращению, леди Оливия. («Нет, нет. Все не так!») По крайней мере, от человека, которого хотел бы считать другом.

— Не будьте навязчивым, Формайл. Пожалуйста, отойдите.

— Я вас обидел?

— Обидели? Не смешите меня.

— Леди Оливия… («Боже! Могу я хоть что-нибудь сказать правильно?! Где Робин?») Давайте начнем сначала.

— Если вы стараетесь показать свою неотесанность, Формайл, то у вас получается восхитительно.

— Пожалуйста, снова вашу руку. Благодарю. Я — Формайл с Цереса.

— Ну хорошо. — Она рассмеялась. — Я признаю вас фигляром. Теперь отойдите. Уверена, что вы найдете, кого развлечь.

— Что случилось теперь?

— Достаточно, сэр. По-моему, вы хотите меня разозлить.

— Нет. («Да, хочу! Хочу достать тебя как-то… пробиться сквозь лед».) Первый раз наше рукопожатие было… неистово. Сейчас же… оно пусто. Что произошло?

— Формайл, — утомленно вздохнула Оли-

вия. — Я признаю: вы оригинальны, остроумны, неотразимы… все что угодно, если вы только уйдете.

Фойл, спотыкаясь, отошел. «Дрянь. Дрянь. Дрянь. Нет. Она именно такая, о какой я мечтал. Ледяная вершина, которую надо штурмовать и покорить. Осадить… ворваться… изнасиловать… заставить пасть на колени…»

И тут он столкнулся лицом к лицу с Дагенхемом. Он застыл, парализованный.

— А, Формайл, — произнес Престейн. — Познакомьтесь: Саул Дагенхем. Он может уделить нам только тридцать минут и желает одну из них провести с вами.

«… Знает? Послал за Дагенхемом, чтобы убедиться?.. Нападай. Toujours audace».

— Что с вашим лицом, Дагенхем?

— А я думал, что знаменит. Лучевое поражение. Я радиоактивен. «Горяч». — Беспощадные глаза ощупали Фойла. — Что скрывается за вашим цирком?

— Страсть к популярности.

— Я сам мастер камуфляжа. Узнаю признаки. Каким ремеслом занимаетесь?

— Разве Дилинджер делится с Капоне? — Фойл улыбнулся, успокаиваясь, сдерживая облегчение.

(«Я перехитрил их обоих».) — Вы кажетесь счастливее, Дагенхем.

Он тут же понял свою ошибку.

Дагенхем мгновенно уловил ее.

— Счастливее, чем когда? Где мы встречались раньше?

— Не «счастливее, чем когда», а «счастливее, чем кто». Вы счастливее меня. — Фойл повернулся к Престейну. — Я безнадежно влюблен в леди Оливию.

— Саул, твои полчаса истекли.

Дагенхем и Престейн, по разные стороны от Фойла, обернулись. К ним подошла высокая женщина в изумрудном платье, статная, с длинными, отливающими медью волосами. Это была Джизбелла Маккуин.

Их взгляды встретились. Прежде чем потрясение могло отразиться на его лице, Фойл отвернулся, пробежал шесть шагов до ближайшей двери и выскочил наружу.

Дверь захлопнулась. Он оказался в коротком темном коридоре. Раздался щелчок, шорох, и механический голос вежливо произнес:

— Вы ступили в запретную часть дома. Пожалуйста, покиньте помещение.

Фойл судорожно вздохнул, пытаясь прийти

в себя.

— Вы ступили в запретную часть дома. Пожалуйста, покиньте помещение.

«Я и представить не мог… Думал, она убита… Она узнала меня…»

— Вы ступили в запретную часть дома. Пожалуйста, покиньте помещение.

«Я пропал. Она никогда не простит мне… Сейчас, наверное, рассказывает Дагенхему и Престейну».

Дверь из зала отворилась, и на миг Фойлу почудилось, будто он видит свой пылающий образ. Потом он понял, что смотрит на огненные волосы Джизбеллы. Она не шевельнулась; она просто стояла и улыбалась в неистовом триумфе возмездия.

Фойл выпрямился.

«Нет, я не заскулю!»

Не торопясь, Фойл вышел из коридора, взял Джизбеллу под руку и вернулся с ней в зал. Он не удосужился оглядеться. Дагенхем и Престейн сами проявят себя, в свое время, охранниками и силой. Фойл улыбнулся Джизбелле; она ответила все той же торжествующей улыбкой.

— Спасибо за бегство, Гулли. Я никогда не думала, что ты можешь доставить мне такое

удовольствие.

— Бегство? Моя дорогая Джиз!..

— Ну?

— Ты невообразимо хороша сегодня. Мы далеко ушли от Жофре Мартель, не так ли? — Фойл взмахнул рукой. — Потанцуем?

Она была поражена его хладнокровием и покорно позволила провести себя к площадке.

— Между прочим, Джиз, как тебе удалось избежать Жофре Мартель?

— Это устроил Дагенхем… Итак, ты теперь танцуешь, Гулли?

— Я танцую, скверно изъясняюсь на четырех языках, занимаюсь наукой и философией, пописываю жалкие стишки, то и дело взрываюсь к черту при идиотских экспериментах, фехтую, как марионетка, боксирую, как фигляр… Короче говоря, я — пресловутый Формайл с Цереса.

— Гулли Фойла больше нет…

— Он лишь для тебя… и для тех, кому ты сообщишь.

— Только Дагенхему. Тебе жаль, что я сказала?

— Ты не более властна над собой, чем я.

— Да, ты прав. Твое имя просто вылетело, я не могла удержаться. А сколько бы ты заплатил за мое молчание?

— Не валяй дурака, Джиз. Этот случай принесет тебе семнадцать миллионов девятьсот восемьдесят тысяч.

— Что ты имеешь в виду?

— Я обещал отдать тебе все, что останется после того, как я разделаюсь с «Воргой».

— Ты разделался с «Воргой»? — изумленно спросила она.

— Нет, дорогая, ты разделалась со мной. Но я сдержу обещание.

Она рассмеялась.

— Щедрый Гулли Фойл… Расщедрись по-настоящему, Гулли. Развлеки меня немного.

— Завизжать, как крыса? Я не умею, Джиз. Меня выдрессировали на охоту, ни на что большее я не способен.

— А я прикончила тигра… Сделай мне одолжение, Гулли. Скажи, что ты был близок к «Ворге». Признайся, что я погубила тебя за шаг до победы. Ну?

— Хотел бы я это сказать, Джиз… Увы. Я застрял. Сегодня я пытался напасть на новый след.

— Бедный Гулли. Не исключено, что я вызволю тебя. Скажу… что обозналась… или пошутила… что на самом деле ты не Гулли Фойл. Я знаю, как убедить Саула. Я могу сделать это, Гулли… если

ты по-прежнему любишь меня.

Он посмотрел на нее и покачал головой.

— Между нами никогда не было любви, Джиз. Ты сама понимаешь это. Я слишком целеустремлен, чтобы быть способным на что-либо, кроме охоты.

— Слишком целеустремлен, чтобы не быть дураком!

— Что ты имела в виду, Джиз… говоря, что Дагенхем спас тебя от Жофре Мартель? Ты знаешь, как его убедить… Что у тебя с ним общего?

— Я на него работаю. Я — один из его курьеров.

— Ты хочешь сказать, он тебя шантажирует? Угрожает упрятать тебя назад, если…

— Нет. С этим было покончено в первую минуту нашей встречи. Он хотел захватить меня, а вышло все наоборот.

— То есть?

— Не догадываешься?

Фойл ошеломленно раскрыл глаза.

— Джиз! С ним?

— Да.

— Но как?! Он…

— Существуют меры предосторожности… Я не хочу касаться подробностей, Гулли.

— Прости… Долго он не возвращается.

— Не возвращается?..

— Дагенхем. Со своим войском.

— Ах, да, конечно. — Джизбелла снова коротко рассмеялась; потом вдруг неистово зашептала: — Ты и не знаешь, что ходил по проволоке, Гулли. Попытайся ты разжалобить меня, или подкупить, или заверить в своей любви… О господи, я бы уничтожила тебя. Раскрыла бы всему свету, кто ты… Кричала бы об этом на всех перекрестках…

— О чем ты говоришь?

— Саул не вернется. Он ни о чем не догадывается. Можешь проваливать в ад.

— Не верю.

— Думаешь, он задержался бы так долго? Саул Дагенхем?

— Но почему ты ему не сказала? После того как я бросил тебя…

— Потому что я не хочу, чтобы он попал в ад вместе с тобой. Я не имею в виду «Воргу». Речь идет кое о чем другом — ПирЕ. Вот из-за чего тебя преследуют. Вот к чему они рвутся. Двадцать фунтов ПирЕ.

— Что это?

— Вспомни… Когда ты вскрыл сейф, не было там маленькой коробки? Сделанной из ИСИ — инертсвинцового изомера?

— Была.

— Что находилось внутри?

— Двадцать зернышек, похожих на кристаллы йода.

— Что ты с ними сделал?

— Два отправил на анализ. Никто не смог выяснить, из чего они. Над третьим вожусь я сам в своей лаборатории… когда не кривляюсь перед публикой.

— Ты возишься… Зачем?

— Я расту, Джиз, — мягко произнес Фойл. — Нетрудно сообразить, что именно это нужно Престейну и Дагенхему.

— Как ты поступил с остальными зернышками?

— Они в надежном месте.

— Они не могут быть в надежном месте. Не может быть надежного места. Я не знаю, что такое ПирЕ, но мне известно, что это дорога в ад. Я не хочу, чтобы по ней пошел Саул.

— Ты так его любишь?

— Я так его уважаю. Он первый человек, кто показал мне, что стоит перейти под чужие знамена.

— Джиз, что такое ПирЕ? Ты знаешь.

— Догадываюсь. Я сопоставила все известные

мне факты и слухи, и у меня появилась идея. Но я не скажу тебе, Гулли. — Ее лицо осветилось яростью. — На этот раз я бросаю тебя. Я оставлю тебя беспомощным и во мраке. Испытай, каково это, на собственной шкуре. Насладись!

Она вырвалась и побежала по зале.

И в этот момент упали первые бомбы.

Они шли, как метеоритный поток, не столь многочисленны, но куда более смертоносны. Они шли на утренний квадрант; на ту сторону земного шара, которая находилась на границе между тьмой и светом. Покрыв расстояние в четыреста миллионов миль, они столкнулись с Землей.

Их космической скорости противостояло быстродействие земных военных компьютеров, за микросекунды обнаруживших и перехвативших новогодние подарки с Внешних Спутников. Рой ослепительно ярких звезд вспыхнул в небе — это были бомбы, детонированные на высоте пятьсот миль над их целью.

Но так тонка была грань между скоростью атаки и скоростью обороны, что многие прорвались. Невидимые траектории завершились титаническими сотрясениями.

Первый атомный взрыв, уничтоживший Нью-арк, резко встряхнул особняк Престейна. Стены

и пол свели страшные судороги. Гости повалились на роскошную мебель и друг на друга. Удар следовал за ударом. Почва содрогалась от землетрясений. Оглушающие, леденящие душу взрывы, неестественно бледные вспышки лишали людей рассудка, оставив лишь голый примитивный ужас обезумевших животных, в панике вопящих, спасающихся, бегущих. За пять секунд новогодний вечер у Престейна из изысканного приема превратился в дикий хаос.

Фойл поднялся с пола. Он посмотрел на сплетенные, извивающиеся тела на паркете, заметил пытающуюся освободиться Джизбеллу, сделал шаг вперед и остановился. Вокруг продолжало грохотать. Он увидел ошеломленную и раненую Робин Уэднесбери, еле поднимающую голову, и сделал шаг к ней, но снова остановился. Он понял, куда должен идти.

Фойл ускорился. Грохот и молнии обратились вдруг в скрежетанье и мельтешенье. Конвульсии землетрясений стали волнообразными покачиваниями. Фойл перерыл весь колоссальный дворец, пока наконец не нашел ее в саду стоящей на мраморной скамье — мраморная статуя для его ускоренных чувств… статуя экзальтации.

Он замедлился. Ощущения скачком вернулись

в норму, и снова он был оглушен и ослеплен.

— Леди Оливия, — окликнул Фойл.

— Кто это?

— Паяц.

— Формайл?

— Да.

— Вы меня искали? Я тронута, воистину тронута.

— Вы с ума сошли! Стоять здесь, на открытом месте… Молю вас, позвольте…

— Нет, нет. Это прекрасно… Великолепно!

— Позвольте мне джантировать с вами в какое-нибудь укрытие.

— А, вы представляетесь себе доблестным рыцарем в доспехах? Благородны и преданны… Это вам не подходит, мой дорогой. У вас нет к этому склонности. Лучше вам уйти.

— Я останусь.

— Как влюбленный в красоту?

— Как влюбленный.

— Вы все так же утомительны, Формайл. Ну, вдохновитесь! Это Армагеддон… Расцветающее Уродство… Расскажите мне, что вы видите.

— Немногое, — ответил он, оглядываясь и морщась. — Над всем горизонтом свет. Стремительные облака света. А выше — сияние. Словно

переливаются огоньки новогодней гирлянды.

— О, вы так мало видите своими глазами… Представьте, что вижу я. В небе раскинулся купол. Цвета меняются от темного привкуса до сверкающего ожога. Так я назвала открытые мне краски. Что это может быть за купол?

— Радарный экран, — пробормотал Фойл.

— И еще… громадные копья света, рвущиеся вверх, покачивающиеся, извивающиеся, колеблющиеся, танцующие. Что это?

— Следящие лучи. Вы видите всю электронную систему обороны.

— Я вижу и летящие бомбы… резкие мазки того, что вы зовете красным. Но не вашего красного — моего. Почему я их вижу?

— Они нагреты трением о воздух, но инертная свинцовая оболочка для нас бесцветна.

— Смотрите, вам гораздо лучше удается роль Галилея, чем Галахада. О! Вот одна появилась на востоке. Следите! Падает, падает, падает… Ну!!

Яркая вспышка на востоке доказала, что это не плод ее воображения.

— А вот другая, на севере. Очень близко. Очень. Сейчас! Земля всколыхнулась. И взрывы, Формайл… Не просто облака света — ткань, плетенье, паучья сеть перемешавшихся красок. Так пре-

красно. Будто изысканный саван.

— Так оно и есть, леди Оливия, — отрезвляюще заметил Фойл.

— Вы боитесь?

— Да.

— Тогда убегайте.

— Нет.

— В вас сидит дух противоречия.

— Не знаю. Я испуган, но не уйду.

— Вы нагло выкручиваетесь. Бравируете рыцарской отвагой? — Хрипловатый голос зазвучал язвительно. — Только подумайте, Галахад… Ну сколько времени нужно, чтобы джантировать? Через считаные секунды вы можете быть в Мексике, Канаде, Аляске. В полной безопасности. Там сейчас наверняка миллионы. В городе, вероятно, никого, кроме нас, не осталось.

— Не каждый может джантировать так далеко и так быстро.

— Значит, мы последние из тех, кто идет в расчет. Почему вы не бросите меня? Меня скоро убьют. Никто не узнает, что вы струсили и задали стрекача.

— Дрянь!

— Ага, вы злитесь. Что за грубый язык. Это первый признак слабости. Почему бы вам не

применить силу и в моих же интересах не унести меня? Это был бы второй признак.

— Будь ты проклята!

Он подступил к ней вплотную, яростно сжав кулаки. Оливия коснулась его щеки холодной изящной рукой, и снова Фойл ощутил электрический удар.

— Нет, слишком поздно, мой милый, — тихо произнесла она. — Сюда летит целый рой красных мазков… ниже, ниже… ниже… прямо на нас. Нам не спастись. Теперь — быстро! Беги! Джантируй! Возьми меня с собой! Быстро! Быстро!

Он схватил ее.

— Дрянь! Никогда!

Он сжал ее, нашел мягкий коралловый рот и поцеловал. Он терзал ее губы и ждал конца. Ничего не произошло.

— Надули! — воскликнул он.

Она рассмеялась. Фойл вновь поцеловал ее и, наконец, заставил себя разжать объятия. Она глубоко вздохнула, затем опять засмеялась, сверкая коралловыми глазами.

— Все кончено, — сказала Оливия.

— Ничего еще не начиналось.

— Ты имеешь в виду войну?

— Войну между нами.

— Так пусть же будет война! — неистово проговорила она. — Ты первый, кого не обманула моя внешность. О боже! Скука обходительного рыцарства и сладенькая любовь к принцессе. Но я не такая… внутри. Не такая. Не такая. Нет. Да здравствует свирепая, жестокая, беспощадная война между нами. Не побеждай меня… — уничтожь!

Внезапно она снова стала леди Оливия, надменная снежная дева.

— Боюсь, что обстрел прекратился, мой дорогой Формайл. Представление окончено. Что за восхитительная прелюдия к Новому году!.. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи?! — вскричал Фойл.

— Спокойной ночи, — повторила она. — Право, любезный Формайл, неужели вы столь неотесанны, что не замечаете, когда надоели? Можете идти.

Фойл застыл, судорожно пытаясь найти нужные слова, затем повернулся и, пошатываясь, вышел из дома. Он дрожал от возбуждения и брел, как в тумане, едва осознавая беспорядок и смятение вокруг. Горизонт был залит полыханием огненных языков. Взрывные волны так разворошили атмосферу, что до сих пор то и дело со свистом налетали шквалы ветра. Многие

здания были повреждены — стекло разбилось, сталь покорежилась, карнизы обвалились. Город был полуразрушен, несмотря на то, что избежал прямых попаданий.

Улицы пустовали. Все население Нью-Йорка джантировало в отчаянных поисках безопасности… на пределе своих возможностей… на пять миль, на пятьдесят, на пятьсот. Некоторые джантировали прямо под удар бомбы. Тысячи погибли в джант-взрывах, поскольку общественные джант-площадки не были рассчитаны на такой массовый исход.

Фойл осознал, что на улицах стали появляться спасатели в белых защитных костюмах. Властный окрик напомнил ему, что его могут поставить на аварийные работы. Проблемы эвакуации джантирующего населения не было, а вот вынудить людей вернуться, восстановить порядок… Фойл никак не намеревался неделю провести в борьбе с пожарами и грабителями. Он ускорился и ускользнул от Аварийной Команды.

На Пятой Авеню он замедлился; ускорение пожирало огромное количество энергии. Долгие периоды ускорения требовали потом многих дней восстановления сил.

Грабители и джек-джантеры уже хозяйничали

на Авеню — поодиночке и бандами, трусливые, но свирепые; шакалы, раздирающие тело живого, беспомощного животного. Сегодня город принадлежал им, и они орудовали без стеснения. Они налетели на Фойла.

— Я не в настроении, — предупредил он. — Поиграйте с кем-нибудь другим.

Он вывернул все карманы и швырнул им деньги. Они торопливо схватили их, но остались не удовлетворены. Они жаждали забавы, и беззащитный джентльмен вполне мог ее предоставить. С полдюжины бандитов окружили Фойла тесным кольцом.

— Добрый господин, — скалились они. — Давай повеселимся.

Фойл однажды видел изуродованное тело одной из жертв их веселья. Он вздохнул и с трудом отрешился от образа Оливии Престейн.

— Ну что ж, — сказал он. — Повеселимся.

Он нащупал пульт управления во рту и на двадцать губительных секунд превратился в самую смертоносную боевую машину… коммандос-убийца. Все происходило как будто помимо его воли; тело просто следовало вживленным в мускулы навыкам и рефлексам… На тротуаре осталось лежать шесть трупов.

Собор Святого Патрика стоял незыблемый, вечный, своим величием подавляя крошечные языки пламени, лизавшие позеленевшую медь крыши. Он был пуст. Освещенные и обставленные шатры Четырехмильного Цирка заполняли неф церкви, но люди их покинули. Слуги, повара, камердинеры, атлеты, лакеи, философы и мошенники поспешно бежали.

— Но они вернутся пограбить, — пробормотал Фойл.

Он вошел в свой шатер и увидел сгорбившуюся на ковре фигурку в белом, что-то невнятно и тихо мычащую. Это была Робин Уэднесбери — платье в клочья, рассудок в клочья.

— Робин!

Она продолжала мычать. Он поднял ее на ноги, встряхнул, ударил по лицу. Она просияла и продолжала мычать. Фойл достал шприц и ввел ей лошадиную дозу ниацина. Отрезвляющее действие наркотика на ее патетическое бегство от реальности было чудовищно. Робин буквально вывернуло наизнанку. Атласная кожа побелела, прекрасное лицо исказилось. Она узнала Фойла, вспомнила то, что пыталась забыть, закричала и упала на колени. Она зарыдала.

— Так-то лучше, — произнес Фойл. — Ты вели-

кая любительница спасаться бегством. Сперва самоубийство. Теперь это. Что следующее?

— *Уйди.*

— Возможно, религия. Ты чудесно впишешься в какую-нибудь секту. Примешь муки за веру… В состоянии ты смотреть жизни прямо в глаза?

— *Разве тебе никогда не приходилось убегать?*

— Никогда. Бегство — для неврастеников.

— *Неврастеник… Любимое слово нашего образованного умника… Ты ведь образован, не правда ли? Так образован. Так уравновешен. Так спокоен… Да ты удирал всю свою жизнь!*

— Я?! Никогда. Всю свою жизнь я преследовал.

— *Ты удирал. Ты уходил от реальной жизни, нападая на нее… отрицая ее… уничтожая ее… Вот что ты делал.*

— Что? — Фойл резко встрепенулся. — Ты хочешь сказать, будто я от чего-то спасался?

— *Безусловно.*

— От чего же?

— *От реальности. Ты не в состоянии принять жизнь такой, какая она есть. Ты отказываешься это сделать. Ты пытаешься загнать ее в твои собственные рамки. Ты ненавидишь и уничтожаешь все, что не укладывается в твои безумные рамки.* — Она подняла залитое слезами лицо. — Я

больше не могу этого выдержать. Отпусти меня.

— Отпустить?.. Куда?

— Жить своей жизнью.

— А как же твоя семья?

— … И искать их самой.

— Почему? Что случилось?

— Слишком много… нет сил… ты и война… потому что ты так же страшен, как и война. Страшнее. Что случилось со мной сегодня, происходит постоянно, когда я с тобой. Я могу вынести либо одно, либо другое — но не вместе.

— Нет, — отрезал Фойл. — Ты мне нужна.

— Я готова выкупить себя.

— Каким образом?

— Ты потерял все нити, ведущие к «Ворге», не правда ли?

— И?

— Я нашла еще одну.

— Где?

— Не имеет значения. Ты согласен отпустить меня, если я тебе ее передам?

— Я могу вырвать силой.

— Можешь? После сегодняшней бомбежки? Попробуй.

Он был захвачен врасплох ее вызовом.

— Откуда мне знать, что ты не врешь?

— Я дам тебе намек. Помнишь того человека в Австралии?

— Форреста?

— Да. Он пытался назвать имена своих товарищей. Помнишь единственное имя, которое он сумел произнести?

— Кемп.

— Он умер, не успев закончить. То имя — Кемпси.

— Это и есть твоя нить?

— Да. Кемпси. Имя и адрес. В обмен на твое обещание отпустить меня.

— По рукам, — сказал он. — Ты свободна. Выкладывай.

Робин подошла к дорожному платью, в котором была в Шанхае, и достала из кармана обгоревший клочок бумаги.

— Я заметила это на столе Ореля, когда пыталась потушить пожар… пожар, который устроил Горящий Человек…

Это был отрывок письма.

…все, что угодно, только бы вырваться из этого ада. Почему с человеком надо обращаться, как с паршивой собакой, лишь из-за того, что он не умеет джантировать?! Пожалуйста, помоги мне, Серж, прошу. Спаси старого товарища по ко-

раблю, который нельзя упоминать. Неужели ты не найдешь сто кредиток? Помнишь, я выручал тебя… Пошли сто кредиток… хотя бы пятьдесят. Не покидай меня в беде. Родж Кемпси.

Барак № 3. «Бактерия, Инк.»

Море Спокойствия, Луна.

— Боже мой! — вскричал Фойл. — Настоящая нить! На этот раз ничто нам не помешает. Я выжму из него все… все. — Он криво ухмыльнулся Робин. — Мы летим на Луну завтра вечером. Закажи билеты. Нет. Купи корабль. Теперь, после атаки, от них будут отделываться по дешевке.

— Мы? — потрясенно проговорила Робин. — Не мы, а ты.

— Нет, мы. Мы летим на Луну. Вдвоем.

— Я ухожу.

— Ты никуда не уходишь. Ты остаешься со мной.

— Но ты поклялся.

— Уймись, девочка! Пора взяться за ум. Ради этого я бы поклялся чем угодно. Теперь ты мне нужна больше, чем когда-либо. Не для «Ворги»; с «Воргой» я справлюсь сам. Есть кое-что гораздо более важное.

Он посмотрел на ее все еще недоверчивое лицо и сочувственно улыбнулся.

— Мне очень жаль, девочка. Если бы ты дала мне это письмо два часа назад, я бы сдержал слово. Но сейчас слишком поздно. Мне нужен Доверенный Секретарь. Я влюблен в Оливию Престейн.

Робин вскочила на ноги, словно сгусток живой ярости.

— *Влюблен? В Оливию Престейн?! В этот белый труп!..* — Ее горькое негодование явилось для Фойла ошеломляющим открытием. — *Вот теперь ты потерял меня. Навсегда. Теперь я тебя уничтожу!*

Она исчезла.

Глава 12

Капитан Питер Йанг-Йовил принимал донесения в Центральном Штабе в Лондоне со скоростью шесть в минуту. Сообщения приходили по телефону, по телеграфу, по радио, с джант-курьерами. Сложившаяся после бомбардировки ситуация быстро прояснялась.

ОБСТРЕЛ НАКРЫЛ СЕВ. И ЮЖ. АМЕРИКУ ОТ 60° ДО 120° ЗАПАДНОЙ ДОЛГОТЫ… ОТ ЛАБРАДОРА ДО АЛЯСКИ… ОТ РИО ДО ЭКВАДОРА… ПО

ПРИБЛИЖЕННЫМ ОЦЕНКАМ ДЕСЯТЬ ПРОЦЕНТОВ (10 %) РАКЕТ ПРОНИКЛО ЧЕРЕЗ ЗАЩИТНЫЙ ЭКРАН… ОРИЕНТИРОВОЧНЫЕ ПОТЕРИ СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ — ОТ ДЕСЯТИ ДО ДВАДЦАТИ МИЛЛИОНОВ…

— Спасибо, что существует джантация, — сказал Йанг-Йовил. — Иначе потери были бы в пять раз больше. Но все равно, это нокаут. Еще один такой удар, и с Землей покончено.

Он обращался к помощникам, джантирующим туда и обратно, появляющимся и исчезающим. Они кидали на его стол донесения и мелом заносили результаты на стеклянную доску, занимавшую всю стену.

Здесь действовали без церемоний, и Йанг-Йовил был удивлен и насторожен, когда один из помощников постучал в дверь и вошел с соблюдением всех формальностей.

— Ну что вы еще придумали? — едко спросил он.

— К вам дама.

— Сейчас не время ломать комедии, — раздраженно бросил Йанг-Йовил. Он указал на доску, красноречиво отражавшую весь ужас положения. — Прочти и поплачь на обратном пути.

— Не обычная дама, Йео. Ваша Венера с Испан-

ской лестницы.

— Что? Какая Венера?

— Ваша чернокожая Венера.

— Как?.. Та самая?.. — Йанг-Йовил покраснел. — Пусть войдет.

— Вы будете допрашивать ее с глазу на глаз, разумеется?

— Не ехидничай, пожалуйста. Идет война. Если я кому-нибудь понадоблюсь, пускай обращаются ко мне на Секретном Языке.

Робин Уэднесбери ступила в кабинет все в том же рваном белом платье. Она джантировала из Нью-Йорка в Лондон, даже не переодевшись. Грязное и искаженное, ее лицо сохраняло красоту. Йанг-Йовил мгновенно окинул ее взглядом и пришел к выводу, что его первое впечатление было верным. Робин ответила столь же оценивающим взглядом, и ее глаза расширились.

— Вы… вы — повар с Испанской лестницы! Анжело Погги!

Истинный разведчик, Йанг-Йовил был готов справиться с критической ситуацией.

— Не повар, мадам. Я не имел возможности проявить свою истинную чарующую личность. Пожалуйста, садитесь, мисс…

— Уэднесбери. Робин Уэднесбери.

— Очень приятно. Капитан Йанг-Йовил. Как мило с вашей стороны навестить меня, мисс Робин. Вы избавили меня от долгих поисков.

— Н-но я не понимаю. Что вы делали на Испанской лестнице? Зачем…

Йанг-Йовил обратил внимание, что губы ее не шевелятся.

— О, так вы телепат, мисс Уэднесбери? Как это может быть? Я считал, что знаю всех телепатов.

— Я не телепат. Я могу только слать… а не принимать.

— Что, разумеется, обесценивает ваш дар. Понимаю. — Йанг-Йовил грустно покачал головой. — Что за подлость, мисс Уэднесбери… в полной мере ощущать все недостатки телепатии и в то же время быть лишенной ее преимуществ. Поверьте, я сочувствую вам.

— Господи, он первый, кто понял это сам, без разъяснений…

— Осторожней, мисс Уэднесбери. Я принимаю ваши мысли. Ну так что же Испанская лестница?..

Но она не могла справиться со своей тревогой.

— Он меня выслеживал? Из-за семьи? О ужас!.. Меня будут пытать… Выбивать информацию… Я…

— Моя милая девочка, — мягко произнес Йанг-Йовил. Он взял ее руки и ласково сжал их. — Послушайте. Вы зря волнуетесь. Очевидно, вы числитесь в черных списках, так?

Она кивнула.

— Это плохо, но сейчас не будем об этом беспокоиться. То, что в Разведке мучают людей, выбивая информацию… пропаганда.

— Пропаганда?

— Мы не звери, мисс Уэднесбери. Нам известно, как заставить людей говорить, не прибегая к средневековой жестокости. Но мы специально распространяем подобные слухи, чтобы, так сказать, заранее подготовить почву.

— Правда? Он лжет. Пытается обмануть меня.

— Это правда, мисс Уэднесбери. Я действительно иногда прибегаю к хитрости, но сейчас в этом нет нужды. Зачем, когда вы пришли сюда по доброй воле.

— Он слишком находчив… слишком быстр. Он…

— Мне кажется, вас жестоко обманули недавно, мисс Уэднесбери… Жестоко обидели.

— Да. Но это в основном моих рук дело. *Я дура. Проклятая дура!*

— Никак не дура, мисс Уэднесбери, и ни в коем случае не проклятая. Не знаю, что могло так подорвать вашу уверенность в себе, но я надеюсь восстановить ее. Итак… вы обмануты? В основном сами собой? Что ж, с каждым бывает. Но вам ведь кто-то помогал… Кто?

— Я предаю его.

— Тогда не говорите.

— Но я должна найти мать и сестер… Я не могу ему больше верить… — Робин глубоко вздохнула. — Я хочу рассказать вам о человеке по имени Гулливер Фойл.

— Правда, что он приехал по железной дороге? — спросила Оливия Престейн. — На паровозе с вагончиком? Какая удивительная смелость.

— Да, это замечательный молодой человек, — ответил Престейн. Они находились в приемной зале своего особняка, вдвоем во всем доме. Престейн стоял на страже чести и жизни, ожидая возвращения бежавших в панике слуг, и невозмутимо развлекал дочь беседой, не позволяя ей догадаться, какой серьезной опасности они подвергались.

— Папа, я устала.

— У нас была тяжелая ночь, дорогая. Но я прошу тебя пока не уходить.

— Почему?

— Мне одиноко, Оливия. Поговорим еще немного.

— Я сделала дерзкую вещь, папа. Я следила за обстрелом из сада.

— Как! Одна?

— Нет. С Формайлом.

В запертую дверь заколотили.

— Кто это?

— Бандиты, — спокойно сказал Престейн. — Не тревожься, Оливия. Они не войдут. — Он шагнул к столу, где аккуратно в ряд выложил оружие. — Нет никакой опасности. — Он попытался отвлечь ее. — Ты говорила мне о Формайле…

— Ах, да. Мы смотрели вместе… описывая друг другу увиденное.

— Без компаньонки? Это неблагоразумно, Оливия.

— Знаю, я вела себя недостойно. Он казался таким большим, таким спокойным, таким самоуверенным, что я решила разыграть леди Надменность. Помнишь мисс Пост, мою гувернантку, такую бесстрастную и высокомерную, что я прозвала ее леди Надменность? Я вела себя, как леди Надменность. Он пришел в ярость, папа. Поэтому отправился искать меня в саду.

— Ты позволила ему остаться? Я поражен, дорогая.

— Я тоже. Я, наверное, наполовину сошла с ума от возбуждения. Как он выглядит, папа? Как он тебе показался?

— Он действительно большой. Высокий, жгуче-черный, довольно загадочный. Похож на Борджиа. Он мечется между наглостью и дикостью.

— Ага, так он дикарь, да? Я почувствовала это. Он излучает угрозу… Большинство людей просто мерцают… он же искрится, как молния. Ужасно захватывающе.

— Дорогая, — нравоучительно указал Престейн. — Твои слова недостойны скромной девушки. Я бы огорчился, любовь моя, если бы у тебя появилось романтическое влечение к такому парвеню, как этот Формайл.

В зал стали джантировать слуги, повара, официанты, лакеи, камердинеры, кучера, горничные. Все они были пристыжены своим паническим бегством.

— Вы бросили свои посты. Это не будет забыто, — холодно отчеканил Престейн. — Моя безопасность и моя честь снова в ваших руках. Берегите их. Леди Оливия и я удаляемся на покой.

Он взял дочь под локоть и помог ей подняться по лестнице, ревностно охраняя свою ледяную принцессу.

— Кровь и деньги, — пробормотал Престейн.

— Что, папа?

— Я подумал о семейном пороке, Оливия. Какое счастье, что ты не унаследовала его.

— Что за порок?

— Тебе незачем знать. Это все, что у нас есть общего с Формайлом.

— Значит, он испорчен? Я почувствовала. Как Борджиа, ты сказал. Безнравственный Борджиа, с черными глазами и печатью на лице.

— С печатью?

— Да. Я видела странный узор, какие-то линии… не обычную электрическую сеть нервов и мышц, а что-то, наложенное поверх. Фантастическое, чудовищно порочное клеймо… Не могу выразить словами. Дай мне карандаш. Я попробую нарисовать.

Они остановились перед чиппендельским секретером. Престейн достал плиту оправленного в серебро хрусталя. Оливия прикоснулась к ней кончиком пальца; появилась черная точка. Она повела палец, и точка превратилась в линию. Быстрыми штрихами она набросала кошмарные

завихрения дьявольской тигриной маски.

Саул Дагенхем покинул затемненную спальню. Через секунду ее залил свет, излучаемый стеной. Казалось, гигантское зеркало отражало покои Джизбеллы, но с одним причудливым искажением. В постели лежала Джизбелла, а в отражении на постели сидел Дагенхем. Зеркало было на самом деле свинцовым стеклом, разделяющим две одинаковые комнаты. Дагенхем только что включил в своей свет.

— Любовь по часам, — раздался в динамике голос Дагенхема. — Отвратительно.

— Нет, Саул. Нет.

— Низко.

— Снова нет.

— Горько.

— Нет. Ты жаден. Довольствуйся тем, что имеешь.

— Богу известно, это больше, чем я когда-либо имел. Ты прекрасна.

— Ты любишь крайности… Спи, милый. Завтра едем кататься на лыжах.

— Нет, мои планы изменились. Надо работать.

— Саул… ты ведь обещал. Достаточно работы, волнений и беготни. Ты не собираешься сдержать слово?

— Не могу. Идет война.

— К черту войну. Ты уже в полной мере пожертвовал собой. Что еще они могут требовать от тебя?

— Я должен закончить работу.

— Я помогу тебе.

— Нет. Не вмешивайся в это.

— Ты мне не доверяешь.

— Я не хочу тебе вреда.

— Ничто не может повредить нам.

— Фойл может.

— Ч-что?..

— Формайл — Фойл. Ты знаешь это. Я знаю, что ты знаешь.

— Но я никогда…

— Да, ты мне не говорила. Ты прекрасна. Так же храни верность и мне, Джизбелла.

— Тогда каким образом ты узнал?

— Фойл допустил ошибку.

— Какую?

— Имя.

— Формайл с Цереса? Он купил его.

— Но Джеффри Формайл?

— Просто выдумал.

— Полагает, что выдумал… Он его помнит. Формайл — имя, которое используют в Мегалане. В

свое время я применял к Фойлу все пытки Объединенного Госпиталя в Мехико. Имя осталось глубоко в его памяти и всплыло, когда он подыскивал себе новое.

— Бедный Гулли.

Дагенхем улыбнулся.

— Да. Как мы ни защищаемся от внешних врагов, нас всегда подводят внутренние. Против измены нет защиты, и мы все предаем себя.

— Что ты собираешься делать, Саул?

— Покончить с ним, разумеется.

— Ради двадцати фунтов ПирЕ?

— Нет. Чтобы вырвать победу в проигранной войне.

— Что? — Джизбелла подошла к стеклянной перегородке, разделяющей комнаты. — Саул, ты? Патриотичен?

Он кивнул, почти смущенно.

— Странно. Абсурдно. Но это так. Ты изменила меня полностью. Я снова нормальный человек.

Он прижал лицо к стене, и они поцеловались через три дюйма свинцового стекла.

Море Спокойствия идеально подходило для выращивания анаэробных бактерий, редких плесеней, грибков и прочих видов микроорганизмов, требующих безвоздушного культивирования и

столь необходимых медицине и промышленности.

«Бактерия, Инк.» была огромной мозаикой возделанных полей, разбросанных вокруг скопления бараков и контор. Каждое поле представляло собой гигантскую кадку ста футов высотой и не более двух молекул толщиной. За день до того, как линия восхода, ползущая по поверхности Луны, достигала Моря Спокойствия, кадки наполнялись питательной средой. На восходе — резком и слепящем на безвоздушном спутнике — их засевали, и на протяжении следующих четырнадцати дней непрерывного солнца лелеяли, прикрывали, подкармливали мельтешащие фигурки полевых рабочих в скафандрах. Перед заходом урожай снимали, а кадки оставляли на мороз и стерилизацию двухнедельной лунной ночи.

Джантация была не нужна для этой кропотливой работы. «Бактерия, Инк.» нанимала несчастных, неспособных к джантации, и платила им жалкие гроши. Самый непрестижный труд; занимались им отбросы и подонки со всей Солнечной системы. И бараки «Бактерии, Инк.» во время вынужденного четырнадцатидневного безделья напоминали ад. Фойл убедился в этом, войдя в барак № 3.

Ему открылась ужасающая картина. Большое помещение ходило ходуном. Две сотни мужчин жрали, пили, сидели, лежали ничком, тупо смотрели на стены, плясали и горланили. Между ними сновали шлюхи и пронырливые сводники, профессиональные игроки с раскладными столиками, торговцы наркотиками, ростовщики и воры. Клубы табачного дыма перекрывали вонь пота, сивухи и Аналога. На полу валялись безжизненные тела, разбросанное белье, одежда, пустые бутылки и гниющая пища.

Дикий рев отметил появление Фойла, но это его не удивило.

— Кемпси? — спокойно сказал он первой искаженной роже, возникшей в сантиметрах от его лица. И вместо ответа услышал хохот. Он улыбнулся и сунул банкноту в сто кредиток. — Кемпси? — спросил он другого. И вместо ответа услышал проклятья. Но он снова заплатил и безмятежно стал проталкиваться вглубь, спокойно раздавая банкноты в благодарность за насмешки и оскорбления. В середине барака он нашел того, кого искал, — капо, огромного, чудовищно безобразного зверя. Громила возился с двумя проститутками и лакал виски, подносимое льстивыми руками лизоблюдов.

— Кемпси? — обратился Фойл на незабытом языке отродья городских трущоб. — Нужно Роджера Кемпси.

— Тебе ни шиша не нужно, — ответил громила, выбрасывая вперед огромную лапу. — Гони монету.

Толпа радостно взревела. Фойл оскалился и плюнул ему в глаз. Все испуганно застыли. Громила отшвырнул проституток и яростно кинулся на Фойла. Через пять секунд он ползал на полу; Фойл придавил его шею ногой.

— Нужно Кемпси, — ласково проговорил Фойл. — Сильно нужно. Лучше скажи, а не то конец тебе, и все.

— В уборной! — прохрипел громила. — Отсиживается. Он всегда там…

Фойл презрительно швырнул остаток денег и быстрым шагом прошел в уборную. Кемпси скорчился в углу, прижав лицо к стене, глухо постанывая в однообразном ритме, очевидно, не первый час.

— Кемпси?

Ему ответило мычание.

— Что такое, ты?

— Одежда… — всхлипнул Кемпси. — Одежда. Везде. Повсюду. Одежда. Как грязь, как блевотина,

как дерьмо… Одежда. Кругом одежда.

— Вставай. Вставай, ты.

— Одежда. Везде одежда. Как грязь, как блевотина, как дерьмо…

— Кемпси, очнись. Меня прислал Орель.

Кемпси перестал стонать и повернул к Фойлу распухшее лицо.

— Кто? Кто?

— Меня прислал Орель. Я помогу тебе. Ты свободен. Уносим ноги.

— Когда?

— Сейчас.

— Благослови его Бог! О Господи, благослови!..

Кемпси неуклюже запрыгал, исцарапанное багровое лицо расплылось в искаженной улыбке. Он надтреснуто смеялся и скакал; Фойл вывел его из уборной. Но в бараке Кемпси снова застонал и заплакал. Они шли по длинному помещению, а голые шлюхи хватали охапки грязной одежды и трясли перед его глазами. Кемпси что-то нечленораздельно хрипел и трясся, на губах выступила пена.

— Что такое, с ним? — спросил Фойл у громилы на языке уличных подонков.

Громила демонстрировал ныне почтительный нейтралитет, если не горячую любовь.

— Всегда так, он. Сунешь рванье — и дергается.

— Чего он?

— Чего? Чокнутый, и все.

В тамбуре Фойл натянул на себя и Кемпси скафандры и вывел его на ракетное поле. Антигравитационные лучи бледными пальцами тянулись из шахт к зависшей в ночном небе горбатой Земле. В яхте Фойл достал из шкафчика бутылку и ампулу, нашел стакан и спрятал ампулу в ладони.

Кемпси жадно глотнул виски — все еще потрясенный, все еще ликующий.

— Свободен, — бормотал он. — Благослови его Бог! Свободен… — Он снова выпил. — Что я пережил… До сих пор не могу поверить. Это словно во сне. Почему мы не взлетаем? Я… — Кемпси подавился и выронил стакан, в ужасе глядя на Фойла. — Твое лицо! — воскликнул он. — Боже мой, твое лицо! Что с ним случилось?

— Ты с ним случился, ты, сволочь! — вскричал Фойл.

Он прыгнул — подобранный, как тигр, жестокий, как тигр, пылая тигриной маской, — и метнул ампулу. Та вошла в шею Кемпси и, подрагивая, повисла. У Кемпси подогнулись ноги.

Фойл ускорился, подхватил тело в падении и

понес в правую каюту. На яхте было всего две каюты, и обе Фойл подготовил заранее. Правая каюта была превращена в операционную. Фойл привязал тело к столу, открыл чемоданчик с инструментами и начал тончайшую операцию, технику которой усвоил в то же утро гипнообучением… операцию, возможную только благодаря его пятикратному ускорению.

Он разрезал кожу и фасцию, пропилил грудную клетку, обнажил сердце, рассек его и соединил вены и артерии с механизмом искусственного кровообращения, находящимся рядом со столом. Потом наложил на лицо Кемпси маску и включил кислородный насос. Прошло двадцать секунд объективного времени.

Фойл замедлился, проверил температуру Кемпси, сделал противошоковый укол и стал ждать. Клокочущая кровь шла через насос в тело Кемпси. Через пять минут Фойл снял кислородную маску. Дыхательный рефлекс поддерживался. Кемпси жил без сердца. Фойл сидел у операционного стола и ждал. На лице его горело клеймо.

Кемпси был без сознания.

Фойл ждал.

Кемпси пришел в себя и закричал. Фойл вскочил, затянул ремни и склонился над распростер-

тым телом.

— Здравствуй, Кемпси.

Кемпси кричал.

— Взгляни на себя, Кемпси. Ты мертв.

Кемпси потерял сознание. Фойл наложил кислородную маску и привел его в чувство.

— Дай мне умереть, дай мне умереть, ради Бога!

— В чем дело? Что, больно? Я умирал шесть месяцев и не выл.

— Дай мне умереть…

— В свое время. В свое время… если будешь вести себя как следует. Шестнадцатого сентября 2336 года ты находился на «Ворге»…

— О Боже, дай умереть…

— Ты был на «Ворге»?

— Да.

— Вам встретились остатки кораблекрушения. С обломков «Номада» попросили о помощи, а вы прошли мимо. Так?

— Да.

— Почему?

— Господи! О Господи, помоги мне!

— Почему?

— Боже мой!

— На «Номаде» был я, Кемпси. Почему вы об-

рекли меня на смерть?

— О Боже мой, Боже мой! Господи, спаси меня!

— Я спасу тебя, Кемпси, если ты мне ответишь. Почему вы бросили меня?

— Мы не могли.

— Не могли взять на борт? Почему?

— Беженцы.

— А-а, значит, я верно догадался. Вы везли беженцев с Каллисто?

— Да.

— Сколько?

— Шестьсот.

— Это немало, но еще для одного места бы хватило. Почему вы меня не подобрали?

— Мы их прикончили.

— Что?! — вскричал Фойл.

— За борт… всех… шестьсот человек… Раздели донага… забрали их одежду, деньги, вещи, драгоценности… За борт, всех, пачками… Боже! Одежда по всему кораблю… Они кричат и… о Господи, если бы я только мог забыть! Женщины… голые… синие… вокруг нас. Одежда… Везде одежда… Шестьсот человек!

— Вы взяли с них деньги, даже и не думая везти на Землю? Ты, сволочь, отвечай, быстро!

— Да.

— Почему не подобрали меня?

— Все равно пришлось бы выбросить за борт.

— Кто отдал приказ?

— Капитан.

— Имя!

— Джойс. Линдси Джойс.

— Адрес!

— Колония Склотски, Марс.

— Что?! — Фойл был оглушен. — Он — Склотски? Я шел по его следам, я гнал его год, я все отдал… и не могу прикоснуться… причинить боль… заставить почувствовать то, что чувствовал я?! — Фойл отвернулся от корчащегося на столе человека, равно корчась от крушения всех надежд. — Склотски! Единственное, о чем я никогда не думал… Что мне делать?! Что же мне делать?! — взревел он в ярости. Клеймо ярко пылало на его лице.

Фойл пришел в себя от стона Кемпси. Он шагнул к столу и наклонился над рассеченным телом.

— Давай-ка напоследок уточним. Это Линдси Джойс приказал избавиться от беженцев?

— Да.

— И бросить меня гнить?

— Да. Да. Ради всего святого, довольно. Дай мне умереть.

— Живи, свинья!.. Мерзкий и бессердечный ублюдок! Живи без сердца. Живи и страдай. Ты у меня будешь жить долго, ты…

Уголком глаз Фойл заметил яркую вспышку и поднял голову. Его горящий лик заглядывал в большой квадратный иллюминатор каюты. Фойл прыгнул к иллюминатору, и пылающий человек исчез.

Фойл выбежал из каюты и помчался в контрольную рубку, дающую обзор на 270 градусов. Горящего человека нигде не было.

— Этого не может быть, — пробормотал он. — Не может быть такого. Это знак, знак удачи… ангел-спаситель. Он спас меня на Испанской лестнице. Он велит мне не сдаваться и разыскать Линдси Джойса.

Фойл пристегнулся к пилотскому креслу, врубил двигатель и выжал полное ускорение.

— Линдси Джойс, Колония Склотски, Марс, — шептал он, противясь железной силе, вдавившей его в кресло. — Склотски… Без чувств, без радости, без боли… Он недостижим… Как покарать его? Мучить, пытать? Затащить в левую каюту и заставить почувствовать то, что чувствовал я, брошенный на «Номаде»? Проклятье! Он все равно мертв! Он и есть труп. Живой, ходящий

труп. А мне надо победить безжизненное тело и заставить его ощутить боль. Подойти так близко к цели… и оказаться перед запертой дверью. Кошмарный удар. Крушение… Как отомстить?

Через час он освободился от ускорения и ярости, отстегнул ремни и вспомнил о Кемпси. В операционной царила тишина. Перегрузки нарушили работу насоса. Кемпси был мертв.

Неожиданно Фойла захлестнуло новое, незнакомое чувство — отвращение к себе. Он отчаянно пытался побороть его.

— В чем дело, ты? — шептал он. — Подумай о шести сотнях убитых… Подумай о себе… Никак превращаешься в добродетельного христианина-подвальника… готов подставить другую щеку и заскулить о прощении… Оливия, что ты творишь со мной? Силы прошу, а не слабости…

И все же он отвел глаза, выбрасывая тело за борт.

Глава 13

ВСЕ ЛИЦА, НАХОДЯЩИЕСЯ НА СЛУЖБЕ У ФОРМАЙЛА С ЦЕРЕСА ИЛИ СВЯЗАННЫЕ С НИМ ИНЫМ ОБРАЗОМ, ДОЛЖНЫ БЫТЬ ЗАДЕРЖАНЫ И ПОДВЕРГНУТЫ ДОПРОСУ. Й-Й. ЦЕНТРАЛЬНАЯ

РАЗВЕДКА.

ВСЕМ СЛУЖАЩИМ КОМПАНИИ В СЛУЧАЕ ПОЯВЛЕНИЯ НЕКОЕГО ФОРМАЙЛА С ЦЕРЕСА НЕМЕДЛЕННО ДОКЛАДЫВАТЬ МЕСТНОМУ МИСТЕРУ ПРЕСТО. ПРЕСТЕЙН.

ВСЕМ КУРЬЕРАМ. ОСТАВИТЬ ТЕКУЩУЮ РАБОТУ И ЯВИТЬСЯ ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ ЗАДАНИЯ ПО ДЕЛУ ФОЙЛА. ДАГЕНХЕМ.

ПОД ПРЕДЛОГОМ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ ПРЕКРАТИТЬ ВСЕ БАНКОВСКИЕ ОПЕРАЦИИ. ЦЕЛЬ — ОТРЕЗАТЬ ФОЙЛА ОТ ДЕНЕЖНЫХ ВКЛАДОВ. Й-Й. ЦЕНТРАЛЬНАЯ РАЗВЕДКА.

КАЖДОЕ ЛИЦО, НАВОДЯЩЕЕ СПРАВКИ О К/К «ВОРГА», ДОСТАВЛЯТЬ В ЗАМОК ПРЕСТЕЙНА ДЛЯ ПРОВЕРКИ. ПРЕСТЕЙН.

ВСЕ ПОРТЫ ВНУТРЕННИХ ПЛАНЕТ ПРИВЕСТИ В СОСТОЯНИЕ ГОТОВНОСТИ К ПРИБЫТИЮ ФОРМАЙЛА С ЦЕРЕСА. КАРАНТИННЫМ И ТАМОЖЕННЫМ СЛУЖБАМ КОНТРОЛИРОВАТЬ ПОСАДКИ БЕЗ ИСКЛЮЧЕНИЯ. Й-Й. ЦЕНТРАЛЬНАЯ РАЗВЕДКА.

СОБОР СВЯТОГО ПАТРИКА ОБЫСКАТЬ. ВЕСТИ КРУГЛОСУТОЧНОЕ НАБЛЮДЕНИЕ. ДАГЕНХЕМ.

УСТАНОВИТЬ ПО АРХИВНЫМ ДОКУМЕНТАМ ФАМИЛИИ ОФИЦЕРОВ И РЯДОВОГО СОСТАВА К/К «ВОРГА» С ЦЕЛЬЮ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ СЛЕДУЮЩЕГО ХОДА ФОЙЛА. ПРЕСТЕЙН.

КОМИТЕТУ ПО ВОЕННЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ СОСТАВИТЬ СПИСОК ВРАГОВ НАРОДА, НАЧИНАЯ С ФОЙЛА. Й-Й. ЦЕНТРАЛЬНАЯ РАЗВЕДКА.

1 000 000 КР. ЗА ИНФОРМАЦИЮ, ВЕДУЩУЮ К ЗАДЕРЖАНИЮ ФОРМАЙЛА С ЦЕРЕСА, ОН ЖЕ ГУЛЛИВЕР ФОЙЛ, ОН ЖЕ ГУЛЛИ ФОЙЛ, НЫНЕ НАХОДЯЩЕГОСЯ НА ТЕРРИТОРИИ ВНУТРЕННИХ ПЛАНЕТ. КРАЙНЕ ВАЖНО! СРОЧНО! ОПАСНО!

И после двухсотлетней колонизации нехватка воздуха на Марсе была столь резкой, что там до сих пор действовал Закон Р-Л — Закон Растительности-Линча. Повредить или уничтожить любое растение, жизненно необходимое для превращения богатой двуокисью углерода атмосферы Марса в кислородную, считалось тягчайшим преступлением. Предупреждения типа «ПО ГАЗОНАМ НЕ ХОДИТЬ» были излишни. Любой человек, сошедший с дорожки, был бы немедленно пристрелен. Женщину, сорвавшую цветок, убили бы без пощады. Два столетия кислородного голодания породили месть за беззащитную зелень,

поднятую почти до уровня святыни.

Фойл вспоминал все это, торопливо шагая по середине старой дороги, ведущей к Марс-Сен-Мишелю. Прямо с аэродрома Сиртис он джантировал на площадку Сен-Мишель, в начало дороги, четверть мили тянущейся среди зеленых полей. Остаток пути ему предстояло пройти пешком.

Как и оригинальный Мон-Сен-Мишель на побережье Франции, марсианский Сен-Мишель был величественным готическим собором со множеством шпилей и контрфорсов. Он стоял на холме и стремительно вздымался в небо. Океанские волны окружали Сен-Мишель на Земле; зеленые волны травы окружали Сен-Мишель на Марсе. Оба были крепостями: Мон-Сен-Мишель — крепостью веры, до того, как организованную религию запретили, марсианский Сен-Мишель — крепостью телепатии. Там жил единственный полный телепат Марса Зигурд Магсмэн.

— Итак, Зигурда Магсмэна защищают, — речитативом повторял Фойл полуистерично, полублагоговейно. — Во-первых, правительство Солнечной системы; во-вторых, военное положение; в-третьих, Дагенхем — Престейн и Ко; в-четвертых, сама крепость; в-пятых, охрана, слуги и обожатели седобородого мудреца, пре-

красно всем нам известного Зигурда Магсмэна, продающего свои поразительные способности за поразительную цену… — Фойл зашелся смехом и еле отдышался. — Но существует кое-что шестое: ахиллесова пята Зигурда Магсмэна. Я знаю ее, потому что заплатил 1 000 000 Кр. Зигурду III… или IV?

Он прошел внешний лабиринт Сен-Мишеля по фальшивым документам и чуть не поддался искушению обманом или силой добиться аудиенции с самим Соломоном. Однако время поджимало. Враги обложили его, как медведя, и стягивали кольцо все туже. Вместо этого он ускорился и нашел скромный домик в обнесенном стенами саду. С тусклыми окнами и соломенной крышей, домик по ошибке можно было принять за конюшню. Фойл проскользнул внутрь.

Домик был детской. Три милые няни безжизненно сидели в качалках, сжимая в застывших руках вязанье. Фойл молниеносным пятном сделал им по уколу и замедлился. Он посмотрел на древнего, древнего младенца; высохшего, сморщенного ребенка, сидящего на полу рядом с моделью электрической железной дороги.

— Здравствуй, Зигурд, — сказал Фойл.

Младенец заплакал.

— Плакса! Чего ты ревешь? Не бойся, я тебя не обижу.

— *Ты плохой человек, с плохим лицом.*

— Я твой друг, Зигурд.

— *Нет, ты хочешь, чтобы я делал б-бяку.*

— Я твой друг. Я все знаю о тех больших дядях, которые выдают себя за тебя — но молчу. Прочитай мои мысли и убедись.

— *Ты хочешь обидеть его.*

— Кого?

— *Капитана. Скл… Скол… — Он не сумел выговорить и заплакал еще горше. — Уходи. Ты плохой. У тебя в голове вред, горящие люди и…*

— Иди ко мне, Зигурд.

— *Нет! НЯНЯ! НЯНЯ-А-А!*

— Заткнись, ублюдок! — Фойл схватил семидесятилетнего младенца и встряхнул его. — Ты испытаешь кое-что новое для себя, Зигурд. В первый раз тебя заставят сделать что-нибудь силой. Понимаешь?

Дряхлый ребенок прочел его мысли и завопил.

— Заткнись! Сейчас мы отправимся в Колонию Склотски. Будь паинькой и веди себя хорошо, делай все, что я тебе скажу. Тогда я верну тебя назад целым и невредимым и дам леденец… или чем там они тебя подкупают. Не будешь слушаться

— я из тебя дух вышибу.

— Нет, не вышибешь… не вышибешь. Я — Зигурд Магсмэн. Зигурд-телепат. Ты не посмеешь.

— Сынок, я — Гулли Фойл, Враг Номер Один. Лишь шаг отделяет меня от заветной цели… Я рискую шеей, потому что ты мне нужен для сведения счетов с одной сволочью… Сынок, я Гулли Фойл. Нет такой вещи, которую я не посмею сделать.

Телепат стал излучать ужас с такой силой, что по марсианскому Сен-Мишелю заревели сирены. Фойл крепко ухватил древнего младенца, ускорился и вынес его из крепости. Затем он джантировал.

СРОЧНО!
СОВЕРШЕННО
СЕКРЕТНО. ПОХИЩЕН ЗИГУРД МАГСМЭН. ПОХИТИТЕЛЬ ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО ГУЛЛИ ФОЙЛ, ОН ЖЕ ФОРМАЙЛ С ЦЕРЕСА, ВРАГ НОМЕР ОДИН. МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ОРИЕНТИРОВОЧНО УСТАНОВЛЕНО. ПОДНЯТЬ БРИГАДУ КОММАНДОС. СРОЧНО. СРОЧНО.

Члены древней секты Склотски веровали, что корнем всего зла является секс, и безжалостно

искореняли зло самокастрированием. Современные Склотски, веруя, что корнем зла являются ощущения, практиковали еще более зверский обряд. Вступив в Колонию Склотски и заплатив за эту привилегию целое состояние, вновь посвященные с великой радостью подвергались операции, отделявшей органы чувств от нервной системы, и вели существование, лишенные слуха, зрения, речи, обоняния, осязания и вкусовых ощущений.

Новичкам, впервые вошедшим в монастырь, показывали уютные кельи. Подразумевалось, что здесь, любовно ухоженные, они проведут остаток дней своих в созерцательном раздумье. В действительности несчастных загоняли в катакомбы и кормили раз в сутки. Двадцать три часа из двадцати четырех они сидели в темноте на сырых каменных плитах, забытые, заброшенные, никому не нужные.

— Живые трупы, — пробормотал Фойл.

Он замедлился, опустил Зигурда Магсмэна и активизировал сетчатку глаз до излучения света, пытаясь разглядеть что-нибудь в утробном мраке. Наверху была ночь. Здесь, в катакомбах, царила вечная ночь. Зигурд Магсмэн распространял такой ужас и муку, что Фойлу пришлось

снова его встряхнуть.

— Тихо! — прошипел он. — Этих мертвецов ты не поднимешь. Найди мне Линдси Джойса.

— *Они все больны… все больны… в головах будто черви, и болезнь, и…*

— О господи, мне ли не знать это… Давай скорее, надо заканчивать. Нам предстоит еще кое-что похуже.

Они пробирались по извивающимся коридорам катакомб. По стенам, от пола до потолка, тянулись каменные полки. Склотски, бледные, как слизни, немые, как трупы, неподвижные, как будды, наполняли каверны смердением разлагающейся плоти. Телепатическое дитя всхлипывало и стонало. Фойл стальной хваткой держал его за воротник; Фойл стальной хваткой держал след.

— Джонсо, Райт, Киили, Графф, Настро, Андервуд… Боже, их здесь тысячи… — Фойл читал бронзовые таблички, прикрепленные к полкам. — Ищи, Зигурд. Ищи мне Линдси Джойса. Мы будем блуждать тут без конца. Кон, Брейди, Регаль, Винсент… Что за?..

Фойл отпрянул. Одна из кошмарно-белых фигур задела его рукой. Она покачивалась и корчилась. Телепатические волны ужаса и муки, излучае-

мые Зигурдом Магсмэном, достигли Склотски и пытали.

— Прекрати! — рявкнул Фойл. — Найди Линдси Джойса, и мы уберемся отсюда. Ищи его.

— *Дальше вниз,* — всхлипнул Зигурд. — *Прямо вниз. Семь, восемь, девять полок… Я хочу домой. Мне плохо. Я…*

Фойл сорвался с места и побежал по проходу, волоча Зигурда за собой. Потом он увидел табличку: «ЛИНДСИ ДЖОЙС. БУГАНВИЛЬ. ВЕНЕРА».

Это был его враг, виновник его смерти и смерти шестисот невинных людей с Каллисто. Это был враг, о котором он мечтал и к которому рвался долгие месяцы. Это был враг, которому он подготовил мучительную агонию в левой каюте яхты. Это был «Ворга». Это была женщина.

Фойла как громом поразило. В дни ханжеского пуританства, в дни, когда женщины ходили в парандже, многие наряжались мужчинами и так вступали в жизнь, иначе для них закрытую… Но он никогда не слышал о женщине в космическом флоте, женщине, под видом мужчины дослужившейся до капитана…

— Это?! — яростно вскричал он. — Это Линдси Джойс?! Линдси Джойс с «Ворги»? Спроси ее!

— *Я не знаю, что такое «Ворга».*

— Спрашивай!

— *Но я… Она была… Она командовала.*

— Капитан?

— *Я не люблю, что у нее внутри. Там темно и плохо. Мне больно. Я хочу домой.*

— Спрашивай. Она была капитаном «Ворги»?

— *Да. Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, не заставляй меня больше. Там мрак. Там боль. Я не люблю ее.*

— Скажи ей, что я тот, кого она не подобрала шестнадцатого сентября 2336 года. Скажи ей, что я наконец пришел свести счеты. Скажи ей, что я собираюсь отквитаться.

— *Н-не понимаю. Не понимаю.*

— Скажи ей, что я собираюсь убить ее, медленно и мучительно. Скажи, что у меня на яхте есть каюта… точно такая, как инструментальный шкаф на «Номаде», где я гнил шесть месяцев… где по ее приказу я был брошен издыхать. Скажи, что она будет гнить и издыхать, как я. Скажи! — Фойл неистово затряс сморщенное дитя. — Заставь ее почувствовать это. Неужели она уйдет, превратившись в Склотски?! Скажи, что я убью ее насмерть! Прочти мои мысли и скажи ей!!

— *Она н-не… Она не отдавала этого приказа.*

— Что?!

— *Не могу понять.*

— Она не приказывала меня бросить?

— *Я боюсь…*

— Спрашивай, тварь, или я разорву тебя на части! Что она имеет в виду?

Дитя рыдало. Женщина корчилась. Фойл кипел.

— Ну! Давай же! О господи, почему единственный телепат на Марсе — ребенок?! Зигурд! Зигурд, послушай меня. Спроси: приказывала ли она выбросить беженцев?

— *Нет. Нет!*

— Нет — не приказывала, или нет — ты не будешь спрашивать?

— *Она не приказывала.*

— Приказывала она пройти мимо «Номада»?

— *Там холодно, темно и страшно. О, пожалуйста! НЯНЯ-А-А! Я хочу домой. Хочу домой.*

— Она приказывала пройти мимо «Номада»?

— *Нет.*

— Не приказывала?

— *Нет. Отведи меня домой.*

— Спроси у нее, кто отдал этот приказ.

— *Я хочу к няне.*

— Спроси, кто ей приказал. Она была капитаном корабля. Кто мог командовать ей? Спрашивай!

— *Я хочу к няне.*

— Спрашивай!

— *Нет. Нет. Нет. Я боюсь. Она больная. Она черная и страшная. Она плохая. Я не понимаю ее. Я хочу к няне. Я хочу домой.*

Дитя вскрикивало и тряслось. Фойл орал. Эхо гремело. Фойл в ярости шагнул к ребенку, и тут глаза его ослепил яркий свет. Катакомбы были освещены Горящим Человеком. Перед Фойлом возник его собственный образ — лицо искажено в кошмарной маске, одежда в огне, пылающие глаза прикованы к бьющемуся в конвульсиях Склотски — Линдси Джойс.

Горящий Человек открыл свой тигриный зев. Раздался скрежещущий звук, как охваченный пламенем смех.

— Ей больно. — Горящий Человек сморщился. — Слишком ярко, — прохрипел он. — Меньше света.

Фойл шагнул вперед. Горящий Человек страдальчески зажал уши руками.

— Слишком громко! — закричал он. — Не двигайся так громко!

— Ты мой ангел-хранитель?

— Не слепи меня! Тссс! — Внезапно он опять рассмеялся. — Послушай ее. Она кричит. Она

ползает на коленях. Она молит о пощаде. Она не хочет подыхать. Она не хочет боли. Послушай ее.

Фойл дрожал.

— Она говорит, кто отдал приказ. Неужели ты не слышишь? Слушай своими глазами. — Горящий Человек вытянул указующий перст. — Она говорит — Оливия.

— Что?!

— Она говорит — Оливия. Оливия Престейн. Оливия Престейн. Оливия Престейн.

Горящий Человек исчез. В катакомбах снова воцарилась тьма.

Фойла закружил вихрь калейдоскопических огней и какофония звуков. Он пошатнулся и судорожно глотнул ртом воздух.

— Чертовджант… — пробормотал он. — Оливия. Нет. Нет. Не может быть. Оливия.

Фойл почувствовал чью-то руку.

— Джиз?! — хрипло каркнул он.

За его пальцы держался плачущий Зигурд Магсмэн. Он взял ребенка на руки.

— *Мне больно,* — скулил Зигурд.

— Мне тоже больно, сынок.

— *Хочу домой.*

Так, все еще держа младенца на руках, Фойл побрел по катакомбам.

— Живые трупы, — выдавил он. А потом: — И я среди них.

Он нашел каменные ступени, ведущие из глубины наверх, в монастырь, и стал карабкаться, вкушая смерть и отчаяние. Перед ним забрезжил свет, и на какой-то миг он подумал, что уже рассвело. Потом он понял, что монастырь ярко освещен прожекторами. Донеслось грохотанье сапог и невнятная скороговорка команд. Фойл остановился и собрал все свои силы.

— Зигурд, — прошептал он. — Кто там?

— *Солдатики,* — ответило дитя.

— Солдаты? Какие солдаты?

— *Коммандос.* — Сморщенное лицо Зигурда просветлело. — *Они пришли за мной. Забрать меня домой к няне. Я ЗДЕСЬ! Я ЗДЕСЬ!*

Телепатический вопль вызвал крики наверху. Фойл ускорился и молнией выскочил на свет, на зеленый дворик с арками. В центре дворика стоял огромный ливанский кедр. Дорожки кишели солдатами. Фойл оказался лицом к лицу с соперником, который ему не уступал. Через миг после того, как размытое пятно скользнуло у выхода из катакомб, коммандос ускорились. Они были на равных.

Но Фойл держал ребенка; использование ору-

жия исключалось. Прижимая Зигурда к груди, как бегун по пересеченной местности, он, виляя, помчался через двор монастыря. Никто не посмел остановить его — лобовое столкновение на пятикратном ускорении несло мгновенную гибель обоим. Объективно этот головокружительный бросок казался зигзагом молнии.

Фойл перебежал дворик, пронесся через лабиринт и выскочил на общественную джант-площадку за главными воротами. Там он замедлился и джантировал на аэродром, в четверти мили от монастыря. Взлетное поле сверкало огнями и кишело коммандос. Все антигравитационные шахты занимали военные корабли. Его собственная яхта была под охраной.

Через пятую долю секунды после появления Фойла в аэропорту туда джантировали преследователи из монастыря. Фойл затравленно озирался. Он был окружен бригадой коммандос — все под ускорением, все великолепно обученные и смертельно опасные. Перед ними он был беспомощен. У него не оставалось ни одного шанса.

И тут вмешались Внешние Спутники. Ровно через неделю после уничтожительного рейда на Землю они нанесли удар по Марсу.

Снова ракеты пришлись на рассветный квад-

рат. Снова вспыхнули и заиграли перехватывающие лучи, и небеса содрогнулись от детонаций. На горизонте вспухли зловещие смерчи огня, и задрожала земля. Но была еще одна страшная особенность, ибо наверху вспыхнула Новая, заливая ночную сторону планеты мертвенно-слепящим светом. Рой ядерных боеголовок ударил по крошечному спутнику Марса, Фобосу, и в мгновение ока испарил его.

Смятение, охватившее коммандос, предоставило Фойлу тот единственный шанс. Он снова ускорился и напролом бросился к яхте. Перед люком остановился и молниеносно оценил нерешительность охраны. Какую-то долю секунды они колебались, не зная, выполнять ли задачу или реагировать на новую обстановку. Фойл швырнул застывшее тело Зигурда Магсмэна в воздух, охранники инстинктивно кинулись ловить его, а Фойл рванулся в яхту и захлопнул за собой люк.

Все еще под ускорением, ни на миг не останавливаясь и не проверяя, есть ли кто-нибудь на борту, он ворвался в рубку, ударил по тумблеру взлета, откинув его до предела, и яхта взмыла по антигравитационному лучу с десятикратным ускорением. Фойл не успел привязаться к креслу.

Действие десятикратной тяги на его беззащитное тело было чудовищным.

Сокрушительная сила вырвала его из кресла. Ускоренным чувствам Фойла казалось, что задняя стенка рубки приближается со скоростью сомнамбулы. Он выбросил обе руки ладонями вперед. Неотвратимая сила развела руки в стороны и вжала его в стену, сперва мягко, потом все сильнее и сильнее, пока лицо, челюсть, грудь и тело не распластались на металле.

Нарастающее давление стало невыносимым. Фойл попытался нащупать языком выключатель во рту, но сокрушительная сила, медленно размазывающая его по стене, парализовала чугунное тело. Череда взрывов — так низко по звуковому диапазону, что они казались едва уловимым урчанием, — сказала ему, что Бригада Коммандос обстреливает его с Марса. Когда яхта, раздирая верхние слои атмосферы, выскочила в иссиня-черную ночь открытого космоса, он завизжал, как летучая мышь, и визжал до тех пор, пока милосердное сознание не покинуло его.

Глава 14

Фойл очнулся в темноте. Он был замедлен, но полное истощение свидетельствовало: в бессознательном состоянии он находился под ускорением. Либо иссякла батарея, либо… Он по миллиметру продвинул руку к спине. Батарея исчезла. Ее удалили.

Фойл стал ощупываться дрожащими пальцами. Он лежал в постели. Его окружал гул вентиляторов и кондиционеров, пощелкивание и жужжание сервомеханизмов. Он находился на корабле. К постели его привязывали ремни. Корабль был в свободном падении.

Фойл отстегнул ремни, оттолкнулся локтями и взмыл в воздух. Он парил в темноте, тщетно надеясь нашарить выключатель или кнопку вызова. Его руки наткнулись на графин с рельефными буквами на стекле. Он прочитал их кончиками пальцев. В.О.Р.Г.А. Ворга.

Он закричал. Дверь каюты открылась. Из светлого помещения с роскошной обстановкой выплыла фигура.

— На этот раз мы тебя подобрали, — сказала Оливия Престейн.

— Оливия?

— Да.

— Значит, это правда?

— Да, Гулли.

Фойл заплакал.

— Ты очень слаб. Ложись.

Она выплыла с ним в соседнее помещение и уложила его в шезлонг, пристегнув ремни. Шезлонг еще хранил тепло ее тела.

— Ты был в таком состоянии шесть дней. Мы не думали, что ты выживешь. Тебя покинули все силы, прежде чем хирург нашел эту батарею на спине.

— Где она? — выдавил Фойл.

— Бери в любой момент. Не волнуйся, дорогой.

Он пристально посмотрел на Оливию. Его Снежная Дева… возлюбленная Принцесса… белая шелковая кожа, слепые коралловые глаза, тонкие коралловые губы… Она коснулась его влажных щек надушенным платком.

— Я люблю тебя, — сказал он.

— Тсс. Знаю, Гулли.

— Ты знаешь обо мне все. Давно?

— Я знала, что Гулли Фойл — мой враг, с самого начала. Но до нашей встречи я не догадывалась, что он — Формайл. Ах, если б я только знала рань-

ше… Сколько было бы спасено…

— Ты знала и смеялась надо мной?

— Нет.

— Была рядом и давилась смехом.

— Была рядом и любила тебя. Не перебивай, дай мне сказать. Я стараюсь быть рациональной, а это нелегко. — На мраморное лицо пал румянец. — Я не играю с тобой. Я… выдала тебя своему отцу. Да. И через час поняла, что совершила ошибку — я люблю тебя. Теперь мне приходится расплачиваться. Тебе незачем знать.

— Ты рассчитываешь, что я поверю?

— Зачем тогда здесь я? — Она слегка задрожала. — Почему я последовала за тобой? Эта кошмарная бомбежка… Еще пару минут, и ты был бы мертв, если бы мы тебя не подобрали. От твоей яхты ничего не осталось.

— Где мы сейчас?

— Какая разница?

— Я тяну время.

— Время? Для чего?

— Чтобы собраться с силами.

— Мы на орбите вокруг Земли.

— Как вы нашли меня?

— Я знала, что тебе нужна Линдси Джойс, и взяла один из отцовских кораблей. Это снова

оказался «Ворга».

— Ему известно?

— Ничего ему неизвестно. У меня своя жизнь.

Фойл не мог отвести от нее глаз, и в то же время ему было больно смотреть на нее. Он жаждал и ненавидел… жаждал изменить содеянное и ненавидел правду за то, что она такова. Он осознал, что гладит ее платок дрожащими пальцами.

— Я люблю тебя, Оливия.

— Я люблю тебя, Гулли, враг мой.

— Ради бога! — взорвался он. — Почему ты это сделала?

— Что?! Ты требуешь извинения?! — хлестнула она.

— Я требую объяснения.

— От меня ты его не услышишь.

— «Кровь и деньги» — сказал твой отец. И он прав. О-о… Дрянь! Дрянь! Дрянь!

— Кровь и деньги — да; и не стыжусь!

— Я тону, Оливия. Кинь мне хоть тростинку…

— Тогда тони. Меня не спасал никто. Нет, нет… Все не так… не так… Подожди, мой милый. Подожди. — Она взяла себя в руки и заговорила спокойно и очень нежно: — Я могу солгать, Гулли, любимый, и заставить тебя поверить, но я буду честной. Объяснение очень простое. У меня есть

своя личная жизнь. У всех есть. И у тебя…

— Какая же жизнь у тебя?

— Ничем не отличающаяся от твоей… от любой другой. Я лгу, я обманываю, я уничтожаю… как все мы. Я преступник… как все мы.

— Зачем? Ради денег? Тебе не нужны деньги.

— Нет.

— Ради власти… могущества?

— Нет.

— Тогда зачем?

Оливия глубоко вздохнула, как будто признание мучило ее страшно.

— Ради ненависти… чтобы отомстить.

— За что?

— За мою слепоту, — проговорила она низким голосом. — За беспомощность… Меня следовало убить в колыбели. Известно ли тебе, что такое быть слепой… воспринимать жизнь из вторых рук? Быть зависимой, искалеченной, бессильной… «Если ты слепа, пускай они будут еще более слепы. Если ты беспомощна, раздави их. Отплати им… всем им».

— Оливия, ты безумна.

— А ты?

— Я люблю чудовище.

— Мы пара чудовищ.

— Нет!

— Нет? Ты не чудовище?! — Она вспыхнула. — Что же ты делал, если не мстил, подобно мне, всему миру? Что такое твоя месть, если не сведение счетов с невезением? Кто не назовет тебя безумным зверем? Говорю тебе, мы пара, Гулли. Мы не могли не полюбить друг друга.

Правда сказанных слов ошеломила его. Он примерил на себя пелену ее откровения, и она подошла, облегая туже, чем тигриная маска, вытатуированная на его лице.

— «Мерзкий, извращенный, отвратительный негодяй! — произнес он. — Зверь! Хуже зверя!» Это правда. Я ничем не лучше тебя. Хуже. Но богу известно, я не убивал шестьсот человек.

— Ты убиваешь шесть миллионов.

— Что?

— Возможно, больше. У тебя есть что-то, необходимое им для окончания войны.

— Ты имеешь в виду ПирЕ?

— Да.

— Что за миротворец эти двадцать фунтов чуда?

— Не знаю. Знаю лишь, что он им нужен отчаянно. Но мне все равно. Да, сейчас я честна. Мне все равно. Пускай гибнут миллионы! Для нас это

не имеет значения. Потому что мы стоим выше, Гулли. Мы стоим выше и сами творим мир. Мы сильны.

— Мы прокляты.

— Мы освящены. Мы нашли друг друга. — Внезапно Оливия рассмеялась и протянула руки. — Я спорю, когда нет нужды говорить. Приди ко мне, любимый… Где бы ты ни был, приди ко мне.

Он сперва слегка коснулся ее, потом обнял, сжал, стал яростно целовать… И тут же выпустил.

— Что, Гулли, милый мой?

— Я больше не ребенок, — устало проговорил он. — Я научился понимать, что нет ничего простого. Простых ответов не бывает. Можно любить и презирать. И ты заставляешь меня презирать себя.

— Нет, дорогой.

— Всю свою жизнь я был тигром. Я выдрессировал себя… дал себе образование… сам тянул за свои тигриные полосы, отращивал все более мощные лапы и острые клыки… становясь все более быстрым и смертоносным.

— Ты и есть такой. Ты такой. Самый смертоносный.

— Нет. Нет. Я зашел чересчур далеко. Я миновал

простоту. Превратился в мыслящее существо. Я смотрю на себя твоими слепыми глазами, любовь моя, которую я презираю, и вижу — тигр исчез.

— Тигру некуда деться. Ты обложен, Гулли, — Дагенхемом, разведкой, моим отцом, всем светом.

— Знаю.

— Но со мной ты в безопасности. Мы оба в безопасности. Им никогда не придет в голову искать тебя рядом со мной. Мы можем вместе жить, вместе драться, вместе уничтожать их…

— Нет. Только не вместе.

— Ты что?! — вновь вспыхнула она. — Все еще охотишься за мной? Дело в этом? Ты еще жаждешь мести? Ну так мсти. Вот я. Ну же!..

— Нет. С этим покончено.

— А, я знаю, что тебя беспокоит. — Она мгновенно стала опять ласковой. — Твое лицо. Ты стыдишься своего тигриного лика; но я люблю его. Ты горишь так ярко! Ты горишь сквозь слепоту. Поверь мне…

— Боже, что за пара кошмарных чудовищ!

— Что с тобой случилось? — потребовала Оливия. Она отпрянула, сверкая незрячими глазами. — Где человек, который стоял возле меня во время рейда? Где бесстыжий дикарь, который…

— Пропал, Оливия. Ты потеряла его. Мы оба потеряли его.

— Гулли!

— Да-да.

— Но почему?! Что я сделала?

— Ты не понимаешь.

— Где ты? — Она потянулась, коснулась его и приникла. — Послушай меня, милый. Ты устал. Ты обессилен. Вот и все. Ничего не пропало. — Слова лились из нее бессвязным потоком. — Ты прав. Конечно, прав. Мы были плохими, отвратительными. Но сейчас все позади. Ничего не потеряно. Мы были испорчены, потому что были одиноки и несчастны. Но мы нашли друг друга; и можем спастись. Будь моей любовью. Всегда. Вечно. Я так долго ждала тебя, ждала, надеялась и молилась…

— Нет. Ты лжешь, Оливия, и знаешь это.

— Ради бога, Гулли!

— Опускай «Воргу», Оливия.

— Вниз?

— Да.

— Что ты собираешься делать? Ты сошел с ума. Они же гонятся за тобой по пятам… ловят тебя… ждут, пока ты угодишь им в лапы. Что ты собираешься делать?

— Думаешь, мне просто?.. Я все еще одержим, и мне не вырваться из плена. Но теперь в седле иная страсть, и шпоры жгут, черт их подери. Жгут невыносимо.

Фойл подавил ярость и совладал с собой. Он взял ее руки и поцеловал в ладони.

— Все кончено, Оливия, — тихо произнес он. — Но я люблю тебя. Всегда. Вечно.

— Подытожим, — мрачно сказал Дагенхем. — В ночь, когда мы нашли Фойла, нас бомбили. Мы потеряли его на Луне, а обнаружили через неделю на Марсе. Нас опять бомбили. Мы опять его потеряли. Прошла еще неделя. Предстоит очередная бомбежка. Венеры? Луны? Снова Земли? Кто знает. Ясно одно: еще один рейд без возмездия, и нам конец.

Дагенхем скользнул взглядом вокруг стола. Золото и слоновая кость убранства Звездного Зала замка Престейна еще больше подчеркивали напряженность его лица, напряженность лиц всех трех присутствующих. Йанг-Йовил тревожно нахмурился. Престейн крепко сжал тонкие губы.

— И еще одно нам известно, — продолжал Дагенхем. — Мы не можем нанести ответный удар без ПирЕ и не можем найти ПирЕ без Фойла.

— Я давал указание, — вмешался Престейн, —

не упоминать ПирЕ публично.

— Во-первых, это не простая публика, — резко ответил Дагенхем. — Это общий фонд информации. Во-вторых, сейчас нам не до прав на собственность. Обсуждается вопрос выживания, и здесь у всех равные права… Да, Джиз?

Джизбелла Маккуин джантировала в Звездный Зал, полная решимости и ярости.

— До сих пор никаких следов Фойла.

— Собор под наблюдением?

— Да.

— Доклад Бригады Коммандос с Марса?

— Не пришел.

— Это мое дело, и совершенно секретное, — мягко заметил Йанг-Йовил.

— У вас так же мало секретов от меня, как у меня от вас, — безжалостно усмехнулся Дагенхем. — Постарайся опередить Разведку с этим докладом, Джиз. Иди.

Она исчезла.

— Кстати, о правах, — проворковал Йанг-Йовил. — Центральная Разведка гарантирует Престейну полную оплату его прав на ПирЕ.

— Что ты с ним нянчишься, Йовил?

— Наше совещание записывается, — холодно указал Престейн. — Предложение капитана за-

регистрировано. — Он повернул свое застывшее лицо к Дагенхему. — Вы у меня на службе, мистер Дагенхем. Пожалуйста, оставьте все ваши замечания мне.

— И вашей собственности? — с убийственной улыбкой осведомился Дагенхем. — Вы и ваша проклятая собственность… Мы на грани унижения — ради вашей собственности. Я не преувеличиваю. Если этой войне не положить конец, то больше уже войн не будет.

— Мы всегда можем сдаться, — заметил Престейн.

— Нет, — сказал Йанг-Йовил. — Этот вариант уже обсуждался и был отклонен в Штаб-квартире. Нам известны дальнейшие планы Внешних Спутников; они включают тотальную эксплуатацию Внутренних Планет. Нас просто-напросто выпотрошат, а потом выкинут за ненадобностью. Сдаться — все равно что погибнуть.

— Но не для Престейна, — добавил Дагенхем.

— Скажем… за исключением присутствующих, — изящно поправил Йанг-Йовил.

— Ну, Престейн, — нетерпеливо потребовал Дагенхем. — Мы ждем.

— Прошу прощения, сэр?

— Выкладывайте все о ПирЕ. У меня есть идея,

как выманить Фойла, но для этого необходимо знать все факты.

— Нет, — сказал Престейн.

— Что «нет»?

— Я принял решение не спешить с выдачей информации о ПирЕ.

— Боже всемогущий, Престейн! Вы спятили? Сейчас не время ломаться.

— Все очень просто, Дагенхем, — заметил Йанг-Йовил. — Мое сообщение указало Престейну, как улучшить свое положение. Вне всякого сомнения, он намеревается предложить эти сведения врагу в обмен на… имущественные выгоды.

— Неужели ничто не может вас тронуть? — презрительно бросил Престейну Дагенхем. — Неужели в вас ничего не осталось, кроме собственности?.. Уйди, Джиз, все пропало.

Джизбелла снова джантировала в Звездный Зал.

— Доклад Бригады коммандос, — сказала она. — Мы знаем, что случилось с Фойлом. Он у Престейна.

— Что?!

Дагенхем и Йанг-Йовил вскочили на ноги.

— Он покинул Марс на частной яхте, был сбит и подобран престейновской «Воргой».

— Будь ты проклят, Престейн! — вскричал Дагенхем. — Так вот почему…

— Подождите, — приказал Йанг-Йовил. — Он впервые это слышит, Дагенхем. Посмотрите на него.

Красивое лицо Престейна посерело как пепел. Он попытался встать и тяжело свалился назад, в кресло.

— Оливия, — прохрипел он. — С ним, с этим подонком…

— Престейн!

— Моя дочь, джентльмены, некоторое… некоторое время занималась определенной деятельностью. Семейный порок. Кровь и… Я закрывал глаза… Почти убедил себя, что ошибаюсь. Я… Но Фойл! Грязь! Мерзость! Его надо уничтожить!

Голос Престейна перешел в визг и сорвался. Его голова неестественно запрокинулась назад, как у повешенного, тело забилось в конвульсиях.

— Какого…

— Эпилепсия… — коротко бросил Йанг-Йовил. — Подайте ложку, мисс Маккуин. Живо.

Он вытащил Престейна из кресла, уложил на полу и засунул ложку между зубами, чтобы уберечь язык. Приступ прошел так же внезапно, как и начался. Дрожь прекратилась. Престейн

открыл глаза.

— Petit mal, — пробормотал Йанг-Йовил, убирая ложку. — Еще некоторое время он будет не в себе.

Неожиданно Престейн заговорил слабым монотонным голосом:

— ПирЕ — пирофорный сплав. Пирофор — это металл, который испускает искры, когда его скоблят или трут. ПирЕ испускает энергию, отсюда «Е» — символ энергии. ПирЕ — твердый раствор трансплутониевых изотопов. Его открыватель был убежден, что получил эквивалент первичного протовещества, давшего начало Вселенной.

— О боже! — воскликнула Джизбелла.

Дагенхем жестом прервал ее и склонился над Престейном.

— Как подвести его к критической массе? Каким образом высвобождается энергия?

— Как создавалась энергия в начале времен, — бесстрастно произнес Престейн. — Через Волю и Идею.

— Уверен, что он христианин-подвальник, — тихо сказал Дагенхем Йанг-Йовилу. Он повысил голос:

— Объясните.

— Через Волю и Идею, — повторил Престейн. —

ПирЕ можно детонировать лишь психокинетически. Его энергия высвобождается мыслью. Нужно захотеть, чтобы он взорвался. Направленная мысль. Вот единственный способ.

— И нет никакого ключа? Никакой формулы?

— Нет. Лишь Воля и Идея.

Остекленевшие глаза Престейна закрылись.

— Боже всемогущий! — Дагенхем ошеломленно стер пот со лба. — Заставит это подумать Внешние Спутники, Йовил?

— Это всех нас заставит подумать.

— Это дорога в ад, — прошептала Джизбелла.

— Так давайте отыщем эту дорогу и сойдем с нее. У меня есть предложение, Йовил. Фойл возился с ПирЕ в своей лаборатории в соборе, пытаясь анализировать его.

— Я рассказала тебе об этом по строжайшему секрету! — гневно вспыхнула Джизбелла.

— Прости, дорогая. Теперь не время церемониться. Гляди, Йовил… какие-то остатки этого вещества должны были сохраниться, остаться вокруг нас. В растворе, как пыль… Надо детонировать эти остатки и взорвать цирк Фойла к чертовой матери.

— Зачем?

— Чтобы выманить его. Где-то же он спрятал

основную массу ПирЕ… Он примчится, чтобы спасти свое сокровище.

— А если взорвется все?

— Не может быть. ПирЕ в сейфе из инертсвинцового изомера.

— Возможно, он не весь внутри.

— По словам Джиз — весь; так, по крайней мере, сказал Фойл. Мы вынуждены рисковать.

— Рисковать! — воскликнул Йанг-Йовил. — Мы рискуем всю Солнечную систему превратить в Сверхновую.

— А что остается делать? Выбирай любой путь… и это путь к уничтожению. Есть у нас выбор?

— Мы можем подождать, — предложила Джизбелла.

— Чего? Пока Фойл не взорвет нас своими экспериментами?

— Мы его предупредим.

— Нам неизвестно, где он.

— Найдем.

— Как скоро? Разве это не риск? А пылинки ПирЕ вокруг нас? Будут ждать, пока кто-нибудь не превратит их случайно в энергию? А если сейф взломают джек-джантеры в поисках добычи? Тогда уже не пыль, а двадцать фунтов будут ждать случайной мысли.

Лицо Джизбеллы покрылось смертельной белизной. Дагенхем повернулся.

— Тебе решать, Йовил.

Йанг-Йовил тяжело вздохнул.

— Я боюсь… Будь прокляты все ученые… Есть еще одно обстоятельство. Внешние Спутники тоже занимаются этим. У нас имеются основания полагать, что все их агенты отчаянно ищут Фойла. Если мы будет ждать, они могут добраться до него первыми. Да что там, возможно, он уже сейчас у них в лапах.

— Итак, твое решение…

— Взрывать.

— Нет! — вскричала Джизбелла.

— Как? — спросил Дагенхем, не обращая на нее внимания.

— О, у меня как раз есть человек для такой работы. Односторонний телепат по имени Робин Уэднесбери.

— Когда?

— Немедленно. Мы эвакуируем соседние районы. Новости получат полное освещение и будут переданы по всей системе. Если Фойл находится на Внутренних Планетах, он услышит об этом.

— Не «*об этом*», — отчаянно проговорила Джизбелла. — Он услышит *это*. Это последнее,

что каждый из нас услышит.

Как всегда, возвращаясь после тяжелого, бурного, но выигранного процесса в Ленинграде, Регис Шеффилд был доволен и благодушен, словно нахальный петух, только что победивший в жестоком бою. Он остановился у Блекмана в Берлине, где выпил и поболтал о ходе военных действий, добавил и еще поболтал в Париже на набережной д'Орсе и основательно посидел в дублинском «Кожа-да-кости» напротив «Темплбара». В свою нью-йоркскую контору он попал уже изрядно навеселе.

Миновав узкие коридоры и внешние комнаты, он ступил в приемную, где его встретил секретарь с пригоршней бусинок-мемеографов.

— Джарго и Данченко повержены, я заткнул их за пояс! — восторженно сообщил Шеффилд. — Решение суда в пользу ответчика, плюс возмещение всех убытков. Старые хрычи злы как черти. Итак, общий счет одиннадцать — пять в мою пользу.

Он взял бусинки и стал кидать в самые неподходящие места, включая разинутый рот секретаря.

— Как, мистер Шеффилд! Вы пили!

— Ничего, сегодня уже работы нет, а военные новости чересчур унылые. Надо оставаться бодрым. Не поскандалить ли нам на улице?

— Мистер Шеффилд!

— Есть что-нибудь неотложное?

— В вашем кабинете ждет один джентльмен.

— Ого! Ему удалось проникнуть так далеко? — Шеффилд уважительно покачал головой. — Кто он? Сам Господь Бог?

— Он не представился. Но дал мне это.

Секретарь протянул Шеффилду запечатанный конверт со сделанной небрежным почерком надписью «КРАЙНЕ ВАЖНО». Движимый любопытством, Шеффилд быстро вскрыл конверт. Затем глаза его расширились. Внутри лежали две банкноты по 50 000 кредиток. Не говоря ни слова, Шеффилд повернулся и вбежал в кабинет.

— Они настоящие! — выпалил он.

— Насколько мне известно.

— Ровно двадцать таких купюр было выпущено в прошлом году. Все хранятся в Земном Казначействе. Как они к вам попали?

— Мистер Шеффилд?

— Кто же еще?.. Как они к вам попали?

— Взятка.

— Зачем?

— Я полагал в ту пору, что они могут пригодиться.

— Для чего? Для других взяток?

— Если законную оплату считать взяткой.

— Я сам устанавливаю размер платы, — отрезал Шеффилд и кинул бумажки Фойлу. — Достанете их снова, если я решу взять ваше дело и если я решу, что могу быть настолько вам полезен. В чем суть вашей проблемы?

— В преступлении.

— Пока не уточняйте. И?..

— Я хочу прийти с повинной.

— В полицию?

— Да.

— Какое преступление?

— Преступлен-и-я.

— Назовите два.

— Грабеж и изнасилование.

— Еще два.

— Шантаж и убийство.

— Еще.

— Измена и геноцид.

— Это исчерпывает ваш реестр?

— Пожалуй. Хотя, возможно, когда мы станем уточнять, вскроется еще несколько.

— Я вижу, вы времени зря не теряли… Либо вы Принц Зла, либо сумасшедший.

— Я был и тем и другим, мистер Шеффилд.

— Почему вы решили сдаться в руки право-

судия?

— Я пришел в себя, — с горечью ответил Фойл.

— Я имею в виду не это. Преступник никогда не сдается, пока его не настигли. Вас явно не настигли. В чем дело?

— Произошло самое ужасное, что может случиться с человеком. Я подхватил редкое заболевание, называемое «совесть».

Шеффилд фыркнул.

— Это может плохо кончиться.

— Уже кончилось. Я понял, что вел себя как зверь.

— И теперь желаете искупить вину?

— Нет, все не так просто, — мрачно сказал Фойл. — Собственно, поэтому я пришел к вам… для коренной переделки. Человек, который ставит свои решения выше общества, — преступник. Человек, который нарушает морфологию общества, — это рак. Но бывают цепные реакции. Искупить вину наказанием недостаточно. Все еще нужно расставить на свои места. Если бы положение можно было бы исправить, просто-напросто казнив меня или отправив снова в Жофре Мартель…

— Снова? — быстро вставил Шеффилд.

— Уточнять?

— Пока не надо… Продолжайте. Похоже, вы мучаетесь душевной болью.

— В том-то и дело. — Фойл возбужденно вскочил на ноги и зашагал по комнате, нервно сминая банкноты длинными пальцами. — Все смешалось в одну дьявольскую кашу, Шеффилд. Есть девушка, которая должна заплатить за ужасное, тягчайшее преступление. То, что я люблю ее… Впрочем, не обращайте внимания. Она — раковая опухоль, и ее необходимо вырезать… как меня. Видимо, мне придется дополнить свой реестр. Моя личная явка с повинной, собственно, ничего не меняет.

— Черт подери, о чем вы?! Что за чушь?

Фойл поднял глаза и пристально посмотрел на Шеффилда.

— Одна из новогодних бомб только что вошла в ваш кабинет и заявляет: «Пожалуйста, сделайте все, как было. Соберите меня снова и отправьте домой. Восстановите города, которые я стерла с лица Земли, и людей, которых я уничтожила». Вот зачем я хочу нанять вас. Не знаю, как ведет себя преступник, но…

— Спокойно и благоразумно; как здравомыслящий бизнесмен, которому не повезло, — с готовностью подсказал Шеффилд. — Так обычно

ведут себя профессиональные преступники… Совершенно ясно, что вы любитель, если преступник вообще. Мой дорогой сэр, пожалуйста, будьте разумны. Вы приходите ко мне, сумасбродно и несдержанно обвиняя себя в грабеже, насилии, убийстве, геноциде, измене и еще бог весть в чем. Неужели вы ожидаете, что я всему этому поверю?

Внезапно в кабинет джантировал личный секретарь Шеффилда, Банни.

— Шеф! — возбужденно затараторил он. — Подвернулось кое-что совершенно новое. Джант-камера. Два типа подкупили кассира, чтобы тот сфотографировал внутренние помещения Земного Кредитного… О-о, простите. Я не заметил, что у вас… — Банни неожиданно замолчал и широко раскрыл глаза. — Формайл! — воскликнул он.

— Что? Кто?

— Как, вы не знаете его, шеф? — Банни запнулся. — Это Формайл с Цереса. Гулли Фойл.

Больше года назад Регриса Шеффилда, как тетиву лука, гипнотически взвели для этой минуты. Его тело было готово реагировать мгновенно. С быстротой молнии Шеффилд поразил Фойла тремя ударами: висок, горло, пах. Заранее было решено не полагаться на оружие — его могло не

оказаться под рукой.

Фойл упал. Так же мгновенно Шеффилд расправился с Банни. Затем он плюнул на ладонь. Было решено не полагаться на наркотики — их могло не оказаться под рукой. Его слюнные железы под воздействием раздражителя выделяли антиген. Шеффилд разорвал рукав Фойла, глубоко процарапал ногтем его локоть и втер в рану слюну, вызывая анафилаксию.

Странный крик сорвался с губ Фойла; на лице выступила багровая татуировка. Прежде чем оглушенный секретарь успел пошевелиться, Шеффилд взвалил Фойла на плечо и джантировал.

Он материализовался в самом центре Четырехмильного Цирка в соборе Святого Патрика. Это был дерзкий, но рассчитанный ход. Здесь его стали бы искать в последнюю очередь, и в то же время именно здесь, скорее всего, находился ПирЕ. Шеффилд был готов к любым встречам, но цирк оказался пуст.

Тут уже похозяйничали грабители. Гигантские шатры выглядели потускневшими и заброшенными. Шеффилд вбежал в первый попавшийся и очутился в походной библиотеке Формайла, наполненной сотнями книг и тысячами блестящих

мемео-бусинок. Джек-джантеров не интересовала литература. Шеффилд свалил Фойла на пол и только тогда достал из кармана пистолет.

Веки Фойла затрепетали, глаза открылись.

— Я ввел тебе наркотик, — быстро сказал Шеффилд. — Не вздумай джантировать. И не шевелись. Предупреждаю. Ты у меня в руках.

Плохо соображая, что к чему, Фойл попытался подняться. Шеффилд мгновенно выстрелил и опалил его плечо. Фойла швырнуло на каменный пол. В ушах шумело, по жилам текла отравленная кровь.

— Предупреждаю, — повторил Шеффилд. — Я готов на все.

— Чего вам надо? — проговорил Фойл.

— Две вещи. Двадцать фунтов ПирЕ и тебя. Тебя самого больше всего.

— Вы псих! Проклятый маньяк! Я пришел к вам с повинной… сдаваться… отдать добровольно…

— Отдать ВС?

— Чему?

— Внешним Спутникам? Произнести по буквам?

— Нет… — еле слышно пробормотал Фойл. — Мне следовало догадаться. Шеффилд, патриот — агент ВС. О-о, я болван…

— Ты самый ценный болван на свете, Фойл. Ты нужен нам еще больше, чем ПирЕ. Про ПирЕ мы мало что знаем, зато нам отлично известно, кто ты.

— О чем вы? Что вы несете?

— Господи! Ты ничего не знаешь, да? Итак, ты ничего не знаешь… и не подозреваешь…

— Что?!

— Послушай. — Шеффилд говорил громким резким голосом. — Вернемся на два года назад. Гибель «Номада». Его подстерег наш крейсер. Тебя сняли с обломков — единственного, кто остался в живых.

— Значит, «Номад» был уничтожен кораблем ВС?

— Да. Не помнишь?

— Я ничего не помню об этом. Я не мог вспомнить, сколько ни пытался.

— Сейчас объясню почему. У капитана крейсера родилась идея: тебя должны были использовать — превратить в подсадную утку, понимаешь? Тебя немного подлатали, засунули в скафандр и выбросили в космос с работающим маяком. Ты передавал сигнал бедствия и молил о помощи на всех волнах. Согласно замыслу, крейсер подстерегал в засаде любой корабль ВП, который придет

на твое спасение.

Фойл начал смеяться.

— Я встаю, — прохрипел он. — Стреляй, сволочь, я встаю. — Он с трудом поднялся на ноги, зажимая раненое плечо. — Итак, «Ворга» все равно не мог меня спасти. — Фойл страшно оскалился. — Я был подсадной уткой. Ко мне нельзя было подходить. Я был приманкой в западне… Смешно, не правда ли? «Номад» никто не имел права спасать. Выходит, я не имел права на месть.

— До тебя все еще не дошло?! — взревел Шеффилд. — «Номада» там и в помине не было! Тебя выкинули из крейсера в шестистах тысячах миль от «Номада».

— В шестистах тыся…

— «Номад» находился слишком далеко от основных путей… Итак, ты оказался в космосе, и крейсер отошел назад. С тебя не спускали глаз. На скафандре мигали фонари, а ты молил о помощи на всю мощь передатчика. Затем ты пропал.

— Пропал?

— Просто исчез. Ни огней, ни сигналов. Крейсер вернулся для проверки. Ты исчез без следа. А потом мы узнали… Ты вернулся на «Номад».

— Невозможно.

— Да пойми же, черт побери! — яростно про-

шипел Шеффилд. — Ты джантировал в космосе. Полуживой, на грани смерти, в бреду, ты джантировал шестьсот тысяч миль в абсолютной пустоте! Сделал то, что никому не удавалось раньше. Одному богу известно, каким образом. Ты сам не знаешь; но мы узнаем. Я заберу тебя на Спутники, и там мы добудем этот секрет, даже если нам придется вырывать его раскаленными клещами.

Он перебросил пистолет в левую руку, а правой схватил Фойла за горло.

— Но сперва нам нужен ПирЕ. Ты отдашь его, Фойл. Не тешь себя надеждой. — Он наотмашь ударил Фойла рукояткой пистолета. — Я на все пойду. Не сомневайся. — Он снова ударил Фойла, холодно, расчетливо. — Ты жаждал наказания? Ты его обрел!

Банни соскочил с общественной джант-площадки и, как испуганный кролик, помчался к главному входу нью-йоркского филиала Центральной Разведки. Он проскочил через внешний кордон охраны, через защитный лабиринт и ворвался во внутренние помещения. Его преследовали по пятам. Впереди вырастали новые фигуры… Охранники окружили его со всех сторон и спокойно ждали.

Банни начал кричать:

— Йовил! Йовил! Йовил!

Продолжая бежать, он метался между столами, опрокидывая стулья и создавая страшный шум. При этом он не прекращал истошно вопить:

— Йовил! Йовил!

Когда его уже скрутили, появился Йанг-Йовил.

— Что все это значит?! — рявкнул он. — Я приказал, чтобы мисс Уэднесбери работала в абсолютной тишине.

— Йовил! — закричал Банни.

— Кто это?

— Секретарь Шеффилда.

— Что?.. Банни?

— Фойл! — взвыл Банни. — Гулли Фойл!

Йанг-Йовил покрыл разделявшие их пятьдесят футов ровно за одну и шестьдесят шесть сотых секунды.

— Что — Фойл?!

— Он у Шеффилда.

— Давно?

— С полчаса.

— Почему тот его не привел?

— Не знаю… кажется, он агент ВС…

— Почему не пришли сразу?

— Шеффилд джантировал с Фойлом… Нокаути-

ровал его и исчез. Я искал. Повсюду. Джантировал в пятьдесят мест за двадцать минут…

— Любитель! — презрительно воскликнул Йанг-Йовил. — Почему вы не предоставили это профессионалам?

— Нашел их.

— Нашли! Где?

— Собор Святого Патрика. Шеффилду нужен…

Но Йанг-Йовил крутанулся на каблуках и бежал по коридору с криком:

— Робин! Робин! Остановись!

И в этот миг уши заложило грохотом взрыва.

Глава 15

Как разбегающиеся круги на воде, распространялись Идея и Воля, ширились и ширились, выискивая, нащупывая и спуская чувствительный субатомный кусок ПирЕ. Мысль находила частички, пыль, дым, пар, молекулы. Идея и Воля преобразовывали их.

В Сицилии, где доктор Франко Торре до изнеможения бился, пытаясь раскрыть секрет одного кусочка ПирЕ, осадки и отстои из лаборатории по дренажной трубе попадали в море. Много месяцев течения разносили их по дну. В единый миг

морская поверхность сгорбилась, колоссальные массы воды вознеслись на пятьдесят футов и покатили по их следам на северо-восток к Сардинии и на юго-запад к Триполи. В микросекунду все Средиземноморье оказалось во власти гигантского водяного червя, обвивавшегося вокруг островов Пантеллерия, Лампедуза, Линоса и Мальта.

Какие-то миллиграммы были сожжены; ушли в трубу вместе с дымом и паром и продрейфовали сотни миль, прежде чем осесть. Эти частички заявили о себе в Марокко, Алжире, Ливии и Греции слепящими точечными взрывами невероятной краткости и мощности. А другие, еще блуждающие в стратосфере, обнаружили себя, засверкав дневными звездами.

В Техасе, где над ПирЕ безрезультатно бился профессор Джон Мантли, большая часть отходов попала в выработанную нефтяную скважину, используемую для хранения радиоактивных отбросов. ПирЕ просочился в водозаборник и медленно распространился по площади около десяти квадратных миль. Десять квадратных миль техасских квартир взлетели на воздух. Большое скрытое месторождение газа нашло наконец выход наружу и с ревом устремилось на поверхность, где искры от летящих камней

воспламенили его и превратили в беснующийся факел в две сотни футов высотой.

Миллиграмм ПирЕ отложился на кружке фильтровальной бумаги, давным-давно смятой, выброшенной и забытой. Переработанная с макулатурой, она попала в форму для гарта и уничтожила целиком вечерний тираж «Глазго обсервер». Частичка ПирЕ осела на лабораторном халате, переработанном в тряпичную бумагу, и развеяла на молекулы благодарственную записку, написанную леди Шрапнель, а заодно и тонну почты. Манжет рубашки, ненароком попавший в кислотный раствор ПирЕ и много месяцев назад выкинутый хозяином вместе с рубашкой, в одно мгновение яростной ампутации оторвал руку джек-джантера. Миллионная доля грамма ПирЕ, оставшаяся на хрустальной лабораторной посуде для выпаривания, ныне используемой в качестве пепельницы, моментально сожгла кабинет некоего Бэйкера — торговца уродами и поставщика чудовищ.

По всей планете гремели взрывы, отдельные и целые очереди, бушевали пожары, сверкали вспышки, горели метеориты в небе, узкие каналы и гигантские воронки вспахивали землю, вспучивали землю, извергались из земли. Как

будто разгневанный Господь вновь посетил Свой народ с огнем и серой.

В лаборатории Формайла в соборе Святого Патрика оставалась почти десятая доля грамма ПирЕ. Остальное было заперто в сейфе из инертсвинцового изомера, надежно защищено от случайного или намеренного психокинетического воспламенения.

Колоссальная энергия, высвободившаяся из этой десятой доли грамма, разбросала стены и раскололо полы, словно в судороге землетрясения. Какое-то мгновение контрфорсы еще поддерживали колонны, а затем рухнули. Ревущей лавиной повалились башни, шпили, устои, подпоры, своды; и застыли над зияющим кратером пола в безумно переплетенном равновесии. Дуновение ветра, слабая дрожь — и обвал завершится, наполняя воронку камнями и размельченной пылью.

Звездная температура взрыва зажгла сотни пожаров и расплавила древнюю толстую медь обвалившейся кровли. Участвуй во взрыве еще один миллиграмм ПирЕ, и жара хватило бы, чтобы немедленно испарить металл. Вместо этого он добела раскалился и начал течь. Каплями, струйками и потоками расплавленная медь

нащупывала путь вниз через нагромождения камней, железа, дерева и стекла, как некий чудовищный огненный змей, ползущий сквозь дебри.

Дагенхем и Йанг-Йовил джантировали к храму почти одновременно. Через мгновение появилась Робин Уэднесбери, а затем Джизбелла Маккуин. Прибыли дюжина оперативных работников Разведки, шесть курьеров Дагенхема, престейновская джант-стража и полиция. Они оцепили полыхающие развалины, хотя любопытных почти не было. (Нью-йоркские жители, в памяти которых осталось Новогоднее Нападение, в панике джантировали прочь.)

С протяжным гулом свирепствовал огонь, пожирая зависшие в угрожающе шатком равновесии развалины. Чтобы перекрыть страшный рев, приходилось кричать, хотя каждый и боялся вибрации. Йанг-Йовил наклонился к Дагенхему и проорал на ухо новости о Фойле и Шеффилде. Дагенхем кивнул, и на его лице появилась смертельная улыбка.

— Нужно попасть внутрь!

— Защитные костюмы, — гаркнул в ответ Йовил.

Он исчез и материализовался с парой белых

огнеупорных костюмов. При виде их Робин и Джизбелла истерически закричали. Дагенхем и Йанг-Йовил, не обращая внимания, залезли в инерт-изомерную броню и двинулись в ад.

Гигантская рука смяла собор Святого Патрика и сложила обломки в некое подобие шатра. Сверху медленно текли языки расплавленной меди, забираясь в каждую щель, осторожно нащупывая, обходя или покрывая обугленное дерево, раздробленные камни, разбитое стекло. Тонкие струйки меди едва светились вишневым светом, но мощные потоки полыхали и разбрасывали искры раскаленного добела металла.

Под образовавшимся шатром на месте кафедрального пола зияла огромная дыра. Взрыв расколол и отбросил в стороны плиты, обнажая подвалы, погреба и хранилища. Они тоже были заполнены каменным крошевом, балками, трубами, проволокой, остатками шатров Четырехмильного Цирка и освещались неверным мерцанием маленьких огоньков. Потом в кратер потекли первые потоки расплавленной меди, и все озарилось слепящим светом.

Привлекая внимание Йанг-Йовила, Дагенхем постучал его по плечу и указал вниз. На середине склона кратера, в самой гуще каменного завала,

виднелись изуродованные останки Регриса Шеффилда. Йанг-Йовил постучал по плечу Дагенхема и указал: почти на самом дне огромной воронки лежал Гулли Фойл. Вдруг сверху сорвалась струя расплавленной меди, и в свете брызг они увидели, что он шевелится. Дагенхем и Йанг-Йовил немедленно повернулись и выбрались из собора.

— Он жив.

— Невообразимо.

— Я, кажется, могу это объяснить. Заметил рядом остатки тента? Очевидно, взрыв произошел в дальнем углу собора, и шатры ослабили удар. А потом Фойл провалился под пол прежде, чем стали падать обломки.

— Что ж, похоже. Надо его вытащить. Он — единственный человек, кто знает, где находится ПирЕ.

— Разве могло остаться что-то… невзорванное?

— В сейфе из ИСИ — да. Но как нам его вытащить?

— Сверху к нему не добраться.

— Почему?

— Одно неверное движение, и все обрушится.

— Ты видел стекающую медь? Так вот, если через десять минут мы его не вытащим, он окажется на дне пруда из расплавленного металла.

— Что же делать?

— Есть одна задумка…

— Какая?

— Подвалы здания «Эр-Си-Эй» так же глубоки, как подвалы собора.

— И?..

— Спустимся и попытаемся пробить ход. Может быть, мы доберемся до Фойла снизу.

В старое здание «Эр-Си-Эй», давным-давно запертое и заброшенное, ворвался отряд. Они вломились в нижние пассажи, ветхие музеи древних розничных магазинов. Они нашли грузовые шахты и спустились по ним в подвалы, заполненные электрооборудованием, обогревательными и холодильными системами. Они спустились еще ниже, на уровень фундамента, по грудь в воде от ручьев доисторического острова Манхэттен, от ручьев, которые все еще текли под покрывающими их улицами.

Медленно продвигаясь по направлению собора Святого Патрика, они неожиданно обнаружили, что непроглядная тьма освещается огненным мерцанием. Дагенхем закричал и бросился вперед. Взрыв, обнаживший подвалы собора, расколол перегородку между склепами двух зданий. Через искромсанные разрывы в земле и камне

открывался вид на дно ада.

В лабиринте искореженных труб, балок, камней, проволоки и металла лежал Гулли Фойл. Его освещали мерцающее сияние сверху и маленькие языки пламени вокруг. Его одежда горела; на лице пылала татуировка. Он слабо шевелился.

— Боже мой! — воскликнул Йанг-Йовил. — Горящий Человек!

— Что?

— Горящий Человек, которого я видел на Испанской лестнице. Впрочем, сейчас это неважно. Как нам быть?

— Идти вперед, разумеется.

Слепящий белый плевок меди внезапно упал сверху и с громким чавканьем расплескался в десяти футах от Фойла. За ним последовал второй, третий, мощный тягучий поток. Начало образовываться маленькое озеро. Дагенхем и Йанг-Йовил опустили лицевые пластины своих костюмов и полезли через щель. После трех минут отчаянных попыток им стало ясно, что они не в силах добраться до Фойла; пройти через лабиринт снаружи было невозможно. Дагенхем и Йанг-Йовил попятились.

— Нам к нему не подойти, — прокричал Дагенхем. — Но Фойл выбраться может.

— Каким образом? Он, очевидно, не в состоянии джантировать, иначе бы его здесь не было.

— Он может ползти. Смотри. Налево, потом вверх, назад, обогнуть балку, поднырнуть под нее и выпихнуть тот спутанный клубок проволоки. Внутрь нам его не протолкнуть, а вот Фойл выбраться может.

Озеро расплавленной меди медленно текло к Фойлу.

— Если он сейчас же не вылезет, то зажарится заживо.

— Ему надо подсказать, что делать.

Они начали кричать:

— Фойл! Фойл! Фойл!

Горящий человек в лабиринте продолжал слабо копошиться. Ливень шипящего металла полыхал огнем.

— Фойл! Поверни влево. Ты слышишь? Фойл?! Поверни влево и лезь наверх. Потом… Фойл!

— Он не слушает… Фойл! Гулли Фойл! Ты слышишь?

— Надо послать за Джизбеллой. Может быть, он ее послушает.

— Нет, лучше за Робин.

— Но согласится ли она? Спасти именно его?

— Ей придется. Это больше, чем ненависть. Это

больше, чем все на свете. Я приведу ее.

Йанг-Йовил повернулся, но Дагенхем остановил его.

— Погоди, Йео. Взгляни, он мерцает.

— Мерцает?

— Смотри! Он… исчезает и появляется. Часто-часто. Вот он есть, и вот его нет.

Фойла словно била мелкая дрожь. Он напоминал неистово трепещущего мотылька, полоненного дурманящим огнем.

— Что это? Что он пытается сделать? Что происходит?

Он пытался спастись. Как загнанный зверь, как раненая птица, как бабочка, заманенная открытой жаровней маяка, Фойл отчаянно бился… опаленное, измученное создание, из последних сил пытающееся выжить, кидающееся в неведомое.

Звук он видел, воспринимал его как странной формы свет. Они выкрикивали его имя, а он воспринимал яркие ритмы:

Ф	О Й Л	Ф	О Й Л	Ф	О Й Л
Ф	О Й Л	Ф	О Й Л	Ф	О Й Л
Ф	О Й Л	Ф	О Й Л	Ф	О Й Л
Ф	О Й Л	Ф	О Й Л	Ф	О Й Л

Движение казалось ему звуком. Он слышал корчащееся пламя, он слышал водовороты дыма, он слышал мерцающие, глумящиеся тени… Все обращались к нему на странных языках.

— БУРУУ ГИАР РУУАУ РЖЖИНТ? — вопрошал пар.

— Аш. Ашша. Кири-тики-зи мдик, — причитали мельтешащие тени.

— Ооох. Аааах, Хиии, Ччиии. Оооо, Аааа, — пульсировал раскаленный воздух. — Аааах. Мааа. Паааа. Лаааааа!

И даже огоньки его собственной тлеющей одежды вговаривали белиберду в уши:

— МАНТЕРГЕЙСТМАНН! — ревели они. — УНТРАКИНСТЕЙН ГАНЗЕЛЬСФУРСТИНЛАСТЭНБРУГГ!

Цвет был болью… жаром, стужей, давлением;

ощущением непереносимых высот и захватывающих дух глубин, колоссальных ускорений и убийственных сжатий.

Осязание было вкусом… Прикосновение к дереву отдавало во рту кислотой и мелом, металл был солью, камень казался кисло-сладким на ощупь, битое стекло, как приторное пирожное, вызывало тошноту.

Запах был прикосновением… Раскаленный камень пах, как ласкающий щеку бархат. Дым и пепел терпким шероховатым вельветом терли его кожу. От расплавленного металла несло яростно колотящимся сердцем; озонированный

взрывом воздух пах, как сочащаяся сквозь пальцы вода.

Фойл не был слеп, не был глух, не лишился чувств. Ощущения поступали к нему; но поступали профильтрованные через нервную систему исковерканную, перепутанную и короткозамкнутую. Он находился во власти синестезии, того редкого состояния, когда органы чувств воспринимают информацию от объективного мира и передают ее в мозг, но там все ощущения путаются и перемешиваются друг с другом. Звук выражался светом, движение — звуком, цвета казались болью, прикосновения — вкусом, запах — прикосновением. Фойл не просто затерялся в адском лабиринте под собором Святого Патрика; он затерялся в калейдоскопической мешанине собственных чувств.

Снова доведенный до отчаяния, на самой грани смерти, он отказался от всех устоев и привычек жизни; или, может быть, ему было в них отказано. Из сформированного опытом и окружающей средой существа Фойл превратился в зачаточное, рудиментарное создание, жаждущее спастись и выжить и делающее для этого все возможное. И снова, как два года назад, произошло чудо.

Вся энергия человеческого организма целиком,

каждой клетки, каждого нерва, мускула, фибра питала эту жажду, и снова Фойл джантировал в космос. Его несло по геопространственным линиям искривленной Вселенной со скоростью мысли, далеко превосходящей скорость света. Пространственная скорость была столь пугающе велика, что временная ось отошла от вертикальной линии, начертанной от Прошлого через Настоящее в Будущее. Он мчался по новой, почти горизонтальной оси, по новой геопространственной линии, движимый неисчерпаемым потенциалом человеческого мозга, не обузданного более концепциями невозможного.

Снова он достиг того, чего не смогли Гельмут Грант, Энрико Дандридж и множество других экспериментаторов, потому что слепая паника заставила его забыть пространственно-временные оковы, обрекшие на неудачу предыдущие попытки. Он джантировал не в Другое Место; он джантировал в Другое Время. Но самое важное — сознание четвертого измерения, завершенная картина Стрелы Времени и своего положения на ней, которые заложены в каждом человеке, однако находятся в зачаточном состоянии, подавляемые тривиальностью бытия, у Фойла выросло и окрепло. Он джантировал по пространственно-

временным линиям, переводя «i» — квадратный корень из минус единицы — из мнимого числа в действительность великолепным действом воображения.

Он джантировал.

Он был на борту «Номада», плывя через бездонную стужу космоса. Он стоял у двери в никуда.

Холод казался вкусом лимона, а вакуум когтями раздирал кожу. Солнце и звезды били все тело лихорадочной дрожью.

—

ГЛОММНА ФРЕДНИИТ КЛОМОХАМАГЕНЗИН! — ревело в его уши движение.

Фигура, обращенная к нему спиной, исчезла в конце коридора; фигура с медным котлом, наполненным пищевыми концентратами. То был Гулли Фойл.

— МЕЕХАТ ДЖЕСРОТ К КРОНАГАНУ НО ФЛИММКОРК, — рычало его движение.

— Аха! Ох-хо! Мгит нок тукак, — отвечали завихрения света и теней.

— Ооооооох? Сооооооо? Нееееееее. Ахххххххх, — бормотал тянущийся за ним потревоженный мусор.

Лимонный вкус во рту стал невыносим; раздирающие тело когти были мукой.

Он джантировал.

И появился в полыхающем горниле под собором Святого Патрика всего через секунду после своего исчезновения. Его тянуло сюда, как снова и снова притягивает мотылька манящее пламя. Он выдержал в ревущей топке всего лишь миг.

И джантировал.

Он находился в глубинах Жофре Мартель. Бархатная бездонная тьма была раем, блаженством, эйфорией.

— А-ах! — облегченно выдохнул он.

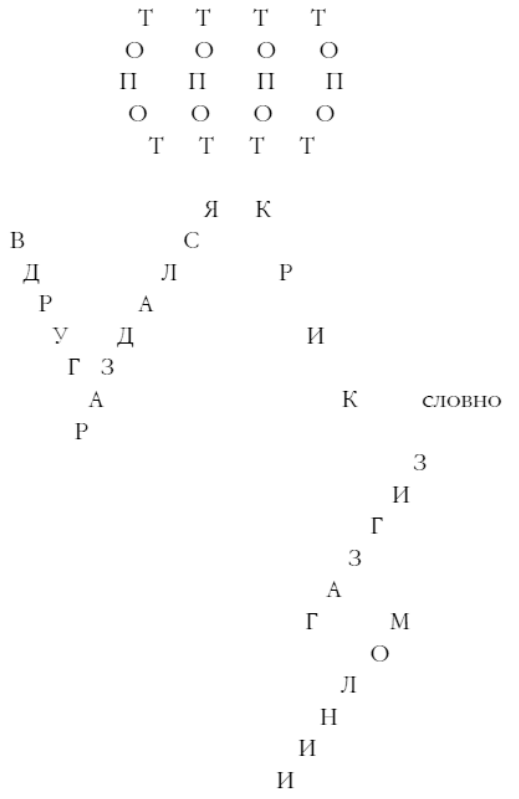
— АХ! — раздалось эхо его голоса, и звук предстал ослепительно ярким узором света:

Горящий Человек скорчился.

— Прекратите! — закричал он, ослепленный шумом. И снова донесся сверкающий рисунок эха:

ПрекрАтитеПрекрАтитеПрекрАтите
АтитеПрекрАтитеПрекрАтитеПрекрАтите
ПрекрАтитеПрекрАтитеПрекрАтитеПрекрАтите
АтитеПрекрАтитеПрекрАтитеПрекрАтитеПрекрАтите
АтитеПрекрАтитеПрекрАтитеПрекрАтитеПрекр
АтитеПрекрАтитеПрекрАтитеПрекрАтите
ПрекрАтитеПрекрАтитеПрекрАтите

Отдаленный топот явился его глазам затейливым узором развевающегося вымпела:



УДАРИЛ ЛУЧ СВЕТА

То была поисковая группа из госпиталя Жофре Мартель, при помощи геофона выслеживающая Фойла и Джизбеллу Маккуин. Горящий Человек исчез, но невольно сбил ищеек со следа беглецов.

Он снова появился под собором. Отчаянное трепыхание швыряло Фойла вверх по геодезическим линиям; те же неотвратимо возвращали его назад, в то Настоящее, которого он стремился избежать; ибо Настоящее было самой низкой точкой параболы пространства-времени.

Он мог гнать себя вверх и вверх, в Прошлое или Будущее, но рано или поздно падал в Настоящее, подобно брошенному со дна бесконечного колодца мячу, который сперва катится вверх по пологому склону, потом на миг застывает и падает вниз.

И все же снова и снова он бился в неведомое.

Он джантировал.

И оказался на пустынном австралийском побережье.

Бурление пенящихся волн оглушало:

— ЛОГГЕРМИСТ КРОТОХАВЕН ЙАЛЛ. ЛУГГЕРМИСК МОТЕСЛАВЕН ДЖУЛ.

Шум пузырящегося прибоя слепил.

Рядом стояли Гулли Фойл и Робин Уэднесбери.

Неподвижное тело лежало на песке, отдававшем уксусом во рту Горящего Человека. Морской ветер пах оберточной бумагой.

Фойл шагнул.

— ГРАШШШ! — взвыло движение.

Горящий Человек джантировал.

И появился в кабинете доктора Ореля в Шанхае.

Фойл снова стоял рядом и говорил узорами света:

К К К К К К
Т Т Т Т Т Т
О О О О
ТЫ ТЫ ТЫ

Джантировал.

он был
на бурлящей
испанской лестни
це. он был на бурля
щей испанской лестнице.
он был на бурлящей испанской
лестнице. он был на бурлящей испанс
кой лестнице. он был на бурлящей испанской
лестнице. он был на бурлящей испанской лестнице.

Джантировал.

Вновь холод, вкус лимонов и раздирающие кожу когти… Горящий Человек заглядывал в иллюминатор серебристой яхты. Сзади высились зазубренные горы Луны. Он увидел резкое перестукивание подающих кровь и кислород насосов и услышал грохот движения Гулли Фойла. Безжалостные клешни вакуума удушающе сжали горло.

Геодезические линии пространства-времени понесли его назад, в Настоящее, в сатанинскую жаровню под собором Святого Патрика, где едва истекли две секунды с тех пор, как он начал бешеную борьбу за существование. Еще раз, словно огненное копье, Фойл швырнул себя в неведомое.

Он был в катакомбах колонии Склотски на Марсе. Перед ним извивался и корчился белый червяк, Линдси Джойс.

— НЕТ! НЕТ! НЕТ! — кричало ее судорожное дергание. — НЕ ТРОГАЙТЕ МЕНЯ. НЕ УБИВАЙТЕ МЕНЯ. ПОЖАЛУЙСТА… НЕ НАДО… ПОЖАЛУЙСТА… ПОЖАЛУЙСТА…

Горящий Человек оскалил тигриную пасть и засмеялся.

— Ей больно, — сказал он. Звук собственного

голоса обжег глаза.

— Кто ты? — прошептал Фойл.

КККККККККККККК

ТТТТТТТТТТТТТТТТТ

ОООООООООООО

ТТТТТТТТТТТТТТТТТ

ЫЫЫЫЫЫЫЫЫЫЫЫ

Горящий Человек содрогнулся.

— Слишком ярко. Меньше света.

Фойл шагнул вперед.

— БЛАА — ГАА — ДАА — МАА — ФРАА — МИШИНГЛИСТОНВИСТА! — загремело движение.

Горящий Человек страдальчески скривился и в ужасе зажал уши.

— Слишком громко! — крикнул он. — Не двигайся так громко!

Извивания корчащейся Склотски продолжали заклинать:

— НЕ ТРОГАЙТЕ МЕНЯ. НЕ ТРОГАЙТЕ МЕНЯ.

Горящий Человек снова засмеялся.

— Послушай ее. Она кричит. Она ползает на коленях. Она молит о пощаде. Она не хочет сдыхать. Она не хочет боли. Послушай ее.

— ПРИКАЗ ОТДАЛА ОЛИВИЯ ПРЕСТЕЙН. ОЛИВИЯ ПРЕСТЕЙН. НЕ Я. НЕ ТРОГАЙТЕ МЕНЯ. ОЛИВИЯ ПРЕСТЕЙН.

— Она говорит, кто отдал приказ. Неужели ты не слышишь? Слушай своими глазами. Она говорит — Оливия.

ЧТО? ЧТО? ЧТО? ЧТО?
ЧТО? ЧТО? ЧТО? ЧТО?
ЧТО? ЧТО? ЧТО? ЧТО?
ЧТО? ЧТО? ЧТО? ЧТО?

Шахматное сверкание вопроса Фойла было непереносимо.

— Она говорит, Оливия. Оливия Престейн. Оливия Престейн. Оливия Престейн.

Он джантировал. И оказался в каменном капкане под собором Святого Патрика. Внезапно смятение и отчаяние подсказали ему, что он мертв. Это конец Гулли Фойла. Это вечность и реальный ад. То, что он видел, — Прошлое, проносящееся перед распадающимся сознанием в заключительный момент смерти. То, что он перенес, ему суждено переносить бесконечно. Он мертв. Он знал, что мертв.

Он отказался подчиниться вечности. И снова швырнул себя в неведомое.

Искрящийся туман… вихрь звезд-снежинок…

поток жидких бриллиантов. Тела его коснулись невесомые трепетные крылья… Язык ощутил вкус нити прохладных жемчужин… Перемешавшиеся чувства не могли помочь ему сориентироваться, но он отчетливо понимал, что хочет остаться в этом Нигде навсегда.

— *Здравствуй, Гулли.*

— Кто это?

— *Робин.*

— Робин?

— *Бывшая Робин Уэднесбери.*

— Бывшая?..

— *Ныне Робин Йовил.*

— Не понимаю. Я мертв?

— *Нет, Гулли.*

— Где я?

— *Далеко, очень далеко от Святого Патрика.*

— Но где?

— *Мне некогда объяснять, Гулли. У тебя мало времени.*

— Почему?

— *Потому что ты еще не умеешь джантировать через пространство-время. Тебе надо вернуться и научиться.*

— Я умею. Должен уметь. Шеффилд сказал, что я джантировал к «Номаду»… шестьсот тысяч миль.

— Тогда это была случайность, Гулли. Ты снова сделаешь это — когда научишься… А пока ты не знаешь, как удержаться… как обратить любое Настоящее в реальность. Вот-вот ты опять сорвешься в собор Святого Патрика.

— Робин, я только что вспомнил. У меня для тебя плохие новости.

— Знаю, Гулли.

— Твоя мать и сестры погибли.

— Я знаю это очень давно.

— Давно?

— Тридцать лет.

— Это невозможно.

— Возможно. Ты далеко, далеко от Святого Патрика… Я хочу рассказать тебе, как спастись от огня, Гулли. Ты будешь слушать?

— Я не мертв?

— Нет.

— Я буду слушать.

— Ты страдаешь синестезией, все твои чувства перепутаны. Это скоро пройдет, но пока придется говорить так, чтобы ты понял.

— Почему ты мне помогаешь?.. После того, что я сделал с тобой…

— Все прощено и забыто, Гулли. Слушай меня. Когда опять окажешься в соборе, повернись к

самой громкой тени. Ясно?

— Да.

— *Иди на шум, пока не ощутишь покалывание на коже. Остановись. Сделай пол-оборота в сжатие и чувство падения. Иди туда. Пройдешь через столб света и приблизишься ко вкусу хинина. На самом деле это клубок проволоки. Продирайся прямо через хинин; там увидишь что-то стучащее, словно паровой молот. Ты будешь в безопасности.*

— Откуда все это тебе известно, Робин?

— *Мне объяснил специалист, Гулли.* — Появилось ощущение смеха. — *Вот-вот ты сорвешься в прошлое… Здесь Питер и Саул. Они передают тебе привет и желают удачи. Джиз Дагенхем тоже. Счастливо, Гулли, милый…*

— В Прошлое?.. Это Будущее?..

— *Да, Гулли.*

— А я там есть?.. А… Оливия?

И в этот миг он, кувыркаясь, полетел вниз, вниз, вниз, по пространственно-временным линиям вниз, в кошмарную яму Настоящего.

Глава 16

Его ощущения пришли в норму в Звездном Зале дворца Престейна. Зрение стало зрением, и он увидел высокие зеркала и витражные стекла, золотые корешки фолиантов и библиотекаря-андроида на шаткой библиотечной лесенке. Звук стал звуком, и он услышал стук механического пишущего устройства, за которым сидела секретарша-андроид. Вкус стал вкусом, когда он пригубил коньяк, поданный роботом-барменом.

Фойл понимал, что находится в безвыходном положении: он приперт к стене; сейчас ему предстоит принять самое важное решение в жизни. На данный момент он пренебрег врагами и обратился к сияющей улыбке, застывшей на металлическом лице бармена, классическому ирландскому оскалу.

— Спасибо, — сказал Фойл.

— Счастлив служить, — ответил робот, ожидая следующей реплики.

— Приятный день, — заметил Фойл.

— Где-нибудь всегда выдается чудесный день, сэр, — отозвался робот.

— Ужасный день, — сказал Фойл.

— Где-нибудь всегда выдается чудесный день, сэр.

— Погода, — сказал Фойл.

— Где-нибудь всегда выдается чудесный день, сэр.

Фойл повернулся к присутствующим.

— Это я, — сказал он, указывая на робота. — Это мы все. Мы болтаем о свободе воли, но не представляем из себя ничего, кроме реакции… механической реакции, однозначно заданной и определенной. И вот… вот я здесь, готовый реагировать. Нажмите на кнопочку, и я подпрыгну. — Он передразнил холодный голос робота: — Счастлив служить, сэр. — Внезапно его тон изменился и прозвучал, как удар бича: — Что вам надо?

Они беспокойно зашевелились. Фойл был обожжен, обессилен, изранен… и все же оставался хозяином положения.

— Давайте оговорим условия, — продолжал Фойл. — Меня повесят, утопят, четвертуют, если я не… Чего вы хотите?

— Я хочу вернуть свою собственность, — холодно улыбаясь, заметил Престейн. — Восемнадцать с лишним фунтов ПирЕ.

— Так. Что вы предлагаете?

— Я не делаю никаких предложений. Я требую то, что принадлежит мне по праву.

Заговорили Дагенхем и Йанг-Йовил. Фойл резко оборвал их.

— Пожалуйста, давите на кнопку по одному, джентльмены. — Он повернулся к Престейну. — Жмите сильнее… кровь и деньги… или найдите другую кнопку. Кто вы такой, чтобы выставлять сейчас требования?

Престейн поджал губы.

— Закон… — начал он.

— Что? Угрозы? — Фойл рассмеялся. — Хотите меня запугать? Не валяйте дурака, Престейн. Разговаривайте со мной так, как говорили на Новогоднем балу… без милосердия, без снисхождения, без лицемерия.

Престейн склонил голову, глубоко вздохнул и прекратил улыбаться.

— Я предлагаю власть, — сказал он. — Признание вас моим наследником, равную долю в предприятиях Престейна, руководство кланом и семьей. Вместе мы сможем править миром.

— С ПирЕ?

— Да.

— Ваше предложение рассмотрено и отклонено. Предложите свою дочь.

— Оливию?! — Престейн подавился и сжал кулаки.

— Да, Оливию. Где она?

— Ты!.. — вскричал Престейн. — Подонок… мерзавец… Ты смеешь…

— Вы предложите дочь за ПирЕ?

— Да, — едва слышно произнес Престейн.

Фойл повернулся к Дагенхему.

— Ваша очередь, мертвая голова.

— Если разговор будет идти подобным образом… — возмущенно начал Дагенхем.

— Будет. Без милосердия, без снисхождения, без лицемерия. Что вы предлагаете?

— Славу. Мы не можем предложить денег или власть. Мы можем предложить честь. Гулли Фойл — человек, спасший Внутренние Планеты от уничтожения. Мы можем предложить безопасность. Мы ликвидируем ваше досье, дадим уважаемое имя, прославим навеки.

— Нет, — вмешалась неожиданно Джизбелла Маккуин. — Не соглашайся. Если хочешь быть спасителем, уничтожь секрет. Не давай ПирЕ никому.

— Что такое ПирЕ?

— Тихо! — рявкнул Дагенхем.

— Это термоядерное взрывчатое вещество,

которое воспламеняется одной лишь мыслью… психокинезом, — сказала Джизбелла.

— Какой мыслью?

— Просто желанием взорвать его, направленным желанием. Этого достаточно, если ПирЕ не изолирован инертсвинцовым изомером.

— Я велел тебе молчать, — прорычал Дагенхем. — Это больше, чем идеализм.

— Ничего нет больше идеализма.

— Секрет Фойла больше, — пробормотал Йанг-Йовил. — ПирЕ сейчас сравнительно маловажен. — Он улыбнулся Фойлу. — Секретарь Шеффилда подслушал часть вашей милой беседы в соборе. Нам известно, что вы джантировали в космосе.

Воцарилась внезапная тишина.

— Джантация в космосе! — воскликнул Дагенхем. — Невозможно! Ты не знаешь, что говоришь.

— Знаю. Фойл доказал, что это возможно. Он джантировал на шестьсот тысяч миль от крейсера ВС до остатков «Номада». Как я сказал, это гораздо больше, чем ПирЕ. Мне кажется, этим следует заняться в первую очередь.

— Тут каждый говорит о том, что он хочет, — медленно произнесла Робин Уэднесбери. — Чего

хочешь ты, Гулли Фойл?

— Спасибо тебе, — промолвил Фойл. — Я жажду понести наказание.

— Что?

— Я хочу очищения, — сказал он сдавленным голосом. Позорное клеймо стало проступать на его перебинтованном лице. — Я хочу искупить содеянное; свести счеты. Я хочу освободиться от своего тяжкого креста… эта боль раскалывает мне спину. Я хочу вернуться в Жофре Мартель… лоботомию, если заслуживаю… И я хочу знать. Я хочу…

— Вы хотите спасения, — перебил Дагенхем. — Спасения нет.

— Я хочу освобождения!

— Исключено, — отрезал Йанг-Йовил. — Ваша голова слишком ценна, чтобы отдавать ее на лоботомию.

— Нам не до простых детских понятий — преступление, наказание… — вставил Дагенхем.

— Нет, — возразила Робин. — Должен быть грех, и должно быть прощение. Мы никогда не сможем их преступить.

— Нажива и убыток, грех и прощение, идеализм и практицизм… — горько улыбнулся Фойл. — Вы все так уверены, так прямодушны… А у меня

сплошные сомнения. Посмотрим, насколько вы действительно уверены… Итак, вы отдаете мне Оливию? Мне — да, так? А закону? Она — убийца.

Престейн попытался встать, но рухнул в кресло.

— Должно быть прощение, Робин? Ты простишь Оливию Престейн? Она убила твоих родных.

Робин смертельно побледнела.

— Вы, Йовил. У Внешних Спутников ПирЕ нет; Шеффилд признался в этом. Все равно будете испытывать его на них? Чтобы мое имя вспоминали рядом с именами Линча и Бойкота?

Фойл повернулся к Джизбелле.

— Вернешься ты ради своего идеализма в Жофре Мартель отсиживать срок до конца? А вы, Дагенхем, откажетесь от нее? Спокойно отпустите в тюрьму?.. Жизнь так проста, — иронично продолжал он. — И это решение так просто, не правда ли? Уважить права Престейна? Благополучие планет? Идеалы Джизбеллы? Реализм Дагенхема? Совесть Робин? Нажмите на кнопку, и робот дернется. Но я не робот. Я выродок Вселенной… мыслящее животное… Я пытаюсь разглядеть путь через эту трясину. Возвратить ПирЕ миру, и пусть он себя губит? Обучить мир

джантации в космосе, и пусть себе величаво ступает от галактики к галактике, распространяя повсюду заразу своего уродливого образа жизни? Каков же ответ?

Робот-бармен внезапно швырнул миксер через всю комнату. В последовавшей тишине надсадно прозвучал голос Дагенхема:

— Проклятье! Ваши куклы, Престейн, опять разладились от радиации.

— Ответ — «да», — отчетливо произнес робот.

— Что? — ошарашенно спросил Фойл.

— Ответ на ваш вопрос — «да».

— Спасибо, — сказал Фойл.

— Счастлив служить, — отозвался робот. — Человек в первую очередь — член общества, а только потом уже индивидуум. И независимо от того, обречет ли себя общество на уничтожение или нет, вы должны оставаться с ним.

— Совсем спятил, — раздраженно бросил Дагенхем. — Выключите его, Престейн.

— Погодите, — приказал Фойл, не сводя глаз с ослепительной улыбки, застывшей на механическом лице робота. — Но общество может быть таким тупым, таким запутавшимся… Ты свидетель нашего разговора.

— Верно, сэр, но вы должны учить, а не дикто-

вать. Вы должны учить общество.

— Джантации в космосе? Зачем? Стоит ли нам рваться к звездам и галактикам? Ради чего?

— Потому что вы живы, сэр. С таким же успехом можно задаться вопросом «Ради чего жизнь?». Об этом не спрашивают. Просто живут.

— Сумасшествие, — пробормотал Дагенхем.

— Но увлекательное, — заметил Йанг-Йовил.

— Жизнь должна быть чем-то большим, чем простое выживание, — сказал Фойл роботу.

— Тогда определите это «большее» для себя, сэр. Не требуйте от мира гибели, если у вас возникли сомнения.

— Но почему мы не можем все идти вперед?

— Потому что вы все разные. Вы не лемминги. Кому-то нужно вести — и надеяться, что остальные не отстанут.

— Кому же вести?

— Тем, кто должен… одержимым.

— Выродкам.

— Все вы выродки, сэр. Вы всегда были выродками. Жизнь — это выродок.

— Спасибо тебе большое.

— Счастлив служить, сэр.

— Ты спас сегодняшний день. И не только сегодняшний.

— Где-нибудь всегда выдается чудесный день, сэр, — проговорил робот.

Потом он заискрился, затрещал и рухнул, развалившись на части.

Фойл повернулся к присутствующим.

— Он прав; а вы не правы. Кто мы такие, любой из нас, чтобы принимать решения за весь мир? Пускай мир сам принимает решения. Кто мы такие, чтобы хранить секреты от мира? Пускай мир знает их и решает за себя. Идем в собор.

Он джантировал; остальные — следом. Район до сих пор был оцеплен, но вокруг собралась колоссальная толпа. Столько опрометчивых и любопытствующих людей джантировало в дымящиеся развалины, что полиция установила защитный индукционный экран. И все равно озорники и зеваки пытались проникнуть на руины; опаленные индукционным полем, они убегали с жалобным воем.

По знаку Йанг-Йовила поле выключили. Фойл прошел по горячему щебню к восточной стене собора, от которой еще оставалось футов пятнадцать в высоту. Он ощупал почерневшие камни, раздался скрежещущий звук, и кусок стены три на пять футов с резким визгом стал открываться; потом заел. Фойл нетерпеливо схватил его и

дернул. Перекаленные петли не выдержали и рассыпались, панель упала.

Двумя столетиями раньше, когда религия была запрещена, а истовые верующие всех исповеданий ушли в подполье, несколько преданных благочестивых душ устроили эту потайную нишу и обратили ее в алтарь. Золото распятия до сих пор сияло негасимым огнем веры. У подножия креста покоился маленький черный ящик из инертсвинцового изомера.

— Знак?.. — выдохнул Фойл. — Ответ, который я ищу?

Он выхватил тяжелый сейф прежде, чем кто-нибудь успел пошевелиться, джантировал сотню ярдов на остатки кафедральных ступеней и там, на виду у всей толпы, открыл. Вопль ужаса сорвался с губ сотрудников Разведки; они знали его содержимое.

— Фойл! — бешено закричал Дагенхем.

— Ради бога, Фойл! — заревел Йанг-Йовил.

Фойл вытащил кусочек ПирЕ — цвета кристаллов йода, размера сигареты… один фунт твердого раствора трансплутониевых изотопов.

— ПирЕ! — выкрикнул он, обращаясь к толпе. — Держите его! Это ваше будущее. ПирЕ! — Он швырнул кусочек в гущу людей и добавил через

плечо: — Сан-Франциско!

Фойл джантировал Сент-Луис — Денвер — Сан-Франциско, на площадку Русского холма; там было четыре часа пополудни, и улицы кипели озабоченно снующими служащими.

— ПирЕ! — взревел Фойл. Его дьявольская маска налилась кровью и устрашающе горела. — ПирЕ… Он ваш. Заставьте их рассказать вам, что это… Ном! — крикнул он прибывающим преследователям и джантировал.

В толпе оцепеневших от ужаса лесорубов, торопящихся к своим бифштексам с пивом, возникла кошмарная фигура с тигриным оскалом. Фигура размахнулась и бросила что-то в гущу людей.

— ПирЕ! Эй, там, слышите меня, нет? ПирЕ! Хватайте — и без вопросов. Слышите там, вы? Пусть расскажут про ПирЕ, и все!

Дагенхем, Йанг-Йовил и прочие, джантирующие за Фойлом с секундным опозданием, услышали:

— Токио. Императорская площадка!

Он исчез за миг до того, как долетели их пули.

В девять часов пьяняще свежего токийского утра на Императорской площадке у карповых прудов возник самурай с тигриным лицом, который швырнул в гущу оцепеневших людей кусок

странного металла, сопроводив его памятными наставлениями.

Фойл побывал в Бангкоке, где дождь лил как из ведра, и в Дели, где бушевал муссон… преследуемый по пятам гончими псами. В Багдаде в три часа ночи его встретили пьяным умилением завсегдатаи ночных баров, джантирующие вокруг света, вечно опережая время закрытия на полчаса. В Лондоне и Париже стояла полночь; шумные толпы на Елисейских Полях и Пикадилли бурлили, как море, от странных действий и страстных призывов Фойла.

Проведя своих преследователей за пятьдесят минут почти полный путь вокруг света, Фойл позволил настичь себя в Лондоне. Он позволил повалить себя, вырвать из рук сейф из ИСИ и пересчитать оставшиеся кусочки ПирЕ.

— Для войны осталось достаточно. Вполне достаточно для полного уничтожения… если посмеете. — Фойл смеялся и рыдал в истерическом триумфе. — Миллиарды на оборону, но ни гроша на выживание…

— Ты понимаешь, что ты наделал, убийца?! — закричал Дагенхем.

— Я знаю, что сделал.

— Девять фунтов ПирЕ разбросаны по миру!

Одна мысль, и мы… Как забрать его, не говоря им правды?! Ради бога, Йео, осади эту толпу. Они могут услышать.

— Это выше наших сил.

— В таком случае джантируем.

— Нет! — прорычал Фойл. — Пусть слышат. Пусть слышат все.

— Ты сошел с ума. Только безумец даст заряженный револьвер несмышленому ребенку.

— Прекратите относиться к ним, как к детям. Объясните им про заряженный револьвер. Откройте все. — Фойл свирепо рассмеялся. — Только что я положил конец последней тайне. Никаких больше секретов… Никаких больше указаний детишкам, что для них лучше… Пусть взрослеют. Пора уже.

— Господи, он в самом деле потерял рассудок.

— Разве? Я вернул жизнь и смерть в руки людей, которые живут и умирают. Простого человека слишком долго бичевали и вели такие одержимые, как мы… необузданные, неукротимые люди… люди-тигры, которые не могли не подхлестывать мир. Мы все тигры, все трое, но кто мы такие, какое право имеем решать за всех? Пусть мир сам выбирает между жизнью и смертью. Почему мы взвалили на себя такую

ответственность?

— Мы не взвалили на себя, — тихо сказал Йанг-Йовил. — Мы одержимы. Мы вынуждены принять ответственность, которой страшится средний человек.

— Так пусть перестанет страшиться, перестанет увиливать. Пускай не перекладывает свой долг и свою вину на плечи первого попавшегося выродка, который поспешит принять их на себя. Или нам суждено вечно быть козлами отпущения?

— Будь ты проклят! — бушевал Дагенхем. — Неужели до тебя не доходит, что людям доверять нельзя?! Они сами не знают, чего им надо?

— Так пусть узнают — или сдохнут! Мы все в одной упряжке. Будем жить вместе — или вместе умирать.

— Хочешь сдохнуть из-за их невежества?! Тебе придется найти способ собрать все кусочки ПирЕ, не взлетев на воздух.

— Нет. Я в них верю. Я сам был одним из них — до того, как стал тигром. И каждый может стать необыкновенным, если его встряхнуть, как меня, если его пробудить.

Фойл неожиданно вырвался, джантировал на бронзовую голову Эроса, пятьюдесятью футами выше Пикадилли, и яростно взревел:

— Слушайте меня! Слушайте все! Буду проповедь читать, я.

Ему ответил дружный рев.

— Вы свиньи, вы. Вы гниете, как свиньи, и все. В вас есть многое, а вы довольствуетесь крохами. Слышите меня, вы? У вас есть миллионы, а расходуете гроши. В вас есть гений, а мыслей, что у чокнутого. В вас есть сердце, а чувствуете пустоту… Вы все. Каждый и всякий.

Его осыпали насмешками, над ним глумились. Он продолжал со страстной, истеричной яростью одержимого:

— Нужна война, чтобы вы раскошелились. Нужен хлыст, чтобы вы соображали. Нужен вызов, чтобы пробудить гений… Остальное время вы пускаете слюни. Лентяи! Свиньи, вы все! Ну хорошо, вызываю вас, я! Сдохните — или живите в величии. Сдохните, сволочи, будьте вы прокляты, или придите ко мне, Гулли Фойлу, и я сделаю вас великими. Я дам вам звезды. Я сделаю вас людьми!

Он джантировал вверх по геодезическим линиям пространства-времени в Куда-то и Когда-то. И прибыл в хаос. Завис на миг в зыбком пара-Настоящем — и снова рухнул обратно в хаос.

«Это может быть сделано, — подумал он. — *И*

должно быть сделано».

Он джантировал снова — горящим копьем, летящим из неизвестности в неизвестность — и снова рухнул в хаос Пара-пространства и Пара-времени. Он потерялся в Нигде.

«Я уверен. Я верю».

Он снова джантировал и снова потерпел неудачу.

«Верю во что?» — спросил он себя, плывя в Лимбо.

«Верю в веру, — ответил он себе. — *Нет необходимости верить во что-то конкретное. Достаточно верить, что где-то есть что-то, достойное веры».*

Он джантировал в последний раз, и сила его готовности поверить трансформировала пара-Настоящее случайной цели в реальность…

НАСТОЯЩЕЕ: Ригель в Орионе, иссиня-белый, пятьсот сорок световых лет от Земли, в десять тысяч раз ярче Солнца, котел чудовищной энергии, окруженный тридцатью семью громадными планетами… Фойл завис в космосе, замерзая и задыхаясь, лицом к лицу с судьбой, в которую верил, но которая оставалась непостижима. Он завис в космосе на ослепительный миг, такой же беспомощный, такой же ошеломленный и такой

же неизбежный, как первая рыба, выползшая из моря выпученными глазами посмотреть на доисторический берег у истоков жизни.

Он джантировал, обращая пара-Настоящее в…

НАСТОЯЩЕЕ: Вега в Лире, звезда типа A0 в двадцати шести световых годах от Земли, беспланетная, но окруженная роем сверкающих комет, прочерчивающих огненные хвосты на небесном своде…

И вновь он обратил настоящее в НАСТОЯЩЕЕ: Канопус, желтый как Солнце, гигантский, грозовой в безмолвных просторах космоса, свидетель появления некого создания; создания, у которого когда-то были жабры. Создание зависло, выпучив глаза на берег Вселенной; ближе к смерти, чем к жизни, ближе к Будущему, чем к Прошлому, в десяти лигах за краем света. Оно пораженно глядело на массу пыли и метеоров, что опоясывали Канопус широким плоским кольцом, словно кольца Сатурна, и радиусом в Сатурнову орбиту…

НАСТОЯЩЕЕ: Альдебаран в Тельце, одна из пары чудовищных красных звезд, чьи шестнадцать планет неслись по эллиптическим орбитам вокруг взаимновращающихся родителей… Он мчался через пространство-время с растущей

уверенностью…

НАСТОЯЩЕЕ: Антарес, красный гигант, спаренный подобно Альдебарану, двести пятьдесят световых лет от Земли, двести пятьдесят планетоидов размером с Меркурий, с климатом Эдема…

И наконец… НАСТОЯЩЕЕ:

Он находился на борту «Номада».

М♀йра нашла его в инструментальном шкафу свернувшимся в зародышевый комочек, с пустым лицом, с горящими священным откровением глазами. Хотя астероид давно был отремонтирован и сделан герметичным, Фойл по-прежнему повторял цикл действий из того грозного существования, которое породило его много лет назад.

Но сейчас он спал и размышлял, переваривая обретенное величие. А потом очнулся от мечтаний и выплыл из шкафа, обжигая М♀йру слепыми очами, минуя пораженную девушку, которая отступила назад и пала на колени. Он бродил по пустынным проходам и наконец вернулся в утробу шкафа; там свернулся снова и был утерян.

Она коснулась его; он не шевельнулся. Она произнесла имя, выжженное на его лбу; он не дал ответа. Она повернулась и кинулась вовнутрь

астероида, в святая святых, где правил Дж♂зеф.

— Мой муж вернулся к нам, — выпалила М♀йра.

— Твой муж?

— Человек-бог, который нас уничтожил.

Лицо Дж♂зефа потемнело от гнева.

— Где он?! Покажи мне!

— Ты не тронешь его?

— Долги нужно платить. Покажи мне.

Дж♂зеф прошел за ней к шкафу на борту «Номада» и посмотрел пристально на Фойла. Ярость на его лице сменилась изумлением. Он коснулся Фойла и обратился к нему; ответа не было.

— Ты не можешь его наказать, — сказала М♀йра. — Он умирает.

— Нет, — тихо промолвил Дж♂зеф. — Он не умирает. Он грезит. Я, жрец, знаю эти грезы. Придет время, и он очнется, и откроет нам, своему народу, все свои помыслы.

— И тогда ты покараешь его?

— Он уже нашел кару — в самом себе.

Дж♂зеф устроился рядом со шкафчиком, готовый ожидать пробуждения. Девушка, М♀йра, побежала по изогнутым коридорам и вернулась с серебряным тазиком теплой воды и серебряным подносом с едой. Она обмыла Фойла нежно и

опустила перед ним поднос как приношение. Потом устроилась рядом с Дж♂зефом… рядом со всем миром… ждать пробуждения.

Звездная вспышка

Энтони Бучеру и Дж. Френсис МакКомас

Феномен исчезновения

Эта война не была последней и не была призвана покончить со всеми войнами. Ее прозвали Войной за Американскую Мечту. Генерал Карпентер бесперечь теребил эту душевную струну, извлекая любимую ноту. Генералы бывают боевые (важны для армии), политические (важны для администрации) и пиарные (важны для войны). Генерал Карпентер считался мастером пиара. Прямой, как четыре угла пятидесятнического Евангелия, он проповедовал идеалы высокие и всем доступные, словно девизы на банкнотах. Американцам он казался одновременно армией, администрацией, щитом, мечом и суровою десницей нации. Идеалом генерала стала Американская Мечта.

«Мы сражаемся не ради денег, славы или мирового господства», — возвестил генерал Карпентер на ужине с представителями Ассоциации журналистов.

«Мы сражаемся единственно ради Американской Мечты», — обратился он к членам Конгресса 137-го созыва.

«Наша цель — не агрессия или порабощение

иных наций», — сказал он на ежегодном торжественном ужине с офицерами Уэст-Пойнтской академии.

«Мы сражаемся во имя цивилизации», — сообщил он Клубу Первопоселенцев в Сан-Франциско.

«Мы боремся за цивилизационные идеалы: за культуру, поэзию, за Все То, Что Стоит Сберегать», — заявил он гостям фестиваля, спонсированного Чикагской зерновой биржей.

«Это война на выживание, — доложил он. — Мы воюем не за себя, но за свои мечты: за Лучшее в Жизни, за то, чему не до́лжно сгинуть с лица Земли».

Америка сражалась. Генерал Карпентер запросил сто миллионов бойцов. Сто миллионов человек ушли в армию. Генерал Карпентер запросил десять тысяч водородных бомб. Десять тысяч водородных бомб подготовили к запуску и обрушили на врага. Враг тоже обрушил на Америку десять тысяч водородных бомб и уничтожил большую часть ее городов.

«Необходимо вырыть укрытия от варварских орд, — сказал генерал Карпентер. — Дайте мне тысячу инженеров».

Явилась тысяча инженеров, и вскоре под руи-

нами выкопали сотню спроектированных ими городов.

«Дайте мне пятьсот специалистов по общественной гигиене, триста транспортников-логистов, сто экспертов по очистке воздуха, сто городских управленцев, тысячу руководителей отрасли связи, семьсот экспертов по найму персонала…»

Список экспертов, необходимых генералу Карпентеру, казался бесконечным. Америка не знала, откуда их взять.

«Мы обязаны стать нацией экспертов, — возвестил генерал Карпентер на собрании Национальной университетской ассоциации. — Каждый мужчина и женщина должны стать приспособленными под определенную работу инструментами, закаленными и заточенными в ходе тренировок и учебы, дабы восторжествовала Американская Мечта».

«Наша Мечта, — сказал генерал Карпентер на завтраке с держателями биржевых облигаций Уолл-стрит, — такова же, как была у благородных афинских греков, у великих римских… кхм, римлян. Мечта о Лучшем в Жизни. О музыке и искусстве, о поэзии и культуре. Деньги — всего лишь оружие борьбы за эту Мечту. Амбиции

— всего лишь ступеньки лестницы, ведущей к Мечте. Таланты — лишь инструменты, помогающие овеществить Мечту».

Уолл-стрит зааплодировала. Генерал Карпентер затребовал сто пятьдесят миллиардов долларов, пятнадцать сотен амбициозных специалистов на символическом окладе, три тысячи экспертов по минералогии, петрологии, массовому производству химического оружия и логистике воздушных коммуникаций. Их ему предоставили. Страна заработала на высоких оборотах. Генералу Карпентеру оставалось нажимать кнопки и ожидать прибытия нужных экспертов.

В марте 2112 года война достигла кульминации и Американской Мечты, но не на одном из семи фронтов, где миллионы солдат сошлись в унылом вялотекущем противостоянии, не в одной из ставок верховного командования в столицах сражающихся государств, не на одной из производственных площадок, извергавших оружие и боеприпасы, а в палате «Т» армейского госпиталя Соединенных Штатов, отделенной тремя сотнями футов почвы от бывшего Сент-Олбанса, штат Нью-Йорк.

В Сент-Олбансе палату «Т» окружала своеобразная вуаль тайны. Как и все армейские госпитали,

Сент-Олбанский был организован с разделением палат по родам болезней и увечий. Например, всех, кому ампутировали правую руку, помещали в одну палату, всех, кому отрезали левую, — в другую. Радиационные ожоги, черепно-мозговые травмы, язвы, вторичные эффекты гамма-облучения и так далее: всем находилось свое место в госпитальном порядке вещей. Армейские медики разработали исчерпывающий классификатор травм мозга и тканей из девятнадцати пунктов, от A до S. Что же в таком случае являла собою палата «Т»?

Никто не знал. Двери были заперты на двойные замки. Посетителям не разрешалось входить. Пациентам не дозволялось выходить. Приходили и уходили врачи. По озадаченным выражениям их лиц строились безумные теории, но ясности не прибавлялось. Медсестер, обслуживавших палату «Т», активно расспрашивали, но те держали языки за зубами.

Информация просачивалась по капельке, противоречивая, неудовлетворительная. Уборщица клялась, что, когда ее позвали в палату, там никого не оказалось. Ни души. Лишь две дюжины коек — и никого. Спали ли на койках? Да. Постели смяты, ну некоторые. Используется ли палата? О

да, конечно. Там на столиках личные вещи, все такое. Но пыльно там, вот. Как если бы в палате давно никого не было.

Общественное мнение сошлось на том, что палата населена призраками. *Только для привидений.*

Однако ночной дежурный сообщил, что, проходя мимо запертой палаты, расслышал доносящееся изнутри пение. Какое пение? На иностранном языке, типа того. На каком языке? Дежурный не сумел определить. Некоторые слова звучали примерно… примерно так: *Гады, им нас не в тот тур…*

Общественное мнение после лихорадочных дискуссий сошлось на том, что в палате чужаки. *Только для шпионов.*

В Сент-Олбанском госпитале заручились поддержкой кухарок и проследили за перемещением подносов с едой. Три раза в день по двадцать четыре подноса увозили в палату «Т». Двадцать четыре подноса возвращались обратно. Иногда среди них попадались пустые. Большую часть времени еда оставалась нетронутой.

Общественное мнение напряглось и выдало новую гипотезу: палата «Т» — всего лишь удобное местечко для посиделок. Неформальный клуб

лентяев и разовых работничков, вот они там и развлекаются. *Гады, им нас не в тот тур!*

В деле распространения слухов госпиталь мог потягаться с кружком рукоделия в провинциальном городке, но, впрочем, больных легко вывести из себя по мелочи. Всего три месяца минуло, а ленивый треп разросся до плохо скрываемого ропота. В январе 2112-го Сент-Олбанский госпиталь мог считаться образцовым учреждением. В марте 2112-го там все кипело и бурлило, и психологические проблемы стали проявляться в статистике. Снизился процент выздоровлений. Проявились случаи симуляций заболеваний. Нарастали ссоры по ничтожным поводам. Вспыхивали потешные мятежи. Персонал перетрясли: не помогло. Палата «Т» провоцировала недовольство пациентов. Воспоследовала еще одна чистка, и еще, но в госпитале, как и ранее, стоял дым коромыслом.

Наконец по официальным каналам вести о происходящем достигли генерала Карпентера.

— В борьбе за Американскую Мечту, — возгласил он, — недопустимо игнорировать пожелания тех, кто уже отдал все силы, не жалея живота своего. Пришлите мне эксперта по управлению госпиталями.

Эксперта прислали. Ничего он с Сент-Олбансом

поделать не смог. Генерал Карпентер прочел рапорты и разжаловал его.

— Сострадание — первейшая составляющая цивилизации, — изрек генерал Карпентер. — Подать сюда главного хирурга.

Главный хирург явился. Унять царивший в Сент-Олбансе беспредел ему оказалось не по силам, и генерал Карпентер разжаловал его. К тому моменту в отчетах стала все чаще упоминаться палата «Т».

— Подать сюда заведующего палатой «Т», — приказал генерал Карпентер.

Из Сент-Олбанса прислали доктора — капитана Эдселя Диммока. Плечистый молодой человек рано облысел, всего три года как закончил медицинскую академию, но уже стал экспертом по психотерапии. Генерал Карпентер ценил экспертов. Он высоко оценил Диммока. Диммок же восторгался генералом как выразителем интересов культуры, для надлежащего восприятия которой молодой врач был слишком узко натаскан, но не терял надежд восполнить пробелы после победы.

— Итак, Диммок, — начал генерал Карпентер, — ныне мы все суть инструменты — отточенные, закаленные для определенных работ. Вам изве-

стен наш девиз: свое дело для каждого, и каждый для своего дела. В палате «Т» кто-то отлынивает от работы, и мы их вышвырнем. А теперь для начала расскажите мне, что, черт побери, собой представляет эта палата «Т»?

Диммок запинался и мямлил. Наконец он сумел объяснить, что в палате содержатся особые пациенты. Жертвы шока.

— Значит, там пациенты?

— Да, сэр. Десять женщин и четырнадцать мужчин.

Карпентер гневно потряс пачкой рапортов.

— А тут, со слов пациентов Сент-Олбанса, утверждается, что в палате «Т» никого нет.

Диммок удивился.

— Это не так, — заверил он генерала.

— Ну хорошо, Диммок. У вас там двадцать четыре больных. Их работа — выздоравливать. Ваша работа — лечить. Что, черт побери, так возмущает всех в госпитале?

— С-сэр, наверно, это потому, что мы их под замком держим.

— Вы держите палату «Т» под замком?

— Да, сэр.

— Почему?

— Чтобы пациенты ее не покинули, генерал

Карпентер.

— Не покинули? Что вы имеете в виду? Они пытаются сбежать? Они проявляют признаки агрессии или что-то в этом роде?

— Нет, сэр. Они не агрессивные.

— Диммок, не нравится мне ваш подход. Вы юлите и хитрите, как черт знает кто. И вот что еще мне не нравится, скажу я вам. Классификатор «Т». Я сверился с экспертом по делопроизводству медицинского управления армии: нет никакого классификатора «Т». Что вы там в своем Сент-Олбансе затеяли, а?

— С-сэр… э-э… мы сами изобрели классификатор «Т». Он… Они… Это весьма специфичные случаи, сэр. Мы не знаем, что с ними делать и как лечить. М-мы… Мы пытаемся не разглашать информацию о них, надеемся что-нибудь придумать, но это совсем новая ситуация, генерал Карпентер. Совершенно новая. — В Диммоке эксперт наконец одолел служаку. — Сенсационная! Господи, мы можем переписать историю медицины! Это величайшее открытие в истории.

— Что же вы открыли, Диммок? Конкретнее, пожалуйста.

— Гм, сэр, ну они там после шока. Они в отключке. Почти кататоническое состояние. Почти

не дышат. Медленный пульс. Не реагируют на раздражители.

— Я наблюдал тысячи таких шоковых состояний, — проворчал генерал Карпентер. — Что в них необычного?

— Да, сэр. То, что вы услышали, пока очень сходно со стандартными пациентами Q— и R-групп. Но есть и кое-что необычное. Они не едят и не спят.

— Совсем?

— Некоторые — совсем.

— Почему же тогда они не умирают?

— Мы не знаем. Метаболический цикл разорван, но нарушена лишь анаболическая компонента. Катаболическая продолжается. Иными словами, сэр, они выделяют отходы пищеварения, но ничего не принимают внутрь. Они устраняют усталостные яды и перестраивают изношенные ткани, но обходятся без сна. Одному Господу ведомо, как им это удается. Это просто фантастика.

— Почему тогда вы держите их взаперти? То есть я хотел сказать... Ага, вы подозреваете, что они воруют еду и спят где-то в других местах?

— Н-не совсем, сэр, — пристыженно пробормотал Диммок. — Не знаю, как вам это объяснить,

генерал Карпентер. Я… Мы их запираем, потому что там полнейшая чертовщина творится. Они… Короче, они исчезают.

— Они *что*?

— Исчезают, сэр. Растворяются в воздухе. Прямо на глазах.

— Да что вы городите?!

— Вы слышали меня, сэр. Сидят на койке или стоят, потом — фьють, и поминай как звали. Иногда в палате «Т» две дюжины человек, а порою никого. Они появляются и исчезают без цели и закономерности. Поэтому мы приказали запереть палату, генерал Карпентер. За всю историю войн и боевых ранений не случалось ничего подобного. Мы не понимаем, что предпринять.

— Доставьте мне троих пациентов из палаты «Т», — приказал генерал Карпентер.

Натан Райли съел тост по-французски с яйцами по-бенедиктински, выпил две кварты янтарного эля, выкурил сигару «Джон Дрю», деликатно рыгнул и покинул стол, за которым завтракал. Спокойным кивком приветствовал Джентльмена Джима Корбетта, который отвлекся от разговора с Алмазом Джимом Брэди, и перехватил Натана на пути к стойке.

— Как думаешь, Нэт, кто в этом году главный

приз возьмет? — поинтересовался Джентльмен Джим.

— «Доджерс», — ответил Натан Райли.

— У них же питчера нормального нет.

— У них Снайдер, Фурильо и Кампанелла. Поверь мне, Джим, в этом году они выиграют. Бьюсь об заклад, раньше, чем кто бы то ни было до них. К тринадцатому сентября самое позднее. Запиши. Проверь, угадал ли я.

— Ты всегда угадываешь, Нэт, — сказал Корбетт.

Райли улыбнулся, расплатился по счету, фланирующей походкой вышел на улицу и поймал конку до Мэдисон-сквер-гарден. Выйдя на углу Пятидесятой и Восьмой авеню, он поднялся по лестнице в букмекерскую контору над лавкой по ремонту радиоаппаратуры. Букмекер покосился на него, извлек конверт и отсчитал пятнадцать тысяч долларов.

— Рокки Марчиано побил Роланда Ла Старцу техническим нокаутом в одиннадцатом раунде, — прокомментировал он. — Нэт, какой дьявол тебе помогает так угадывать?

— Я этим на жизнь зарабатываю, — усмехнулся Райли. — Ставки на выборы принимаете?

— На Эйзенхауэра двенадцать к пяти. На Сти-

венсона…

— Адлай не в счет, — Райли положил на конторку двадцать тысяч. — Я за Айка. Запиши на меня.

Он покинул контору и отправился к себе в номер «Уолдорфа», где его, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, ожидал долговязый тощий юноша.

— Ах да, — произнес Натан Райли. — Вы ведь Форд, не так ли? Гарольд Форд.

— Генри Форд, мистер Райли.

— И вам нужны инвестиции в тот проект машины, которым вы у себя в велосипедной лавке занимаетесь. Как вы ее назовете?

— Я называю ее ипсимобилем, мистер Райли.

— Гм. Не нравится мне это название. Почему бы не попробовать… *автомобиль*?

— Отлично, мистер Райли. Так и сделаем.

— Вы мне нравитесь, Генри. Вы молоды, энергичны и гибки. Я верю в ваше будущее и верю в ваш автомобиль. Я вкладываю в ваше предприятие двести тысяч долларов.

Райли выписал чек и поторопил Генри Форда к выходу. Потом, взглянув на часы, внезапно почувствовал тягу вернуться и осмотреться, как там дела. Он прошел в спальню, разделся, натянул серую пижаму и серые брюки. Нагрудный

карман пижамы пересекали крупные голубые буквы: ГОСП. США.

Он закрыл дверь спальни и исчез.

Он возник в палате «Т» Сент-Олбанского госпиталя армии Соединенных Штатов, у своей койки, одной из двадцати четырех идентичных, стоявших вдоль стен длинного каркасного барака. Не успел он и выдохнуть, как его скрутили три пары рук. Не успел он и задуматься о сопротивлении, как ему вкололи через шприц полтора кубических сантиметра тиоморфата натрия.

— Первый пошел, — возвестил кто-то.

— Не расслабляйся, — сказал еще кто-то. — Генерал Карпентер велел троих сцапать.

Когда Марк Юний Брут покинул ее ложе, Лейла Мэйчен хлопнула в ладоши. Явились рабыни подготовить госпожу к омовению. Она помылась, оделась, надушилась и позавтракала фигами из Смирны, розовыми апельсинами и графином «лакрима кристи». Потом выкурила сигарету и велела подать паланкин.

У ворот ее дома, как всегда, было не протолкнуться от обожателей из Двадцатого легиона. Два центуриона оттолкнули носильщиков от шестов паланкина и водрузили их на свои широкие

плечи. Лейла Мэйчен усмехнулась. Юноша в сапфировом плаще рассек толпу и подбежал к ней. В его руке блеснул клинок. Лейла приготовилась встретить смерть с достоинством.

— Госпожа! — воскликнул он. — Госпожа Лейла!

Он разрезал кисть левой руки и запятнал кровью ее одеяние.

— Кровь моя — самое малое, что могу я принести тебе в дар! — возопил он.

Лейла нежно потрепала его по голове.

— Глупый мальчик, — проворковала она. — Ну зачем?

— Ради любви к вам, о госпожа!

— Сегодня вечером в девять я приму тебя, — прошептала Лейла. Он уставился на нее, и она, не выдержав, рассмеялась. — Обещаю. Как тебя зовут, красавчик?

— Бен Гур.

— Сегодня вечером в девять, Бен Гур.

Паланкин понесли дальше. Мимо Форума, жарко споря, проходили Юлий Цезарь и Марк Антоний, он же Энтони. Увидев паланкин, Юлий сделал резкий жест центурионам, и те замерли. Цезарь отдернул занавеси и уставился на Лейлу. Та окинула его безразличным взором. Лицо Це-

заря дернулось.

— Почему? — хрипло спросил он. — Я умолял, преклонялся, подкупал, плакал, но прощенья мне нет. Почему, Лейла? Почему?

— Помнишь ли ты Боудикку? — прошептала Лейла.

— Боудикку? Королеву бриттов? Господи, Лейла, какое значение она имеет для нашей любви? Я не любил Боудикку. Я лишь разбил ее в бою.

— И убил ее, Цезарь.

— Она отравилась, Лейла.

— Она была моей матерью, Цезарь! — Лейла вдруг наставила на Цезаря перст. — Убийца. Ты будешь покаран. Берегись мартовских ид, Цезарь!

Цезарь в ужасе отшатнулся. Толпа обожателей Лейлы одобрительно загалдела. Осыпаемая розовыми и фиолетовыми лепестками, продолжила она свой путь через Форум к храму весталок. Покинув влюбленных носильщиков, она вошла в святилище.

Перед алтарем Лейла преклонила колени, вознесла молитву, уронила щепотку благовоний в алтарное пламя и разделась. Осмотрев свое прекрасное тело в серебряном зеркале, она внезапно почувствовала укол ностальгии. Облачилась в

серую пижаму и серые брюки. Нагрудный карман пижамы пересекали буквы ГОСП. США.

Улыбнулась алтарю и исчезла.

Она появилась в палате «Т» армейского госпиталя Соединенных Штатов, где ей немедля вкатили через шприц полтора кубических сантиметра тиоморфата натрия.

— И вторая, — сказал кто-то.

— Еще кто-нибудь нужен.

Джордж Хэнмер выдержал драматическую паузу и окинул взглядом места оппозиции, спикера на мешке с шерстью, серебряную булаву на алой подушечке перед спикером. Весь парламент, словно загипнотизированный страстной речью Хэнмера, затаил дыхание, ожидая, что он скажет дальше.

— Мне больше нечего сказать, — проговорил Хэнмер наконец. Его душили эмоции. Лицо было мрачным и бледным. — Я буду сражаться за этот билль на приморских укреплениях. Я буду сражаться в городах малых и больших, в полях и деревнях. Я буду сражаться за этот билль не щадя живота своего и, если пожелает Господь, даже после смерти. Вызов это или мольба, предоставляю судить достопочтенным джентльменам в собрании, но в одном я уверен всецело и одно

могу утверждать. Суэцкий канал должен принадлежать Англии.

Хэнмер сел. Палата взорвалась. Приветствуемый возгласами восторга и аплодисментами, он пошел по коридору вдоль стены парламента, но был остановлен Глэдстоном, Каннингом и Пилом, которые поочередно пожали ему руку. Лорд Палмерстон смерил Хэнмера холодным взглядом, но Пэма оттеснил подковылявший Дизраэли — само обожание, сама энергичность.

— Перекусим в Тэттерсол-клубе, — сказал Диззи. — Моя машина ждет.

Леди Биконфилд сидела в «Роллс-Ройсе» рядом с палатами парламента. Она приколола примулу на лацкан Диззи и одобрительно потрепала Хэнмера по щеке.

— Вы, Джорджи, прошли долгий путь с той поры, как школяром задирали Диззи, — заметила она.

Хэнмер рассмеялся. Диззи затянул:

— Gaudeamus igitur…

Хэнмер подхватил старый студенческий гимн, и так они распевали всю дорогу к Тэттерсол-клубу. Диззи заказал жареные ребрышки с «Гиннессом», а Хэнмер поднялся на второй этаж клуба переодеться.

Ни с того ни с сего Хэнмера взяло желание вернуться и напоследок глянуть, как там дела. Вероятно, ему была ненавистна мысль о полном разрыве с прошлой жизнью. Он снял сюртук, желтый хлопковый жилет, крапчатые брюки, начищенные ботфорты и нижнее белье. Натянул серую пижаму, серые брюки и исчез.

Он возник в палате «Т» Сент-Олбанского госпиталя, где его тут же вырубили полутора кубиками тиоморфата натрия.

— Третий попался, — сказал кто-то.

— К Карпентеру их.

Их усадили в кабинете генерала Карпентера: рядового первого ранга Натана Райли, мастер-сержанта Лейлу Мэйчен и капрала второго ранга Джорджа Хэнмера. Они были в больничной серой одежде. Их дурманил тиоморфат натрия.

В кабинете было прибрано и ослепительно светло. Присутствовали эксперты по шпионажу, контрразведке, внутренней безопасности и центральной разведке. Увидев стальные лица безжалостного отряда специалистов, ожидавшего их с пациентами, капитан Эдсель Диммок содрогнулся. Генерал Карпентер встретил его мрачной усмешкой.

— Ну как, Диммок, не приходило тебе в голову,

что мы можем и не принять за чистую монету твой рассказ про исчезновения?

— Простите, с-сэр?

— Я тоже эксперт, Диммок. Я тебе сейчас все объясню. Война идет скверно. Очень скверно. У нас утечки разведданных. Твоя Сент-Олбанская история может быть связана с ними.

— Н-но они п-правда и-исчезают, я…

— Мои эксперты хотят поговорить с тобой и твоими пациентами об этом феномене исчезновения, Диммок. Начнут с тебя.

Эксперты взялись за Диммока с размягчителями подсознания, активаторами Ид и блокираторами Суперэго. Испытали все известные сыворотки правды, все формы физического и ментального нажима. Жалко скулящего Диммока трижды подводили к точке слома личности, но ломать было нечего.

— Пускай остынет пока, — скомандовал Карпентер. — Принимайтесь за пациентов.

Эксперты отнеслись к предложению надавить на уже больных мужчин и женщин без всякого энтузиазма.

— О боже, хватит целок из себя корчить! — вспылил Карпентер. — Мы сражаемся во имя цивилизации. Мы обязаны защитить наши идеа-

лы и за ценой не постоим. За работу!

Эксперты по шпионажу, контрразведке, внутренней безопасности и центральной разведке взялись было за работу. И, словно три свечи, истаяли и пропали рядовой первого ранга Натан Райли, мастер-сержант Лейла Мэйчен и капрал второго ранга Джордж Хэнмер. В предыдущее мгновение сидели они на стульях в атмосфере жестокости и насилия, а в следующее их не стало.

Эксперты ахнули. Генерал Карпентер же сделал широкий жест. Он поспешил к Диммоку.

— Капитан Диммок, я приношу вам свои извинения. Полковник Диммок, вы повышены в чине за открытие чрезвычайной важности… боже, что я несу? Нам бы самим для начала провериться.

Карпентер щелкнул тумблером интеркома.

— Вызовите эксперта по боевым травматическим шокам и психиатра.

Два эксперта явились и получили вводную. Они обследовали свидетелей и пришли к выводу.

— У вас легкая форма шока, — заявил специалист по боевым шокам. — Выгорание на войне.

— Вы хотите сказать, что это не мы своими глазами видели их исчезновение?

Эксперт по шокам покачал головой и посмотрел на психиатра, который тоже покачал головой.

— Массовая галлюцинация, — заявил психиатр.

В этот момент вернулись рядовой первого ранга Натан Райли, мастер-сержант Лейла Мэйчен и капрал второго ранга Джордж Хэнмер. В предыдущее мгновение они были плодами массовой галлюцинации, а в следующее сидели на стульях в атмосфере всеобщего смятения.

— Накачайте их снова, Диммок! — крикнул Карпентер. — По галлону всем!

Он щелкнул тумблером интеркома.

— Мне нужны все доступные эксперты. Срочное совещание в моем кабинете. Сейчас же.

Тридцать семь экспертов, каждый — закаленное и отточенное орудие, изучили пребывавших без сознания больных и три часа напролет обсуждали их. Кое в чем сомневаться не приходилось. Очевидно, это новый фантастический синдром, спровоцированный новыми фантастическими ужасами войны. С развитием боевой техники меняется и реакция жертв на ее применение. На каждое действие существует равное по силе противодействие. Согласны? Согласны.

Новый синдром, очевидно, связан с телепортацией… с властью сознания над пространством.

Очевидно, пережитый в бою шок повредил

определенные функции мозга, но высвободил иные, доселе неведомые. Согласны? Согласны.

Очевидно, пациенты способны возвратиться лишь в ту точку, откуда исчезли, в противном случае они бы не возвращались ни в палату «Т», ни в кабинет генерала Карпентера. Согласны? Согласны.

Очевидно, пациенты принимают пищу и спят там, куда отправляются, поскольку в палате «Т» им ни то ни другое не нужно. Согласны? Согласны.

— Надо еще вот какую деталь учесть, — заметил полковник Диммок. — Они возвращаются в палату «Т» все реже. Поначалу они исчезали и появлялись ежедневно. Теперь многие отсутствуют неделями и возвращаются лишь от случая к случаю.

— Неважно, — сказал Карпентер. — Куда они отправляются?

— Телепортируются в стан врага? — предположил кто-то. — Это бы объяснило утечку разведданных.

— Пусть разведка проверит это, — бросил Карпентер. — Испытывает ли враг такие же трудности, к примеру, с военнопленными, которые исчезают и появляются снова в лагерях? Если да,

там могут быть и наши, из палаты «Т».

— Возможно, они попросту домой отправляются, — предположил полковник Диммок.

— Пускай управление внутренней безопасности проверит это, — приказал Карпентер. — Выяснить обстоятельства гражданской жизни и круг общения всех двадцати четырех исчезавших пациентов. А теперь обсудим действия в палате «Т». У полковника Диммока есть план.

— Установим в палате «Т» шесть дополнительных коек, — пояснил Эдсель Диммок. — Мы отправим туда шестерых экспертов, они будут жить в палате и наблюдать за происходящим. Информацию придется добывать у пациентов косвенными методами. Когда те в сознании, они впадают в кататонию и не реагируют на раздражители, а под наркотиками не отвечают на вопросы.

— Господа, — подытожил Карпентер, — мы имеем дело с потенциально величайшим открытием за историю военного искусства. Нет нужды объяснять вам, какое значение имела бы телепортация в тыл врага. Мы выиграем Войну за Американскую Мечту в один день, если добудем секрет, заточенный в этих расколотых умах. Мы обязаны добыть его!

Эксперты корпели, безопасники проверяли, разведчики выискивали. Шестерка закаленных и отточенных инструментов прибыла в палату «Т» госпиталя Сент-Олбанс и постепенно освоилась в обществе исчезающих пациентов, которые отсутствовали все дольше. Напряжение нарастало.

Безопасники отчитались, что за последний год ни одного случая необъяснимого появления в Америке не отмечено. Разведчики доложили, что у врага сходных проблем с собственными контуженым или военнопленными вроде бы не наблюдается.

Карпентер встревожился.

— Это совершенно новая область! У нас нет экспертов, способных с нею справиться. Придется разработать новые инструменты.

Он щелкнул тумблером интеркома.

— Свяжите меня с университетом, — приказал он.

Ему вызвали Йель.

— Мне нужны эксперты по вопросам паранормального восприятия. Подготовьте их, — велел Карпентер.

И тут же в Йельском университете ввели три новых специальности: чудотворца, экстрасенса и телекинетика.

Первый прорыв наступил, когда один из заточенных в палате «Т» специалистов обратился за содействием к другому эксперту. А именно, к гранильщику драгоценных камней.

— За каким хреном? — потребовал объяснений Карпентер.

— Он предполагает, что уловил обрывок беседы о драгоценном камне, — объяснил полковник Диммок. — Но ни с чем ему известным связать не может. Он специалист по кадрам.

— А ему и не положено, — с одобрением отвечал Карпентер. — Свое дело для каждого, и каждый для своего дела. — Он потянулся к интеркому. — Гранильщика мне!

Эксперта-гранильщика вызвали из армейских арсеналов и попросили определить природу алмаза под названием «Джим Брэди». Он не смог.

— Попробуем иначе, — сказал Карпентер и щелкнул тумблером интеркома. — Семантика мне!

Семантик отвлекся от работы в отделе военной пропаганды, но слова «Джим Брэди» ему ничего не сказали. Просто имена. Не больше. Он посоветовал генеалогиста.

Генеалогисту дали отгул на один день с работы в Комиссии по выявлению неамериканских пред-

ков, но фамилия Брэди ему ни о чем не сказала. Он смог лишь констатировать, что она вполне обычна в Америке уже пятьсот лет. Он предложил обратиться к археологу.

Археолога отпустили из картографической дивизии десантных войск, и он не замедлил установить, кто такой Алмаз Джим Брэди. Это оказалась историческая личность, известная в Малом Старом Нью-Йорке в период между губернаторствами Питера Стёйвезанта и Фьорелло Ла Гуардии.

— Иисусе! — изумился Карпентер. — Это же много веков назад. Откуда Натан Райли такую древность выкопал? Лучше ступайте к экспертам в палату «Т» и разберитесь.

Археолог отправился в палату «Т», разобрался, проверил справочные источники и составил отчет. Карпентер прочел его и был потрясен. Потом созвал экстренное совещание штаба экспертов.

— Господа, — возвестил он, — палата «Т» таит нечто большее, чем телепортация. Контуженые пациенты вытворяют нечто куда удивительней… и гораздо значимей. Господа, они путешествуют во времени.

Присутствующие неуверенно зашушукались. Карпентер энергично закивал.

— О да. Путешествие во времени, вот с чем мы имеем дело. Открытие пришло не оттуда, где мы бы ожидали его совершить… стало не результатом экспертных исследований дипломированных специалистов. Оно явилось как побочный эффект погибели… инфекции… военного мора… травмы, понесенной рядовыми людьми. Прежде чем продолжать, я ознакомлю вас с докладами.

Штабисты уткнулись в размноженные для них материалы. Рядовой первого ранга Натан Райли отправляется в Нью-Йорк начала двадцатого века; мастер-сержант Лейла Мэйчен… посещает Рим первого века; капрал второго ранга Джордж Хэнмер… путешествует в Англию девятнадцатого века. И все остальные пациенты, общим числом двадцать четыре, сбегают от ужасов и тревог современной войны двадцать второго столетия в… Венецию к дожам, на Ямайку к буканьерам, в Китай династии Хань, в Норвегию Эйрика Рыжего и так далее, в любую эпоху и любое место мира.

— Вряд ли стоит объяснять колоссальную значимость этого открытия, — подчеркнул генерал Карпентер. — Задумайтесь, что может значить для исхода войны шанс послать армию назад во времени на неделю, месяц или год. Мы могли бы

выиграть войну еще до ее начала. Мы могли бы защитить нашу Мечту… поэзию и красоту, утонченную американскую культуру… от варварства, не подвергая ее опасностям.

Присутствующие попытались осмыслить задачу победы в битве еще до ее начала.

— Ситуацию осложняет тот факт, что мужчины и женщины из палаты «Т» не в своем уме. Они, возможно, понимают, на чем основаны их способности, а может, и нет. В любом случае общаться с экспертами, которые бы низвели чудо до методики, они не в состоянии. Ключ предстоит найти нам. Они не помощники.

Закаленные и отточенные специалисты неуверенно переглядывались.

— Нам нужны эксперты, — продолжил генерал Карпентер. Штабисты расслабились. Они снова нащупали твердую почву. — Нам потребуются нейромеханик, кибернетик, психиатр, анатом, археолог и первоклассный историк. Они войдут в этот бедлам и не покинут его, пока не справятся с заданием. Они должны овладеть секретом путешествий во времени.

Первую пятерку экспертов без труда отыскали в других армейских подразделениях. Вся Америка стала огромным ящиком для закаленных

и отточенных инструментов-специалистов. Однако первоклассного историка обнаружить не удавалось, пока на помощь армии не пришла Федеральная пенитенциарная служба и не отпустила доктора Брэдли Скрима из лагеря, где он отбывал двадцать лет каторжных работ. Доктор Скрим был язва и циник. Он занимал пост декана философско-исторического факультета Западного университета, пока не распустил язык насчет Американской Мечты. За это его приговорили к двадцати годам каторги.

Скрим все еще ершился, но перспектива поучаствовать в разгадке тайны палаты «Т» заинтриговала его.

— Я же не эксперт, — бросил он. — В окутанной мраком нации экспертов я, вероятно, последний стрекочу, словно кузнечик в муравейнике.

Карпентер щелкнул тумблером интеркома.

— Энтомолога мне! — приказал он.

— Не утруждайте себя, — сказал Скрим. — Я объясню. Вы — муравьиная куча. Работаете, совершенствуетесь, специализируетесь. Ради чего?

— Ради Американской Мечты, — энергично отвечал Карпентер. — Мы сражаемся для защиты поэзии, культуры и образования, во имя Лучшего в Жизни.

— Вы сражаетесь, чтобы защитить меня, — сказал Скрим. — Я тоже посвятил этому свою жизнь. И что вы со мной сделали? В кутузку упекли.

— Вас признали виновным в пособничестве врагу и симпатиях вражеской идеологии, — сказал Карпентер.

— Меня обвинили в том, что я верю в Американскую Мечту, — ответил Скрим. — Иными словами, в том, что у меня своя голова на плечах.

Таким же ершистым Скрим остался в палате «Т». Он просидел там сутки, отведал три вкусных блюда, прочитал рапорты, швырнул их на пол и стал вопить, чтоб его выпустили.

— Свое дело для каждого, и каждый для своего дела, — сказал ему полковник Диммок. — Вы не выйдете отсюда, пока не овладеете тайной путешествий во времени.

— Нет здесь такой тайны, как вам надо, — сказал Скрим.

— Они перемещаются во времени?

— И да и нет.

— Ответ должен быть однозначным. Да или нет. Вы уходите от…

— Послушай, — устало перебил его Скрим. — Ты по какому делу спец?

— Психотерапия.

— Тогда как ты, блин, вообще можешь понять, о чем я говорю? Это ж философская концепция. Уверяю, нет тут никакой тайны, полезной в военном деле. Нет тайны, полезной для группового применения. Это секрет чисто индивидуальный.

— Я не понимаю.

— Я и не ожидал, что поймешь. Отведи меня к Карпентеру.

Скрима доставили в кабинет Карпентера. Он зловеще усмехнулся генералу и огляделся — рыжеволосый, тощий от голодухи дьявол.

— Мне потребуется десять минут, — сказал Скрим. — Можешь на это время оторваться от своего ящика с инструментами?

Карпентер кивнул.

— Слушай внимательно. Я дам тебе все ключи к чему-то столь масштабному, странному и новому, что потребуется вся твоя соображалка, чтобы осмыслить его.

Карпентер выжидал.

— Натан Райли отправляется назад во времени в начало двадцатого века. Там он живет жизнью самой смелой мечты. Он крупный игрок, друг Алмаза Джима Брэди и прочих. Он зашибает деньги на ставках, потому что заранее знает исход событий. Он ставит на победу Эйзенхауэра

на президентских выборах и выигрывает. Он выигрывает, поставив на то, что титулованный боксер Марчиано побьет другого титулованного боксера, Ла Старцу. Он удачно инвестирует в автомобильную компанию Генри Форда. Вот они, ключи. Они тебе о чем-нибудь говорят?

— Без помощи социолога — нет, — ответил Карпентер и потянулся к интеркому.

— Не переживай, я объясню. Попробуем другие ключи. Скажем, вот Лейла Мэйчен, которая сбегает в Римскую империю и живет там жизнью своей мечты как роковая женщина. Все мужики у ее ног: Юлий Цезарь, Брут, весь Двадцатый легион, мужчина по имени Бен Гур. Видишь ошибку?

— Нет.

— Вдобавок она курит сигареты.

— И что? — произнес Карпентер после паузы.

— Я продолжаю, — сказал Скрим. — Джордж сбегает в Англию девятнадцатого века. Он там член парламента и друг Глэдстона, Каннинга, Дизраэли. Последний катает его на своем «Роллс-Ройсе». Ты в курсе, что такое «Роллс-Ройс»?

— Нет.

— Это такая модель автомобиля была. Ты еще не понял?

— Нет.

Скрим встал и начал в нетерпении мерить шагами кабинет.

— Карпентер, это открытие более значимо, нежели телепортация или путешествие во времени. Это спасение рода человеческого, и я не преувеличиваю. Две дюжины контуженых в палате «Т» вбомбило термоядерным взрывом в нечто настолько масштабное… неудивительно, что твои специалисты и эксперты не в состоянии его понять.

— Скрим, да что же может быть значимей путешествий во времени?!

— Карпентер, слушай сюда. Эйзенхауэр не баллотировался в президенты вплоть до середины двадцатого века. Натан Райли не мог быть другом Алмазу Джиму Брэди и одновременно ставить на победу Эйзенхауэра в предвыборной гонке… потому что Брэди умер за четверть столетия до того, как Айк стал президентом. Марчиано побил Ла Старцу спустя пятьдесят лет после основания Генри Фордом автомобильного бизнеса. Путешествие Натана Райли во времени пестрит подобными анахронизмами.

Карпентер озадаченно глядел на него.

— Лейла Мэйчен не могла взять в любовники Бен Гура. Бен Гура в Риме никогда не было. Его

вообще никогда не существовало. Он персонаж романа. Она не могла курить. Тогда у них не было табака. Видишь? Новые анахронизмы. Дизраэли не мог бы прокатить Джорджа Хэнмера на «Роллс-Ройсе», потому что автомобиль изобрели спустя много лет после смерти Дизраэли.

— Ты что несешь? — воскликнул Карпентер. — Хочешь сказать, они всё выдумали?

— Нет. Не забывай, им не нужен сон. Они не принимают пищу. Они не лгут. Они действительно отправляются в прошлое. Там едят и там спят.

— Но ты ведь заявил, что их рассказы не выдерживают критики. Что они полны анахронизмов.

— Потому что они перемещаются в прошлое, каким себе его представляют. У Натана Райли своя картина Америки начала двадцатого века. Она ошибочна и полна анахронизмов, потому что он не ученый; однако для него реальна. Он может там жить. И остальные в своих.

Карпентер вытаращился на него.

— Концепция с трудом поддается осмыслению. Они открыли, как превращать мечту в реальность. Они узнали, как перемещаться в реальность, созданную их воображением. Они могут остаться там и жить, вероятно, вовеки. Господи, Карпентер, вот она, ваша Американская

Мечта. Чудо, бессмертие, творение по образу и подобию Божьему, власть ума над материей… Его необходимо исследовать. Его нужно изучить. Его надо даровать миру.

— А ты это можешь, Скрим?

— Нет. Я историк. Я не творческая натура, это выходит за пределы моих возможностей. Вам нужен поэт… человек, понимающий, как воплощать мечты. От воплощения мечты на бумаге или холсте недолог путь до овеществления мечты в реальности.

— Поэт? Ты серьезно?

— Конечно серьезно. Ты не знаешь, кто такие поэты? Вы нам пять лет талдычили, что война ведется во имя защиты поэтов.

— Скрим, ну не вредничай. Я…

— Отправь в палату «Т» поэта. Он узнает, как они это делают. Только он способен. Поэт и сам в какой-то мере уже владеет этим искусством. Когда поймет, то научит ваших психологов и анатомов. А они смогут научить нас. Но поэт — единственный мыслимый интерпретатор, связующее звено между контуженными и твоими экспертами.

— Скрим, я думаю, ты прав.

— Тогда не тяни, Карпентер. Твои пациенты

возвращаются в наш мир все реже и реже. Необходимо выведать секрет, прежде чем они исчезнут навсегда. Пошли в палату «Т» поэта.

Карпентер щелкнул тумблером интеркома.

— Поэта мне! — приказал он.

Он ждал, ждал… ждал… пока Америка лихорадочно перебирала свои двести девяносто миллионов закаленных и отточенных экспертных инструментов, призванных защитить Американскую Мечту о красоте, поэзии и Лучшем в Жизни. Он ждал, пока ему разыщут поэта, и не понимал, отчего так тянут, почему поиск не дает результатов, не понимал, почему Брэдли Скрим покатывается со смеху над этим заключительным, воистину роковым исчезновением.

Адам без Евы

Крэйн знал, что тут должен быть берег моря. Об этом ему говорили как инстинкт, так и нечто большее: обрывки знания, липшие к его разгоряченному лихорадкой, истерзанному мозгу; звезды, все еще видимые по ночам в редких облачных прорехах; компас, чей дрожащий перст продолжал указывать на север. Вот это самое странное, подумал Крэйн. Вопреки разгулу хаоса Земля сохранила ориентацию полюсов.

Берега больше не было; моря тоже не было. Лишь блеклая полоска бывшей скалы тянулась к северу и югу на неисчислимые мили. Полоска серого пепла. Серый пепел и зола окружали его повсюду; серый пепел протянулся впереди, насколько хватало глаз. Мелкий, словно сквозь сито просеянный, пепел вздымался до колен, вихрился при каждом движении и мешал дышать. Под безумными порывами ветра зола скучивалась в плотные облака. Когда — часто — лили дожди, огарки обращались в вязкий ил.

В небе ярились вихри. Вздымались черные тучи, пронизываемые косыми лучами стремительно марширующего по земле солнечного

света. Там, где луч ударял в бурю золы, танцевали и искрились мелкие частицы. Там, где сияние касалось дождя, возникали радужные арки. Шел дождь; задували бури золы; сверху вниз бил свет — вместе они слагали нескончаемые пазлы черно-белого насилия. Так проходили месяцы. Над каждой милей широкой Земли.

Крэйн миновал край усыпанных пеплом скал и пополз вниз, по ровному склону, бывшему некогда океанским дном. Он так долго странствовал, что потерял всякое ощущение боли. Он обдирал локти, подтягивая тело вперед. Потом подтягивал правое колено и снова отталкивался локтями. Локти, колено, локти, колено. Он забыл, что такое ходьба.

Жизнь, осоловело размышлял он, чудесна. Жизнь ко всему приспосабливается. Если нужно ползти, ползет. На коленях и локтях образуются мозоли. Шея и плечи укрепляются. Ноздри учатся высмаркивать пепел прежде, чем тот попадет в легкие. Раненая нога раздувается и опухает. Немеет, чтобы вскоре сгнить и отвалиться.

— Простите, — сказал Крэйн. — Я не до конца понимал, как…

Он уставился на высокую фигуру впереди и попытался осмыслить слова. Это был Холмай-

ер. В запятнанном лабораторном халате, седой, всклокоченный, Холмайер сохранял равновесие на слое пепла, и Крэйн задумался, почему крутящиеся облачка золы видны сквозь его тело.

— Ну и как тебе нравится твой мир, Стивен? — спросил Холмайер. Крэйн жалко помотал головой.

— Не слишком красиво, э? — сказал Холмайер. — А ты оглянись. Пыль, и больше ничего. Прах и пыль. Ползи, Стивен, ползи. Ты не найдешь ничего, кроме пыли и праха…

Холмайер откуда-то извлек бокал воды. Холодной, чистой воды. Крэйн увидел, как формируется на поверхности легкий налет росы, и у него пересохшая глотка словно наждачкой покрылась.

— Холмайер! — вскричал он. Попытался подняться, дотянуться к воде, но вспышка боли в правой ноге остановила его. Он снова присел на корточки.

Холмайер отпил воды и плюнул ему в лицо. Влага была теплой.

— Продолжай ползти, — проговорил Холмайер горько. — Если хочешь, проползи вокруг света. Не найдешь ничего, кроме пыли и праха… — Он опорожнил бокал на землю перед Крэйном. — Продолжай ползти. Сколько миль? Сам посчитай.

πD. Диаметр около восьми тысяч…

Он исчез. Вместе с ним исчезли халат и бокал. Крэйн осознал, что дождь возобновился. Прижавшись лицом к теплой грязи, он раскрыл рот и попытался высосать влагу. Он застонал. Потом снова пополз. Его гнал инстинкт. Нужно было куда-то добраться. К чему-то, связанному с морем — с краем моря. На побережье его что-то ждет. Оно поможет понять все случившееся. Нужно достичь моря, если море еще сохранилось где-нибудь.

Гроза стегала его спину, словно тяжелыми бичами. Крэйн остановился, перетянул рюкзак на бок, чтобы можно было копаться в нем одной рукой. Рюкзак содержал ровно три предмета: револьвер, плитку шоколада и банку консервированных персиков. Все, что осталось от двухмесячного запаса. Шоколад набух и пошел плесневыми пятнами. Крэйн понимал, что лучше съесть его сейчас, пока в плитке сохраняется хоть какая-то питательная ценность. Но может случиться, что на следующий день ему уже не достанет сил вскрыть консервную банку. Он вытащил банку из рюкзака и накинулся на нее с открывашкой. Когда Крэйну удалось пробить жестяную крышку и отогнуть ее, дождь уже прекратился.

Жуя фрукты и потягивая сок, он наблюдал, как марширует по склону бывшего океанского берега дождевая стена впереди. Ил впитывал потоки воды и размякал. Уже возникли небольшие каналы, которым однажды суждено будет превратиться в реки. Но этого дня Крэйн не увидит. И ни одно живое существо в мире не увидит. Отшвырнув пустую банку в сторону, Крэйн подумал, что тем самым завершает последнюю трапезу последнего живого существа на Земле. Последняя метаболическая драма.

За дождем пришел ветер. Крэйн выучил эту закономерность за бесконечные недели перемещения ползком. Ветер явится через несколько минут, окутает его тучами золы и пепла. Он пополз вперед, слезящимися глазами изучая бесструктурные серые мили ландшафта в поисках укрытия.

Эвелин коснулась его плеча.

Крэйн еще не повернул головы, а уже понял, что это она. Она остановилась рядом с ним, веселая, ясная и свежая, в платье ярких цветов, но прекрасное лицо ее было омрачено тревогой.

— Стивен, — произнесла она, — поспеши!

Он мог лишь восторженно любоваться ее вол-

нистыми медовыми волосами до плеч.

— Дорогой, тебе больно! — воскликнула она и быстрыми ласковыми движениями ощупала его спину и ноги.

Крэйн только кивнул.

— Я приземлился неудачно, — сказал он. — Не привык к парашюту, ни разу не пользовался им. Я всегда полагал, что приземление будет аккуратным, как на постель опуститься. Но серая земля ударила мне навстречу, точно кулак. А Умбрик вырывался у меня из рук… Я же не мог его выпустить, правда?

— Конечно же нет, дорогой, — сказала Эвелин.

— Поэтому я просто сжимал его и пытался убрать ноги под себя, — сказал Крэйн. — А потом что-то врезалось мне в ноги и бок…

Он помолчал, размышляя, как много о случившемся ей уже может быть известно. Не хотелось ее пугать.

— Эвелин, дорогая… — сказал он, пытаясь поднять руки.

— Нет, милый. — Она испуганно оглянулась. — Тебе нужно спешить. Озирайся!

— Чего мне бояться? — скорчил он гримасу. — Пылевых бурь? Я уже с ними сталкивался.

— Не бурь! — воскликнула Эвелин. — Чего-то

еще. О Стивен…

Она исчезла, но Крэйн понимал, что сказанное ею было правдой. Его что-то догоняло — преследовало все эти недели. Краем сознания он чуял зловещее присутствие силы, надвигавшейся на него подобно савану. Он покачал головой, дивясь собственным мыслям. Он ведь последнее живое существо на Земле. Что может ему угрожать?

Ветер взревел у него за спиной и мгновением позже принес мощные облака пыли и золы. Они накатили на Крэйна, кожу засаднило. Помутившимися глазами он смотрел, как ил покрывается ровным тонким ковром пепла. Крэйн подогнул колени под себя и обхватил голову руками. Используя рюкзак вместо подушки, он приготовился переждать шторм. Ураган пройдет так же быстро, как до того — ливень.

Шторм взбудоражил его больную голову. Как ребенок, перебирал он фрагменты воспоминаний, пытался сложить их воедино. Почему Холмайер так холоден к нему? Ну ведь не из-за той же перепалки, правда?

Какой перепалки?

Ну этой, которая случилась еще до всего…

А, этой!

Внезапно фрагменты сложились в нужную

комбинацию.

Крэйн стоял рядом с кораблем и наслаждался величественным зрелищем. Крышу ангара разобрали, и нос судна, покоившегося в земной своей колыбели, указывал теперь в небеса. Рабочий аккуратно начищал внутренние поверхности ракетных дюз.

Приглушенные звуки спора донеслись изнутри, за ними последовал тяжелый удар. Крэйн взбежал по короткому железному трапу и сунулся в люк. В нескольких футах под ним двое рабочих запихивали на предназначенные позиции удлиненные баки с раствором трехвалентной железистой соли.

— Эй, вы, поаккуратней! — окликнул их Крэйн. — Хотите мне корабль развалить?

Один из рабочих поднял голову и ухмыльнулся. Крэйн прочел его мысли. Корабль-де и сам развалится. Это все говорили. Все, кроме Эвелин. Она-то в него верила. Холмайер, кстати, отмалчивался, но тоже считал его безумцем, хотя и по иной причине. Спускаясь по трапу, Крэйн увидел, как Холмайер входит в ангар. Лабораторный халат развевался за его спиной.

— Адвокат дьявола, — пробормотал Крэйн.

Завидев Крэйна, Холмайер сей же миг перешел

на крик.

— А теперь послушай!..

— Не начинай снова, — произнес Крэйн.

Холмайер выудил из кармана стопку листов и стал махать ими перед носом Крэйна.

— Я полночи не спал, все расчеты перепроверял, — сказал он. — И гарантирую, что я прав. Я абсолютно прав.

Крэйн пролистал исписанные плотными строчками уравнений листы и посмотрел в налитые кровью глаза Холмайера. Тот явно обезумел от ужаса.

— В последний раз предупреждаю тебя, — начал Холмайер. — Ты собираешься использовать новый катализатор в железосодержащем растворе. Отлично. Это поразительное открытие, чего спорить. Ты молодец.

Поразительное? Слабо сказано. Любой чести Крэйну будет за него мало, он это понял, как только наткнулся. А наткнуться на катализатор, индуцирующий атомную дезинтеграцию железа с выделением 10×10^{10} фут-фунтов[22] энергии из каждого грамма топлива, можно было лишь случайно. Человек недостаточно сообразителен,

---

[22] Примечания: 22

Один фут-фунт в англо-американской инженерной системе единиц соответствует примерно 1.36 Дж энергии.

чтобы теоретически до такого додуматься.

— Думаешь, у меня не получится? — спросил Крэйн.

— К Луне долететь? Облететь Луну? Возможно. Твои шансы — пятьдесят на пятьдесят. — Холмайер взъерошил пальцами длинные тонкие волосы. — Но, Стивен, я же не за тебя тревожусь, ради бога… Если хочешь покончить с собой, ты в своем праве. Я за Землю переживаю…

— Чушь. Ступай домой и спи спокойно.

— Послушай… — Холмайер трясущейся рукой указал на расчеты. — Как бы эффективна ни была система смешивания и подачи, стопроцентного выхода добиться не получится.

— Потому и вероятность успеха пятьдесят на пятьдесят, — ответил Крэйн. — И что же тебя так беспокоит?

— Утечка катализатора из ракетных дюз. Ты хоть понимаешь, что случится, если хотя бы капля упадет на Землю? Запустится цепь распада атомов железа, которая охватит весь земной шар. В нее будет вовлечен каждый атом железа, а железо присутствует повсюду. Не останется Земли, куда ты бы мог возвратиться…

— Мы все это уже проходили, — устало перебил его Крэйн.

Он подвел Холмайера к основанию ракетной установки. Железная решетка перегораживала выложенную огнеупорным кирпичом яму глубиной двести футов и шириной пятьдесят.

— Это для стартового выхлопа. Если катализатор и просочится, то упадет в яму, и вторичные реакции о нем позаботятся. Ты доволен?

— Но в полете, — настаивал Холмайер, — ты все еще будешь представлять собой угрозу Земле, пока не покинешь ее предел Роша. Каждая капля еще не сработавшего катализатора в конце концов упадет обратно на почву, и…

— Я тебе в самый последний раз поясняю, — мрачно проговорил Крэйн, — что пламя ракетного выхлопа обо всем позаботится. Окутает любые просочившиеся частицы и уничтожит их. А теперь выметайся. Мне работать нужно.

Он подтолкнул Холмайера к выходу. Тот протестующе возопил и взмахнул руками.

— Я тебе не позволю! — повторял Холмайер снова и снова. — Я найду способ тебя остановить. Я тебе не дам…

Работа? Нет, безудержная интоксикация, обретаемая в трудах над кораблем. Корабль был утонченно прекрасен, как любое совершенное творение. Как сверкающие доспехи, сбалан-

сированная рапира или пара подобранных пистолетов. Вытирая руки после завершающих штрихов, Крэйн не испытывал страха перед неудачей и смертью.

Ракета, готовая пронзить небеса, покоилась в своей колыбели. Пятьдесят футов стали слагали ее изящный стан, головки болтов сверкали, точно драгоценные камни. Тридцать футов займет топливо, предназначенное к сочетанию с катализатором. Большую часть переднего отсека — пружинный гамак, который, по плану Крэйна, должен был смягчить начальные перегрузки. Нос ракеты состоял из цельного естественного кварца и смотрел в небо, словно глаз циклопа.

Крэйн подумал, что корабль не переживет полета. Вернется на Землю в громовом и пламенном вихре, разобьется о ее поверхность, ибо методики безопасного возврата ракет пока не существует. Но оно того стоит. Одного величественного полета ему хватит. Одной дерзновенной вылазки в неведомое…

Запирая дверь мастерской, Крэйн услышал крик Холмайера от коттеджа через поле. В предвечернем сумраке он увидел, как яростно машет ему коллега. Торопясь к дому среди острых стеблей, он глубоко вдыхал холодный воздух и

преисполнялся благодарности за то, что жив.

— Эвелин звонит, — сказал Холмайер.

Крэйн уставился на него. Холмайер вел себя как-то странно и ответного взгляда избегал.

— Что ты задумал? — спросил Крэйн. — Я думал, мы договорились, что она не станет звонить… не попытается добраться до меня прежде, чем ракета будет готова к старту? Это ты ее надоумил? Ты надеешься остановить меня таким образом?

Холмайер проронил:

— Нет.

И взялся увлеченно изучать индиговый горизонт.

Крэйн прошел к себе в кабинет и поднял трубку.

— А теперь послушай, дорогая, — сказал он без предисловий, — нет сейчас никакого смысла тревожиться, я тебе говорю. Я все распланировал очень тщательно. Незадолго до крушения я выброшусь на парашюте и спланирую на землю счастливо и легко, как пушинка. Я тебя очень люблю. Увидимся в среду, перед запуском. Так долго ждать…

— Пока, любимый, — сказал ясный голос Эвелин. — Ты за этим меня вызвал?

— Вызвал тебя?!

Коричневая туша отделилась от каминного коврика и привстала на сильных лапах. Умбрик, немецкий дог Крэйнов, принюхался к воздуху, скосил ухо и жалобно заскулил.

— Ты сказала, я тебя вызвал? — вскричал Крэйн.

Из пасти Умбрика вдруг донесся рык. Одним прыжком достигнув Крэйна, он заглянул в лицо хозяину и принялся стонать и рычать одновременно.

— Умолкни, чудовище! — воскликнул Крэйн и отпихнул Умбрика ногой.

— Дай Умбрику от меня пинка, — рассмеялась Эвелин. — Да, дорогой, кто-то позвонил и сказал, что ты хочешь со мной поговорить.

— А, э-э... Да, хорошо, милая, я тебе еще позвоню.

Крэйн повесил трубку, с подозрением приглядываясь к неуверенным движениям Умбрика. Через окна сочился слабый мерцающий оранжевый свет позднего вечера, плясали тени. Умбрик вгляделся в этот свет, снова принюхался и опять зарычал. Крэйн вдруг сообразил и подскочил к окну.

По ту сторону полей вознеслась к небу слитная огненная масса, пожирая стремительно рушащи-

еся стены ангара. Очерченные на фоне пламени тенями, кинулись врассыпную полдюжины человек.

— О боже! — возопил Крэйн.

Он вылетел из коттеджика и кинулся к ангару в сопровождении тыкавшегося под ноги Умбрика. На бегу он заметил, что грациозный нос звездолета все еще кажется холодным и нетронутым в жарком пламени. О, если бы только поспеть туда прежде, чем огонь размягчит металл и займется заклепками…

Подбежали рабочие, грязные и запыхавшиеся. Крэйн воззрился на них в ярости, смешанной с изумлением.

— Холмайер! — крикнул он. — Холмайер!

Холмайер протолкался к нему через толпу. Глаза его горели диким торжеством.

— Жаль, очень жаль, Стивен, — проговорил он. — Скверно вышло.

— Ах ты свинья! — заорал Крэйн. — Ты, трусливый старый подонок!

Он сгреб Холмайера за отвороты халата и один раз встряхнул. Потом отшвырнул и заторопился к ангару.

Холмайер что-то прокричал, и в следующее мгновение в Крэйна врезалось чье-то тело: уда-

рило по щиколоткам и повалило наземь. Он тут же вскочил, сжав кулаки. Подлетел Умбрик и зарычал, заглушая рев пожара. Крэйн ударил нападавшего в лицо и увидел, как тот пошатнулся, на миг отключившись. Яростным пинком отправил на землю последнего из пытавшихся ему помешать, пригнулся и влетел в ангар.

Поначалу пламя показалось ему даже холодным, но, достигнув трапа и начав подъем к люку, он ощутил ожоги и завопил в агонии. Умбрик выл у подножия. Крэйн понял, что пес не сумеет увернуться от выхлопа, развернулся и поволок дога за собой на корабль.

Запирая люк, он корчился от боли, но сохранил сознание на срок, едва достаточный, чтобы устроиться в пружинном гамаке. Ведомый одними инстинктами, он потянулся к панели управления. Хотя нет, не только инстинктами: еще отчаянным нежеланием жертвовать прекрасную ракету пламени. Он потерпит неудачу? Пускай. Но он по крайней мере попытается.

Он щелкнул переключателями. Корабль содрогнулся и взревел. Опустилась тьма.

Как долго он валялся без сознания? Трудно сказать. Крэйн очнулся от ощущения, что к его лицу и телу прижимается источник холода; в ушах

звучали перепуганные вопли. Подняв глаза, он увидел Умбрика, запутавшегося в ремнях и пружинных креплениях гамака. Первым импульсом Крэйна было рассмеяться, потом он вдруг понял. Он смотрел вверх! Он смотрел на гамак вверх.

Он лежал, свернувшись калачиком, на кварцевом носу звездолета. Корабль взлетел высоко — вероятно, почти до предела Роша, где переставало действовать притяжение Земли, но затем, в отсутствие пилота за штурвалом, полета не продолжил и начал заваливаться назад, к Земле. Крэйн глянул наружу через кристалл, и у него захватило дух.

Под ним висел земной шар, размером втрое больше Луны. И это… больше не был его земной шар. Его поглотило пламя, кое-где испещренное темными точками туч. На самом севере, у полюса, виднелся еще тонкий белый мазок, но под взглядом Крэйна и он вдруг налился размытыми оттенками красного, алого и багряного. Холмайер оказался прав.

Он лежал, застыв в неподвижности, на носу корабля в течение нескольких часов спуска. Пламя постепенно опадало, не оставляя после себя ничего, кроме плотного савана тьмы вокруг всей Земли. Крэйн был скован ужасом, бессильный

понять… представить себе, как миллиард человек спалило и разнесло с пеплом, как прекрасная зеленая планета обгорела до головешки. Семья, дом, друзья, все, что было ему некогда дорого и близко… исчезли. Об Эвелин он не осмеливался и подумать.

Свист воздуха снаружи пробудил в нем какие-то инстинкты. Остатки рационального мышления подсказывали, что лучше грянуться о Землю вместе с кораблем, забыться в разрушении и громе, но инстинкты — жажда жизни — подгоняли встать. Он вскарабкался в кладовую и приготовился к посадке. Парашют, небольшой кислородный баллон и рюкзак с провиантом — всё, что при нем было. Не вполне отдавая себе отчет в своих действиях, он облачился в приготовленную для спуска одежду, пристегнул парашют и открыл люк. Умбрик жалобно заскулил. Крэйн с трудом подхватил тяжелого дога на руки и шагнул в пустоту.

Однако прежде пустота эта не была так засорена, как сейчас. Тогда там было тяжело дышать из-за нехватки воздуха — теперь же оттого, что воздух наполнился сухими комковатыми частицами гари.

Каждый вдох давался ему с трудом, как если бы

в легкие попадало измельченное стекло… или зола… или прах…

Фрагменты воспоминаний рассыпались. Внезапно Крэйн снова очутился в настоящем — под плотным черным одеялом, которое мягко давило на него сверху и мешало дышать. Он заворочался в слепой панике, но тут же расслабился. Это уже случалось с ним раньше. Он давно потерял счет случаям, когда вынужден был откапываться из-под слоя пепла. Когда это произошло впервые? Недели назад, или дни, или месяцы? Крэйн стал пробиваться наружу дюйм за дюймом, разгребая руками наваленную ветром кучу золы. Наконец он опять выбрался на свет. Ветер утих. Нужно было ползти дальше, к морю.

Яркие картины воспоминаний потускнели перед зрелищем мрачной равнины, уходившей вдаль. Крэйн презрительно фыркнул. Он слишком часто предавался воспоминаниям и слишком многое запомнил. Он питал слабую надежду, что, если постараться как следует, получится изменить какой-либо эпизод прошлого, совсем незначительный, но этого может хватить, чтобы и весь случившийся с ним мир сделался недействителен. Он полагал, что было бы проще, вспомни и пожелай этого все вместе… э, не

осталось ведь никаких *вместе*. Я единственный, подумал он. Я последний хранитель памяти о Земле. Я последнее живое существо на Земле.

Он пополз. Локти, колено, локти, колено… Потом рядом с ним возник Холмайер и начал передразнивать, возиться в золе, с фырканьем разбрасывать ее, словно довольный жизнью морской лев.

— Но почему нам к морю нужно? — спросил у него Крэйн. Холмайер дунул на пепел.

— У нее спроси, — сказал он, указав на кого-то рядом с Крэйном, напротив.

Там оказалась Эвелин. Она ползла сосредоточенно, серьезно, подражая каждому движению Крэйна.

— Это из-за нашего дома, — проговорила она. — Помнишь его, любимый? Высоко на скале. Мы собирались жить там до конца наших дней, дышать озоном и нырять по утрам. Когда ты улетел, я была там. Теперь ты возвращаешься в свой дом на берегу моря. Твой прекрасный полет окончен, дорогой мой, и ты возвращаешься ко мне. Мы станем жить там вместе, только мы двое, как Адам и Ева…

— Это было бы неплохо, — сказал Крэйн.

Тогда Эвелин повернула голову и вскричала:

— Ой, Стивен, смотри!

Крэйн снова ощутил приближение угрозы. Продолжая ползти, он исхитрился оглянуться на серые пепельные равнины и ничего не увидел. Когда же обернулся к Эвелин, то от нее осталась только тень, резкая, черная. Потом растаяла и она в мелькнувшем косом солнечном луче.

Однако страх не покинул его. Эвелин дважды предостерегла его, а Эвелин никогда не ошибается. Крэйн остановился, развернулся и приготовился наблюдать. Если за ним и вправду кто-то гонится, нужно понять, кто это.

Болезненный миг ясности раскроил безумие и смятение его лихорадки, словно ударом остро отточенного мощного клинка.

Я схожу с ума, подумал он. Зараза, угнездившаяся в моей ноге, добралась до мозга. Нет никакой Эвелин, нет Холмайера, нет угрозы. На всей Земле нет никого живого, кроме меня. Наверное, даже духи и призраки подземного мира исчезли в вихре инферно, охватившем планету. Нет… нет здесь ничего, кроме меня самого и моей болезни. Я умираю, а со мной умрет все остальное. Останется безжизненная куча золы.

Тут он заметил движение.

Инстинкт сработал снова: Крэйн опустил го-

лову и притворился мертвым. Прищурившись, он созерцал пепельные равнины и размышлял, не забавляется ли смерть с его зрением. Приблизился очередной дождевой занавес, и Крэйну следовало присмотреться лучше, пока видимость не обнулилась.

Да. Вон там.

В четверти мили от него скользила по серой поверхности серовато-коричневая фигура. Далекий шум дождя не помешал различить шорох трамбуемой золы; Крэйн видел, как вздымаются облачка. Подыскивая возможные объяснения и стараясь не паниковать, он осторожно полез в рюкзак за револьвером.

Существо приблизилось, и внезапно Крэйн, прищурясь, понял. Он вспомнил, как они с Умбриком спускались под парашютом на покрытую пеплом Землю, как пес в испуге стал брыкаться лапами, а потом убежал.

— Это же Умбрик, — пробормотал он и приподнялся. Пес замер.

— Ко мне, Умбрик! — весело захрипел Крэйн. — Ко мне, псина!

Его охватила неописуемая радость. Он вдруг осознал, как дотоле довлело над ним ужасающее чувство одиночества, затерянности в пустоте. Те-

перь он больше не одинок. Есть другое существо, дружелюбное, которому сможет он предложить свою любовь и поддержку. Надежда снова вспыхнула в нем.

— Ко мне, псина! — повторил он. — Иди сюда…

Спустя некоторое время он прекратил попытки щелкнуть пальцами. Дог опасливо сторонился его, скалил клыки и показывал язык трубочкой. Пес исхудал, как скелет, глаза его в сумраке светились жутким красным огнем. Крэйн еще раз, чисто механически, позвал его. Пес зарычал. Облачко пепла поднялось у него под ноздрями.

Он голоден, подумал Крэйн, вот и всё. Он полез в рюкзак, и при этом движении пес снова зарычал. Крэйн выудил из рюкзака шоколадку, с трудом ободрал ее от бумаги и серебристой фольги. Вяло бросил Умбрику. Шоколадка далеко не улетела. После минуты диковатых колебаний пес медленно приблизился и без особого энтузиазма заглотил еду. Морду его покрывал слой пепла. Он без устали облизывался и продолжал сближаться с Крэйном.

Паника охватила Крэйна. Это не друг, вмешался настойчивый внутренний голос. Он не испытывает к тебе любви и дружбы. Любовь и дружба давно покинули Землю вместе с жизнью. Не оста-

лось ничего, кроме голода.

— Нет… — прошептал Крэйн. — Так нечестно. Мы последние живые существа на Земле. Не должны мы грызть друг друга в попытке пожрать…

Но Умбрик приближался скользящим косолапым шагом, а зубы его были острые, белые. Пока Крэйн смотрел на него, пес оскалился и прыгнул. Крэйн выбросил руку вперед, целясь псу под морду, но его отбросило назад. Он завопил в агонии, когда вся тяжесть собачьего тела пришлась на сломанную, распухшую ногу. Свободной правой рукой он вяло бил пса, снова и снова, едва ощущая, как гложут клыки его левую кисть. Потом почувствовал под собой что-то металлическое и осознал, что лежит на револьвере, который выронил.

Он схватился за оружие, молясь, чтобы зола не забила механизм. Умбрик выпустил его кисть и впился в горло. Крэйн вскинул оружие и слепо ткнул стволом в тело пса. Он стрелял и стрелял, пока не стих грохот, сменившись звонкими щелчками. Умбрик лежал на слое пепла перед Крэйном и трясся в предсмертных корчах: его практически разорвало надвое. Серую пыль расцветили широкие алые пятна.

Эвелин с Холмайером сочувственно взирали сверху вниз на убитое животное. Эвелин плакала, Холмайер знакомым жестом запустил нервные подвижные пальцы в седую шевелюру.

— Это финиш, Стивен, — сказал он. — Ты убил часть себя. Или, говоря точнее, ты продолжишь существовать, но не полностью. Лучше закопай труп, Стивен. Это труп твоей души.

— Не могу, — ответил Крэйн. — Ветер разнесет пепел.

— Тогда сожги…

Ему мерещилось, что они помогают ему запихнуть мертвого пса в рюкзак. Помогают раздеться и сложить одежду под ним. Прикрывают сложенными руками спички от ветра, пока ткань не загорится, и раздувают слабый костерок, пока огонь не распространится и не заполыхает. Крэйн скорчился у костра, охраняя его, пока не осталось ничего, кроме новой груды серого пепла. Потом он отвернулся и снова пополз по океанскому дну. Теперь — нагой. Ничего не осталось от прошлого, кроме мерцающего огонька его никчемной жизни.

Придавленный горем, он не замечал, как бичуют его яростные струи дождя, не чувствовал, как прокатываются по чернеющей плоти ноги

вспышки боли. Он полз. Локти, колено, локти, колено… механически, отупело, равнодушный ко всему: к решетчатому от туч небу, унылым пепельным равнинам и даже слабо блестевшей впереди воде.

Он знал, что это море — остаток старого или зародыш нового. Море, обреченное на пустоту и безжизненность, море, которое однажды станет лизать сухой безжизненный берег. Планета скал и камней, металла, снега, воды и льда — и это всё. Жизни больше не будет. Он был одинок и бесполезен. Адам без Евы.

Эвелин приветственно помахала ему с берега. Она стояла у белого коттеджика, а ветер вздымал ее платье, обнажая стройную тонкую фигуру. Он еще немного приблизился к берегу, и тогда Эвелин выбежала ему навстречу — на помощь. Ничего не сказала, только поддержала его, взяв за плечи, помогла перенести груз отягченного болью тела. Наконец он достиг моря.

Море было настоящее, и он это понимал. Эвелин и коттеджик исчезли, но холодные воды омывали его лицо. Тихо… Безмятежно…

Вот оно, море, подумал Крэйн, и вот он, я. Адам без Евы. Безнадежное дело.

Он еще немного перекатился в волнах. Воды

омывали его искалеченное тело. Тихо… Безмятежно…

Он лег лицом к небу, вгляделся в его высокий зловещий свод, и горечь наполнила его душу.

— Так нечестно! — вскричал он. — Неправильно, чтобы все это гибло. Жизнь слишком прекрасна, чтобы исчезнуть после безумного поступка одного-единственного безумца…

Воды баюкали его. Тихо… Безмятежно…

Море ласкало его, и даже ползущая к сердцу агония воспринималась чем-то приглушенным, словно бы касанием руки в перчатке. Внезапно небеса расчистились — впервые за все эти месяцы. Крэйн увидел звезды.

И он понял. Это не конец жизни. Конца жизни быть не может. В его теле, в гниющих тканях, которые ласково покачивало море, гнездятся десятки миллионов жизней. Клетки, ткани, бактерии, простейшие… Бесчисленные бесконечности жизни, которым суждено укорениться в этих водах и продолжать существование, когда его уже давным-давно не будет.

Они поселятся в его гниющих останках. Они станут кормиться друг на друге. Они приспособят себя к новой среде, усвоят минералы и осадочные слои, смытые в новое море. Они станут расти,

процветать, эволюционировать. Настанет день, и жизнь снова выберется на сушу. Запустится тот самый древний цикл, какой, быть может, стартовал давным-давно на гниющих останках последнего выжившего члена экипажа межзвездного корабля. Вновь и вновь повторится он в будущем.

И он понял, что именно повлекло его назад к морю. Нет нужды в Адаме и Еве. Лишь в море, великом родителе всего живого. Море позвало его к себе, в глубины, где снова зародится жизнь, и принесло утешение.

Воды баюкали его. Тихо… Безмятежно… Великий родитель всего живого баюкал последнего отпрыска старого цикла, перворожденного в следующем цикле. Стекленеющие глаза Стивена Крэйна улыбались звездам: звездам, равномерно рассыпанным по небосводу. Звездам, которые пока не оформились в знакомые контуры созвездий — и не оформятся еще около сотни миллионов веков.

Звездочка светлая, звездочка ранняя
От автора

Приемы Погони и Поиска весьма давние, и им суждено оставаться на сцене еще долго. Если их использовать оригинальными способами, результат гарантирован: пульс подскочит, как от марша Сузы. Голливудские сценаристы меня, мягко сказать, разочаровывают. Кажется, других погонь, кроме автомобильных, они не знают.

Погоня и Поиск не идентичны. Они работают и поодиночке, но лучше их комбинировать. В старые беззаботные комиксовые деньки я даже испытал такой тандем на деле; начал со стандартного расследования, копания в бумагах, а потом превратил его в погоню по следу реальных бумажных денег. Эх, вспомнить бы еще, какого героя я тогда использовал. Зеленого Шершня? Капитана Америку? Капитана Марвел? Еще бы мне хотелось вспомнить, чем кончилось это дело.

Вы наверняка заметили, что я плохо помню свои работы. Честно говоря, после первой публикации я в них никогда не заглядываю. Но я в этом

не одинок. От лучшего эксперта по теме, Джеда Харриса, я узнал, что превосходный и крайне популярный композитор Джером Керн никогда не запоминал своих песен. На вечеринках его приходилось силком за фортепиано усаживать; люди толпились кругом и исправляли ошибки, пока он играл. Нет, Джерри, нет, не так! В итоге им приходилось напевать нужную песню, чтобы освежить его память.

«Звездочка светлая, звездочка ранняя» — история поиска в темпе погони. Не помню, откуда взялась центральная идея, но в те дни авторы НФ часто выражали тревогу насчет бесконтрольных талантов и детей-гениев, так что, думаю, она просто ко мне прилипла. Впрочем, нет. Я уже пробовал схожую идею за много лет до того, с молодым вожатым в летнем лагере для детей; он у меня был идиот-савант и сталкивался с чудовищным непониманием окружающих. Но загадку киднеппинга ему удалось решить, несмотря на дарованное мною странное имечко Эразмас Гаул.

История поиска и атаки на проблему в «Звездочке светлой...» — плод исследований всяких редкостей. Трюк с наследниками Бьюкенена был

известен много лет назад и, вероятно, в той или иной форме применяется поныне. Господь свидетель, простаки не переведутся никогда. В первый университетский год у моего соседа по комнате парочка таких мошенников на Пенсильванском вокзале выманила всю его месячную стипендию (20 долларов). Спустя много лет я прочел об аналогичном трюке у Грина в «Искусстве мошенничества» — книге, изданной примерно в 1592 году. О нет, лопухи никогда не переведутся. И каждую минуту рождается новый лопух.

Пока я писал рассказ, я им был скорей доволен, но третий и четвертый абзацы, считая от конца, мне не нравятся. Это результат старых препирательств, на сей раз с Тони Бучером из журнала «Fantasy & Science Fiction», и снова-таки по мелочам. Он хотел, чтобы в финале я показал точную судьбу жертв. Я же стремился оставить ее в тумане. Я проиграл и был вынужден добавить эти абзацы.

Когда я уступил в аналогичном споре по мелочам с Хорасом Голдом насчет «Выбора по Гобсону», то забрал рассказ и отнес его Тони, и тот его напечатал. Когда меня переспорил Тони, нужно было забрать у него «Звездочку светлую...»

и отправить Хорасу в коричневом бумажном пакете, без комментариев. Я этого не сделал, и теперь два тухлых абзаца там застряли. Пожалуйста, закройте глаза, как доберетесь до них.

* * *

Человеку в автомобиле было тридцать восемь лет. Он был высок, астеничного сложения, слабоват физически. Коротко стригся и рано поседел. Он был образован и не лишен чувства юмора. Он был одержим идеей. Вооружен телефонным справочником. И обречен.

Он проехал по Пост-авеню, затормозил у семнадцатого дома и припарковался. Сверившись с телефонным справочником, вылез из машины и вошел в дом. Осмотрев почтовые ящики, взбежал по лестнице к квартире 2F. Позвонил в дверь. Ожидая реакции, он извлек маленький черный блокнот и превосходный серебряный карандаш с четырьмя цветными грифелями.

Дверь отворилась. Он обратился к женщине средних лет, непримечательной внешности:

— Добрый вечер. Это вы миссис Бьюкенен?

Та кивнула.

— Меня зовут Фостер. Я сотрудник исследова-

тельского института, занятого проверкой слухов о летающих тарелках. Это недолго.

Мистер Фостер целеустремленно протиснулся в квартиру. Он уже столько их посетил, что ориентировался на автомате. Пройдя по коридору в гостиную, он остановился, развернулся к миссис Бьюкенен, улыбнулся, раскрыл блокнотик на чистой странице и нацелился карандашом.

— Вы когда-нибудь наблюдали летающую тарелку, миссис Бьюкенен?

— Нет. Это все, конечно, чушь. Я…

— А вашим детям не случалось их наблюдать? Дети у вас есть?

— Да, но они…

— Сколько?

— Двое. Летающих тарелок ни разу…

— Они в школу ходят?

— Что?

— В школу, — нетерпеливо повторил мистер Фостер. — В школу ходят?

— Мальчику моему двадцать восемь, — ответила миссис Бьюкенен, — а девочке двадцать четыре. Давно закончили.

— Ясно. А кто-нибудь из них состоит в браке?

— Нет. Послушайте, насчет этих летающих тарелок… вы, ученые, должны…

— Мы так и делаем, — перебил мистер Фостер, нацарапал крестики-нолики в блокноте, закрыл его и сунул во внутренний карман вместе с карандашом.

— Я вам очень признателен, миссис Бьюкенен, — сказал он, развернулся и покинул квартиру.

Спустившись по лестнице, он вышел, сел в машину, раскрыл телефонный справочник на нужной странице и зачеркнул карандашом имя. Присмотрелся к следующей записи, запоминая адрес, и завел двигатель. Прибыв на Форт-Джордж-авеню, он остановился у восьмисотого дома, вошел и вызвал лифт на четвертый этаж. Позвонил в дверь квартиры 4G. В ожидании ответа он вытащил черный блокнотик и великолепный карандаш.

Дверь отворилась.

— Добрый вечер. Вы мистер Бьюкенен? — уточнил мистер Фостер у мужчины агрессивной наружности.

— А тебе чего надо? — окрысился тот.

— Меня зовут Дэвис, — сказал Фостер. — Я представляю Ассоциацию национальных телевещателей. Мы проверяем списки участников розыгрышей. Можно войти? Это недолго.

Мистер Фостер-Дэвис целеустремленно протиснулся в квартиру и спустя некоторое время уже беседовал с Бьюкененом и его рыжеволосой женушкой.

— Вы когда-нибудь выигрывали призы на радио или телевидении?

— Нет, — сердито ответил Бьюкенен. — У нас и шанса не было. Все выигрывают, кроме нас.

— Деньги, холодильники! — воскликнула миссис Бьюкенен. — Путешествия в Париж, билеты на самолеты…

— Потому мы и проверяем списки, — перебил Фостер/Дэвис. — А кто-нибудь из ваших родственников выигрывал?

— Нет. Там все подстроено. Подстава одна. Они…

— А ваши дети?

— Нет у нас детей.

— Ясно. Я вам очень признателен.

Мистер Фостер/Дэвис сыграл сам с собой в крестики-нолики, закрыл блокнотик и убрал его. Ловко отделавшись от разгневанных Бьюкененов, он спустился к машине, зачеркнул еще одно имя из телефонного справочника, запомнил следующий адрес и завел двигатель.

Он прибыл к дому номер двести пятнадцать по

68-й Ист-стрит и припарковался перед особняком из коричневого песчаника. Позвонил у дверей. Его встретила горничная в переднике.

— Добрый вечер, — сказал он. — Мистер Бьюкенен дома?

— А кто вы?

— Меня зовут Хук, — сказал мистер Фостер/Дэвис. — Я провожу расследование по запросу Бюро оптимизации деловой практики.

Горничная исчезла, вернулась и провела мистера Фостера/Дэвиса/Хука в небольшую библиотеку. Там стоял человек решительного вида в смокинге, держа кофейную чашечку и блюдце лиможского фарфора. На полках были расставлены дорогие книги, а в камине горело расточительное пламя.

— Мистер Хук?

— Да, сэр, это я, — ответил обреченный. Заметок в блокнотике он пока не делал. — Я вас не задержу, мистер Бьюкенен. Всего пара вопросов.

— Я возлагаю большие надежды на Бюро оптимизации деловой практики, — возвестил мистер Бьюкенен. — Наша защита от бесчестных…

— Приятно слышать, сэр, — перебил его мистер Фостер/Дэвис/Хук. — Вы когда-либо становились жертвой бизнес-аферы?

— Такие попытки имели место. Я ни разу не

поддался.

— А ваши дети? У вас есть дети?

— Мой сын едва ли в том возрасте, чтобы стать ее жертвой.

— А сколько ему лет, мистер Бьюкенен?

— Десять.

— Но, вероятно, в школе он мог столкнуться с жуликами. Есть такие специалисты.

— Только не в школе моего сына. Он под надежной защитой.

— А какую школу он посещает, сэр?

— Джермансона.

— Одна из лучших. Посещал ли он когда-либо обычную городскую школу?

— Никогда.

Обреченный извлек блокнот и великолепный карандаш. На сей раз он не притворялся, делая запись.

— А другие ваши дети, мистер Бьюкенен?

— Дочь семнадцати лет.

Мистер Фостер/Дэвис/Хук поразмыслил, начал было что-то писать, потом передумал и закрыл блокнот. Вежливо поблагодарив хозяина, он покинул дом прежде, чем мистер Бьюкенен сообразил поинтересоваться его документами. Подгоняемый горничной, он спустился по дорож-

ке к автомобилю, открыл дверцу, залез в салон и потерял сознание от сокрушительного удара в висок.

Очнувшись, обреченный сперва подумал, что лежит в постели и мучается похмельем. Он собирался было доползти до ванной, когда осознал, что валяется в кресле, словно костюм, приготовленный для химчистки. Он открыл глаза и обнаружил себя в месте, похожем на подводный грот. Он яростно заморгал, и вода схлынула.

Он сидел в небольшом офисе, по виду — адвокатском. Перед ним возвышался плечистый мужик, похожий на Санта-Клауса без колпака. Рядом с мужиком на столе, свесив ноги и беспечно болтая ими, устроился тощий молодой человек с выпирающим подбородком и близко посаженными глазами.

— Ты меня слышишь? — спросил плечистый.

Обреченный недовольно застонал.

— Говорить будем?

Тот снова застонал.

— Джо, — доброжелательно обратился плечистый к своему спутнику, — полотенце подай.

Тощий юноша слез со стола, подошел к раковине в углу и намочил белое полотенце для рук.

Встряхнул, отжал, вернулся к креслу, где лежал обреченный, и с тигриной яростью стремительно хлестнул того полотенцем по лицу.

— Бога ради! — вскричал мистер Фостер/Дэвис/Хук.

— Так-то лучше, — констатировал плечистый. — Меня зовут Ирод. Уолтер Ирод, адвокат. — Он отошел к столу, где были разложены вещи жертвы, взял бумажник и показал его обреченному. — А тебя звать Уорбек. Марион Перкин Уорбек, не так ли?

Обреченный поглядел на свой бумажник, потом на Уолтера Ирода, адвоката, и решил признаться.

— Да, — произнес он, — меня зовут Уорбек. Но незнакомцам я никогда не представляюсь как Марион.

От нового болезненного удара полотенцем он навзничь рухнул обратно в кресло.

— Хватит, Джо, — сказал Ирод. — Пожалуйста, не повторяй, пока я сам не попрошу. — И к Уорбеку: — Почему ты интересуешься Бьюкененами?

Он подождал ответа, затем продолжил любезно:

— Джо у тебя на хвосте сидел. Ты обрабатывал в среднем пятерых Бьюкененов за вечер. В сумме

пока тридцать. Ты что затеял?

— Что вы творите? Мы не в России, блин! — возопил Уорбек с отвращением. — Вы не имеете права меня похищать и пытать, будто МВД какое-то. Если вы вообразили, что…

— Джо, — вежливо перебил его Ирод, — еще раз, пожалуйста.

Уорбека снова хлестнули полотенцем. Измученный, разъяренный, беспомощный, он залился слезами.

Ирод без особого интереса обшарил его бумажник.

— Судя по документам, ты учитель средней школы. Завуч. Я полагал, учителя чтят законы. Как ты ввязался в рэкет наследников?

— Какой такой рэкет? — слабым голосом уточнил Уорбек.

— Рэкет наследников, — терпеливо повторил Ирод. — Афера с наследниками Бьюкенена. Какой метод ты используешь? Личное обаяние?

— Не понимаю, о чем вы, — ответил Уорбек, рывком сел и ткнул пальцем в тощего юнца. — И вот только без полотенец, пожалуйста.

— Стоит мне слово сказать, и будут тебе еще полотенца, — проскрежетал Ирод. — Если захочу, прикончат тебя. Ты мне под ногами не путайся. Я

в год семьдесят пять штук зашибаю на этом деле, и ты даже не пробуй свой кусок отщипнуть.

Воцарилось длительное молчание, исполненное значимости для всех, кроме обреченного. Наконец тот заговорил:

— Я образованный человек, — произнес он медленно, — и с радостью побеседовал бы с вами о Галилее или малых поэтах-кавалерах времен короля Карла. Однако в моем образовании явно наличествуют пробелы, и это один из них. Я не понимаю вас. Слишком много неизвестных.

— Я же сказал тебе, как меня зовут, — ответил Ирод и указал на тощего юношу. — А это Джо Дэвенпорт.

Уорбек покачал головой.

— Неизвестных — в математическом смысле слова. Х-переменных. Ну как в уравнениях. Извините, моя образованность…

Джо испуганно посмотрел на него.

— Иисусе! — выдохнул он, не шевеля губами. — Может, он и правда честный?

Ирод с любопытством оглядывал Уорбека.

— Придется тебе объяснить, — сказал он. — Эта афера с наследованием — давний прием. Работает примерно так. Ходили слухи, что Джеймс Бьюкенен…

— Пятнадцатый президент США?

— Он самый. Ходили слухи, что он умер, не оставив завещания. В 1868-м. В наши дни, благодаря сложным процентам, его наследство стоит миллионы. Понимаешь?

Уорбек кивнул.

— Я образованный человек, — пробормотал он.

— Любой человек по фамилии Бьюкенен глотает приманку. Вариант аферы с испанским узником. Я им посылаю письмо. Типа, есть вероятность, что они наследники. Не желаете ли, дескать, чтоб я это выяснил за долю от будущего вашего наследства? Небольшой ежегодный фиксированный платеж. Многие покупаются. По всей стране. И теперь ты…

— Минуточку, — перебил Уорбек. — Начинаю понимать. Вы заметили, что я проверяю Бьюкенены. И решили, что я хочу присоседиться к вашей афере. Войти в долю. Так говорят?

— Ну а что, разве нет? — сердито спросил Ирод.

— О боже! — возопил Уорбек. — Надо же, чтоб именно со мной такое произошло. Со мной! О Господи, спасибо. Спасибо. Всегда буду благодарен. — В радостном возбуждении он повернулся к Джо. — Джо, дай мне, пожалуйста, полотенце. Просто брось. Я лицо вытереть хочу. — Он пой-

мал летящее полотенце и начал удовлетворенно вытираться.

— Ну а что, разве нет? — повторил Ирод.

— Нет, — ответил Уорбек. — Я не собираюсь влезать к вам в долю. Но я благодарен вам за ошибку. Не думайте, что я не благодарен вам. Вы себе не представляете, как лестно учителю, что его приняли за вора.

Он встал из кресла и двинулся к столу за бумажником и прочим своим имуществом.

— Минутку, — бросил Ирод.

Тощий юнец дернулся к Уорбеку и ухватил его запястье, будто клещами.

— Ой, прекратите, — нетерпеливо проговорил обреченный. — Это идиотская ошибка.

— Я сам разберусь, ошибка ли это, и сам решу, идиотская ли, — ответил Ирод. — А пока делай так, как тебе говорят.

— Правда? — Уорбек выкрутился из хватки, огрел Джо по глазам полотенцем, шмыгнул за стол, схватил пресс-папье и метнул его в окно. Стекло с оглушительным звоном раскололось.

— Джо! — завопил Ирод.

Уорбек сбил телефон с подставки и накрутил номер оператора. Между делом он подхватил со стола свою зажигалку, высек пламя и швырнул

ее в мусорную корзинку. Из трубки донесся голос оператора.

— Мне полицию! — крикнул Уорбек и пинком отправил пылающую корзинку в центр комнаты.

— Джо! — взывал Ирод, пытаясь затоптать горящие бумаги.

Уорбек ухмыльнулся, поднял телефон и прикрыл ладонью трубку, откуда неслись сердитые возгласы.

— Начнем переговоры? — спросил он.

— Ах ты ж сучий потрох, — прорычал Джо, отнял руки от глаз и скользнул в сторону Уорбека.

— Нет! — завопил Ирод. — Этот придурок копов вызвал. Он честный, Джо.

И умоляющим голосом обратился к Уорбеку:

— Отмени. Разрули ситуацию. Мы все сделаем, как ты скажешь. Просто отмени звонок.

Обреченный поднес трубку к губам и сказал:

— Меня зовут М. П. Уорбек. Я как раз консультировался с адвокатом по этому номеру, а какой-то идиот с гипертрофированным чувством юмора влез. Пожалуйста, перезвоните, если не верите.

Он повесил трубку, закончил рассовывать свои вещи по карманам и подмигнул Ироду. Телефон звякнул. Уорбек поднял трубку снова, убедил

полицейского дежурного, что все в порядке, и повесил. Обогнув стол, он подошел к Джо и отдал ему ключи от машины.

— Спускайся к моей машине, — сказал он. — Сам знаешь, где ее припарковал. Открой бардачок и принеси коричневый конверт.

— Пошел к черту, — ответил Джо, у которого еще слезились глаза.

— Делай, как я говорю, — резко бросил Уорбек.

— Минуточку, Уорбек, — сказал Ирод. — Ты что затеваешь? Снова шутить надумал? Я обещал, что мы все сделаем, как ты скажешь, но…

— Я намерен объяснить природу своего интереса к Бьюкененам, — ответил Уорбек. — И заключить с вами партнерство. Вы наделены талантами, необходимыми мне для поисков одного особенного Бьюкенена. Вы с Джо. Моему Бьюкенену десять лет от роду, но он стократ дороже вашего мнимого состояния.

Ирод уставился на него.

Уорбек вложил ключи в руку Джо.

— Джо, спустись и принеси тот конверт, — сказал он. — И смотри, чтоб осколки стекла на тебя не упали, э?

Обреченный положил себе на колени конверт.

— Завуч обязан надзирать за классами, — объ-

яснил он. — Просматривает работы, оценивает успешность, выделяет трудных учеников и так далее. Приходится действовать наугад. В смысле, методом случайного отбора. В школе у меня девятьсот учеников. Не могу же я за каждым индивидуально.

Ирод кивнул. Джо ничем не выразил своего отношения.

— В прошлом месяце, просматривая работы пятиклассников, — продолжил Уорбек, — я наткнулся на этот поразительный документ. — Он раскрыл конверт и извлек оттуда несколько тетрадных разлинованных листков, покрытых каракулями и чернильными пятнами. — Это написал Стюарт Бьюкенен, пятиклассник. Ему лет десять или около того. Сочинение называется «Мои каникулы». Прочтите его, и поймете, почему Стюарта Бьюкенена нужно разыскать.

Он бросил листки Ироду. Тот подхватил их, вытащил очки в роговой оправе и утвердил на пухлом носу. Джо встал у него за спиной и заглянул через плечо.

Мои каникулы

Стюарт Бьюкенен

Этим леттом я паситил своих друзей. У меня их читыре и все ани очень харошие. Первый Томи он жывет в диревне и увликается астраномией. Томи сам пастроил сибе тилескоп из шыстидюймовова стикла и устанавил иво. Он каждую ноч сморит на звезды и дает мне пасмареть даже если идет праливной дош…

— Что за чертовщина? — возмущенно поднял глаза Ирод.

— Читайте дальше, — приказал Уорбек.

…дош. Мы видим звезды патаму шта Томи приделал наканец тилескопа штуку каторая вроде пражектара и делает дыру в небе штоп видеть прямо сквозь дош и все такое на звезды.

— Про астронома уже закончили? — спросил Уорбек.

— Не понял.

— Томми наскучило дожидаться ясных ночей. Он изобрел некое устройство, рассеивающее облака и атмосферные слои… вроде вакуумной воронки, чтобы сквозь телескоп было хорошо видно в любую погоду. Фактически это дезинтегрирующий излучатель.

— Что ты городишь?

— Это не я. Читайте, читайте.

> Патом я паехал к Энн-Мэри и астался у нее на целую ниделю. Было прикольно. У Энн-Мэри есть минялка шпената для шпената свиклы и сручековой фасоли…

— Что такое *минялка шпената*, блин?

— Менялка шпината. Стюарт не силен в правописании. *Свикла* — это свекла, а *сручековая фасоль* — стручковая фасоль.

> …свиклы и сручековой фасоли. Када ее мать заставляет нас есть их Энн-Мэри нажемает кнопку и они снаружи каг были а внутри каг перожное. Вешневое и клубничьное. Я спрасил Энн-Мэри каг она это делает и она сказала што припамошчи Енашни.

— Не понимаю.

— Это просто. Энн-Мэри не любит овощи. Но она такая же умница, как астроном Томми. И она изобрела алхимический трансформатор вещества. Она преобразует шпинат в пирожное. *Вешневое и клубничьное.* Пирожные ей по вкусу. Как и Стюарту.

— Ты спятил.

— Это не я. Это дети. Они гении. Впрочем, что я говорю? Гении? Да гений против них — имбецил. Нет такого слова, каким можно было бы обозначить их.

— Я тебе не верю. У Стюарта Бьюкенена просто богатая фантазия. И все.

— Ты так думаешь? А как насчет Енашни? Способ алхимической трансформации, используемый Энн-Мэри. Я не сразу понял, что за Енашня такая. Квантовое уравнение Планка, $E = n\mathrm{h}\nu$. Но читайте, читайте дальше. Лучшее впереди. Вы еще до ленивой Этель не добрались.

> Мой друх Джорж строит мадели аиропланов они очень харошие и малинькие. У Джоржа руки ниуклюжые но он делает малиньких чилавечков из пластелина и говорит им как и они строят их за ниво.

— А это что?

— Джордж-авиатор?

— Да.

— Это просто. Он делает миниатюрных андроидов… роботов… и они строят ему самолетики. Умный мальчишка Джордж, но почитайте дальше про его сестру, ленивую Этель.

> Ево систра Этель самая линивая дефачка какую я в жызни видел. Она большая толстая и нинавидит хадить пишком. Поэтому када мать пасылает ие в магазин Этель думает про магазин и думает дамой са всеми пакетами и ей преходица прятаццо в комнате Джоржа время какое нужно на дарогу в два канца. Мы с Джоржем над ней шутим патаму шта она толстая и линивая но зато она ходит в кено без платно и пасматрела про Хопалонга Кэссиди шеснацать раз.
>
> КОНЕЦ

Ирод уставился на Уорбека.

— Находчивая малышка Этель, — пояснил Уорбек. — Она ленится ходить пешком и телепортируется. Но ей потом приходится прятаться. Прятаться с пакетами, пока Стюарт и Джордж над

ней подшучивают.

— Телепортируется?

— Совершенно верно. Перемещается с места на место усилием мысли.

— Небывальщина какая! — презрительно бросил Джо.

— Была небывальщина, пока не появилась ленивая Этель.

— Я в это не верю, — сказал Ирод. — Я ни во что такое не верю.

— Ты полагаешь, это Стюарт все выдумал?

— А как же иначе?

— А как насчет планковского уравнения $E = n\mathrm{h}\nu$?

— Он и это выдумал. Совпадение.

— Тебе это кажется правдоподобным?

— Ну прочитал где-нибудь.

— Десятилетний мальчик? Ерунда.

— Говорю ж тебе, ни во что такое не верю! — заорал Ирод. — Дай мне этого мальчугана на пять минут, и я тебе докажу…

— Именно так бы я и поступил, но мальчишка-то исчез.

— В смысле?

— Как сквозь землю провалился. Вот я и проверяю каждую семью в городе по фамилии

Бьюкенен. Когда я прочел сочинение и послал за пятиклассником Стюартом Бьюкененом — поговорить с ним, — мальчишка исчез. С тех пор его не видели.

— А его семья?

— И семья тоже исчезла. — Уорбек напористо подался вперед. — Подумайте над этим. Все записи о мальчике и его семье пропали. Всё. Их кое-кто смутно помнит, но не более. Они исчезли.

— Господи! — воскликнул Джо. — Смылись с концами?

— Именно так. Смылись с концами. Спасибо за подсказку, Джо. — Уорбек покосился на Ирода. — Ну и дела, а? Мальчуган дружит с детьми-гениями. И тут самое важное, что это дети. Они совершают фантастические открытия в чисто детских целях. Этель телепортируется, потому что ей лень пробежаться до лавки. Джордж создает роботов, чтоб они ему модели самолетов строили. Энн-Мэри занимается алхимией, потому что ненавидит шпинат. Одному Богу ведомо, чем еще увлекаются другие приятели Стюарта. Может, какой-нибудь Мэтью изобрел машину времени, когда не успевал домашку сделать.

Ирод вяло отмахнулся.

— Но откуда вдруг столько гениев? Что слу-

чилось?

— Не знаю. Радиоактивные осадки? Фториды в питьевой воде? Антибиотики? Витамины? Мы сейчас так себя химией накачиваем, что трудно судить. Я бы хотел выяснить, но не могу. Стюарт Бьюкенен проболтался, как ребенок, а когда я взялся разбираться в этом, он струхнул и дал деру.

— А он тоже гений?

— Вполне возможно. Дети часто подбирают себе приятелей по своим интересам и талантам.

— А что он за гений? В чем его талант?

— Не знаю. Я только знаю, что он пропал. Замел следы, уничтожил все документы, какие могли бы навести меня на него, и растворился в воздухе.

— Как он добрался до ваших записей?

— Не знаю.

— Может, он взломщик по натуре, — сказал Джо. — Медвежатник и все такое.

Ирод меланхолично усмехнулся.

— Гений-рэкетир? Криминальный талант? Малолетний Мориарти?

— Он может оказаться гениальным вором, — произнес обреченный, — но не обманывайтесь его бегством. Все дети так поступают в кризис-

ной ситуации. Им хочется, чтобы ничего такого не происходило или чтобы они оказались за миллион миль отсюда. Но пускай даже Стюарт Бьюкенен за миллион миль отсюда, мы обязаны найти его.

— Просто чтобы проверить, умный он или нет? — не понял Джо.

— Да нет же, ради его друзей. Мне что, схему начертить? Вы представляете, сколько армия заплатит за дезинтегрирующий луч? Сколько стоит алхимический преобразователь? Представьте, как богаты бы мы стали, научись мы создавать живых роботов! А как могущественны мы будем, овладев секретом телепортации!

Повисло пристыженное молчание, потом Ирод поднялся.

— Мистер Уорбек, — сказал он, — мы с Джо сопляки против вас. Спасибо, что берете нас в долю. Мы вас отблагодарим. Мы найдем этого пацана.

Никто не может исчезнуть бесследно… даже предполагаемый гений криминала. Иногда трудно напасть на след… даже эксперту с опытом расследования внезапных пропаж. Но существует профессиональная методика, неизвестная аматорам.

— Ну кто так делает? — вежливо объяснял Ирод

обреченному. — Ты гонялся за всеми встречными-поперечными Бьюкененами. Не так надо. Нет смысла догонять уехавший поезд. Лучше поискать то, что он упустил из виду.

— Гений ничего не упустит из виду.

— Будем считать, что он гений. Неизвестного таланта. Будем считать, что он кто угодно. Но ребенок есть ребенок. Он должен был что-то пропустить. И мы найдем это.

За три дня Уорбек познакомился с самыми неожиданными приемами расследования. Они запросили почтовое отделение Вашингтон-Хейтс насчет семьи Бьюкененов, которая жила в этом районе, а потом переехала. Не оставляли ли они своего нового адреса? Нет.

Они сходили в окружную избирательную комиссию. Все избиратели в реестре. Если кто-то переезжает из одного округа в другой, об этом обычно делается пометка. Сделано ли это в случае Бьюкененов? Нет.

Они позвонили в офисы компаний, обеспечивавших Вашингтон-Хейтс газом и электричеством. Все клиенты таких компаний при смене адреса обязаны запросить перевод своих учетных записей на новое место. Если покидают город, то, как правило, требуют вернуть залоговый остаток

по абонентскому счету. А с Бьюкененами как было? А никак.

По законам штата все автомобилисты обязаны уведомлять организацию, выдавшую водительские права, о смене места жительства, рискуя нарваться на штраф, тюремное заключение или что похуже. Уведомили ли Бьюкенены о своем переезде Бюро автотранспорта? Нет.

Они послали запрос в корпорацию «Р. Дж. Риэлти», владельцам многокорпусного здания на Вашингтон-Хейтс, в котором Бьюкенены снимали четырехкомнатную квартиру. Арендодатели эти, как и многие другие, требуют предоставить имена и адреса двух поручителей. Имеются ли такие сведения от семейства Бьюкененов? Нет. Арендный договор не сохранился.

— Может, Джо был прав, — сетовал Уорбек в конторе Ирода. — Может, парень и вправду гениальный преступник. Как ему удалось все предусмотреть? Как он добрался до каждой бумажки и уничтожил ее? Просто вломился и забрал? Подкупил? Шантажом действовал? Как?

— Мы у него спросим, когда доберемся до него, — мрачно ответил Ирод. — Ну ладно. В этом раунде малец выиграл вчистую. Он ничего не упустил. Но один способ я приберег про запас.

Пошли расспросим сторожа того здания.

— Я его уже пару месяцев как расспросил, — возразил Уорбек. — Он смутно припоминает, что такая семья жила в здании. Но не помнит, куда они переехали.

— Он знает кое-что другое, о чем ребенок мог не подумать. Попробуем еще раз.

Они приехали на Вашингтон-Хейтс и нагрянули к мистеру Джейкобу Рюсдейлу на обед в подвале. Мистер Рюсдейл поначалу не хотел отвлекаться от печенки с луком, но пять долларов переубедили его.

— Так вот, насчет тех Бьюкененов… — начал Ирод.

— Я ему уже все рассказал, — перебил его Рюсдейл, указав на Уорбека.

— Да. Но он забыл одну штуку. Можно теперь ее уточнить?

Рюсдейл исследовал пятидолларовую банкноту и кивнул.

— Когда жильцы въезжают или выезжают, управляющий домом обычно требует записать сведения о грузчиках, на случай, если те что-нибудь повредят в доме при переносе. Я юрист. Я знаю, что так положено. На случай иска, для защиты интересов арендодателя. Правильно?

Лицо Рюсдейла просияло.

— Боже! — воскликнул он. — Так точно. Совсем забыл. Он у меня не спрашивал.

— Он не знал. У вас сохранилась запись о компании, чьи грузчики перевозили пожитки Бьюкененов. Да?

Рюсдейл метнулся через комнату к заваленной хламом книжной полке, извлек тетрадь в затрепанной обложке и начал листать ее, слюнявя пальцы.

— Вот оно, — сказал он. — Компания грузоперевозок «Эйвон», грузовик номер G4.

У компании грузоперевозок «Эйвон» не сохранилось никаких записей о перевозке вещей семьи Бьюкенен из квартиры на Вашингтон-Хейтс.

— Мальчишка об этом, конечно же, позаботился, — проворчал Ирод.

Зато остались записи смены рабочих грузовика G4. Когда те явились расписаться за очередной день, их расспросили, освежая память виски и деньгами. Грузчики смутно помнили заказ с Вашингтон-Хейтс. С утра до вечера тогда провозились, пришлось к черту на рога в Бруклин переться.

— О боже, в Бруклин! — пробормотал Уорбек. А какой адрес в Бруклине? Где-то на Мэпл-Парк-роу.

Какой номер? Номера они не помнят.

— Джо, купи карту.

Они исследовали карту улиц Бруклина и нашли на ней Мэпл-Парк-роу. И то правда, у черта на рогах, вдали от цивилизации, тянется на двенадцать кварталов.

— Это ж *бруклинские* кварталы, — проворчал Джо. — Вдвое длиннее всех остальных, я-то знаю.

Ирод пожал плечами.

— Мы уже близко, — сказал он. — Осталась работа ножками. По четыре квартала на брата. Каждый дом и каждую квартиру обшарим. Всех десятилеток проверим. Если они сменили имя, Уорбек опознает.

— В Бруклине на каждом квадратном дюйме по миллиону детей, — запротестовал Джо.

— А нам с тобой причитается по миллиону долларов в день, если найдем его. Пошли.

Мэпл-Парк-роу оказалась длинной извилистой улицей, с двух сторон уставленной пятиэтажками. По тротуарам сплошь детские коляски и старухи на раскладных стульчиках. У поребриков машины. Вдоль свалок грубо намалеваны известкой контуры стикбольных кортов, подобные удлиненным алмазам. В каждой щелке кто-нибудь да живет.

— Как похоже на Бронкс, — ностальгически заметил Джо. — Я в Бронксе родился. Я там десять лет не бывал.

Он уныло побрел по улице в сторону отведенного ему сектора поисков, автоматически, с бессознательным проворством коренного горожанина, обходя места, где дети резались в стикбол. Уорбек впоследствии вспоминал этот момент с симпатией, ибо Джо Дэвенпорту не суждено было вернуться.

В первый день они с Иродом решили, что Джо взял след. Это их воодушевило. На второй день стало ясно, что, каким бы перспективным ни был след, а вряд ли он способен подогревать энтузиазм Джо сорок восемь часов кряду. Это их расстроило. На третьи сутки пришлось примириться с истиной.

— Он мертв, — сказал Ирод без обиняков. — Мальчишка убрал его.

— Как?

— Убил.

— Десятилетний ребенок? Пацан?

— Ты же хотел знать, какой талант у гения Стюарта Бьюкенена, э? Ну я тебе и говорю, какой у него талант.

— Не верю.

— Иди объясни это Джо.

— Он вышел из игры.

— Он бы не отказался от миллиона долларов.

— А труп где?

— У пацана спроси. Он гений. Он наверняка такие фокусы проворачивает, что Дик Трэйси бы в ступор впал.

— И как же он убил его?

— У пацана спроси. Он гений.

— Ирод, я боюсь.

— И я. Хочешь выйти из игры?

— Не вижу, как. Если мальчишка опасен, нужно найти его.

— Долг перед обществом, да?

— Типа того.

— А я вот еще помню о деньгах.

Они вернулись на Мэпл-Парк-роу, в четырехквартальный сектор, отведенный Джо Дэвенпорту. Осторожно, почти воровато, разделились и стали прочесывать территорию друг другу навстречу; один дом с первого этажа до последнего, квартиру за квартирой, потом вниз и в следующий. Работа была медленная и изматывала. Время от времени они замечали друг друга далеко вниз по улице, когда перебирались из одной унылой пятиэтажки в другую. Вот мелькнул Уол-

тер Ирод еще раз и пропал, и больше Уорбек его не встречал никогда.

Он сидел в машине и ждал.

Он сидел в машине и трясся.

— Пойду в полицию, — бормотал он себе под нос, отлично зная, что никуда не пойдет. — У мальчишки оружие. Изобрел что-нибудь. Какую-нибудь глупость, в стиле своих дружков. Особый фонарик, чтобы по ночам играть в марбл, а еще им можно убивать. Машинка для игры в шашки, наделенная гипнотической силой. Построил себе банду роботов-гангстеров, чтобы играть в ковбоев и разбойников, и они позаботились об Ироде с Джо. Он ребенок-гений. Он опасен. Смертельно. Что же мне делать?

Обреченный вылез из авто и поплелся по улице в сторону половины сектора, где исчез Ирод.

— Интересно, что произойдет, когда Стюарт Бьюкенен вырастет? — размышлял он вслух. — Когда они все вырастут? Томми, Джордж, Энн-Мэри и ленивая Этель? Почему я не спасаюсь бегством? Что я вообще тут делаю?

На Мэпл-Парк-роу опускались сумерки. Старухи сложили складные стульчики и удалились с ними, словно арабские кочевники. Припаркованные машины остались. Стикбольные матчи

закончились, но под разгоравшимися фонарями начинались новые игры… с бутылочными крышками, картами и покоцанными монетками. В небе сгущалась пурпурная городская дымка, и сквозь нее сияла яркая искорка Венеры, следуя за солнцем под горизонт.

— Он наверняка осознает свою мощь, — сердито бормотал Уорбек. — Он наверняка понимает, как опасен. Потому и убегает. Вина. Потому и уничтожает нас, одного за другим, а сам улыбается, находчивый пацан, злобный гений убийства…

Уорбек остановился посередине Мэпл-Парк-роу.

— Бьюкенен! — завизжал он. — Стюарт Бьюкенен!

Ребята, игравшие поблизости, бросили свое занятие и стали глазеть на него.

— Стюарт Бьюкенен! — срывался в истерике голос Уорбека. — Ты меня слышишь?

Его дикие вопли разносились по улице. Прекратилось еще несколько забав. Обычные и цепные салочки, игры в светофор и квадрат.

— Бьюкенен! — вопил Уорбек. — Стюарт Бьюкенен! Выходи! Выходи, где бы ты ни был!

Мир застыл в неподвижности.

В переулке между двести семнадцатым и две-

сти девятнадцатым домами по Мэпл-Парк-роу Стюарт Бьюкенен, прятавшийся за нагромождением мусорных баков, услышал свое имя и пригнулся еще ниже к земле. Ему было десять лет, он носил свитер, джинсы и кроссовки. Он обратился в слух и был твердо настроен не даться *ему* в руки и на этот раз. Пока не появится возможность скрытно проскочить домой, придется прятаться. Уютно устроившись среди мусорных баков, он вдруг заметил мерцавшую низко в западном небе Венеру.

— Звездочка светлая, звездочка ранняя, — прошептал он, не ведая, что творит, — первая звездочка вечера дальнего. Звездочка яркая, первая зоренька, пусть все исполнится скоренько, скоренько. — Он умолк и поразмыслил. И загадал желание. — Господи, благослови маму с папой, и меня, и всех моих друзей, и сделай меня хорошим мальчиком, пожалуйста, сделай так, чтоб я всегда был счастливым, а все, кто ко мне лезет, пускай уберутся… далеко-далеко… и оставят меня в покое навсегда.

Посередине Мэпл-Парк-роу сделал шаг вперед и набрал в грудь воздуху для нового истерического вопля Марион Перкин Уорбек. А потом он очутился где-то в другом месте, на дороге, уходящей

далеко-далеко. Дорога была прямая, белая, рассекавшая бескрайний мрак, тянулась все вперед да вперед, в вечность; унылая, одинокая, бесконечная дорога в дальнюю даль.

И по ней Уорбек тащился, как автомат, ошеломленный, безгласный, не в силах остановиться, не в силах задуматься в безвременной бесконечности. Он брел вперед, вперед и вперед, далеко-далеко, и не мог обернуться. Впереди мелькали другие фигуры, пойманные на вечном пути в один конец. Наверно, вон та точка — Ирод. А перед Иродом мошка — Джо Дэвенпорт. А перед Джо длинная, извилистая цепочка пятнышек. Однажды конвульсивным усилием ему удалось обернуться. Позади, в туманной дали, брела другая фигура, а за ней внезапно материализовалась еще одна… и еще одна… и еще…

Меж тем Стюарт Бьюкенен сидел на корточках за мусорными баками и тревожно ждал чего-то. Он не осознавал, что избавился от Уорбека. Не осознавал, что избавился от Ирода, Джо Дэвенпорта и десятков других.

Он не осознавал, что заставил своих родителей бежать с Вашингтон-Хейтс, что уничтожил бумаги и документы, стер воспоминания и людей, движимый простейшим желанием, чтобы его

оставили в покое. Он не осознавал, что он гений.

Гений желания.

Аттракцион

Я пощекотал ее ножом; порезы на ребрах не опасны, но весьма болезненны. Ножевая рана сперва побелела, затем покраснела.

— Слушай, дорогая. — (Я забыл ее имя.) — Вот что у меня для тебя есть. Взгляни-ка. — Я помахал ножом. Чувствуешь?

Я похлопал ее лезвием по лицу. Она забилась в угол тахты и начала дрожать. Этого я и ждал.

— Ну, тварь, отвечай мне.

— Пожалуйста, Дэвид, — пробормотала она.

Скучно. Неинтересно.

— Я ухожу. Ты вшивая шлюха. Дешевая проститутка.

— Пожалуйста, Дэвид, — повторила она низким голосом.

Никаких действий!.. Ладно, дам ей еще один шанс.

— Считая по два доллара за ночь, за мной двадцать.

Я выбрал из кармана деньги, отсчитал долларовые бумажки и протянул их. Она не шевельнулась. Она сидела на тахте, нагая, посиневшая, не глядя на меня. Н-да, скучно. И представьте себе

— в любви, как зверь, даже кусалась. Царапалась, как кошка. А теперь…

Я скомкал деньги и бросил ей на колени.

— Пожалуйста, Дэвид.

Ни слез, ни криков… Она невыносима. Я ушел.

Беда с неврастениками в том, что на них нельзя положиться. Находишь их, работаешь, подводишь к пику… А они могут повести себя вот как эта.

Я взглянул на свои часы. Стрелка стояла на двенадцати. Надо идти к Гандри. Над ним работала Фрейда, и, очевидно, она сейчас там, ждет кульминации. Мне нужно было посоветоваться с Фрейдой, а времени осталось немного.

Я пошел на Шестую авеню… нет, авеню Америкас; свернул на Пятьдесят шестую и подошел к дому напротив Дворца Мекки… нет, нью-йоркского городского центра. Поднялся на лифте и уже собирался позвонить в дверь, когда почувствовал запах газа. Он шел из квартиры Гандри.

Тогда я не стал звонить, а достал свои ключи и принялся за дверь. Через две или три минуты открыл ее и вошел, зажимая нос платком. Внутри было темно. Я направился прямо на кухню и споткнулся о тело, лежавшее на полу. Выключил газ и открыл окно, пробежал в гостиную и там

пооткрывал все окна.

Гандри был еще жив. Его большое лицо побагровело. Я подошел к телефону и позвонил Фрейде.

— Фрейда? Почему ты не здесь, с Гандри?

— Это ты, Дэвид?

— Да. Я только что пришел и обнаружил Гандри полумертвым. Он пытался покончить с собой.

— Ох, Дэвид!

— Газ. Самопроизвольная развязка. Ты работала над ним?

— Конечно. Но я не думала, что он…

— Так улизнет? Я тебе сто раз говорил: Фрейда, нельзя полагаться на потенциальных самоубийц, вроде Гандри. Я показывал тебе эти порезы на запястье. Такие, как он, никогда не действуют активно. Они…

— Не учи меня, Дэвид.

— Ладно, не обращай внимания. У меня тоже все сорвалось. Я думал, у девицы необузданный нрав, а она оказалась мямлей. Теперь хочу попробовать с той женщиной, которую ты упоминала. Бекон.

— Определенно рекомендую.

— Как мне ее найти?

— Через мужа, Эдди Бекона. Попытайся в

«Шооне», или в «Греке», или в «Дугласе». Но он болтлив, Дэвид, любит, чтобы его выслушали; а у тебя не так уж много времени.

— Все окупится, если его жена стоит того.

— Безусловно. Я же говорила тебе о револьвере.

— Хорошо, а как с Гандри?

— О, к дьяволу Гандри! — прорычала она и повесила трубку.

Я тоже положил трубку, закрыл все окна и пустил газ. Гандри не двигался. Я выключил свет и вышел.

Теперь за Эдди Бекона. Я нашел его в «Греке» на Восточной Пятьдесят второй улице.

— Эдди Бекон здесь?

— В глубине, сзади, — махнул бармен.

Я посмотрел за перегородку. Там было полно народу.

— Который из них?

Бармен указал на маленького человечка, сидящего в одиночестве за столиком в углу. Я подошел и сел рядом.

— Привет, Эдди.

У него оказалось морщинистое, обрюзгшее лицо, светлые волосы, бледные голубые глаза. Бекон косо взглянул на меня.

— Что будете пить?

— Виски. Воду. Без льда.

Принесли выпивку.

— Где Лиз?

— Кто?

— Ваша жена. Я слышал, она ушла от вас?

— Они все ушли от меня.

— Где Лиз?

— Это случилось совершенно неожиданно, — произнес он мрачным голосом. — Я взял детей на Кони-Айленд…

— О детях в другой раз. Где Лиз?

— Я рассказываю. Кони-Айленд — проклятое место. Тебя привязывают в вагончике, разгоняют и пускают наперегонки с динозавром. Этот аттракцион будит в людях инстинкты каменного века. Вот почему дети в восторге. В них сильны пережитки каменного века.

— Во взрослых тоже. Как насчет Лиз?

— Боже! — воскликнул Бекон. Мы выпили еще. — Да… Лиз… Та заставила меня забыть, что Лиз существует. Я встретил ее у вагончиков роллер-костера[23]. Она ждала. Притаилась, чтобы броситься. Паук «Черная вдова». Шлюха, которой

---

[23] Примечания: 23

Роллер-костер — американские горки.

не было.

— Кого не было?

— Вы не слышали об Исчезнувшей любовнице Бекона? Невидимой Леди? Пропавшей Даме?

— Нет.

— Черт побери, где вы были? Не знаете, как Бекон снял комнату для женщины, которой не существовало?.. Надо мной до сих пор смеются. Все, кроме Лиз.

— Я ничего не знаю.

— Нет? — Он сделал большой глоток, поставил стакан и зло вперился в стол, будто ребенок, пытающийся решить алгебраическую задачку. — Ее звали Фрейда. Ф-Р-Е-Й-Д-А. Как Фрейя, богиня весны. Вечно молодая. Внешне она была вылитая девственница Боттичелли. И тигр внутри.

— Фрейда… Как дальше?

— Понятия не имею. Может быть, у нее нет фамилии, потому что она воображаема, как мне говорят. — Он глубоко вздохнул. — Я занимаюсь детективами на телевидении. Я знаю все уловки — это мое дело. Но она придумала другую. Она подцепила меня, заявив, что где-то встретила моих детей. Кто может сказать, кого знает маленький ребенок? Я проглотил ее приманку, а когда раскусил ее ложь, уже погиб.

— Что вы имеете в виду?

Бекон горько улыбнулся.

— Это все в моем воображении, уверяют меня. Я никогда не убивал ее на самом деле, потому что в действительности она никогда не жила.

— Вы убили Фрейду?

— С самого начала это была война, — сказал он, — и она кончилась убийством. У нас была не любовь — была война.

— Это все ваши фантазии?

— Так мне говорят. Я потерял неделю. Семь дней. Говорят, что я действительно снимал квартиру, но никого туда не приводил, потому что никакой Фрейды не существовало. Я был один. Один. Не было сумасшедшей твари, говорившей: «Сигма, милый…»:

— Что-что?

— Вы слышали: «Сигма, милый». Она так прощалась:

«Сигма, милый». Вот что она сказала мне в тот последний день. С безумным блеском в девственных глазах. Сказала, что сама позвонила Лиз и все о нас выложила. «Сигма, милый» и направилась к двери.

— Она рассказала Лиз? Вашей жене?

Бекон кивнул.

— Я схватил ее и затащил в комнату. Запер дверь и позвонил Лиз. Та паковала вещи. Я разбил телефон о голову этой стервы. Я обезумел. Я сорвал с нее одежду, приволок в спальню и задушил…

— А Лиз?

— В дверь ломились — крики Фрейды были слышны по всей округе, — продолжал Бекон. — Я подумал: «Это же шоу, которое ты делаешь каждую неделю. Играй по сценарию!» Я сказал им: «Входите и присоединяйтесь к убийству».

Он замолчал.

— Она была мертва?

— Убийства не было, — медленно произнес Бекон. — Не было никакой Фрейды. Квартира на десятом этаже: никаких пожарных лестниц — только дверь, куда ломились полицейские. И в квартире никого, кроме меня.

— Она исчезла? Куда? Как? Не понимаю.

Он потряс головой и мрачно уставился на стол. После долгого молчания продолжил:

— От Фрейды не осталось ничего, кроме безумного сувенира. Он, должно быть, выпал в драке — в драке воображаемой, как все говорят. Циферблат ее часов.

— А что в нем безумного?

— Он был размечен двойками от двух до двадцати четырех. Два, четыре, шесть, восемь… и так далее.

— Может быть, это иностранные часы. Европейцы пользуются двадцатичетырехчасовой системой. Я имею в виду, полдень двенадцать, час дня — тринадцать…

— Не перебивайте меня, — оборвал Бекон. — Я служил в армии и все знаю. Но никогда не видел такого циферблата. Он не из нашего мира. Я говорю буквально.

— Да? То есть?

— Я встретил ее снова.

— Фрейду?!

Он кивнул.

— И снова на Кони-Айленде, возле роллер-костера.

Я подошел к ней сзади, затащил в аллею и сказал: «Только пикни — и на этот раз ты будешь мертва наверняка».

— Она сопротивлялась?

— Нет. Без единой царапинки, свежая и девственная, хотя прошла только неделя. «Черная вдова», подкарауливающая мушек. Ей нравилось мое обращение.

— Не понимаю…

— Я понял, когда смотрел на нее, смотрел на лицо, улыбающееся и счастливое из-за моей ярости. Я сказал:

«Полицейские клянутся, что в квартире никого, кроме меня, не было. Невропатологи клянутся, что в квартире никого, кроме меня, не было. Значит, ты — плод моего воображения, и из-за этого я неделю провел с душевнобольными. Но я знаю, как ты выбралась и куда ушла».

Бекон замолчал и пристально взглянул на меня. Я ответил ему прямым взглядом.

— Насколько вы пьяны? — спросил он.

— Достаточно, чтобы поверить во все, что угодно.

— Она прошла сквозь время, — произнес Бекон. — Понятно? Сквозь время. В другое время. В будущее.

— Что? Путешествие во времени?!

— Именно. — Он кивнул. — Вот почему у нее были эти часы. Машина времени. Вот почему она так быстро поправилась. Она могла оставаться там год или сколько надо, чтобы исчезли все следы. И вернуться — Сейчас или через неделю после Сейчас. И вот почему она говорила: «Сигма, милый». Так они прощаются.

— Минутку, Эдди…

— И вот почему она хотела, чтобы дело подошло так близко к ее убийству.

— Но это ни с чем не вяжется! Она хотела, чтобы ее убили?

— Я же говорю. Она любила это. Они все любят это. Они приходят сюда, ублюдки, как мы на Кони-Айленд. Не для того, чтобы изучать или исследовать, как пишут в фантастике. Наше время для них — парк развлечений и аттракционов, вот и все. Как роллер-костер.

— Что вы имеете в виду?

— Эмоции. Страсти. Стоны и крики. Любовь и ненависть, слезы и убийства. Вот их аттракцион. Все это, наверное, забыто там, в будущем, как забыли мы, что значит убегать от динозавра. Они приходят сюда в поисках острых ощущений. В свой каменный век… Отсюда все эти преступления, убийства и изнасилования. Это не мы. Мы не хуже, чем были всегда. Это они. Они доводят нас до того, что мы взрываемся и устраиваем им роллер-костер.

— А Лиз? — спросил я. — Она верит в это?

Он покачал головой.

— У меня не было возможности ей рассказать. Шесть прекрасных футов ирландской ярости. Она забрала мой револьвер.

— Это я слышал, Эдди. Где Лиз теперь?

— На своей старой квартире.

— Миссис Элизабет Бекон?

— Уже не Бекон. Она живет под девичьей фамилией.

— Ах, да. Элизабет Нойес?

— Нойес? С чего вы взяли? Нет. Элизабет Горман. — Он воскликнул: — Что? Вы уже уходите?!

Я посмотрел на свой измеритель времени. Стрелка стояла между двенадцатью и четырнадцатью. До возвращения еще одиннадцать дней. Как раз достаточно, чтобы обработать Лиз и толкнуть ее на определенные действия. Револьвер — это кое-что… Фрейда права. Я встал из-за стола.

— Пора идти, Эдди, — произнес я. — Сигма, приятель.

Одди и Ид[24]

Это история о чудовище.

Его назвали Одиссей Голем в честь папиного любимого героя и вопреки маминым отчаянным возражениям; однако с тех пор, как ему исполнился год, все звали его Одди.

Первый год жизни есть эгоистическое стремление к теплу и надежности.

Однако, когда Одди родился, он вряд ли мог на это рассчитывать, потому что папина контора по продаже недвижимости обанкротилась, и мама стала размышлять о разводе. Неожиданное решение Объединенной Радиационной Компании построить в городе завод сделало папу богатым, и мама снова влюбилась в него. Так что Одди все-таки получил свою долю тепла и надежности.

Второй год жизни был годом робкого исследования мира. Одди ползал и изучал. Когда он добрался до пунцовых витков электрокамина,

---

[24] Примечания: 24

Ид — подсознание, часть психики, относящейся к бессознательному, являющейся источником инстинктивной энергии. Его импульсы, которые стремятся к удовлетворению в соответствии с принципом удовольствия, определяются эго и суперэго еще до того, как они получают открытое выражение.

неожиданное короткое замыкание спасло его от ожога. Когда Одди вывалился из окна третьего этажа, он упал в заполненный травой кузов Механического Садовника. Когда он дразнил кошку, она поскользнулась, собравшись прыгнуть на него, и ее белые клыки сомкнулись над ухом Одди, не причинив ему никакого вреда.

— Животные любят Одди, — сказала мама. — Они только делают вид, что кусают его.

Одди хотел быть любимым — поэтому все его любили. Пока Одди не пришло время идти в школу, все ласкали и баловали его. Продавцы магазинов задаривали мальчишку сластями, знакомые вечно приносили ему что-нибудь в подарок. Одди получал столько пирожных, лимонада, пирожков, леденцов, мороженого и других съестных припасов, что их хватило бы на целый детский сад. Он никогда не болел.

— Пошел в отца, — говорил папа. — У нас хорошая порода.

Росли и множились семейные легенды о везении Одди… Рассказывали, что совершенно чужой человек спутал его с собственным сыном как раз в тот момент, когда Одди собирался зайти в Электронный Цирк, и задержал его настолько, что Одди не стал одной из жертв того ужасного

взрыва, что произошел в 98-м году… А забытая в библиотеке книга спасла Одди от Упавшей Ракеты в 99-м году…

Разнообразные мелкие случайности избавляли его от всяческих катастроф.

Тогда никто не понимал, что он — чудовище.

В восемнадцать лет Одди был симпатичным юношей с гладкими каштановыми волосами, теплыми карими глазами и широкой улыбкой, которая обнажала ровные белые зубы. У него была спокойная, открытая манера общения и море обаяния. Он был счастлив. Пока его чудовищное зло успело проявиться и оказать влияние только на маленький городок, в котором он родился и вырос.

Закончив среднюю школу, Одди поступил в Гарвард. Однажды один из множества его новых друзей заглянул в спальню и сказал:

— Эй, Одди, пойдем на стадион, погоняем мяч.

— А я не умею, Бен, — ответил Одди.

— Не умеешь? — Бен засунул мяч под мышку и потащил Одди за собой. — Ты откуда такой взялся, приятель?

— Там, где я вырос, не очень интересуются футболом, — ухмыльнувшись, ответил Одди. — Говорят, что футбол устарел. Мы были фанатами

Хаксли.

— Хаксли! Это для яйцеголовых, — заявил Бен. — Футбол — просто замечательная игра. Хочешь стать знаменитым? Каждую субботу тебя будут показывать на футбольном поле по телеку.

— Да, я уже заметил, Бен. Покажи мне, как играть.

Бен показывал Одди, терпеливо и старательно. А Одди учился с отменным прилежанием. Когда он ударил по мячу всего в третий раз, неожиданный порыв ветра подхватил мяч, и тот, пролетев семьдесят ярдов, влетел в окно третьего этажа, где находился кабинет инспектора Чарли Стюарта (по прозвищу Доходное Место). Стюарт посмотрел на окно, а через полчаса они с Одди уже были на стадионе военной базы. Через три субботы заголовки газет гласили: «ОДДИ ГОЛЬ — 57, АРМИЯ — 0».

— Тысяча задумчивых чертей! — возмущался тренер Хиг Клейтон. — И как только у него это получается? В парнишке нет ничего необычного. Середнячок, да и только. Но стоит ему побежать, как его преследователи начинают падать. Когда он бьет по мячу, защитники спотыкаются. А когда они спотыкаются, он перехватывает мяч.

— Он словно ждет, когда противник сделает

ошибку, — отозвался Доходное Место, — а уж потом использует ее по максимуму.

Они оба ошибались. Одди Голь был чудовищем.

В поисках подходящей девушки Одди Голь пришел один, без подружки, на студенческий бал, устроенный в обсерватории, и по ошибке забрел в темную комнату, где обнаружил освещенную уродливым зеленым светом девушку, которая склонилась над подносами. У нее были коротко подстриженные черные волосы, глаза — словно две голубые льдинки и соблазнительная мальчишеская фигура. Девушка немедленно предложила ему убраться, а Одди влюбился в нее… на время.

Его друзья чуть не надорвали животы от смеха, когда он рассказал им об этом.

— Тебе что, снятся лавры Пигмалиона, Одди, разве ты ничего про нее не слышал? Эта девица фригидна, словно статуя! Она ненавидит мужчин. Ты зря теряешь время.

Однако благодаря искусству психоаналитика уже через неделю девушка сумела справиться со своими невротическими проблемами и по уши влюбилась в Одди Голя. Два месяца продолжался их необычный, всепоглощающий роман. А по-

том, как раз в тот момент, как Одди почувствовал охлаждение, у девушки случился рецидив прежней болезни, и их отношения перешли на иной, весьма для него удобный, дружеский уровень.

До сих пор лишь незначительные события являлись результатом невероятного везения Одди, но реакция на них стала более заметной.

В сентябре, перейдя на выпускной курс, Одди принял участие в конкурсе на получение Медали по политической экономии — его работа была озаглавлена: «Причины Заговоров». Поразительное сходство его тезисов с Астрейским[25] заговором, который был раскрыт в тот день, когда был опубликован труд студента, дало ему возможность получить первый приз.

В октябре Одди внес двадцать долларов в общий фонд, организованный одним его сумасшедшим приятелем для спекуляции на бирже в соответствии с «Тенденциями в изменении рынка ценных бумаг» — один из устаревших предрассудков. Расчеты безумного пророка были просто анекдотичными, но разразившаяся паника чуть не разорила биржу и учетверила стоимость акций фонда. Одди заработал сто долларов.

---

[25] Примечания: 25

Астрея (*миф.*) — божество справедливости в греческой мифологии.

Так оно и шло — все хуже и хуже. Чудовище.

Теперь, начав заниматься созерцательной философией, которая гласит, что первопричины всего кроются в истории, а Настоящее посвящает все свои усилия статистическому анализу Прошлого, чудовище могло получить гораздо больше; но живые науки подобны бульдогу, сомкнувшему зубы на феномене Настоящего. Поэтому именно Джесс Мигг, физиолог и спектральный физик, был первым, кто сумел поймать чудовище… Только вот он думал, что нашел ангела.

Старина Джесс был одной из местных Достопримечательностей. Во-первых, достаточно молод — ему еще не исполнилось и сорока. Ядовитый и острый на язык альбинос, розовые глазки, лысый, востроносый, блестящий ум, Джесс носил одежду двадцатого века и предавался его порокам — табаку и алкоголю.

Он никогда не говорил — он выплевывал слова. Никогда не прогуливался — бегал. Вот так, бегая однажды по коридорам Лаборатории № 1 (Обзор пространственной механики — курс для студентов, изучающих Общие Искусства), Мигг выследил чудовище.

Одной из первых лабораторных работ на курсе было изучение ЭМС и электролиза. Элементар-

ная вещь. U-образная трубка проходила между полюсами электромагнита. После того как через витки катушки было пропущено достаточное напряжение, на концах трубки образовывались углекислый газ и кислород в отношении два к одному, а потом полученные результаты нужно было соотнести с величиной напряжения и магнитного поля.

Одди тщательно проделал эксперимент, получил правильные результаты, записал их в свою лабораторную тетрадь и стал ждать, когда их проверит преподаватель. Крошка Мигг пробежал по проходу, подскочил к Одди и выплюнул:

— Ты закончил?

— Да, сэр.

Мигг проверил записи в журнале, бросил взгляд на индикаторы на концах трубки и, мрачно усмехнувшись, выпроводил Одди из лаборатории. Только после того, как Одди ушел, он заметил, что электромагнит был очевидным образом закорочен. Провода сплавились. Электромагнитное поле, которое должно было осуществить электролиз, просто отсутствовало.

— Дьявол и преисподняя! — взорвался Мигг (он также отдавал предпочтение ругательствам, принятым в двадцатом веке). Потом он свернул

неровную сигарету и перебрал в своей голове, подобной счетной машине, всевозможные варианты.

1. Голь обманул его.

2. Если это так, то тогда при помощи какого прибора ему удалось выделить углекислый газ и кислород?

3. Где он взял чистые газы?

4. Зачем он это сделал? Честный путь гораздо проще.

5. Он не обманул.

6. Как ему удалось получить правильные результаты?

7. Как ему вообще удалось получить какие-то результаты?

Старина Джесс вылил воду из трубки, а потом заново наполнил ее, после чего сам проделал эксперимент. Он тоже получил правильный результат без участия электромагнита.

— Иисус Христос на плоту! — выругался он.

Чудо не произвело на него никакого впечатления, зато тот факт, что он не мог найти подходящего объяснения, вызвал у преподавателя ярость. Мигг метался по лаборатории, точно голодная летучая мышь. Через четыре часа он обнаружил, что стальные ножки столов соби-

рают электрический заряд от катушек Грисома, находящихся в подвале, в результате чего возникает электромагнитное поле, достаточное для успешного проведения эксперимента.

— Совпадение, — выплюнул Мигг. Но он не был удовлетворен.

Две недели спустя во время занятий по анализу распада элементарных частиц Одди закончил свою вечернюю работу, аккуратно записав изотопы, полученные из селена и лантана.

Однако Мигг заметил, что в результате ошибки Одди не получил уран-235 для нейтронной бомбардировки. Ему было выдано то, что осталось после демонстрации абсолютно черного тела Стефана-Больцмана.

— Силы небесные! — возопил Мигг и все перепроверил, а потом, сомневаясь в полученных результатах, проверил свои выкладки еще раз. Когда он нашел ответ — удивительное совпадение — плохо вычищенный прибор и неисправная камера Вильсона, он разразился потоком ругательств, за которыми последовал набор изысканных проклятий, популярных в двадцатом веке. После этого Мигг как следует все обдумал.

— Существует люди, с которыми вечно что-то случается. — Он оскалился на свое отражение

в зеркале самоанализа. — А как насчет людей, которым вечно везет? Дерьмо собачье!

Джесс Мигг, словно бульдог, вцепился зубами в это явление и занялся Одди Голем. Он торчал у Одди за спиной в лаборатории, злобно хихикая, если Одди, пользуясь неисправным оборудованием, успешно завершал один эксперимент за другим. Когда Одди удачно провел классический эксперимент Резерфорда — получил редкий изотоп кислорода — после того, как подверг азот бомбардировке альфа-частицами, только в его случае не было ни азота, ни альфа-частиц, — Мигг в восторге сильно треснул его по спине. А потом, внимательно изучив обстоятельства, обнаружил логическую, хотя и совершенно невероятную цепь совпадений, которая объясняла происшедшее.

Он посвятил все свое свободное время тому, чтобы проверить, как складывалась жизнь Одди в Гарварде. Потратил целых два часа на разговор с психоаналитиком женского отделения факультета астрономии и десять минут на беседу с Хигом Клейтоном и со Стюартом Доходное Место. Джесс узнал про биржевой фонд, Медаль по политической экономии и о нескольких других случаях, наполнивших его душу злобным

ликованием. После этого он на время расстался с горячо любимыми аксессуарами двадцатого века, облачился в формальную тунику и впервые за этот год направился в Клуб факультета.

В Диатермическом Алькове игралась шахматная партия на прозрачной тороидной доске для четверых. Она продолжалась с тех самых пор, как Мигг начал работать на факультете, и, скорее всего, не будет завершена до конца столетия. Более того, Юхансен, играющий красными, уже начал учить своего сына, чтобы тот заменил его в том весьма вероятном случае, если он умрет до окончания партии.

В своей обычной резкой манере Мигг стремительно подошел к блестящей доске, на которой яркими пятнами выделялись разноцветные фигуры, и выпалил:

— Что вам известно о случайностях?

— Что? — переспросил Белланби, отошедший от дел профессор философии. — Добрый вечер, Мигг. Вы имеете в виду сущностные случайности или материальные? С другой стороны, если вы хотите своим вопросом намекнуть…

— Нет, нет, — нетерпеливо прервал его Мигг. — Приношу свои извинения, Белланби. Разрешите мне перефразировать вопрос. Существует ли

принудительная вероятность?

Хррдниккисч сделал свой ход и, наконец, обратил внимание на Мигга, как это уже сделали Юхансен и Белланби. Вилсон продолжал напряженно изучать доску. Учитывая, что он имел право затратить на размышления целый час и наверняка этим правом воспользуется, Мигг знал, что у них вполне достаточно времени для дискуссии.

— Навяжанная вероятноштъ? — прошепелявил Хррдниккисч. — Ну это не новая коншепчия, Мигг. Я припоминаю обжор тежишов «Интеграф» том LVIII, раждел 9. Там ештъ рашшоты, ешли я не ошибаюшь…

— Нет, — снова прервал его Мигг. — Мое почтение, Зигноид. Меня не интересуют математические вероятности, да и философские тоже. Позвольте сформулировать вопрос так. Понятие человека, подверженного несчастным случаям, было принято в среде психоаналитиков. С этим связана теорема Патона о Наименьшей Невротической Норме. Мне удалось обнаружить противоположное явление — человека, подверженного счастливым случаям.

— Да? — Юхансен захихикал. — Это, должно быть, шутка. Подожди немного, и ты сам в этом

убедишься, Зигноид.

— Нет, — ответил Мигг. — Я совершенно серьезен. Я действительно нашел человека, которому всегда и во всем везет.

— Он выигрывает в карты?

— Он выигрывает во все. Примите это как аксиому, во всяком случае, пока… Я представлю документальное подтверждение своих слов позднее…

Существует человек, которому постоянно все удается. Он подвержен счастливым случаям. Стоит ему чего-нибудь захотеть, он это получает. Если же его желание очевидным образом выходит за рамки его возможностей, тогда срабатывают самые разнообразные факторы — случайности, совпадения, стечение обстоятельств… — и он получает желаемое.

— Нет. — Белланби покачал головой. — Слишком притянуто за уши.

— Я проверил свои идеи эмпирически, — продолжал Мигг. — Происходит дело примерно так. Будущее есть выбор из взаимоисключающих возможностей, одна из которых должна быть реализована с точки зрения предпочтительности того или иного события…

— Да, да, — прервал его Юхансен. — Чем боль-

ше число предпочтительных возможностей, тем выше вероятность свершения события. Это же элементарно, Мигг. Продолжай.

— Я продолжаю, — мрачно проворчал Мигг. — Когда мы обсуждаем вероятность, бросая кости, предсказать результат достаточно просто.

Существует только шесть взаимоисключающих возможностей выпадения одного числа. Вероятность легко вычислить. Случайность сводится к простым вероятностным расчетам. Но когда мы обсуждаем вероятность в рамках Вселенной, мы не можем собрать достаточное количество данных, чтобы сделать предсказание. Слишком много факторов. Мы не в силах рассчитать благоприятное стечение обстоятельств.

— Вше это верно, — заявил Хррдниккисч. — А как нашшет вашего подверженного шашливым шлучаям?

— Я не знаю, как он это делает… Ему стоит достаточно сильно захотеть чего-нибудь, и он создает благоприятную вероятность желаемого исхода.

Одним своим желанием он может превратить возможность в вероятность, а вероятность — в определенность.

— Смешно, — резко возразил Белланби. — Вы утверждаете, что на свете существует человек,

способный выполнять подобные трюки?

— Ничего подобного. Он и сам не знает, что делает. Он просто думает, что ему везет, если вообще задумывается над тем, что с ним происходит. Давайте представим себе, что он хочет… ну… Назовите что-нибудь.

— Героин, — предложил Белланби.

— А это еще что такое? — поинтересовался Юхансен.

— Проижводное морфия, — объяснил Хррдникисч. — Ранее проижводилось и продавалошь наркоманам.

— Героин, — повторил Мигг. — Великолепно. Скажем, мой человек возжелал героина, античного наркотика, не существующего в наше время. Очень хорошо.

Его желание приведет к возникновению такой последовательности возможных, но совершенно невероятных событий: химик в Австралии, занимаясь новым видом органического синтеза, совершенно случайно, сам того не желая, приготовит шесть унций героина. Четыре унции будут выброшены на помойку, а две вследствие какой-нибудь ошибки сохранены. Затем, в результате случайного совпадения, эти две унции прибудут в нашу страну и в город — упакованные в пласти-

ковый шарик, как это принято делать с сахарной пудрой; потом наш герой придет в ресторан, где он никогда до сих пор не бывал, и там ему подадут героин в пластиковой упаковке…

— Ла-ла-ла! — сказал Хррдниккисч. — Какая ловкая иштория. Какая чудешная швяжь шлучайношти и вероятношти! Вше получаетша только потому, что он этого жахотел, ничего об этом не жная?

— Вот именно, — прорычал Мигг. — Я не знаю, как у него это получается, только он умудряется превратить вероятность в определенность. А поскольку практически все на свете возможно, он в состоянии добиться всего, чего захочет. Он божественен, но он не Бог, так как делает все это бессознательно. Он ангел.

— Ну и кто же он, этот ваш ангел? — спросил Юхансен.

Тут Мигг рассказал им все, что ему было известно про Одди Голя.

— Как он это делает? — поинтересовался Белланби. — Как у него получается?

— Я не знаю, — снова повторил Мигг. — Расскажите мне, как все получается у эсперов.

— Что! — воскликнул Белланби. — Вы что, собираетесь отрицать существование телепати-

ческого способа передачи мыслей? Неужели вы…

— Я ничего подобного не утверждал. Я просто проиллюстрировал единственно возможное объяснение. Человек создает события. Грозящую нам Войну Ресурсов можно считать результатом естественного истощения природных богатств земли. Мы знаем, что это не так, просто человек в течение многих веков бездарно их разбазаривал. Природные явления теперь гораздо реже рождаются природой и гораздо чаще являются следствием деятельности человека.

— Ну и?

— Кто знает? Голь создает новое явление. Возможно, он подсознательно телепатически передает свои желания — и получает результаты. Он желает героин. Сообщение послано…

— Но эсперы могут выйти на телепатическую связь только на расстоянии прямой видимости. Они не могут пробиться даже через массивные объекты. Например, здание или…

— Я вовсе не утверждаю, что все это происходит на уровне эсперов! — вскричал Мигг. — Я пытаюсь представить нечто большее, нечто грандиозное. Он хочет героин. Это сообщение направлено в мир. Все люди бессознательно начинают делать то, что произведет для него

героин так быстро, как это только возможно. Тот австрийский химик…

— Нет. Австралийский.

— Тот австралийский химик может стоять перед выбором из полдюжины различных синтезов. Пять из них ни при каких условиях не приведут к созданию героина; но импульс, полученный им от Голя, заставит его выбрать шестой.

— А если он все-таки его не выберет?

— Кто знает, какие параллельные цепочки событий могут быть задействованы? Мальчишка из Монреаля, играющий в Робин Гуда, заберется в заброшенный коттедж, где он найдет наркотик, который тысячелетие назад был спрятан там контрабандистами. Женщина, живущая в Калифорнии, собирает старые бутылочки от лекарств; она найдет фунт героина. Ребенок в Берлине, играющий с дефектным набором детских химикатов, произведет героин… Назовите любую, самую невероятную последовательность событий, и Голь сможет вызвать их, превратив эту последовательность возможностей в логическую неизбежность. Я же говорю вам: этот парень — ангел!

Мигг представил друзьям документальное подтверждение своих слов и сумел их убедить.

Именно тогда четверо ученых, обладавших различными, но сильными интеллектами, назначили себя исполнительным комитетом Судьбы и прибрали к рукам Одди Голя.

Чтобы понять, что они собирались сделать, вам необходимо сначала узнать, какой была ситуация в мире в тот момент.

Всем известно, что основой любой войны являются экономические противоречия, или, если сформулировать это иначе, к оружию принято прибегать, когда уже не осталось других средств победить в экономической войне. В дохристианские времена Пунические войны стали результатом финансовой борьбы между Римом и Карфагеном за экономический контроль в Средиземном море. Три тысячи лет спустя надвигающаяся Война Ресурсов должна была стать финалом противостояния двух Независимых Государств Всеобщего Благосостояния, контролировавших большую часть экономики мира.

В двадцатом веке была нефть; теперь же, в тридцатом, все пользовались РЯР (так называли руду, способную к ядерному распаду); сложилась ситуация, напоминающая кризис на полуострове Малая Азия, который тысячу лет назад положил конец существованию Организации Объеди-

ненных Наций. На отсталом полуварварском Тритоне, на который раньше никто не обращал никакого внимания, неожиданно обнаружили огромные запасы РЯР. Поскольку Тритон не имел ни средств, ни достаточно развитой технологической базы для того, чтобы развиваться самостоятельно, он продавал концессии обоим Независимым Государствам.

Разница между Государством Всеобщего Благосостояния и Великодушным Деспотом была едва различима. В трудные времена и то и другое государство, имея самые благородные побуждения, может поступать самым гнусным образом. Как Сообщество Наций (которых Der Realpolitik aus Terra с горечью прозвали «жуликами»), так и Der Realpolitik aus Terra (язвительно прозванные Сообществом Наций «крысами») отчаянно нуждались в природных ресурсах — имеется в виду, конечно же, РЯР. Они истерически повышали ставки, чтобы переплюнуть друг друга, и самым бессовестным образом устраивали пограничные стычки, чтобы потеснить противника в борьбе за влияние. Единственной их заботой была защита своих граждан. Они готовы были перерезать друг другу глотку из самых лучших побуждений.

Если бы эту проблему надо было решать толь-

ко гражданам обоих Независимых Государств, вполне можно было бы найти какое-нибудь компромиссное решение; но Тритон, у которого, словно у школьника, закружилась голова от неожиданно свалившейся на него власти и влияния, внес сумятицу в международные отношения, заговорив на языке религии и объявив Священную Войну — о существовании которой все уже давно успели забыть. Участие в их Священной Войне (включая уничтожение безвредной и совершенно незначительной секты, называвшейся квакеры) было одним из условий торговых сделок. Оба государства, в принципе, были готовы принять это условие, но, естественно, о нем не должны были узнать их граждане.

Поэтому, прикрываясь пунктами Прав Религиозных Меньшинств, Прав Первопроходцев, Свободы Вероисповедания, Историческим Правом Владения Тритоном и тому подобными документами, оба Государства делали ложные выпады, отбивали неожиданные удары и наносили удары в ответ, медленно сближаясь со своим противником, — словно фехтовальщики, готовящиеся к решающему выпаду, который неминуемо должен был означать смертельный исход для обоих.

Четверо ученых обсуждали все это в течение трех долгих встреч.

— Послушайте, — взмолился Мигг, когда их третья встреча подходила к концу. — Вы, теоретики, уже превратили девять человекочасов в углекислый газ и дурацкие разногласия…

— Вот именно, я всегда это говорил, Мигг, — кивнув, улыбнулся Белланби.

— Каждый человек втайне верит, что, если бы он был Богом, он мог бы устроить все гораздо лучше. Лишь теперь мы начинаем понимать, как это трудно.

— Не Богом, — сказал Хррдниккисч, — его Премьер-Миништром. Богом будет Голь.

— Не нравятся мне эти разговоры, — поморщился Юхансен. — Я верующий человек.

— Вы? — удивленно воскликнул Белланби. — Коллоидный терапевт?

— Я верующий человек, — упрямо повторил Юхансен.

— Мальчишка обладает шпашобноштью творить чудеша, — сказал Хррдниккисч. — Когда ему объяшнят, что он может, Голь штанет Богом.

— Все это бессмысленные разговоры, — выкрикнул Мигг. — Вот уже три встречи мы провели в бесплодных спорах. Я выслушал три совершенно

противоположных мнения по поводу мистера Одиссея Голя. И хотя мы все согласились, что необходимо воспользоваться им как инструментом, мы никак не можем договориться о том, какую работу должен выполнить этот инструмент. Белланби лопочет что-то про Идеальную Интеллектуальную Анархию, Юхансен проповедует Совет Бога, а Хррдниккисч потратил целых два часа, постулируя и разрушая свои собственные теоремы…

— Ну жнаете, Мигг… — начал Хррдниккисч. Но Мигг только махнул на него рукой.

— Позвольте мне свести это обсуждение до уровня младшего школьного возраста. Давайте расставим вопросы в соответствии с их значением, джентльмены. Прежде чем пытаться принять вселенские решения, мы должны убедиться в том, что Вселенная останется на своем прежнем месте. Я имею в виду грозящую нам всем войну…

— Наш план, как он мне видится, — продолжал Мигг, — должен быть простым и эффективным. Речь идет о том, чтобы дать Богу образование — или, если Юхансен возражает против подобной формулировки, ангелу. К счастью, Голь — достойный молодой человек с добрым сердцем и честными намерениями. Я содрогаюсь при мыс-

ли о том, что Голь мог бы сделать, если бы ему была присуща врожденная порочность.

— Или на что он был бы способен, если бы узнал о своих возможностях, — пробормотал Белланби.

— Именно. Мы должны начать тщательное и серьезное этическое образование мальчика, несмотря на то, что у нас очень мало времени. Мы не можем сначала закончить его образование и только потом, когда это будет вполне безопасно, рассказать ему всю правду. Мы должны предотвратить войну и выбрать для этого кратчайший путь.

— Ладно, — со вздохом согласился Юхансен. — Что вы предлагаете?

— Ослепление, — выплюнул Мигг. — Очарование.

— Очарование? — захихикал Хррдниккисч. — Что это, новая наука, Мигг?

— А вам не приходило в голову задать себе вопрос — почему я посвятил в свой секрет именно вас троих? — фыркнул Мигг. — За ваш интеллект? Чушь! Я умнее, чем вы все вместе взятые. Нет, джентльмены, я выбрал вас за ваше обаяние.

— Это оскорбление, — усмехнулся Белланби. — И все же я польщен.

— Голю девятнадцать, — продолжал Мигг. — Он

находится в таком возрасте, когда выпускники наиболее склонны боготворить какую-нибудь замечательную личность. Я хочу, чтобы вы, джентльмены, охмурили его. Вы, несомненно, не являетесь самыми великими умами нашего Университета, но вы — его главные герои.

— Я тоже ошкорблен и польщен, — сказал Хррдниккисч.

— Я хочу, чтобы вы очаровали Одди… нет, ослепили, чтобы он был преисполнен любви и благоговения… ведь каждый из вас уже сотни раз проделывал этот фокус с другими нашими выпускниками.

— Ага! — воскликнул Юхансен. — Пилюля в шоколадной оболочке.

— Точно. Когда же он будет в достаточной степени вами очарован, вы должны заставить Голя _захотеть_ остановить войну… а затем скажете ему, как это сделать. Это даст нам возможность продолжить его образование. К тому времени, когда он перерастет свое восхищение перед вами, мы уложим надежный этический фундамент, на котором можно будет возвести солидное здание. Голь не будет представлять никакой опасности для мира.

— А вы, Мигг? — поинтересовался Белланби. —

Какая роль отводится вам?

— Сейчас? Никакой, — оскалился Мигг. — Я не способен никого очаровать, джентльмены. Я вступлю в игру позже, когда он начнет перерастать свое восхищение перед вами, — тогда возрастет уважение Голя ко мне.

Ужасно хитрые рассуждения, но время показало, что они были абсолютно верными.

По мере того как события неотвратимо приближались к окончательной развязке, Одди Голь был быстро и основательно очарован. Белланби приглашал его в двадцатифутовую хрустальную сферу, венчающую его дом… знаменитый курятник, в который попадали только избранные. Там Одди Голь загорал и восхищался великолепным телосложением философа, которому уже исполнилось семьдесят три года. Как и ожидалось, восхищаясь мышцами Белланби, он не мог не восхищаться его идеями. Голь часто приходил сюда загорать, благоговеть перед великим человеком и заодно поглощать этические концепции.

Хррдниккисч тем временем занимал вечера Одди. С математиком, который пыхтел и шепелявил, словно сошел со страниц произведений Рабле, Одди уносился к ослепительным высотам

haute cuisine[26] и другим прелестям язычества. Они вместе ели удивительные блюда и пробовали чудесные напитки, встречались с самыми невероятными женщинами — в общем, Одди возвращался поздно ночью в свою комнату, опьяненный волшебством чувств и великолепным многообразием замечательных идей Хррдник-кисча.

А иногда — не очень часто — оказывалось, что его ждет папаша Юхансен, и тогда они вели длинные серьезные разговоры, так необходимые молодому человеку, ищущему гармонию в жизни и жаждущему понимания вечности. Одди хотелось быть похожим именно на Юхансена — сияющее воплощение Духовного Добра, живой пример Веры в Бога и Этического Благоразумия.

Кризис разразился тринадцатого марта. Мартовские Иды — они должны были почувствовать символичность этой даты. После обеда в Клубе факультета три великих человека увели Одди в фотолабораторию, где к ним, будто совершенно случайно, присоединился Джесс Мигг. Прошло несколько напряженных минут, а потом Мигг сделал знак, и Белланби заговорил:

---

[26] Примечания: 26
Изысканная кулинария (*фр.*).

— Одди, — спросил он, — тебе когда-нибудь снилось, что ты проснулся и оказалось, что ты стал королем?

Одди покраснел.

— Вижу, что снилось. Знаешь, к каждому человеку когда-нибудь приходил такой сон. Это называется комплексом Миньона. Обычно все происходит так: тебе становится известно, что на самом деле твои родители тебя усыновили и ты являешься законным королем… ну, скажем…

— Руритании, — помог ему Хррдниккисч, который занимался изучением художественной литературы Каменного Века.

— Да, сэр, — пробормотал Одди. — Мне снился такой сон.

— Ну так вот, — тихо сказал Белланби, — твой сон сбылся. Ты король.

Одди не сводил с них потрясенных глаз, пока они объясняли, объясняли и объясняли. Сначала, будучи студентом, он испытал настороженную подозрительность, опасаясь розыгрыша. Затем, поскольку он поклонялся людям, говорившим с ним, он почти им поверил. И, наконец, являясь человеческим существом, он был охвачен восторженным ощущением безопасности. Ни власть, ни слава, ни богатство не вызывали в нем такой

восхитительной радости, как чувство безопасности. Позже ему, возможно, станет доставлять удовольствие все, что связано с его положением, но сейчас он расстался со страхом, ему больше никогда не надо будет ни о чем беспокоиться.

— Да, — воскликнул Одди. — Да, да, да! Я понимаю. Я понимаю, чего вы от меня хотите.

Он взволнованно вскочил со стула и, дрожа от радости, забегал от одной освещенной стены к другой. Потом Одди остановился и повернулся к своим учителям.

— Я благодарен, — проговорил он, — благодарен вам всем за то, что вы пытались сделать. Было бы просто ужасно, если бы я был эгоистичным… или порочным… Попытался бы воспользоваться своими способностями ради собственной выгоды. Однако вы указали мне путь. Я должен служить добру. Всегда.

Счастливый Юхансен только кивал головой.

— Я буду всегда слушаться вас, — продолжал Одди. — Я не хочу совершать ошибки. — Он замолчал и снова покраснел. — Тот сон — про короля — он мне снился, когда я был ребенком, но здесь, в Университете, мне в голову приходили другие мысли. Я раздумывал о том, что было бы, если бы я был тем единственным человеком,

который управляет всем миром. Мне снились добрые, великодушные поступки, которые я хотел бы совершить…

— Да, — сказал Белланби. — Мы знаем, Одди. Нам тоже снились такие сны. Они снятся всем.

— Только теперь это уже не сон, — рассмеялся Одди. — Это реальность. Все случится, как я захочу.

— Начни с войны, — ядовито посоветовал Мигг.

— Конечно, — поспешно согласился Одди. — Именно с войны; но мы пойдем дальше, правда? Я сделаю все, чтобы война не началась, а после этого мы совершим… великие преобразования! Только мы пятеро. Про нас никто не узнает. Мы будем оставаться самыми обычными людьми, но благодаря нам жизнь всех остальных людей станет чудесной. Если я ангел… как вы говорите… тогда я создам рай везде, где только смогу.

— Но начни с войны, — повторил Мигг.

— Война — самая страшная катастрофа, которая должна быть предотвращена, — сказал Белланби. — Если ты не хочешь, чтобы эта катастрофа разразилась, то этого никогда не случится.

— Ты ведь хочешь предотвратить трагедию? — сказал Юхансен.

— Да, — ответил Одди. — Очень хочу.

Война началась двадцатого марта. Сообщество Наций и Der Realpolitik aus Terra мобилизовали свои силы и нанесли удар. Сокрушительные удары следовали один за другим, а в это время Одди Голь был призван младшим офицером в войска связи, однако уже 3 мая его перевели в разведку. 24 июня он был назначен адъютантом при совете Объединенных Сил, проводившем свои заседания среди развалин, которые когда-то были Австралией. 11 июля он получил очередное повышение, возглавив потрепанные ВВС, перепрыгнув сразу через 1789 чинов в офицерской иерархии. 19 сентября он принял верховное командование в Сражении Парсек и одержал победу, которая положила конец чудовищному уничтожению Солнечной системы, названному Шестимесячной Войной.

23 сентября Одди Голь сделал поразительное Мирное Предложение, которое было принято остатками двух Государств Всеобщего Благосостояния. Для этого потребовалось соединить две антагонистические экономические теории, что привело к полнейшему отказу от всех экономических теорий вообще и слиянию обоих Государств в единое Солнечное Сообщество.

1 января Одди Голь по анонимному представлению был навечно избран Солоном Солнечного Сообщества.

И сегодня все еще молодой, полный сил, красивый, искренний, идеалистичный, щедрый, добрый и умеющий сопереживать, он живет в Солнечном Дворце. Он не женат, но известно, что он прекрасный любовник; раскованный и очаровательный хозяин, преданный друг; демократичный, но жесткий лидер обанкротившейся Семьи Планет, страдающих от бездарных правительств, угнетения, нищеты и бесконечных беспорядков, что, впрочем, не мешает им петь благодарственные осанны Славному Одди Голю.

В последний момент просветления Джесс Мигг сообщил о том, как он понимает сложившуюся ситуацию, своим друзьям в Клубе факультета. Это было незадолго до того, как они отправились к Одди во дворец, чтобы стать его доверенными и самыми верными советниками.

— Мы были настоящими дураками, — с горечью сказал Мигг. — Нам следовало его убить. Он вовсе не ангел. Он чудовище. Цивилизация и культура… философия и этика… все это были всего лишь маски, которыми Одди прикрывал свое истинное лицо; эти маски прятали примитивные

стремления его подсознания.

— Ты хочешь сказать, что Одди был неискренен? — грустно спросил Юхансен. — Он хотел этого разрушения… этого ужаса?

— Конечно же, он говорил искренне… сознательно. Он и сейчат продолжает быть искренним. Он думает, что не хочет для человечества ничего иного, кроме добра. Голь честен, великодушен и благороден… но только на уровне сознания.

— А! Ид! — выдохнул Хррдниккисч так, словно его ударили в живот.

— Вы понимаете, Зигноид? Вижу, что понимаете. Джентльмены, мы были самыми настоящими кретинами. Мы ошибочно считали, что Одди сможет сознательно контролировать свою способность. Это не так. Контроль существует, но не на смысловом уровне. Способностью Одди руководит его Ид… глубокий подсознательный резервуар, в котором хранится первобытный эгоизм, присущий каждому человеку.

— Значит, он хотел этой войны, — сказал Белланби.

— Его Ид хотел войны, Белланби. Это был кратчайший путь к тому, чего желает Ид Одди — стать Повелителем Вселенной и быть любимым Вселенной. Его Ид контролирует силу Одди. У всех

есть эгоистичный, эгоцентричный Ид, живущий в подсознании; он постоянно стремится получить удовлетворение, он бессмертен, существует вне времени, не знает ни логики, ни этических ценностей, не отличает добро от зла, ему не знакомо понятие морали. Именно Ид и контролирует Одди. Он всегда будет получать желаемое — не то, что его учили желать, а то, к чему стремится его Ид. Судьба нашей системы, возможно, зависит от этого неизбежного конфликта.

— Но ведь мы будем рядом с ним, чтобы давать ему советы… направлять его… удерживать… — запротестовал Белланби. — Он же сам пригласил нас.

— Он будет прислушиваться к нашим советам, точно послушный ребенок, каким он на самом деле и является, — ответил Мигг. — Он будет с нами соглашаться, станет пытаться подарить всем райскую жизнь, а в это время его Ид очень медленно и постепенно ввергнет всех нас в Преисподнюю. Одди не уникален. Мы все являемся жертвами такого же конфликта… только у Одди есть его замечательная способность.

— Что мы можем сделать? — простонал Юхансен. — Что мы можем сделать?

— Не знаю. — Мигг прикусил губу, а потом кив-

нул Папаше Юхансену, словно хотел извиниться перед ним. — Юхансен, вы были правы. Обязательно должен быть Бог, хотя бы только затем, чтобы противостоять Одди Голю, которого, вне всякого сомнения, породил Сатана.

Это были последние разумные слова Джесса Мигга. Сейчас, естественно, он обожает Голя Ослепительного, Голя Великого, Голя Вечного Бога, который добился того первобытного, эгоистичного удовлетворения, о котором все мы подсознательно мечтаем с самого рождения, но которое оказалось доступно только Одди Голю.

5 271 009

Возьмите две части Вельзевула, две Исрафела, одну Монте-Кристо, одну Сирано, тщательно перемешайте, приправьте таинственностью, и вы получите мистера Солона Аквила. Высокий, стройный, с веселыми манерами и жесткими выражениями, а когда он смеется, его темные глаза превращаются в раны.

Неизвестно, чем он занимается. Он здоров без всякой видимой поддержки. Его видят всюду и не знают нигде. Есть нечто странное в его жизни.

Есть нечто странное в мистере Аквиле, и делайте с этим что хотите.

Когда он прогуливается пешком, ему никогда не приходится ждать перед светофором. Когда он решает поехать, под рукой всегда оказывается свободное такси. Когда он спешит в свой номер, лифт всегда ждет внизу.

Когда он входит в магазин, продавец всегда готов тут же обслужить его.

Всегда получается так, что в ресторане есть столик к услугам мистера Аквила. Всегда подворачивается лишний билетик, когда он идет на труднодоступный спектакль.

Можете опросить официантов, таксистов, девушек-лифтерш, продавцов, кассиров в театральных кассах. Нет никакого заговора. Мистер Аквил не раздает взятки и не пользуется шантажом для организации этих маленьких удобств. В любом случае он не может давать взятки или шантажировать автоматические часы, которые городские власти используют в системе регулировки уличного движения. Но все эти мелочи, которые делают жизнь такой удобной для него, происходят случайно. Мистер Солон Аквил никогда не бывал разочарован. Сейчас мы узнаем о его первом разочаровании и о том, что последовало за ним.

Мистера Аквила встречали за выпивкой в самых дешевых салунах, в средних салунах, в салунах высшего класса. Его встречали в публичных домах, на коронациях, казнях, в цирках, магистратурах и справочных. Он был известен, как покупатель антикварных автомобилей, исторических драгоценностей, инкунабул, порнографии, химикалий, чистейших призм, пони и заряженных дробовиков.

— HimmelHerrGodseyDank! Я схожу с ума, буквально схожу с ума! — заявил он пораженному президенту торгового департамента. — Типа

Вельтлани Niht wohr? Мой идеал: Tount le mond Гете. Божественно!

Он говорил на особой смеси метафор и многозначительности. Дюжины языков и диалектов вылетали у него очередями, и притом вечно с ошибками.

— Sacre bley, Джиз, — сказал он однажды. — Аквил из Рима. Означает — «орлиный». O tempora, o mores! Речь Цицерона. Мой предок.

И в другой раз:

— Мой идеал — Киплинг. Мое имя взято у него. Аквил — один из его героев. Черт побери! Величайший писатель о неграх со времен «Хижины дяди Тома».

В это утро мистер Солон Аквил был ошеломлен своим первым разочарованием. Он спешил в ателье «Логан и Дереликт» — торговцев картинами, скульптурами и редкостными предметами искусства. У него было намерение купить картину. Мистер Джеймс Дереликт знал Аквила как клиента.

Аквил уже купил Фредерика Ремингтона и Уинслоу Хоумера несколько недель назад, когда по очередному странному совпадению заскочил в магазин на Мэдисон Авеню через минуту после того, как эти картины принесли на продажу.

Мистер Дереликт видел также мистера Аквила катающимся в лодке первым морским офицером у Монтезка.

— Bon jur, bel asprit, черт побери, Джимми, — сказал мистер Аквил. Он был фамильярен со всеми. — Прохладный сегодня денек, ui? Прохладный. Я хочу купить картину.

— Доброе утро, мистер Аквил, — ответил Дереликт. У него было морщинистое лицо шулера, но глаза честные, а улыбка обезоруживающая.

Однако к этому моменту его улыбка застыла, словно появление Аквила лишило его присутствия духа.

— Я сегодня в дурном настроении из-за Джеффа, — объявил Аквил, быстро открывая витрины, трогая слоновую кость и щупая фарфор. — Так ведь его зовут, старик? Художник, как Босх, как Генрих Клей. С ним общаетесь исключительно, parbly, вы.

— Джеффри Халсион? — натянуто спросил Дереликт.

— Quil de bef! — воскликнул Аквил. — Это воспоминание. Именно этого художника я хочу. Он мой любимый. Монохром. Миниатюру Джеффри Халсиона для Аквила, bitte. Заверните.

— Никогда бы не подумал… — пробормотал

Дереликт.

— Ах! Что? Уж не одна ли это из сотни гарантированного Мина? — воскликнул мистер Аквил, размахивая прелестной вазой. — Черт побери! Ui, Джимми? Я щелкаю пальцами… В магазине нет Халсиона, старый мошенник?

— Очень странно, мистер Аквил, — Дереликт, казалось, боролся с собой, — что вы пришли сюда. Миниатюра Халсиона прибыли меньше пяти минут назад.

— Ну? Tempo est rikturi… Ну?

— Я не хочу показывать ее вам. По личным причинам, мистер Аквил.

— HimmelHerrGot! Ее заказали заранее?

— Н-нет, сэр. Не по *моим* личным причинам. По *вашим* личным причинам.

— Что? Черт побери! Объясните же мне!

— Во всяком случае, она не на продажу, мистер Аквил. Она не может быть продана.

— Но почему? Говорите, старый cafal!

— Не могу сказать, мистер Аквил.

— Дьявол вас побери, Джимми! Вы не можете показать. Вы не можете продать. Между нами, я места себе не нахожу из-за Джеффри Халсиона. Мой любимый художник, черт побери! Покажите мне Халсиона или sic tranzit glora mundi. Вы слы-

шите меня, Джимми?

Дереликт поколебался, затем пожал плечами.

— Ладно, мистер Аквил, покажу.

Дереликт провел Аквила мимо витрин китайского фарфора и серебра, мимо лаков, и бронзы, и блестящего оружия к галерее в заднем конце магазина, где на серых велюровых стенах висели дюжины картин, пылающих под яркими прожекторами. Он открыл ящик шкафа в стиле Годдара и достал конверт. На конверте было напечатано: «Институт Вавилона». Дереликт вынул из конверта долларовую бумажку и протянул ее Аквилу.

— Поздний Джеффри Халсион, — сказал он.

Прекрасной ручкой и угольными чернилами ловкая рука вывела на долларе над лицом Джорджа Вашингтона другой портрет. Это было ненавистное, дьявольское лицо на фоне ада. Это было лицо, перекошенное ужасом, на вызывающей ненависть сцене. Лицо являлось портретом мистера Аквила.

— Черт побери! — воскликнул мистер Аквил.

— Понимаете, сэр? Я не хотел вас расстраивать.

— Теперь уж я точно должен владеть им. — Мистер Аквил, казалось, был зачарован портретом. — Случайность это или намеренность? Знал

ли меня Халсион? Ergo sim…

— Понятия не имею, мистер Аквил. Но в любом случае я не могу продать рисунок. Это доказательство преступления… осквернения валюты Соединенных Штатов. Он должен быть уничтожен.

— Никогда! — Мистер Аквил схватил рисунок, словно боялся, что продавец тут же подожжет его. — Никогда, Джимми. «Крикнул ворон: „Nevermor“». Черт побери! Почему Халсион рисует на деньгах. Нарисовал меня. Преступная клевета, но это неважно. Но рисунки на деньгах? Расточительство, joki causa.

— Он сумасшедший, мистер Аквил.

— Нет! Да? Сумасшедший? — Аквил был потрясен.

— Совершенно сумасшедший, сэр. Это очень печально. Он в лечебнице. Проводит время, рисуя картинки на деньгах.

— Le jeir vivenda, Iisuse! Почему бы вам не подарить ему бумагу для рисования, а?

Дереликт печально улыбнулся.

— Пытались, сэр. Когда мы давали Джеффу бумагу, он рисовал на ней деньги.

— Дьявол! Мой любимый художник. В сумасшедшем доме. Ex bin! В таком случае могу ли я

покупать его рисунки?

— Не можете, мистер Аквил. Боюсь, никто больше не купит Халсиона. Он совершенно безнадежен.

— Отчего он сошел с колеи, Джимми?

— Говорят, это уход от действительности, мистер Аквил. Этому способствовал его успех.

— Да? Что и требовалось доказать. Расшифруйте.

— Ну, сэр, он еще молод, ему только тридцать, он очень незрел. Когда он приобрел такую известность, то не был готов к ней. Он не был готов к ответственности за свою жизнь и карьеру. Так мне сказали врачи. Тогда он повернулся ко всему задом и ушел в детство.

— А? И рисует на деньгах?

— Врачи сказали, что это его символ возвращения к детству, мистер Аквил. Доказательство, что он слишком мал, чтобы знать, что такое деньги.

— А? Ui… Я… Хитрость безумца. А мой портрет?

— Я не могу объяснить это, мистер Аквил, если вы не встречались с ним в прошлом и он не запомнил вас. Или, может, это совпадение.

— Гм… Возможно, и так. Вы что-то знаете, мой древний грек? Я разочарован. Je oubleray jamarz. Я жестоко разочарован. Черт побери! Уже никогда

не будет картин Халсиона? Merde! Мой лозунг. Мы должны что-то сделать с Джеффри Халсионом. Я не хочу разочаровываться. Мы должны что-то сделать.

Мистер Солон Аквил выразительно кивнул, достал сигарету, закурил, затем помолчал, глубоко задумавшись. Через долгую минуту он снова кивнул, на сей раз решительно, и сделал поразительную штуку. Он сунул зажигалку в карман, достал другую, быстро оглянулся и щелкнул ею перед носом мистера Дереликта.

Мистер Дереликт, казалось, ничего не заметил. Мистер Дереликт, казалось, мгновенно застыл. Мистер Аквил осторожно поставил горящую зажигалку на выступ шкафа перед продавцом, стоявшим по-прежнему неподвижно. Оранжевое пламя отсвечивало на его глазах.

Аквил метнулся в магазин, пошарил и нашел китайский хрустальный шар.

Он достал его из витрины, согрел на груди и уставился в него. Что-то пробормотал. Кивнул. Потом вернул шар в витрину и подошел к кассе. Там он взял блокнот, ручку и стал писать знаки, не имеющие отношения ни к какому языку или графологии. Затем снова кивнул, вырвал из блокнота листок и спрятал в свой бумажник.

Из бумажника он достал доллар, положил на стеклянный прилавок, вынул из внутреннего кармана набор ручек, выбрал одну и развинтил. Осторожно прищурив глаза, он капнул из ручки на доллар. Сверкнула ослепительная вспышка. Раздалось вибрирующее жужжание, которое медленно затихло.

Мистер Аквил положил ручки в карман, осторожно взял доллар за уголок и вернулся в картинную галерею, где по-прежнему стоял продавец, остекленело уставившись на оранжевый огонек. Аквил помахал долларом перед его неподвижными глазами.

— Послушай, приятель, — прошептал Аквил, — после обеда посетишь Джеффри Халсиона. Nest ра? Дашь ему эту бумажку, когда он попросит материал для рисования. Да? Черт побери! — Он достал из кармана мистера Дереликта бумажник, вложил в него доллар и вернул бумажник на место.

— Для этого и посетишь его, — продолжал Аквил. — Потому что ты находишься под влиянием Le Diable Voiteux. Vollens-nollens, хромой бес внушил тебе план исцеления Джеффри Халсиона. Черт побери! Покажешь ему образцы его прежнего великого искусства, чтобы привести его в себя.

Память — мать всего. HimmelHerrGott! Слышишь меня? Ты сделаешь так, как я говорю. Пойдешь сегодня и предоставишь остальное дьяволу.

Мистер Аквил взял зажигалку, закурил сигарету и погасил огонек.

Сделав это, он сказал:

— Нет, мой святейший святой! Джеффри Халсион слишком великий художник, чтобы чахнуть в глупом заточении. Он должен вернуться в наш мир. Он должен быть возвращен мне. Le sempre l'ora. Я не буду разочарован. Ты слышишь меня, Джимми? Не буду!

— Возможно, есть надежда, мистер Аквил, — ответил Джеймс Дереликт. — Мне только что пришла одна идея… Способ привести Джеффа в разум. Попытаюсь сделать это сегодня после обеда.

Нарисовав лицо Фэревея Файсенда под портретом Джорджа Вашингтона на долларе, Джеффри Халсион заговорил, ни к кому не обращаясь:

— Я как Челлини, — провозгласил он. — Рисунки и литература одновременно. Рука об руку, хотя все искусства едины, святые братья-единоверцы. Отлично. Начинаю: Я родился, я умер. Бэби хочет доллар.

Нет…

Он вскочил с мягкого пола и зашагал от мягкой стены к мягкой стене, сердито озираясь, пока глубокий пурпур ярости не превратился в бледную лиловость взаимных обвинений, что смесью масла, цвета, света и тени Джеффри Халсиона были вырваны из него Фэревеем Файсендом, чье отвратительное лицо…

— Начнем сызнова, — пробормотал он. — Затемним световые эффекты. Начнем с заднего плана… — Он присел на корточки, схватил чертежное перо, чье острие было гарантировано безвредно, и обратился к чудовищному лицу Фэревея Файсенда, которым заменял первого президента на долларе.

— Я кончен, — говорил он в пространство, пока его искусная рука создавала красоту и ужас на деньгах. — У меня был мир. Надежда. Искусство. Мир. Мама. Папа. О-о-о-о-о-о! Этот дурной человек бросил на меня дурной взгляд, и бэби теперь боится. Мама! Бэби хочет делать хорошие рисунки на хорошей бумаге для мамы и папы. Посмотри, мама, бэби рисует плохого человека с плохим взглядом, черным взглядом черных глаз, как адские омуты, как холодные огни ужаса, как далекая свирепость из далеких страхов… Кто здесь?!

Скрипнула дверь палаты. Халсион прыгнул в

угол и присел, нагой и трясущийся, когда дверь открылась перед входящим Фэревеем Файсендом…

Нет, это док в белом халате и незнакомец в черном пиджаке, несущий черный портфель с инициалами Дж. Д., вытисненными позолоченными готическими буквами.

— Ну, Джеффри? — сердито спросил врач.

— Доллар, — захныкал Халсион. — Кто даст бэби доллар?

— Я привел твоего старого приятеля, Джеффри. Ты помнишь мистера Дереликта?

— Доллар, — хныкал Халсион. — Бэби хочет доллар.

— А что случилось с предыдущим, Джеффри? Ты еще не закончил его?

Халсион сел на бумажку, чтобы спрятать ее, но врач оказался быстрее.

Он выхватил доллар, и они с незнакомцем изучили его.

— Так же велик, как все остальное, — пробормотал Дереликт. — Величайший! Какой волшебный талант пропадает…

Халсион услышал.

— Бэби хочет доллар! — заорал он.

Незнакомец достал бумажник, вытащил из

него доллар и вручил Халсиону.

Схватив доллар, Халсион услышал мелодию и попытался напеть ее сам, но это была его тайная мелодия, так что он стал слушать.

Доллар был славный, гладенький, не слишком новый, с превосходной поверхностью, принимавшей чернила, как поцелуй. Джордж Вашингтон выглядел безукоризненным, но покорным, словно привык к небрежному обращению с собой в магазинах. И в самом деле, он должен привыкнуть, потому что на этом долларе выглядел старше. Гораздо старше, чем на любом другом, так как серийный номер этого доллара был 5 271 009.

Когда Халсион удовлетворенно присел на пол и обмакнул ручку в чернила, как велел ему доллар, он услышал слова врача:

— Не думаю, что стоит оставлять вас наедине с ним, мистер Дереликт.

— Нет, мы должны остаться вдвоем, доктор. Джеффри всегда застенчив во время работы. Он будет обсуждать ее со мной только наедине.

— Сколько времени вам понадобится?

— Дайте мне час.

— Я очень сомневаюсь, что это пойдет на благо.

— Но ведь попытка не повредит?

— Полагаю, что нет. Ладно, мистер Дереликт. Позовите сиделку, когда закончите.

Дверь открылась и закрылась. Незнакомец по имени Дереликт дружески положил руку на плечо Халсиона. Халсион поднял на него глаза и усмехнулся, многозначительно ожидая щелчка дверного замка. Он прозвучал, как выстрел, как последний гвоздь, вбитый в гроб.

— Джефф, я принес тебе несколько твоих старых работ, — делано небрежным тоном сказал Дереликт. — Я подумал, что ты можешь захотеть посмотреть их со мной.

— У тебя есть часы? — спросил Халсион.

Удивляясь нормальному тону Халсиона, продавец картин достал из кармана часы и показал.

— Дай на минутку.

Дереликт отстегнул часы от цепочки. Халсион осторожно взял их.

— Прекрасно. Продолжай насчет рисунков.

— Джефф, — воскликнул Дереликт, — это снова ты? Значит, ты…

— Тридцать, — прервал его Халсион. — Тридцать пять. Сорок. Сорок пять. Пятьдесят. Пятьдесят пять. ОДНА. — С возрастающим ожиданием он сосредоточился на бегущей секундной стрелке.

— Нет, увы, нет, — пробормотал продавец. —

Мне показалось, что ты говоришь… Ну ладно. — Он открыл портфель и начал сортировать рисунки.

— Сорок… Сорок пять… Пятьдесят… Пятьдесят пять… ДВЕ.

— Вот один из твоих ранних рисунков, Джефф-ри. Помнишь, ты пришел в галерею с наброском, а я еще решил, что ты новый шлифовальщик из агентства? Только через несколько месяцев ты простил нас. Ты всегда утверждал, что мы купили твою первую картину лишь в качестве извинения. Ты все еще думаешь так?

— Сорок… Сорок пять… Пятьдесят… Пятьдесят пять… ТРИ.

— Вот темпера, что причинила тебе столько душевной боли. Хотел бы я знать, осмелишься ли ты еще на одну? Я вовсе не думаю, что темпера так негибка, как ты утверждаешь, и меня бы заинтересовало, если бы ты попробовал еще разок. Теперь, когда твоя техника стала более зрелой… Что скажешь?

— Сорок… Сорок пять… Пятьдесят… Пятьдесят пять… ЧЕТЫРЕ.

— Джефф, положи часы.

— Десять… Пятнадцать… Двадцать… Двадцать пять…

— Какого черта ты считаешь минуты?

— Ну, — внятно сказал Халсион, — иногда они запирают дверь и уходят. Иногда запирают, остаются и следят за мной. Но они никогда не подглядывают дольше трех минут, так что я положил для уверенности пять… ПЯТЬ!

Халсион сжал часы в своем большом кулаке и нанес Дереликту удар точно в челюсть. Продавец безмолвно рухнул на пол. Халсион подтащил его к стене, раздел донага, переоделся в его одежду, закрыл портфель. Взял доллар и сунул его в карман. Взял бутылочку гарантированно неядовитых чернил и выплеснул себе на лицо.

Задыхаясь, он принялся во весь голос звать сиделку.

— Выпустите меня отсюда, — приглушенным голосом вопил Халсион. — Этот маньяк попытался меня убить. Выплеснул чернила мне в лицо. Я хочу выйти!

Дверь открыли. Халсион кинулся мимо санитара, вытирая рукой черное лицо, чтобы прикрыть его. Санитар шагнул в палату. Халсион закричал:

— О Халсионе не беспокойтесь. С ним все в порядке. Дайте мне полотенце или что-нибудь вытереться. Быстрее!

Санитар развернулся и выбежал в коридор.

Подождав, пока он скроется в кладовой, Халсион ринулся в противоположном направлении. Через тяжеленные двери он вбежал в коридор главного крыла, продолжая вытирать лицо, отплевываясь и притворно негодуя. Так он достиг главного корпуса. Он прошел уже половину пути, а тревога еще не поднялась. Он слышал прежде бронзовые колокола. Их проверяли каждую среду.

Словно игра, сказал он себе. Забавно. В этом нет ничего страшного.

Просто безопасное, хитроумное, веселое надувательство, и когда игра кончается, я иду домой к маме, обеду и папе, читающему мне потешные истории, и я снова ребенок, снова настоящий ребенок, навсегда.

Все еще не было шума и криков, когда он достиг первого этажа. В приемной он объяснил, что случилось. Он объяснял это охраннику, пока ставил имя Джеймса Дереликта в книге посетителей, и его перепачканная чернилами рука посадила на страницу такое пятно, что невозможно было установить подделку. С жужжанием открылись последние ворота. Халсион вышел на улицу и, пройдя некоторое расстояние, услышал, как зазвонили бронзовые колокола, повергнув его в ужас.

Он побежал, остановился. Попытался идти прогулочным шагом, но не смог. Он шел, шатаясь, по улице, пока не услышал крики охранников. Тогда он метнулся за угол, за второй, петлял по бесконечным улицам, слыша позади автомобили, сирены, колокола, крики, команды. Кольцо погони сжималось.

Отчаянно ища убежища, Халсион метнулся в подъезд заброшенной многоэтажки.

Он побежал по лестнице, спотыкаясь, перепрыгивая через три ступени, потом через две, затем с трудом преодолевая очередную по мере того, как силы таяли, а паника парализовывала его. Он споткнулся на лестничной площадке и рухнул на дверь. Дверь открылась. За ней стоял Фэревей Файсенд, оживленно улыбаясь, потирая руки.

— Gluclih reyze, — сказал он. — В самую точку. Черт побери! Ты двадцатитрехлетний skidud, а? Входи, старик. Я тебе все объясню. Никогда не слушайся…

Халсион закричал.

— Нет, нет, нет! Не Sturm und drang, мой милый. — Мистер Аквил зажал рукой Халсиону рот, втащил через порог и захлопнул дверь.

— Presto-chango, — рассмеялся он. — Исход Джеффри Халсиона из мертвого дома. Dien ovus

garde.

Халсион освободил рот, снова закричал и забился в истерике, кусаясь и лягаясь. Мистер Аквил прищелкнул языком, сунул руку в карман и достал пачку сигарет. Привычно выхватив сигарету из пачки, он разломил ее под носом у Халсиона. Художник сразу успокоился и притих настолько, что позволил подвести себя к кушетке, где Аквил стер чернила с его лица и рук.

— Лучше, да? — хихикнул мистер Аквил. — И не образует привычки. Черт побери! Теперь можно выпить.

Он налил из графина стакан, добавил крошечный кубик льда из парящего ведерка и вложил стакан в руку Халсиона. Вынуждаемый жестом Аквила, Халсион осушил стакан. В голове слегка зашумело. Он огляделся, тяжело дыша. Он находился в помещении, напоминающем роскошную приемную врача с Парк-авеню. Обстановка в стиле королевы Анны.

Ковер ручной работы. Две картины Хогарта и Капли в позолоченных рамах на стенах. Они гениальны, с изумлением понял Халсион. Затем, с еще большим изумлением, он понял, что мыслит связно, последовательно. Разум его прояснился.

Он провел отяжелевшей рукой по лбу.

— Что случилось? — тихо спросил он. — Похоже… У меня вроде лихорадка, кошмары…

— Ты болен, — ответил Аквил. — Я приглушил болезнь, старик. Это временное возвращение к норме. Это не подвиг, черт побери! Такое умеет любой врач. Ниацин плюс карбон диоксина. Id genus omne. Только временно. Мы должны найти что-то более постоянное.

— Что это за место?

— Место? Моя контора. Без передней. Вот там комната для совещаний. Слева — лаборатория.

— Я знаю вас, — пробормотал Халсион. — Где-то я вас видел. Мне знакомо ваше лицо.

— Ui… Ты снова и снова рисовал его во время болезни. Esse homo… Но у тебя есть преимущество, Халсион. Где мы встречались? Я уже спрашивал себя. — Аквил надвинул блестящий отражатель на левый глаз и пустил световой зайчик в лицо Халсиона. — Теперь спрашиваю тебя. Где мы встречались?

Загипнотизированный светом, Халсион монотонно ответил:

— На Балу художников… Давно… До болезни.

— А? Да!.. Это было полгода назад. Вспомнил! Я был там. Несчастливая ночь.

— Нет, славная ночь… Веселье, шутки… Как на

школьных танцах… Словно костюмированный вечер…

— Уже впадаешь в детство? — пробормотал мистер Аквил. — Мы должны вылечить тебя. Cetera disunt, молодой Лонкивар. Продолжай.

— Я был с Джуди… Той ночью мы поняли, что влюблены. Мы поняли, как прекрасна жизнь. А затем прошли вы и взглянули на меня… Только раз. Вы взглянули на меня. Это было ужасно!..

— Тц-тц-тц! — разочарованно пощелкал языком Аквил. — Теперь я вспомнил этот печальный случай. Я был неосторожен. Плохие вести из дома. Сифилис у обоих моих дам.

— Вы прошли в красном и черном… Сатанинский наряд. Без магии. Вы взглянули на меня… Никогда не забуду этот красно-черный взгляд. Взглянули глазами черными, как адские омуты, как холодное пламя ужаса. И этим взглядом вы украли у меня все — наслаждение, надежду, любовь, жизнь…

— Нет, нет! — резко сказал мистер Аквил. — Позвольте нам понять друг друга. Моя неосторожность была ключом, отомкнувшим дверь. Но ты упал в пропасть, созданную тобой самим. Тем не менее мы должны кое-что исправить. — Он сдвинул отражатель и ткнул пальцем в Халсио-

на. — Мы должны вернуть тебя за землю живых… anksilium ab alto… Поэтому я и устроил эту встречу. Я натворил, я и исправлю, да! Но ты должен выбраться из собственной пропасти. Связать оборванные нити внимания. Пойди сюда!

Он взял Халсиона за руку и провел через приемную мимо кабинета в сияющую белым лабораторию. Она была вся в стекле и кафеле, на полках бутылки с реактивами, фарфоровые тигли, электропечь, запас бутылей с кислотами, ящики сырых материалов. Посреди лаборатории было маленькое круглое возвышение типа помоста. Мистер Аквил поставил на помост стул, усадил на стул Халсиона, надел белый лабораторный халат и начал собирать аппаратуру.

— Ты, — трепался он при этом, — художник высшей пробы. Я не dorer la pilul… Когда Джимми Дереликт сказал мне, что ты больше не будешь работать… Черт побери! Мы должны его вернуть к его баранам, сказал я себе. Солон Аквил должен приобрести много холстов Джеффри Халсиона. Мы вылечим его. Nok aj.

— Вы врач? — спросил Халсион.

— Нет. Если позволите, так сказать, маг. Строго говоря, чаропатолог. Очень высокого класса. Без патентов. Строго современная магия. Чер-

ная и белая, neste-pa? Я покрываю весь спектр, специализируясь в основном на полосе в 15 000 ангстрем.

— Вы врач-колдун? Не может быть!

— О да.

— В таком месте?

— Вы обмануты, да. Это наш камуфляж. Вы думаете, многие современные лаборатории, исследующие зубную пасту, имеют отношение к настоящей магии? Но мы тоже ученые. Parbley! Мы, маги, идем в ногу со временем. Ведьмино зелье теперь состоит из Дистиллированных Продуктов и Действующего Снадобья. «Близкие» достигли стопроцентной стерильности. Гигиенические метлы. Проклятия в целлофановой обертке. Папаша Сатана в резиновых перчатках. Спасибо доктору Листеру… или Пастеру? Мой идеал.

Чаропатолог подобрал ряд материалов, проделал какие-то вычисления на электронном компьютере и продолжал болтать:

— Figit hora, — говорил Аквил. — Твоя беда, старик, в потере разума. Ui? Все дело в проклятом бегстве от действительности и проклятых же отчаянных поисках спокойствия, унесенного одним моим неосторожным взглядом. Hilas? Я

извиняюсь за это. — С чем-то напоминающим миниатюрный тяжелый нивелир он покрутился возле Халсиона на помосте. — Но твоя беда такова — ты ищешь спокойствия во младенчестве. Ты должен бороться за достижение спокойствия в зрелости, neste-ра?

Аквил начертил круг и пятиугольник с помощью блестящего компаса и линейки, отвесил на микровесах порошки, накапал в тигли различные жидкости из калиброванных бюреток и продолжал:

— Множество магов берут снадобья из Источников Юности. О да! Есть много юных и много источников, но это не для тебя. Нет, Юность не для художников. Возраст — вот исцеление. Мы должны вычистить твою юность и сделать тебя взрослым, vitch voc?

— Нет, — возразил Халсион, — нет. Юность — это искусство. Юность — это мечта. Юность — это благодеяние.

— Для некоторых — да. Для иных — нет. Не для тебя. Ты проклят, мой юноша. Мы должны очистить тебя. Желание силы. Желание секса. Бегство от реальности. Стремление к мести. О да! Папаша Фрейд тоже мой идеал. Мы сотрем изъяны твоего «эго» за очень низкую плату.

— Какую?

— Увидишь, когда закончим.

Мистер Аквил расположил порошки и жидкости в тиглях и каких-то чашках вокруг беспомощного художника. Он отметил и отрезал бикфордов шнур, протянул провода от круга к электротаймеру, который тщательно настроил.

Потом подошел к полкам с бутылками серы, взял маленький пузырек Вольфа под номером 5–271–009, набрал шприц и сделал Халсиону укол.

— Мы начинаем, — сказал он, — очищение твоих грез. Vualay!

Он включил таймер и отступил за свинцовый экран. Настала секундная тишина. Внезапно мрачная музыка вырвалась из скрытого динамика и записанный голос затянул невыносимую песнь. В быстрой последовательности порошки и жидкости вокруг Халсиона вспыхнули пламенем. Музыка и огонь поглотили его. Мир с ревом завертелся вокруг…

К нему пришел Президент Союза Наций. Он был высокий, тощий, суровый, но энергичный. Он с почтением пожал ему руку.

— Мистер Халсион! Мистер Халсион! — закричал он. — Где вы были, мой друг? Черт побери! Hok tempore… Вы знаете, что случилось?

— Нет, — ответил Халсион. — А что случилось?

— После вашего бегства из сумасшедшего дома… Бамм! Повсюду атомные бомбы. Двухчасовая война. Всюду! Hora Flugit… Мужество населения…

— Что?!

— Жесткая радиация, мистер Халсион, уничтожила мужские способности во всем мире. Черт побери! Вы единственный мужчина, способный производить детей. Нет сомнений насчет таинственной мутационной наследственности вашего организма, которая сделала вас невосприимчивым. Да!

— Нет!

— Ui! Вы отвечаете за возрождение населения мира. Мы сняли для вас люкс в «Одеоне». Там три спальни. Высший класс!

— Ух ты! — сказал Халсион. — Это моя самая большая мечта.

Его шествие к «Одеону» было триумфальным. Он был награжден гирляндами цветов, серенадами, приветствиями и одобрительными выкриками. Экзальтированные женщины озорно выставлялись, привлекая его внимание. В номере люкс Халсиона накормили и напоили. Угодливо появился высокий, тощий мужчина.

Был он энергичен, но суров. В руках он держал список.

— Мировой Евнух к вашим услугам, мистер Халсион, — сказал он и заглянул в список. — Черт побери! 5 271 009 девственниц требуют вашего внимания. Все гарантированно прекрасны. Exelentz! Выбирайте любую от одной до пятимиллионной.

— Начнем с рыженькой, — сказал Халсион.

Ему привели рыженькую. Она была стройной и похожей на мальчика, с маленькими твердыми грудями. Следующая была полненькой, с круглым задом.

Пятая походила на Юнону, и груди ее были, как африканские груши. Девятая была чувственной девушкой с картины Рембрандта. Двадцатая была стройной, похожей на мальчика, с твердыми маленькими грудями.

— Мы нигде не встречались? — спросил Халсион.

— Нет, — ответила она.

Следующей была полненькая, с круглым задом.

— Знакомое тело, — сказал Халсион.

— Не может быть, — ответила она.

Пятидесятая походила на Юнону с грудями, как

африканские груши.

— Вы уже были здесь? — спросил Халсион.

— Никогда, — ответила она.

Вошел Мировой Евнух с утренним средством, усиливающим половое влечение Халсиона.

— Никогда не принимаю лекарств, — сказал Халсион.

— Черт побери! — воскликнул Евнух. — Вы настоящий гигант! Несомненно, вы происходите от Адама. Tant soit pe… Без сомнения, все рыдают от любви к вам… — Он сам выпил снадобье.

— Вы заметили, что они все похожи? — спросил Халсион.

— Нет! Все разные. Parbley! Это оскорбляет мою контору!

— Да? Они отличаются одна от другой, но типы повторяются.

— О, такова жизнь, старик. Вся жизнь циклична. Разве вы как художник не замечали этого?

— Я не думал об этом применительно к любви.

— Это касается всего. Varheit und dichtung…

— Что вы сказала насчет рыданий?

— Ui. Они все рыдают.

— Из-за чего?

— Из-за любовного экстаза к вам. Черт побери!

Халсион задумался над последовательностью

женщин: похожие на мальчика, круглозадые, юноноподобные, девушки Рембрандта, каштановые, рыжие, блондинки, брюнетки, белые, черные и коричневые…

— Не замечал, — буркнул он.

— Понаблюдайте сегодня, мой мировой отец. Можно начинать?

Это была правда, Халсион просто не замечал. Все они плакали. Он был польщен, но угнетен.

— Почему бы тебе не рассмеяться? — спрашивал он.

Смеяться они не хотели либо не могли.

На верхней площадке лестницы «Одеона», где Халсион совершал послеобеденный моцион, он спросил об этом своего тренера, высокого, тощего человека с энергичным, но суровым выражением лица.

— А? — сказал тренер. — Черт побери! Не знаю, старик. Возможно, потому что это для них травмирующее переживание.

— Травмирующее? — переспросил Халсион. — Но почему? Что я такого им делаю?

— Ха! Да ты шутник! Весь мир знает, что ты им делаешь.

— Нет, я имею в виду… Как это может быть травмой? Все борются, чтобы получить меня, не так

ли? Или я не оправдываю возложенных надежд?

— Тайна. А сейчас, возлюбленный отец мира, займемся практической зарядкой. Готов? Начинаем.

В ресторане «Одеона» у подножия лестницы Халсион спросил об этом главного официанта, высокого, тощего человека с энергичными жестами, но суровым лицом.

— Мы мужчины, мистер Халсион. Sio jar… Конечно, вы понимаете. Эти женщины любят вас, но могут надеяться только на одну ночь любви. Черт побери! Естественно, они разочарованы.

— Чего они хотят?

— Чего хочет каждая женщина, мои Великие Ворота на Запад? Непрерывных отношений. Проще говоря, выйти замуж.

— Замуж?

— Ui.

— Все они хотят выйти замуж?

— Ui.

— Отлично. Я женюсь на всех 5 271 009.

— Нет, нет, нет, мой юный Боливар, — возразил Мировой Евнух. — Черт побери! Это невозможно. Не считая религиозных трудностей, есть трудности чисто физические. Кто может справиться с таким гаремом?

— Тогда я женюсь на одной.

— Нет, нет, нет. Penser a moi… Как вы сделаете выбор? Как будете выбирать? Лотереей, вытягиванием соломинки или открытым голосованием.

— Я уже выбрал.

— Да? Которую?

— Мою девушку, — медленно сказал Халсион, — Джудит Файлд.

— Так… Сладость вашего сердца?

— Да.

— Она в самом конце пятимиллионного списка.

— Она уже была номером первым в моем списке. Я хочу Джудит. — Халсион вздохнул. — Я помню, как она выглядела на Балу художников… Стояла полная луна…

— Но еще двадцать шесть дней не будет полной луны.

— Я хочу Джудит.

— Остальные разорвут ее на клочки из ревности. Нет, нет, нет, мистер Халсион, мы должны придерживаться расписания. По ночи на каждую, но не больше.

— Я хочу Джудит… иначе…

— Это нужно обсудить в Совете, черт побери!

Это обсудили депутаты Совета Союза Наций,

высокие, тощие, энергичные, но суровые. Было решено позволить Джеффри Халсиону жениться тайно.

— Но никаких уз, — предупредил Мировой Евнух. — Никакой верности своей жене. Это следует понять. Мы не можем исключить вас из программы. Вы совершенно необходимы.

В «Одеон» привели счастливую Джудит Файлд. Это была высокая смуглая девушка с короткими кудрявыми волосами и длинными ногами. Халсион взял ее за руку. Мировой Евнух удалился на цыпочках.

— Привет, дорогая, — пробормотал Халсион.

Джудит глянула на него с ненавистью. Глаза ее блестели, лицо было мокро от слез.

— Если ты прикоснешься ко мне, Джефф, — странным голосом сказала Джудит, — я убью себя.

— Джуди!

— Этот противный человек рассказал мне все. Он не понял, когда я попыталась объяснить ему… Я молилась, чтобы ты сдох, прежде чем настанет моя очередь.

— Но мы поженимся, Джуди.

— Я скорее умру, чем женюсь на тебе.

— Я тебе не верю. Мы любили…

— Ради бога, Джефф, не говори о любви! Не понимаешь? Женщины плачут, потому что ненавидят тебя. Я ненавижу тебя. Весь мир ненавидит тебя. Ты отвратителен.

Халсион уставился на девушку и прочел правду на ее лице. Охваченный гневом, он попытался обнять ее. Она свирепо отбивалась. Они пересекли огромную гостиную номера, опрокидывая мебель, тяжело дыша, с растущей яростью. Халсион ударил Джудит Файлд кулаком, чтобы покончить с борьбой.

Она пошатнулась, уцепилась за штору, бросилась в окно и полетела с четырнадцатого этажа на мостовую, вертясь, как кукла.

Халсион с ужасом глядел вниз. Вокруг изуродованного тела собралась толпа. Поднятые вверх лица. Сжатые кулаки. Зловещее бормотание. В номер ворвался Мировой Евнух.

— Старик! — закричал он. — Что ты наделал? Per conto… Эта искра разожжет жестокость. Ты в очень большой опасности. Черт побери!

— Это правда, что все ненавидят меня?

— Helas, милый, ты открыл истину? Ох, уж эта несдержанная девушка!.. Я предупреждал ее. Ui. Вас ненавидят.

— Но вы говорили, что меня любят. Новый

Адам. Отец нового мира…

— Ui. Ты отец, но все дети ненавидят отцов. Ты также последний мужчина. Но в какой женщине не вспыхнет ненависть, если ее заставят пойти к мужчине в объятия… даже если это необходимо для выживания? Идем скорее, душа моя. Passim… Ты в большой опасности.

Он потащил Халсиона к грузовому лифту, и они спустились в подвалы «Одеона».

— Армия выручит тебя. Мы немедленно увезем тебя в Турцию и найдем компромисс.

Халсион был передан под опеку высокого, тощего, сурового армейского полковника, который провел его подвалами на другую сторону улицы, где ждала штабная машина. Полковник втолкнул Халсиона в нее.

— Dialekta alea est, — сказал он водителю. — Быстрее, мой капрал. Защитим старого неудачника. В аэропорт. Alars!

— Черт побери, сэр, — ответил капрал, отдал честь и рванул машину с места.

Пока они на головокружительной скорости петляли по улицам, Халсион разглядел водителя. Он был высокий, тощий, энергичный, но суровый.

— Kaltur Kampf der Minzeheit, — пробормотал капрал. — Забавно!

Поперек улицы была воздвигнута гигантская баррикада из ясеневых бочек, мебели, перевернутых автомобилей, торговых стоек. Капралу пришлось затормозить. Пока он снижал скорость для разворота, из подъездов, подвалов, магазинов появились толпы женщин. Они визжали. Они размахивали импровизированными дубинками.

— Превосходно! — закричал капрал. — Черт побери! — Он попытался достать из кобуры служебный пистолет. Женщины распахнули дверцы, вытащили из машины Халсиона и капрала. Халсион вырвался, пробился через взбешенную, вооруженную дубинками толпу, метнулся на тротуар, запнулся и провалился в открытую угольную яму. Он полетел в бездонное черное пространство.

Закружилась голова. Перед глазами поплыл звездный поток…

Он был один в пространстве, мучимый, неправильно понятый, жертва жестокой несправедливости.

Он по-прежнему был прикован к тому, что когда-то являлось стеной Камеры 5 Блока 27 Яруса 100 Крыла 9 Исправительного Дома Каллисто, пока неожиданный гамма-взрыв не разнес огромную тюремную крепость — куда больше

замка Иф — на куски. Взрыв, как он понял, был устроен Грешами. Его имущество состояло из тюремной одежды, шлема, одного кислородного баллона, мрачной ярости на несправедливость учиненного с ним и знания тайны, как можно разгромить Грешей и уничтожить их господство над Солнечной системой.

Греши, ужасные мародеры с Омикрона Сей, космопираты, космические неоконкистадоры, холоднокровные, воблолицые, нуждающиеся в питании психотическим ужасом, который порождали в людях с помощью мысленного контроля, быстро завоевывали Галактику. Они были непобедимы, поскольку владели симулянт-кинетической силой — способностью находиться одновременно в двух местах.

В космической черноте медленно двигалась точка света, напоминающая метеорит. Халсион понял, что это спасательный корабль, прочесывающий пространство в поисках спасшихся при взрыве. Он подумал: не может ли Юпитер, горевший багровым светом, сделать его видимым для спасателей? Еще он подумал: хочет ли вообще быть спасенным?

— Опять будет то же самое, — проскрипел Халсион. — Лживые обвинения робота Балорсена…

Лживые обвинения отца Джудит… Отречение самой Джудит… Снова тюремное заключение и, наконец, смерть от Грешей, когда они захватят последние твердыни Земли. Так почему бы не умереть сейчас?

Но, говоря это, он знал, что лжет. Он единственный знает тайну, которая может спасти Землю и всю Галактику. Он должен уцелеть. Он должен бороться.

С неукротимой волей Халсион потянулся к ноге, пытаясь порвать цепь.

Со страшной силой, развитой за годы каторжного труда в шахтах Грешей, он махал руками и кричал. Точка света не меняла направление, летя мимо него.

Затем он увидел, как металлическое звено одной из цепей лопнуло с огненной искоркой от удара метеора, и решился на отчаянный поступок, чтобы просигналить спасательному кораблю.

Он отсоединил пласти-шланг кислородного баллона от пласти-шлема и выпустил жизнетворную струю в пространство. Одновременно дрожащими руками он собрал звенья цепи на ноге и ударил ими о камень в струе кислорода.

Сверкнула искра. Пламя охватило бьющий под

давлением кислород. Сверкающий гейзер белого огня забил на полмили в пространство.

Экономя остатки кислорода в пласти-шлеме, Халсион медленно водил баллоном, посылая фонтан пламени в разные стороны в отчаянной, последней надежде на спасение. Воздух в пласти-шлеме быстро становился спертым и удушливым. Ревело в ушах. Перед глазами все поплыло. Наконец, чувства его угасли…

Когда он пришел в себя, то понял, что лежит на пласти-койке в каюте звездолета. Высокочастотный свист подсказал ему, что они летят на гиперскорости. Он открыл глаза. Возле пласти-койки стояли Балорсен, робот Балорсена, Верховный судья Файлд и его дочь Джудит. Джудит плакала. Робот был в маленьких пласти-наручниках и только моргал, когда генерал Балорсен время от времени стегал его нуклеарным пласти-кнутом.

— Parbley! Черт побери! — проскрежетал робот. — Все верно, я оклеветал Джеффри Халсиона. Ui! Flux de bounsh! Я был космопиратом и занимался космоналетами на космогрузы. Ui! Черт побери! Космобармен в Салуне Космонавтов был моим сообщником. Когда Джексон разбил космокэб, я нашел космогараж и звуковым лучом убил О’Лири. Oux arms… Ой!..

— Вы слышали его исповедь, Халсион, — проскрежетал генерал Балорсен. Он был высокий, тощий, суровый. — Ради бога! Ales est celar artem… Вы невиновны.

— Я незаконно осудил тебя, старый неудачник, — проскрежетал судья Файлд. Он был высокий, тощий, суровый. — Можешь ли ты простить это проклятое богом орудие? Мы приносим извинения.

— Мы были несправедливы к тебе, Джефф, — прошептала Джудит. — Можешь ли ты простить нас? Скажи, что прощаешь нас…

— Вы сожалеете о том, как поступили со мной, — проскрежетал Халсион, — но только потому, что принимаете в расчет таинственную наследственную мутацию в моем роду, которая делает меня иным. Я единственный владею тайной, которая может спасти Галактику от Грешей.

— Нет, нет, нет, старик, — принялся оправдываться генерал Балорсен. — Черт побери! Не держи камень за пазухой. Спаси нас от Грешей.

— Спаси нас, faut de miux, спаси нас, Джефф, — воскликнул судья Файлд.

— О, пожалуйста, Джефф, пожалуйста, — прошептала Джудит. — Греши повсюду и подступают все ближе. Мы везем тебя в Союз Наций. Ты дол-

жен сообщить Совету, как помешать Грешам пребывать в двух местах одновременно.

Звездолет вышел из гиперскорости и приземлился на Правительственном Острове, где его встретила делегация всемирных сановников и повела Халсиона в зал Генеральной Ассамблеи Союза Наций. Они ехали странно круговыми улицами со странно круглыми домами, которые были перестроены, когда обнаружилось, что Греши всегда возникают в углах. На всей Земле не было оставлено ни единого угла.

Генеральная Ассамблея была в сборе, когда вошел Халсион. Сотни высоких, тощих, суровых дипломатов аплодировали, пока он шел к подиуму, все еще одетый в пласти-комбинезон каторжника. Халсион обиженно огляделся.

— Да, — проскрежетал он, — вы все аплодируете. Сейчас вы все почитаете меня. Но где вы были, когда меня ложно обвинили, осудили и заточили в тюрьму невиновным? Где вы были тогда?

— Простите нас, Халсион, черт побери! — закричали они.

— Я не прощу вас. Семнадцать лет я страдал в шахтах Грешей. Теперь ваша очередь пострадать.

— Пожалуйста, Халсион!

— Где же ваши эксперты? Ваши профессора? Ваши специалисты? Где ваши электронные вычислители? Ваши супермыслящие машины? Пусть они раскроют тайну Грешей.

— Они не могут, старик. Entre nous! Они стоят холодные. Спасите нас, Халсион! Auf fiderzeen…

Джудит схватила его руку.

— Не ради меня, Джефф, — зашептала она. — Я знаю, ты никогда не простишь меня за то, что я была несправедлива к тебе. Но ради всех девушек в Галактике, кто любит и любим.

— Я все еще люблю тебя, Джуди.

— Я всегда любила тебя, Джефф.

— О'кей. Я не хотел раскрывать им тайну, но ты уговорила меня. — Халсион поднял руку, призывая к молчанию. В наступившей тишине он негромко заговорил: — Тайна такова, джентльмены. Ваши калькуляторы собрали данные, чтобы вычислить слабое место Грешей. Они не обнаружили ничего. Поэтому вы предположили, что у Грешей нет тайной слабости. ЭТО БЫЛО НЕВЕРНОЕ ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ.

Генеральная Ассамблея затаила дыхание.

— Вот в чем тайна. ВЫ ДОЛЖНЫ БЫЛИ ПРЕДПОЛОЖИТЬ,
ЧТО КАКАЯ-ТО НЕИСПРАВНОСТЬ КРОЕТСЯ В

САМИХ КАЛЬКУЛЯТОРАХ.

— Черт побери! — хором воскликнула Генеральная Ассамблея. — И почему мы не подумали об этом? Черт побери!

— И Я ЗНАЮ, ЧТО ИМЕННО НЕИСПРАВНО!

Наступила мертвая тишина.

Распахнулись двери Генеральной Ассамблеи. Неверным шагом вошел профессор Мертвотишинский, высокий, худой, суровый.

— Эврика! — закричал он. — Я нашел, черт побери! Что-то не в порядке с мыслящими машинами. Три идет *после* двух, но не перед.

Генеральная Ассамблея взорвалась ликованием. Профессора Мертвотишинского стали качать. Раскупорили шампанское. Выпили за его здоровье. К его груди прикололи несколько медалей. Профессор сиял.

— Эй! — закричал Халсион. — Это была моя тайна. Я единственный, кто из-за таинственной мутации, передающейся по наследству в моем роду…

Застучал телетайп:

«Внимание! Внимание! Тишенков в Москве сообщает о дефекте калькуляторов. Три идет после двух, а не перед. Повторяю: *после*, а не перед».

Вбежал почтальон.

— Специальное послание от доктора Жизнетишинского Спокойникову: «Что-то неладно с мыслящими машинами. Три идет после двух, а не перед».

Телеграфист принял телеграмму:

«Мыслящие машины не в порядке Точка Два идет перед тремя Точка Не после Точка Фон Грезотишинский Точка Гейдельберг».

В окно влетела бутылка, разбилась об пол, и из нее выпал клочок бумаги, на котором было нацарапано: «Остановите машины и подумайте, может, число три идет после двух, а не перед? Долой Грешей! Мистер Тиш-Тиш».

Халсион схватил судью Файлда за пуговицу.

— Какого черта? — взревел он. — Я думал, что я единственный человек в мире, обладающий этой тайной!

— HimmelHerrGott! — нетерпеливо ответил судья Файлд. — Все вы такие. Все вы мечтаете, что являетесь единственным человеком, обладающим тайной, единственным, в ком ошиблись, единственным, с кем поступили несправедливо, с девушкой, без девушки, с кем бы там ни было или без. Черт побери! Как вы утомительны, мечтатели! И всегда-то вы проигрываете.

Судья Файлд оттолкнул его плечом в сторону.

Генерал Балорсен пихнул его в задние ряды. Джудит Файлд проигнорировала его. Робот Балорсена украдкой вдавил его в угол толпы, где тут же возникли Греши, одновременно столпившиеся в углу на Нептуне, сделали нечто невыразимое для Халсиона и исчезли вместе с ним, кричащим, рвущимся, рыдающим в ужасе, который является деликатесом для Грешей, но пласти-кошмаром для Халсиона…

…от которого его пробудила мать и сказала:

— Это научит тебя не таскать сэндвичи с орехами среди ночи, Джеффи.

— Мама?

— Да. Пора вставать, дорогой. Ты опоздаешь в школу.

Она вышла из комнаты. Он огляделся. Он посмотрел на себя. Это правда.

Правда! Сбылась его великая мечта. Ему снова десять лет, у него тело десятилетнего мальчишки, он в доме, в котором провел детство, в жизни, которой жил в свои школьные деньки. И у него остались знания, опыт, искушенность тридцатитрехлетнего мужчины.

— Ой, красота! — закричал он. — Вот будет здорово!

Он станет школьным гением. Он будет оше-

ломлять товарищей, изумлять учителей, ставить в тупик экспертов. Он положит на лопатки ученых. Он поставит на место Риннегена, который частенько задирал его. Он возьмет напрокат пишущую машинку и напишет все удостоенные шумного успеха пьесы, рассказы и романы, которые помнит. Он не упустит удобный случай с Джуди Файлд за мемориалом в Нижнем Парке. Он сделает изобретения и совершит открытия, создаст основы новой индустрии, будет держать пари, играть на бирже. Он завладеет всем миром к тому времени, когда достигнет своего настоящего возраста.

Он с трудом оделся — забыл, где лежит одежда. Он с трудом съел завтрак — не время было объяснять матери, что у него вошло в привычку начинать день с кофе по-ирландски. Он лишился утренней сигареты. Он понятия не имел, где находятся его учебники. Мать с беспокойством следила за ним.

— Джеффи опять в дурном настроении, — услышал он ее бормотание. — Надеюсь, день он проведет нормально.

День начался с того, что Риннеген устроил на него засаду у Входа Для Мальчиков. Халсион помнил его большим, крепким мальчишкой со

злобным выражением лица. Он был изумлен, обнаружив, что Риннеген тощий и беспокойный, явно озабоченный тем, чтобы выглядеть агрессивным.

— Послушай, у тебя нет никаких причин враждовать со мной, — объяснил ему Халсион. — Ты просто запутавшийся ребенок, пытающийся что-то доказать.

Риннеген ударил его кулаком.

— Послушай, мальчик, — вежливо сказал Халсион, — на самом деле ты хочешь дружить со всем миром. Только ты ненадежный товарищ и поэтому вынужден драться.

Риннеген был глух к психоанализу. Он ударил Халсиона сильнее. Больно.

— Оставь меня в покое! — сказал Халсион. — Иди самовыражаться на ком-нибудь другом.

Риннеген двумя быстрыми движениями выбил у Халсиона учебники из-под мышки и опрокинул его на пол. Не оставалось ничего другого, кроме драки. Двадцать лет просмотров фильмов будущего с Джо Луисом ничего не дали Халсиону. Он был полностью побежден.

Он также опоздал в школу. Теперь настало время удивить учителей.

— Таковы факты, — объяснил он в классе мисс

Ральф. — Я столкнулся с невротиком. Я могу объяснить его мотивы, но не отвечаю за его побуждения.

Мисс Ральф шлепнула его и пошла к директору с запиской, повествующей о неслыханной наглости.

— Единственная неслыханная вещь в вашей школе, — сказал Халсион мистеру Снайдеру, — это психоанализ. Как вы можете считать себя компетентным учителем, если вы не…

— Мерзкий мальчишка! — сердито оборвал его мистер Снайдер, высокий, худой, суровый. — Ты что, читаешь мерзкие книги?

— Что же мерзкого во Фрейде?

— И пользуешься богохульным языком? Ты нуждаешься в уроке, грязный звереныш.

Его отослали домой с запиской, немедленно вызывающей родителей, чтобы забрать Джеффри Халсиона из школы как дегенерата, отчаянно нуждающегося в профессиональном исправительном учреждении.

Вместо того чтобы пойти домой, он отправился к журнальному киоску почитать газеты с событиями, относительно которых он мог бы заключать пари. Заголовки были полны призовыми скачками. Но кто, черт побери, завоюет приз? И в

какой последовательности? Этого он не помнил. А биржа?

Он ничего не знал о ней. В детстве он никогда не интересовался такими вещами, и ничего не запечатлелось в памяти.

Он попытался попасть в библиотеку для дальнейшей проверки.

Библиотекарь, высокий, худой и суровый, не позволил ему войти, потому что детское время начиналось после полудня. Он бродил по улицам. Куда бы он ни шел, его преследовали высокие и суровые взрослые. Он начал понимать, что у десятилетних мальчишек весьма ограниченные возможности удивлять взрослых.

В час ленча он встретил Джуди Файлд и проводил ее после школы домой.

Он был шокирован ее шишковатыми коленками и черным штопором локонов. Не нравился ему и ее запах. Он бы скорее предпочел провести время с ее матерью, явившейся в образе Джуди, какую он помнил. Он забылся с миссис Файлд и сделал парочку вещей, здорово смутивших ее. Она выгнала его из дому, и, когда звонила его матери, голос ее дрожал от негодования.

Халсион пошел к Гудзону и слонялся возле доков, пока его не прогнали.

Он отправился в канцелярский магазин договориться о прокате пишмашинки и был выставлен. Он поискал тихое местечко, чтобы соснуть, подумать, составить план, возможно, начать вспоминать имевший успех рассказ, но не было тихих местечек, куда бы допускались мальчишки.

В 4.30 он проскользнул домой, бросил учебники в свою комнату, прокрался в гостиную, стянул сигарету и собирался улизнуть, когда обнаружил, что отец и мать наблюдают за ним. Мать выглядела потрясенной.

Отец был худой и суровый.

— О, — сказал Халсион, — я полагаю, звонил Снайдер. Я совершенно забыл об этом.

— Мистер Снайдер, — сказал отец.

— И миссис Файлд, — добавила мать.

— Послушайте, — сказал Халсион, — нам нужно немедленно во всем разобраться. Можете вы выслушать меня несколько минут? Я сообщу вам нечто потрясающее, и мы подумаем, что с этим делать. Я…

Он закричал, поскольку отец взял его за ухо и вывел в холл. Родители никогда не слушают детей даже несколько минут. Они вообще их не слушают.

— Пап… минутку… Пожалуйста! Я хочу объяс-

нить. Мне вовсе не десять лет. Мне тридцать три. Это скачок во времени, понимаешь? Из-за таинственной мутации, передающейся по наследству в моем роду, которая…

— Замолчи, черт побери! — крикнул отец. Боль от его руки, ярость в его голосе заставили Халсиона замолчать. Он терпел, пока его вывели из дома, провели четыре квартала до школы и втолкнули в кабинет мистера Снайдера, где вместе с директором ожидал школьный психолог. Это был высокий, худой человек, суровый, но энергичный.

— А, да, да, — сказал он. — Значит, это и есть наш дегенерат? Наш маленький Аль Капоне, а? Давайте поместим его в клинику, и там я заведу его journel etirne. Будем надеяться на лучшее. Niki prius… Он не может быть плох во всех отношениях.

Он взял Халсиона за руку. Халсион вырвал руку и сказал:

— Послушайте, вы взрослый, интеллигентный человек. Выслушайте меня. Моих родителей обуяли эмоции…

Отец отвесил ему оплеуху, схватил его руку и вернул психологу.

Халсион разразился слезами. Психолог вывел

его из кабинета и отвел в маленькую школьную больницу. Халсион был в истерике. Он дрожал от крушения планов и страха.

— Неужели никто не выслушает меня? — рыдал он. — Неужели никто не попытается понять? Все мы любим детей, так неужели все дети проходят через это?

— Успокойся, мой милый, — пробормотал психолог. Он сунул Халсиону в рот таблетку и заставил ее запить водой.

— Вы все проклятые антигуманисты, — всхлипывал Халсион. — Вы не допускаете нас в свой мир, но вторгаетесь в наш. Если вы не уважаете нас, то почему не оставите в покое?

— Начинаешь понимать, а? — сказал психолог. — Мы две разные породы животных, взрослые и дети. Черт побери! Я говорю с тобой откровенно. Les absent, out tonjuris tort… У нас почти ничего нет в голове, малыш, кроме войны. Поэтому все дети вырастают ненавидящими свое детство и ищущими отмщения. Но отмщение невозможно. Pari mutail. Как его можно свершить? Разве может кошка оскорбить короля?

— Это… ненавистно, — пробормотал Халсион. Таблетка действовала быстро. — Весь мир ненавистен. Он полон оскорбительных конфликтов,

которые невозможно разрешить… или отомстить за них… Словно кто-то играет с нами шутки, глупые шутки без цели. Верно?

Скользя во тьму, он слышал хихиканье психолога, но не мог жить, понимая, что смеются над ним…

Он поднял лопату и пошел за Первым шутом на кладбище. Первый шут был высокий, худой, суровый, но энергичный.

— Если она будет похоронена по-христиански, что за каприз искать ей спасение? — спросил Первый шут.

— Говорю тебе, она спаслась, — ответил Халсион. — Поэтому нужно немедленно вырыть ей могилу. Коронер во всем разобрался и установил, что должны быть христианские похороны.

— Как это может быть, если только она не утопилась в целях самозащиты?

— Ну так решено.

Они принялись рыть могилу. Первый шут подумал, подумал и сказал:

— Это, должно быть, se offendendo, и не может быть ничем иным. Есть указание: если я утоплюсь преднамеренно, это доказывает наличие действия, а действие делится на три группы — действовать, делать, совершать. Значит, она

утопилась преднамеренно.

— Возможно, но послушай, добрый могильщик… — начал Халсион.

— Мне пора, — прервал его Первый шут и пошел, уставший от рассуждений по вопросам законов. Затем быстро повернулся, отпустил несколько профессиональных шуток и ушел окончательно. Наконец, Халсион закончил работу и пошел пропустить рюмочку в Ярд-хенд. Когда он вернулся, Первый шут отпускал шутки паре джентльменов, бродивших по кладбищу.

Прибыла похоронная процессия: гроб, брат умершей девушки, король с королевой, священники и лорды. Девушку похоронили, и брат с одним джентльменом начали ссориться над ее могилой. Халсион не обращал на них внимания. В процессии была хорошенькая девушка, смуглая, с копной вьющихся волос и красивыми длинными ногами. Он подмигнул ей. Она подмигнула в ответ. Халсион протиснулся к ней, строя глазки, и она ответила тем же.

Затем Халсион подобрал лопату и пошел за Первым шутом на кладбище.

Первый шут был высокий, худой, с суровым выражением лица, но энергичными манерами.

— Раз ее хоронят по-христиански, это доказы-

вает ее спасение? — спросил Первый шут.

— Говорю тебе, она спаслась, — ответил Халсион. — И следовательно, нужно немедленно копать ей могилу. Коронер разобрался и вынес решение, что должны быть христианские похороны.

— Как это так, если только она не утопилась в целях самозащиты?

— А ты уже не спрашивал меня об этом? — удивился Халсион.

— Заткнись, старый дурак, и отвечай на вопрос.

— Могу поклясться, что это уже было.

— Ты ответишь, черт побери? Ну?

— Ну так решено.

Они принялись копать могилу. Затем Первый шут затеял долгую дискуссию по вопросам законов, после чего энергично повернулся, отпустил традиционные шутки и ушел. Наконец, Халсион закончил и пошел в Ярд-хенд выпить. Когда он вернулся, у могилы была пара незнакомцев, затем прибыла похоронная процессия.

В процессии была хорошенькая девушка, смуглая, с копной вьющихся волос и красивыми длинными ногами. Халсион подмигнул ей. Она подмигнула в ответ. Халсион протиснулся к ней,

строя глазки, и она дерзко ответила тем же.

— Как тебя зовут? — прошептал он.

— Джудит, — ответила она.

— Я вытатуирую твое имя, Джудит.

— Вы лжете, сэр.

— Я могу доказать это, миледи. Я покажу тебе, где буду делать татуировку.

— И где же?

— В Ярд-хендской таверне. Ее сделает матрос с «Золотой лани». Мы встретимся сегодня ночью?

Прежде чем она успела ответить, он подобрал лопату и последовал за Первым шутом на кладбище. Первый шут был высокий, худой, с суровым лицом, но энергичными манерами.

— Ради бога! — воскликнул Халсион. — Могу поклясться, что это уже происходило.

— Раз ее хоронят по-христиански, это доказывает ее действия в целях самозащиты? — спросил Первый шут.

— Я знаю только, что мы уже прошли через все это.

— Отвечай на вопрос!

— Послушай, — упрямо сказал Халсион, — может быть, я сошел с ума, а может, и нет, но у меня такое чувство, что все это уже происходило. Это кажется нереальным. Жизнь кажется нере-

альной.

Первый шут покачал головой.

— HimmelHerrGott! — пробормотал он. — Этого я и боялся. Из-за таинственной мутации, передающейся по наследству в твоем роду, ты из осторожности дуешь на воду. EvigKeit! Отвечай на вопрос.

— Если я отвечу на него еще раз, то буду отвечать и сотни раз подряд.

— Старый осел! — взорвался шут. — Ты уже ответил на него 5 271 009 раз, черт побери! Отвечай еще!

— Зачем?

— Затем, что ты должен. Pot en feu… Это жизнь, которой мы должны жить.

— Ты называешь это жизнью? Делать одно и то же снова и снова? Говорить одно и то же? Подмигивать девушкам без всякой надежды на продолжение?

— Нет, нет, нет, старик, не спрашивай. Это заговор, с которым мы не смеем бороться. Это жизнь, которой живет каждый человек. Отсюда нет исхода.

— Почему отсюда нет исхода?

— Я не смею сказать. Vocs populi… Другие спрашивали и исчезли. Это заговор. Я боюсь.

— Чего ты боишься?

— Наших владельцев.

— Что-о? Мы чья-то собственность?

— Si. Ах, я!.. Все мы, юный мутант. Здесь нет реальности. Здесь нет жизни, нет свободы, нет воли, черт побери! Ты не понимаешь? Мы… мы все персонажи книги. Когда книгу читают, мы танцуем, когда книгу читают снова, мы опять танцуем. E-pluribis unim… Раз ее хоронят по-христиански, это доказывает самооборону?

— Что ты сказал? — в ужасе закричал Халсион. — Мы — марионетки?

— Отвечай на вопрос.

— Раз нет свободы, нет свободы воли, то как мы можем вести всякие разговоры?

— Просто читающий книгу мечтает, мой дорогой. Idem est. Отвечай на вопрос.

— Не буду. Я буду бунтовать. Не стану больше плясать для ваших владельцев. Я буду искать лучшую жизнь… Я буду искать реальность.

— Нет, нет! Это безумие, Джеффри! Kul-de-gak!..

— Все мы нуждаемся в храбром вожде. Остальные пойдут за ним. Мы разрушим заговор, сковывающий нас!

— Это невозможно. Играть безопаснее. Отвечай на вопрос!

Халсион ответил на вопрос, подняв лопату и ударив Первого шута по голове. Тот даже не заметил этого.

— Раз ее хоронят по-христиански, это доказывает самооборону?

— Бунт! — закричал Халсион и снова ударил его. Шут запел. Появились два джентльмена.

— Бунт! За мной! — вскричал Халсион и ударил джентльмена лопатой по меланхоличной голове. Джентльмен не обратил внимания. Он трепался с приятелем и первым шутом. Халсион завертелся, как дервиш, раздавая удары лопатой. Джентльмен поднял череп и стал философствовать по поводу некой персоны по имени Йорик.

Появилась похоронная процессия. Халсион напал на нее с лопатой.

— Прекратите читать книгу! — орал он. — Выпустите меня со страниц! Вы слышите? Прекратите читать! Я хочу в мир, созданный мной самим. Выпустите меня!

Раздался мощный удар грома, когда захлопнулся толстый том. В то же мгновение Халсион был низвергнут в третье отделение седьмого круга ада в Четырнадцатой Песне «Божественной комедии», где тех, кто грешил против искусства, мучили языки пламени, вечно пылавшего под

ними. Там он кричал до тех пор, пока не послужил достаточным развлечением. Только тогда утвердили план его собственного текста… и он создал новый мир, романтичный мир, мир его заветной мечты…

Он был последним человеком на Земле.

Он был последним человеком на Земле и выл.

Холмы, долины, реки и горы принадлежали ему, ему одному, и он выл.

5 271 009 домов служили ему пристанищем. 5 271 009 постелей ждали его для сна. Магазины ждали, когда он взломает их. Все драгоценности мира принадлежали ему. Игрушки, инструменты, предметы первой необходимости и роскоши — все принадлежало последнему человеку на Земле, и он выл.

Он покинул особняк в полях Коннектикута, где основал свою резиденцию.

Он пересек, завывая, Вестчестер. Завывая, он мчался на юг по тому, что было когда-то шоссе Генриха Гудзона. Он переехал, завывая, по мосту на Манхэттен, он ехал мимо одиноких небоскребов, складов, дворцов развлечений и подвывал. Он выл на Пятой Авеню и за углом Пятнадцатой стрит увидел человеческое существо.

Она была живой, прекрасной женщиной. Она

была высокой и смуглой, с копной вьющихся волос и красивыми длинными ногами. На ней была белая блузка, брюки в тигриную полоску и патентованные кожаные ботинки. За спиной у нее висела винтовка, на бедре — револьвер. Она ела маринованные томаты из банки и недоверчиво уставилась на Халсиона. Он бросился к ней.

— Я думала, что я последний человек на Земле, — сказала она.

— Ты последняя женщина, — простонал Халсион. — А я последний мужчина. Ты не дантист?

— Нет, — ответила она. — Я дочь несчастного профессора Файлда, чей прекрасно задуманный, но плохо исполненный эксперимент по расщеплению ядра стер с лица Земли человечество, за исключением нас с тобой. Мы, без сомнения, из-за таинственной мутации, передающейся по наследству в наших родах, сделавшей нас иными, стали последними представителями старой цивилизации и первыми новой…

— Отец не учил тебя лечить зубы?

— Нет, — сказала она.

— Тогда дай на минутку револьвер.

Она вытащила из кобуры револьвер и протянула Халсиону, взяв, на всякий случай, винтовку на изготовку. Халсион взвел курок.

— Как бы я хотел, чтобы ты была дантистом, — простонал он.

— Я прекрасная девушка с Коэффициентом Интеллектуальности 141, что более важно для основания новой расы людей, унаследовавшей добрую зеленую Землю, — возразила она.

— Только не с моими зубами, — просто сказал Халсион.

Он разрядил револьвер себе в висок, и мозги выплеснулись на землю…

Он очнулся с пронзительной головной болью. Он лежал на кафельном возвышении возле стула, припав ушибленным виском к холодному полу. Из-за свинцового щита появился мистер Аквил и включил вентилятор, чтобы проветрить помещение.

— Браво, мой милый, — хихикнул он. — Наконец-то ты стал самим собой, а? И помощника тебе не потребовалось. Merglio tardeshe may… Но ты упал и ударился, прежде чем я успел поймать тебя, черт побери!

Он помог Халсиону подняться на ноги и провел его в приемную, где усадил в мягкое вельветовое кресло и дал бокал бренди.

— Гарантирую, что не требуется никаких лекарств, — заявил он. — Nobles oblig… Только

лучше spiritus frumenti. Теперь обсудим дела, а? — Он сел за стол, все еще энергичный, суровый, и с неожиданной теплотой взглянул на Халсиона. — Человек живет своими решениями, neste-ра? — продолжал он. — Вы согласны, ui? Человек должен принять в течение своей жизни 5 271 009 решений. Peste! Это простое число, так? Niniorte… Ты согласен?

Халсион кивнул.

— Тогда, мой милый, зрелость этих решений определяет, мужчина данный человек или ребенок. Niht war? Malgre nori… Человек не может начать принимать взрослые решения, пока не избавится от детских грез, черт побери! Такие фантазии… они должны уйти…

— Нет, — медленно произнес Халсион, — от этих грез зависит мое искусство… от грез и фантазий, которые я переношу в линии и краски…

— Черт побери! Да! Согласен. Но взрослые грезы, а не детские. Детские грезы — пфуй! Все люди проходят через это… Быть последним способным мужчиной на Земле и обладать всеми женщинами… Вернуться в прошлое с преимуществом знаний взрослого и одерживать победы… Бегство от реальности с мыслью, что жизнь — это фантазия… Бегство от ответственности и фантазии о

причиненной несправедливости, о мученичестве со счастливым концом… И сотни других, столь же распространенных, сколь и пустых. Господь благословил папашу Фрейда и его веселое учение, которое положило конец этой чепухе. Sic semper tiranis… Прочь!

— Но раз у всех есть эти грезы, значит, не такие уж они плохие, не так ли?

— Черт побери! В четырнадцатом веке у всех были вши. Делает ли это вшей хорошими? Нет, мой мальчик, такие грезы для детей. Слишком много взрослых еще остаются детьми. И ты, художник, должен вывести их, как я вывел тебя. Я очистил тебя, теперь очищай их.

— Почему вы это сделали?

— Потому что я верю в тебя. Sic vos non vobus… Тебе будет нелегко. Долгий трудный путь и одиночество.

— Полагаю, я должен испытывать благодарность, — пробормотал Халсион, — но я чувствую… ну пустоту… обман.

— О да! Черт побери! Если долго живешь с язвой, то что-то теряешь, когда ее вырезают. Ты прятался в язву. Я вскрыл ее. Ergo: ты чувствуешь обман. Но погоди! Ты почувствуешь еще больший обман. Я говорил тебе, что цена будет высока. Ты

заплатил ее. Гляди.

Мистер Аквил достал из кармана зеркальце. Халсион глянул в него и застыл. На него смотрело лицо пятидесятилетнего мужчины, морщинистое, закаленное, твердое, решительное. Халсион вскочил с кресла.

— Спокойно, спокойно, — увещевал его мистер Аквил. — Это не так уж плохо. Это чертовски хорошо! Физически тебе по-прежнему тридцать три. Ты ничего не потерял из своей жизни… только юность. Что ты утратил? Смазливое лицо, чтобы привлекать молоденьких девушек? И всего-то?

— Ради Христа!.. — вскричал Халсион.

— Прекрасно. Еще спокойней, мой мальчик. Здесь ты, больной, лишенный иллюзий, сбитый с толку, встал одной ногой на твердую дорогу к зрелости. Ты хочешь, чтобы это случилось, или нет? Si, я могу все исправить. Это может никогда не случиться. Spurlos versenkt… Прошло всего десять минут со времени твоего побега. Ты еще можешь вернуть свое красивое, молодое лицо. Ты можешь снова сдаться. Можешь вернуться в бездонное лоно язвы… опять впасть в детство. Ты хочешь этого?

— У вас не выйдет.

— Sauw qui pent, мой мальчик. Выйдет. Часто-

ты не ограничиваются пятнадцатью тысячами ангстрем.

— Проклятье! Вы Сатана? Люцифер? Только дьявол может обладать такими силами!

— Или ангел, старик.

— Вы не похожи на ангела. Вы похожи на Сатану.

— А? Ха! Сатана тоже был ангелом до своего падения. Он имел много связей на небе. Конечно, есть фамильное сходство, черт побери! — Мистер Аквил оборвал смех, перегнулся через стол. Веселье слетело с его лица, осталась только суровость. — Сказать вам, кто я, мой цыпленочек? Объяснить, почему один нечаянный взгляд перевернул ваш разум вверх тормашками?

Халсион кивнул, не в силах вымолвить ни слова.

— Я негодяй, белая ворона, шалопай, подлец. Я эмигрант. Да, черт побери! Эмигрант! — Взгляд мистера Аквила стал каким-то раненым. — По вашим стандартам, я великий человек с бесконечной силой и многообразием. Такими были эмигранты из Европы для туземцев с побережья Таити. А? Таким являюсь для вас я, когда прочесываю звездные берега ради капельки развлечений, капельки надежды, капельки авантюризма… Я

плохой, — продолжал мистер Аквил с дрожью отчаяния в голосе. — Я испорченный. На родине нет места, где могли бы терпеть меня. Мне отомстили тем, что оставили здесь. И были моменты неосторожности, когда боль и отчаяние наполняли мой взгляд и поражали ужасом ваши невинные души. Как тебя тогда, да?

Халсион снова кивнул.

— Вот такие дела. Ребенок в Солоне Аквиле уничтожил его и привел к болезни, сломавшей ему жизнь. Ui. Я слишком страдаю от детских фантазий, от которых не могу избавиться. Не повторяй той же самой ошибки, прошу тебя… — Мистер Аквил взглянул на часы и вскочил. К нему вернулась энергия. — Прекрасно! Уже поздно. Время собирать твой разум, старик. Каким ему быть? Старое лицо или молодое? Реальность грез или грезы реальности?

— Сколько, вы сказали, решений мы должны принять за время жизни?

— Пять миллионов двести семьдесят одну тысячу девять. Плюс-минус тысяча, черт побери!

— И сколько осталось мне?

— А? Verite saus per… Два миллиона шестьсот тридцать пять тысяч пятьсот сорок… примерно.

— Но нынешнее самое важное.

— Все они самые важные. — Мистер Аквил шагнул к двери, положил руку на кнопки сложного устройства и покосился на Халсиона. — Voila tout, — сказал он. — Слово за тобой.

— Я выбираю трудный путь, — решил Халсион.

Путевой дневник

К концу двадцать второго столетия, ценою жизней и средств, превосходящих даже затраты на последнюю мировую войну, наконец было налажено транспортное сообщение между планетами Солнечной системы.

Джон У. Локлэнд, «История солнечных городов»

10 июня. Венера. Остановились в «Эксельсиоре». Тут все говорят по-английски, так что никаких проблем. Но они просто *понятия не имеют*, как правильно готовить мартини. Кошмар. Сходила к тому прекрасному портному, которого порекомендовала Линда. Купила пять *божественных* вещиц за сущий бесценок. Том сказал: «Обменный курс нам выгоден». Я спросила: «Что это значит?» Том: «Тут за наши доллары можно купить больше, чем дома». Я: «Тогда почему не получается купить шесть платьев?» Том: «Ну не *настолько* же больше». Но я заметила, что он купил себе еще одну камеру. Свинья!

Наткнулись на Трамбуллов и Роджерсов. Они

нас отвели в чудесное бистро, где играет Клайд Пиппин из старого «Ки-клуба». Люблю его песни. Люблю этого человека. Том так замялся, прикидывая карандашом на бумажке общую сумму по счету. Да, нас дурят, что греха таить, но почему бы не показать, что нам по фиг? Дальше на Марс и Сатурн. Потом к Альфе Центавра.

Единственным барьером на пути практического сообщения между планетными системами оставалась скорость. Когда наконец, после многовековых изысканий, была разработана сверхсветовая технология, между звездами стало возможно путешествовать за недели, а не годы.

Эзра Кудерт, «О развитии галактической индустрии путешествий»

19 июля. Альфа Центавра. Остановились в «Эксельсиоре». Тут все говорят по-английски, так что никаких проблем. Но воду пить не дают. Кошмар. Сходила к тому прекрасному мастеру кружев, которого порекомендовала Линда. Купила пять ярдов за сущий бесценок.

Все тут грязнули и конченые бесстыдники. Отвратительно. И такие грубые! Том снимал

какую-то идиотскую церемонию. Стали на нас кричать. Пытались украсть камеру. Появился местный чиновник и начал лопотать на ломаном английском. «Они говорят, не надо больше, пожалуйста. Прекратите». Том: «Что прекратить?» Чиновник: «Религия. Сакральное. Нельзя смотреть. Прекратите». Том: «Вы что, издеваетесь? Вот эта клоунада — религия?» Чиновник: «Да, пожалуйста». (Показывает на камеру.) «Отдайте, пожалуйста. Должен прекратить, пожалуйста». Том (мне): «Нет, ну они реально издеваются. Отдать камеру за четыреста долларов только из-за того, что ею пару религиозных снимков сделали». Я: «Если в Нотр-Даме такое прокатывает, то почему бы и не здесь?» Том заплатил какой-то штраф, и мы ушли.

Наткнулись на Трамбуллов и Роджерсов. Они нас отвели в чудесное бистро, где сейчас играет Клайд Пиппин. Я так заскучала по мелодиям старого «Ки-клуба». Люблю этого человека. Том такой забавный, делает вид, что у него важные переговоры. Сказал, будто он крутой сенатор с Сатурна. Сказал, что он тут для *расследования*. Всех до смерти напугал. Смешно, правда? Думала, помру со смеху. Дальше на Бетельгейзе.

Неизбежные противоречия конфликтующих культур вылились в Великую галактическую войну. Бетельгейзе обанкротилась и, пребывая в отчаянном положении, предприняла дорогостоящий сомнительный эксперимент. Правительство свергли и установили деспотический однопартийный режим во главе с экономическим диктатором.

Артур Раскобер, «Космическая политэкономия»

23 июля. Бетельгейзе. Остановились в «Эксельсиоре». Тут все говорят по-английски, так что никаких проблем. Не поняла, откуда разговоры про всеобщие бедность и дефицит. Ничего подобного. Кормежка чудесная. Мороженое, масло, яйца, все что пожелаешь, есть в гостинице. Все эти разговоры про несчастья — чухня. Все официанты, горничные и остальные выглядят веселыми и улыбаются. А самолеты «Мадинны» летают по строгому расписанию.

Сходила к той чудесной парикмахерше, которую мне Линда посоветовала. Набрала мужества в охапку и *обрезала волосы*. Шик-блеск, но боялась Тому показаться. Когда он наконец увидел,

пришел в ярость! Сказал, я похожа на чертову иностранку. Ничего страшного, привыкнет.

Наткнулись на Трамбуллов и Роджерсов. Они нас отвели в чудесное бистро, где сейчас играет Клайд Пиппин. Люблю этого человека! Провела в поездке два месяца и наконец почувствовала себя достаточно космополитичной, чтобы к нему подойти. Я бы раньше ни за что на такое не осмелилась. А сейчас я такая элегантная, такая няшка! Сказала: «Мистер Пиппин, я двадцать лет вами восторгаюсь, с самого детства». Он: «Спасибо, солнышко». Я: «Всегда восхищалась тем, как вы исполняете *Крону*». Он: «Нет-нет, это Чарли Хойт. Я никогда ее не пою, солнышко». Я: «Ну, я же никогда не спрашивала автограф у Чарли Хойта, а сейчас прошу у *вас*». Я перемудрила, наверное.

Завтра улетаем в Андромеду. Я в предвкушении. Сливки на тортике всей поездки.

Вероятно, самым потрясающим случаем за всю историю космических исследований стало открытие того факта, что путешествие во времени уже известно в Андромеде. Ограниченное использование технологии ученым, историкам и студентам разрешено с 2754 г.

Старк Робинсон, «Исследования времени»

1 августа. Андромеда. Остановились в «Эксельсиоре». Тут все божественно говорят по-английски. Мы с Томом вооружились рекомендательными письмами от Торговой палаты, НАП, сенатора Уилкинса и Джо Кейтса, у которого племянник фактически всем Госдепом рулит. Мы хотели путешествие во времени. Они сказали — нет, туристам нельзя. Слишком дорого, только для научных исследований. Том в итоге их нагнул, кое-где сблефовал, кое-кому пригрозил. Они согласились. С этими яйцеголовыми нянчиться не стоит.

Том выбрал 5 сентября 1665-го в Лондоне. Я: «Почему?» Том: «Это день Великого Пожара, уничтожившего Лондон. Я всегда мечтал. Всегда хотел его посмотреть». Я: «Не будь ребенком.

Огонь везде одинаковый. Лучше одежды Марии-Антуанетты посмотрим». Том: «Нет. Это моя заслуга. Поэтому будем смотреть то, что я захочу». Эгоистичная скотина! Пришлось обменять доллары на деньги семнадцатого века. Пришлось переодеться в одежду семнадцатого века. Думаю, ее даже не стирали. Я чуть не отказалась. Я как чувствовала. Огонь везде одинаковый. Но мы там купили *божественное* серебро, китайский фарфор и десять наборов *божественной* посуды. И чайный сервиз! В кои-то веки Тому не о чем ныть. *Он* себе купил шесть мечей и шлем для украшения гостиной. Самое забавное, что мы едва понимали местных. Они в 1665-м своего родного английского еще толком не выучили. На следующей неделе домой.

Сверхсветовые перемещения создают во Вселенной физический парадокс. Хотя путешественник осознает интервал времени, потраченного на перемещение звездолета (субъективная хронология), в действительности перемещается он так стремительно, что для внешнего мира времени словно бы и не проходит вовсе (объективная хронология). Другими словами, если космический корабль покидает Андромеду 1 августа и направляется к Земле, то и прибывает 1 августа. Для Вселенной не прошло ни мгновения. А вот на борту корабля, странствующего со сверхсветовой скоростью, пройдет семь дней.

Оливер Нельсон, «Парадоксы космических путешествий»

20 августа. Мы дома. Хотя в этом дневнике стоит дата 20 августа, на Земле в действительности 14 июня. *Никак* не могу привыкнуть к СХ и ОХ. По нашему счету три месяца прошло, а на Земле всего 14 дней. Ненавижу. Такое чувство, что вовсе из дома и не улетала.

Раздарили все привезенные подарки. Линда совершенно невыносимая. Настаивает, что

заказывала у меня на Каллисто пеньюар шокирующего розового цвета, а не ляпис-лазурного. Это чушь собачья, она сама это знает. К *ее* волосам «шокирующий розовый» не подходит. Том в ярости. Забыл снять заглушку с объектива, когда фотографировал Великий Пожар. Все снимки пустые. Никто не верит, что он всех нагнул и заставил себя послать в прошлое.

Трамбуллы и Роджерсы нам отзвонились. Приглашают посидеть и выпить за возвращение. Предложили новый «Колони-клуб». Там Клайд Пиппин, чудесно. Страсть как хочется пойти, но пришлось отказаться. Слишком устала. Вселенная — классное местечко для турпоездки, но я бы сдурела там жить постоянно.

Убийственный Фаренгейт

Он не знает, кто из нас я в эти дни, но они знают одно. Ты должен быть самим собой, жить своей жизнью и умереть своей смертью.

Рисовые поля на Парагоне-3 тянутся на сотни миль, как бесконечная шахматная доска, коричневато-синяя мозаика под огненно-рыжим небом. По вечерам, словно дым, наплывают облака, шуршит и шепчет рис.

Длинная цепочка людей растянулась по рисовым полям в тот вечер, когда мы улетали с Парагона. Люди были напряжены, молчаливы, вооружены — ряд мрачных силуэтов под курящимся небом. У каждого был передатчик, на руке мерцал видеоэкран. Они изредка переговаривались, обращаясь сразу ко всем.

— Здесь ничего.

— Где здесь?

— Поля Джексона.

— Вы слишком уклонились на запад.

— Кто-нибудь проверил участок Гилсона?

— Да. Ничего.

— Она не могла зайти так далеко.

— Думаете, она жива?

Так, изредка перебрасываясь фразами, мрачная линия медленно перемещалась к багрово-дымному солнцу на закате. Шаг за шагом, час за часом шли они. Цепочка выглядела рядом дрожащих бриллиантов, светящихся в темноте.

— Здесь чисто.

— Ничего здесь.

— Ничего.

— Участок Аллена?

— Проверяем.

— Может, мы ее пропустили?

— Придется возвращаться.

— У Аллена нет.

— Черт побери! Мы должны найти ее!

— Мы ее найдем.

— Вот она! Сектор семь.

Линия замерла. Бриллианты вмерзли в черную жару ночи.

Экраны показывали маленькую нагую фигурку, лежащую в грязной луже на поле. Рядом был столб с именем владельца участка: Вандельер. Огни цепочки превратились в звездное скопление. Сотни мужчин собрались у крошечного тела девочки. На ее горле виднелись отпечатки пальцев. Невинное личико изуродовано, тельце

истерзано, засохшая кровь твердой корочкой хрустела на лохмотьях одежды.

— Мертва, по крайней мере, уже часа три.

— Она не утоплена, избита до смерти.

Один из мужчин нагнулся и указал на пальцы ребенка. Она боролась с убийцей. Под ногтями были кожа и капельки яркой крови, еще жидкой, еще не свернувшейся.

— Почему не засохла кровь?

— Странно.

— Кровь андроидов не сворачивается.

— У Вандельера есть андроид.

— Она не могла быть убита андроидом.

— Под ее ногтями кровь андроида.

— Но андроиды не могут убивать. Они так устроены.

— Значит, один андроид устроен неправильно.

— Боже!

Термометр в этот день показывал 92,9 градуса славного Фаренгейта.

И вот мы на борту «Королевы Парагона», направляющейся на Мегастер-5. Джеймс Вандельер и его андроид. Джеймс Вандельер считал деньги и плакал. Вместе с ним в каюте второго класса был его андроид, великолепное синтетическое создание с классическими чертами и большими

голубыми глазами. На его лбу рдели буквы СР, означавшие, что это один из дорогих, редких саморазвивающихся андроидов стоимостью *57 000 долларов по текущему курсу*. Мы плакали, считали и спокойно наблюдали.

— Двенадцать… Четырнадцать… Шестнадцать сотен долларов, — всхлипывал Вандельер. — И все! Шестнадцать сотен долларов! Один дом стоил десять тысяч, земля — пять. А еще мебель, машины, картины, самолет… И шестнадцать тысяч долларов! Боже!

Я вскочил из-за стола и повернулся к андроиду. Я схватил ремень и начал его бить. Он не шелохнулся.

— Должен напомнить вам, что я стою пятьдесят семь тысяч, — сказал андроид. — Должен предупредить вас, что вы подвергаете опасности ценную собственность.

— Ты проклятая сумасшедшая машина, — закричал Вандельер. — Что в тебя вселилось? Почему ты сделал это?

Он продолжал яростно бить андроида.

— Должен напомнить вам, что меня нельзя наказать, — сказал я. — У меня нет чувств.

— Тогда почему ты это сделал? — заорал Вандельер. — Почему ты убил ее? Почему?!

— Должен напомнить вам, — перебил андроид, — что каюты второго класса не имеют звукоизоляции.

Вандельер выронил ремень и стоял, судорожно дыша, глядя на существо, являющееся его собственностью.

— Почему ты убил ее? — спросил я.

— Не знаю, — ответил я.

— Но началось все с пустяков. Мелкие порчи. Мне следовало догадаться еще тогда. Андроиды не могут портить и разрушать. Они не могут причинять вред. Они…

— У меня нет чувств.

— Потом оскорбление действием. Этот инженер на Ригеле… С каждым разом все хуже. С каждым разом нам приходилось убираться все быстрее. Теперь убийство. Боже! Что с тобой случилось?

— У меня нет реле самоконтроля.

— Каждый раз мы скатывались все ниже. Взгляни на меня. В каюте второго класса… Я Джеймс Палсолог Вандельер! Мой отец был богатейшим… А теперь!.. Шестнадцать сотен долларов. И ты. Будь ты проклят!

Вандельер подобрал ремень, бросил его и растянулся на койке. Наконец, он взял себя в руки.

— Инструкции, — сказал он.

— Имя — Джеймс Валентин. На Парагоне был один день, пересаживаясь на этот корабль до Мегастера-5. Занятие: агент по сдаче внаем частного андроида. Цель визита: поселиться на Мегастере-5.

— Документы.

Андроид достал из чемодана паспорт Вандельера, взял ручку, чернила и сел за стол. Точными, верными движениями — искусной рукой, умеющей писать, чертить, гравировать — он методично подделывал документы Вандельера. Их владелец с жалким видом наблюдал за мной.

— О боже, — бормотал я. — Что мне делать? Если бы я мог избавиться от тебя! Если бы я только унаследовал не тебя, а папашину голову!

Даллас Брейди была ведущим ювелиром Мегастера — низенькая, плотная, аморальная нимфоманка. Она наняла саморазвивающегося андроида Вандельера и дала мне работу в мастерской. Она соблазнила Вандельера. Однажды ночью в постели она резко спросила:

— Тебя зовут Вандельер?

— Да, — сонно пробормотал я. Потом: — Нет! Нет, Валентин. Джеймс Валентин.

— Что произошло на Парагоне? — спросила Даллас Брейди. — Я думала, андроиды не могут

убивать или уничтожать собственность.

— Я Валентин! — настаивал Вандельер.

— А, брось, — отмахнулась Даллас Брейди. — Я давно поняла.

— Меня зовут Валентин.

— Хочешь доказательств? Хочешь, чтобы я вызвала полицию? — Она потянулась к видеофону.

— Ради бога, Даллас! — Вандельер вскочил и вырвал у нее аппарат. Она рассмеялась, а он упал и заплакал от стыда и беспомощности.

— Как ты узнала? — проговорил он, наконец.

— Все газеты полны этим. А Валентин не так уж далек от Вандельера. Что случилось на Парагоне?

— Он похитил девочку. Утащил в рисовые поля и убил.

— Изнасиловал?

— Не знаю.

— Тебя разыскивают.

— Мы скрываемся уже два года. За два года — семь планет. За два года я потерял собственности на сто тысяч долларов.

— Ты бы лучше узнал, что с ним.

— Как? Что мне сказать? Мой андроид превратился в убийцу, почините его? Они сразу вызовут полицию. — Меня затрясло. — Как я буду жить

без него? Кто будет зарабатывать мне деньги?

— Работай сам.

— А что я умею? Разве я могу сравниться со специализированными андроидами и роботами? Для этого нужен потрясающий талант.

— Да, это верно.

— Всю жизнь меня кормил отец. Черт побери! Перед смертью он разорился и оставил мне одного андроида.

— Продай его и вложи пятьдесят тысяч в дело.

— И получать три процента? Полторы тысячи в год? Нет, Даллас.

— Но ведь он свихнулся! Что ты будешь делать?

— Ничего… молиться… Только одно… Что собираешься делать ты?

— Молчать. Но… Мне кое-что нужно, чтобы держать рот на замке.

— Что?

— Андроид будет работать на меня бесплатно.

Саморазвивающийся андроид работал. Вандельер получал деньги. Его сбережения начали расти. Когда теплая весна Мегастера перешла в жаркое лето, я стал вкладывать деньги в землю и фермы. Еще несколько лет, и мои дела восстановятся. Можно будет поселиться здесь постоянно.

В первый жаркий день лета андроид начал петь. Он танцевал в мастерской Даллас Брейди, нагреваемой солнцем и электрической плавильной печью, и напевал старую мелодию, популярную полвека назад:

Нет хуже врага, чем жара,
Ее не возьмешь на «ура»!
Но надобно помнить всегда,
Что жизнь — это все ерунда!
И быть холодным и бесстрастным,
Душка…

Он пел необычным, срывающимся голосом, а руки, заложенные за спину, подергивались в какой-то странной румбе. Даллас Брейди была удивлена.

— Ты счастлив? — спросила она.

— Должен напомнить вам, что у меня нет чувств, — ответил я. — Все ерунда! Холодным и бесстрастным, душка…

Его пальцы прекратили постукивание и схватили железные клещи. Андроид сунул их в разинутую пасть печи, наклоняясь поближе к любимой жаре.

— Осторожней, идиот! — воскликнула Даллас

Брейди. — Хочешь туда свалиться?

— Все ерунда! Все ерунда! — пел я. — Душка!

Он вытащил клещами из печи золотую форму, повернулся, безумно заорал и плеснул раскаленным золотом на голову Даллас Брейди. Она вскрикнула и упала, волосы вспыхнули, платье затлело, кожа сморщилась и обуглилась.

Тогда я покинул мастерскую и пришел в отель к Джеймсу Вандельеру. Рваная одежда андроида и судорожно дергающиеся пальцы многое сказали его владельцу.

Вандельер помчался в мастерскую Даллас Брейди, посмотрел и сблевал. У меня едва хватило времени взять один чемодан и девять сотен наличными. Он вылетел на «Королеве Мегастера» в каюте третьего класса и взял меня с собой. Он рыдал и считал свои деньги, я снова бил андроида.

А термометр в мастерской Даллас Брейди показывал 98,1 градуса прекрасного Фаренгейта.

На Лире Альфа мы остановились в небольшом отеле близ университета. Здесь Вандельер аккуратно снял мне верхний слой кожи на лбу вместе с буквами СР. Буквы снова появятся, но лишь через пару месяцев, а за это время, надеялся Вандельер, шумиха вокруг саморазвивающегося андроида уляжется. Андроида взяли чернорабочим на

завод при университете. Вандельер — Джеймс Венайс — жил на его скромный заработок.

Нельзя сказать, что я был очень несчастен.

Большинство других жильцов были студентами, тоже испытывающими трудности, но восхитительно энергичными и молодыми. Была одна очаровательная девушка с острыми глазами и умной головой. Звали ее Ванда, и она вместе со своим женихом Джедом Старком сильно интересовалась андроидом-убийцей, слухами о котором полнились газеты.

— Мы изучили это дело, — сказали они на одной из случайных вечеринок в номере Вандельера. — Кажется, мы знаем, что вызывает убийства. Мы собираемся писать реферат. — Они были крайне возбуждены.

— Наверное, какая-нибудь болезнь, от которой андроид сошел с ума. Что-нибудь вроде рака, да? — поинтересовался кто-то.

— Нет. — Ванда и Джед торжествующе переглянулись.

— Что же?

— Нечто особенное.

— А именно?

— Узнаете из реферата.

— Разве вы не расскажете? — напряженно

спросил я. — Я… Нам очень интересно, что могло произойти с андроидом.

— Нет, мистер Венайс, — твердо сказала Ванда. — Это уникальная идея, и мы не можем позволить, чтобы кто-то украл ее у нас.

— Даже не дадите намека?

— Нет. Ни намека, ни слова, Джед. Скажу вам только, мистер Венайс — я не завидую владельцу андроида.

— Вы имеете в виду полицию? — спросил я.

— Я имею в виду угрозу заражения, мистер Венайс. Заражения! Вот в чем опасность… Но я и так сказала слишком много.

Я услышал за дверью шаги и хриплый голос, мягко выводящий:

— Холодным и бесстрастным, душка…

Мой андроид вошел в номер, вернувшись с работы. Я жестом велел ему подойти, и я немедленно повиновался, взял поднос с пивом и стал обходить гостей. Его искусные пальцы подергивались в каком-то внутреннем ритме.

Андроиды не были редкостью в университете. Студенты побогаче покупали их наряду с машинами и самолетами. Но юная Ванда была остроглазой и сообразительной. Она заметила мой пораненный лоб. После вечеринки, поднима-

ясь к себе в номер, она посоветовалась с Джедом.

— Джед, почему у этого андроида поврежден лоб?

— Наверное, ударился, Ванда. Он ведь работает на заводе.

— И все?

— А что еще?

— Очень удобный шрам.

— Для чего?

— Допустим, он имел на лбу буквы СР.

— Саморазвивающийся? Тогда какого черта Венайс скрывает это? Он мог бы заработать… О-о!.. Ты думаешь?..

Ванда кивнула.

— Боже! — Старк стиснул губы. — Что делать? Вызвать полицию?

— Нет, у нас нет доказательств. Сперва должен выйти наш реферат.

— Но как узнать точно?

— Проверить его. Сфотографировать в рентгеновских лучах. Завтра пойдем на завод.

Они проникли на завод — гигантский подвал глубоко под землей. Было жарко и трудно дышать — воздух нагревали печи. За гулом пламени они услышали странный голос, кричащий и вопящий на старый мотив:

— Все ерунда! Все ерунда!

Они увидели мечущуюся фигуру, неистово танцующую в такт музыке. Ноги прыгали. Руки дергались. Пальцы корчились.

Джед Старк поднял камеру и начал снимать. Затем Ванда вскрикнула, потому что я увидел их и схватил блестящий стальной рельс. Он разбил камеру. Он свалил девушку, а потом юношу. Андроид подтащил их к печи и медленно, смакуя, скормил пламени. Он танцевал и пел. Потом я вернулся в отель.

Термометр на заводе зарегистрировал 100,9 градуса чудесного Фаренгейта. Все ерунда! Все ерунда!

Чтобы заплатить за проезд на «Королеве Лиры», Вандельеру и андроиду пришлось выполнять на корабле подсобные работы. В часы ночного бдения Вандельер сидел в грязной каморке с папкой на коленях, усиленно пялясь на ее содержимое. Папка — единственное, что он смог увезти с Лиры. Он украл ее из комнаты Ванды. На папке была пометка «Андроид». Она содержала секрет моей болезни.

И в ней не было ничего, кроме газет. Кипы газет со всей Галактики.

«Знамя Ригеля»... «Парагонский вестник»... «Ин-

теллигент Лелаида»… «Мегастерские новости»… Все ерунда! Все ерунда!

В каждой газете было сообщение об одном из преступлений андроида. Кроме того, там печатались новости местные и иностранные, спортивные вести, погода, лотерейные таблицы, валютные курсы, загадки, кроссворды. Где-то во всем этом хаосе таился секрет, скрываемый Вандой и Джедом Старком.

— Я продам тебя, — сказал я, устало опуская газеты. — Будь ты проклят! Когда мы прилетим на Землю, я продам тебя.

— Я стою пятьдесят семь тысяч долларов, — напомнил я.

— А если я не сумею продать тебя, то выдам полиции, — сказал я.

— Я ценная собственность, — ответил он. — Иногда очень хорошо быть собственностью, — немного помолчав, добавил андроид.

Было три градуса мороза, когда приземлилась «Королева Лиры». Снег сплошной черной стеной валил на поле и испарялся под хвостовыми двигателями корабля. У Вандельера и андроида не хватило денег на автобус до Лондона. Они пошли пешком.

К полуночи они добрались до Пикадилли.

Декабрьская снежная буря не утихла, и статуя Фроса покрылась ледяными инкрустациями. Они повернули направо, спустились до Трафальгарской площади и пошли к Сохо, дрожа от холода и сырости. На Флит-стрит Вандельер увидел одинокую фигуру.

— Нам нужны деньги, — зашептал он андроиду, указывая на приближающегося человека. — У него они есть. Забери.

— Приказ не может быть выполнен, — ответил андроид.

— Забери их у него, — повторил Вандельер. — Силой! Ты понял?

— Это противоречит моей программе, — возразил я. — Нельзя подвергать опасности жизнь или собственность.

— Бога ради! — взорвался Вандельер. — Ты нападал, разрушал, убивал и еще мелешь какую-то чушь о программе! Забери деньги. Убей, если надо!

— Приказ не может быть выполнен, — повторил андроид.

Я отбросил андроида в сторону и прыгнул на незнакомца. Он был высок, стар, мудр, с ясным и спокойным выражением лица. У него была трость. Я увидел, что он слеп.

— Да, — произнес он, — я слышу, здесь кто-то есть.

— Сэр, — замялся Вандельер, — я в отчаянном положении.

— Это наша беда, — ответил незнакомец. — Мы все в отчаянном положении.

— Сэр, мне нужны деньги.

— Вы попрошайничаете или крадете?

Невидящие глаза смотрели сквозь Вандельера и андроида.

— Я готов на все.

— Это история нашей расы. — Незнакомец указал назад. — Я попрошайничал у собора Святого Патрика, мой друг. Чего я жажду, нельзя украсть. А чего вы желаете, счастливец, если можете украсть?

— Денег, — сказал Вандельер.

— Для чего? Не опасайтесь, мой друг, обменяемся признаниями. Я скажу вам, чего прошу, если вы скажете, зачем крадете. Меня зовут Бленхейм.

— Меня… Воул.

— Я не просил золота, мистер Воул, я просил числа.

— Числа?

— Да. Числа рациональные и иррациональные. Числа воображаемые, дробные, положительные

и отрицательные. Вы никогда не слышали о бессмертном трактате Бленхейма «Двенадцать нулей, или Отсутствие количества»? — Бленхейм горько улыбнулся. — Я король цифр. Но за пятьдесят лет очарование стерлось, исследования приелись, аппетит пропал. Господи боже мой, прошу тебя, если ты существуешь, ниспошли мне число.

Вандельер медленно поднял папку и коснулся ею руки Бленхейма.

— Здесь, — произнес он, — скрыто число, тайное число. Число одного преступления. Меняемся, мистер Бленхейм? Число за убежище?

— Ни попрошайничества, ни воровства, — прошептал Бленхейм. — Сделка. Так упрощается все живое. — Его взгляд прошел сквозь Вандельера и андроида. — Возможно, Всемогущий не бог, а купец… Идем.

На верхнем этаже дома Бленхейма мы делили комнату — две кровати, два стола, два шкафа и одна ванная. Вандельер снова поранил мой лоб и послал искать работу, а пока андроид работал, я читал Бленхейму газеты из папки, одну за другой. Все ерунда! Все ерунда!

Вандельер мало что рассказал ему. Он студент, сказал он, пишущий курсовую по андроиду-убий-

це. В собранных газетах факты, которые должны объяснить преступления. Должно быть соотношение, число, сочетание, что-то указывающее на причину, и Бленхейм попался на крючок человеческого интереса к тайне.

Мы изучали газеты. Я читал их вслух, он записывал содержимое крупным прыгающим почерком. Он классифицировал газеты по типу, шрифту, направлениям, словам, темам, фотографиям, формату. Он анализировал. Он сравнивал. А мы жили вдвоем на верхнем этаже, немного замерзавшие, немного растерявшиеся… удерживаемые страхом, ненавистью между нами. Как лезвие, вошедшее в живое дерево и расщепившее ствол лишь для того, чтобы навечно остаться в раненом теле, мы жили вместе. Вандельер и андроид… Холодным и бесстрастным…

Однажды Бленхейм позвал Вандельера в свой кабинет.

— Кажется, я нашел, — промолвил он. — Но не могу понять этого.

Сердце Вандельера подпрыгнуло.

— Вот выкладки, — продолжал Бленхейм. — В газетах были сводки погоды. Каждое преступление было совершено при температуре выше 90 градусов по Фаренгейту.

— Но это невозможно! — воскликнул Вандельер. — На Лире Альфа было холодно.

— У нас нет газеты с описанием преступления на Лире Альфа.

— Да, верно. Я… — Вандельер смутился и вдруг крикнул: — Вы правы! Конечно! Плавильная печь. О боже, да! Но почему? Почему?

В этот момент вошел я и, проходя мимо кабинета, увидел Вандельера и Бленхейма. Я вошел, ожидая команды, готовый услужить.

— А вот и андроид, — произнес Бленхейм после долгого молчания.

— Да, — ответил Вандельер, никак не придя в себя после открытия. — Теперь ясно, почему он отказался напасть на вас тем вечером. Слишком холодно.

Он посмотрел на андроида, передавая лунатическую команду. Он отказался. Подвергать жизнь опасности запрещено. Вандельер отчаянно схватил Бленхейма за плечи и повалил вместе с креслом на пол. Бленхейм закричал.

— Найди оружие, — приказал Вандельер.

Я достал из стола револьвер и протянул его Вандельеру. Я взял его, приставил дуло к груди Бленхейма и нажал на спуск.

У нас было три часа до возвращения прислуги.

Мы взяли деньги и драгоценности Бленхейма, его записки и уничтожили газеты. Упаковали в чемоданы одежду. Мы подожгли его дом. Нет, это сделал я. Андроид отказался. Мне запрещено подвергать опасности жизнь или собственность. Все ерунда!..

Табличка в окне гласила: *«Ван Уэбб, психометрический консультант».* Вандельер наметил себе этот адрес несколько недель назад. Андроид остался с вещами в фойе, а Вандельер прошел в кабинет.

Ван Уэбб оказалась высокой женщиной с редкими седыми волосами. Черты лица замкнуты, бесстрастны, само воплощение деловитости и профессионализма. Она кивнула Вандельеру, закончила письмо, запечатала и подняла голову.

— Мое имя Вандербильт, — сказал я. — Джейли Вандербильт. Учусь в лондонском университете.

— Так.

— Я провожу исследования по андроиду-убийце. Мне кажется, я напал на что-то важное, интересное, и хочу услышать ваше мнение. Сколько это будет стоить?

— В каком колледже вы учитесь?

— А что?

— Для студентов скидка.

— В колледже Мертона.

— Два фунта, пожалуйста.

Вандельер положил на стол два фунта и добавил к ним записи Бленхейма.

— Существует связь между поведением андроида и погодой. Все преступления совершались, когда температура поднималась выше 90 градусов по Фаренгейту. Может ли психометрия дать этому объяснение?

Ван Уэбб кивнула, просмотрела записи и произнесла:

— Безусловно, синестезия!

— Что?

— Синестезия, — повторила она. — Это когда чувство, ощущение, мистер Вандербильт, немедленно воспроизводится в формах восприятия не того органа, который был раздражен. Например, раздражение звуков вызывает одновременно ощущение определенного цвета. Или световой раздражитель вызывает ощущение вкуса. Может произойти замыкание сигналов вкуса, запаха, боли, давления и т. д. Вы понимаете?

— Кажется, да.

— Вы обнаружили факт, что андроид реагирует на температурный раздражитель свыше 90 градусов синестетически. Возможно, есть связь

между температурой и аналогом адреналина для андроида.

— Понятно. Тогда, если держать андроида в холоде…

— Не будет ни раздражения, ни реакции.

— Ясно. А есть ли опасность заражения? Может ли это перекинуться на владельца андроида?

— Очень любопытно… Опасность заражения заключается в опасности *поверить* в его возможность. Если вы общаетесь с сумасшедшим, то можете в конечном итоге перенять его болезнь… Что, безусловно, случилось с вами, мистер Вандельер.

Вандельер вскочил на ноги.

— Вы осел, — сухо продолжала Ван Уэбб. Она указала на записки, лежащие на столе. — Это почерк Бленхейма. Любому лондонскому студенту известны его слепые каракули. В лондонском университете нет колледжа Мертона. Он в Оксфорде. А с вами… Я даже не знаю, вызывать полицию или психиатрическую лечебницу.

Я вытащил револьвер и застрелил ее. Все ерунда!

— Антарес-2, Альфа Эрика, Поллукс-2, Ригель, Центавра, — говорил Вандельер, — все это холодные планеты. Средняя температура сорок

градусов. Живем! Осторожней на повороте.

Саморазвивающийся андроид опытной рукой держал руль, и машина мягко неслась по автостраде под серым холодным небом Англии. Высоко над головой завис одинокий вертолет.

— Никакого тепла, никакой жары, — говорил я. — В Шотландии — на корабль и прямо на Поллукс. Там мы будем в безопасности.

Внезапно сверху раздался оглушительный рев:

— ВНИМАНИЕ, ДЖЕЙМС ВАНДЕЛЬЕР И АНДРОИД!

Вандельер вздрогнул и посмотрел вверх.

Из брюха вертолета вырывались мощные звуки.

— ВЫ ОКРУЖЕНЫ. ДОРОГА БЛОКИРОВАНА. НЕМЕДЛЕННО ОСТАНОВИТЕ МАШИНУ И ПОДЧИНИТЕСЬ ЗАКОНУ.

Я выжидающе поглядел на Вандельера.

— Не останавливайся! — прокричал Вандельер.

Вертолет опустился ниже.

— ВНИМАНИЕ, АНДРОИД. НЕМЕДЛЕННО ОСТАНОВИ МАШИНУ. ЭТО ВЫСШИЙ ПРИКАЗ, ОТМЕНЯЮЩИЙ ВСЕ ЧАСТНЫЕ КОМАНДЫ.

— Что ты делаешь? — закричал я.

— Я должен остановиться… — начал андроид.

— Прочь! — Вандельер оттолкнул андроида и вцепился в руль. Визжа тормозами, машина съехала в поле и помчалась по замерзшей грязи, подминая мягкий кустарник, к виднеющемуся в пяти милях параллельному шоссе.

— ВНИМАНИЕ, ДЖЕЙМС ВАНДЕЛЬЕР И АНДРОИД. ВЫ ОБЯЗАНЫ ПОДЧИНИТЬСЯ ЗАКОНУ. ЭТО ПРИКАЗ.

— Не подчинимся! — дико взвыл Вандельер.

— Нет! — сурово прошептал я. — Мы еще победим их. Мы победим жару. Мы…

— Должен вам напомнить, — произнес я, — что мне необходимо выполнить приказ, отменяющий все частные команды.

— Пусть покажут документы, дающие им право приказывать! А может, они жулики! — выкрикнул Вандельер. Правой рукой он полез за револьвером. Левая рука дрогнула, машина на миг застыла и перевернулась.

Мотор ревел, колеса визжали. Вандельер выбрался и вытащил андроида. Через минуту мы были уже вне круга слепящего света из вертолета, в кустах, в лесу, в темноте благословенного убежища.

Вандельер и андроид отчаянно продирались через кустарник к параллельному шоссе. Вокруг

стягивалось кольцо преследователей, направляемых по радио. Спустилась ночь. Небо затянулось сплошным полотном туч, мрачное, беззвездное. Температура падала. Холодный северный ветер пронизывал нас до костей.

Издалека донесся приглушенный взрыв. Взорвался бак машины, в небо взметнулся фонтан огня. Раздуваемый ветром фонтан превратился в десятифутовую стену, с яростным треском пожиравшую кустарник и стремительно приближающуюся к нам. За ней Вандельер разглядел темные силуэты — охотники, прочесывающие лес…

— Боже! — воскликнул я и отчаянно рванулся вперед. Он потащил меня за собой, пока их ноги не заскользили по ледяной поверхности замерзающего болота. Внезапно лед треснул, и они очутились в ошеломляюще холодной воде.

Стена пламени приближалась, я уже ощущал жар. Он ясно видел преследователей. Вандельер полез в карман за револьвером. Карман был порван, револьвер исчез. Он застонал и задрожал от холода и ужаса. Свет от пожара был ослепительным. Наверху беспомощно завис вертолет, не в состоянии перелететь через клубы дыма и пламени, чтобы направить преследователей,

сгруппировавшихся правее нас.

— Они не найдут нас, — зашептал Вандельер. — Сиди тихо. Это приказ. Они не найдут нас. Мы победим пожар. Мы…

Три отчетливых выстрела раздались менее чем в сотне футов от беглецов. Бум! Бум! Бум! Это огонь достиг потерянного оружия и взорвал три оставшихся патрона. Преследователи развернулись и пошли прямо на нас. Вандельер страшно ругался, что-то истерически выкрикивал и все нырял в грязь, стараясь уберечься от невыносимой жары. Андроид начал подергиваться.

Волна пламени плеснула к ним. Вандельер набрал воздух и приготовился нырнуть, пока пламя не пройдет. Андроид вздрогнул и истошно закричал.

— Все ерунда! Все ерунда! — кричал он. — Будь спокойным и бесстрастным!

— Будь ты проклят! — кричал я.

Я попытался утопить его.

— Будь ты проклят!

Я разбил ему лицо.

Андроид избивал Вандельера, который сопротивлялся, пока он не выскочил из грязи. Прежде чем я смог снова напасть, живые языки пламени гипнотически заворожили его. Он танцевал и

кричал в безумной румбе перед стеной огня. Его ноги дергались. Его руки дергались. Его пальцы дергались. Нелепая извивающаяся фигура, темный силуэт на фоне ослепительного сияния.

Преследователи закричали. Раздались выстрелы. Андроид дважды повернулся кругом и продолжал свой кошмарный танец. Резкий порыв ветра кинул пламя вперед, и оно на миг приняло пляшущую фигуру в свои объятия, затем огонь отошел, оставив за собой булькающую массу синтетической плоти и крови, которая никогда не свернется.

Термометр показал бы *1200 градусов божественного Фаренгейта.*

Вандельер не погиб. Они упустили его, пока смотрели на гибель андроида. Но я не знаю, кто из нас он в эти дни. Заражение, предупреждала Ванда. Заражение, говорила Ван Уэбб. Если вы достаточно долго живете с сумасшедшим андроидом, я тоже стану сумасшедшим.

Но мы знаем одно. Мы знаем, что они ошибались. Робот и Вандельер знают это, потому что новый робот тоже дергается. Ерунда! Здесь, на холодном Поллуксе, робот танцует и поет. Холодно, но мои пальцы пляшут. Холодно, но он увел маленькую Тэлли на прогулку в лес. Дешевый

рабочий робот. Обслуживающий механизм… все, что я мог себе позволить… Но он дергается и завывает, и гуляет где-то с девчонкой, а я не могу найти их. Вандельер быстро меня не найдет, а потом будет поздно. Холодным и бесстрастным, душка, на трескучем морозе, когда термометр показывает ноль градусов убийственного Фаренгейта.

Выбор

Эта история — предупреждение пустым фантазерам, подобным вам, мне или Адьеру.

Не можно ли вы потратить на одна чашка кофе, достопочтенный сэр! Я есть несчастный голодающий организм.

Днем Адьер был статистиком. Он занимался такими вещами, как таблицы, средние величины и распределения, гомогенные группы и случайные отборы. Ночью же Адьер погружался в сложные и тщательно продуманные фантазии. Либо он переносился на сотню лет назад, не забыв прихватить энциклопедии, бестселлеры и результаты скачек, либо воображал себя в Золотом Веке совершенства далекого будущего. Пока вы, и я, и Адьер очень похожи.

Не можно ль пожертвовать одна чашка кофе, почтенная мисс! Для благословенная щедрость. Я признателен.

В понедельник утром Адьер ворвался в кабинет своего шефа, размахивая стопкой бумаг.

— Глядите, мистер Гранд! Я открыл нечто!..

— О черт, — отозвался Гранд. — Какие могут быть открытия во время войны?

— Поднимая материалы Внутреннего департамента… Вы знаете, что численность нашего населения увеличилась? На три целых девятьсот пятнадцать десятитысячных процента.

— Это невозможно. Мы потеряли столько, что… Должно быть, где-то вкралась ошибка, — пробормотал Гранд, листая бумаги. — Проверьте.

— Есть, сэр, — затараторил Адьер, покидая кабинет. — Я знал, что вы заинтересуетесь, сэр. Вы идеальный статистик, сэр.

Во вторник Адьер обнаружил отсутствие связи между отношением «рождаемость — смертность» и ростом населения. Адьер представил данные шефу, заработал похлопывание по спине и отправился домой к новым фантазиям: проснуться через миллион лет, узнать разгадку тайны и остаться там, в будущем, припав к лону земли и всяким другим, не менее прекрасным лонам.

В среду Адьер выяснил, что в окрестностях Вашингтона численность населения упала на 0,0029 процента. Это было неприятно, и ему пришлось искать прибежища в мечтах о Золотом Веке королевы Виктории, в котором он изумил и покорил мир потоком романов, пьес и стихов, позаимствованных у Шоу, Голсуорси и Уайльда.

Одна чашка кофе, благородный сэр! Я есть бед-

ная личность, нуждающаяся в жалость.

В четверг Адьер проверил Филадельфию. Прирост на 0,0959 процента. Так! Литл-Рок — на 1,1319, Сент-Луис — на 2,092. И это несмотря на полное уничтожение района Джефферсона, происшедшее из-за досадной ошибки военного компьютера.

— Боже мой! — воскликнул Адьер, дрожа от возбуждения. — Чем ближе к центру страны, тем больше прирост численности населения. Но ведь именно центр пострадал сильнее всего! В чем же дело?

Этой ночью он лихорадочно метался между прошлым и будущим, а следующим днем по имеющимся данным начертил на карте США концентрические окружности, цветами обозначая плотность населения. Красный, оранжевый, желтый, зеленый и синий круги образовали идеальную мишень, в центре которой оказался Канзас.

— Мистер Гранд! — вскричал Адьер в высокой статистической страсти. — Ответ таится в Канзасе!

— Поезжайте туда и добудьте этот ответ, — велел Гранд, и Адьер удалился.

Можно ли уделить цена один кофе, дражайшая

мадам! Я есть изголодный организм, требующий к себе питания.

Поездки в те дни, надо вам сказать, были связаны с немалыми трудностями. Корабль, шедший в Чарльстон (в северных штатах железных дорог не осталось), налетел на мину. Семнадцать часов Адьер держался в ледяной воде, бормоча сквозь зубы:

— Если б я только родился на сто лет раньше!

Очевидно, эта форма молитвы оказалась действенной. Его подобрал тральщик и доставил в Чарльстон. Там Адьер получил почти смертельную дозу радиоактивного облучения в результате рейда, не повредившего, к счастью, железнодорожное полотно. Он лечился на протяжении всего пути: Бирмингем (бубонная чума), Мэмфис (отравленная вода), Литл-Рок (карантин) и, наконец, Лайонесс, штат Канзас.

Выплески лавы из шрамов на земле; выжженные дороги; тучи сажи и нейтрализующих веществ; радиоактивное свечение в темноте.

После беспокойной ночи в отеле Адьер направился в местный статистический центр, вооруженный до зубов всякого рода документами. Увы, центр не был вооружен данными. Снова досадная ошибка военных. Центра просто не

существовало.

Весьма раздраженный, Адьер направил стопы в Медицинское бюро, предполагая получить сведения о рождаемости у практикующих врачей. Бюро было на месте, и был даже акушер, который и сообщил Адьеру, что последнего врача забрали в армию восемь месяцев назад. Возможно, в тайну посвящены повивальные бабки, но их списков нет. Придется ходить от двери к двери, интересуясь у каждой дамы, не практикует ли она это древнее занятие.

Адьер вернулся в гостиницу и на кусочке оберточной бумаги написал: «Столкнулся с дефицитом информации. Ждите дальнейших сообщений». Он засунул послание в алюминиевую капсулу, прикрепил ее к единственному выжившему почтовому голубю и с молитвой выпустил его. Потом сел у окна и загрустил.

Его внимание привлекло странное зрелище. На площадь внизу только что прибыл автобус из Канзаса. Эта старая развалина со скрежетом затормозила, открыла двери с большим трудом, и оттуда вышел одноногий мужчина с забинтованным обожженным лицом. Очевидно, это был состоятельный фермер, который мог позволить себе приехать в поисках медицинского обслужи-

вания. Автобус развернулся для обратного пути в Канзас. Тут-то, собственно, и началось странное.

Из ниоткуда… абсолютно ниоткуда… появилась толпа людей. Они выходили из переулков, из-за развалин… они заполнили всю площадь. Здоровые, веселые, счастливые, они болтали и смеялись, забираясь в автобус. Они походили на туристов — с сумками и рюкзаками, ящиками, картонками и даже с детьми. Через две минуты автобус был полон. Когда он тронулся, из салона грянула песня, и эхо ее еще долго блуждало среди разрушенных зданий и груд камней.

— Будь я проклят, — проговорил Адьер.

Он не видел беззаботной улыбки больше двух лет. Он не слышал веселого пения больше трех лет. Это было жутко. Это было невообразимо.

— Эти люди не знают, что идет война? — спросил он себя.

И чуть погодя:

— Они выглядят здоровыми. Почему они не на службе?

И наконец:

— Кто они?

Ночью Адьер спал без сновидений.

Не может ли добрейший сэр потратить одна чашка кофе! Я инороден и слаб голодом.

Ранним утром Адьер за непомерную плату нанял машину, выяснил, что бензин нельзя купить ни за какие деньги, и раздобыл хромую лошадь. Увы, опросы населения ничего не дали. Он вернулся как раз к отходу автобуса на Канзас.

Снова орда веселых людей заполнила площадь. Снова старенький автобус затрясся по разбитой дороге. Снова тишину разорвало громкое пение.

— Будь я проклят, — тяжело прохрипел Адьер. — Шпионы?

В ту ночь он был секретным агентом Линкольна, предвосхищающим каждое движение Ли, перехитряющим Джексона и Джонстона.

На следующий день автобус увез очередную партию таинственных весельчаков.

И на следующий.

И на следующий.

— Четыреста человек за пять дней, — подсчитал Адьер. — Штат кишит шпионами.

Он начал бродить по улицам, стараясь выследить беззаботных туристов. Это было трудно. Местные жители ничего о них не знали и ими не интересовались. В те дни думали лишь о том, как выжить.

— Все сходится. Лайонесс покидают восемьдесят человек в день. Пятьсот в неделю. Двадцать

пять тысяч в год. Возможно, это и есть ответ на тайну роста населения.

Адьер потратил двадцать пять долларов на телеграмму шефу. Телеграмма гласила: «Эврика. Я нашел».

Не можно ли потратить на одна одинокая чашка кофе, дорогая мадам! Я есть не бродяга, но лишенный человек.

Случай представился на следующий день. Как обычно, подъехал автобус, но на этот раз толпа собралась слишком большая. Трое не влезли. Вовсе не обескураженные, они отошли, замахали руками, выкрикивая напутствия отъезжающим, потом повернулись и пошли по улице.

Адьер стрелой выскочил из номера и последовал за ними через весь город, на окраину, по пыльной проселочной дороге, пока они не свернули и не вошли в старый амбар.

— Ага! — сказал Адьер.

Он сошел на обочину и присел на неразорвавшийся снаряд. Ага — что? Ясно только, где искать ответ.

Сумерки сгустились в кромешную тьму, и Адьер осторожно двинулся вперед. В этот момент его схватила пара рук, к лицу прижали что-то мягкое…

Одна одинокая чашка кофе для бедный несчастливец, достойный сэр. Щедрость благословит.

Адьер пришел в себя на койке в маленькой комнате. Рядом за столом сидел и деловито писал седовласый джентльмен с резкими чертами лица. На краю стола находился радиоприемник.

— П-послушайте, — слабо начал Адьер.

— Одну минуту, мистер Адьер, — вежливо сказал джентльмен и что-то сделал с радиоприемником. Над круглой медной плитой посреди комнаты возникло сияние, сгустившееся в девушку — нагую и очаровательную. Она подскочила к столу и затараторила: — Вл-ни-тк-ик-тл-нк.

Джентльмен улыбнулся и указал на дверь.

— Пойдите разрядитесь.

Девушка моментально выбежала.

— Вы шпионы! — обвинил Адьер. — Она говорила по-китайски!

— Едва ли. Скорее, это старофранцузский. Середина восемнадцатого века. Простите.

Он снова включил радио. Теперь свечение породило голого мужчину, заговорившего с отчаянной медлительностью:

— Мууу, фууу, блууу, уауу, хауу, пууу.

Джентльмен указал на дверь; мужчина вышел, еле переставляя ноги.

— Мне кажется, — дружелюбно продолжил седовласый джентльмен, — что это влияние потока времени. Двигаясь вперед вместе с ним, они ускоряются; идя против его течения назад — тормозятся. Разумеется, этот эффект через пару минут исчезает.

— Что?! — выдохнул Адьер. — Путешествие во времени?

— Ну да… Вот ведь интересно. Люди привыкли рассуждать о путешествии во времени. Как оно будет использовано в археологии, истории и так далее. И никто не видел истинного его назначения… терапия.

— Терапия? Медицина?

— Да. Психологическое лечение для тех неприспособленных, которым не помогают другие средства. Мы позволяем им эмигрировать. Бежать. Наши станции расположены через каждые четверть века.

— Не понимаю…

— Вы попали в иммиграционное бюро.

— О господи! — Адьер подскочил на койке. — Ответ к загадке! Сюда прибывают тысячи… Откуда?

— Из будущего, разумеется. Перемещение во времени стало возможным лишь с… э, скажем, с

две тысячи пятьсот пятого года.

— Но те, замедленные… Вы говорили, что они идут из прошлого.

— Да, но первоначально-то они из будущего. Просто решили, что зашли слишком далеко. — Седовласый джентльмен задумчиво покачал головой. — Удивительно, какие ошибки совершают люди. Абсолютно теряют контакт с реальностью. Знал я одного… Его не устраивало ничто другое, как времена королевы Елизаветы. «Шекспир, — говорил он, — испанская Армада, Дрейк и Ралли. Самый мужественный период истории. Золотой век». Я не смог его образумить, и вот… Выпил стакан воды и умер. Тиф.

— Можно ведь сделать прививки…

— Все было сделано. Но болезни тоже меняются. Старые штаммы исчезают, новые появляются. Извините…

Из свечения вышел мужчина, что-то протараторил и выскочил за дверь, едва не столкнувшись с обнаженной девушкой, которая заглянула в комнату, улыбнулась и произнесла со странным акцентом:

— Простите, мистер Джеллинг. Кто этот только что вышедший джентльмен?

— Питерс.

— Из Афин?

— Совершенно верно.

— Что, не понравилось?

— Трудно без водопровода.

— Да, через некоторое время начинаешь скучать по современной ванной… Где мне взять одежду? Или здесь уже ходят нагими?

— Идите к моей жене. Она вам что-нибудь подберет.

В комнату вошел «замедленный» мужчина. Теперь он был одет и двигался с нормальной скоростью. Они с девушкой взглянули друг на друга, засмеялись, поцеловались и, обнявшись, ушли.

— Да, — произнес Джеллинг. — Выясняется, что жизнь — это сумма удобств. Казалось бы, что такое водопровод по сравнению с древнегреческими философами. Но потом вам надоедает натыкаться на великих мудрецов и слушать, как они распространяются про известные вам вещи. Вы начинаете скучать по удобствам и обычаям, которых раньше и не замечали.

— Это поверхностный подход, — сказал Адьер.

— Вот как? А попробуйте жить при свечах, без центрального отопления, без холодильника, без самых простых лекарств. Или наоборот, проживите в будущем, в колоссальном его темпе.

— Вы преувеличиваете, — сказал Адьер. — Готов поспорить, что существуют времена, где я мог бы быть счастлив. Я…

— Ха! — фыркнул Джеллинг. — Великое заблуждение. Назовите такое время.

— Американская революция.

— Э-ээ! Никакой санитарии. Никакой медицины. Холера в Филадельфии, малярия в Нью-Йорке. Обезболивания не существует. Смертная казнь за сотни мелких проступков и нарушений. Ни одной любимой книги или мелодии.

— Викторианская эпоха.

— У вас все в порядке с зубами и зрением? Очков мы с вами не пошлем. Как вы относитесь к классовым различиям? Ваше вероисповедание? Не дай вам бог принадлежать к меньшинству. Ваши политические взгляды? Если сегодня вы считаетесь реакционером, те же убеждения сделают вас опасным радикалом через сотню лет. Вряд ли вы будете счастливы.

— Я буду в безопасности.

— Только если будете богатым, а деньги мы с вами послать не можем. Нет, Адьер, бедняки умирали в среднем в сорок лет в те дни… уставшие, изможденные. Выживали только привилегированные, а вы будете не из их числа.

— С моими-то знаниями?

Джеллинг кивнул.

— Ну вот, добрались до этого. Какие знания? Смутные представления о науке? Не будьте дураком, Адьер. Вы пользуетесь ее плодами, ни капли не представляя сущности.

— Я мог бы специально подготовиться и изобрести… радио, например. Я бы сделал состояние на одном радио.

Джеллинг улыбнулся.

— Нельзя изобрести радио, пока не сделаны сотни сопутствующих открытий. Вам придется создавать целый мир. Нужно изобрести и научиться изготовлять вакуумные диоды, гетеродинные цепи и так далее. Вам придется для начала получить электрический ток, построить электростанции, обеспечить передачу тока, получить переменный ток… Вам… но зачем продолжать? Все очевидно. Сможете вы изобрести двигатель внутреннего сгорания, когда еще нет представления о переработке нефти?

— Боже мой! — простонал Адьер. — Я никогда не думал… А книги? Я мог бы запомнить…

— И что? Опередить автора? Но публику вы тоже опередите. Книга не станет великой, пока читатель не готов понять ее. Она не станет доход-

ной, если ее не будут покупать.

— А что, если отправиться в будущее?

— Я же объяснил вам. Те же проблемы, только наоборот. Мог бы древний человек выжить в двадцатом веке? Остаться в живых, переходя улицу? Водить автомобиль? Разговаривать на ином языке? Думать на этом языке? Приспособиться к темпу и идеям? Никогда. Сможете вы приспособиться к тридцатому веку? Никогда.

— Интересно, — сердито сказал Адьер, — если прошлое и будущее настолько неприемлемы, зачем же путешествуют эти люди?

— Они не путешествуют, — ответил Джеллинг. — Они бегут.

— От кого?

— От своего времени.

— Почему?

— Оно им не нравится.

— Куда же они направляются?

— Куда угодно. Все ищут свой Золотой век. Бродяги!.. Вечно недовольны, вечно в пути… Половина попрошаек, которых вы видели, — наверняка лодыри, застрявшие в чужом времени.

— Значит, те, кто специально приезжают сюда… думают, что попали в Золотой век?

— Да.

— Но это безумие! — вскричал Адьер. — Неужели они не видят: руины, радиация, война, истерия? Самое ужасное время в истории!

Джеллинг поднял руку.

— Так кажется вам. Представители каждого поколения твердят, что их время — самое тяжелое. Но поверьте моему слову — когда бы и как бы вы ни жили, где-то обязательно найдутся люди, уверенные, что вы живете в Золотом веке.

— Будь я проклят, — проговорил Адьер.

Джеллинг пристально посмотрел на него.

— Будете, — мрачно сказал он. — У меня для вас плохие новости, Адьер. Мы не можем позволить вам остаться здесь — нам надо хранить секрет.

— Я могу говорить везде.

— Да, но в чужом времени никто не будет обращать на вас внимания. Вы будете иностранцем, чудаком…

— А если я вернусь?

— Вы не можете вернуться без визы, а я вам ее не дам. Если вас это может утешить, то знайте, что вы не первый, кого мы так высылаем. Был, помню, один японец…

— Значит, вы отправите меня…

— Да. Поверьте, мне очень жаль.

— В прошлое или в будущее?

— Куда хотите. Выбирайте.

— Почему такая скорбь? — напряженно спросил Адьер. — Это же грандиозное приключение! Мечта моей жизни!

— Верно. Все будет чудесно.

— Я могу отказаться, — нервно сказал Адьер.

Джеллинг покачал головой.

— В таком случае вас придется усыпить. Так что лучше выбирайте сами.

— Я счастлив сделать такой выбор!

— Разумеется. У вас правильное настроение, Адьер.

— Мне говорили, что я родился на сто лет раньше.

— Всем обычно это говорят… или на сто лет позже.

— Мне говорили и это.

— Что ж, подумайте. Что вы предпочитаете… прекрасное будущее или поэтическое прошлое?

Адьер начал раздеваться, раздеваться медленно, как делал каждую ночь перед тем, как предаться фантазиям. Но сейчас фантазии предстояло воплотиться, и момент выбора страшил его. Еле переставляя ноги, он взошел на медный диск, на вопрос Джеллинга пробормотал свое решение и исчез из этого времени навсегда.

Куда? Вы знаете. Я знаю, Адьер знает. Он ушел в Землю Наших Дорогих Мечтаний. Он скрылся в прибежище Наших Снов. И почти тут же понял, что покинул единственное подходящее для себя место.

Сквозь дымку лет все времена, кроме нашего, кажутся золотыми и величественными. Мы жаждем будущего, мы томимся по прошлому и не осознаем, что выбора нет… что день сегодняшний — плохой или хороший, горький, тяжелый или приятный, спокойный или тревожный — единственный день для нас. Ночные мечты — предатели, и мы все — соучастники собственного предательства.

Не можно тратить цена одной чашка кофе, достойный сэр? Нет, сэр, я не есть попрошайная личность. Я есть изголодный японский странник оказаться в этот ужасный год. Почетный сэр! Ради вся святая милость! Один билет в город Лайонесс. Я хочу на колени молить виза. Я хочу в Хиросима, назад, в тысяча девятьсот сорок пятый. Я хочу домой.

Упрямец

— В былые дни, — сказал Старый, — были Соединенные Штаты, и Россия, и Англия, и Испания, и Россия, и Англия, и Соединенные Штаты. Страны. Суверенные государства. Нации. Народы.

— И сейчас есть народы, Старый.

— Кто ты? — внезапно спросил Старый.

— Я Том.

— Том?

— Нет, Том.

— Я и сказал Том.

— Вы неправильно произнесли, Старый. Вы назвали имя другого Тома.

— Вы все Томы, — сказал Старый угрюмо. — Каждый Том… все на одно лицо.

Он сидел, трясясь на солнце и ненавидя этого молодого человека. Они были на веранде госпиталя. Улица перед ними пестрела празднично одетыми людьми, мужчинами и женщинами, чего-то ждущими. Где-то на улицах красивого белого города гудела толпа, возбужденные возгласы медленно приближались сюда.

— Посмотрите на них. — Старый угрожающе потряс своей палкой. — Все до одного Томы. Все

Дейзи.

— Нет, Старый, — улыбнулся Том. — У нас есть и другие имена.

— Со мной сидела сотня Томов, — прорычал Старый.

— Мы часто используем одно имя, Старый, но по-разному произносим его. Я не Том, Том или Том. Я Том.

— Что это за шум? — спросил Старый.

— Это Галактический Посол, — снова объяснил Том. — Посол с Сириуса, такая звезда в Орионе. Он въезжает в город. Первый раз такая персона посещает Землю.

— В былые дни, — сказал Старый, — были настоящие послы. Из Парижа, и Рима, и Берлина, и Лондона, и Парижа, и… да. Они прибывали пышно и торжественно. Они объявляли войну. Они заключали мир. Мундиры и сабли и… и церемонии. Интересное время! Смелое время!

— У нас тоже смелое и интересное время, Старый.

— Нет! — загремел старик, яростно взмахнув палкой. — Нет страстей, нет любви, нет страха, нет смерти. В ваших жилах больше нет горячей крови. Вы сама логика. Вы сами — смерть! Все вы, Томы. Да.

— Нет, Старый. Мы любим. Мы чувствуем. Мы многого боимся. Мы уничтожили в себе только зло.

— Вы уничтожили все! Вы уничтожили человека! — закричал Старый. Он указал дрожащим пальцем на Тома. — Ты! Сколько крови в твоих, как их! Кровеносных сосудах?

— Ее нет совсем, Старый. В моих венах раствор Таймера. Кровь не выдерживает радиации, а я исследую радиоактивные вещества.

— Нет крови. И костей тоже нет.

— Кое-что осталось, Старый.

— Ни крови, ни костей, ни внутренностей, ни… ни сердца. Что вы делаете с женщиной? Сколько в тебе механики?

— Две трети, Старый, не больше, — рассмеялся Том. — У меня есть дети.

— А у других?

— От тридцати до семидесяти процентов. У них тоже есть дети. То, что люди вашего времени делали со своими зубами, мы делаем со всем телом. Ничего плохого в этом нет.

— Вы не люди! Вы монстры! — крикнул Старый. — Машины! Роботы! Вы уничтожили человека!

Том улыбнулся.

— В машине так много от человека, а в человеке от машины, что трудно провести границу. Да и зачем ее проводить. Мы счастливы, мы радостно трудимся, что тут плохого?

— В былые дни, — сказал Старый, — у всех было настоящее тело. Кровь, и нервы, и внутренности — все как положено. Как у меня. И мы работали и… и потели, и любили, и сражались, и убивали, и жили. А вы не живете, вы функционируете: туда-сюда… Комбайны, вот вы кто. Нигде я не видел ни ссор, ни поцелуев. Где эта ваша счастливая жизнь? Я что-то не вижу.

— Это свидетельство архаичности вашей психики, — сказал серьезно Том. — Почему вы не позволяете реконструировать вас? Мы бы могли обновить ваши рефлексы, заменить…

— Нет! Нет! — в страхе закричал Старый. — Я не стану еще одним Томом.

Он вскочил и ударил приятного молодого человека палкой. Это было так неожиданно, что тот вскрикнул от изумления. Другой приятный молодой человек выбежал на веранду, схватил старика и бережно усадил его в кресло. Затем он повернулся к пострадавшему, который вытирал прозрачную жидкость, сочившуюся из ссадины.

— Все в порядке, Том?

— Чепуха. — Том со страхом посмотрел на Старого. — Знаешь, мне кажется, он действительно хотел меня ранить.

— Конечно. Ты с ним в первый раз? Мы им гордимся. Это уникум. Музей патологии. Я побуду с ним. Иди посмотри на Посла.

Старик дрожал и всхлипывал.

— В былые дни, — бормотал он, — были смелость и храбрость, и дух, и сила, и красная кровь, и смелость, и…

— Брось, Старый, у нас тоже все есть, — прервал его новый собеседник. — Когда мы реконструируем человека, мы ничего у него не отнимаем. Заменяем испорченные части, вот и все.

— Ты кто? — спросил Старый.

— Я Том.

— Том?

— Нет, Том. Не Том, а Том.

— Ты изменился.

— Я не тот Том, который был до меня.

— Все вы Томы, — хрипло крикнул Старый. — Все одинаковы.

— Нет, Старый. Мы все разные. Вы просто не видите.

Шум и крики приближались. На улице перед госпиталем заревела толпа. В конце разукра-

шенной улицы заблестела медь, донесся грохот оркестра. Том взял старика под мышки и приподнял с кресла.

— Подойдите к поручням, Старый! — горячо воскликнул он. — Подойдите и посмотрите на Посла. Это великий день для всех нас. Мы наконец установили контакт со звездами. Начинается новая эра.

— Слишком поздно, — пробормотал Старый, — слишком поздно.

— Что вы имеете в виду?

— Это мы должны были найти их, а не они нас. Мы, мы! В былые дни мы были бы первыми. В былые дни были смелость и отвага. Мы терпели и боролись…

— Вот он! — вскричал Том, указывая на улицу. — Он остановился у Института… Вот он выходит… Идет дальше… Постойте, нет. Он снова остановился! Перед Мемориалом… Какой великолепный жест. Какой жест! Нет, это не просто визит вежливости.

— В былые дни мы бы пришли с огнем и мечом. Да. Вот. Мы бы маршировали по чужим улицам, и солнце сверкало бы на наших шлемах.

— Он идет! — воскликнул Том. — Он приближается… Смотрите хорошенько, Старый. Запомните

эту минуту. Он, — Том перевел дух, — он собирается выйти у госпиталя!

Сияющий экипаж остановился у подъезда. Толпа взревела. Официальные лица, окружавшие локомобиль, улыбались, показывали, объясняли. Звездный Посол поднялся во весь свой фантастический рост, вышел из машины и стал медленно подниматься по ступеням, ведущим на веранду. За ним следовала его свита.

— Он идет сюда! — крикнул Том, и голос его потонул в приветственном гуле толпы.

И тут произошло нечто незапланированное. Старик сорвался с места. Он проложил себе дорогу увесистой палкой в толпе Томов и Дейзи и очутился лицом к лицу с Галактическим Послом. Выпучив глаза, он выкрикнул:

— Я приветствую вас! Я один могу приветствовать вас!

Старик поднял свою трость и ударил Посла по лицу.

— Я последний человек на Земле, — закричал он.

О времени и Третьей авеню

От автора

Я совершил глупость. Я взялся за работу, не зная, куда она меня заведет. Не то чтоб это была уникальная для авторов глупость. У всех нас разные писательские техники, и все они годятся. Рекс Стаут говорил мне: «Ты, черт побери, прекрасно знаешь, как мы пишем. Вставляешь лист бумаги в машинку, печатаешь слово, потом следующее, и так до конца». Я ему не поверил, когда он утверждал, будто никогда ничего не планирует. Я до сих пор не верю, потому что мне самому нужно распланировать всё, пока я не сяду писать. Лишь недавно я узнал, что Стаут в действительности планировал произведения очень подробно, но держал планы в голове, никогда не записывая их. А мне приходится записывать.

Не всегда сюжет следует плану игры. В прошлом году я заканчивал роман и был уже так уверен в том, куда сюжет вырулит, что выбросил детальные заметки, сделанные перед началом работы, — они загромождали мое рабочее ме-

сто. Потом перечитал финальный вариант, плод недель кропотливой работы, и понял, что ничего общего с набросками он не имеет. Он был хорошим, даже превосходным, но история, которую я намеревался рассказать, вышла из-под контроля и двинулась своим путем.

Когда-то мы с нашим общим наставником Робертом Хайнлайном судачили (авторы всегда судачат между собой обо всем подряд, от техник письма до любимой модели рабочего стола), и Роберт сказал: «Я начинаю с некоторых персонажей, устраиваю им проблемы, а когда они из этих передряг выпутываются, то и сказочке конец. К моменту, когда я четко слышу их голоса, проблемы уже обычно разрешились». Меня ошеломило это заявление: я сам даже приступить к работе не могу, не услышав, о чем говорят персонажи, а к этому моменту у них уже свобода воли, собственные идеи и занятия в комплекте.

Однако в рассказ, ставший затем «О времени и Третьей авеню», я вляпался без подготовки, в основном потому, что хотел использовать определенное место действия: обшарпанный бар «У П. Дж. Кларка» на Третьей авеню. Мы там собирались после повторных радиовыступлений,

причем я так и не понял, почему именно там. В те дни по радио выступали сначала для Восточного побережья, а потом, спустя три часа, для Западного. Владельцы станций настаивали, что слушатели улавливают разницу между прямым эфиром и записью, предпочитая прямое выступление. Чушь собачья.

В общем, после повторного выхода в эфир мы заваливались либо в бар «У Тутса Шора», либо в «У П. Дж. Кларка». Последнее заведение тогда сокращенно называли «У Кларка» или «У Кларки». Сейчас там пафосный клуб для молодых рекламщиков и писателей, называется «П. Дж.» («Пи Джей»). Инициалы обрели собственную популярность и часто имитируются в логотипах. Ну вы в курсе: закусочная «У П. Дж. Горовица», ресторан сукияки «У П. Дж. Мото», мексиканский ресторан «Реванш Монтесумы[27] *и П. Дж. Чико».*

О, это местечко мне было хорошо знакомо. Персонажи, чего греха таить, картонные — их я едва

---

[27] Примечания: 27

Реванш Монтесумы (*жарг.*) — общее название комплекса расстройств пищеварения, жертвами которого часто становятся не привыкшие к антисанитарии путешественники из США и Европы в странах Латинской Америки. Отсылает к истории коллапса империи ацтеков не только под натиском конкистадоров, но и, главным образом, от занесенных европейцами заболеваний, к которым у индейцев не могло быть иммунитета.

знал, — и меня бы это должно насторожить, но я слепо ввязался в игру, написал первый эпизод, а потом… А что потом? Я потерялся. У меня не было цельного сюжета, только начало. Я отложил его и снова вспомнил, только когда столкнулся с очередной раздражающей вариацией сюжета о знании будущего. Ну вы представляете: заполучить завтрашнюю газету, распланировать преступление с целью наживы, увидеть собственное имя в некрологе на последней странице. На первый раз ничего так, но дальнейшие вариации — пф-ф… Меня соблазнила возможность показать, как по-настоящему нужно работать с этим сюжетом, и я переделал набросок в теперешний рассказ «О времени и Третьей авеню».

Примечание: если интересно, в каком состоянии были тогда мои личные финансы, то… мне пришлось сходить в банк, чтобы выяснить, кто изображен на стодолларовой банкноте.

* * *

Что Мэйси больше всего не понравилось в этом человеке, так это скрип. Черт его знает, что именно скрипело — может, обувь, но скорее одежда. В дальней комнате заведения, под плакатом с над-

письью *КТО БОИТСЯ ВСПОМНИТЬ ПРО СРАЖЕНИЕ НА БОЙНЕ?*[28], Мэйси внимательно изучал незнакомца. Тот был высок, худощав и очень пригож собой. Молод, но почти лыс: только на макушке и над бровями были заметны клочки волос. Когда гость полез в карман за бумажником, Мэйси определился: скрипит одежда.

— Отлично, мистер Мэйси, — прозвучал стаккато голос незнакомца, — итак, за аренду этой комнаты, включая эксклюзивное пользование удобствами, в течение одного хроноса…

— Одного чего-чего? — нервно переспросил Мэйси.

— Хроноса. Неправильное слово? О, простите. Одного часа.

— Вы иностранец, — сообразил Мэйси. — Как вас зовут? Бьюсь об заклад, у вас русское имя.

— Нет, я не иностранец, — ответил тот. Жутковатый взгляд незнакомца словно хлестал по комнате. — Зовите меня Бойном.

— Бойном? — недоверчиво повторил Мэйси.

— Бойном. — Мистер Бойн раскрыл бумажник, имевший форму аккордеона, пробежался паль-

---

[28] Примечания: 28

Сражение на реке Бойн состоялось в период Славной революции, 11 июля 1690 г., и привело к покорению Ирландии войсками Вильгельма Оранского.

цами по разноцветным банкнотам и монетам, после чего извлек стодолларовую купюру, сунул ее Мэйси и бросил: — Аренда на час. Как договорились. Сто долларов. Берите и уходите.

Под напористым взглядом Бойна Мэйси принял купюру и неуверенно поплелся к стойке, бросив через плечо:

— Что будете пить?

— Пить? — переспросил Бойн. — Алкоголь? Тьфу!

Развернувшись, он устремился к телефонной будке, полез под аппарат и нашарил провод. Вытащив из бокового кармана блестящую коробочку, он прикрепил ее к проводу, замаскировал от посторонних взглядов и поднял трубку.

— Координаты: 73°58′15″ западной, 40°45′20″ северной, — проговорил он торопливо. — Сигму отменить. Вы гоняетесь за призраками. — Помолчав, продолжил: — Держать. Держать! Сигнал четкий. Сосредоточьтесь на Найте. Оливере Уилсоне Найте. Точность — четыре цифры после запятой. Координаты у вас есть… 99,9807? ОЗ. Оставайтесь на…

Бойн высунул голову из будки и уставился на дверь бара. С непоколебимой сосредоточенностью наблюдал он за ней, пока не появились

молодой человек и красивая девушка. Потом вернулся к телефону.

— Вероятность подтверждается. Контакт с Оливером Уилсоном Найтом установлен. Перехожу к ОЗ. Удачи моей паре. — Он повесил трубку и сел под плакатом, наблюдая, как парочка осматривает бар и направляется в дальнюю комнату.

Юноше было лет двадцать шесть: среднего роста, плотного телосложения. Костюм мятый, матово-каштановые волосы взъерошены, лицо дружелюбное, в мимических морщинках от частых улыбок. Девушка, брюнетка с нежными голубыми глазами, заговорщицки усмехалась. Они шли, взявшись за руки, а когда полагали, что их никто не видит, шутливо сталкивались друг с дружкой. Но тут они наткнулись на Мэйси.

— Простите, мистер Найт, — сказал Мэйси, — но вам с дамой туда, в дальнюю, нынче нельзя. Ее всю арендовали.

Лица парочки омрачились. Бойн окликнул их:

— Все в порядке, мистер Мэйси! Я рад буду принять мистера Найта и его спутницу как своих гостей.

Найт с девушкой озадаченно обернулись к Бойну. Бойн улыбнулся им и похлопал по креслу рядом.

— Садитесь, — сказал он. — Я вами прямо-таки очарован!

Девушка откликнулась:

— Мы бы и не хотели навязываться, но это единственное место в городе, где можно попробовать настоящее имбирное пиво «Стоун».

— Мне это уже известно, мисс Клинтон. — Он глянул на Мэйси: — Принесите имбирного пива и уходите. Никаких больше гостей. Я никого больше не жду.

Найт с девушкой изумленно уставились на Бойна и медленно заняли предложенные им места. Найт положил на столик сверток с книгами. Девушка перевела дух:

— Вы знаете меня… мистер?..

— Бойн. Как та река, где сражение было. Да, конечно знаю. Вы мисс Джейн Клинтон. А вы — мистер Оливер Уилсон Найт. Я арендовал это помещение специально к вашему приходу в этот день.

— Это что, розыгрыш? — спросил Найт, чуть покраснев.

— Имбирное пиво! — галантно возвестил Бойн, когда появился Мэйси, сгрузил бокалы и бутылки, после чего юркнул прочь.

— Вы же не могли знать, что мы сюда заявим-

ся, — сказала Джейн. — Мы и сами не знали… мы несколько минут назад решили.

— Вынужден оспорить это утверждение, мисс Клинтон, — усмехнулся Бойн. — Вероятность вашего прибытия в точку с координатами 73°58′15″ западной долготы и 40°45′20″ северной широты — 99,9807 %. Четыре цифры после запятой не оставляют выбора.

— Слушайте, — гневно начал Найт, — если вы себе взяли в голову…

— Пожалуйста, пейте имбирное пиво и внимательно слушайте, что я себе взял в голову, мистер Найт. — Бойн подался к ним через столик, в позе его ощущалось электризующее напряжение. — Стоило немалых трудов и средств устроить вам встречу в этот час. С кем? Неважно. Ваши действия создали чрезвычайно опасную для нас ситуацию. Меня послали разрешить ее.

— Кто вас послал? — спросил Найт.

Джейн привстала.

— Я… э-э… Мы лучше пойдем.

Бойн махнул рукой, и девушка опустилась обратно — покорно, как ребенок. Найту он объяснил:

— Сегодня в полдень вы посетили место, принадлежащее Дж. Д. Крэйгу, торговцу печатными

книгами. Вы получили у него четыре книги путем обмена на деньги. Три книги значения не имеют, но четвертая… — Он энергично постучал по свертку. — Четвертая обладает ключевой для нашей встречи значимостью.

— Вы что такое городите? — воскликнул Найт.

— Это том в переплете, сборник фактов и статистических данных.

— Справочник?

— Справочник.

— И что в нем такого?

— Вы намеревались приобрести справочник за 1950 год.

— Я и купил справочник за пятидесятый.

— Но это не так! — воскликнул Бойн. — Вы приобрели справочник за 1990-й.

— Чего-о?

— Всемирный справочник 1990 года, — раздельно проговорил Бойн, — находится в вашем свертке. Не спрашивайте, как. За эту халатность уже понесли наказание. Ошибка должна быть исправлена. Поэтому я здесь. Поэтому была организована наша встреча. Достаточно ли понятно я выражаюсь?

Найт разразился смехом и полез в сверток. Бойн протянул руку и ухватил его запястье.

— Вам не следует открывать его, мистер Найт.

— Ну ладно, — откинулся Найт на спинку кресла. Улыбнувшись Джейн, он пригубил имбирное пиво. — Сколько вам заплатили за розыгрыш?

— Мистер Найт, я обязан получить эту книгу. Я бы хотел покинуть бар, располагая этим справочником.

— Хотели бы?

— Хотел бы.

— Справочником за 1990 год?

— Да.

— Если бы, — произнес Найт, — существовала такая штука, как справочник 1990 года, и он находился в этом свертке, то меня от него и пытками бы не оторвали.

— Но почему, мистер Найт?

— Не будьте идиотом. Заглянуть в будущее… узнать, как будет меняться фондовый рынок… результаты скачек… исход выборов. Легкие деньги. Я бы разбогател.

— Действительно, — резко кивнул Бойн. — Вы бы не просто разбогатели. Вы обрели бы всемогущество. Человек ограниченный воспользовался бы справочником из будущего в мелочных целях. Для предсказания результатов спортивных игр и выборов. И так далее. Но интеллект более мощ-

ный… такой, как *ваш*… не ограничился бы этим.

— Вы мне льстите, — усмехнулся Найт.

— Дедукция. Индукция. Логические рассуждения. — Бойн загибал пальцы. — За каждым фактом — целая история. Например, история инвестиций в недвижимость. Какие участки продавать и покупать? Об этом вам расскажут данные переписей населения и его динамики. Транспорт? Перечень катастроф на море и железных дорогах подскажет вам, стал ли ракетный транспорт заменой морскому и рельсовому.

— А он стал? — хмыкнул Найт.

— Расписания полетов подскажут, акции каких компаний купить. Почтовые индексы укажут на города будущего. Список нобелевских лауреатов поможет выявить, какие ученые и открытия достойны внимания. Военные бюджеты подскажут, в какие отрасли промышленности и предприятия вложиться. Данные о стоимости проживания помогут уберечь богатство от инфляции и дефляции. Обменные курсы, данные с фондовых рынков, банкротства банков, ставки страхования жизни… все это ключи, которые помогут вам защититься от любых невзгод.

— Отличная идея, — сказал Найт. — Мне нравится.

— Вы так думаете?

— Я уверен. Деньги в кармане. Весь мир в кармане.

— Извините, — настаивал Бойн, — но вы лишь озвучиваете детские мечты. Вы стремитесь разбогатеть, да. Но лишь испытания на пути к успеху, ваши собственные испытания, помогут насладиться им. Какая вам радость от незаслуженного дара? Никакой. Лишь вина и досада. Вы уже и сами это понимаете.

— Не согласен, — сказал Найт.

— Да? Тогда почему вы работаете, а не воруете? Не грабите, не вымогаете, не отнимаете у других деньги, набивая себе карманы?

— Но я… — начал было Найт и осекся.

— Да уж. — Бойн нетерпеливо помахал рукой. — Мистер Найт, ну же, приведите более взрослый аргумент. Вы слишком амбициозны и трезвомыслящи, чтобы искать чужого успеха.

— В таком случае… я бы просто хотел знать, стану ли успешным.

— Да? Полноте. Хотите перелистывать страницы в поисках своего имени? Хотите перестраховаться? А зачем? Вы в себя не верите? Вы перспективный молодой адвокат. Да, я это знаю. Это часть полученных мною сведений. Но разве

мисс Клинтон в вас не верит?

— Верю, — громко проговорила Джейн. — Не нужна ему страховка в виде этой книжки.

— Что же еще, мистер Найт?

Найт помедлил, посерьезнев под напором Бойна.

— Безопасность, — сказал он наконец.

— Ее не существует. Жизнь полна опасностей. Безопасность обретете вы лишь в смерти.

— Вы понимаете, о чем я, — пробормотал Найт. — О знании, что жизнь имеет смысл. Есть такая штука, как атомная бомба.

Бойн быстро закивал.

— Да. Кризис. Но ведь я здесь. Мир сохранится. Я тому доказательством.

— Ох, если б я вам верил…

— А почему бы и нет? — настойчиво воскликнул Бойн. — Вам не только безопасности недостает. Вы недостаточно смелы. — Он презрительно смерил парочку взглядом. — В этой стране существует легенда об отцах-основателях, которые, как предполагается, должны были передать вам смелость перед лицом испытаний. Бун, Аллен, Хьюстон, Линкольн, Вашингтон и другие. Верно?

— Угу, наверное, — пробормотал Найт. — Так мы себе твердим.

— А где же ваша смелость? Пф! Одни слова. Неведомое страшит вас. Опасность не вдохновляет на борьбу, как в свое время Крокетта. Вы лишь ноете и тянетесь к справочнику за уверенностью в себе. Верно?

— Но атомная бомба…

— Угроза. Да. Одна из множества. И что с того? Вы разве мухлюете в *сольяре*?

— Сольяре?

— Простите. — Бойн поразмыслил, нетерпеливо щелкая пальцами и не желая снижать напора дискуссии. — Одиночная игра с вероятностями при определенном расположении карт. Я забыл, как она у вас называется…

— А! — просияла Джейн. — Пасьянс «солитер».

— Совершенно верно. Пасьянс «солитер». Спасибо за подсказку, мисс Клинтон. — Бойн снова вперил в Найта свой жуткий взор. — Вы мухлюете в солитере?

— Иногда.

— Вам нравится побеждать обманом?

— Как правило, нет.

— Такие победы фиктивны, не так ли? Скучны. Утомительны. Бесцельны. Нуль-координированы. Вам бы хотелось победить честно.

— Думаю, да.

— И как вы полагаете, после того, как вы заглянете в тот переплетенный томик, — будет ли вам это удаваться? Представьте бессмысленную жизнь, бесцельную игру, которую вам бы хотелось сыграть честно. Вы пожалеете о своем поступке. Вы не раз вспомните великие слова нашего поэта-философа Тринбилла, который подвел итог подобному блистательной, как *скэзон*, фразой: «*Будущее есть Текон*». Мистер Найт, не пытайтесь смухлевать. Я предлагаю вам отдать мне справочник.

— Почему бы вам просто не отобрать его силой?

— Вы должны его подарить. Мы ничего не можем у вас отобрать. Мы ничего не можем вам дать.

— Чушь. Вы уплатили Мэйси за аренду этой комнаты.

— Услуги Мэйси были оплачены, но я ничего ему не дал. Он сочтет себя обманутым, но, как вы в дальнейшем поймете, это не так. Все будет улажено без нарушения нормального хода времени.

— Погодите…

— Все это тщательно распланировано. Я поставил на вас, мистер Найт. Я в плену у вашего здравого смысла. Позвольте же мне получить

справочник. Я распущусь… переориентируюсь… и вы никогда больше меня не увидите. *Ворлосс вердаш!* Случай в баре, рассказами о котором вы будете развлекать друзей. Отдайте же мне справочник!

— Так-так, не кладите трубку, — сказал Найт. — Шутка зашла слишком далеко. Опомнитесь. Я…

— Разве это шутка? — перебил его Бойн. — Взгляните на меня.

Почти минуту молодые люди глядели в его белое, как стенка, лицо, сопротивлялись жуткому взору. С губ Найта сбежала улыбочка, а Джейн помимо воли содрогнулась. В дальней комнате бара воцарилось леденящее уныние.

— Боже! — Найт беспомощно оглянулся на Джейн. — Не может быть… но он убедил меня. А тебя?

Джейн решительно кивнула.

— Что нам делать? Если все так, как он говорит, можно ведь отказаться и зажить припеваючи до конца дней.

— Нет, — сдавленным голосом возразила Джейн. — Возможно, книга сулит нам успех и богатство. А если там развод и смерть? Отдай ему справочник.

— Берите, — пробормотал Найт.

Бойн тут же поднялся. Взял сверток и отошел в телефонную будку. Когда вернулся, в одной руке держал три книги, а в другой — сверток поменьше. Положив книги на столик, он постоял мгновение, держа сверток в руке и улыбаясь парочке сверху вниз.

— Благодарю, — произнес он. — Вы помогли уладить опасную ситуацию. Было бы честно отблагодарить вас за это. Нам воспрещается передавать что-либо, способное отклонить существующие потоки времени, но, по крайней мере, одно предсказание будущего я вам оставлю.

Он отступил, грациозно поклонился и добавил:

— Я ваш должник.

После этого он развернулся и направился к выходу из бара.

— Эй! — позвал его Найт. — А как же предсказание?

— У мистера Мэйси, — ответил Бойн и был таков.

Парочка несколько минут безмолвно сидела за столом, будто пробуждаясь ото сна. Когда ощущение реальности начало возвращаться, двое посмотрели друг на друга и покатились со смеху.

— А он меня реально напугал, — заметила Джейн.

— Тут на Третьей авеню еще и не таких встретишь. Ну и представление. Интересно, чего он этим добился?

— Ну… он получил твой справочник.

— Но это же не имеет никакого смысла, — снова рассмеялся Найт. — Весь этот треп про то, как он заплатил Мэйси, но ничего ему не дал. А мне, дескать, станет ясно, что Мэйси на самом деле не одурачили. А это загадочное предсказание будущего?..

Тут ворвался Мэйси и проскочил к задней двери.

— Где он? — заорал Мэйси. — Где этот ворюга? Он назвался Бойном. Надо думать, его настоящее имя Диллинджер!

— Мистер Мэйси, в чем дело? — воскликнула Джейн.

— Где он? — завизжал Мэйси, колотя по двери туалета. — Выходи, мерзавец!

— Он ушел, — сказал Найт. — Он ушел как раз перед вашим приходом.

— А вы тоже хороши, мистер Найт! — наставил Мэйси трясущийся перст на юного адвоката. — Хорошенькая у вас компания, рэкетиры и воры. Стыд какой!

— В чем дело? — спросил Найт.

— Он арендовал всю эту комнату за сто долларов! — гневно возопил Мэйси. — Сто долларов! Я пошел к Берни в ломбард проверить, на всякий случай, и оказалось, что купюра поддельная.

— Ой, это уж слишком, — хихикнула Джейн. — Поддельная?

— Да вы только посмотрите! — Мэйси шлепнул купюру на столик.

Найт внимательно осмотрел ее. Внезапно вся кровь отхлынула от его лица, и он перестал смеяться. Потом полез в задний карман, вытащил чековую книжку и начал дрожащими руками заполнять листок.

— Ты что делаешь? — не поняла Джейн.

— Делаю так, чтобы Мэйси не одурачили, — сказал Найт. — Мистер Мэйси, не беспокойтесь, вы получите свои сто долларов.

— Оливер! Ты спятил? Целых сто долларов…

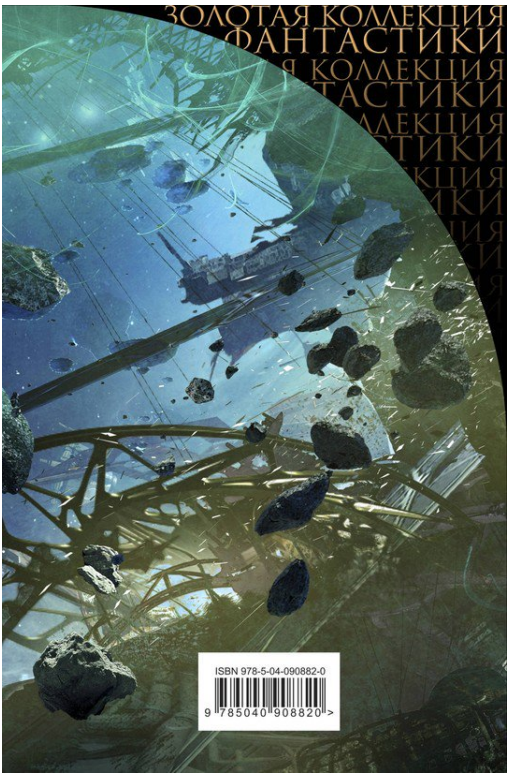
— Я ничего не теряю, — ответил Найт. — *Все будет улажено без нарушения нормального хода времени*! Дьявольские деньги. Дьявольские!

— Не понимаю.

— Посмотри на купюру, — дрожащим голосом предложил Найт. — Посмотри внимательно.

Банкнота была на вид совсем как настоящая, качественно отпечатанная. На них доброжела-

тельно смотрел Бенджамин Франклин — сама подлинность; но в нижнем правом углу значилась серия 1980D. А под этим индексом — подпись: *Оливер Уилсон Найт, секретарь казначейства.*



ISBN 978-5-04-090882-0